FROM THE NO. 1 BESTSELLING AUTHOR

STEPHEN KING

FAIRY TALE

'One of the great storytellers of our time' *Guardian*

Сказка
Стивен Кинг

Аннотация
Стивен Кинг. Сказка
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвёртая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвёртая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Эпилог

Аннотация

В центре истории 17-летний парень Чарли Рид — прилежный ученик, отлично играющий в бейсбол и футбол. Когда Чарли было 10 лет, его мать погибла в автокатастрофе, из-за чего отец стал много пить. Герою пришлось начать заботиться как о себе, так и о своем отце.

Чарли знакомится с загадочным стариком Говардом Боудичем и его собакой по кличке Радар. Говард живет в изолированном большом доме на вершине холма. Чарли начинает помогать старику управляться с домашними делами, а по ходу дела заводит дружбу с Радаром.

Спустя какое-то время Говард умирает, но перед смертью он успевает оставить Чарли кассету с таинственным посланием. Так он раскрыл герою тайну запертого сарая на заднем дворе дома, из которого исходят странные звуки. Оказывается, в сарае портал в другой мир. Чарли и Радар отправляются в портал на поиски и в итоге оказываются замешаны в масштабной войне добра и зла, от

исхода которой зависят судьбы целых миров.

Стивен Кинг
Сказка

«И всегда позволяй своей совести быть твоим проводником».

Голубая Фея

Глава первая

Проклятый мост. Чудо. Вой.

1

уверен, что могу рассказать эту историю. А ещё уверен, что никто в неё не поверит. Я не возражаю. Поведать её — этого вполне достаточно. Проблема в том — и я считаю, многие писатели сталкиваются с ней, не только новички вроде меня, — с чего начать?

Сперва я подумывал о сарае, потому что именно там началось моё приключение, но потом понял, что сначала придётся рассказать о мистере Боудиче и о том, как мы подружились. Только этого никогда бы не произошло, если бы не чудо, случившееся с моим отцом. Можно сказать, такое случалось со многими мужчинами и женщинами с 1935 года, но ребёнку это казалось настоящим чудом.

Только это тоже неподходящий вариант, потому что я не думаю, что моему отцу понадобилось бы чудо, не будь этого проклятого моста. Поэтому с него и нужно начать — с проклятого моста Сикамор-Стрит-Бридж. И теперь, думая обо всём этом, я отчётливо вижу нить, ведущую сквозь годы к мистеру Боудичу и сараю с висячим замком позади его ветхого старого дома в викторианском стиле.

Но нить легко оборвать. Так что это не нить, а цепь. Крепкая цепь. А я был подростком в кандалах, сковывающих его запястья.

2

Река Литтл-Румпл-Ривер протекает через северную оконечность Сентрис-Рест (или как её называют местные: Сентри) и до 1996 года, когда я родился, через неё был перекинут деревянный мост. В тот год госинспекторы из Департамента дорожного транспорта осмотрели его и сочли небезопасным. Мой отец сказал, что жители этой части Сентри знали об этом с 82-го. Мост был рассчитан на грузоподъёмность до десяти тысяч фунтов,[1] но горожане с полностью загруженными пикапами в основном объезжали его стороной, выбирая обходные дороги, что отнимало много времени и нервов. Папа говорил, что даже в машине можно было почувствовать, как под вами дрожат, трясутся и подскакивают доски. Это было опасно, и в этом госинспекторы были правы, но вот, в чём ирония: если бы деревянный мост никогда не заменили стальным, моя мать осталась бы в живых.

---

[1] Примечания: 1
Примерно 4,5 тонны.

Литтл-Румпл — довольно маленькая речка и постройка нового моста не заняла много времени. Деревянный был снесён, а новый мост открыли для движения в апреле 1997-го.

«Мэр перерезал ленточку, отец Коглин благословил эту проклятую штуку, и всё, — сказал мой отец однажды вечером. Тогда он постоянно был в подпитии. — Для нас это было не таким уж благословением, да, Чарли?»

Мост назвали Фрэнк-Эллсворт-Бридж в честь местного героя, погибшего во Вьетнаме, но жители называли его просто Сикамор-Стрит-Бридж. Сикамор-Стрит по обеим сторонам имела ровную и гладкую поверхность, но настил моста — сто сорок два фута[2] в длину — представлял собой стальную решётку, издающую гудящий звук, когда по ней проезжали легковые машины, и грохот, когда по ней двигались грузовики, что теперь стало возможным, так как грузоподъёмность моста увеличилась до шестидесяти тысяч фунтов.[3] Не достаточно для гружённого полуприцепа, но дальнобойщики всё равно никогда им не пользовались.

---

[2] Примечания: 2
Примерно 43 метра.

[3] Примечания: 3
Примерно 27 тонн.

Каждый год в городском совете велись разговоры об асфальтировании моста и добавлении хотя бы одного тротуара, но каждый раз деньги тратились на другие срочные нужды. Не думаю, что тротуар спас бы мою мать, но асфальт мог бы. Теперь этого уже не узнать, не так ли?

Проклятый мост.

3

Мы жили на полпути вверх по Сикамор-Стрит-Хилл, примерно в четверти мили[4] от моста. По другую сторону находился небольшой магазинчик «у дома» под названием «Зип Март». В нём продавались обычные ходовые товары от моторного масла до хлеба и пирожных, но также можно было купить жареную курицу, приготовленную владельцем, мистером Элиадесом (которого в округе называли мистером Зиппи). Курица была именно такой, как гласила вывеска в окне: ЛУЧШАЯ В СТРАНЕ. До сих пор помню её вкус, но я так и не съел ни кусочка после смерти мамы. Кусок встал бы у меня поперек горла.

Однажды в субботу в ноябре 2003 года — городской совет по-прежнему обсуждал асфальти-

---

[4] Примечания: 4
1 миля = примерно 1,6 км.

рование моста и всё ещё решал, что это может подождать до следующего года — моя мама сказала, что собирается дойти до Зиппи, купить нам на ужин жаренную курицу. Мы с отцом смотрели студенческий футбольный матч.

— Лучше возьми машину, — сказал папа. — Собирается дождь.

— Мне нужно размяться, — ответила мама, — но я накину свой плащ Красной Шапочки.

И он был на ней, когда я видел её в последний раз. Дождь ещё не начался и капюшон был опущен, так что мамины волосы рассыпались по плечам. Мне было семь лет, и я считал её рыжие волосы самыми красивыми в мире. Она увидела, что я смотрю на неё через окно, и помахала рукой. Я помахал в ответ, затем переключил своё внимание на телевизор, где зажигала команда Государственного университета Луизианы. Жаль я не задержался у окна, но я не виню себя за это. Никогда не знаешь, что тебе уготовано в жизни, правда?

Случившееся не было моей виной и не было виной отца, хотя я знаю, что он винил себя, думал: *если бы я только поднял свою ленивую задницу и довёз её до чёртового магазина.* И, вероятно, здесь нет вины сантехника, бывшего за рулём

своего грузовика. Полицейские сказали, он был трезв и клялся, что соблюдал скоростной режим: 25 миль в час в нашей жилой зоне. Папа считал, даже если это правда, водитель, должно быть, отвлёкся от дороги, пусть всего и на секунду. Скорее всего, отец был прав. Он работал специалистом по страховым случаям и однажды рассказал мне, что слышал только о единственном настоящем несчастном случае, когда в Аризоне мужчину убил метеорит, попавший ему в голову.

— Всегда есть кто-то виноватый, — сказал отец. — Но это не то же самое, что вина.

— Ты винишь человека, который сбил маму? — спросил я.

Он задумался. Поднёс стакан ко рту и выпил. Это было через шесть или восемь месяцев после смерти мамы, и он почти отказался от пива. К тому времени его другом стал джин «Гилбис».

— Я пытаюсь не винить. И по большей части мне это удаётся, пока не проснусь посреди ночи в пустой кровати. Тогда я виню его.

4

Мама спустилась с холма. В конце тротуара стоял знак. Пройдя мимо знака, она перешла через мост. К тому времени уже начало темнеть и

заморосил дождь. Она зашла в магазин, и Ирина Элиадес (разумеется, известная, как миссис Зиппи) сказала ей, что новая партия курицы будет готова через три минуты, максимум через пять. Где-то на Пайн-Стрит, недалеко от нашего дома, сантехник только что закончил последнюю за субботний вечер работу и складывал инструменты в свой грузовик.

Подоспела курица, горячая, с хрустящей и золотистой корочкой. Миссис Зиппи упаковала восемь порций и дала маме лишнее крылышко, перекусить по дороге домой. Мама поблагодарила её, расплатилась и остановилась посмотреть стойку с журналами. Если бы она не сделала этого, то могла преодолеть весь путь через мост — кто знает? Грузовик сантехника должно быть свернул на Сикамор-Стрит и начал спускаться с холма по дороге, длиной в милю, пока мама просматривала последний выпуск «Пипл».

Она положила журнал на место, открыла дверь и, обернувшись, пожелала миссис Зиппи: «Доброй ночи». Возможно, она закричала, когда поняла, что грузовик вот-вот собьёт её, и только Богу известно, о чём она могла подумать, но это стали последние слова, произнесённые ею. Она вышла на улицу. К тому времени уже шёл сла-

бый, но устойчивый дождь — серебристые линии в свете единственного уличного фонаря по эту сторону моста.

Жуя куриное крылышко, мама вошла на стальной настил моста. Фары выхватили её из темноты и отбросили позади неё длинную тень. Сантехник миновал знак на другой стороне, предупреждающий: ПОВЕРХНОСТЬ МОСТА ЗАМЕРЗАЕТ! СОБЛЮДАЙТЕ ОСТОРОЖНОСТЬ! Смотрел ли он в зеркало заднего вида? Может, проверял сообщения на телефоне? Он отрицал и то и другое, но когда я думаю о том, что случилось с мамой тем вечером, то всегда вспоминаю слова отца о единственном настоящем несчастном случае, о котором он слышал — когда мужчине в голову попал метеорит.

Места там хватало — стальной мост был значительно шире своей деревянной версии. Но свою роль сыграла стальная решётка. Водитель увидел маму на полпути через мост и ударил по тормозам, не потому что гнал (по крайней мере, так он сказал), а чисто инстинктивно. Стальная поверхность уже подмёрзла. Грузовик заскользил, начал вращаться и заваливаться набок. Мама вжалась в перила моста, уронив маленький кусочек курицы. Грузовик прокатился дальше, ударил её,

и она закружилась вдоль перил, как волчок. Не хочу думать о частях тела, которые ей оторвало в том смертельном вращении, но порой я бессилен. Я знаю только, что грузовик в итоге впечатал её в опору моста со стороны «Зип Маркета». Что-то от мамы упало в реку. Большая её часть осталась на мосту.

Я храню в бумажнике нашу с ней фотографию. Её сделали, когда мне было около трёх. Я сижу у неё на коленях. Одной рукой в её волосах. У неё были красивые волосы.

5

В тот год было дерьмовое Рождество. Вы уж поверьте.

Я помню поминки после похорон. Они проходили у нас дома. Я видел отца, встречающего людей и принимающего соболезнования, а потом он куда-то пропал. Я спросил его брата, моего дядю Боба, где он. «Ему нужно прилечь, — ответил дядя Боб. — Он очень измотан, Чарли. Почему бы тебе не сходить на улицу поиграть?»

У меня не было никакого желания играть, но я вышел на улицу. Я прошёл мимо группы взрослых, вышедших наружу покурить и слышал, как один из них сказал: *«Бедолага, напился в стель-*

ку». Даже тогда, глубоко скорбя по своей матери, я понял, о ком они говорят.

До смерти мамы я бы сказал про отца: иногда выпивает. Я был всего лишь маленьким ребёнком, второклассником, так что, полагаю, вы отнесётесь к этому с сомнением, но я так считал. Я никогда не слышал, чтобы у него заплетался язык, он никогда не шатался пьяным по дому, не ходил по барам, и никогда не поднимал руку на меня или маму. Отец приходил домой со своим портфелем, и мама наливала ему выпить, обычно мартини. Она и сама выпивала стаканчик. Вечером, когда мы смотрели телевизор, он мог выпить пару банок пива. Вот и всё.

Всё изменилось после проклятого моста. Отец был пьян после похорон (*в стельку*), пьян на Рождество, пьян в Канун Нового года (который, как я узнал позже, такие люди называют «вечер самодеятельности»). В течении недель, месяцев после того, как мы потеряли маму, он большую часть времени был пьян. В основном дома. Он по-прежнему не ходил по барам («Слишком много таких же придурков, как я», — однажды сказал он), и по-прежнему не поднимал на меня руку, но тяга к алкоголю вышла из-под контроля. Сейчас я это понимаю, но тогда просто принимал. Так

делают дети. И собаки тоже.

Мне пришлось готовить себе завтрак пару дней в неделю, потом четыре, потом почти всё время. Я ел на кухне «Альфа-Битс» или «Эппл-Джекс» и слышал, как он храпит в своей комнате — раскатисто, как моторная лодка. Иногда он забывал побриться перед уходом на работу. После ужина (всё чаще и чаще навынос) я прятал ключи от машины. Если ему нужна была новая бутылка, приходилось идти до Зиппи пешком. Иногда я переживал не собьёт ли его автомобиль на проклятом мосту, но не очень сильно. Я был уверен (почти), что оба моих родителя не могут погибнуть в одном и том же месте. Отец работал в страховой компании, и я представлял, что такое таблицы смертности: расчёт вероятностей.

Отец был хорош в своём деле и больше трёх лет ему сходило с рук его пьянство. Получал ли он предупреждения на работе? Я не знаю, но возможно. Останавливали ли его за неосторожное вождение после полудня, когда начиналось возлияние? Если так, то, видимо, он отделался предупреждением. Скорее всего, потому что он знал всех копов в городе. Сотрудничать с копами было частью его работы.

В течении этих трёх лет был определённый

ритм в нашей жизни. Может, не очень хороший, не из тех, под который хочется танцевать, но вполне сносный. Я возвращался из школы около трёх. Отец появлялся к пяти, уже успев немного принять на грудь и с перегаром изо рта (он не ходил по ночам в бары, но, как я узнал позже, регулярно заглядывал в таверну Даффи по дороге домой из офиса). Он приносил пиццу или тако, или китайскую еду из «Джой Фан». Были вечера, когда он забывал об этом, и мы заказывали… точнее, я заказывал доставку. И после ужина начиналось настоящее возлияние. В основном это был джин. Остальное — если закончился джин. Иногда по вечерам он засыпал перед телевизором. Иногда, спотыкаясь, он плёлся в спальню, оставляя на полу ботинки и мятый пиджак, которые мне приходилось убирать. Время от времени я просыпался и слышал, как он плачет. Довольно страшно слышать такое посреди ночи.

Всё пошло прахом в 2006 году. Шли летние каникулы. В десять утра я играл в Лиге креветок: я сделал два хоум-рана и поймал мяч. Я пришёл чуть позже полудня, и отец уже был дома, сидел в кресле и смотрел телевизор, где старые киношные звёзды устроили дуэль на лестнице какого-то замка. Он был в одних трусах и потя-

гивал прозрачный напиток, который по запаху казался чистейшим джином. Я спросил его: что он делает дома?

Продолжая смотреть за поединком на мечах и почти не запинаясь, он сказал:

— Кажется, я потерял работу, Чарли. Или, как выразился Бобкэт Голдуэйт,[5] я помню, где она, но её делает кто-то другой. Или скоро будет делать.

Я не знал, что сказать, но слова сами вылетели изо рта.

— Потому что ты пьёшь.

— Я собираюсь бросить, — ответил он.

Я молча показал на стакан. Затем я прошёл в свою комнату, захлопнул дверь и начал реветь.

Он постучал в мою дверь.

— Могу я войти?

Я не ответил. Не хотел, чтобы он слышал мои всхлипывания.

— Ну же, Чарли. Я всё вылил в раковину.

Будто я не знал, что бутылка с остатками стоит на кухонном столе. А ещё одна — в винном шкафу. Или две. Или три.

— Ну же, Чарли, что скажешь? — *Скжешь*. Я

---

[5] Примечания: 5

Бобкэт Голдуэйт (60 лет) — американский актёр и режиссёр, известный в России по серии фильмов «Полицейская академия», где сыграл персонажа по имени Зет.

ненавидел это мямленье в его голосе.

— Иди в жопу, пап.

Я никогда в жизни не говорит такого отцу, и вроде как хотел, чтобы он вошёл и отвесил мне пощёчину. Или обнял. Хоть что-то сделал. Вместо этого я услышал, как он прошаркал на кухню, где его дожидалась бутылка «Гилбис».

Когда я наконец вышел, отец спал на диване. Телевизор был включен, но без звука. Показывали очередной чёрно-белый фильм, в этот раз старые машины гоняли по чему-то, похожему на съёмочную площадку. Папа всегда смотрел «Ти-Си-Эм»,[6] когда пил, если только я не был дома и не настаивал на чём-то другом. На кофейном столике стояла почти пустая бутылка. Остатки я вылил в раковину. Я открыл винный шкаф и подумал вылить всё остальное, но глядя на джин, виски, шкалики с водкой и кофейным бренди, — как-то сразу обессилел. Вы не поверите, что десятилетний ребёнок может так обессилеть, но так оно и было.

Я засунул в микроволновку замороженный ужин от «Стауфферс» — «Куриная запеканка

---

[6] Примечания: 6

«Ти-Си-Эм» (англ. TCM) — Turner Classic Movies. Круглосуточный телеканал, показывающий старые фильмы из фильмотеки, основанной компанией Теда Тёрнера Turner Entertainment.

от бабули» была нашим любимым блюдом — и разбудил отца, пока она разогревалась. Он сел, огляделся, будто не понимал где находится, затем начал издавать эти ужасные клокочущие звуки, которых я никогда раньше не слышал. Он доплёлся до ванны, зажимая рот руками, и я услышал, как его вырвало. Казалось, этот процесс никогда не прекратится, но всё же наступил конец. Микроволновка звякнула. Я достал запеканку с помощью прихваток, на левой была надпись: ВКУСНО ГОТОВЛЮ, на правой: ВКУСНО ЕМ — один раз забудете воспользоваться такими прихватками, когда достаёте что-то горячее из духовки, и будете помнить о них всегда. Я разложил немного еды по тарелками и пошёл в гостиную, где папа сидел на диване с опущенной головой, обхватив ладонями шею.

— Сможешь поесть?

Он посмотрел на меня.

— Может быть. Если принесёшь аспирин.

В ванной воняло джином и чем-то ещё, возможно, бобовым соусом, но, по крайней мере, он донёс всё до унитаза и смыл. Я побрызгал «Глейдом», затем принёс отцу баночку аспирина и стакан воды. Он выпил три таблетки и поставил стакан туда, где раньше стояла бутылка «Гилбис». Он по-

смотрел на меня с таким выражением, которого я никогда не видел даже после смерти мамы. Мне неприятно это говорить, но я скажу, потому что именно так я тогда подумал: отец выглядел, будто пёс, нагадивший на полу.

— Я смогу поесть, если ты обнимешь меня.

Я обнял его и сказал, что сожалею о своих словах.

— Всё в порядке. Пожалуй, я заслужил это.

Мы пошли на кухню и съели столько бабулиной запеканки, сколько смогли, хотя её было немного. Складывая тарелки в раковину, папа сказал мне, что собирается бросить пить, и действительно в тот уикенд он больше не пил. Сказал, что в понедельник пойдёт искать работу, но не пошёл. Остался дома, смотрел старые фильмы по «Ти-Си-Эм», и когда я пришёл с бейсбольной тренировки и плавания, он уже порядком напился.

Он увидел, что я смотрю на него и лишь покачал головой.

— Завтра. Завтра. Честное слово.

— Хрен там, — сказал я и ушёл в свою комнату.

6

Это было худшее лето моего детства. *Было ли оно хуже, чем после смерти матери?* — спросите

вы, и я отвечу «да», потому что у меня остался только один родитель и всё это происходило будто в замедленной съёмке.

Папа и правда предпринял нерешительные попытки найти работу в страховом бизнесе, но у него ничего не получилось, даже когда он побрился, принял ванну и приоделся для пущей удачи. Думаю, уже пошли слухи.

Счета приходили и громоздились стопкой на столе в прихожей нераспечатанными. По крайней мере, он их не распечатывал. Я открывал конверты, когда стопка становилась слишком высокой. Выкладывал счета перед отцом, а он подписывал чеки на уплату. Я не знал, когда эти чеки начнут возвращаться с пометкой «НЕДОСТАТОЧНО СРЕДСТВ», и не хотел знать. Это было все равно, что представлять себя стоящим на мосту, когда на тебя несется неуправляемый грузовик. Гадать, какими будут твои последние мысли, когда он раздавит тебя насмерть.

Отец устроился на неполный рабочий день на автомойку «Джиффи» возле платной магистрали. Через неделю он уволился, либо его уволили. Он не сказал мне, а я не спросил.

Я попал в «звёздную» команду Лиги креветок, но мы проиграли в первых двух играх турнира с

двойным выбыванием. Во время сезонных игр я сделал шестнадцать хоум-ранов. Я был лучшим отбивающим в «Стар Маркет», но в этих двух играх я семь раз выбил в аут, один мяч ушёл в грунт и ещё один пролетел так высоко над головой, что пришлось бы ловить его с помощью лифта. Тренер спросил, что со мной случилось, и я ответил ничего, ничего, просто оставьте меня в покое. Я также творил всякие пакости — иногда с другом, иногда в одиночку.

И не очень хорошо спал. Мне не снились ночные кошмары, как после смерти мамы; я просто не мог уснуть, иногда до полуночи или до часу. Я начал разворачивать часы, чтобы не видеть цифр.

Не то чтобы я ненавидел своего отца (хотя уверен, что со временем пришёл бы к этому), но испытывал к нему презрение. *Слабак, слабак*, думал я, лежа на кровати и слыша его храп. И разумеется я гадал, что с нами будет. Долг за машину был выплачен, это хорошо, но за дом — нет, и размер платежей приводил меня в ужас. Сколько пройдёт времени, прежде чем отец не сможет покрывать ежемесячные траты? А этот момент определённо наступит, потому что оставалось ещё девять лет ипотеки, и не было никаких шан-

сов, что его доходы продержатся так долго.

«Бездомные, — подумал я. — *Банк отберёт дом, как в „Гроздьях гнева“,*[7] *и мы станем бездомными».*

Я видел бездомных в центре города, их было много, и когда я не мог заснуть, вспоминал их. Я много думал об этих городских скитальцах. Одетые в старые тряпки, которые мешком висели на тощих из них, или обтягивали полных. Кроссовки, перемотанные скотчем. Гнутые очки. Длинные волосы. Шальные глаза. Запах перегара. Я представлял нас, спящих в машине возле старых депо или на парковке «Уолмарта» среди домов на колёсах. Представлял отца, толкающего перед собой магазинную тележку, набитую тем, что у нас осталось. И всегда видел в этой тележке свой будильник. Не знаю, почему это ужасало меня, но так оно и было.

Довольно скоро я бы вернулся в школу, не важно бездомный или нет. Некоторые из парней в моей команде, вероятно, стали бы называть меня Чарли-Бей-В-Аут. Это лучше, чем Чарли-Сынок-Алкаша, но как быстро они соединили бы это вместе? Люди на нашей улице уже знали, что

---

[7] Примечания: 7

«Гроздья гнева» — роман Джона Стейнбека, опубликованный в 1939 году. Кстати, офигенный. И не только он. Всем советую.

Джордж Рид больше не ходит на работу, и почти наверняка знали, почему. Я не обманывался на этот счёт.

Мы не были частыми гостями в церкви, или вообще религиозными в каком-либо общепринятом смысле. Как-то раз я спросил маму, почему мы не ходим в церковь — потому что она не верит в Бога? Она ответила, что верит, но ей не нужен священник (хоть батюшка, хоть раввин), чтобы показать, как верить в Него. Сказала, что ей нужно всего лишь открыть глаза и оглядеться. Папа заявил, что воспитывался баптистом, но перестал посещать церковь, когда та стала интересоваться политикой больше, чем Нагорной проповедью.

Но однажды вечером, за неделю до начала учебного года, мне захотелось помолиться. Желание было настолько сильным, что граничило с одержимостью. Я опустился на колени рядом со своей кроватью, сложил руки, крепко зажмурил глаза и помолился, чтобы мой отец бросил пить. «Кто бы Ты ни был, если Ты сделаешь это для меня, я сделаю что-нибудь для Тебя, — произнёс я. — Обещаю и надеюсь, что умру, если не сдержу слово. Покажи мне, чего Ты хочешь, и я сделаю это. Клянусь».

Затем я забрался в постель и в ту ночь проспал

до самого утра.

7

До того, как его уволили, папа работал в «Оверлэнд Нэшнл Иншуранс». Это довольно крупная компания. Вы, наверное, видели их рекламу с говорящими верблюдами Биллом и Джил. Очень смешная. Папа говорил: «Все страховые компании используют „ха-ха-ха“-рекламу, чтобы привлечь внимание, но смех прекращается, как только застрахованное лицо заявляет свои права. Здесь-то и происходит мой выход. Я — *оценщик* страховых убытков, а это означает, — но никто не говорит этого вслух, — что я должен сбить договорную сумму. Иногда я так и делаю, но вот один секрет: я всегда начинаю на стороне заявителя. Если, конечно, не найду причин против этого, вот так».

Штаб-квартира «Оверлэнд» на Среднем Западе находится на окраине Чикаго, в «Страховой Аллее», как её назвал папа. В те дни, когда он ходил на работу, он добирался до неё из Сентри за сорок минут — за час, если был плотный траффик. В одном здании работало не меньше сотни оценщиков, и как-то раз в сентябре 2008-го один из них, с которым отец обычно имел дело, пришёл

к нам в гости. Звали его Линдси Франклин. Папа называл его Линди. Это было во второй половине дня, я сидел за кухонным столом и делал уроки.

Тот день начался незабываемо дерьмово. В доме всё ещё невыносимо пахло дымом, хотя я везде попрыскал «Глэйдом». Папа решил приготовить на завтрак омлет. Бог его знает, почему он поднялся в шесть утра и почему решил, что мне нужен омлет, но он отошёл в туалет или к телевизору и забыл о сковородке. Без сомнения, всё ещё был полупьян после прошлого вечера. Я проснулся от рёва датчика дыма, пулей побежал на кухню в нижнем белье и увидел поднимающиеся клубы дыма. То, что лежало на сковородке, напоминало обугленные опилки.

Я сгрёб всё это в измельчитель и позавтракал колечками «Аппл Джекс». Папа всё ещё был в фартуке и выглядел глупо. Он попытался извиниться, и я что-то пробормотал в ответ — просто, чтобы он замолк. Что я помню об этих неделях и месяцах, так это то, что он постоянно пытался извиниться и это очень раздражало меня.

Но также это был незабываемо хороший день, один из лучших, из-за того, что случилось позже. Вы, должно быть, уже поняли, но я всё же расскажу, потому что я никогда не переставал любить

своего отца, даже когда он мне не нравился, и эта часть истории делает меня счастливым.

Линди Франклин работал в «Оверлэнде». А также был алкоголиком, вставшим на путь исцеления. Он не из тех страховщиков, которые были особенно близки с моим отцом, вероятно, потому что Линди никогда не захаживал в таверну «Даффи» вместе с приятелями после работы. Но он знал, почему отец потерял работу и решил что-нибудь предпринять по этому поводу. Хотя бы попытаться. Он сделал то, что называлось, как я узнал позже, «визитом двенадцатого шага». У него было назначено несколько встреч по заявлениям в нашем городе, и как только он с ними закончил, под влиянием момента решил заехать к нам. Позже Линди сказал, что почти передумал, потому что у него не было поддержки (выздоравливающие алкоголики обычно совершают визит двенадцатого шага в паре, примерно, как мормоны), но потом решил: «какого чёрта», и посмотрел наш адрес в телефоне. Я не люблю думать, что случилось бы с нами, если бы он не пришёл. Я никогда не оказался бы в сарае мистера Боудича, это уж точно.

На мистере Франклине был костюм и галстук, модная причёска. Папа — небритый, в расстёгну-

той рубашке, босиком — представил нас. Мистер Франклин пожал мою руку, сказал, что рад познакомиться, затем предложил мне прогуляться, чтобы он мог поговорить с отцом наедине. Я с готовностью согласился, но после неудачного завтрака окна на кухне были всё ещё открыты, и я слышал довольно много из того, что говорил мистер Франклин. Особенно запомнились две вещи. Папа сказал, что пьёт, потому что ему всё ещё сильно не хватает Джейни. А мистер Франклин ответил: «Если бы выпивка вернула её, я был бы за. Но это невозможно, и что бы она сказала, увидев, как вы с сыном живёте?»

А ещё он сказал: «Разве ты не болен и не измучен от того, что болен и измучен?» После этого отец расплакался. Обычно я ненавидел это (*слабак, слабак*), но сейчас подумал, что эти слёзы были другими.

8

Вы уже знали всё это, и, вероятно, знаете оставшуюся часть истории. Уверен, так и есть, если вы тоже пытались завязать или знаете того, кто в завязке. Тем вечером Линди Франклин отвёл

папу на встречу АА.[8] Когда они вернулись, мистер Франклин позвонил своей жене и сказал, что останется на ночь у друга. Он спал на нашем раскладном диване и утром, к семи, отвёл папу на собрание под названием «Трезвый рассвет». Так начались регулярные собрания отца, где он получил значок первого года АА. Я прогулял школу, чтобы выдать ему значок, и в тот раз я был тем, кто расплакался. Но никто не возражал — на тех собраниях пролилось немало слёз. Папа потом обнял меня, и Линди тоже. К тому времени я называл его по имени, потому что он часто был рядом. Он был поручителем отца в этой программе.

Это было чудо. Теперь я много знаю об АА, и знаю, что подобное происходит с мужчинами и женщинами во всём мире, но всё равно случившееся кажется мне чудом. Папа получил значок не ровно через год после двенадцатого шага Линди, потому что пару раз срывался, но признался в этом и люди из АА сказали то, что всегда говорят: «продолжай возвращаться». И он возвращался, в последний раз оступившись — единственное пиво из упаковки, которую он вылил в раковину

---

[8] Примечания: 8
Анонимные алкоголики.

— как раз перед Хэллоуином 2009 года. Когда Линди разговаривал с отцом в первую годовщину, он сказал, что многим людям предлагают программу, но они не принимают её. Сказал, что отец стал одним из счастливчиков. Возможно, это было правдой, возможно, моя молитва была лишь совпадением, но я верил, что это не так. В АА вы можете верить во что хотите. Так написано в том, что выздоравливающие алкоголики называют Большой Книгой.

И у меня было обещание, которое я должен был сдержать.

9

Единственные собрания, на которых я присутствовал, это папины юбилейные встречи, но как я сказал, Линди часто был рядом, и я подхватил большую часть лозунгов, которые выкрикивают члены АА. Например, «маринованный огурец нельзя сделать обратно свежим» и «Бог не создаёт мусор», но больше всего мне запомнился тот, что однажды вечером Линди сказал папе, когда тот сокрушался о неоплаченных счетах и страхе потерять дом, и который я использую и по сей день. Линди говорил папе, что его трезвость — это чудо. Затем добавил: «Но чудеса — это не магия».

Через полгода трезвости папа снова подал заявление в «Оверлэнд», и с поддержкой Линди Франклина и нескольких других коллег — включая старого босса, который уволил его — он вернул себе работу, но оставался на испытательном сроке и знал это. Что заставило его работать в два раза усердней. Затем осенью 2011-го (после двух лет трезвости), у него с Линди был разговор, который тянулся так долго, что Линди снова заночевал на нашем раскладном диване. Папа сказал, что хочет открыть своё дело, но не решится без благословения Линди. После заверений, что он не начнёт снова пить, если его бизнес прогорит — по крайней мере, после всех возможных заверений; трезвость — это не ракетостроение, — Линди ответил ему: вперёд, попытай удачу.

Папа усадил меня рядом и объяснил, что это значит: работать вне сети.

— Итак, что ты думаешь?

— Думаю тебе стоит сказать adios этим говорящим верблюдам, — ответил я, отчего он рассмеялся. Затем я добавил то, что должен был. — Но, если ты опять начнёшь пить, то завалишь дело.

Две недели спустя он поставил в известность «Оверлэнд», и в феврале 2012-го в его маленьком офисе на Мэйн-Стрит появилась вывеска:

«Джордж Рид, дознаватель и независимый оценщик страховых убытков».

Отец не проводил много времени в этой дыре, в основном топтал ботинки. Разговаривал с копами, беседовал с поручителями («Всегда дают зацепки», — говорил он), но в основном общался с адвокатами. Многие знали его по работе в «Оверлэнд», и знали, что ему можно доверять. Они подкидывали ему работу — самую сложную, когда крупные компании резко снижали договорную сумму, либо вообще отказывали заявителю в выплате. Папа подолгу работал, долгими часами. Почти каждый вечер я приходил в пустой дом и сам готовил себе ужин. Я был не против. Поначалу, когда папа наконец возвращался, я обнимал его и тайком принюхивался к дыханию на предмет незабываемого амбре джина «Гилбис». Но спустя какое-то время, я начал обнимать его просто так. И он редко пропускал собрания «Трезвого рассвета».

Иногда по субботам к нам заходил Линди, обычно принося обед с собой, и мы втроём смотрели «Медведей» по телеку, или «Уайт Сокс», если был бейсбольный сезон. В один из таких дней отец сказал, что бизнес растёт с каждым месяцем. «Рос бы быстрее, если бы я чаще вставал на сторону

заявителя в „поскользнулся-упал“-делах, но многие из них дурно пахнут».

— Мне-то не рассказывай, — сказал Линди. — Да, ты получаешь быструю прибыль, но в итоге эта работа укусит тебя за задницу.

Незадолго до моего последнего класса в Хиллвью-Хай, папа сказал, что нам надо серьёзно поговорить. Я приготовился к лекции о подростковом пьянстве, или к разговору о той хрени, которой мы с моим другом Берти Бёрдом занимались в годы (и какое-то время после) его пьянства, но не это было у отца на уме. Поговорить он хотел о школе. Он сказал, что я должен постараться, если хочу попасть в приличный колледж. *Хорошо* постараться.

— Мой бизнес работает. Сначала было страшно, пришлось занять денег у брата, но долг я почти вернул и думаю скоро буду твёрдо стоять на ногах. Телефон часто звонит. Но если говорить о колледже… — Он помотал головой. — Я не думаю, что смогу тебе сильно помочь, по крайней мере, в начале. Нам чертовски повезло, что мы платёжеспособны. В этом моя вина. Я делаю всё возможное, чтобы разрулить ситуацию…

— Я знаю.

— …но тебе придется помочь себе. Тебе нужно

работать. Тебе нужно набрать высокий балл по тестам.

В декабре я планировал сдать экзамен на способности, но промолчал об этом. Папа был на своей волне.

— И тебе стоит подумать о кредитах, но только в крайнем случае — эти кредиты будут долгое время преследовать тебя. Подумай о стипендиях. И занимайся спортом, это также прямая дорога к стипендии, но в основном — это оценки. Оценки, оценки, оценки. Я не хочу видеть, как ты читаешь прощальную речь на выпускном, я хочу видеть тебя в первой десятке. Ты понял?

— Да, отец, — сказал я, и он шутя шлёпнул меня.

10

Я усердно учился и получал хорошие оценки. Осенью я играл в футбол, а весной в бейсбол. В десятом классе я добился успеха в обоих видах спорта. Тренер Харкнесс хотел, чтобы я также занялся баскетболом, но я ответил «нет». Сказал, что мне нужно хотя бы три месяца в году на что-нибудь другое. Тренер ушёл, качая головой по поводу печального состояния молодёжи в этот век деградации.

Иногда я ходил на танцы. Иногда целовал девушек. Обзавёлся хорошими друзьями — в основном спортсмены, но не все. Открыл для себя несколько металл-групп, которые мне нравились, и врубал их музыку погромче. Папа никогда не возражал, но на Рождество подарил ирподсы. В будущем меня ждали ужасные вещи — со временем я расскажу о них, — но ничего из тех ужасов, что я представлял, лёжа на кровати без сна. Дом всё ещё был наш и мой ключ подходил ко входной двери. И это было хорошо. Если вы когда-нибудь представляли себе холодные зимние ночи, проведённые в машине или в приюте для бездомных, то вы знаете, о чём я говорю.

И я никогда не забывал об уговоре с Богом. *Если Ты сделаешь это для меня, я сделаю что-нибудь для Тебя*, сказал я. Стоя на коленях. *Просто покажи, что Ты хочешь, и я сделаю это. Клянусь.* Это была детская молитва, несуразная, но часть меня (большая часть) так не думала. И не думает до сих пор. Я считал, что моя молитва была услышана, прямо как в одном из тех банальных фильмов, которые показывают между Днём благодарения и Рождеством. Это значило, что я должен выполнить свою часть уговора. Считал, если не выполню, Бог заберёт чудо, и папа снова начнёт

пить. Стоит помнить, что старшеклассники — не важно насколько рослые парни и насколько красивые девушки — всё равно во многом, как дети.

Я пытался. Несмотря на то, что дни были не просто полны школьными и внешкольными занятиями, но переполнены ими, я делал всё возможное, чтобы отдать то, что был должен.

Я присоединился к «Кей Клаб» в программе «Возьмись-за-шоссе». Им было выделено две мили шоссе № 226, которое по сути представляет из себя лес заведений быстрого питания, мотелей и заправок. Вероятно, я собрал миллион коробок от биг-маков, два миллиона пивных банок, и не меньше дюжины пар выброшенного нижнего белья. Однажды на Хэллоуин я нацепил дурацкий оранжевый джемпер и отправился собирать пожертвования для UNICEF. Летом 2012-го я сидел за столом регистрации избирателей в центре города, хотя мне оставалось ещё полтора года до возможности голосовать самому. А по пятницам после тренировки я помогал отцу в офисе, заполняя бумаги и занося информацию в компьютер — обычная унылая рутина, — пока на улице темнело, и мы ели пиццу от Джованни прямо из коробки.

Папа сказал, что всё это будет отличным допол-

нением к заявлению в колледж, и я согласился с ним, но не признался, почему это делаю. Я не хотел, чтобы Бог решил, что я не справляюсь, но порой мне казалось я слышу небесный шёпот неодобрения: *Недостаточно хорошо Чарли. Ты и правда думаешь, что уборка мусора — это та плата за хорошую жизнь, которая настала для вас с отцом?*

Что подводит меня — наконец-то — к апрелю 2013-го, когда мне было семнадцать. И к мистеру Боудичу.

11

Старая добрая школа Хиллвью-Хай! Сейчас мне кажется, что это было так давно. Зимой я ездил на автобусе, сидя сзади с Энди Ченом, моим другом с начальных классов. Энди продолжал играть в баскетбол за университет Хофстра. Берти тогда уже не было, он уехал. Что стало некоторым облегчением. Бывает такая штука, когда хороший друг одновременно и плохой друг. По правде говоря, мы с Берти были плохими друг для друга.

Осенью и весной я ездил на велике, потому что мы жили в холмистом городе, и это был хороший способ укрепить мышцы ног и спины. А ещё это давало время на размышления, и я мог побыть

один, что мне нравилось. Возвращаясь домой из ХВХ, я ехал по Плэйн-Стрит через Гофф-Авеню, потом по Уиллоу-Стрит через Пайн. Пайн-Стрит пересекалась с Сикамор на вершине холма, который спускался к проклятому мосту. А на углу Пайн и Сикамор стоял Психо-дом, названный так Берти Бёрдом, когда нам было по десять или одиннадцать лет.

На самом деле это был дом мистера Боудича, имя указано прямо на почтовом ящике, выцветшее, но всё ещё читаемое, если прищуриться. Но Берти не был далёк от сути. Мы все видели этот фильм (наряду с другими такими же обязательными к просмотру одиннадцатилеткам, как «Изгоняющий дьявола» и «Нечто»), и дом поистине был похож на тот, где жил Норман Бэйтс со своей мумифицированной матерью. Он не походил ни на один маленький аккуратный дуплекс или ранчо на Сикамор и в остальной части нашего района. Психо-дом представлял собой несуразное здание в викторианском стиле, когда-то бывшее белым, но сейчас потемневшее до серого. Вдоль всего участка тянулся древний штакетник, местами накренившийся вперёд, а где-то подавшийся назад. Ржавая калитка высотой по пояс перегораживала разбитую брусчатку дорожки. Лужайка

по большей части заросла сорняками. Крыльцо выглядело так, словно медленно отделялось от дома. Все шторы задёрнуты, что по словам Энди Чена было бессмысленно, потому что окна слишком грязны, чтобы хоть что-то разглядеть через них. Из высокой травы наполовину торчал знак: ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН. На калитке был знак размером побольше: ОСТОРОЖНО, СОБАКА.

У Энди имелась история об этой собаке, немецкой овчарке по кличке Радар, как у парня из «Госпиталя МЭШ». Мы все слышали собаку (не зная, что Радар — она), и видели только мельком, но Энди был единственным, кто столкнулся с ней нос к носу. Сказал, что как-то раз остановил свой велик, потому что почтовый ящик мистера Боудича был открыт и так сильно набит всякой ненужной макулатурой, что часть её выпала на тротуар и разлетелась по сторонам.

— Я собрал весь этот мусор и запихал его обратно к остальному мусору, — сказал Энди. — Я просто хотел оказать услугу, мать его. Вдруг я слышу рычание и лай, похожий на *ЙЯББА-ЙЯББА-РОУ-РОУ*, поднимаю глаза и тут появляется этот блядский пёс, который весит *не меньше* ста два-

дцати фунтов,[9] все зубы в слюнях, с *красными,* блядь, глазами.

— Конечно, — сказал Берти. — Собака-монстр. Как Куджо в том фильме. Тоооочно.

— Так и *было*, — сказал Энди. — Богом клянусь. Если бы старикан не крикнул на него, пёс бы пролетел прямо сквозь калитку. Настолько древнюю, что ей не помешала бы «Медикур».

— «Медикэр»,[10] — сказал я.

— Без разницы. Но старик вышел на крыльцо и крикнул: «Радар, лежать!», пёс упал прямо на брюхо. Только он не переставал смотреть на меня и рычать. Потом дед подходит — и пёс подходит. «Что ты там делаешь мальчик? Ты воруешь мою почту?» Я говорю: «Нет, сэр, она выпала, и я всё собрал. Ваш почтовый ящик переполнен, сэр». Он подходит — пёс следом. «Я сам позабочусь о своём почтовом ящике, проваливай отсюда». Что я и сделал. — Энди покачал головой. — Этот пёс разорвал бы мне глотку. Я знаю.

Я был уверен, что Энди преувеличивает, есть у него такая привычка, но в тот вечер я спросил отца о мистере Боудиче. Папа сказал, он мало

---

[9] Примечания: 9
120 фунтов — примерно 54,5 кг.

[10] Примечания: 10
Программа бесплатной медпомощи для людей от 65-ти лет.

что знает о нём, только то, что тот слыл вечным холостяком и жил в этой развалине ещё до папиного появления на Сикамор-Стрит двадцать пять лет назад.

— Твой друг Энди не единственный, на кого он накричал, — сказал папа. — Боудич известен своим отвратительным характером и своей не менее отвратительной овчаркой. Городской совет был бы рад его смерти, чтобы снести дом, но пока что он с нами. Я разговариваю с ним, когда вижусь — что случается редко — и он кажется вполне культурным, но я-то взрослый. У некоторых пожилых людей аллергия на детей. Мой тебе совет, Чарли: держись от него подальше.

Что было не трудно до того дня в апреле 2013-го. О котором я сейчас вам расскажу.

12

По пути домой после бейсбольной тренировки я остановился на углу Пайн и Сикамор, снял левую руку с руля велосипеда и встряхнул её. Рука всё ещё была покрасневшей и пульсировала после дневных тренировок в зале (поле пока было слишком размыто, чтобы играть). Тренер Харкнесс — который учил играть не только в бейсбол, но и в баскетбол — поставил меня на первой базе,

пока несколько других парней, пробовавшихся на место питчера, отрабатывали броски. Некоторые из них бросали по-настоящему жёстко. Не скажу, что тренер мстил мне за отказ играть в баскетбол — в прошлом сезоне «Ежи» проиграли со счётом 5-20, — но и не скажу обратного.

Покосившийся и хаотично выстроенный старый викторианский дом мистера Боудича был по правую руку от меня и с этого места казался Психо-домом как никогда. Я взялся за левую ручку руля, готовый снова ехать, когда услышал собачий вой. Он доносился из-за дома. Я представил собаку-монстра, которую описал Энди, с большими зубами и красными глазами над слюнявой челюстью, но это было не *ЙЯББА-ЙЯББА-РОУ-РОУ* злобного атакующего животного; это звучало скорбно и испуганно. Может быть, даже в отчаянии. Я вспоминал об этом и гадал, не ретроспективный ли это взгляд на прошлое, и решил, что нет. Потом вой повторился. А потом в третий раз, но тише и как бы затухающе, будто животное, издававшее его, решило, *какой в этом прок*.

Затем гораздо тише, чем предыдущий, раздался новый вопль: «Помогите».

Если бы не эти завывания, я бы спустился с

холма к моему дому и выпил стакан молока с печеньем, довольный как тюлень. Что могло бы плохо кончиться для мистера Боудича. Вечерело, тени удлинились и это был чертовски холодный апрель. Мистер Боудич мог пролежать там всю ночь.

Я получил похвалу за его спасение — ещё одну золотую звезду к заявлению в колледж, если я отброшу скромность, как сказал отец, и приложу газетную статью, которая вышла неделей позже, — но это не я заслужил похвалу, не совсем.

Это Радар и её отчаянный вой.

Глава вторая

Мистер Боудич. Радар. Вечер в Психо-доме.

1

свернул на Сикамор-Стрит к калитке и прислонил велосипед к покосившемуся штакетнику. Калитка — низкая, едва доходящая мне до пояса, — не открывалась. Заглянув за неё, я увидел засов, такой же ржавый, как калитка, которую он запирал. Я дёрнул за него, но он держался намертво. Собака снова завыла. Я скинул рюкзак, который был набит книгами, и использовал его как подножку. Перелез через калитку, стукнувшись одним коленом о табличку «ОСТОРОЖНО, СОБАКА», а вторым, когда кроссовок зацепился за верх. Я гадал, смогу ли перепрыгнуть обратно на тротуар, если пёс решит наброситься на меня, как на Энди. Мне вспомнилось старое клише о том, что от страха растут крылья, и я надеялся, что не придётся это проверять. Моим спортом были футбол и бейсбол — прыжки в высоту я оставил легкоатлетам.

Я побежал за дом, высокая трава хлестала по штанинам. Не думаю, что я обратил внимание на сарай, не в тот раз, потому что по большей части высматривал пса. Он был на заднем крыльце. Энди Чен сказал, что он должно быть весит сто двадцать фунтов — возможно, если ты маленький

ребёнок, у которого выпускной класс ещё далеко впереди, но пёс, которого я увидел, не мог весить больше шестидесяти или семидесяти. Он был тощим, с проплешинами в шёрстке, с растрёпанным хвостом и поседевшей мордой. Пёс увидел меня, начал спускаться по шатким ступенькам и чуть не упал, стараясь не наступить на распростёртого на них человека. Он направился ко мне, но не с намерением атаковать, а прихрамывая, будто у него был артрит.

— Радар, лежать, — сказал я. Вообще-то я не ожидал, что он подчинится, но пёс лёг брюхом в сорняки и начал скулить. Я всё равно обошёл его по широкой дуге, направляясь к заднему крыльцу.

Мистер Боудич лежал на левом боку. На его ноге под штанами цвета хаки над правым коленом появилась шишка. Не обязательно быть врачом, чтобы понять, что нога сломана и, судя по выпуклости, перелом очень серьёзный. Я не мог сказать, сколько лет мистеру Боудичу, но он был довольно стар. Его волосы почти побелели, хотя в молодости он должно быть был рыжеволосым, потому что всё ещё проглядывали рыжие пряди; казалось, будто они были покрыты ржавчиной. Морщины на щеках и вокруг рта были настолько

глубокими, что походили на борозды. Было холодно, но на лбу у него выступили капельки пота.

— Не помешает помощь, — сказал он. — Упал со сраной лестницы. — Мистер Боудич попытался указать на неё. Для этого ему пришлось шевельнуться, отчего он застонал.

— Вы звонили в 911? — спросил я.

Он посмотрел на меня, как на идиота.

— Телефон *в доме*, парень. А я *здесь*.

Я понял это только позже: у мистера Боудича не было мобильного телефона; он никогда не видел необходимости его приобрести, и едва представлял, что это такое.

Он снова попытался шевельнуться и стиснул зубы.

— *Господи,* как больно.

— Тогда лучше не двигайтесь, — сказал я.

Я набрал 911 и сказал им, что на угол Пайн и Сикамор нужна «скорая», потому что мистер Боудич упал и сломал ногу. Сказал, что перелом выглядит плохо. Я видел кость, торчащую из штанины, а его колено сильно распухло. Диспетчер спросила номер дома, а я переспросил у мистера Боудича.

Он опять одарил меня этим «ты-родился-дебилом?» взглядом и сказал: «Номер 1».

Я передал адрес девушке, и она сказала, что

немедленно высылает «скорую». Попросила остаться с ним и не дать ему замёрзнуть.

— Он весь вспотел, — сказал я.

— Если перелом настолько плох, как вы говорите, сэр, то, вероятно, это шок.

— Ммм, ясно.

Радар прихрамывая отступил назад, прижав уши и рыча.

— Прекрати, девочка, — сказал Боудич. — Ложись.

Радар — *она*, а не *он* — будто бы с облегчением легла на живот рядом с крыльцом и начала тяжело дышать.

Я снял свою «буквенную» куртку[11] и стал прикрывать ею мистера Боудича.

— Какого хрена ты делаешь?

— Нужно, чтобы вам было тепло.

— Мне *и так* тепло.

Но я видел, что это неправда, потому что он начал дрожать. Мистер Боудич опустил подбородок и взглянул на мою куртку.

— Ты старшеклассник?

— Да, сэр.

---

[11] Примечания: 11

Всем известные куртки с гигантскими буквами на спине, которые носят американские школьники и студенты, занимающиеся спортом. У них они называются «буквенными куртками».

— Красный с золотым. Стало быть — Хиллвью.

— Да.

— Занимаешься спортом?

— Футболом и бейсболом.

— «Ежи». Что за… — Он попытался шевельнуться и вскрикнул. Радар навострила уши и взглянула на него с беспокойством. — Что за дебильное название.

Я не мог не согласиться.

— Лучше постарайтесь не двигаться, мистер Боудич.

— Ступеньки повсюду впиваются в тело. Стоило остаться на земле, но я думал смогу добраться до крыльца. Потом подняться в дом. Должен был попытаться. Скоро здесь будет охеренно холодно.

Я подумал, что уже охеренно холодно.

— Рад, что ты пришёл. Полагаю, ты услышал вой девочки.

— Сначала её, потом вас, — сказал я. Я осмотрел крыльцо. Увидел дверь, но не думаю, что он смог бы дотянуться до ручки, не встав на здоровое колено. В чём я сильно сомневался.

Мистер Боудич проследил за моим взглядом.

— Собачья дверь, — сказал он. — Думал, может, смогу пролезть через неё. — Он поморщился. — Полагаю у тебя нет никаких обезболивающих?

Аспирин или что покрепче? Ты же спортсмен и всё такое.

Я помотал головой. Я услышал слабый, очень слабый звук сирены.

— Ну а у вас? Есть что-нибудь?

Он помедлил, затем кивнул.

— Внутри. Иди прямо по коридору. Рядом с кухней есть маленькая ванная. Кажется, там в аптечке есть пузырёк «Эмпирина». Но не трогай всё остальное.

— Не буду, — Я знал, что он стар и испытывал боль, но был обескуражен этим намёком.

Он протянул руку и схватил меня за рубашку: «Не вынюхивай там».

Я отстранился: «Сказал же, что не буду».

Я поднялся по ступенькам. Мистер Боудич скомандовал: «Радар! Иди с ним!»

Радар прихрамывая поднялась по ступенькам, дожидаясь пока я открою дверь, вместо того, чтобы воспользоваться откидной заслонкой в нижней панели. Она следовала за мной по тускло освещённому и в некотором роде удивительному коридору. Одна сторона была завалена старыми журналами, собранными в пачки, перевязанные бечёвкой. Некоторые я узнал, как «Лайф» и «Ньюсвик», но были и другие — «Коллиерс»,

«Диг», «Конфиденшнл» и «Олл-Мэн», — о которых я никогда не слышал. Другая сторона заставлена книгами, в основном старыми с этим характерным для старых книг запахом. Вероятно, не всем нравится этот запах, но я не имел ничего против. Запах затхлости, но приятный.

Кухня была полна старой утвари. Плита «Хотпоинт», фарфоровая раковина с ржавым от нашей жёсткой воды сливом, краны со старинными ручками-барашками, линолеум на полу настолько изношен, что невозможно разобрать рисунок. Но помещение было аккуратным, как с иголочки. В сушилке лежала одна тарелка, чашка и набор столового серебра: нож, вилка, ложка. Мне стало как-то грустно. На полу стояла чистая миска с надписью «РАДАР» по краю, от чего мне стало ещё грустнее.

Я прошёл в ванную, которая была не больше кладовки — только унитаз с поднятой крышкой и кругами ржавчины, плюс раковина с зеркалом над ней. Открыл шкафчик за зеркалом и увидел кучу пыльных пузырьков обычных лекарств, которые, казалось, стояли тут со времён потопа. На баночке в середине было написано: эмпирин. Когда я взял её, то увидел за ней маленькую гранулу. Я подумал, что это пулька от пневмати-

ческого оружия.

Радар ждала в кухне, потому что в ванной не хватало места для нас обоих. Я взял чашку из сушилки и наполнил её из кухонного крана, затем пошёл обратно по Коридору Старого Чтива с Радар, следующей за мной по пятам. Снаружи звук сирены стал громче и ближе. Мистер Боудич лежал, положив голову на руку.

— Вы в порядке? — спросил я.

Он поднял голову, я увидел его взмокшее лицо и тёмные круги вокруг глаз.

— Похоже, что я в порядке?

— Не совсем, но я не уверен, что вам стоит принимать эти таблетки. На баночке сказано, что срок хранения истёк в августе 2004-го.

— Дай три штуки.

— Боже, мистер Боудич, может, стоит дождаться «скорой»? Они дадут вам…

— Просто дай их мне. То, что нас не убивает, делает нас сильнее. Вряд ли ты знаешь, кто это сказал, я прав? В наше время вас ничему не учат.

— Ницше, — ответил я. — «Сумерки идолов». В этой четверти я взял курс мировой истории.

— Поздравляю. — Мистер Боудич пошарил в кармане брюк, что заставило его застонать, но он не остановился, пока не достал тяжёлую связку

ключей. — Запри дверь, парень. Серебристый ключ с квадратной головкой. Передняя дверь уже заперта. Затем верни их мне.

Я снял серебристый ключ с кольца и вернул связку. Он засунул её в карман, снова издав тихий стон. Звук сирены был уже близко. Я надеялся с калиткой им повезёт больше, чем мне. Иначе им придётся сбить её с петель. Я начал подниматься, затем взглянул на собаку. Она положила голову на землю между лап и не сводила глаз с мистера Боудича.

— А как же Радар?

Он снова посмотрел на меня, как на идиота.

— Она может зайти внутрь через собачью дверь и выйти обратно, если понадобится сделать свои дела.

Я подумал, что ребёнок или худощавый взрослый, который захочет что-нибудь украсть, может сделать то же самое.

— Да, но, кто будет её кормить?

Наверное, нет нужды говорить вам, что моё первое впечатление о мистере Боудиче было не самым приятным. Я считал его злобным ворчуном, и не удивительно, что он жил один — жена прибила бы его или бросила. Но, когда он посмотрел на старую немецкую овчарку, я увидел

что-то ещё: любовь и тревогу. Вы знаете, как говорят о человеке, находящемся на пределе? Лицо мистера Боудича говорило именно об этом. Должно быть, ему было мучительно больно, но в тот момент всё, о чём он мог думать, всё, что ему было важно, — это его собака.

— Чёрт. Чёрт, чёрт, *чёрт*. Я не могу оставить её. Придётся взять с собой в долбаную больницу.

Звук сирены достиг калитки и стих. Хлопнули двери.

— Они не позволят вам, — сказал я. — Вы должны это понимать.

Он сжал губы.

— Тогда я не поеду.

«Куда вы денетесь», — подумал я. А потом я подумал кое о чём другом, только это совсем не было похоже на мою мысль. *«У нас был уговор. Выброси из головы сбор мусора на шоссе — здесь начинается твоя часть уговора».*

— Есть кто? — раздался чей-то крик. — Это «скорая». Кто-нибудь может открыть калитку?

— Разрешите мне оставить ключ, — сказал я. — Я покормлю её. Только скажите, сколько нужно …

— Есть кто? Если не будет ответа, мы войдём!

— … и как часто.

Мистер Боудич был весь в поту, и круги вокруг глаз, похожие на синяки, стали темнее.

— Впусти их, пока они не сломали сраную калитку. — Он издал резкий прерывистый вздох. — Вот же проклятое дерьмо.

2

Мужчина и женщина на тротуаре были в куртках с надписью «Служба скорой помощи округа Аркадиа». Рядом стояла каталка с хреновой кучей оборудования на ней. Они убрали в сторону мой рюкзак и мужчина изо всех сил пытался отодвинуть засов. И справлялся не лучше меня.

— Он за домом, — сказал я. — Я слышал, как он звал на помощь.

— Отлично, но я никак не могу справиться с этой штукой. Помоги-ка, парень. Может, мы справимся вдвоём.

Я взялся за ручку, и мы потянули. Засов наконец дёрнулся в сторону, прищемив мне большой палец. В порыве, я едва это заметил, но к ночи большая часть ногтя почернела.

Они пошли вдоль дома, каталка пробивала себе пусть сквозь высокую траву; оборудование, наваленное на неё, подпрыгивало и дребезжало.

Из-за угла прихрамывая вышла Радар, рыча и пытаясь выглядеть угрожающе. Она старалась изо всех сил, но после всего волнения, у неё осталось мало сил.

— Лежать, Радар, — сказал я, и она опустилась на брюхо, выглядя благодарной. Медики всё равно обошли её стороной.

Они увидели мистера Боудича, распростёртого на ступеньках крыльца, и принялись разгружать оборудование. Женщина сказала что-то успокаивающее, мол, всё выглядит не так плохо, как кажется; сказала, что они дадут ему что-нибудь для снятия боли.

— Он уже кое-что принял, — сказал я и достал из кармана баночку эмпирина. Мужчина посмотрел на неё и сказал:

— Господи, они же *древние*. Всё, что в них было полезного, уже давно испарилось. СиСи, демерол. Двадцать должно хватить.

Появилась Радар. Она символически зарычала на СиСи, затем, поскуливая, подошла к своему хозяину. Мистер Боудич погладил её по макушке ладонью, сложенной чашечкой, а когда убрал, собака прижалась к ступеньке рядом с ним.

— Эта собака спасла вам жизнь, — сказал я. — Она не может поехать в больницу, и она не

должна остаться голодной.

Я держал в руке серебристый ключ от задней двери. Мистер Боудич взглянул на него, пока СиСи делала ему укол, от которого он даже не моргнул глазом. Он снова тяжело вздохнул.

— Ладно, какой у меня на хрен выход? Её корм в большом пластиковом ведре в кладовой. За дверью. Дай ей чашку в шесть вечера, и ещё одну в шесть утра, если они оставят меня на ночь. — Он посмотрел на мужчину. — Оставят?

— Не знаю, сэр. Мне не платят за такие решения. — Он разворачивал манжету для измерения кровяного давления. СиСи взглянула на меня, будто говоря: да, они оставят его на ночь, и это только для начала.

— Чашку в шесть вечера и в шесть утра. Понял.

— Я не знаю, сколько корма осталось в ведре. — Его взгляд стал стекленеть. — Если придётся купить ещё, сходи в магазин зоотоваров. Она ест «Ориджен Реджионал Ред». Никакого мяса и закусок. Парень, который знает, кто такой Ницше, вероятно, способен всё это запомнить.

— Я запомнил.

Мужчина-медик накачал манжету для измерения кровяного давления, и что бы он там ни

увидел, это ему не понравилось.

— Мы положим вас на каталку, сэр. Я — Крейг, а это — СиСи.

— Я Чарли Рид, — сказал я. — А это мистер Боудич. Я не знаю его имени.

— Говард, — ответил мистер Боудич. Они собрались поднять его, но он сказал им обождать. Обхватив Радар за морду, он взглянул в её глаза. — Будь хорошей девочкой. Скоро увидимся.

Она заскулила и лизнула его. По его щеке сбежала слезинка. Может, из-за боли, но я так не думаю.

— В банке для муки на кухне есть деньги, — сказал мистер Боудич. Затем на мгновение его глаза прояснились, а губы сжались. — Так, стоп. Эта банка пуста. Я забыл. Если ты…

— Сэр, — сказала СиСи, — нам нужно отвезти вас в…

Он взглянул на неё и велел помолчать минутку. Затем снова посмотрел на меня.

— Если понадобится купить ещё упаковку корма, заплати сам. Я всё верну. Понял?

— Да. — Но я понял кое-что ещё. Даже обколотый какой-нибудь супернавороченной хренью, мистер Боудич знал, что не вернётся ни сегодня, ни завтра вечером.

— Тогда, ладно. Позаботься о ней. Она всё, что у меня есть. — Он напоследок погладил Радар, потрепал её за ушами, затем кивнул врачам. Когда они подняли его, он вскрикнул сквозь зубы, а Радар залаяла.

— Парень?

— Да.

— *Не вынюхивай* там.

Я не удостоил его ответом. Крейг и СиСи с трудом потащили каталку на руках вокруг дома, стараясь не сильно растрясти пациента. Я подошёл и посмотрел на приставную лестницу, лежащую в траве, затем на крышу. Думаю, он чистил стоки. Или пытался.

Я вернулся к крыльцу и сел. Перед калиткой снова взвыла сирена, сначала громко, а потом всё тише и тише, когда скорая спускалась вниз по холму к проклятому мосту. Радар смотрела в сторону звука, её уши стояли торчком. Я попытался погладить её. Она не стала рычать и кусать меня, поэтому я погладил её снова.

— Ну вот, остались только мы с тобой, — сказал я.

Радар положила морду на мой ботинок.

— Он даже не поблагодарил, — сказал я ей. — Какой же сноб.

Но на самом деле я не сердился, потому что это не имело значения. Мне не нужна благодарность. Это была моя расплата.

3

Я позвонил папе и всё ему рассказал, пока топтался у дома, надеясь, что мой рюкзак никто не украл. Впрочем, один из врачей перекинул его через калитку. Папа спросил, может ли чем-то помочь? Я отказался, сказав, что останусь тут и поделаю уроки, пока в шесть не придёт время кормить Радар, затем вернусь домой. Он сказал, что возьмёт китайской еды, и мы увидимся дома. Я сказал, что люблю его — он ответил мне тем же.

Я вынул из рюкзака велосипедный замок, подумывая подвести велик к дому, но решил «какого чёрта», и прицепил его прямо к калитке. Сделал шаг назад и чуть не споткнулся о Радар. Она взвизгнула и отползла в сторону.

— Прости, девочка, прости. — Я опустился на колени и протянул руку. Через секунду или две она подошла к ней, понюхала и слегка лизнула. Вот тебе и грозный Куджо.

Я пошёл за дом, она следовала позади и тут-то я заметил стоящую поодаль постройку. Мне показалось, это сарай с инструментами — недостаточно

большой для автомобиля. Я хотел было отнести туда упавшую лестницу, но решил утруждаться — не казалось, что ночью пойдёт дождь. Как я узнал позже, мне пришлось бы понапрасну тащить её около сорока ярдов, потому что на двери висел огромный амбарный замок, а мистер Боудич забрал с собой остальные ключи.

Мы вошли в дом, я нашёл старомодный выключатель, из тех, что поворачиваются и прошёл по Коридору Старого Чтива в кухню. Свет там давала конструкция из матового стекла под потолком, выглядевшая как декорация в одном из тех старых фильмов «Ти-Си-Эм», которые нравились папе. Кухонный стол был покрыт клетчатой клеёнкой, выцветшей, но чистой. Я решил, что *всё* в кухне выглядит, как декорации из старого фильма. Почти представил, как сюда заходит мистер Чипс в своей мантии и шапочке выпускника. Или как Барбара Стэнвик говорит Дику Пауэллу, что он как раз вовремя, чтобы выпить. Я сел за стол. Радар забралась под него и устроилась с тихим «женским» ворчанием. Я сказал ей, что она хорошая девочка и она шлёпнула хвостом о пол.

— Не переживай, он скоро вернётся. — «*Возможно*», — подумал я.

Я разложил книги, решил несколько задач по

математике, затем воткнул в уши ирподсы и включил задание на завтра по французскому языку: поп-песню под названием «Rien Qu'une Fois», что означало что-то вроде: «Только однажды». Не совсем в моём вкусе, я больше по классическому року, но это была одна из тех песен, которые нравятся больше и больше с каждым прослушиванием. Хотя до тех пор, пока не приестся настолько, что начинаешь её ненавидеть. Я прокрутил её три раза, затем подпел, как от нас требовали:

«Je suis sûr que tu es celle que j'ai toujours attendue …»

На одном куплете я случайно глянул под стол и увидел Радар с прижатыми ушами, смотрящую на меня с выражением, подозрительно похожим на сочувствие. Это меня развеселило.

— Пение — это не моё, да?

Шлепок хвостом.

— Я тут ни при чём, это задание. Хочешь послушать ещё раз? Нет? Я тоже.

Я заметил четыре одинаковые банки, выстроенные в ряд на полке слева от плиты с надписями САХАР, МУКА, КОФЕ и ПЕЧЕНЬЕ. Я чертовски проголодался. Дома я мог залезть в холодильник и слопал бы половину содержимого, но я не дома

и должен был оставаться здесь — я посмотрел на часы — ещё час. Я решил проверить банку с печеньем, ведь это точно нельзя назвать «вынюхиванием». Она была вперемешку наполнена печеньем с орехами-пекан и зефирками в шоколаде. Я решил, поскольку я собачья нянька, мистер Боудич не заметит пропажи одной штуки. Или двух. Может, четырёх. Тут я заставил себя остановиться, но с трудом. Печенье безусловно было очень вкусным.

Посмотрев на банку с мукой, я вспомнил о деньгах, о которых говорил мистер Боудич. Затем его взгляд изменился — стал резким. *Так, стоп. Банка с мукой пуста. Я забыл.* Я почти решился заглянуть, недавно так бы и поступил, но те дни прошли. Сев на место, я открыл учебник мировой истории.

Я погрузился в какую-то тяжёлую тему о Версальском договоре и немецких репарациях, а когда снова посмотрел на часы (над раковиной были часы, но они стояли), увидел, что уже без четверти шесть. Думаю, пришло время для ответственной задачи — накормить Радар.

Я решил, что дверь рядом с холодильником ведёт в кладовую и оказался прав. Оттуда шёл характерный и приятный запах. Я потянул за шнур,

чтобы включить свет, и на секунду забыл о корме Радар. Маленькая комнатка была заставлена консервами и бакалеей сверху донизу, слева направо. Там был колбасный фарш и печёные бобы, сардины и крекеры, супы «Кэмпбелл», макароны и соусы к ним, виноградный и клюквенный сок, желе и джемы, десятки, а может сотни банок с овощами. Похоже, мистер Боудич готовился к апокалипсису.

Радар издала «не-забудь-про-собаку» скулёж. Я заглянул за дверь и нашёл пластиковую бочку с её кормом. Она вмещала десять-двенадцать галлонов,[12] но содержимое едва скрывало дно. Если Боудич пробудет в больнице несколько дней — или даже недель — придётся купить ещё.

Внутри была мерная чашка. Я наполнил её и высыпал в миску с именем Радар. Собака охотно подошла к ней, медленно виляя хвостом. Она была старой, но по-прежнему радовалась еде. Полагаю, это хорошо.

— Ну что ж, выше нос, — сказал я, натягивая куртку. — Будь хорошей девочкой, увидимся утром.

Только не пришлось ждать так долго.

---

[12] Примечания: 12
Примерно 38–45 кг.

4

Мы с папой налегли на китайскую еду, и я подробней рассказал ему о своём дневном похождении, начав с мистера Боудича на ступеньках, перейдя к коридору Старого Чтива, и закончив кладовой Судного Дня.

— Скопидом, — сказал отец. — Видел я такое — обычно после их смерти. Но ты говоришь, там чисто?

Я кивнул.

— По крайней мере, в кухне. Для всего своё место и всё на своих местах. Было немного пыли на старых флаконах с таблетками, но больше я ничего не заметил.

— Нет машины.

— Нет. И в его сарае для инструментов нет для неё места.

— Должно быть, продукты доставляет курьер. И разумеется всегда есть «Амазон», который к 2040 году станет мировым правительством, что приводит в ужас правых. Интересно, откуда у него берутся деньги и сколько их осталось.

Я тоже заинтересовался. Думаю, что такого рода любопытство вполне естественно для людей, которые были на волосок от разорения.

Папа встал.

— Я купил и принёс еду. Теперь мне нужно уладить кое-какие бумажные дела. А с тебя приборка.

Я прибрался, затем порепетировал несколько блюзовых мелодий на своей гитаре. (Я мог сыграть почти всё, лишь бы это было в тональности Е.) Обычно я играл, пока не заноют пальцы, но не в этот вечер. Я поставил «Ямаху» обратно в угол и сказал папе, что схожу до дома мистера Боудича, проверить Радар. Я всё думал, как она там совсем одна. Может, собакам было плевать на такие вещи, а, может, и нет.

— Хорошо, если только ты не решишь притащить его сюда.

— Её.

— Ладно, но я не любитель слушать вой одинокой собаки в три часа ночи, не важно какого она пола.

— Я не приведу её. — Не стоило ему говорить, что такая идея приходила мне в голову.

— И не дай Норману Бэйтсу добраться до тебя.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Что? Думал я не знаю? — он ухмыльнулся. — Люди называли его Психо-домом задолго до вашего с другом рождения, маленький герой.

5

Это заставило меня улыбнуться, но мне стало не до шуток, когда я добрался до угла Пайн и Сикамор. Дом казался громадой на своём холме, заслоняя звёзды. Я вспомнил, как Норман Бэйтс произносит: «Мама! Столько крови!», и пожалел, что вообще смотрел этот фильм.

По крайней мере, в этот раз засов было легче отодвинуть. Я включил фонарик на телефоне и отправился к задней части дома. В какой-то момент я мельком осветил дом и лучше бы этого не делал. Окна были пыльными, все шторы задёрнуты. Эти окна походили на слепые глаза, которые каким-то образом всё ещё видели меня и не обрадовались моему вторжению. Я завернул за угол и когда подходил к заднему крыльцу, раздался глухой хлопок. Испугавшись, я выронил телефон. Когда он падал, я увидел движущуюся тень. Мне удалось удержаться от крика, но я почувствовал, как мои яйца поползли вверх и плотно сжались в мошонке. Я замер, когда тень метнулась ко мне, а затем, прежде чем успел развернуться и побежать, Радар заскулила, ткнулась носом в мою ногу и попыталась запрыгнуть на меня. Но из-за её больной спины и лап, всё, что она смогла сде-

лать, это несколько неудачных наскоков. Глухой хлопок, должно быть, издала захлопнувшаяся собачья дверь.

Я опустился на колени и обхватил собаку, одной рукой поглаживая по голове, а другой почёсывая шёрстку на груди. Она лизнула меня в лицо и так крепко прижалась ко мне, что чуть не опрокинула.

— Всё хорошо, — сказал я. — Тебе было страшно одной? Уверен, что было. — Да и когда она в последний раз оставалась одна, если у мистера Боудича не было машины, а все продукты доставлялись курьером? Если только ненадолго. — Всё в порядке. Всё хорошо. Пойдём.

Я поднял телефон, подождал пару секунд, пока мои яйца вернутся на своё место, затем пошёл к задней двери; Радар держалась так близко, что стучалась головой о мои колени. Однажды, в незапамятные времена Энди Чен столкнулся с собакой-монстром на переднем дворе этого дома, по крайней мере, так он сказал. Но это было сто лет назад. Теперь это просто напуганная пожилая леди, которая услышала, что я иду, и выскочила через свою собачью дверь мне навстречу.

Мы поднялись по ступенькам. Я отпёр дверь и воспользовался поворотным выключателем,

чтобы зажечь свет в коридоре Старого Чтива. Я осмотрел собачью дверь и увидел три маленькие задвижки, по одной на каждую сторону, и одну сверху. Отметил про себя, что перед уходом нужно их закрыть, чтобы Радар не бродила где попало. Задний двор, вероятно, был огорожен, как и передний, но я не был уверен, а в данный момент отвечал за собаку.

На кухне я опустился перед Радар на колени и потрепал её по щекам. Она внимательно смотрела на меня, навострив уши.

— Я не могу остаться, но я оставлю свет и вернусь завтра утром, чтобы покормить тебя. Хорошо?

Она заскулила, лизнула мою руку, а затем подошла к своей миске. Та была пуста, но Радар пару раз лизнула миску и посмотрела на меня. Намёк был ясен.

— Теперь только утром, — сказал я.

Она улеглась и положила морду на лапу, не отводя от меня взгляда.

— Что ж…

Я подошёл к банке с надписью «ПЕЧЕНЬЕ». Мистер Боудич просил не давать мяса и всяких закусок, но я решил, что он имел в виду «не давать мясных закусок». Семантика — прекрасная

штука, не правда ли? Я где-то слышал или читал, что у собак аллергия на шоколад, поэтому взял ореховое печенье, отломил кусочек и предложил его Радар. Она понюхала его, затем осторожно взяла из моих пальцев.

Я сел за стол, за которым делал уроки, размышляя, можно ли мне уйти. Радар всё-таки была собакой, не ребёнком. Может, ей и не нравилось оставаться одной, но она не собиралась заползать под раковину и пить отбеливатель.

Зазвонил мой телефон. Это был папа. «У тебя там всё в порядке?»

— Да, но хорошо, что я пришёл. Я оставил собачью дверь незапертой. Она вышла, когда услышала меня. — Не стоило ему говорить, что увидев тень, я на секунду представил кричащую в душе Джанет Ли, пытающуюся увернуться от ножа.

— Ты тут ни при чём. Невозможно обо всём помнить. Идёшь обратно?

— Скоро буду. — Я видел, как Радар смотрит на меня. — Пап, может, мне стоит…

— Плохая идея, Чарли. Тебе завтра в школу. Она уже взрослая и ночью с ней ничего не случится.

— Конечно, я знаю.

Радар поднялась, и наблюдать за этим процес-

сом было немного больно. Припадая на задние лапы, она ушла в темноту гостиной.

— Я посижу ещё немного. Она хорошая собака.

— Ладно.

Я закончил разговор и услышал тихий писк. Радар вернулась с игрушкой в зубах. Мне показалось это обезьянка, но она была так изжёвана, что трудно было сказать. Я всё ещё держал телефон в руке, поэтому сделал фото. Она поднесла игрушку и бросила возле моего стула. В её глазах читалось, что я должен сделать.

Я легонько кинул игрушку через комнату. Радар похромала за ней, подняла, заставила пискнуть пару раз, показав, кто здесь босс, и принесла назад. Она бросила игрушку рядом с моим стулом. Я представил Радар молодой, более упитанной и гораздо более проворной, бегущей за этой несчастной потрёпанной обезьянкой (или её предшественницей) во всю прыть. Как тогда, когда она якобы кинулась на Энди. Теперь дни её активности остались в прошлом, но она старалась изо всех сил. Я мог представить, о чём она думала: «*Видишь, как у меня хорошо получается? Не уходи, я могу заниматься этим всю ночь*».

Только она не могла, а я не мог остаться. Папа хотел, чтобы я вернулся, и я сомневался, что я

хорошо высплюсь, оставшись здесь. Слишком много таинственных скрипов и тресков, слишком много комнат, где может прятаться всё что угодно… и подкрадываться ко мне, как только погаснет свет.

Радар принесла пищащую обезьянку назад. «Хватит, — сказал я. — Отдохни, девочка».

Я направился в коридор, но тут мне пришла в голову одна мысль. Я пошёл в тёмную комнату, откуда Радар принесла свою игрушку и пошарил в поисках выключателя, надеясь, что никто (например, мумия матери Нормана Бэйтса) не схватит меня за руку. Выключатель издал щелчок, когда я нащупал его и включил.

Как и кухня, гостиная мистера Боудича была старомодной, но опрятной. Там стоял диван, обитый тёмно-коричневым материалом. Казалось, что им нечасто пользуются. Судя по всему, чаще сидели в мягком кресле, стоящем посреди старомодного тряпичного коврика. Я увидел отпечаток, оставленный худыми ногами мистера Боудича. Через спинку была перекинута синяя хлопковая рубашка. Кресло стояло перед телевизором, который выглядел доисторическим. Сверху на нём стояла антенна. Я сфотографировал её на телефон. Я не знал, работает ли настолько древний

телевизор, но судя по книгам, сложенным по обе стороны, многие из которых были в стикерах для заметок, вероятно, телевизор смотрели не часто, даже если он работал. В дальнем конце комнаты стояла плетёная корзина, доверху набитая собачьими игрушками, одно это говорило о том, как сильно мистер Боудич любил свою собаку. Радар пересекла комнату и схватила плюшевого кролика. Она принесла его мне с надеждой в глазах.

— Не могу, — сказал я. — Но я дам тебе это. Скорее всего, она пахнет твоим хозяином.

Я схватил рубашку со спинки кресла и расстелил на кухонном полу рядом с её миской. Радар обнюхала её и улеглась сверху.

— Умница, — сказал я. — Увидимся утром.

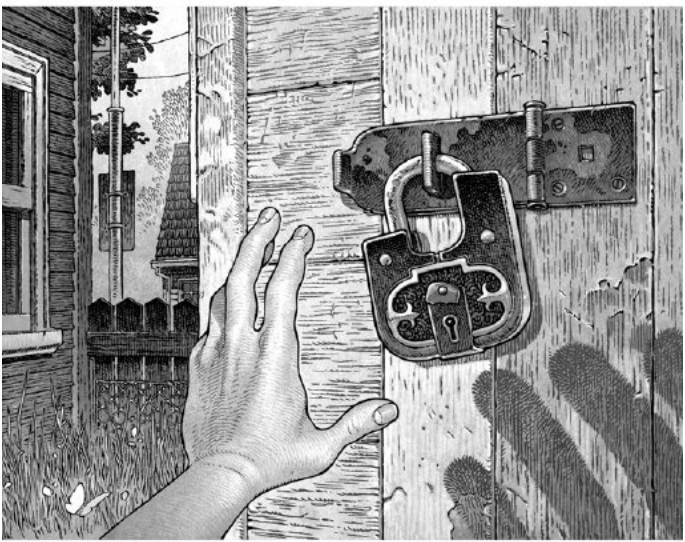
Я направился к задней двери, снова задумался, и принёс ей плюшевую обезьянку. Радар пожевала её пару раз, может быть, в угоду мне. Я отступил на пару шагов назад и сделал ещё один снимок на телефон. Затем я ушёл, не забыв запереть собачью дверь. Если она нагадит внутри, я просто за ней уберу.

Возвращаясь домой, я думал о желобах, несомненно забитых листьями. О некошеном участке. Дом отчаянно нуждался в покраске, но это было выше моих сил, зато я мог что-то сделать с этими

грязными окнами, не говоря уж о покосившемся штакетнике. Но, учитывая приближающийся бейсбольный сезон, мне могло не хватить времени. Плюс Радар. Это была любовь с первого взгляда. Возможно, и для неё тоже. Если эта мысль покажется вам странной или банальной, или и то и другое вместе, могу только посоветовать смириться с ней. Как я и сказал отцу, Радар была хорошей собакой.

Ложась тем вечером в постель, я поставил будильник на пять утра. Затем написал мистеру Нэвиллу, моему учителю английского, что не приду на первый урок и попросил его передать миссис Фридлэндер, что могу не прийти и на второй. Сказал, что мне нужно навестить одного человека в больнице.

Глава третья



Визит в больницу. Сдавшиеся не побеждают. Сарай.

1

В первых лучах света Психо-дом выглядел менее психо, хотя туман над травой придавал ему готический вид. Радар, должно быть, ждала меня, потому что начала колотить в запертую собачью дверь, как только услышала мои шаги. Ступеньки были подгнившими и шаткими — ещё один несчастный случай, ожидающий своего часа, и ещё одна задача, ожидающая своего выполнения.

— Полегче, девочка, — сказал я, вставляя ключ в замок. — Ты что-нибудь себе вывихнешь.

Радар кинулась на меня, как только я открыл дверь, подпрыгнув и прижав передние лапы к моей ноге, будь проклят этот артрит. Она проследовала за мной на кухню, виляя хвостом, пока я наскребал последнюю чашку корма из её ограниченного запаса. Пока она ела, я написал отцу, попросив его во время обеда или после работы заехать в «Пет Пэнтри» за упаковкой собачьего корма «Ориджен Реджионал Ред». Затем добавил, что верну ему деньги, а мистер Боудич вернёт мне. Я подумал и отправил третье сообщение: **лучше возьми упаковку побольше.**

У меня ушло не много времени на переписку,

но Радар уже справилась с едой. Она принесла мне обезьянку и бросила рядом со стулом. Потом рыгнула.

— Прощаю, — сказал я и легонько бросил обезьяну. Радар кинулась за ней и принесла обратно. Я снова бросил, и пока она ходила за ней, звякнул телефон. Ответ от папы: **Без проблем.**

Я ещё раз бросил игрушку, но вместо того, чтобы побежать за ней, Радар поковыляла по коридору Старого Чтива и вышла на улицу. Не зная, есть ли там привязь, я отломил кусочек печенья, чтобы при надобности поманить её назад. Я был уверен, что это сработает; Радар была обжорой. Но печенье не понадобилось.

Радар присела на корточки в одном месте, чтобы выполнить свой «номер один», и в другом, чтобы выполнить «номер два». Вернувшись, она посмотрела на ступеньки, как альпинист мог бы посмотреть на трудный подъём, затем преодолела половину пути. Остановилась на минуту, затем преодолела оставшуюся часть. Я гадал, как долго она сможет это делать без посторонней помощи.

— Мне нужно идти, — сказал я. — Увидимся позже, подруга.

У нас никогда не было собаки, поэтому я не

знал, насколько могут быть выразительны собачьи глаза, особенно вблизи. Её глаза просили меня не уходить. Я бы с радостью остался, но как говорится в одной поэме, мне нужно было сдержать обещание. Я несколько раз погладил собаку и велел вести себя хорошо. Я где-то читал, что семь лет собачьей жизни равны одному году нашей. Разумеется, это условное правило, но оно помогало определить возраст, к тому же, что для собаки значит время? Если я вернусь покормить её в шесть, для меня пройдёт двенадцать часов. Будет ли это восемьдесят четыре часа для неё? Три с половиной дня? Если так, не удивительно, что она так радуется моему приходу. К тому же она наверняка скучала по мистеру Боудичу.

Я запер дверь, спустился по ступенькам, и проверил места, где она делала свои дела. «Приборка» заднего двора была ещё одной задачей, которой не мешало бы заняться. Если только мистер Боудич не занимался этим сам. Хотя из-за высокой травы невозможно было определить. Если он этого не делал, то кто-то должен был.

«Ты — этот кто-то», — подумал я, возвращаясь к велику. Это правда, но так уж получилось, что я был занят. В дополнении к бейсболу я подумывал попробовать себя в итоговом спектакле

«Мюзикл старшеклассников». Я представлял себя поющим «На свободу» вместе с Джиной Паскарелли, восхитительной выпускницей.

Рядом с моим велосипедом стояла женщина, закутанная в клетчатое пальто. Кажется, её звали миссис Раглэнд. Или Риган.

— Это ты вызвал «скорую»? — спросила она.

— Да, мэм, — ответил я.

— Как он? Боудич?

— Я толком не знаю. Но он точно сломал ногу.

— Что ж, это было твоё доброе дело дня. Может быть, года. Он не слишком дружелюбный сосед, в основном держится особняком, но я ничего не имею против него. За исключением его дома, который словно бельмо на глазу. Ты сын Джорджа Рида?

— Так точно.

Она протянула руку.

— Алтея Ричлэнд.

Я пожал ей руку.

— Рад познакомиться.

— А что на счёт дворняги? Этого страшного пса, немецкой овчарки. Боудич обычно выгуливал его рано утром и иногда вечером. Когда дети уже сидят по домам. — Она указала на удручающе покосившийся штакетник. — Такой забор его

точно не удержит.

— Это она и я забочусь о ней.

— Очень любезно с твоей стороны. Надеюсь, она не укусит тебя.

— Она уже довольно старая и не злая.

— С *тобой*, может быть, — сказала миссис Ричлэнд. — Мой отец говорил: «Старая собака кусает в два раза сильнее». Ко мне приходил репортёр из одной еженедельной газеты, спрашивал, что случилось. Думаю, он из любителей названивать. В полицию, пожарным, в «скорую» и тому подобное. — Она фыркнула. — Выглядит, как твой ровесник.

— Буду иметь в виду, — сказал я, не понимая зачем. — Мне пора, миссис Ричлэнд. Хочу навестить мистера Боудича перед школой.

Она рассмеялась.

— Если он лежит в Аркадии, то часы посещения начинаются не раньше девяти. Тебя не пустят в такую рань.

2

Но меня пустили. Объяснение, что после у меня школа и бейсбольная тренировка не сильно убедило даму за стойкой, но когда я сказал, что это я вызвал «скорую», она разрешила пройти.

«Палата 322. Лифт справа».

Когда я дошёл до середины коридора третьего этажа, медсестра спросила меня, не пришёл ли я навестить Говарда Боудича. Я ответил утвердительно и спросил, как он.

— Ему провели операцию и будет ещё одна. Затем ему предстоит длительный период восстановления и физиотерапии. Вероятно, этим займётся Мелисса Уилкокс. Перелом ноги очень тяжёлый, сильно поврежден тазобедренный сустав. Понадобится замена. Иначе он проведёт оставшуюся жизнь на ходунках или в инвалидном кресле, не важно, сколько часов он потратит на терапию.

— Боже, — произнёс я. — А он знает?

— Врач, который вправлял перелом, сообщит ему то, что нужно знать на данный момент. Это ты вызвал «скорую»?

— Да, мэм.

— Что ж, скорее всего, ты спас ему жизнь. Учитывая шок и возможность провести ночь на улице… — Она покачала головой.

— Это всё собака. Я услышал вой его собаки.

— Собака набрала 911?

Я согласился, что это сделал я.

— Если хочешь повидаться с ним, иди дальше

по коридору. Я только что сделала ему обезболивающий укол, и, вероятно, он скоро отключится. Не считая перелома ноги и вывиха тазобедренного сустава, у него сильный недостаток веса. Лёгкая добыча для остеопороза. У тебя не более пятнадцати минут, прежде чем он отправится к Морфею.

3

Нога мистера Боудича была поднята в хитроумном приспособлении, которое выглядело прямо как в комедиях тридцатых годов… только мистеру Боудичу не было смешно. И мне тоже. Морщины на его лице стали глубже, будто вырезанные. Тёмные круги вокруг глаз ещё больше потемнели. Волосы казались безжизненными и тонкими, рыжие пряди потускнели. Полагаю, у него был сосед, но я его не видел, потому что другая половина палаты 322 была отгорожена зелёной занавеской. Мистер Боудич увидел меня и попытался выпрямиться, что заставило его поморщиться и со свистом выдохнуть.

— Привет. Как тебя, говоришь, зовут? Если ты говорил, то я забыл. Что простительно, учитывая обстоятельства.

Я не помнил называл ли своё имя, поэтому

повторил (или произнёс впервые), затем спросил, как он себя чувствует.

— Очень хреново. Просто взгляни на меня.

— Мне жаль.

— Не так, как мне. — Затем, стараясь быть вежливым, добавил: — Спасибо тебе, юный мистер Рид. Похоже, ты спас мне жизнь. Сейчас мне кажется, что оно того не стоило, но как якобы сказал Будда: «Всё меняется». Иногда к лучшему, хотя, по моему опыту, это случается редко.

Я сказал ему — как сказал отцу, «скорой» и миссис Ричлэнд — что на самом деле его спасла собака; если бы я не услышал её вой, я бы проехал мимо.

— Как она?

— Хорошо. — Я поставил стул рядом с его койкой и показал ему фотографии Радар с обезьянкой. Мистер Боудич несколько раз пролистал их вперёд-назад (я показал ему, как это делается). Казалось фотографии прибавили ему бодрости, но не обязательно здоровья. *Длительный период восстановления*, сказала медсестра.

Когда он вернул телефон, его улыбка исчезла.

— Они не сказали мне как долго я пробуду в этом проклятом лазарете, но я не дурак. Я понимаю, что это займёт какое-то время. Полагаю,

стоит задуматься об усыплении. Она прожила хорошую жизнь, но сейчас её лапы…

— Господи, не делайте этого, — сказал я встревоженно. — Я позабочусь о ней. С радостью.

Он посмотрел на меня, впервые его лицо не выражало раздражения или обречённости.

— Ты сделаешь это? Я могу *доверить* тебе это?

— Да. У неё почти закончился корм, но мой папа купит сегодня упаковку «Ориджин». Я буду приходить. В шесть утра и в шесть вечера. Поверьте мне.

Он потянулся ко мне, возможно, чтобы взять за руку или хотя бы похлопать по ней. Я был не против, но он убрал свою руку.

— Это… очень любезно с твоей стороны.

— Она мне нравится. А я нравлюсь ей.

— Правда? Хорошо. Она неплохая старушка. — Взгляд мистера Боудича помутнел, голос стал немного хриплым. Что бы ни дала ему медсестра, оно начало действовать. — В ней нет ничего дурного, хотя раньше она до смерти пугала соседских детей. И мне это нравилось. Назойливые маленькие сопляки, большинство из них. Назойливые и шумные. А грабители? Даже не думай о них. Если они слышали Радар, то сразу неслись к холмам, сверкая пятками. Но сейчас она стара. — Он

вздохнул, потом закашлялся. Это заставило его поморщиться. — И не она одна.

— Я хорошо позабочусь о ней. Может, возьму её к себе домой.

Его взгляд немного прояснился, когда он обдумал эту возможность.

— Она ни у кого не была с тех пор, как я взял её щенком. Только в моём доме… во дворе…

— Миссис Ричлэнд сказала, что вы гуляли с ней.

— Любопытная проныра через дорогу? Ну, да, она права. Выходили на прогулки. Когда Радар была в состоянии идти, не уставая. Сейчас я бы побоялся брать её на дальние расстояния. Что если я доведу её до Пайн-Стрит, а обратно она не сможет дойти? — Он посмотрел на свою ногу. — Теперь вот *я* не могу никуда дойти. Может, никогда не смогу.

— Я не буду давить на неё. Ну, знаете, перенапрягать.

Он расслабился.

— Я заплачу тебе… за корм, что она съест. И за твоё время тоже.

— Не беспокойтесь об этом.

— Какое-то время она ещё протянет, когда я вернусь домой. *Если* вернусь.

— Непременно, мистер Боудич.

— Если ты собираешься… кормить её… лучше зови меня Говардом.

Я не знал смогу ли, но согласился.

— Может, принесёшь мне ещё фотографии?

— Конечно. Мне пора, мистер… Говард. Вам нужен отдых.

— Без вариантов. — Его глаза закрылись, затем веки снова медленно поднялись. — Что бы она ни вколола мне… ууу! Улётная штука.

Он снова закрыл глаза. Я встал и направился к двери.

— Парень, как, говоришь, тебя зовут?

— Чарли.

— Спасибо, Чарли. Я подумывал, может… дать ей ещё один шанс. Не для себя… одного раза мне было достаточно… жизнь становится бременем… если ты проживёшь достаточно долго, ты сам это поймёшь. Но *она*… Радар… а потом я постарел и упал с долбаной лестницы…

— Я сделаю больше фотографий.

— Сделай.

Я повернулся, чтобы уйти, и он снова заговорил, но не думаю, что со мной. «Храбрый человек — помогает. Трус — делает подарки». Он замолчал и начал похрапывать.

В коридоре я увидел знакомую медсестру, выходящую из палаты с пакетом чего-то похожего на мутную мочу. Увидев меня, она накрыла его полотенцем. Она спросила, удачный ли получился визит.

— Да, но в конце его речь стала бессмысленной.

Она улыбнулась.

— Демерол делает своё дело. Теперь ступай. Тебе пора в школу.

4

К тому времени, как я добрался до Хиллвью, второй урок уже шёл десять минут и коридоры были пусты. Я пошёл в приёмную, получить квитанцию об опоздании от миссис Силвиус, приятной пожилой дамы со страшными синими волосами. Ей было не меньше семидесяти пяти, она уже давно достигла обычного пенсионного возраста, но всё ещё была довольно крепка и с хорошим чувством юмора. Я считаю, что в работе с подростками без чувства юмора не обойтись.

— Я слышала, вчера ты спас жизнь человеку, — сказала она, выписывая квитанцию.

— Кто вам сказал?

— Птичка напела. Чик-чирик. Ходят слухи,

Чарли.

Я взял квитанцию.

— На самом деле это не я, а его собака. Я услышал вой. — Мне уже начали надоедать эти объяснения, потому что никто мне не верил. Странно. Я думал всем нравятся истории о героических собаках. — Я просто позвонил 911.

— Как скажешь. Теперь беги в класс.

— Могу я сначала кое-что вам показать?

— Только если быстро.

Я достал свой телефон и показал ей фото телевизора мистера Боудича.

— Это же антенна сверху, да?

— Мы называли её кроличьими ушами, — сказала миссис Силвиус. Её улыбка была похожа на улыбку мистера Боудича, когда он разглядывал фотографии Радар с обезьянкой. — Обычно мы обматывали их фольгой, чтобы улучшить сигнал. Но взгляни на *телевизор*, Чарли! Бог ты мой! Он до сих пор работает?

— Не знаю. Я не включал.

— Первый наш телевизор был похож на этот. Настольная модель «Зенит». Такой тяжёлый, что мой отец надорвал спину, пока заносил его по лестнице в нашу тогдашнюю квартиру. Мы смотрели его часами! Энни Оукли, Дикий Билл Хикок,

«Капитан Кенгуру», «Кролик-крестоносец»...[13] пока у нас не начинала болеть голова! И когда он начинал барахлить — убегала картинка, — мой отец вызывал телемастера, который приходил с портфелем, полным ламп.

— Ламп?

— Вакуумных ламп. Они светились оранжевым, как старые лампочки. Он менял сгоревшую на новую и всё снова работало. — Она ещё раз взглянула на фотографию в телефоне. — Уверена, лампы в этом телевизоре сгорели давным-давно.

— Возможно мистер Боудич купил новые на «Ибэй» или «Крэйглист», — сказал я. — В интернете можно купить всё, что угодно. Конечно, если у вас есть деньги. — Только я сомневался, что мистер Боудич *пользуется* интернетом.

Миссис Силвиус вернула мне телефон.

— Иди, Чарли. Тебя ждут занятия.

5

В тот день тренер Харкнесс прилип ко мне как банный лист к заднице, а точнее, как муха к дерьму. Потому что я дерьмово играл. Во вре-

---

[13] Примечания: 13

Личности времён Дикого Запада и телевизионные шоу соответственно.

мя упражнения с тремя конусами я постоянно двигался не в ту сторону, а один раз попытался двигаться в двух направлениях сразу и приземлился на пятую точку, что вызвало много веселья. Во время «двойной игры» меня сорвали с моей позиции и мяч со второй базы просвистел мимо того места, где я должен был стоять, в итоге отскочив от стены. Когда тренер подал дрибблер выше линии, я хорошо отреагировал, но не опустил перчатку и мяч, как заяц, проскочил у меня между ног. Но бантинг стал последней каплей для тренера Харкнесса. Я продолжал отбивать мяч питчеру вместо того, чтобы пустить его вдоль линии третьей базы.

Тренер вскочил со своего шезлонга и прошествовал к «пластине», покачивая животом, а свисток болтался между его немаленьких грудей.

— Господи Иисусе, Рид! Ты как старая бабка! Хватит бить по мячу! Просто опусти биту и пусть мяч сам ударит по ней. Сколько раз я должен повторять? — Он схватил биту, отпихнул меня локтем в сторону и встал напротив Рэнди Моргана, нашего питчера. — Бросай! И не жалей сил!

Рэнди бросил так сильно, как мог. Тренер выполнил идеальный бант. Мяч покатился

вдоль линии третьей базы почти идеально. Стив Домбровски попытался поймать его, но промахнулся.

Тренер повернулся ко мне. «Смотри! Вот как это делается! Не знаю, что у тебя в голове, но выбрось это оттуда!»

В голове у меня была Радар, дожидающаяся моего появления в доме мистера Боудича. Двенадцать часов для меня, три с половиной дня для неё. Она не знала, почему её оставили одну и не могла поиграть со своей пищащей обезьянкой, потому что некому её бросить. Пыталась ли она не гадить дома или — с запертой-то собачьей дверью — уже где-то сделала свои дела? Если так, то она не понимала, что это не её вина. Плюс мои мысли также занимали неухоженный газон и покосившийся штакетник.

Тренер Харкнесс протянул мне биту.

— Теперь попробуй отбить как следует.

Рэнди не стал усердствовать, а просто сделал тренировочный бросок, чтобы дать мне шанс. Я развернулся… и отправил мяч вверх. Рэнди даже не пришлось сходить с тренировочной площадки, чтобы поймать его.

— Ну всё, — сказал тренер. — Дай пять. — Имея в виду пять кругов по залу.

— Нет.

Весь гомон в спортзале стих. И на нашей половине, и у девушек на волейбольной половине. Все наблюдали. Рэнди приложил перчатку ко рту, возможно, чтобы скрыть улыбку.

Тренер упёрся руками в свои пухлые бёдра.

— Что ты только что сказал?

Я не кинул биту, потому что не был зол. Я протянул ему биту и тренер, сам того не ожидая, взял ее.

— Я сказал «нет». С меня хватит. — Я направился к двери, ведущей в раздевалку.

— Вернись, Рид!

Я даже не помотал головой, продолжая идти.

— Вернись сейчас же, а не когда успокоишься! Потому что потом будет поздно!

Но я *был* спокоен. Спокоен и невозмутим. Даже рад, словно увидел, что решение сложной математической задачи и вполовину не так сложно, как казалось сначала.

— Чёрт возьми, Рид! — Теперь в голосе тренера звучала лёгкая паника. Может, потому, что я был его лучшим отбивающим, или из-за того, что этот бунт происходил на глазах остальной команды. — Вернись на место! Победители не сдаются, а сдавшиеся не побеждают.

— Тогда считайте, что я сдался, — сказал я.

Я спустился по лестнице в раздевалку и переоделся. Это был конец моей бейсбольной карьеры в Хиллвью-Хай, но жалел ли я об этом? Нет. Жалел ли я, что подвёл свою команду? Немного, но как любил подчёркивать тренер, в *команде* нет места для «*я*». Им придётся справляться без меня. У меня есть и другие дела.

6

Я вынул почту из почтового ящика мистера Боудича — никаких личных писем, так, всякая ерунда — и вошёл через заднюю дверь. Радар не смогла толком прыгнуть на меня, наверное, у неё был плохой день, поэтому я осторожно взял её за передние лапы, поднял и положил себе на пояс, чтобы погладить её запрокинутую голову. К её полной радости я не обошел вниманием и седеющую морду. Она осторожно спустилась по ступенькам крыльца и занялась своими делами. И снова, прежде чем подняться, она окинула ступеньки оценивающим взглядом. Я сказал, что она хорошая девочка и тренер Харкнесс гордился бы ею.

Я несколько раз бросил Радар пищащую обезьянку и сделал несколько снимков. В корзине

лежали и другие пищалки, но обезьянка определённо была её любимой.

Когда я пошёл поднимать упавшую лестницу, собака последовала за мной на улицу. Я отнёс лестницу к сараю, увидел висячий замок на двери, и просто прислонил её к краю крыши. Пока я работал, Радар начала рычать. Она сидела на корточках в двадцати футах от запертой двери, прижав уши и оскалив зубы.

— Что такое, девочка? Если туда забрался скунс или сурок, я ничего не могу поделать с…

Из-за двери донеслось царапанье, за которым последовал странный чирикающий звук, от которого волосы у меня на затылке встали дыбом. Не животный звук. Я никогда не слышал ничего подобного. Радар залаяла, затем заскулила и попятилась, всё ещё прижимаясь брюхом к земле. Мне и самому захотелось отступить, но вместо этого я постучал по двери кулаком и стал ждать. Ничего не последовало. Я мог бы списать эти звуки на своё воображение, если бы не реакция Радар, но в любом случае я ничего не мог с этим поделать. Дверь заперта, а окна отсутствовали.

Я ещё раз постучал, настойчивее, почти надеясь, что этот странный звук снова повторится. Ничего не произошло, поэтому я пошёл обратно

к дому. Радар с трудом поднялась и последовала за мной. Я оглянулся и увидел, что она тоже смотрит назад.

7

Какое-то время я занимал Радар обезьянкой. Когда она улеглась на линолеум и посмотрела на меня, будто говоря «*я — всё*», я позвонил отцу и сказал ему, что бросил бейсбол.

— Я знаю, — ответил он. — Тренер Харкнесс уже позвонил мне. Он сказал, что обстановка немножко накалилась, но выразил надежду, что ты вернёшься, при условии, что извинишься сначала перед ним, а потом перед командой. Сказал, что ты подвёл их.

Это злило, но вместе с тем было забавно.

— Пап, это же не финал года — обычная тренировка в зале. И он вёл себя, как козёл. — Хотя я уже привык к этому, мы все привыкли. Фото тренера Х. можно было поместить в словаре рядом со словом «козёл».

— Значит никаких извинений, я правильно понял?

— Я мог бы извиниться за то, что был рассеян, но это не так. Я думал о мистере Боудиче. И о Радар. И об этом доме. Он пока не падает, но не

далёк от этого. Я мог бы многое сделать, будь у меня время, и теперь оно у меня есть.

Отцу потребовалось несколько секунд, чтобы переварить это, затем он сказал:

— Не уверен, что понимаю, почему это так важно для тебя. Забота о собаке — это понятно, это мицва, но ты совершенно не знаешь Боудича.

И что мне было сказать на это? Признаться ли отцу, что я заключил сделку с Богом? Даже если ему хватит любезности не рассмеяться (хотя он вряд ли бы удержался), он скажет, что подобные мысли лучше оставить детям, евангелистам и недалёким зрителям кабельного телевидения, которые по-настоящему верят, что какая-то волшебная подушка или диета излечат их от всех болезней. В худшем случае он мог подумать, что я ставлю себе в заслугу его трезвость, которую он так старательно поддерживал.

Была и ещё одна причина. Это личное. Моё.

— Чарли? Ты ещё тут?

— Да. Я могу сказать одно: хочу сделать всё, что в моих силах, пока мистер Боудич не встанет на ноги.

Папа вздохнул.

— Он не ребёнок, который упал с дерева и сломал себе руку. Он пожилой. Он может *никогда*

больше не встать на ноги. Ты думал об этом?

Я не думал и не видел причины начинать.

— Ты знаешь, что они говорят в твоей программе: день за днём.

Он усмехнулся.

— Мы также говорим, что прошлое — это история, а будущее — тайна.

— Неплохо, пап. Так мы уладили вопрос с бейсболом?

— Да, но место в сборной штата в конце сезона было бы отличным дополнением к заявлению в колледж. Ты же понимаешь это, да?

— Понимаю.

— А как насчёт футбола? Ты и его собрался бросить?

— Не сейчас. — По крайней мере, на футболе мне не приходилось сталкиваться с тренером Харкнессом. — К августу, когда начнутся тренировки, мистеру Боудичу может стать лучше.

— Или нет.

— Или нет, — согласился я. — Будущее — тайна.

— Это так. Иногда я вспоминаю тот вечер, когда твоя мама решила пройтись до «Зиппи» …

Он замолчал. Я тоже не мог найти слов.

— Сделай для меня кое-что, Чарли. Приходил ре-

портёр из «Уикли Сан», просил твой телефон. Я не дал, но записал его номер. Он хочет расспросить тебя о спасении Боудича. Сентиментальный сюжет и всё такое. Думаю, тебе стоит согласиться.

— Не то, чтобы я спас его, это была Радар…

— Можешь сказать ему об этом. Но если выбранные тобой колледжи поинтересуются, почему ты бросил бейсбол, подобная статья…

— Я понял. Дай мне его номер.

Он дал, и я занёс его в список контактов.

— Ты будешь дома к ужину?

— Сразу, как только накормлю Радар.

— Хорошо. Я люблю тебя, Чарли.

Я сказал ему, что тоже люблю его. И это была правда. Хороший человек мой отец. У него были трудные времена, но он прошёл через них. Не каждый может.

8

Покормив Радар и сказав ей, что вернусь завтра рано утром, я прошёл к сараю. Мне не очень-то хотелось, было что-то очень отталкивающее в этой маленькой постройке без окон в сгущающейся темноте холодного апрельского вечера, но пришлось. Я стоял перед дверью с замком и слушал. Ни царапанья. Ни странного чири-

кающего звука, как в научно-фантастическом фильме про пришельцев. Я не хотел стучать в дверь кулаком, поэтому заставил себя. Постучал дважды. С силой.

Ничего. От этого мне полегчало.

Я сел на велосипед, поехал вниз по Сикамор-Стрит, бросил перчатку на верхнюю полку шкафа, затем некоторое время смотрел на неё, прежде чем закрыть дверь. Бейсбол — хорошая игра. Нет ничего лучше, чем дойти до девятого иннинга и сократить разрыв на одно очко, а потом ехать домой на автобусе с выездной игры после большой победы; все смеются, шумят и хватают друг друга за задницы. Так что да — я немного сожалел, но не сильно. Я вспомнил высказывание Будды: всё меняется. Я решил, что в этих двух простых словах крылась огромная истина. Чертовски огромная.

Я позвонил репортёру. «Уикли Сан» распространялась бесплатно, в ней публиковались кое-какие местные новости и спортивные репортажи, погребённые среди тонн рекламы. У двери «Зиппи» всегда лежала пачка газет с табличкой «ВОЗЬМИ ОДНУ», к которой какой-то остряк добавил «ВОЗЬМИ ИХ ВСЕ». Репортёра звали Билл Харримэн. Я ответил на его вопросы, ещё раз отдав большую часть заслуг Радар. Мистер Хар-

римэн спросил: нельзя ли ему сфотографировать нас обоих?

— Ого, даже не знаю. Надо спросить разрешения у мистера Боудича, а он сейчас в больнице.

— Спроси его завтра или послезавтра, ладно? Нужно успеть всё подготовить к выходу статьи на следующей неделе.

— Спрошу, если смогу, но, думаю, ему назначена ещё одна операция. Меня могут не пустить, а я и правда не могу согласиться без его разрешения. — Меньше всего я хотел, чтобы мистер Боудич разозлился на меня, а он был из тех, кто заводится с пол-оборота. Позже я узнал слово для обозначения таких людей: *мизантроп*.

— Ясно, ясно. Дай мне знать, как можно скорее. Слушай, не ты ли в прошлом ноябре оформил победный тачдаун против «Стэнфорд Преп» в «Тёрки Боул»?

— Я, но это не было похоже на игру десятки лучших «СпортСентер», ничего особенного. Мы были на их двухярдовой линии, и я просто пробил её.

Он рассмеялся. «Скромный! Мне это нравится. Позвони мне, Чарли».

Я пообещал, что позвоню, затем спустился вниз посмотреть телевизор с папой перед уроками. Я гадал как там Радар. Надеялся, что хорошо.

Привыкает к новому порядку. Снова вспомнил об этом изречении Будды. Достойное, стоит его держаться.

Глава четвёртая

Визит к мистеру Боудичу. Энди Чен. Подвал. Другие новости. Встреча в больнице.

1

Когда на следующее утро я появился в доме № 1 по Сикамор-Стрит, приветствие Радар было энергичным, но не сильно бурным. Это навело меня на мысль, что она привыкает к новому порядку. Она сделала свои утренние дела, съела завтрак (папа принёс домой двадцатипятифунтовый мешок с её кормом), затем захотела поиграть с обезьянкой. У меня ещё оставалось время, когда она закончила, поэтому я пошёл в гостиную проверить, работает ли винтажный телевизор. Потратил некоторое время на поиски пульта, но разумеется нелепый ящик мистера Боудича был из допультовой эры домашних развлечений. Под экраном было две больших круглых ручки. На той, что справа, имелись цифры — каналы, предположил я — поэтому я повернул левую.

Гудение телевизора не было таким тревожным, как звуки из сарая, но всё равно немного настораживало. Я отступил назад, надеясь, что он не взорвётся. Через некоторое время на экране появилось шоу «Тудэй» — Мэтт Лауэр и Саванна Гатри вели беседу с парой политиков. Картинка была не в 4К, и даже не 1К. По крайней мере, он показывал. Я попробовал подвигать антенну,

которую миссис Силвиус назвала «кроличьими ушами». Повернул её в одну сторону и изображение стало лучше (*незначительно* лучше). Повернул в другую и «Тудэй» утонула в «снегу». Я заглянул за телевизор. Задняя панель была вся в маленьких отверстиях для выхода тепла — вполне ощутимого — и через них было видно оранжевое свечение ламп. Я был почти уверен, что гудение издавали они.

Я выключил телевизор, представляя, как раздражает каждый раз вставать, чтобы переключить канал. Сказал Радар, что мне нужно идти в школу, но сначала сделаю ещё один снимок. Я дал ей обезьянку.

— Не могла бы ты подержать её во рту? Это довольно мило.

Радар была рада услужить.

2

Без бейсбольной тренировки я был в больнице уже после полудня. У стойки регистрации я спросил, разрешены ли посещения к мистеру Боудичу, ведь сестра говорила, что его ждёт ещё одна операция. Женщина за стойкой что-то проверила по монитору и разрешила мне пройти. Когда я повернулся к лифтам, она остановила меня и

сказала, что мне нужно заполнить форму. Чтобы иметь мои данные «на экстренный случай». В графе «пациент» было записано имя Говарда Адриана Боудича. Я был указан как Чарльз Рийд.

— Так это ты? — спросила она.

— Да, но фамилия написана неправильно. — Я зачеркнул и написал заново: *Рид*. — Он просил взять мои данные? Разве у него никого больше нет? Брата или сестры? Потому что я не думаю, что достаточно взрослый для принятия каких-либо весомых решений, если… Я не хотел заканчивать фразу, и она не стала просить меня об этом.

— Перед операцией он подписал НР.[14] А эта форма нужна, если ему понадобится, чтобы вы что-нибудь ему принесли.

— Что такое НР?

Женщина объяснила. Это было не совсем то, что я хотел бы услышать. Она так и не ответила на мой вопрос о родственниках, вероятно, она ничего о них не знала, да и откуда? Я вписал в бланк свой домашний адрес, электронную почту и номер мобильного. Затем я поднялся наверх, думая о том, что до хрена чего не знаю о Говарде Адриане Боудиче.

---

[14] Примечания: 14
Не реанимировать.

3

Он был в сознании, а его нога больше не была подвешена, но судя по медленной речи и туманному взгляду, мистер Боудич ещё был под кайфом.

— Снова ты, — сказал он, что было совсем не похоже на «как я рад тебя видеть, Чарли».

— Снова я, — подтвердил я.

Затем он улыбнулся. Если бы я знал его ближе, то посоветовал бы почаще улыбаться.

— Хватай стул и поведай мне как тебе это нравится?

Мистер Боудич откинул одеяло, показав сложное металлическое приспособление, которое охватывало его ногу от голени до верхней части бедра. Из ноги торчали тонкие стержни, места их входа в плоть были закрыты маленькими резиновыми прокладками, которые потемнели от запёкшейся крови. Его колено было перевязано и походило на буханку хлеба. Эти тоненькие стержни веером обвивали ногу.

Он увидел выражение моего лица и усмехнулся.

— Похоже на орудие пыток времён инквизиции, правда? Это называется внешним фиксатором.

— А это больно? — Глупейший вопрос на свете. Стальные стержни впивались прямо ему в кость.

— Уверен, будет больно, но к счастью у меня есть это. — Он протянул левую руку. В ней был прибор, отчасти похожий на пульт дистанционного управления, которого не хватало его старому телевизору. — Впрыскивает обезболивающее. Как бы помогает заглушить боль, но не настолько, чтобы прибалдеть. Но так как я никогда не принимал ничего сильнее эмпирина, кажется, что я улетел, как воздушный змей.

— Вполне может быть, — сказал я, и в этот раз он не просто усмехнулся, а откровенно рассмеялся. Я рассмеялся вместе с ним.

— Полагаю, болеть *будет*. — Он дотронулся до фиксатора, который образовывал ряд металлических колец вокруг ноги, настолько почерневшей от синяков, что даже смотреть на неё было больно. — Доктор, который устанавливал его сегодня утром, сказал, что подобные приспособления изобрели русские во время битвы под Сталинградом. — Он коснулся одного из тонких стальных стержней, как раз над окровавленной прокладкой. — Russkies[15] делали такие стержни из

[15] Примечания: 15

Именно так (вместо английского Russians) мистер Боудич произносит это слово.

велосипедных спиц.

— Как долго вам придётся его носить?

— Шесть недель, если повезёт, и заживление пойдёт хорошо. Три месяца, если не повезёт. Они поставили мне какую-то навороченную штуку, думаю, даже титановую, но, когда её снимут, нога будет одеревеневшей. Физиотерапия, вероятно, расшевелит её, но, как мне сказали, эта самая терапия «будет сопряжена со значительным дискомфортом». Если ты знаешь, кто такой Ницше, то понимаешь, что это значит.

— Думаю будет охрененно больно.

Я надеялся на новый смех — хотя бы на смешок — но он лишь слабо улыбнулся, дважды надавив пальцем на «штырящее» устройство.

— Полагаю, ты абсолютно прав. Если бы во время операции мне посчастливилось избавиться от этой бренной оболочки, я мог бы избежать этого «значительного дискомфорта».

— Вы же не серьёзно.

Его брови — седые и кустистые — сошлись вместе.

— Не говори мне, что серьёзно, а что нет. Это принижает меня, а тебя заставляет выглядеть глупо. Я знаю, с чем столкнулся. — Затем почти нехотя. — Я благодарен тебе за то, что пришёл

навестить меня. Как Радар?

— Хорошо. — Я показал ему новые фотографии. Он задержался на одной, где Радар сидела с обезьянкой в зубах. Наконец мистер Боудич вернул мне телефон.

— Поскольку у вас нет телефона, чтобы переслать фото, хотите я распечатаю?

— Я бы, конечно, не отказался. Спасибо, что кормишь её. И за проявленную заботу. Уверен, она ценит это. И я тоже.

— Она мне нравится. Мистер Боудич…

— Говард.

— Говард, хорошо. Я бы хотел постричь ваш газон, если вы не против. У вас в сарае есть газонокосилка?

Его взгляд стал настороженным, и он положил «пульт» на койку.

— Нет. В сарае ничего нет. Ничего полезного.

Тогда почему он закрыт? — очевидный вопрос, который я не мог задать.

— Что ж, я принесу нашу. Мы живём чуть дальше по улице.

Он вздохнул так, будто для него это было великой проблемой. Учитывая сегодняшний день, видимо, так и есть.

— Зачем тебе это? Нужны деньги? Хочешь под-

работать?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Я не хотел бы говорить об этом. Уверен и у вас есть то, о чём вы не хотите говорить, я прав? Например, банка с мукой. Или сарай.

Он не усмехнулся, но его губы дрогнули.

— Чересчур прав. Это что-то китайское? Спасёшь жизнь человеку и отныне несёшь за него ответственность?

— Нет. — Я думал о жизни отца. — Мы можем остановиться на этом? Я скошу траву и, может быть, починю забор перед домом. Если хотите.

Он долго смотрел на меня. Затем с озарением, которое меня немного поразило, сказал:

— Если я соглашусь, я окажу тебе услугу?

Я улыбнулся.

— Честно говоря, да.

— Хорошо, прекрасно. Но косилка умрёт с одного пучка этих зарослей. В подвале есть кое-какие инструменты. В основном негодные, но есть коса, которой можно укоротить траву для косилки, если ты уберёшь ржавчину и заточишь лезвие. На верстаке может быть даже точильный камень. Не пускай Радар вниз. Там крутые ступеньки и она может упасть.

— Хорошо. А что насчёт приставной лестницы? Что мне с ней делать?

— Она обитает под задним крыльцом. Жаль я не оставил её там, иначе не оказался бы здесь. Проклятые врачи с их проклятыми плохими новостями. Что-нибудь ещё?

— Ну… репортёр из «Уикли Сан» хочет написать заметку обо мне.

Мистер Боудич закатил глаза.

— *Эта* газетёнка. И ты согласишься?

— Так хочет мой отец. Сказал, что это может помочь при поступлении в колледж.

— Может, раз уж на то пошло. Лучше, чем попасть в «Нью-Йорк Краймс», не правда ли?

— Он попросил сфотографировать меня с Радар. Я сказал, что спрошу у вас, но подумал, что вы откажете. С чем я вполне могу смириться.

— Героическая собака — так ты хочешь это представить? Или по-другому?

— Я думаю, её заслуга должна быть отмечена, и она не станет возражать.

Мистер Боудич задумался.

— Хорошо, но я не хочу, чтобы он ступал на мой участок. Встанешь с Радар на тропинке. Пусть фотографирует от калитки. *Из-за* калитки. — Он взял обезболивающий прибор и пару раз нажал

на него. Затем неохотно, почти со страхом сказал: — У передней двери на крючке висит поводок. Я давно им не пользовался. Ей может понравиться прогулка по холму… с поводком, имей в виду. Если её собьёт машина, я никогда тебе этого не прощу.

Я сказал, что всё понимаю, так и сделаю. У мистера Боудича не было ни братьев, ни сестёр, ни бывшей жены, ни умершей. Радар единственная, кто у него остался.

— И не слишком далеко. Когда-то она могла пройти четыре мили, но то время давно прошло. Теперь иди. Пожалуй, посплю, пока они не принесут мне тарелку помоев, которые тут называют ужином.

— Хорошо. Был рад повидать вас. — Что было правдой. Мистер Боудич мне нравился, и, вероятно, нет нужды рассказывать вам, почему, но я скажу. Он нравился мне, потому что любил Радар, а теперь и я любил её.

Я встал, хотел похлопать его по руке, но не стал, и направился к двери.

— О Господи, есть ещё кое-что, — сказал он. — По крайней мере то, о чём я помню. Если я пробуду здесь до понедельника — а так оно и будет — придёт курьер.

— Доставка из «Крогерс»?

Он снова посмотрел на меня, как на идиота.

— «Тиллер и Сыновья».

Я знал о «Тиллере», но мы там не закупались, потому что это был, как говорится, магазин «для гурманов». В смысле — дорогой. Я смутно помнил, как на мой пятый или шестой день рождения мама принесла оттуда торт. Прослойкой была лимонная глазурь и сливки. Этот торт показался мне лучшим в мире.

— Обычно он приходит утром. Не мог бы ты позвонить им и попросить отсрочить доставку до второй половины дня, когда ты будешь на месте? У них всё расписано.

— Хорошо.

Он положил руку себе на лоб. Не скажу с уверенностью, потому что я стоял в дверном проходе, но мне показалось, что она слегка дрожит.

— И тебе придётся заплатить. Ты сможешь это сделать?

— Конечно. — Я бы попросил папу дать мне незаполненный чек и указал бы нужную сумму.

— После этого попроси их отменить еженедельную доставку, пока я не вернусь. — Мистер Боудич медленно провёл рукой по лицу, будто хотел разгладить морщины — безнадёжное де-

ло. — Чёрт возьми, я ненавижу быть зависимым. Зачем я вообще полез на эту лестницу? Должно быть, отупел от таблеток.

— С вами всё будет в порядке, — сказал я, но идя по коридору к лифтам я думал о том, что он сказал, когда мы говорили о лестнице: *«Проклятые врачи с их проклятыми плохими новостями»*. Наверное, он имел в виду то, как долго чёртова нога будет заживать, и возможно то, что чёртову физиотерапевту (возможно, чёртовому любителю вынюхивать) придётся приходить на дом.

Но я сомневался.

4

Я позвонил Биллу Харримэну и сказал, что он может сфотографировать меня с Радар, если он не передумал. Я передал ему условия мистера Боудича, и он сказал, что его всё устраивает.

— Он вроде как отшельник, верно? Я не могу ничего найти о нём в наших архивах или в «Зэ Бикон».

— Я не знаю. Вам подходит утро субботы?

Он согласился, и мы договорились встретиться в десять. Я сел на велосипед и поехал домой, легко крутя педали и тяжело размышляя. В первую очередь о Радар. Поводок висел в прихожей, дальше,

чем я до сих пор проходил по этому большому старому дому. Я вдруг понял, что у Радар вряд ли есть идентификационная бирка. А это, скорее всего, означало, что нет и сертификата на собаку, подтверждающего отсутствие бешенства или чего-то ещё. Была ли Радар когда-нибудь у ветеринара? Я сомневался в этом.

Мистеру Боудичу доставляли продукты, что казалось мне престижным способом купить пиво и «скитлс», а магазин «Тиллер и Сыновья» был определённо престижным местом, где закупались люди из высшего класса, у которых было полно хрустящих бумажек. Что заставляло меня, как и моего отца, задуматься, чем мистер Боудич зарабатывал на жизнь перед тем как уйти на пенсию. У него была изящная манера говорить, почти как у профессора, но я не думал, что преподаватели на пенсии могут позволить себе делать покупки в магазине, который хвастался наличием «винного погреба». Старый телевизор. Нет компьютера (я готов был побиться об заклад) и нет мобильного телефона. А также нет машины. Я знал его среднее имя, но не представлял, сколько ему лет.

Когда я добрался до дома, то позвонил в «Тиллер» и перенёс доставку на три часа дня. Я

подумывал взять домашнее задание с собой в дом мистера Боудича, когда Энди Чен впервые за очень долгое время постучал в заднюю дверь. В детстве мы с Энди и Берти Бёрдом были неразлучны, даже называли себя тремя мушкетёрами, но семья Берти переехала в Дирборн (возможно, к моему счастью), а Энди был умником, который посещал кучу предметов по углублённой программе, включая физику в соседнем филиале Университета Иллинойса. И конечно же он был спортсменом, преуспев в двух видах спорта, которыми я не занимался. Одним из них был теннис. Другим — баскетбол, под руководством Харкнесса, и я догадывался, зачем Энди пришёл.

— Тренер говорит, тебе надо вернуться и играть в бейсбол, — сказал Энди, проверив наш холодильник на предмет чего-нибудь вкусненького. Он выбрал остатки курицы кунг-пао. — Говорит, ты подводишь команду.

— Ой-ой, пакуй чемоданы, мы отправляемся в путь на поезде вины, — сказал я. — Но я так не думаю.

— Он говорит, тебе не надо извиниться.

— Я и не собирался.

— У него крыша поехала, — сказал Энди. — Зна-

ешь, как он меня называет? Жёлтой угрозой.[16] Говорит: иди туда, жёлтая угроза, и приведи этого засранца.

— И ты миришься с этим? — Меня это одновременно удивило и ужаснуло.

— Он думает, это комплимент, который я нахожу забавным. К тому же ещё два сезона в Хиллвью, и я уйду играть в Хофстра. Первый дивизион — я иду к тебе. Во всю прыть, детка. И больше я не буду «жёлтой угрозой». Ты и правда спас жизнь тому старику? Так говорят в школе.

— Его спасла собака. Я просто набрал 911.

— Она не разорвала тебе глотку?

— Нет. Она милашка. И старая.

— Она не была старой, когда *я* видел её. В тот день она жаждала крови. А там жутко внутри? Чучела животных? Часы «Кит-Кэт», которые преследуют тебя взглядом? Бензопила в подвале? Дети говорят, он может быть серийным убийцей.

— Он не серийный убийца и дом не жуткий. — Это была правда. Сарай — вот что жутко. Тот странный чирикающий звук был жутким. И Ра-

---

[16] Примечания: 16

Жёлтая угроза — расистская метафора, изображающая народы «жёлтой» монголоидной расы Восточной или Юго-Восточной Азии в качестве экзистенциальной угрозы «белой» европеоидной расе и её народам.

дар *тоже* знала, что этот звук был жутким.

— Ладно, — сказал Энди. — Я передал тебе послание. Есть ещё что пожевать? Печенье?

— Неа. — Печенье осталось в доме мистера Боудича. Шоколадные зефирки и ореховое печенье, без сомнения купленные в «Тиллер и Сыновья».

— Ладно. Увидимся, чувак.

— Давай, жёлтая угроза.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. На минуту-другую мы снова стали одиннадцатилетними.

5

В субботу я сфотографировался вместе с Радар. В прихожей и правда нашёлся поводок, он висел рядом с зимним пальто, под которым стояла пара старомодных калош. Я подумал было проверить карманы пальто — просто посмотреть, что там может оказаться, — но велел себе не вынюхивать. К поводку крепился простой ошейник, без бирки. С точки зрения городских властей, собака мистера Боудича летала, ха-ха, ниже радара. Мы прошли по дорожке к калитке и стали ждать появления Билла Харримэна. Он прибыл минута в минуту, за рулём побитого старого «мустанга», и выглядел, как прошлогодний выпускник

колледжа.

Радар издала несколько символических рыков, когда Харримэн припарковался и вышел. Я сказал ей, что он не опасен, и она успокоилась, только просунула нос между ржавых прутьев калитки понюхать его штанину. Она снова зарычала, когда он протянул мне руку поверх калитки.

— Сторожевая, — заметил он.

— Думаю, так и есть.

Я ожидал, что у Харримэна будет большой фотоаппарат — вероятно, эту мысль навеяли фильмы «Ти-Си-Эм» о газетных репортёрах-крестоносцах, — но от сфотографировал нас на свой мобильник. После двух-трёх снимков он спросил, нельзя ли, чтобы Радар присела.

— А ты опустись рядом на колено. Это будет хороший кадр. Просто подросток и его собака.

— Она не моя, — сказал я, подумав о том, что она уже стала моей. По крайней мере, на время. Я попросил Радар сесть, не зная согласится ли она. Она села в тот же момент, будто ждала команды. Я опустился рядом с ней. Я заметил миссис Ричлэнд, которая вышла понаблюдать за нами, прикрывая глаза ладонью от солнца.

— Приобними её рукой, — попросил Харримэн.

Как только я сделал это, Радар лизнула меня в

щёку. Я рассмеялся. Именно этот снимок попал в следующий выпуск «Сан». И как выяснилось, не только туда.

— Каково там внутри? — спросил Харримэн, показывая на дом.

Я пожал плечами.

— Наверное, как в любом другом доме. Обычно. — Не то, чтобы я знал, видев только коридор Старого Чтива, кухню, гостиную и прихожую.

— Ничего необычного? Потому что он выглядит пугающе.

Я открыл рот, чтобы рассказать про телевизор из времён, когда не существовало кабельных каналов, не говоря уж о стриминге, но снова закрыл. До меня дошло, что Харримэн перешёл от съёмки к интервью. По крайней мере, попытался. Будучи новичком, он не отличался особенной утончённостью.

— Нет, это просто дом. Я, пожалуй, пойду.

— Ты будешь заботиться о собаке, пока мистера Боудича не выпишут из больницы?

На этот раз я протянул руку первым. Радар не зарычала, но внимательно наблюдала на всякий случай. «Надеюсь, фотографии получились хорошими. Пойдём, Радар».

Я направился в сторону дома. Когда обернулся,

Харримэн переходил улицу, чтобы поговорить с миссис Ричлэнд. Я ничего не мог с этим поделать, поэтому просто пошёл вокруг дома, а Радар следовала за мной по пятам. Я заметил, что после прогулки она выглядела бодрее.

Я засунул приставную лестницу под крыльцо, где также лежала лопата для снега и большие старые садовые ножницы, такие же ржавые, как засов на калитке, и, вероятно, управляться с ними было так же трудно. Радар смотрела на меня сверху вниз, стоя на крыльце; это была настолько милая картина, что я сделал ещё один снимок. Я начинал терять голову из-за Радар. Я знал это и не был против.

Под кухонной раковиной стояли чистящие средства и аккуратная стопка бумажных пакетов с логотипом «Тиллера». Также там были резиновые перчатки. Я надел их, взял пакет и отправился на поиски какашек. Нашёл много.

В воскресенье я снова посадил Радар на поводок и прогулялся с ней до нашего дома. Сначала она, вернее, мы оба, двигались неторопливо из-за её артрита и потому, что она совершенно не привыкла гулять далеко от дома. Она продолжала поглядывать на меня, ища поддержки, и это трогало моё сердце. Но через какое-то время

она начала двигаться более лёгкой и уверенной походкой, останавливаясь понюхать телефонные столбы и приседая то тут, то там, чтобы другие собаки знали, что Радар Боудича была здесь.

Папа был дома. Радар сначала отпрянула от него, зарычав, но когда папа протянул ей руку, она подошла и понюхала её. Полкусочка болонской колбасы скрепили знакомство. Мы пробыли там около часа. Папа расспросил меня о фотосессии и рассмеялся, когда я сказал, как Харримэн попытался разузнать у меня о внутренней обстановке дома, и как я заткнул его.

— Он наберётся опыта, если останется в новостном бизнесе, — сказал папа. «Уикли Сан» — как раз подходящее для этого место.

К этому времени Радар дремала рядом с диваном, где папа однажды отключился пьяный. Он наклонился и взъерошил ей шёрстку.

— Держу пари, в рассвете сил она была, как *ураган*.

Я вспомнил рассказ Энди об ужасном звере, с которым он столкнулся четыре или пять лет назад и согласился.

— Тебе надо поискать, есть ли у мистера Боудича какие-нибудь собачьи лекарства от артрита. И, скорее всего, ей следует принять таблетку от

сердечного гельминта.

— Я проверю. — До этого я снял поводок, но теперь прицепил его обратно к ошейнику. Радар подняла голову. — Нам пора назад.

— Не хочешь оставить её здесь на день? Кажется, ей тут вполне комфортно.

— Нет, я должен отвести её обратно.

Если бы он спросил почему, я сказал бы ему правду — потому что, думаю, Говарду Боудичу не понравится, если Радар останется здесь.

— Хорошо. Вас подвезти?

— Не нужно. Думаю, с ней всё будет хорошо, если мы пойдём медленно.

Так и было. На обратном пути вверх по склону холма, Радар с радостью обнюхивала траву на чужих газонах.

6

В понедельник днём подъехал аккуратный маленький зелёный фургон с надписью: «ТИЛЛЕР И СЫНОВЬЯ» на борту (сделанную золотом, не иначе). Водитель спросил меня, где мистер Боудич. Я рассказал ему, и он протянул мне пакеты через калитку, будто это в порядке вещей; думаю, так и было. Я вписал сумму в пустой чек, подписанный отцом — меня привела в ужас мысль о ста пяти

долларах за три пакета продуктов — и отдал его. Там были бараньи отбивные и фарш из вырезки, которые я положил в морозилку. Я не собирался есть его еду (за исключением печенья), но и не хотел, чтобы она пропала.

Покончив с этим, я спустился в подвал, закрыв дверь, чтобы Радар не попыталась пойти за мной. Он ни в малейшей степени не походил на подвал серийного убийцы, только плесень да пыль, будто там давно никто не бывал. На потолке рядком висели флуоресцентные лампы, одна из них на последнем издыхании. Цементный пол. На крючках висели инструменты, включая косу, как у Смерти из мультиков.

В центре помещения стоял верстак, накрытый тканью. Я приподнял край и увидел частично собранный пазл, который, казалось, состоял из миллиона деталей. По тому, что я мог видеть (там не было упаковки, чтобы удостовериться), картинка походила на горный луг со Скалистыми горами на заднем фоне. С одного конца стола, где было разложено большинство деталей, стоял раскладной стул. Стул покрылся пылью, из чего я сделал вывод, что мистер Боудич уже давно не работал над этим пазлом. Возможно, он сдался. Я бы так и сделал. Большинство оставшихся деталей

представляли собой обычное голубое небо без единого облачка, нарушающего однообразность. Возможно, я рассказываю об этом подробнее, чем нужно… а, может, и нет. Было в этом что-то печальное. Тогда я не мог выразить причину этой печали, но теперь я стал старше и, кажется, могу. Это касалось пазла, а также древнего телевизора и коридора Старого Чтива. Это касалось занятий одинокого пожилого мужчины и пыли — на складном стуле, на книгах и журналах, — что наводило на мысль: всё подходит к концу. Единственными вещами в подвале, которыми, казалось, пользовались регулярно, были стиральная машина и сушилка.

Я накрыл обратно пазл и проверил шкаф между печью и водонагревателем. Он был старомодным, со множеством выдвижных ящиков. В одном я нашёл отвёртки; в другом — плоскогубцы и гаечные ключи; пачку квитанций, обёрнутых резинкой — в третьем; в четвёртом — стамески и то, что казалось точильным бруском. Я засунул брусок в карман, взял косу и пошёл наверх. Радар хотела прыгнуть на меня, но я велел ей стоять спокойно, чтобы случайно не ткнуть её лезвием.

Мы вышли наружу, где у моего телефона, как я знал, будет хороший прием. Я сел на ступеньки,

Радар уселась рядом. Я открыл «Сафари», набрал *«заточка с помощью точильного бруска»*, посмотрел пару видео, затем приступил к работе. У меня не ушло много времени, чтобы кромка лезвия стала острой.

Я сделал снимок для мистера Боудича, затем поехал на велосипеде в больницу. Нашёл его спящим. Поехал обратно в предвечерних сумерках и накормил Радар. Я немного скучал по бейсболу.

Ну… может быть, больше, чем немного.

7

Во вторник днём я начал косить высокую траву, сначала на переднем дворе, потом на заднем. Через час или около того я взглянул на свои покрасневшие руки и понял, что до мозолей осталось недолго, если я не поберегусь. Я прицепил Радар поводок, дошёл с ней до нашего дома, и отыскал в гараже пару папиных рабочих перчаток. Мы вернулись обратно не торопясь, чтобы поберечь больные лапы Радар. Я ударно покосил траву, пока Радар дремала, затем покормил её и закруглился. На заднем дворе папа приготовил гамбургеры, я съел три. Плюс вишнёвый пирог на десерт.

Папа отвёз меня в больницу и остался внизу

читать свои отчёты, пока я ходил навестить мистера Боудича. На ужин у него тоже был гамбургер, плюс макароны с сыром, но он почти не притронулся к ним. Разумеется, он не махал два часа косой, и хотя пытался быть вежливым и посмотрел новые фотографии Радар (а также косы и полускошеной передней лужайки), было понятно, что он испытывает сильную боль. Он продолжал нажимать на кнопку устройства, впрыскивающего дозу обезболивающего. Когда он нажал в третий раз, раздался низкий жужжащий звук, как в телеигре, когда участник даёт неправильный ответ.

— Сраная штука. Я израсходовал свой максимум на день. Лучше иди, Чарли, пока я не начал огрызаться на тебя только потому, что чувствую себя жалким. Приходи в пятницу. Нет, в субботу. Возможно, к тому времени мне станет легче.

— Известно, когда вас выпишут?

— В воскресенье, может быть. Приходила женщина и сказала, что хочет помощь мне поработать над… — Он поднял свои большие руки, покрытые синяками от капельницы с внутренней стороны, и изобразил кавычки. — …«планом по восстановлению». Я велел ей идти на хер. Не так прямо. Я пытаюсь быть хорошим пациентом,

но это трудно. И дело тут не только в боли, это… — Он вяло развёл руки и положил их обратно на одеяло.

— Слишком много людей, — сказал я. — Вы не привыкли к этому.

— Ты понимаешь. Слава Богу, кто-то понимает. И слишком много *шума*. Перед тем как уйти, женщина — её фамилия Рэйвенхаггер или как-то так — спросила, есть ли у меня кровать на первом этаже. Нет, но есть раздвижной диван. Хотя он не предназначен для длительного использования в качестве кровати. Думаю… вообще не предназначен. Я купил его только потому, что была распродажа.

— Я могу застелить его, если вы скажете, где лежат простыни.

— Ты знаешь, как это делается?

Будучи сыном вдовца, ставшего активным алкоголиком, я знал. А также как стирать одежду и покупать продукты. Я был прилежным иждевенцем.

— Да.

— Бельевой шкаф. Второй этаж. Ты ещё там не был?

Я помотал головой.

— Что ж, полагаю, пришло твоё время. Он на-

против моей спальни. Спасибо.

— Без проблем. В следующий раз, когда придёт эта женщина, скажите ей, что я ваш план по восстановлению. — Я встал. — Пожалуй, пойду — дам вам отдохнуть.

Я направился к двери. Мистер Боудич произнёс моё имя, и я обернулся.

— Ты — лучшее, что со мной случилось за долгое время. — Затем скорее себе, чем мне, добавил: — Я собираюсь довериться тебе. Другого выбора у меня нет.

Я передал папе, что я лучшее, что случилось с мистером Боудичем, но не стал говорить насчёт доверия. Что-то подсказало мне умолчать об этом. Папа крепко обнял меня и поцеловал в щёку, сказав, что гордится мной.

Это был прекрасный день.

8

В четверг я заставил себя снова постучать в дверь сарая. Мне не очень-то нравилась эта маленькая постройка. Никто не постучал в ответ. Ни поскрёбся. Я попытался убедить себя, что выдумал этот странный чирикающий звук, но если так, то Радар тоже выдумала его, а я сомневался, что собаки сильны по части выдумки. С

другой стороны, она могла отреагировать на мою реакцию. Или, если говорить начистоту, она могла уловить мой страх и моё инстинктивное отторжение.

В пятницу я покатил нашу газонокосилку вверх по улице и приступил к работе на полускошеном дворе. Я решил, что к выходным всё будет выглядеть довольно прилично. На следующей неделе начинались весенние каникулы и большую их часть я собирался провести по адресу Сикамор, дом № 1. Я мог помыть окна, затем взялся бы за штакетник — выпрямил бы его и подровнял. Я подумал, что увидев всё это, мистер Боудич приободрится.

Я косил вдоль стены дома со стороны Пайн-Стрит (Радар была внутри, не желая встречаться с грохочущей газонокосилкой), когда в кармане завибрировал мой телефон. Я заглушил косилку и увидел на экране: «БОЛЬНИЦА АРКАДИА». Я ответил на звонок с замиранием сердца, уверенный, мне сообщат, что мистер Боудич совсем плох. Или, что ещё хуже, он скончался.

Да, речь шла о нём, но ничего страшного. Женщина по фамилии Рэйвенсбургер спросила, не смогу ли я прийти завтра в девять утра обсудить «восстановление и последующий уход» за ми-

стером Боудичем. Я согласился, и она попросила прийти с родителем или опекуном. Я ответил, что возможно.

— Я видела вашу фотографию в газете. С его замечательной собакой. Мистер Боудич в неоплатном долгу перед вами обоими.

Я предположил, что она говорит о «Сан», может, так и было. Но мы с Радар оказались и в другом издании. А точнее говоря, во всех.

Папа пришёл поздно, как и обычно по пятницам, и принёс выпуск «Чикаго Трибьюн», открытый на второй странице, где находилась маленькая боковая колонка под названием «Другие новости». В ней были собраны более жизнеутверждающие новости, чем на передней странице. Статья обо мне и Радар называлась «СОБАКА-ГЕРОЙ, ПОДРОСТОК-ГЕРОЙ». Не скажу, что был поражён заметкой про себя в «Триб», но я был удивлён. Этот мир довольно хорош, несмотря на свидетельства обратного, и тысячи людей каждый день совершают тысячи добрых дел (может быть, миллионы). В том, что подросток помог старику, который упал с лестницы и сломал себе ногу, не было ничего особенного, но картинка продавалась. Радар застыла в попытке лизнуть меня, а я приобнял её рукой за шею и

смеялся с откинутой назад головой. И смею вам сказать, выглядел я вполне симпатичным. Что заставило меня подумать, видела ли эту статью Джина Паскарелли, девушка моей мечты?

— Видишь это? — спросил папа, постукивая по подписи. — АП. «Ассошиэйтед Пресс». Эта фотография, вероятно, попала сегодня в пятьсот-шестьсот газет от побережья до побережья. Не говоря уж об интернете. Энди Уорхол говорил, что со временем каждый в Америке получит свои пятнадцать минут славы, и я считаю, ты получил свою четверть часа. Хочешь сходить в «Бинго» отпраздновать?

Разумеется, я хотел, и пока уплетал говяжьи рёбрышки (двойную порцию), спросил отца, сможет ли он завтра пойти со мной в больницу, поговорить с миссис Рэйвенсбургер. Он сказал, что это доставит ему удовольствие.

9

Мы собрались в офисе миссис Рэйвенсбургер. С ней была молодая женщина по имени Мелисса Уилкокс, высокая и подтянутая, её светлые волосы были собраны в простой короткий хвостик. Ей предстояло стать физиотерапевтом мистера Боудича. Говорила в основном она, иногда за-

глядывая в маленький блокнот, словно боялась что-то забыть. Мелисса сказала, что после «некоторого обсуждения» мистер Боудич согласился пускать её в дом дважды в неделю, чтобы поработать над диапазоном его движений и снова поставить на ноги, сначала с помощью канадских костылей — с металлическими кольцами для опоры рук — затем с ходунками. Она также будет брать его анализы, дабы убедиться, что он «хорошо прогрессирует», и проверять то, что называется «уходом за спицами».

— Которым придётся заниматься тебе, Чарли.

Я спросил её, что это значит. Мелисса объяснила, что стержни, которые торчат из ноги, нужно регулярно протирать с дезинфицирующим средством. Сказала, что это болезненная процедура, но не настолько болезненная, как инфекция, которая может привести к гангрене.

— Я хотела приходить четыре раза в неделю, но мистер Боудич не разрешил, — сказала Мелисса. — Он очень чётко представляет, чего хочет, а чего нет.

«А то я не знаю», — подумал я.

— Поначалу ему во многом понадобится помощь, Чарли, и он сказал, что ты её окажешь.

— По его словам, — вставила миссис Рэйвенс-

бургер, — *ты* его план по восстановлению. — Она обращалась ко мне, но смотрела на моего отца, как бы призывая его возразить.

Он не стал.

Мелисса перевернула страницу своего маленького ярко-фиолетового блокнота с оскалившимся тигром на обложке.

— Он сказал, на первом этаже есть ванная?

— Да. — Я не стал говорить, что она очень тесная. Она сама это выяснит при первом посещении дома.

Она кивнула.

— Это очень хорошо, потому что какое-то время он не сможет подниматься по лестнице.

— Но со временем он сможет?

— Если хорошо постарается, конечно. Он пожилой — утверждает, что не помнит, сколько ему лет — но он в хорошей форме. Не курит, говорит, что не выпивает, не имеет лишнего веса.

— Это важно, — сказал папа.

— Так и есть. Избыток веса — большая проблема, особенно для пожилых. Ожидается, что его выпишут в понедельник. Перед этим стоит установить в туалете поручни. Вы сможете сделать это за уикенд? Если нет, мы подержим его до вторника.

— Я смогу. — В ближайшем будущем я видел себя за просмотром множества роликов на «Ютьюб».

— Ему понадобится мочеприёмник и «утка» на крайний случай. Ты справишься с этим?

Я ответил «да». Мне не раз приходилось убирать рвоту, хотя выносить кал в туалет — это могло бы стать шагом вперёд.

Мелисса закрыла свой блокнот.

— Есть ещё тысяча других мелочей, в основном, незначительных. Это поможет. Загляни туда.

Она протянула мне брошюру, которую достала из заднего кармана джинсов. Она не была озаглавлена «Домашний уход для чайников», но могла бы. Я пообещал прочитать и сунул брошюру в свой задний карман.

— Я буду лучше понимать, что нужно, когда увижу дом своими глазами, — сказала Мелисса. — Хотела забежать туда сегодня днём, но он очень настаивал, чтобы я не заходила внутрь, пока он не вернётся.

Да, мистер Боудич мог быть очень настойчивым. Мне уже приходилось в этом убедиться.

— Ты уверен, что хочешь взяться за это, Чарли? — спросила миссис Рэйвенсбургер. В этот раз она не взглянула на моего отца.

— Да.

— Даже, если придётся остаться с ним в первые три-четыре ночи? — спросила Мелисса. — Я пыталась обсудить возможность пребывания в реабилитационном центре — есть один хороший под названием «Ривервью», где имеются свободные места, — но он и слышать об этом не хотел. Сказал, что просто хочет домой.

— Я смогу остаться с ним. — Хотя мне было не по себе от мысли, что придётся спать в верхней спальне, которую я пока даже не видел. — Без проблем. У меня каникулы.

Миссис Рэйвенсбургер повернулась к моему отцу.

— *Вас* устраивает это соглашение, мистер Рид?

Я ждал, гадая, что он скажет, но он обнадёжил меня.

— Я немного беспокоюсь, что вполне естественно, но подопечный Чарли, мистер Боудич, похоже, сблизился с ним, и у него никого больше нет.

Я сказал:

— Миссис Уилкокс, насчёт дома…

Она улыбнулась.

— Мелисса, если не против. Всё-таки мы скоро станем коллегами.

Было легче назвать её Мелиссой, чем мистера

Боудича Говардом, потому что она была ближе к моему возрасту.

— Насчёт дома — не принимайте это близко к сердцу, он вовсе не имел в виду, что вы можете что-нибудь украсть, или что-то подобное. Он просто… в общем… — Я не знал, как закончить, но помог папа.

— Он замкнутый человек.

— Точно, — сказал я. — И сделайте скидку на то, что он немного ворчлив. Потому что…

Мелисса не стала дожидаться продолжения.

— Поверь мне, будь у меня на ноге внешний фиксатор, удерживающий сломанные кости вместе, я тоже была бы ворчливой.

— Как у него обстоят дела со страховкой? — спросил папа миссис Рэйвенсбурген. — Вы можете сказать?

Миссис Рэйвенсбургер и Мелисса Уилкокс переглянулись. Миссис Рэйвенсбургер сказала:

— Мне неудобно вдаваться в подробности финансового положения пациента, но по словам казначея, он намерен лично позаботиться о своих расходах.

— О, — произнёс отец, будто это всё объясняло. Его лицо говорило об обратном. Он поднялся и пожал руку миссис Рэйвенсбургер. Я сделал то

же самое.

Мелисса последовала за нами в коридор, будто скользя в своих ослепительно белых кроссовках.

— Эл-Эс-Ю? — спросил я.

Она удивилась.

— Как ты догадался?

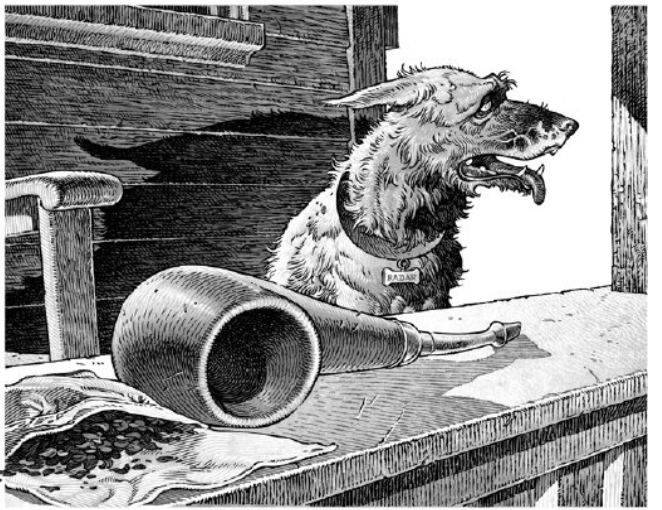
— По блокноту. Баскетбол?

Она улыбнулась.

— И волейбол.

Учитывая её рост, держу пари, у неё был адский удар.

Глава пятая



Поход по магазинам. Трубка моего отца. Звонок от мистера Боудича. Банка с мукой.

1

ы отправились в хозяйственный магазин за поручнем, затем в зоомагазин, где также находилась ветеринарная клиника. Я купил Радар жевательные таблетки от сердечного гельминта и «Капрофен» от артрита. Эти лекарства отпускаются по рецепту, но когда я объяснил ситуацию, продавщица дала их мне, уточнив только, что расплатиться нужно наличными. Она объяснила, что мистер Боудич покупал у них всё для Радар, доплачивая за доставку. Папа воспользовался своей кредиткой для покупки поручня. Лекарства я купил на свои деньги. Нашей последней остановкой была аптека, где я купил мочеприёмник с длинным горлышком, «утку», дезинфицирующее средство для обработки стержней, и две бутылки усиленного стеклоочистителя. За это я тоже расплатился сам, но не наличными. У меня была «Виза» с лимитом в двести пятьдесят долларов, но я не переживал, что оплата не пройдёт. Я никогда не увлекался покупками до упаду.

По дороге домой я всё ожидал, что папа заговорит со мной об этом обязательстве, которое я на себя взял… которое, в конце концов, было доволь-

но весомым для семнадцатилетнего парня. Но он не поднимал эту тему, просто слушал классик-рок по радио и иногда подпевал. Довольно скоро я узнал, что он только обдумывал, что сказать.

Я прошёл в дом мистера Боудича, где меня встретила Радар. Положив лекарства на кухонный стол, я заглянул в ванную. Подумал, что тесное помещение как раз подходит для установки поручня (и для его использования), но эта работа предстояла мне завтра. Я вспомнил, что в подвале видел кучу чистых тряпок на полке над стиральной машиной, спустился вниз и взял небольшую стопку. Стоял прекрасный весенний день, и первоначально я подумывал провести его на улице, выравнивая штакетник, но решил сначала заняться окнами, чтобы запах очистителя успел выветриться перед возвращением мистера Боудича. А ещё это давало мне повод обойти дом.

Помимо кухни, кладовой и гостиной — мест, где он фактически жил, — была ещё столовая с длинным столом, покрытым скатертью. Стульев там не было, отчего она выглядела довольно пустынной. Также я нашёл комнату, похожую на кабинет или библиотеку, или на сочетание того и другого. С неподдельным ужасом я увидел, что потолок протекает, и некоторые книги подмо-

чило. Они были добротными, дорогими на вид и в кожаных переплётах, не то что небрежные стопки в коридоре. Там было собрание Диккенса, Киплинга, Марка Твена и кого-то по имени Таккерэй. Я решил, когда будет время, достать их с полок, разложить на полу и посмотреть, можно ли их спасти. Скорее всего, на «Ютьюб» были ролики о том, как это сделать. Той весной я часто заходил на «Ютьюб».

На втором этаже было три спальни, плюс бельевой шкаф и ещё одна ванная, размером побольше. В спальне были еще полки с книгами, и лампа для чтения возле кровати, в которой очевидно спал мистер Боудич. Книги были в основном в мягких обложках — детективы, научная фантастика, фэнтези и второсортные ужастики сороковых годов. Некоторые выглядели вполне прилично, и я решил, что если всё пойдёт хорошо, то попрошу что-нибудь из этого почитать. Таккерей, возможно, будет тяжеловат, но «Невеста в чёрном» казалась в моём вкусе. Да, пышногрудая невеста на обложке была одета в чёрное, но лишь частично. На прикроватном столике лежали две книги: «Надвигается беда» Рэя Брэдбери в мягкой обложке, а в твёрдой — том, озаглавленный «Происхождение фантазии и её место в мировой

структуре: Юнгианские перспективы». На обложке была изображена воронка, заполняющаяся звёздами.

В одной из других спален стояла застеленная двойная кровать, но покрытая клеёнкой. Третья была совершенно пуста и пахла затхлостью. Будь на мне ботинки вместо кроссовок, мои шаги отзывались бы жутким глухим эхом.

Узкая лестница (*Психо*-лестница) вела на третий этаж. Не совсем чердак, но использовался в качестве такового. В трёх комнатах была разбросана куча мебели, включая шесть причудливых стульев, которые вероятно шли в комплекте со столом в обеденной комнате, и кровать из пустой спальни, изголовье которой лежало поперёк сверху. Там стояла пара велосипедов (один без колеса), пыльные коробки со старыми журналами, а в третьей, самой маленькой комнате, деревянный ящик с чем-то похожим на плотницкие инструменты из той поры, когда звуковое кино ещё было в новинку. Сбоку виднелись выцветшие инициалы «АБ». Я взял дрель, надеясь, что она поможет мне в установке поручня, но её намертво заклинило. И не удивительно. Крыша протекала в углу, где лежали инструменты, и всё — дрель, два молотка, пила, уровень с бесформенным жёл-

тым пузырьком в центре — отправилось в страну ржавчины. Нужно что-то делать с протекающей крышей, подумал я, и до начала следующей зимы, иначе сгниют стропила. Если уже не сгнили.

Я начал с окон на третьем этаже, потому что они были самыми грязными. Прямо-таки замызганными. Представил, как часто мне придётся менять воду — к тому же внутренняя часть окон была лишь половиной работы. Я прервался на обед, разогрев банку чили на старой электроплите «Хотпоинт».

— Хочешь облизать тарелку? — спросил я Радар. Она посмотрела на меня своими большими карими глазами. — Я не скажу, если ты не скажешь.

Я опустил тарелку на пол, и она подошла к ней. Затем я вернулся к окнам. Провозился до середины дня. Кожа на пальцах сморщилась, а руки устали от постоянного протирания, но «Виндекс» и уксус (лайфхак с «Ютьюба») сотворили чудо. Дом наполнился светом.

— Мне нравится, — сказал я Радар. — Хочешь прогуляться до моего дома? Посмотреть, чем занимается папа?

Она согласно гавкнула.

2

Папа ждал меня на переднем крыльце. Его трубка лежала на перилах вместе с кисетом табака. Это означало, что всё-таки у нас будет разговор. И серьёзный.

Было время, когда папа курил сигареты. Я не помню, сколько мне было лет, когда мама подарила ему на день рождения трубку. Не такую вычурную, как у Шерлока Холмса, но, думаю, дорогую. Помню она просила его бросить раковые палочки, и он всё обещал (неопределённо, как делают зависимые), что постарается. Трубка помогла. Сначала он перестал докуривать сигареты до конца, затем совсем отказался от них незадолго до того, как мама перешла проклятый мост, чтобы купить нам курицу.

Мне нравился запах табака «Три Сэйлс», который папа покупал в табачной лавке в центре города, но довольно часто нюхать было нечего, потому что он курил всё реже. Возможно, это было частью маминого генерального плана, но мне так и не довелось спросить её. В конце концов трубка перекочевала на подставку на каминной полке. По крайней мере, до гибели мамы. Затем она снова пригодилась. Я никогда не видел папу

с сигаретой во время его запойных лет, но трубка всегда была с ним по ночам, когда он смотрел старые фильмы, хотя он редко зажигал её или даже наполнял чашу табаком. Однако он сильно изжевал мундштук и чубук, и то и другое пришлось заменить. Он брал трубку с собой на собрания АА. Там нельзя было курить, поэтому он жевал мундштук, иногда (об это мне рассказал Линди Франклин) повернув трубку чашей вниз.

Примерно ко времени второй годовщины его трезвости, трубка вернулась обратно на каминную полку. Как-то раз я спросил о ней, и отец ответил: «Я два года в завязке. Думаю, пора перестать стачивать зубы».

Но периодически трубка возвращалась. Перед некоторыми важными встречами агентов в Чикаго, если ему предстояло провести презентацию. Всегда на годовщину смерти мамы. И вот сейчас. С табаком, что значило — будет *очень* серьёзный разговор.

Радар взобралась на крыльцо, как и подобает старушке, останавливаясь, чтобы изучить каждую ступеньку. Когда она наконец справилась, папа почесал её за ушами.

— Кто у нас хорошая девочка?

Радар издала гавкающий звук и улеглась рядом

с папиным креслом-качалкой. Я сел в другое кресло.

— Ты уже давал ей таблетки?

— Ещё нет. Я добавлю их в её ужин.

— Ты не забрал поручень.

— Оставил на завтра. Сегодня вечером почитаю инструкцию. — А также брошюру «Уход на дому для чайников». — Я возьму твою дрель, ладно? Я нашёл чью-то коробку с инструментами и инициалами «АБ», возможно, его отца или деда, но там всё ржавое. Крыша протекает.

— Пользуйся на здоровье. — Отец потянулся за трубкой. Чаша была уже наполнена. В кармане у него лежало несколько кухонных спичек, и он зажёг одну ногтем большого пальца — трюк, который восхищал меня в детстве. И если честно, до сих пор. — Знаешь, я с радостью пойду с тобой и помогу.

— Не нужно, спасибо. Эта ванная очень маленькая и мы будем мешаться друг другу.

— Но ведь дело не только в этом, я прав, Чип?

Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз так меня называл? Лет пять? Он поднёс зажжённую спичку — догоревшую почти до середины — к чаше и начал втягивать воздух. И, разумеется, он ждал моего ответа, но

мне нечего было сказать. Радар подняла голову, вдохнула ароматный табачный дым, затем снова уткнулась носом в доски крыльца. Она выглядела вполне довольной.

Папа потушил спичку.

— Там есть что-то такое, что ты не хотел бы мне показывать?

Мне вспомнилось, как Энди спрашивал о чучелах животных и жутких часах «Кит-Кэт», которые преследуют тебя взглядом. Я улыбнулся.

— Нет, это обычный дом, довольно ветхий, с протекающей крышей. С этим нужно что-то делать.

Он кивнул и пыхнул трубкой.

— Я разговаривал с Линди об этом… об этой ситуации.

Я не удивился. Линди его поручитель, и папа мог обсуждать с ним темы, которые тревожили его.

— Он говорит, возможно, у тебя склонность к опеке. Ещё с той поры, когда я пил. Бог свидетель, ты заботился обо мне, несмотря на свой юный возраст. Прибирался в доме, мыл посуду, сам себе готовил завтрак, а иногда и ужин. — Он остановился. — Мне тяжело вспоминать те дни, и ещё тяжелее говорить о них.

— Дело не в этом.

— Тогда в чём же?

Я всё ещё не хотел говорить ему, что заключил сделку с Богом и должен сдержать слово, но было кое-что, что я *мог* ему сказать. То, что он мог понять, и что, к счастью, было правдой.

— Ты знаешь, что в АА говорят о поддержании позиции благодарности?

Он кивнул.

— Благодарный алкоголик не напивается. Вот, что они говорят.

— И я благодарен, что ты больше не пьёшь. Может быть, я не часто говорю об этом, но это правда. Поэтому давай просто скажем, что я пытаюсь «заплатить другому» и остановимся на этом?

Отец вынул трубку изо рта и провёл рукой по лицу.

— Хорошо, мы так и поступим. Но я хочу как-нибудь встретиться с ним. Чувствую, что это мой долг. Ты понимаешь?

Я сказал, что понимаю.

— Может быть, когда он немного отойдёт от этого происшествия?

Папа кивнул.

— Пусть будет так. Я люблю тебя, парень.

— Я тебя тоже.

— Но ты должен понимать, что взваливаешь на себя непосильную ношу.

Я понимал, просто не знал, насколько большую. Думаю, так даже лучше. Если бы я знал, то у меня опустились бы руки.

— Есть ещё кое-что, о чём они говорят в программе: день за днём.

Он кивнул.

— Ладно, но летние каникулы быстро закончатся. Тебе нужно продолжать учиться, сколько бы времени ты там ни проводил. Я настаиваю на этом.

— Хорошо.

Он посмотрел на трубку.

— Опять погасла. Всегда так. — Отец положил трубку на перила, затем наклонился и взъерошил густую шёрстку на загривке Радар. Она подняла голову, затем снова опустила. — Чертовски хорошая собака.

— Да.

— Ты полюбил её, не так ли?

— Ну… да. Кажется.

— У неё есть ошейник, но нет бирки — это означает, что мистер Боудич не платит налог за содержание. И полагаю, она никогда не была у ветеринара. — Я тоже так думал. — Никогда не

прививалась от бешенства. Не говоря об остальном. — Он замолчал, затем сказал, — У меня есть вопрос, и я хочу, чтобы ты хорошенько обдумал его. Всё идёт к тому, что в итоге мы будем привязаны ко всему этому? Продукты, собачьи лекарства, поручни?

— Не забудь мочеприёмник, — сказал я.

— Так что? Скажи мне, что ты думаешь?

— Он просил всё записывать и сказал, что позаботится о расходах. — В лучшем случае это была половина ответа. Я понимал это, как, вероятно, и папа. Но стоит вычеркнуть «вероятно».

— Не то, чтобы мы совсем уж влипли из-за него. Пара сотен долларов — это одно. Но больница… ты знаешь, сколько стоит недельное пребывание в Аркадиа? Плюс операции и весь последующий уход? — Я не знал, но знал папа, будучи оценщиком страховых убытков.

— Восемьдесят тысяч. Минимум.

— Не может быть, чтобы всё *это* легло на нас.

— Нет, это ляжет на его плечи. Не знаю, какого рода у него страховка, и есть ли она вообще. Я спросил у Линди, и он сказал, что это не «Оверленд». Скорее всего, «Медикейр». Но кто знает? — Он поерзал в своём кресле. — Я немного проверил его. Надеюсь, ты не сердишься.

Я не сердился и это не удивило меня, потому что проверкой людей папа зарабатывал на жизнь. Было ли мне любопытно? Конечно.

— И что ты нашёл?

— Почти ничего, и я бы сказал, что это невозможно в наши дни.

— Ну, у него нет компьютера и даже мобильного телефона. Поэтому сразу отметаем «Фэйсбук» и другие социальные сети. — Мне казалось, мистер Боудич язвил бы над «Фэйсбуком», даже если бы у него был компьютер. «Фэйсбук» *вынюхивает*.

— Ты сказал на ящике с инструментами есть инициалы. Кажется, «АБ»?

— Да.

— Сходится. Участок на холме занимает полтора акра, и это чертовский большой кусок земли. Он был приобретён кем-то по имени Адриан Боудич в 1920 году.

— Его дедом?

— Может быть, но учитывая возраст мистера Боудича, это скорее его отец. — Папа взял трубку с перил, пожевал её и вернул на место. — Кстати, *сколько* ему лет? Неужели он и правда не знает?

— Думаю, так и есть.

— Когда я видел его в прежние времена — это было до того, как он совсем стал затворником, —

Боудич выглядел лет на пятьдесят. Я махал ему и иногда он махал в ответ.

— Никогда с ним не разговаривал?

— Может быть, говорил «привет» или перекидывался парой слов о погоде, но он был не из разговорчивых. В общем, он примерно подходил по возрасту для Вьетнама, но я не смог найти никаких записей о его военной службе.

— Значит, он не служил.

— *Вероятно,* не служил. И, вероятно, я мог бы узнать больше, если бы ещё работал в «Оверленд», но я больше там не работаю и не хочу просить Линди.

— Я понимаю.

— Я выяснил, что какие-то деньги у него есть, потому что налоги на недвижимость находятся в публичном доступе, и счёт за дом № 1 по Сикамор в 2012 составил двадцать две тысячи с мелочью.

— Он платит столько *каждый* год?

— Сумма варьируется. Но важно то, что он платит, и он уже жил здесь, когда мы с мамой переехали сюда — кажется, я тебе говорил об этом. Раньше он платил гораздо меньше, налог на недвижимость растёт, как и всё остальное, но всё равно речь идёт о шестизначных цифрах. Приличный кусок. Чем он занимался до выхода

на пенсию?

— Не знаю. Я же совсем недавно познакомился с ним, после того, как с ним случилось несчастье. У нас ещё не было так называемого разговора по душам. — Хотя он приближался. Я просто пока этого не знал.

— Я тоже не знаю, ничего не нашёл. Что, как я уже говорил, невозможно в наши дни. Я слышал о людях «вне системы», но обычно они живут в дебрях Аляски с культом, ожидающим конца света, или в Монтане, как Унабомбер.

— Уна-кто?

— Доморощенный террорист. Настоящее имя: Тед Качински. Ты случайно не видел в доме Боудича какого-нибудь оборудования для изготовления бомб? — Папа шутливо приподнял брови, но я не был до конца уверен, шутит ли он.

— Самой опасной штукой, которую я видел, была коса. О, и ещё ржавый топор в том ящике на третьем этаже.

— Какие-нибудь фотографии? Например, его отца или матери? Или его самого в молодости?

— Неа. На единственном фото изображена Радар. На столе в гостиной, рядом с его мягким креслом.

— Хм. — Папа потянулся за трубкой, но переду-

мал. — Мы не знаем, откуда берутся его деньги — если предположить, что они у него всё ещё есть, — и мы не знаем, чем он зарабатывал на жизнь. Полагаю, некое занятие на дому, потому что он агорафоб. Это значит…

— Я знаю, что это значит.

— Мне кажется, он всегда был склонен к этому, и с возрастом всё становилось только хуже. Втянулся.

— Женщина через дорогу сказала, что раньше он гулял с Радар по ночам. — Овчарка навострила уши, услышав своё имя. — Это кажется немного странным — большинство людей выгуливает собак в дневное время, но…

— Ночью на улицах меньше людей, — сказал папа.

— Ага. Он определённо не похож на человека, который любит поздороваться по-соседски.

— И ещё кое-что, — сказал папа. — Странно… слушай, а *он* сам не кажется тебе странным?

Я пропустил папин вопрос мимо ушей и спросил, что он имел в виду, говоря «и ещё кое-что».

— У него есть автомобиль. Не знаю, где он хранится, но он есть. Я нашёл запись в интернете. У него «Студебекер» 1957 года. Он получает льготу на акцизный налог, потому что машина

зарегистрирована, как антиквариат. Как и налог на недвижимость, его нужно платить каждый год, но он гораздо меньше. Около шестидесяти баксов.

— Если у него есть машина, ты можешь попробовать отыскать его водительские права, пап. Так мы узнаем, сколько ему лет.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Хорошая мысль, но в Иллинойсе никогда не выдавались права на имя Говарда Боудича. И разумеется, тебе не нужны права, чтобы купить машину. Она может быть даже не на ходу.

— Зачем платить лишние деньги за машину, которая не ездит?

— Скажу больше, Чип: зачем платить налог, если у тебя нет прав?

— А что на счёт Адриана Боудича? Отца или деда? Может быть, он имел права.

— Не думал об этом. Я проверю. — Отец замолчал. — Ты уверен, что хочешь заниматься этим?

— Уверен.

— Тогда расспроси его о чём-нибудь. Потому что, насколько я могу судить, его не существует.

Я сказал, что спрошу. На этом, казалось, разговор подошёл к концу. Я подумал рассказать о странном шуршащем звуке, который слышал в

сарае — сарае с массивным амбарным замком на двери, который якобы пуст, — но не стал. Этот звук вспоминался мне всё реже, мне и без него было о чём подумать.

3

Я всё ещё размышлял обо всех этих вещах, когда снимал клеёнку с кровати в комнате для гостей, где мне предстояло спать часть весенних каникул, а, может, до конца каникул. Постель была заправлена, но простыни пахли затхлостью и сыростью. Я снял их и постелил свежие из бельевого шкафа. *Насколько* свежие я не знал, но они пахли лучше, и там был комплект для раскладного дивана и одеяло.

Я спустился вниз. Радар сидела у лестницы и ждала меня. Я бросил постельное бельё на мягкое кресло мистера Боудича и заметил, что придётся его отодвинуть вместе с маленьким столиком, чтобы разложить диван. Когда я отодвинул стол, ящик наполовину открылся. Я увидел кучу мелочи, губную гармошку, такую старую, что большая часть хромированного покрытия стёрлась… и баночку «Карпрофена». Это обрадовало меня, потому что мне не нравилось думать, что мистер Боудич игнорирует недомогания своей старею-

щей собаки, и это объяснило, почему женщина из зоомагазина пошла мне на уступку. А вот то, что лекарства не очень-то помогали, меня не радовало.

Я накормил Радар, засунув таблетку из новой баночки в её еду. Я думал, новое лекарство будет лучше и, возможно, более действенным. Затем поднялся наверх за подушкой. Радар снова ждала у подножия лестницы.

— Господи, ты уже всё слопала!

Радар хлопнула хвостом и отодвинулась ровно настолько, чтобы я мог пройти.

Я немного взбил подушку и бросил её на новую кровать посреди гостиной. Мистер Боудич мог разворчаться из-за этого, вероятно, разворчится, но я решил, что всё будет хорошо. Уход за его фиксатором казался довольно простым, но я надеялся, что в «Домашнем уходе для чайников» есть что-нибудь о том, как перемещать его из инвалидного кресла, в котором, как я полагал, его привезут, на кровать и обратно.

Что ещё? Что ещё?

Бросить старое постельное бельё из гостевой комнаты в стиральную машину, но это может подождать до завтра или даже до понедельника. Телефон — вот, что ещё. Нужно, чтобы он всегда

был под рукой. Его стационарный беспроводной телефон белого цвета выглядел так, будто прямиком пришёл из фильма «Ти-Си-Эм» семидесятых годов о копах и грабителях, где у всех парней бакенбарды, а у цыпочек пышные причёски. Я проверил рабочий ли он и есть ли гудок. Я опускал его обратно на зарядную подставку, когда он зазвонил у меня в руке. Вскрикнув от испуга, я выронил трубку. Радар залаяла.

— Всё хорошо, девочка, — сказал я и поднял телефон. На нём не было кнопки приёма звонка. Я всё ещё искал кнопку, когда услышал голос мистера Боудича, слабый и далёкий: «Алло? Ты там? *Алло?*»

Итак, нет кнопки ответа и нет определителя номера. С таким старым телефоном мне не оставалось ничего другого, как просто ответить.

— Алло, — сказал я. — Это Чарли, мистер Боудич.

— Почему Радар лает?

— Потому что я вскрикнул и уронил телефон. Я держал его в руке, когда он зазвонил.

— Напугал тебя, да? — Он не стал дожидаться ответа. — Я надеялся, что ты будешь на месте, потому что у Радар время ужина. Ты покормил её, да?

— Да. Она всё съела в три глотка.

Мистер Боудич хрипло рассмеялся.

— Да уж, она такая. Она немного шатается на своих «спичках», но аппетит такой же хороший, как всегда.

— Как ваше самочувствие?

— Нога чертовски болит, даже несмотря на допинг, который они дают, но сегодня они подняли меня с кровати. Повсюду таскаясь с этим фиксатором, я чувствую себя Джейкобом Марли.[17]

«Это цепи, которые я носил при жизни».

Он снова издал этот хриплый смешок. Мне казалось, он был изрядно прибалдевшим.

— Читал книгу? Или смотрел фильм?

— Фильм. Каждый сочельник, по «Ти-Си-Эм». Мы часто смотрели «Ти-Си-Эм» у нас дома.

— Я не знаю, что это. — Разумеется, нет. Никаких фильмов «Тёрнер Классик Мувис» по телевизору, который оснащён только… как миссис Силвиус назвала их? Кроличьи уши?

— Я рад, что застал тебя. Они отпустят меня домой в понедельник после обеда, и мне сначала нужно поговорить с тобой. Можешь завтра прийти? Мой сосед по палате будет смотреть бейсбол в

---

[17] Примечания: 17

Вымышленный персонаж новеллы Чарльза Диккенса «Рождественская песнь», который представляет собой призрака в цепях.

комнате отдыха, так что мы останемся наедине.

— Хорошо. Я застелил для вас раскладной диван, а также кровать для себя наверху, и…

— Остановись на минутку, Чарли… — Последовала долгая пауза. Затем: — Способность хранить секреты входит в набор твоих талантов, таких как заправка постели и кормление моей собаки?

Я подумал о годах пьянства моего отца — его потерянных годах. Тогда мне приходилось часто самому заботиться о себе, и я злился. Злился на мать за то, что она умерла — глупо, конечно, потому что это была не её вина, но вам стоит помнить: мне было всего лишь семь, когда её убили на проклятом мосту. Я любил своего отца, но злился и на него тоже. Злые дети попадают в неприятности, и у меня был очень способствующий этому помощник в лице Берти Бёрда. Когда с нами был Энди Чен, мы вели себя смирно, потому что Энди был вроде бойскаута, но оставаясь вдвоём, мы вытворяли просто невероятную херню. Если бы нас застукали, были бы большие проблемы — вплоть до полиции, — но этого так и не случилось. И мой отец ничего не знал. И не узнал бы, будь на то моя воля. Хотел ли я рассказать папе, что мы с Берти размазали собачье дерьмо по лобовому стеклу машины нашего самого ненавистного

учителя? Даже когда я пишу это здесь, где обещал всё рассказать, я содрогаюсь от стыда. И это было не самое худшее.

— Чарли? Ты ещё здесь?

— Я тут. И да, я могу хранить секреты. Если только вы не собираетесь сказать мне, что кого-то убили и прячете тело в этом сарае.

Теперь была его очередь молчать, но мне не пришлось спрашивать здесь ли он — я слышал его хриплое дыхание.

— Ничего подобного, но это большой секрет. Поговорим завтра. Ты кажешься добропорядочным. Боже милосердный, надеюсь я прав насчёт этого. Посмотрим. Так, теперь скажи мне: на сколько вы с отцом влетели?

— Вы имеете в виду, сколько мы потратили? Не очень много. В основном продукты. Кажется, всего пару сотен. Я сохранил чеки…

— Плюс твоё время. Если ты собираешься помогать мне, всё должно быть оплачено. Как тебе пять сотен в неделю?

Я был ошеломлён.

— Мистер Боудич… Говард… вам ничего не нужно платить мне. Я рад…

— Трудящийся достоин награды за труды свои. Евангелие от Луки. Пять сотен в неделю, и если

всё пойдёт хорошо, бонус в конце года. Согласен?

Чем бы мистер Боудич ни занимался до пенсии, но явно не рытьём канав. Он владел тем, что Дональд Трамп называл искусством заключения сделки, а это означало, что он мог позволить себе преодолеть возражения. И мои возражения были довольно слабыми. Я дал слово Богу, но если мистер Боудич хотел платить мне, пока я держу это слово, я не видел в этом никакого противоречия. К тому же, как постоянно напоминал отец, мне нужно было думать о колледже.

— Чарли? Мы договорились?

— Если это всё, думаю, да. — Хотя, окажись он всё-таки серийным убийцей, я бы не стал хранить его секреты за пять сотен долларов в неделю. Это стоило бы не меньше тысячи. (Шутка.) — Спасибо. Я не ожидал ничего…

— Я знаю, — перебил он. Мистер Боудич был мастером перебивать. — В некотором смысле ты довольно обаятельный молодой человек. Добропорядочный, как я и сказал.

Я задался вопросом, изменил бы он мнение, узнав, как мы с Бёрдмэном однажды прогуливали школу и нашли мобильный телефон в Хайлэнд-Парк, по которому позвонили и сообщили о бомбе, заложенной в начальной школе Стивенс

Элементари? Его идея, но я согласился с ней.

— На кухне есть банка для муки. Ты мог видеть её. — Я не только видел ее, он говорил мне о банке, хотя мог забыть. В тот момент он испытывал сильную боль. Там лежат деньги, сказал он, затем добавил, что она пустая. Сказал, что забыл об этом.

— Конечно.

— Возьми оттуда семьсот долларов: пятьсот — твоя первая еженедельная плата, и двести на текущие расходы.

— Вы уверены…

— Да. И если ты думаешь, это взятка, чтобы подсластить какую-нибудь возмутительную просьбу… это не так. За оказываемые услуги, Чарли. За оказываемые услуги. Насчёт этого ты можешь быть совершенно откровенен со своим отцом. Насчёт того, что мы можем обсуждать в будущем, — нет. Я понимаю, что о многом прошу.

— Если это не преступление, — сказал я, затем уточнил: — Не *тяжкое* преступление.

— Ты сможешь прийти в больницу к трём?

— Да.

— Тогда желаю приятного вечера. Пожалуйста, погладь Радар за меня, глупого старика, которому следовало держаться подальше от той лестницы.

Он повесил трубку. Я немного погладил Радар по голове и пару раз провёл рукой от макушки до хвоста. Она перекатилась на спину, желая, чтобы я погладил ей брюхо. Я был рад услужить. Потом я пошёл на кухню и снял крышку банки для муки.

Она была забита деньгами. Сверху был ворох купюр, в основном десятки и двадцатки, несколько пятёрок и однодолларовых. Я достал их — на столе образовалась изрядная куча. Под россыпью банкнот были перевязанные лентой пачки пятидесяток и сотен. На лентах фиолетовыми чернилами было написано: «ПЕРВЫЙ ГОРОДСКОЙ БАНК». Пачки я тоже вынул, пришлось немного расшевелить их, потому что они были плотно втиснуты в банку. Шесть пачек пятидесяток, по десять купюр в каждой. Пять пачек сотенных, также по десять в каждой.

Радар вошла в кухню и сидела рядом с миской, навострив уши и глядя на меня. «Ни хрена себе, девочка. Тут восемь тысяч долларов и это не считая то, что россыпью».

Я отсчитал семьсот долларов из кучи на столе, расправил их, сложил и убрал пачку в карман, который заметно оттопырился. В кармане было по меньшей мере в десять раз больше денег, чем я когда-либо держал в руках. Я взял перевязанные

стопки и начал укладывать их назад в банку, затем остановился. На дне были три маленькие гранулы, красноватые. Я уже видел одну такую раньше, в аптечке. Я высыпал их на ладонь. Мне показалось, они слишком тяжелые для пулек, и если моя догадка была правильной, то это во многом объясняло источник доходов мистера Боудича.

Я решил, что это золото.

4

Я не поехал на велосипеде, прогулка вниз по холму до нашего дома занимала всего десять-двенадцать минут, но тем вечером я задержался. Мне нужно было подумать и принять решение. На ходу я продолжал трогать оттопырившийся карман, проверяя, на месте ли деньги.

Я мог рассказать папе о звонке мистера Боудича, о его деловом предложении. Показал бы ему наличные: двести — за то, что мы потратили, и пятьсот — мои. Мог попросить его положить четыреста на счёт колледжа (который случайно оказался в Первом городском) и приносил бы ещё четыре сотни каждую неделю, пока работаю на мистера Боудича… что могло продлиться всё лето или, по крайней мере, до августа, когда начи-

нался футбольный сезон. Вопрос в том стоило ли говорить папе сколько денег оказалось в банке для муки. И, разумеется, об этих золотых «пульках». Если они *были* золотыми.

Входя в дом, я уже принял решение. Лучше умолчать о восьми тысячах долларов в банке для муки и об этих «пульках», которые не были пульками. По крайней мере, до разговора с мистером Боудичем на следующий день.

— Привет, Чарли, — крикнул отец из гостиной. — Как собака?

— В порядке.

— Рад слышать. Бери «Спрайт» и стул. По «Ти-Си-Эм» идёт «Окно во двор»

Я взял «Спрайт», вошёл и выключил звук.

— Мне надо кое-что тебе сказать.

— Что может быть важнее Джеймса Стюарта и Грейс Келли?

— Как тебе это? — Я вынул пачку денег из кармана и бросил на кофейный столик.

Я ожидал удивления, внимания и настороженности. Но увидел любопытство и ухмылку. Папа считал, что мистер Боудич, прячущий деньги в одной из кухонных банок, вполне соответствует тому, что он назвал собирательным менталитетом агорафоба (я рассказывал ему о коридоре

Старого Чтива, не говоря уж о древнем телевизоре и устаревшей кухонной технике).

— Там было что-то ещё?

— Немного, — ответил я. Это не было ложью.

Папа кивнул.

— Ты проверил остальные банки? Возможно, найдётся пара сотен в сахаре. — Он улыбался.

— Неа.

Он взял две сотни.

— Чуть больше, чем мы потратили, но ему, вероятно, понадобятся и другие вещи. Хочешь, я внесу на твой счёт четыре сотни?

— Конечно.

— Отлично. С одной стороны, он дёшево купил тебя, по крайней мере, в первую неделю. Думаю, что нянька на полный рабочий день обходится дороже. С другой стороны, ты будешь зарабатывать во время учёбы, а ночевать там только во время весенних каникул. — Отец повернулся, чтобы посмотреть мне прямо в глаза. — Нам это ясно?

— Полностью, — сказал я.

— Ладно, хорошо. Заначка Боудича вызывает у меня некоторое беспокойство только потому, что мы не знаем, откуда у него деньги, но я готов дать ему кредит доверия. Мне нравится, что он

доверяет тебе, и мне нравится, что ты готов взять это на себя. Ты ведь думал, что будешь работать бесплатно, да?

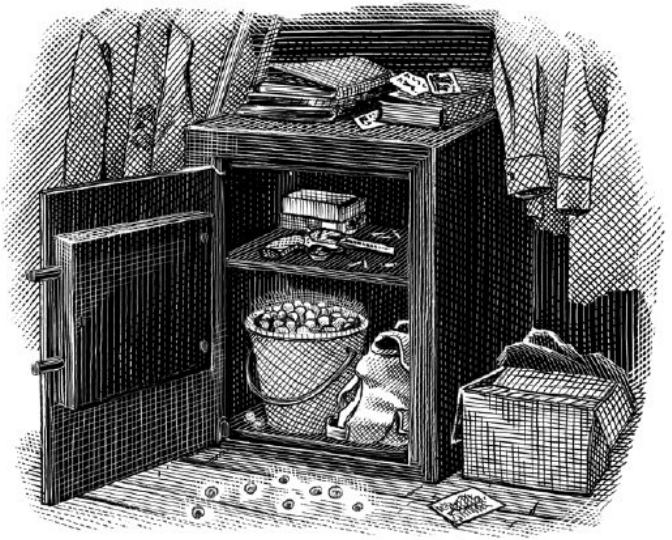
— Ага. Думал.

— Ты хороший парень, Чарли. Не понимаю, чем я заслужил такого сына.

Учитывая то, что я скрывал — не только о мистере Боудиче, но и о том дерьме, которое мы вытворяли с Берти, — мне стало немного стыдно.

Лежа в постели той ночью, я представил, что мистер Боудич прячет в запертом сарае золотую жилу и, может быть, гномов, которые там трудятся. Гномов по имени Тихоня и Ворчун. Это заставило меня улыбнуться. Мне пришла в голову мысль: что бы ни находилось в сарае, возможно, это и есть тот самый большой секрет, о котором он хотел поговорить, но я ошибался. Позже я узнал тайну сарая.

Глава шестая



Поход в больницу. Сейф. Стэнтонвилл. Золото — жадность. Мистер Боудич возвращается домой.

1

ы с мистером Боудичем неплохо поболтали, пока его сосед по палате смотрел игру «Уайт Сокс» и «Тайгерс» в комнате отдыха на третьем этаже, с кардиомонитором, прикреплённом к его груди.

— У него проблема с сердечным ритмом, которую они не могу до конца устранить, — сказал мистер Боудич. — Слава Богу, мне не нужно об этом беспокоиться. У меня и так достаточно проблем.

Он показал мне, как ходит в ванную, изо всех сил опираясь на свои локтевые костыли. Это явно причиняло ему боль, и когда он вернулся после облегчения, его лоб был мокрым от пота, но я был воодушевлён. Ночью ему мог понадобиться мочеприёмник с длинной и на вид опасной горловиной, но он казался получше «утки». Если только мистер Боудич не упадёт посреди ночи и снова не сломает ногу. Я видел, как мышцы на его тощих руках дрожали при каждом шаге. Он сел на кровать со вздохом облегчения.

— Ты не поможешь мне с… — Он указал на скобяное изделие, обтягивающее его ногу.

Я приподнял ногу с фиксатором, и когда она

оказалась вытянута, он снова вздохнул и попросил пару таблеток из стакана «Дикси» на его прикроватном столике. Я дал их ему, налил немного воды из кувшина, и они отправились внутрь; его кадык подпрыгивал на морщинистой шее, как обезьяна на палке.

— Они перевели меня с морфина на это, — сказал он. — «Оксиконтин». Врачи говорят я подсяду, если уже не подсел, и придётся избавляться от зависимости. Сейчас это кажется честной сделкой. Просто сходить до туалета ощущается, как сраный марафон.

Я представлял каково это, и ванная в его доме находилась дальше от дивана. Возможно, ему всё-таки понадобится судно, по крайней мере для начала. Я сходил в ванную, намочил полотенце и выжал его. Когда я наклонился над мистером Боудичем, он отстранился.

— Эй, эй! Что это ты делаешь?

— Вытираю пот. Сидите смирно.

Мы никогда не знаем, когда происходят поворотные моменты в наших отношениях с другими, и только позже я понял, что это и был такой момент. Мистер Боудич сдерживался ещё мгновение, затем расслабился (немного) и позволил мне вытереть его лоб и щёки.

— Чувствую себя долбаным ребёнком.

— Вы платите мне, так что позвольте мне заработать мои долбаные деньги.

Это заставило его усмехнуться. В дверь заглянула медсестра и спросила, нужно ли ему что-нибудь. Мистер Боудич сказал, что нет, и когда она ушла, попросил меня закрыть дверь.

— Вот тут я попрошу тебя заступиться за меня, — сказал он. — По крайней мере, пока я не смогу сам. И за Радар тоже. Ты готов это сделать, Чарли?

— Сделаю всё, что в моих силах.

— Ага, может быть. Это всё, о чём я могу просить. Я бы не поставил тебя в такое положение, но вынужден. Ко мне приходила женщина по имени Рэйвенсбургер. Ты встречался с ней?

Я сказал «да».

— Ну и имечко, согласен? Я представляю бургер, приготовленный из мяса ворона, и у меня просто голова идёт кругом.

Не похоже, что он был под кайфом от «Окси», но и не поручусь, что не был. Исхудавший, ростом шесть футов и весящий наверняка не больше ста пятидесяти фунтов — эти розовые пилюли, должно быть, сильно давали ему в голову.

— Она просветила меня на счёт так называемых

«вариантов оплаты». Я спросил, какова стоимость на данный момент, и она дала мне распечатку. Она в ящике…, — он указал на него, — но пока что не думай об этом. Я сказал, что это очень дорого, она ответила, что хороший уход стоит дорого, мистер Боудич, и вы получили самый лучший. Сказала, если мне нужно проконсультироваться со специалистом по платежам, она с радостью организует встречу либо до выписки, либо у меня. Я ответил, что сомневаюсь в подобной необходимости. Сказал, что смогу выплатить всё, но только если мне дадут скидку. Затем мы перешли к препирательствам. В итоге мы остановились на скидке в двадцать процентов, что примерно составляет девятнадцать тысяч долларов.

Я присвистнул. Мистер Боудич усмехнулся.

— Я пытался уговорить её на двадцать пять процентов, но она упёрлась на двадцати. Думаю, это стандарт для индустрии, — и если ты не знал, больницы *являются* частью индустрии. Больницы или тюрьмы, не важно, они ведут свой бизнес, за исключением того, что в тюрьмах счета оплачивают налогоплательщики. — Он вытер рукой глаза. — Я мог бы заплатить всю сумму целиком, но мне нравится торговаться. Давненько мне не выпадала такая возможность. Например, дворо-

вые распродажи в старые времена — купил много старых книг и журналов. Я люблю старые вещи. Меня, что, понесло? Да. В общем, суть в том, что я могу заплатить, но мне нужна твоя помощь.

— Если вы подумали о том, что в банке для муки…

Он отмахнулся, будто восемь тысяч долларов были мелочью. По сравнению с тем, сколько он задолжал больнице, так и было.

— Вот, что я от тебя хочу.

Он рассказал мне. Когда мистер Боудич закончил, он спросил меня, собираюсь ли я всё записать.

— Я не против, но только если ты уничтожишь запись, когда выполнишь работу.

— Разве что комбинацию сейфа. Я запишу её на руке, а потом смою.

— Точно?

— Да. — У меня и в мыслях не было ослушаться, потому что хотелось выяснить, правда ли то, что он мне рассказал.

— Хорошо. Повтори шаг за шагом.

Я так и сделал, а затем воспользовался его ручкой, чтобы записать серию цифр и порядок действий на своём плече, скрытом рукавом футболки.

— Спасибо, — сказал мистер Боудич. — Чтобы встретиться с мистером Хайнрихом, тебе придётся подождать до завтра, но ты можешь начать готовиться сегодня. Когда покормишь Радар.

Я сказал «хорошо», попрощался и ушёл. Я чувствовал себя — папино слово — офигевшим. На полпути к лифту, я кое о чём вспомнил и вернулся.

— Уже передумал? — Он улыбался, но его глаза были беспокойными.

— Нет. Просто хотел уточнить одну вещь, что вы сказали.

— О чём же?

— О подарках. Вы сказали, что храбрый — помогает, а трус — делает подарки.

— Я не помню, чтобы говорил такое.

— Но вы сказали. Что это значит?

— Я не знаю. Должно быть, это всё таблетки.

Он лгал. Я несколько лет прожил с алкоголиком и узнаю ложь, когда слышу её.

2

Я поехал на велике обратно на Сикамор-Стрит, дом № 1; не будет преувеличением сказать, что я сгорал от любопытства. Я отпёр заднюю дверь и принял бурное приветствие Радар. Ей удалось

встать на задние лапы, что наводило на мысль об отличном воздействии новых таблеток. Я выпустил её во двор сделать дела, мысленно подгоняя, чтобы она побыстрее выбрала нужное место.

Когда Радар вернулась, я поднялся наверх в спальню мистера Боудича и открыл его шкаф. Там висело много одежды, в основном обычные фланелевые рубахи и брюки цвета хаки, но было и два костюма. Один чёрный, один серый, и оба наподобие тех, что Джордж Рафт и Эдвард Джи Робинсон носили в фильме «Каждое утро я умираю», — двубортные и широкие в плечах.

Я отодвинул одежду в сторону и увидел сейф «Уочмэн», среднего размера, старомодный, примерно три фута в высоту. Присев на корточки, я потянулся к циферблату для набора комбинации, что-то холодное уткнулось мне в спину там, где рубашка вылезла из брюк. Я вскрикнул и обернулся, увидев Радар; она медленно водила хвостом взад-вперёд. Чем-то холодным оказался её нос.

— Не делай так, девочка, — сказал я. Она уселась, оскалившись, будто говоря, что будет делать всё, что захочет. Я повернулся обратно к сейфу. В первый раз я ошибся с комбинацией, но со второй попытки дверь распахнулась.

Первое, что я увидел, был револьвер, лежащий

на единственной полке. Он был больше чем тот, что папа оставлял маме, когда ему приходилось уезжать на несколько дней… или один раз на неделю, во время корпоративного отдыха. Тот пистолет был тридцать второго калибра, женский, и думаю, хотя не уверен, он вполне мог сохраниться у отца. Были времена, когда он страшно пил, и я искал пистолет, но так и не нашёл. Этот был крупнее, револьвер сорок пятого калибра. Как и большинство вещей мистера Боудича, он выглядел старомодным. Я взял его — осторожно — и нашёл защёлку, которая откидывала барабан. Он был заряжен, все шесть камор. Я вставил барабан на место, и положил револьвер обратно на полку. Учитывая то, что мне рассказал мистер Боудич, держать оружие дома было оправданно. Охранная сигнализация могла бы принести ещё больше пользы, но он не хотел никаких вызовов полиции в дом № 1 по Сикамор. К тому же в былые времена Радар являлась отличным охранником — Энди Чен не даст соврать.

На дне сейфа оказалось то, что по словам мистера Боудича я должен был найти: большое железное ведро, поверх которого лежал рюкзак. Я снял его и увидел, что ведро почти доверху заполнено теми «пульками», которые были из

чистого золота.

У ведра была двойная ручка. Я схватился за неё и поднял. Сидя на корточках, я едва мог удерживать ведро на весу. Там было примерно сорок фунтов золота, может быть, пятьдесят. Я сел и обернулся к Радар. «Боже правый. Да тут долбаное *состояние*».

Она хлопнула хвостом.

3

В тот вечер, покормив собаку, я поднялся наверх, снова посмотреть на ведро золота — просто убедиться, что мне не привиделось. Когда я вернулся домой, папа спросил, готов ли я к возвращению мистера Боудича. Я ответил утвердительно, но мне ещё нужно было кое-что сделать перед его приездом.

— Могу я взять твою дрель? А шуруповёрт?

— Конечно. Я был бы рад пойти с тобой и помочь, но у меня встреча в девять. Насчёт того пожара, о котором я тебе рассказывал. Может оказаться, что это поджог.

— Я справлюсь.

— Надеюсь. Ты в норме?

— Ага. А что?

— Выглядишь немного не в себе. Беспокоишься

о завтрашнем дне?

— Немного, — сказал я. И не солгал.

Вам может быть интересно, возникло ли у меня желание рассказать всё отцу? Нет. Во-первых, мистер Боудич взял с меня клятву. А во-вторых, он утверждал, что золото не краденое «в обычном понимании». Я спросил, что это значит, и он ответил, что никто во всём мире его не ищет. Я готов был поверить ему на слово, пока не узнаю больше.

И ещё кое-что. Мне было семнадцать лет, и ничего более захватывающего в моей жизни не случалось. Пока что. И я не хотел это упустить.

4

В понедельник я очень рано подъехал на велике к дому мистера Боудича, чтобы покормить Радар. Потом она внимательно наблюдала за мной, пока я устанавливал поручни. Туалет и так был тесным, а поручни сделали его ещё меньше, но мне показалось, так даже лучше. Я предвидел ворчание мистера Боудича, зато он не упадёт. Он мог бы даже браться за поручни во время мочеиспускания, что, по-моему, было плюсом. Я попробовал подёргать их, но они держались крепко.

— Что думаешь, Радс? Сойдёт?

Радар шлёпнула хвостом.

— Можешь взвесить золото на весах в туалете, — сказал мистер Боудич во время нашего разговора. — Будет не совсем точно, но на кухонных это займёт целую вечность — знаю по собственному опыту. Используй для взвешивания рюкзак. Возьми чуть больше. Хайнрих взвесит сам на более точных весах. Циф-ро-вых. — Он произнёс по слогам так, что это прозвучало одновременно глупо и претенциозно

— Как вы передаёте ему золото, когда нужны деньги? — Стэнтонвилл находился в семи милях.

— Я вызываю «Юбер». Платит Хайнрих.

Сначала я не понял, но потом сообразил.

— Чего ты ухмыляешься, Чарли?

— Ничего. Вы проводите обмен по вечерам?

Он кивнул.

— Обычно около десяти, когда большинство людей по соседству укладываются спать. Особенно миссис Ричлэнд через дорогу. Та ещё любопытная проныра.

— Вы уже говорили.

— Лучше повторить.

Я тоже так считал.

— Не думаю, что по вечерам Хайнрих зани-

мается только мной, но он согласился закрыть магазин завтра, чтобы ты мог прийти утром с половины десятого до десяти. Я никогда не менял у него такое количество. Уверен, что всё пройдёт хорошо — он никогда не подводил меня, но в сейфе есть револьвер; если ты захочешь взять его — для защиты — я не против.

Я не собирался брать револьвер. Знаю, некоторым людям оружие придаёт уверенность в себе, но я не из таких. От одного только прикосновения мне становится жутко. Если бы вы сказали, что в ближайшем будущем я буду носить с собой револьвер, я бы назвал вас сумасшедшим.

Я нашёл в кладовой совок и поднялся наверх. Сделав запароленную запись в телефоне, я смыл надписи с руки, но мне даже не пришлось сверяться. Сейф открылся с первого раза. Я снял рюкзак с ведра и просто любовался этой грудой золота. Не в силах сопротивляться порыву, я запустил в ведро руки, позволяя золотым гранулам просачиваться сквозь пальцы. Потом повторил. А потом сунул в третий раз. В этом было что-то гипнотическое. Я потряс головой, чтобы прогнать наваждение, и начал зачерпывать золото.

Когда я в первый раз взвесил рюкзак, весы показали чуть больше трёх фунтов. Я добавил

до пяти. В последний раз указатель остановился на семёрке, и я решил, что так сойдёт. Если цифро-вы-е весы мистера Хайнриха покажут больше оговоренных шести фунтов, я принесу излишки обратно. Мне нужно было ещё кое-что сделать до приезда мистера Боудича. Я напомнил себе поставить звонок, чтобы он мог вызвать меня ночью в случае необходимости. «Уход на дому для чайников» предполагал наличие интеркома или радионяни, но я подумал, что мистеру Боудичу может понравиться что-то более старомодное.

Я спрашивал его, сколько стоят шесть фунтов, разрываясь между желанием и нежеланием знать насколько ценный груз я буду семь миль везти за спиной — в основном по сельской местности — в Стэнтонвилл. Он ответил, что в последний раз, когда проверял цены на золото в Техасе, давали 15000 долларов за фунт.

— Но он даст 14000 — такова оговоренная цена. Всего 84000 долларов, но он даст тебе чек на 74000. Это покроет мой больничный счёт, немного останется для меня и принесёт неплохую прибыль ему.

Неплохую — это мягко говоря. Не знаю, когда в последний раз мистер Боудич проверял цену на золото, но в конце апреля 2013 года он продеше-

вил. В воскресенье перед тем, как лечь спать, я проверил цену по своему ноутбуку, и золото продавалось по цене более 1200 долларов за унцию, что составляло около 20000 долларов за фунт. На бирже в Цюрихе шесть фунтов обошлись бы примерно в 115000 долларов, из которых доля Хайнриха составила бы 40000. И золото это вам не бриллианты, где покупатель мог настоять на скидке из-за риска. Гранулы были немаркированными, анонимными, и их можно было легко переплавить в маленькие слитки. Или превратить в ювелирные изделия.

Я хотел позвонить мистеру Боудичу в больницу и сообщить, что он дёшево продаёт, но не стал. По одной простой причине: я думал, ему будет всё равно. И отчасти я мог это понять. Даже если забрать шесть фунтов из этого Золотого ведра капитана Кидда, там останется ещё много. Моя задача (хотя мистер Боудич никогда не говорил этого) заключалась только в том, чтобы провести сделку и не дать себя надуть. Это была чертовски большая ответственность и я был полон решимости оправдать доверие, которое он мне оказал.

Я застегнул ремни рюкзака, проверил пол между сейфом и весами на предмет упавших гранул и ничего не нашёл. Я хорошенько погладил Радар

(на удачу) и направился к выходу, неся 115000 долларов в потрёпанном старом рюкзаке.

Мой друг Берти Бёрд назвал бы это большим кушем.

5

Центр Стэнтонвилла представлял собой единственную улицу с дешёвыми магазинами, парой баров и забегаловкой, в которой завтрак вместе с бездонной кружкой дрянного кофе подавали весь день. Несколько магазинов были закрыты и заколочены, с табличками, извещающими о продаже или сдаче в аренду. Папа сказал, что когда-то Стэнтонвилл был маленьким процветающим поселением, отличным местом для покупок, если вы не хотели ехать в Элджин, Нэйпервилл, Джолиет или до самого Чикаго. Затем в 1970-х открылся «Стэнтонвилл-Молл». Не просто ТЦ, а супер-ТЦ, с двенадцатью кинозалами, парком развлечений для детей, скалодромом, батутной зоной под названием «Флайерс», квеструмом и аниматорами, слоняющимися вокруг в костюмах говорящих животных. Этот сверкающий столп торговли находился к северу от Стэнтонвилла. Он поглотил большую часть жизни городского центра, а то, до чего не дотянулся, с южной стороны

на выезде с магистрали, поглотили «Уолмарт» и «Сэмс Клаб».

Так как я был на велосипеде, то не стал выезжать на магистраль, повернув на двухполосное шоссе 74-А, проходящее мимо ферм и кукурузных полей. Там пахло навозом и сеном. Стояло приятное весеннее утро, и поездка тоже была бы приятной без осознания того, что я везу за спиной маленькое состояние. Я вспомнил Джека, мальчика из сказки, который взобрался на бобовый стебель.

Я оказался на главной улице Стэнтонвилла слишком рано, в девять-пятнадцать. Поэтому заехал в закусочную, взял колы и потягивал её, сидя на парковой скамейке на маленькой грязной площади с высохшим фонтаном, наполненным мусором, и обгаженной птицами статуей какого-то незнакомого мне человека. Позже я вспоминал эту площадь и высохший фонтан в местечке ещё более пустынном, чем Стэнтонвилл.

Не могу поклясться, что Кристофер Полли был там в то утро; не могу поклясться, что не был. Полли был из тех людей, что сливаются с пейзажем, пока сами не решат, что пора окружающим их увидеть. Он мог быть в закусочной, жуя яичницу с беконом. Мог быть на автобусной остановке

или делать вид, что его интересуют гитары и аудиосистемы в ломбарде. Или он мог быть нигде. Всё, что я могу сказать — не помню никого в ретро-кепке «Уайт Сокс» с красным кругом спереди. Возможно, он был без неё, но я никогда не видел этого сукиного сына без кепки.

Без двадцати десять я выбросил недопитый стакан в ближайшую мусорную корзину и медленно поехал по Мэйн-Стрит. Деловой район, если его можно было назвать таковым, занимал всего четыре квартала. Ближе к концу четвёртого, всего в двух шагах от знака «СПАСИБО ЗА ПОСЕЩЕНИЕ ПРЕКРАСНОГО СТЭНТОНВИЛЛА», была вывеска «Лучшие драгоценности. Скупка и продажа». Заведение выглядело таким же убогим и ветхим, как и остальные в умирающем бизнесе этого города. Пыльная витрина пустовала. Табличка в виде пластикового стакана, висевшая на двери, гласила «ЗАКРЫТО».

Возле двери был звонок. Я нажал на него. Ноль реакции. Я нажал ещё раз, остро ощущая груз за спиной. Прижавшись носом к стеклу, я сложил ладони вокруг лица, чтобы убрать блики. За стеклом виднелись лишь потёртый ковёр и пустые витрины. Я уже начал думать, что кто-то из нас двоих с мистером Боудичем ошибся, когда между

витрин, прихрамывая, прошёл невысокий мужчина в твидовой кепке, свитере на пуговицах и мешковатых штанах. Он выглядел, как садовник из английских детективов. Мужчина уставился на меня, затем похромал прочь и нажал на кнопку рядом со старомодным кассовым аппаратом. Дверь зажужжала. Я открыл её и вошёл внутрь, где пахло пылью и гнилью.

— Иди в подсобку, в подсобку, — велел он.

Я стоял на месте.

— Вы мистер Хайнрих, да?

— Кто же ещё?

— Могу я, эээ, увидеть ваше водительское удостоверение?

Мужчина нахмурился, глядя на меня, потом рассмеялся.

— Старик, к счастью для него, послал осторожного парня.

Он достал из заднего кармана потрёпанный бумажник и открыл его так, что я увидел водительское удостоверение. Перед тем, как он снова закрыл бумажник, я успел прочитать имя Вильгельм.

— Доволен?

— Да. Спасибо.

— Пойдём в подсобку. *Schnell.*[18]

Я проследовал за ним в заднюю комнату, которую он отпёр с помощью цифровой панели, тщательно скрывая от меня набор комбинации. Внутри было всё, чего не хватало в переднем помещении; полки забиты часами, кулонами, брошками, кольцами, подвесками, цепочками. Рубины и изумруды искрились светом. Я заметил тиару, остроконечную и усыпанную бриллиантами.

— Они настоящие?

— *Ja, Ja,*[19] настоящие. Но я не думаю, что ты пришёл сюда за покупками. Ты пришёл, чтобы продать. Возможно, ты заметил: я не спросил *твоё* водительское удостоверение.

— Это хорошо, потому что у меня его нет.

— Я и так знаю, кто ты. Видел твой снимок в газете.

— В «Сан»?

— «Ю-ЭС-Эй Тудэй». Ты известен по всей стране, юный мистер Чарльз Рид. По крайней мере, на этой неделе. Ты спас старику Боудичу жизнь.

Я уже устал объяснять, что это была собака,

---

[18] Примечания: 18
Быстрый (нем.)

[19] Примечания: 19
Да, да (нем.)

поэтому не стал себя утруждать. Я просто хотел закончить дело и уйти. Всё это золото и драгоценности немного нервировали меня, особенно учитывая пустые витрины спереди. Я почти пожалел, что не взял револьвер, потому что начал чувствовать себя не Джеком из сказки про бобовый стебель, а Джимом Хокинсом из «Острова сокровищ». Хайнрих был невысоким, коренастым и казался не опасным, но что если где-то скрывался его помощник Долговязый Джон Сильвер? И эта мысль не казалась такой уж параноидальной. Я мог убеждать себя, что мистер Боудич годами вёл дела с Хайнрихом, но мистер Боудич сам же и сказал, что никогда не совершал такого крупного обмена.

— Давай посмотрим, что у тебя, — сказал мистер Хайнрих. В приключенческом романе для подростков он предстал бы карикатурой на алчность, потирающей руки и чуть ли не пускающей слюни, но его голос звучал просто и по-деловому, может, даже скучающе. Я не доверял ни этому типу, ни его голосу.

Я поставил рюкзак на стол. Рядом находились весы, и действительно циф-ро-вы-е. Я расстегнул клапан и держал его открытым. Когда Хайнрих заглянул внутрь, в его лице что-то изменилось: гу-

бы сжались, а глаза на мгновение расширились.

— *Mein Gott*.[20] Подумать только, и это ты вёз на велосипеде.

К весам на цепочках был подвешен пластиковый лоток. Хайнрих насыпал несколько пригоршней золотых гранул в лоток, пока весы не показали два фунта. Он пересыпал золото в пластиковый контейнер, затем повторил операцию ещё два раза. Когда он закончил взвешивать последние два фунта и добавил их к остальным, в складках на дне рюкзака всё ещё оставалось немного золота. Мистер Боудич говорил взять с запасом — так я и сделал.

— Кажется, осталась ещё четверть фунта, *hein*? — сказал Хайнрих, заглядывая внутрь. — Ты продаёшь, а я даю тебе три тысячи долларов — наличными. Боудичу не нужно знать. Назовём это чаевыми.

«Назовём это поиском проблем на мою голову», — подумал я. Я поблагодарил его, но отказался и застегнул клапан.

— У вас есть чек для меня, так?

— Да. — Чек лежал в кармане его стариковского свитера. Он был из отделения «Пи-Эн-Си Бэнк-

---

[20] Примечания: 20
Мой Бог (нем.)

оф-Чикаго» на Белмонт-Авеню и выписан на имя Говарда Боудича, сумма составляла семьдесят четыре тысячи долларов. Напротив росписи Вильгельма Хайнриха был комментарий «Личные услуги». По-моему, всё выглядело нормально. Я засунул чек в бумажник, а бумажник положил в передний левый карман.

— Он упрямый старик, который отказывается идти в ногу со временем, — сказал Хайнрих. — Раньше, когда мы имели дело с маленькими объёмами, я часто расплачивался наличными. В двух случаях — чеками. Я спросил его: «Разве вы не слышали об электронных платежах?» И знаешь, что он ответил?

Я помотал головой, но догадывался.

— Сказал: «Никогда не слышал об этом и не хочу слышать». А теперь, впервые за всё время, он присылает *zwischen gehen* — эмиссара — потому что с ним произошёл несчастный случай. Я считал, что он никому в мире не доверил бы такое поручение. Но вот ты здесь. Подросток на велосипеде.

— И вот я здесь, — сказал я, и направился обратно к двери, ведущей в пустой магазин с всегда пустыми витринами, а, может, и не всегда. Я почти ожидал, что дверь окажется заперта, но

нет. Вернувшись туда, где снова мог видеть солнечный свет, я почувствовал себя лучше. Запах старой пыли был неприятен. Как в склепе.

— Он вообще знает, что такое компьютер? — спросил Хайнрих, проследовав за мной и закрыв за собой дверь в заднюю комнату. — Держу пари, что нет.

Я не собирался ввязываться в дискуссию о том, что знал или не знал мистер Боудич, и просто сказал, мол, было приятно познакомиться. Я солгал. К счастью, никто не украл мой велосипед — выходя из дома сегодня утром, я был слишком занят другими вещами, чтобы вспомнить о велосипедном замке.

Хайнрих взял меня за локоть. Я обернулся и теперь всё-таки увидел его внутреннего Долговязого Джона Сильвера. Для полной картины не хватало только попугая на плече. По словам Сильвера, его попугай повидал столько же зла, сколько и сам дьявол. Я догадывался, что Вильгельм Хайнрих повидал свою долю зла… и вам стоит помнить, что мне было семнадцать, и я по пояс увяз в вещах, которых не понимал. Другими словами, я был напуган до смерти.

— Сколько у него золота? — спросил Хайнрих низким, утробным голосом. Его периодическое

использование немецких слов и фраз показалось мне наигранным, но теперь он *звучал*, как немец. И отнюдь не как добрый немец. — Скажи мне, сколько у него есть и где он его берёт. Я не останусь в долгу.

— Мне нужно идти, — сказал я и ушёл.

Наблюдал ли Кристофер Полли, как я залез на свой велик и уехал с оставшимися золотыми гранулами в рюкзаке? Я не знал, потому что смотрел через плечо на бледное пухлое лицо Хайнриха, видневшееся над табличкой «ЗАКРЫТО» на пыльной двери его магазина. Возможно, это было воображение — скорее всего — но мне казалось, что я всё ещё вижу алчность на его лице. Более того, я понимал его. Я вспомнил, как сунул руки в ведро и как гранулы просачивались сквозь мои пальцы. Не просто алчность, а золотая лихорадка.

Как в историях про пиратов.

6

Около четырёх часов того дня к обочине подъехал фургон с надписью на борту «АМБУЛАТОРИЯ АРКАДИА». Я ждал на тропинке с Радар на поводке. Калитка — теперь без ржавчины и смазанная — была открыта. Из фургона вышел санитар и

открыл задние двери. Мелисса Уилкокс стояла позади мистера Боудича, сидящего в инвалидном кресле с вытянутой ногой в фиксаторе. Она сняла блокировку кресла, двинула его вперед и тыльной стороной ладони нажала на кнопку. Когда инвалидное кресло и платформа начали опускаться, то же произошло с моим желудком. Я подумал о телефоне, о мочеприёмнике и даже о звонке для вызова. Чек от Хайнриха лежал в безопасности в моём бумажнике. Всё хорошо, но ни перед домом ни позади него не было пандуса для инвалидного кресла. Я почувствовал себя идиотом, но ненадолго. Меня отвлекла Радар. Она увидела мистера Боудича и бросилась к нему; никаких признаков артрита. Мне удалось вовремя натянуть поводок, чтобы ей не придавило лапы опускающейся платформой, но я почувствовал, как рывок прошёл по всей моей руке.

Ярк! Ярк! Ярк!

Это не был рык большой собаки, так напугавшей Энди, а такой жалобный и почти человеческий рёв, что у меня сжалось сердце. *Ты вернулся!* — говорил он. *Слава Богу, я думала ты ушёл навсегда!*

Мистер Боудич протянул к ней руки, и Радар подпрыгнула, положив лапы на его вытянутую

ногу. Он поморщился, затем рассмеялся и погладил её по голове. «Да, девочка», — промурлыкал он. Мне было трудно поверить, что этот ворчливый старик способен что-нибудь *промурлыкать,* несмотря на то, что я слышал это своими ушами. В его глазах стояли слёзы. Радар издавала тихие звуки счастья, виляя своим большим старым хвостом из стороны в сторону.

— Да девочка, да, я тоже скучал по тебе. Но теперь хватит, ты делаешь мне больно.

Радар снова опустилась на все четыре лапы и пошла рядом с креслом, пока Мелисса катила его по тропинке, избегая ухабов.

— Пандуса нет, — сказал я. — Извините, извините, я могу его сделать, посмотрю в интернете, как это делается, всё есть в интернете, — лепетал я и, казалось, не мог остановиться. — Думаю, всё остальное более-менее готово…

— Мы наймём кого-нибудь для установки пандуса, не суетись, — прервал меня мистер Боудич. — Не обязательно делать всё самому. Одно из преимуществ должности личного помощника, — это делегирование задач. И спешить некуда. Как ты знаешь, я не часто выхожу из дома. Ты позаботился об одном деловом вопросе?

— Да. Этим утром.

— Хорошо.

Мелисса сказала:

— Такие сильные парни наверняка смогут поднять кресло. Что скажешь, Херби?

— Без проблем, — ответил санитар. — Верно, дружище?

Я сказал «конечно» и встал по другую сторону от кресла. Радар вскарабкалась до середины крыльца, остановилась, когда лапы подвели её, затем поднажала и проделала остаток пути. Она смотрела на нас сверху вниз, похлопывая хвостом.

— И кто-то должен облагородить тропинку, если он будет пользоваться ею, — сказала Мелисса. — Она хуже, чем просёлочная дорога в Теннесси, где я росла.

— Готов, приятель? — спросил Херби.

Мы подняли инвалидное кресло на крыльцо. Я перебрал ключи мистера Боудича и наконец нашёл тот, который открывал входную дверь.

— Эй, — произнёс санитар. — Я мог видеть тебя в газете?

Я вздохнул.

— Возможно. Меня и Радар. Вон там, у калитки.

— Нет, нет, в прошлом году. Ты сделал побед-

ный тачдаун в «Тёрки Боул». За пять секунд до конца.

Он поднял одну руку над головой, держа невидимый мяч, как я на той фотографии. Трудно сказать почему, но я обрадовался тому, что он вспомнил тот снимок вместо недавнего.

В гостиной я ждал — нервничая сильнее, чем когда-либо — пока Мелисса Уилкокс осматривала раскладной диван.

— Хорошо, — сказала она. — Это хорошо. Может быть, немного низко, но обойдёмся тем, что имеем. Понадобится мягкий валик для поддержки. Кто заправлял диван?

— Я, — ответил я, и её удивление обрадовало меня.

— Ты читал брошюру, которую я тебе дала?

— Да. Я приобрёл обеззараживающее средство для обработки…

Она покачала головой.

— Простой физраствор — всё, что тебе нужно. Тёплая солёная вода. Ты готов его переложить?

— Алло? — произнёс мистер Боудич. — Может быть, я тоже поучаствую в разговоре? Я здесь.

— Да, но я обращаюсь не к вам, — с улыбкой сказала Мелисса.

— Эээ, я не уверен.

— Мистер Боудич, — сказала Мелисса, — теперь я обращаюсь к *вам*. Не возражаете, если Чарли проведёт тест-драйв?

Мистер Боудич посмотрел на Радар, сидящую так близко, как могла.

— Что думаешь, девочка? Довериться этому парню?

Радар гавкнула один раз.

— Радар говорит: «всё в порядке» и значит я говорю то же самое. Не урони меня, молодой человек. Эта нога — как натянутая струна.

Я подкатил кресло поближе к дивану, поставил на блокировку и спросил, сможет ли мистер Боудич опереться на свою здоровую ногу. Он приподнялся, позволив мне убрать держатель для травмированной ноги. Кряхтя, поднялся в полный рост, слегка пошатываясь, но стоя вертикально.

— Повернитесь спиной к дивану, но не пытайтесь сесть, пока я не скажу, — сказал я. Мелисса одобрительно кивнула.

Мистер Боудич послушался. Я убрал инвалидное кресло с дороги.

— Не могу долго стоять без костылей. — На его щеках и лбу снова выступил пот.

Я опустился на корточки и взялся за фиксатор.

— Теперь вы можете сесть.

Он не сел, а плюхнулся. Со вздохом облегчения. Он лёг на спину, я завёл его больную ногу на диван, и моя первая транспортировка была закончена. Я не вспотел так, как мистер Боудич, но меня кинуло в жар, в основном из-за нервов. Это было важнее, чем принимать броски от питчера.

— Неплохо, — сказала Мелисса. — Когда нужно будет поднять его, обхвати туловище руками, сплети пальцы вместе за его спиной и поднимай. Используй его подмышки…

— Для поддержки, — закончил я. — Это было в брошюре.

— Мне нравятся мальчики, которые выполняют свою домашнюю работу. Следи, чтобы его костыли всегда были рядом, особенно когда он встаёт с постели. Как вы себя чувствуете, мистер Боудич?

— Как десять фунтов дерьма в девятифунтовом мешке. Уже пора принимать таблетки?

— Вы принимали их перед отъездом из больницы. Следующий приём не раньше шести.

— Кажется, что прошло так много времени. Как насчёт «Перкоцета», чтобы взбодриться?

— Как насчёт того, что у меня его нет? — Затем, обращаясь ко мне: — По мере выздоровления

и расширения диапазона движений тебе, да и ему, будет легче справляться. Выйдем на минуту, хорошо?

— Что за разговоры у меня за спиной, — выкрикнул Боудич. — О чём бы вы ни говорили, этот молодой человек *не* будет ставить никаких клизм.

— Ого, — произнёс Херби. Он наклонился, упёршись руками в колени, и рассматривал телевизор. — Это самый старый ящик, который я когда-либо видел, мистер. Он работает?

7

Вечернее солнце светило ярко и слегка грело, что было чудесно после долгой зимы и холодной весны. Мелисса подвела меня к амбулаторному фургону, заглянула внутрь и открыла широкую центральную панель. Она достала пластиковый пакет и положила его на сиденье.

— Костыли сзади. Вот его лекарства и два тюбика мази с арникой. Тут есть листок с точными дозировками, понял? — Она достала баночки и показала мне одну за другой. — Это антибиотики. Это витамины, четыре вида. Это рецепт на «Линпарзу». Пополняй запас в «Си-Ви-Эс» в Сентри-Вилладж. Это слабительные. Не в свечах,

но тебе стоит прочитать, как их вводить, если понадобится. Ему это не понравится.

— Не так уж много того, что ему нравится, — сказал. — В основном Радар.

— И ты, — сказала она. — Ты нравишься ему, Чарли. Он считает, что тебе можно доверять. Надеюсь он говорит так не только потому, что ты появился в нужное время и спас ему жизнь. Потому что есть ещё это.

Самая большая баночка была наполнена двадцатимиллиграммовыми таблетками «Оксиконтина». Мелисса серьёзно посмотрела на меня.

— Это сильный препарат, Чарли. Вызывает зависимость. Но он очень эффективен против боли, которую сейчас испытывает твой друг и будет испытывать от восьми месяцев до года. Возможно, дольше, в зависимости от других его проблем.

— Каких других проблем?

Мелисса помотала головой.

— Не мне о них говорить. Просто придерживайся графика и дозировки, и оставляй без внимания его просьбы дать ещё. Вообще-то он может получить больше перед сеансом терапии, и это станет для него мотивацией — возможно главной — продолжать терапию, несмотря на боль. А больно будет. Ты должен хранить таблетки

там, где он не сможет до них добраться. Ты уже прикинул место?

— Да. — Я думал о сейфе. — По крайней мере, пока он не сможет подниматься по лестнице.

— Три недели, если он будет придерживаться терапии. Может, месяц. Как только он сможет подниматься, тебе нужно будет найти другое место. И тебе придётся беспокоиться не только о нём. Для зависимых эти таблетки на вес золота.

Я засмеялся. Не смог сдержаться.

— Что? Что смешного?

— Ничего. Они будут в надежном месте, и ему не уговорить меня дать больше, чем нужно.

Мелисса пристально смотрела на меня.

— А как насчёт тебя, Чарли? Дело в том, что я не имею права доверять эти лекарства несовершеннолетним; насколько известно врачу, который их выписал, таблетки будет выдавать взрослый, осуществляющий уход. У меня могут быть проблемы. Не возникнет ли у тебя соблазна попробовать одну или две, чтобы немного «улететь»?

Я подумал об отце и о том, что с ним сделал алкоголь, и как я однажды представил нас ночующих под мостом, со всеми нашими вещами в украденной магазинной тележке.

Я взял баночку «Окси» и бросил обратно в пакет

к остальным лекарствам. Затем я взял Мелиссу за руку и взглянул ей в глаза.

— Ни хрена подобного, — сказал я.

8

Был ещё один нюанс, который я упустил, переживая, что останусь с мистером Боудичем наедине: что, если этот дурацкий телефон 1970-х годов выйдет из строя?

«Тогда набери 911 со своего телефона двадцать первого века, — подумал я. — *Как тогда, когда ты нашёл Боудича на заднем крыльце».* А если у него будет сердечный приступ? С искусственным дыханием я был знаком только по телесериалам, и если его мотор остановится, у меня не будет времени на просмотр роликов с «Ютьюб». В будущем мне предстояло ещё одно домашнее задание.

Я проводил фургон взглядом и вернулся в дом. Мистер Боудич лежал, накрыв рукой глаза. Радар сидела у дивана наготове. Остались только мы втроём.

— Вы в порядке? — спросил я.

Он убрал руку и повернул голову, чтобы посмотреть на меня. Он выглядел несчастным.

— Я в глубокой заднице, Чарли. И не знаю, смогу ли выбраться.

— Сможете, — сказал я, надеясь, что мой голос звучал более убедительно, чем мне казалось. — Хотите чего-нибудь поесть?

— Хочу мои таблетки от боли.

— Я не могу…

Мистер Боудич поднял руку.

— Я знаю, что не можешь, и я не буду унижаться — или кидаться на тебя — выпрашивая их. По крайней мере, надеюсь на это. — Он снова и снова гладил Радар по голове. Она сидела не шелохнувшись, лишь хвост медленно двигался из стороны в сторону, а глаза безотрывно смотрели на хозяина. — Дай мне чек и ручку.

Я дал, что он просил, вместе с книгой в твёрдом переплёте в качестве подложки. Он написал «ТОЛЬКО ДЛЯ ВНЕСЕНИЯ НА ДЕПОЗИТ», затем нацарапал свою подпись.

— Ты внесёшь их завтра за меня?

— Конечно. Первый городской, так?

— Так. Как только они поступят, я смогу выписать чек на покрытие больничных расходов. — Он отдал мне чек, который я вернул в бумажник. Мистер Боудич закрыл глаза, опять открыл и уставился в потолок. Его рука не покидала головы Радар. — Я так устал. И боль никогда не берёт отпуск. Даже не уходит на сраный перерыв.

— Хотите поесть?

— Не хочу, хотя они сказали, что я должен хорошо питаться. Если только немного СИС — сардин и солёных крекеров.

Это звучало отвратительно, но я принёс их вместе со стаканом ледяной воды. Он жадно выпил половину. Прежде, чем взяться за сардины (безголовые и жирные — буээээ), он спросил, собираюсь ли я остаться на ночь.

— На эту ночь и всю неделю, — сказал я.

— Хорошо. Я никогда не возражал против одиночества, но сейчас другой случай. Знаешь, чему меня научило падение с лестницы? Или скорее переучило?

Я помотал головой.

— Страху. Я пожилой человек, и я сломлен. — Он сказал это без жалости к себе, но как мужчина, констатирующий факт. — Думаю, тебе нужно вернуться домой на какое-то время, заверить отца, что всё идёт хорошо? Возможно, стоит остаться на ужин. Потом ты сможешь прийти, покормить Радар, и выдать мне мои проклятые пилюли. Они сказали, что я стану зависимым, и мне не требуется много времени, чтобы убедиться в их правоте.

— Так и сделаю. — Пауза. — Мистер Боудич… Говард… Я бы хотел привести отца, познакомить

его с вами. Знаю — вы не особо общительный, даже когда вам некуда деваться, но…

— Я понимаю. Он хочет успокоить себя, что вполне обоснованно. Но не сегодня, Чарли, и не завтра. Возможно, в среду. Может быть, к тому времени мне станет легче.

— Ладно, — сказал я. — И ещё кое-что. — Я написал номер своего мобильного на стикере и прилепил его к столику рядом с диваном — столику, который скоро будет завален мазями, марлевыми подушечками и таблетками (но не «Окси»). — Звонок — для тех случаев, когда я наверху…

— Очень по-викториански.

— Но если меня нет, звоните мне на мобильный. Даже если я в школе. Я объясню ситуацию миссис Силвиус из приёмной.

— Хорошо. Ступай. Успокой отца. Но не задерживайся, иначе я попытаюсь встать и самостоятельно найти таблетки. — Он закрыл глаза.

— Плохая идея, — сказал я.

Не открывая глаз, мистер Боудич произнёс:

— Мир полон ими.

9

Понедельники для моего отца — это дни наверстывания, часто его нет до полседьмого или до семи, так что я не ожидал застать его дома. Он и не был дома. Отец стоял у калитки мистера Боудича, дожидался меня.

— Сегодня я рано закончил, — сказал он, когда я вышел. — Переживал за тебя.

— Не стоило…

Отец взял меня за плечи и крепко обнял.

— Тогда подай на меня в суд. На полпути сюда я видел, как ты разговаривал с молодой женщиной. Я помахал, но ты не заметил. У тебя был такой вид, будто ты изо всех сил внимал тому, что она говорит.

— И с тех пор ты здесь стоишь?

— Я хотел постучать в дверь, но, пожалуй, я как вампир. Не могу зайти, пока меня не пригласят.

— В среду, — сказал я. — Я поговорил с ним об этом.

— Вполне подходит. Вечером?

— Может, в районе семи. Он принимает обезболивающие в шесть.

Мы направились вниз по холму. Отец всё ещё обнимал меня за плечи. Я не возражал. Я ска-

зал ему, что не хочу надолго оставлять мистера Боудича одного, так что не останусь на ужин. Сказал, что соберу кое-какие вещи — на ум пришла лишь зубная щётка — и найду что-нибудь перекусить в его кладовой (только не сардины).

— Не стоит, — сказал папа. — Я взял сэндвичи в «Джерси Майкс». Возьми их с собой.

— Отлично!

— Как он?

— Испытывает сильную боль. Надеюсь, таблетки, которые он принимает, помогут ему уснуть. Он принимает дозу в полночь.

— «Окси»?

— Да.

— Держи их в недоступности. И не говори ему, где они. — Такой совет мне уже дали, но папа хотя бы не спросил: собираюсь ли я попробовать их сам?

Дома я запихнул в рюкзак одежду на пару дней вместе с портативной точкой доступа «Найтхок»; мой телефон хорошо справлялся, но «Найтхок» обеспечивал офигенный Wi-Fi. Также я взял зубную щётку и бритву, которой начал пользоваться два года назад. Некоторые парни в тот год щеголяли щетиной — это было модно — но мне нравилось чистое лицо. Я собирался быстро, зная,

что если что-то забуду, вернусь завтра. Я думал о мистере Боудиче, оставшемся в одиночестве в своём большом старом прохудившемся доме; компанию ему составляла только его пожилая собака.

Когда я был готов идти, отец ещё раз обнял меня, затем взял за плечи.

— Только взгляни на себя. Берёшь на себя серьёзную ответственность. Я горожусь тобой, Чарли. Жаль, что твоя мама не видит этого. Она бы тоже гордилась тобой.

— Я немного боюсь.

Он кивнул.

— Меня бы встревожило, если б ты не боялся. Просто помни: если что-то случится — зови меня.

— Хорошо.

— Знаешь, я с нетерпением ждал, когда ты поступишь в колледж. Теперь я думаю иначе. Этот дом будет казаться пустым без тебя.

— Пап, я буду всего лишь в четверти мили отсюда. — Но к моему горлу подкатил комок.

— Я знаю. Знаю. Иди, проваливай отсюда, Чип. Делай свою работу. — Он сглотнул. Что-то щёлкнуло у него в горле. — И делай хорошо.

Глава седьмая

Первая ночь. Теперь ты понимаешь Джека. Обычный лесоруб. Терапия. Визит моего отца. «Линпарза». Мистер Боудич даёт клятву.

1

Я спросил мистера Боудича, можно ли посидеть в его кресле, и он сказал: «конечно». Я предложил ему половину моего сэндвича и ощутил некоторое облегчение, когда он заявил, что сэндвичи «Джерси Майкс» — самые лучшие.

— После таблеток я не отказался бы от чашки супа. Куриной лапши. Посмотрим.

Я спросил, не хочет ли он посмотреть новости. Мистер Боудич помотал головой.

— Включи, если хочешь, но я редко интересуюсь новостями. Имена меняются, но дерьмо всё то же.

— Я удивлён, что телевизор работает. Разве лампы не перегорают?

— Конечно. Как садятся батарейки в фонарике. Или в транзисторном приёмнике. — Я не знал, что такое транзисторный приёмник, но не сказал этого вслух. — Ты берёшь и вставляешь новые.

— Где вы берёте лампы?

— Покупаю в компании под названием «РетроФит» в Нью-Джерси, но они дорожают каждый год, так как их остаётся всё меньше.

— Что ж, полагаю, вы можете себе это позволить.

Он вздохнул.

— Ты о золоте. Конечно, тебе любопытно, как любому на твоём месте. Ты кому-нибудь говорил? Своему отцу? Может быть, учителю в школе?

— Я умею хранить секреты. Я вам говорил об этом.

— Хорошо, не строй из себя обиженку. Я должен был спросить. И мы поговорим об этом. Но не этим вечером. Сегодня я не в состоянии вести разговоры о чём бы то ни было.

— Я могу подождать. Но насчёт ламп для телевизора… как вы их заказываете, если у вас нет интернета?

Мистер Боудич закатил глаза.

— Ты думаешь, почтовый ящик стоит там для украшения? Или, может быть, для рождественского венка?

Он говорил об обычной почте. Для меня стало откровением, что люди до сих пор ведут через неё дела. Я хотел спросить, почему он просто не купил новый телевизор, но, кажется, знал ответ. Ему нравились старые вещи.

Когда стрелки на часах в гостиной подползли к шести, я понял, что хочу дать мистеру Боудичу таблетки почти также же сильно, как он хотел их принять. Наконец, пришло время. Я поднял-

ся наверх, взял две пилюли и подал их ему со стаканом воды. Он почти выхватил их у меня из руки. В комнате было прохладно, но на его лбу выступили капельки пота.

— Покормлю Радар, — сказал я.

— Потом выпусти её на задний двор. Она быстро делает свои дела, но пусть немного прогуляется. Подай мне мочеприёмник, Чарли. Не хочу, чтобы ты видел, как я пользуюсь этой проклятой штукой. В моём возрасте это занимает какое-то время.

2

Когда я возвратился и опорожнил мочеприёмник, таблетки уже подействовали. Мистер Боудич попросил куриного супа — еврейского пенициллина, как он его назвал. Он выпил бульон и съел лапшу ложкой. Когда я вернулся, ополоснув кружку, он уже спал. Это не удивило меня. У него был тяжёлый день. Я поднялся наверх в свою комнату, нашёл его книгу «Невеста в чёрном», и погрузился в чтение, пока в восемь часов не проснулся мистер Боудич.

— Может быть, ты включишь телевизор и поищешь это вокальное шоу? — спросил он. — Мы с Радар иногда любим его смотреть.

Я включил телевизор, переключил несколько доступных каналов и нашёл «Голос», едва различимый сквозь «снег». Я поправил «кроличьи уши», пока картинка не стала настолько чёткой, насколько это было возможно, и мы посмотрели выступления нескольких участников. Большинство из них неплохо пели. Я повернулся к мистеру Боудичу сказать, что мне понравился певец кантри, но он крепко спал.

3

Я оставил звонок рядом с ним на столике и пошёл наверх. Один раз я оглянулся и увидел Радар, сидящую у лестницы. Заметив, что я смотрю на неё, она развернулась и пошла обратно к мистеру Боудичу, где провела ту ночь и все остальные. Он спал на этом раскладном диване даже когда мог снова подниматься по лестнице, потому что к тому времени уже не могла Радар.

У меня была приличная комната, хотя единственный торшер отбрасывал жуткие тени на потолок, а дом скрипел на стыках, как я и ожидал. В ветренную погоду стоило ожидать настоящей симфонии. Подключив свой «Найтхок», я вышел в сеть. Я вспоминал о том, как вёз груз золота за спиной, и как мама читала мне старую историю

из «Литл Голден Бук». Я говорил себе, что просто коротаю время, но теперь в этом сомневаюсь. Кажется, иногда мы знаем, куда идём, даже если так не думаем.

Я нашёл по меньшей мере семь разных версий «Джека и бобового стебля», и читал их на телефоне при свете единственного торшера. Я напомнил себе принести завтра ноутбук, но пока что хватало и телефона. Разумеется, я знал эту историю — как Златовласку и Красную Шапочку, — это часть культурной реки, которая несёт детей вниз по течению. Возможно, сперва мама прочитала мне эту сказку, а позже я посмотрел мультфильм, точно не помню. Оригинальная история, согласно «Википедии», была гораздо более кровавой, чем та, которую я запомнил. Из-за одной вещи: Джек жил с матерью, потому что великан во время одного из своих частых приступов ярости убил его отца.

Вы, вероятно, тоже знаете эту историю. Джек и его мама — бедняки. Всё, что у них осталось — это корова. Мама просит Джека отвести корову на рынок и продать не меньше, чем за пять золотых монет (никаких гранул в этой истории). По дороге в город Джек встречает говорливого бродячего торговца, который убеждает его обменять корову

на пять волшебных бобов. Его мать, рассерчав, бросает бобы в окно. За ночь из них вырастает волшебный стебель, который взмывает за облака. Там в огромном замке (каким образом он парит на облаках, не сказано ни в одной версии), живёт великан со своей женой.

Джек крадёт в основном золотые вещи: монеты, гусыню, которая несёт золотые яйца, золотую арфу, которая предупреждает великана. Но это не воровство в обычном понимании, потому что великан сам украл все эти вещи. Я узнал, что знаменитый напев великана — *фи-фай-фо-фух, чую англичанина я дух* — был заимствован из «Короля Лира», где персонаж по имени Эдгар говорит: *«Пришёл Роланд к Темной Башне. И молвил он опять: „Фи-фо-фам, дух британца чую там“»*. И кое-что ещё, я не помню откуда, то ли из мультфильма, то ли из книги «Литл Голден Бук»: спальня великана усеяна детскими костями. От имени великана стыла в жилах кровь.

Гогмагог.

4

Я выключил торшер в одиннадцать и дремал, пока будильник на телефоне не разбудил меня без четверти двенадцать. Я ещё не потрудился

спрятать «Окси» в сейф; они лежали на комоде, куда я сложил свою одежду. Взяв две таблетки, я спустился вниз. Радар зарычала на меня в темноте и уселась.

— Тише, девочка, — сказал мистер Боудич, и она успокоилась. Я включил свет. Он лежал на спине, глядя в потолок. — Вот и ты, минута в минуту. Мне очень не хотелось звонить в звонок.

— Вы поспали?

— Немного. После того, как я проглочу эти чёртовы штуки, возможно, снова смогу отключиться. Если повезёт, до рассвета.

Я дал ему таблетки. Он приподнялся на локте и проглотил их, затем отдал мне стакан и снова лёг.

— Уже лучше. Полагаю, это психологический эффект.

— Вам нужно что-нибудь ещё?

— Нет. Возвращайся в постель. Растущему организму нужен сон.

— Думаю, я уже достаточно вырос. — По крайней мере, надеялся на это. Я был ростом шесть футов и четыре дюйма, весил двести двадцать фунтов. Если я ещё вырасту, то стану как…

— Гогмагог, — сказал я без задней мысли.

Я ожидал услышать смех, но не получил даже

улыбки.

— Штудировал сказки?

Я пожал плечами.

— Доставка золота до Стэнтонвилла навела меня на мысль о волшебных бобах и бобовом стебле.

— Значит, теперь ты понимаешь Джека.

— Кажется, да.

— В Библии Гог и Магог — это воинственные народы древнего мира. Ты знал это?

— Нет.

— Книга Откровений. Объедени их вместе и у тебя получится настоящий монстр. Тот, от которого лучше держаться подальше. Выключи свет, Чарли. Нам обоим нужен сон. Иди поспи, и я попробую уснуть. Мне не помешает небольшая передышка от боли.

Я погладил Радар, затем выключил свет. Направился к лестнице, затем обернулся. «Мистер Боудич?»

— Говард, — сказал он. — Тебе пора привыкать к этому. Ты же не долбаный дворецкий.

По мне, так я как раз походил на дворецкого, но не хотелось спорить в столь поздний час.

— Говард, хорошо. Чем вы зарабатывали на жизнь до пенсии?

Он усмехнулся, издав хриплый, но не неприятный звук.

— Я был землемером на полставки и лесозаготовителем на полставки. Обычным лесорубом, если по-простому. Таких полно в сказках. Иди в постель, Чарли.

Я ушёл и спал до шести, когда нужно было выдать таблетки — в этот раз не только обезболивающие, но полный набор лекарств. И снова я увидел мистера Боудича бодрствующим и смотрящим в потолок. Я спросил: спал ли он. Он ответил «да». Сомневаюсь, что это было правдой.

5

На завтрак у нас был омлет. Мистер Боудич сел на краю раскладного дивана, положив ногу с фиксатором на пуфик, который прилагался к его мягкому креслу. Он снова попросил меня уйти, чтобы воспользоваться мочеприёмником. Когда я вернулся, он уже стоял на здоровой ноге, опираясь на костыли, и глядел в переднее окно.

— Вам следовало подождать меня, я бы помог, — сказал я.

Он хмыкнул.

— Ты выправил штакетник.

— Радар помогала.

— Не сомневаюсь. Смотрится лучше. Помоги мне вернуться в постель, Чарли. Держи ногу так, как ты делал раньше.

Я уложил мистера Боудича на диван. Затем взял Радар на прогулку по Пайн-Стрит; новые, более свежие лекарства, казалось, помогали, потому что она прошла довольно большое расстояние, помечая по пути телефонные столбы и пару гидрантов — Радар Боудича. Позже я отнёс чек мистера Боудича в банк. Дома — папа к тому времени уже давно ушёл — я захватил кое-какую одежду и свой ноутбук. На обед у мистера Боудича снова были СИС, а у меня хот-доги. На ужин хорошо было бы приготовить заморозку (мне нравился «Стауффер»), но у мистера Боудича не было микроволновки. Я положил немного мяса из «Тиллер и Сыновья» размораживаться. В будущем я видел себя просматривающим кулинарные ролики на «Ютьюб», если мы не собирались питаться консервированным супом и сардинами. Я выдал мистеру Боудичу полуденные таблетки. Позвонил Мелиссе Уилкокс для доклада, как она меня просила. Мне полагалось рассказывать ей, сколько раз мистер Боудич вставал с дивана, что он ел и было ли у него опорожнение кишечника. На последнее — большое «нет», чему она не уди-

вилась. Сказала, что «Оксиконтин» способствует сильному запору. После обеда я отнёс конверт в его почтовый ящик и поднял флажок. Внутри лежал чек, выписанный им для больницы Аркадиа. Я мог бы отнести его сам, но мистер Боудич хотел сперва убедиться, что чек Хайнриха прошёл.

Я рассказываю об этих вещах не потому, что они особенно интересны, а потому, что они составляли рутину, которая продолжалась всю оставшуюся часть той весны и большую часть лета. В каком-то смысле, то были приятные месяцы. Я чувствовал себя полезным, нужным. Я нравился себе больше, чем когда-либо за долгое время. И только конец был ужасен.

6

В среду днём во время моих недельных весенних каникул Мелисса приехала для проведения первого сеанса ФТ с мистером Боудичем. Она называла это физиотерапией, он назвал это болью и пытками. Он получил лишнюю дозу «Окси», что ему понравилось, и множество потягиваний и поднятий травмированной ноги, что ему не понравилось. Большую часть сеанса я провёл на кухне. Среди прочих непристойностей я услышал: *«скотина», «в жопу», «блядство»* и… *«хватит»*.

Он часто произносил *«хватит»*, иногда добавляя *«ёб твою мать»*. Мелиссу это не смутило.

Когда всё закончилось — двадцать минут, вероятно, показались мистеру Боудичу очень долгими, — она позвала меня. Я принёс два лишних стула с третьего этажа (те, с прямыми спинками, что шли комплектом к обеденному столу и казались мне орудиями пыток). Мистер Боудич сидел на одном из них. Мелисса принесла с собой большую поролоновую подушку — на ней покоилась лодыжка его больной ноги. Поскольку подушка была ниже, чем пуфик, его колено — всё ещё перевязанное — было слегка согнуто.

— Посмотрите-ка на это! — воскликнула Мелисса. — Сгибается на целых пять градусов! Я не просто рада, я потрясена!

— Болит, как хер знает что, — проворчал мистер Боудич. — Хочу назад в постель.

Она весело рассмеялась, будто услышала смешную шутку.

— Ещё пять минут, потом вставайте на костыли. Чарли поможет.

Мистер Боудич продержался пять минут, затем с трудом поднялся и опёрся на костыли. Он повернулся к дивану, но выронил один из них. Костыль грохнулся об пол и Радар залаяла. Я во-

время подхватил его и помог закончить поворот. На несколько мгновений мы оказались прижаты друг к другу, я обнимал мистера Боудича, он обнимал меня, я чувствовал, как сильно бьётся его сердце. *Неистово* — вот слово, которое пришло мне на ум.

Я уложил его на диван, но в процессе нога согнулась гораздо сильнее, чем на пять градусов, и он закричал от боли. Радар сразу же встрепенулась и залаяла, поджав уши.

— Я в порядке, девочка, — сказал мистер Боудич. Он запыхался. — Ложись.

Она легла на брюхо, не отрывая взгляда от хозяина. Мелисса дала ему стакан воды.

— В качестве особого поощрения за проделанную работу, вы можете принять свои вечерние обезболивающие в пять часов. Я вернусь в пятницу. Я знаю, это больно, Говард — связки не хотят растягиваться. Но они растянутся. Если вы приложите усилия.

— Боже, — произнёс он. Затем неохотно добавил, — Хорошо.

— Чарли, проводи меня.

Что я и сделал, неся её объёмную спортивную сумку с оборудованием. Маленькая «Хонда Сивик» Мелиссы стояла перед калиткой. Когда я

открыл багажник и положил сумку, то заметил миссис Ричлэнд на другой стороне улицы. Она снова прикрывала глаза ладонью, чтобы лучше видеть происходящее. Увидела, что я смотрю на неё, и помахала мне.

— Ему правда станет лучше? — спросил я Мелиссу.

— Да. Ты видел, как согнулось его колено? Это невероятно. Я видела такое раньше, но обычно у молодых пациентов. — Она задумалась, затем кивнула. — Ему станет лучше. По крайней мере, на время.

— Что это значит?

Она открыла водительскую дверь.

— Сварливый старый тип, верно?

— Ему не хватает навыков общения с людьми, — сказал я, прекрасно понимая, что она не ответила на мой вопрос.

Она снова весело рассмеялась. Мне нравилось, какой красивой она была в лучах весеннего солнца.

— Это уж точно, приятель. Я бы тоже так сказала. Вернусь в пятницу. Новый день, та же рутина.

— Что такое «Линпарза»? Я знаю остальные его лекарства, но не это.

Её улыбка исчезла.

— Я не могу сказать тебе, Чарли. Врачебная тайна. — Мелисса скользнула за руль. — Но ты можешь посмотреть в интернете. Там есть всё.

Она уехала.

7

В семь вечера отец открыл калитку — которую я не стал запирать на засов — и прошёл по тропинке к крыльцу, где я сидел. После сеанса ФТ я спросил мистера Боудича: не хочет ли он отложить визит моего отца? Я почти желал, чтобы он сказал «да», но после секундного раздумья, он помотал головой.

— Давай сделаем это. Развеем его тревоги. Он, вероятно, хочет убедиться, что я не растлитель детей.

Я ничего не ответил на это, хотя в его нынешнем состоянии мистер Боудич не смог бы растлить и бойскаута, не говоря о шестифутовом лбе, который выступал в двух видах спорта.

— Привет, Чарли.

— Привет, пап. — Я обнял его.

Он принёс шестибутылочную упаковку колы.

— Как думаешь, ему она пригодится? Я сломал ногу, когда мне было двенадцать, и не мог ею

напиться.

— Заходи и спроси его сам.

Мистер Боудич сидел на одном из стульев, которые я принёс сверху. Он попросил меня принести ему рубашку и расчёску для волос. Если не считать пижамных штанов, собранных над фиксатором, на мой взгляд, он выглядел вполне прилично. Я нервничал, надеясь, что он не будет слишком ворчать на моего отца, но я напрасно переживал. Лекарства действовали, но дело было не только в этом; вообще-то у мистера Боудича были навыки социального общения. Подзабытые, но были. Думаю, это как ездить на велосипеде.

— Мистер Рид, — сказал он, — я видел вас раньше, но рад познакомиться с вами официально. — Он протянул свою большую жилистую руку. — Извините, что не встаю.

Папа пожал ему руку.

— Без проблем, и зовите меня Джордж.

— Хорошо. А я Говард, хотя мне чертовски трудно убедить в этом вашего сына. Хочу сказать вам, как добр он был ко мне. Бойскаут без всякой херни, если вы не против, что я выражаюсь.

— Вовсе нет, — сказал папа. — Я горжусь им. Как у вас дела?

— Налаживаются… по крайней мере, так сказа-

ла Королева Пыток.

— Физиотерапия?

— Так они это называют.

— А вот и хорошая девочка, — сказал папа, нагибаясь, чтобы погладить Радар. — Мы с ней уже встречались.

— Наслышан. Если меня не подводят глаза, это, кажется, «Кока-кола»?

— Не подводят. Хотите со льдом? Боюсь, она тёплая.

— Кола со льдом очень кстати. Было время, когда капелька рома добавила бы пикантности.

Я немного напрягся, но папа рассмеялся.

— Я вас понял.

— Чарли? Можешь взять три высоких стакана с верхней полки и наполнить их льдом?

— Конечно.

— Возможно, их нужно сначала сполоснуть. Ими уже давно никто не пользовался.

Я не торопился, прислушиваясь к разговору, пока споласкивал стаканы и доставал лёд из старомодного лотка. Мистер Боудич принёс папе соболезнования по поводу утраты его жены, сказал, что пару раз беседовал с ней на Сикамор-Стрит («тогда я чаще выходил на улицу»), и она показалась ему милой женщиной.

— Этот проклятый мост стоило заасфальтировать сразу же, — сказал мистер Боудич. — Её смерти можно было избежать. Я удивлён, что вы не подали в суд на город.

«Он тогда слишком сильно налегал на выпивку, чтобы задумываться о таких вещах», — подумал я. Мои старые обиды в основном исчезли, но не все. Страх и утрата оставляют следы.

8

Уже стемнело, когда мы с папой возвращались по тропинке к калитке. Мистер Боудич лёг в постель, переместившись туда с моей небольшой помощью, пока папа наблюдал за нами.

— Он не такой, как я ожидал, — сказал папа, когда мы дошли до тротуара. — Совсем не такой. Я ожидал увидеть ворчуна. Может быть, даже грубияна.

— Он бывает таким. С тобой он был… даже не знаю, как это назвать.

За меня закончил отец:

— Он взял себя в руки. Хотел понравиться мне, потому что ты нравишься ему. Я вижу, как он смотрит на тебя, парень. Ты много для него значишь. Не подведи его.

— Если только он *сам* не оступится.

Папа обнял меня, поцеловал в щёку и пошёл вниз по холму. Я смотрел, как он появляется в свете каждого уличного фонаря и снова пропадает. Иногда я всё ещё обижался на него за его потерянные годы, потому что это были и мои потерянные годы. Но чаще я радовался, что он справился.

— Всё прошло хорошо, так? — спросил мистер Боудич, когда я вернулся в дом.

— Всё прошло прекрасно.

— И как же мы проведём вечер, Чарли?

— У меня есть одна идея. Подождите минутку.

Я загрузил два выпуска «Голоса» на свой ноутбук. Поставил его на столик рядом с диваном, где мы оба могли его смотреть.

— Иисус мой спаситель, взгляни на картинку! — воскликнул мистер Боудич.

— Я знаю. Неплохо, да? И нет рекламы.

Мы посмотрели первый выпуск. Я рассчитывал на два, но мистер Боудич уснул в первые пять минут второго. Я взял ноутбук наверх и разузнал о «Линпарзе».

9

В пятницу я снова отнёс сумку Мелиссы с оборудованием в её «Сивик». Я закрыл багажник и повернулся к ней.

— Я почитал о «Линпарзе».

— Я так и думала.

— Его дают в четырёх случаях. Понятно, что он принимает его не от рака груди или яичников, так от чего же тогда? Рак простаты или что-то ещё? Очень надеюсь, что это не поджелудочная железа. У моего дедушки по отцу был такой рак, и он умер меньше, чем через шесть месяцев после постановки диагноза.

— Врачебная тайна, Чарли. Я не могу сказать. — Но её лицо говорило о чём-то ещё.

— Ну же, Мелисса. Вы не врач. И кто-то сказал вам.

— Потому что я работаю с ним. И чтобы выполнять свои обязанности, я должна знать общую картину.

— Я умею хранить секреты. Вы уже знаете об этом, так? — Я имел в виду сильные обезболивающие, которыми не имел права распоряжаться в силу своего возраста.

Она вздохнула.

— Это рак простаты. Абрамс — ортопед, который с ним работал, — видел рентгеновские снимки. Прогрессирующий, но без метастазов. «Линпарза» замедляет рост опухолей. Иногда даже регрессирует.

— Разве ему не нужно более основательное лечение? Химиотерапия? Или лучевая терапия?

Миссис Ричлэнд снова вышла на улицу. Она помахала, и мы помахали в ответ.

Мелисса замешкалась, затем решила, должно быть, что, зайдя так далеко, нет смысла останавливаться.

— Он встречался с доктором Паттерсоном, заведующим онкологического отделения Аркадии. Тот предложил ему варианты и Боудич отверг все, кроме «Линпарзы».

— *Почему?*

— Тебе самому стоит спросить его, Чарли, но если ты это сделаешь, не говори ему о нашем разговоре. Скорее всего, я не потеряю работу, но в принципе возможно и такое. И, послушай, есть врачи — их много, — которые сказали бы, что он принял правильное решение. Рак предстательной железы замедляется у пожилых мужчин. С «Линпарзой» у него могут быть годы впереди.

10

Тем вечером мы посмотрели ещё один выпуск «Голоса». Когда он закончился, мистер Боудич с трудом поднялся на костылях.

— Этот вечер может оказаться знатным, Чарли.

Кажется, мне нужно посрать.

— Петарды уже готовы, — сказал я.

— Прибереги это для своего стэндапа. — Когда я попытался последовать за ним на кухню, он повернул голову и рявкнул, — Боже мой, иди назад и смотри свой гаджет. Если упаду, тогда и поднимешь.

Я вернулся назад. Дверь в маленькую ванную закрылась. Я ждал. Прошло пять минут. Потом десять. Я бросал Радар её обезьянку, пока ей не надоело, и она не свернулась калачиком на своём коврике. Наконец, я подошёл к дверному проёму кухни и спросил мистера Боудича всё ли у него в порядке.

— Отлично, — отозвался он. — Хотя тут понадобилась бы целая пачка динамита. Сраный «Оксиконтин».

Наконец, раздался звук смыва, и когда мистер Боудич вышел, он был взмокшим, но улыбался.

— Шаттл совершил посадку. Слава Богу.

Я помог ему вернуться в постель и решил воспользоваться его хорошим настроением. Показал ему баночку «Линпарзы».

— Я прочитал об этом лекарстве. Вы могли бы согласиться на нечто большее.

— Неужели, доктор Рид? — Но в уголках его

рта появилась слабая улыбка, и это придало мне достаточно смелости, чтобы продолжить.

— Сейчас у врачей есть много средств для борьбы с раком. Я просто не понимаю, почему вы не воспользуетесь ими.

— Всё довольно просто. Ты знаешь, я испытываю боль. Знаешь, что я не могу спать без этих чёртовых таблеток, от которых у меня запор. Ты слышал, как я кричал на Мелиссу, на милейшую женщину. Пока что я сдерживаюсь назвать её «сукой» или «мандой», но эти неприятные слова могут вырваться в любой момент. Зачем мне добавлять тошноту, рвоту и судороги к боли, которую я уже испытываю?

Я хотел было ответить, но он приподнялся на локте и шикнул.

— Есть ещё кое-что, юноша. То, что человек твоего возраста не способен понять. С меня почти хватит. Не совсем, но почти. Жизнь тоже стареет. Ты можешь не верить, я знаю, потому что сам не верил, когда… — Мистер Боудич замолчал. — …был молодым, но это правда. — Он лёг на спину, нащупал Радар и погладил её. — Но я не хочу оставлять её одну, ясно? Мы друзья — она и я. И теперь мне не нужно беспокоиться. Если она переживёт меня, ты позаботишься о ней. Ведь так?

— Да, конечно.

— Что касается терапии… — Его улыбка стала шире. — Сегодня я согнул ногу на десять градусов, и начал использовать эту резиновую ленту, чтобы сгибать лодыжку. Я собираюсь стараться изо всех сил, потому что не хочу умереть в постели. Особенно на этом долбаном раскладном диване.

11

Мы не обсуждали источник золота — вопрос, витающий в воздухе, — но в воскресенье я понял, что нам *нужно* кое-что обсудить. Я всё ещё мог выдавать ему утренние и вечерние таблетки, но что делать с дневными, когда я вернусь в школу?

— Думаю, Мелисса может давать их вам в понедельник, среду и пятницу во время сеансов ФТ, но они не успеют сильно подействовать к началу упражнений. И что делать со вторниками и четвергами?

— Я просто попрошу миссис Ричлэнд. Её хлебом не корми — дай сунуть нос в мой дом. Может, сделает пару фотографий, чтобы выложить в «Фэйсбук» и «Твиттер».

— Очень смешно.

— Дело не только в дневных таблетках, — сказал он. — Есть ещё и ночные.

— Я останусь на ночь, чтобы…

— Нет, Чарли. Тебе пора ночевать дома. Уверен, твой отец скучает по тебе.

— Я всего лишь в пяти минутах от него!

— Да, но твоя комната пустует. Когда он приходит домой, то ужинает один. Мужчин в одиночестве иногда могут начать посещать дурные мысли. Я прекрасно это знаю, поверь мне. Ты будешь оставлять мне дневные таблетки утром, когда приходишь проверить меня и покормить Радар, и будешь оставлять ночные перед уходом домой.

— Я не должен так делать!

Мистер Боудич кивнул.

— Чтобы я не схитрил. Потому что я пристрастился к этим проклятым пилюлям и это будет искушением для меня. Но я обещаю тебе. — Он приподнялся на обоих локтях и уставился на меня своими глазами. — Если я схитрю, я сразу же признаюсь тебе и полностью откажусь от таблеток. Перейду на «Тайленол». Таково моё слово, и я сдержу его. Ты согласен?

Я обдумал это и согласился. Мы пожали друг другу руки. Тем вечером я показал мистеру Боудичу, как включить фильмы и телепередачи на моём ноутбуке. Положил две таблетки «Окси» в

маленькую тарелочку на прикроватном столике. Закинув рюкзак на плечо, я показал на телефон.

— Если понадоблюсь, звоните. Днём или ночью.

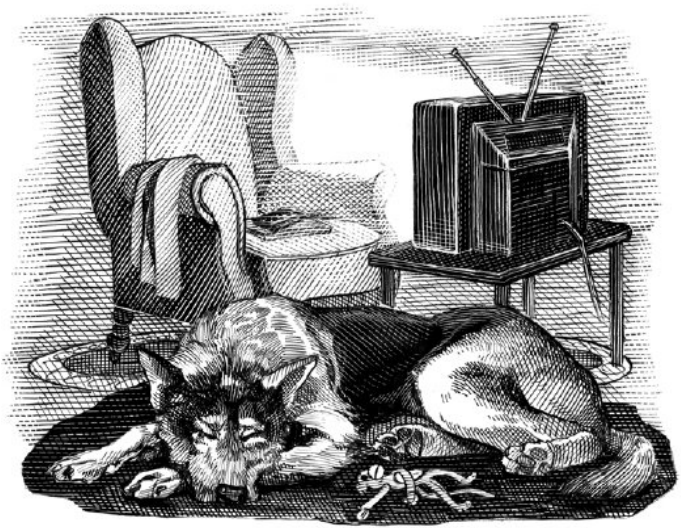
— Днём или ночью, — подтвердил он.

Радар проводила меня до двери. Я наклонился, погладил её и обнял. Она лизнула меня в щёку. Затем я пошёл домой.

12

Он не схитрил. Ни разу.

Глава восьмая



Вода под мостом. Очарование золота. Старая собака. Газетные новости. Арест.

1

Сначала я три раза в неделю обтирал мистера Боудича губкой, потому что в тесной ванной на первом этаже не было душа. Он разрешил, но настоял сам заниматься своими интимными местами (я был не против). Я мыл его тощую грудь и ещё более тощую спину, а однажды, после неприятного инцидента, когда он медленно шагал в тесную маленькую ванную, я помыл его тощий зад. Ругань и нецензурная брань в тот раз были вызваны как смущением (горьким смущением), так и гневом.

— Не переживайте, — сказал я, когда его пижамные штаны снова были на нём. — Я постоянно убираю какашки Радар на заднем дворе.

Мистер Боудич одарил меня своим фирменным «ты что, идиот?» взглядом.

— Это другое. Радар — *собака*. Она нагадит на лужайку перед Эйфелевой башней, если ты ей разрешишь.

Мне показалось это интересным.

— *Разве* перед Эйфелевой башней есть лужайка?

Теперь он изобразил фирменное закатывание глаз.

— Не знаю. Я просто пояснил. Можно мне колы?

— Конечно. — После того, как отец принёс упаковку колы, я постоянно держал в доме запас для мистера Боудича.

Когда я принёс колу, он сидел в своём старом мягком кресле, Радар — возле него.

— Чарли, можно мне кое-что у тебя спросить? Всё, что ты делаешь для меня…

— Каждую неделю я получаю за это неплохой чек, что очень ценю, даже когда мне кажется, что я делаю недостаточно.

— Ты бы делал это и бесплатно. Ты говорил мне об этом в больнице, и я верю тебе. Ты что — хочешь стать святым или, возможно, искупаешь вину за что-то?

Это прозвучало довольно проницательно. Я подумал о своей молитве — об уговоре с Богом, — а также про звонок о заложенной в школе Стивенс-Элементари бомбе. Берти считал это самой весёлой выходкой на свете, но тем вечером — с пьяным храпом отца в соседней комнате — я мог думать только о том, как мы перепугали кучу людей, в основном маленьких детей.

Тем временем, мистер Боудич пристально смотрел на меня.

— Искупление, — сказал он. — Интересно, чего?

— Вы дали мне хорошую работу, — сказал я, — и я благодарен. Вы мне нравитесь, даже когда ворчите, хотя признаюсь, это немного отталкивает. Всё остальное — было, да водой унесло.

Он обдумал это, затем сказал то, что врезалось мне в память. Может, потому, что моя мать погибла на мосту, когда я ходил в Стивенс-Элементари, может, просто потому, что это казалось мне важным и до сих пор имеет значение.

— Время — это вода, Чарли. А жизнь — это мост, под которым она течёт.

2

Время шло. Мистер Боудич продолжал кричать и ругаться во время своих сеансов терапии, так сильно расстраивая Радар, что Мелиссе приходилось выводить её на улицу перед началом занятий ФТ. Сгибания были болезненными, очень болезненными, но к маю мистер Боудич мог сгибать колено на восемнадцать градусов, а к июню почти на пятьдесят. Мелисса начала показывать ему, как на костылях подняться по лестнице (и, что более важно, как спускаться без катастрофических падений), так что я пере-

нёс «Окси» на третий этаж. Я хранил таблетки в старом пыльном скворечнике с вырезанным из дерева вороном на верхушке, от которого у меня мурашки шли по коже. Мистеру Боудичу стало легче передвигаться на костылях, и он стал сам обтираться губкой (что он называл «ванной шлюхи»). Мне больше не приходилось подмывать ему зад, потому что никогда не случались инциденты по пути в туалет. Мы смотрели старые фильмы на моём ноутбуке, всё подряд от «Вестсайдской истории» до «Маньчьжурского кандидата» (которого мы оба обожали). Мистер Боудич поговаривал о приобретении нового телевизора, что показалось мне верным признаком того, что он возвращается к жизни, но передумал, когда я сказал, что нужно протягивать кабель, либо устанавливать спутниковую тарелку (похоже, он не спешил возвращаться). Я приходил к шести каждое утро и, не участвуя ни в тренировках, ни в соревнованиях по бейсболу (тренер Харкнесс бросал на меня косой взгляд каждый раз, когда мы пересекались в коридоре), почти каждый день возвращался на Сикамор к трём. Я выполнял работу по дому, в основном занимался уборкой, что было мне в радость. Полы наверху были чертовски грязными, особенно на третьем этаже.

Когда я предложил почистить водостоки, мистер Боудич посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и велел нанять кого-нибудь для этой работы. Так на сцене появилась фирма по ремонту домов «Сентри Хаус Рипэйр», и как только водостоки к удовлетворению мистера Боудича были вычищены (он наблюдал с заднего крыльца, сгорбившись на своих костылях и стоя в пижамных штанах, которые болтались над фиксатором), он передал через меня: пусть приступают к ремонту крыши. Когда мистер Боудич увидел итоговую сумму, он велел мне поторговаться («Разыграй карту бедного старика», — сказал он). Я поторговался и сбил цену на двадцать процентов. Ремонтники также установили пандус у переднего крыльца (которым ни мистер Боудич, ни Радар никогда не пользовались — она боялась) и предложили перебрать убитую в хлам брусчатку, ведущую от калитки до крыльца. Я отказался, решив заняться дорожкой сам. Я также заменил выгнутые и треснутые ступеньки переднего и заднего крыльца (с помощью нескольких роликов «сделай сам» на «Ютьюб»). Это была напряжённая весенне-летняя приборка-починка на Сикамор-Стрит-Хилл. Миссис Ричлэнд было за чем понаблюдать, и она наблюдала. В начале июля мистер Боудич вернул-

ся в больницу для снятия внешнего фиксатора, на недели раньше самого оптимистичного прогноза Мелиссы. Когда она сказала, что гордится им и обняла, старик в кои-то веки утратил дар речи. Папа приходил по воскресеньям днём — без моего ведома, по приглашению мистера Боудича, — и мы играли в джин на троих; обычно выигрывал мистер Боудич. По будням я готовил ему что-нибудь поесть, спускался с холма на ужин с отцом, затем возвращался к мистеру Боудичу помыть посуду, выгулять Радар и посмотреть с ним фильмы. Иногда под попкорн. Как только фиксатор сняли, мне больше не нужно было его дезинфицировать, но я продолжал обрабатывать ранки, через которые стержни входили в ногу. Я разминал его лодыжки с помощью больших красных резиновых лент и заставлял его сгибать ногу.

Это были приятные недели, — по большей части. Не всё шло хорошо. Прогулки Радар стали короче, она начинала хромать и поворачивать в сторону дома. Ей становилось всё труднее взбираться на крыльцо. Однажды мистер Боудич увидел, как я помогаю Радар, и велел не делать этого. «Нет, пока она может делать это сама», — сказал он. И иногда по краям унитаза оставались капельки крови после того, как мистер Боудич

ходил помочиться, что занимало у него всё больше времени.

— Давай же, бесполезная штука, выдави хоть каплю, — однажды услышал я за закрытой дверью.

Каким бы действием ни обладала «Линпарза», она справлялась не очень хорошо. Я пытался поговорить с ним об этом, спрашивал, зачем он так старательно пытается встать на ноги, если собирается дать волю тому, «что действительно с ним не так» (мой эвфемизм), на что мистер Боудич посоветовал мне не лезть не в своё дело. В конце концов, его настиг не рак. Это был сердечный приступ. Только не совсем.

Это всё из-за чёртова сарая.

3

Как-то раз — кажется, в июне — я снова поднял тему золота, хоть и вскользь. Я спросил мистера Боудича не беспокоится ли он о маленьком хромом немце, особенно после крупной доставки, которую я провернул ради оплаты больничного счёта.

— Хайнрих безобиден. Он обстряпывает много дел в своей подсобке, и, насколько я знаю, никогда не привлекал внимания правоохранительных

органов. Или налоговой службы, что кажется более вероятным.

— Вы не боитесь, что он кому-нибудь расскажет? Я к тому, что, может быть, он ведёт дела с людьми, продающими «горячие» бриллианты, с грабителями и прочими, и, вероятно, помалкивает, но шесть фунтов чистого золота — это совершенно другой уровень.

Мистер Боудич фыркнул.

— Рисковать значительной прибылью, которую он извлекает из сотрудничества со мной? Это было бы глупо, а глупость — единственное, чем Вилли Хайнрих не обладает.

Мы сидели в кухне, пили колу из высоких стаканов (с веточками мяты, которая росла вдоль дома со стороны Пайн-Стрит). Мистер Боудич бросил на меня проницательный взгляд со своего конца стола.

— Мне кажется, не о Хайнрихе ты хочешь поговорить. Думаю, это золото — вот, что у тебя на уме, и откуда оно берётся.

Я не ответил, но он не ошибся.

— Скажи мне кое-что, Чарли, ты ведь не упустил возможности? — Он указал на потолок. — Смотрел на него? Так сказать, пробовал? Я прав, не так ли?

Я покраснел.

— Ну…

— Не волнуйся, я не собираюсь тебя ругать. Для меня то, что там наверху, — просто ведро металла, которое с тем же успехом могло быть наполнено болтами и гайками, но я стар. Это не значит, что я не понимаю очарования золота. Ответь мне, ты погружал туда руки?

Я хотел солгать, но в этом не было смысла. Он бы понял.

— Да.

Мистер Боудич всё ещё смотрел на меня тем же прозорливым взглядом, прищурив левый глаз, приподняв кустистую правую бровь. Но и улыбаясь.

— Опустил руки в ведро и позволил гранулам просачиваться сквозь пальцы?

— Да. — Теперь мои щёки запылали. Я делал это не только в первый раз, но и несколько раз после.

— Очарование золота — это нечто отличное от его денежной стоимости. И ты понимаешь это, правда?

— Да.

— Давай предположим — просто в рамках разговора — что мистер Хайнрих слишком много

болтает в присутствии не тех людей, после того, как выпьет лишнего в том отвратительном маленьком баре недалеко от его магазина. Я бы поспорил на этот дом и участок, на котором он стоит, что старый хромой Вилли никогда не выпивает лишнего, и, возможно, не пьёт вообще, но мы просто предположим. И давай предположим, что человек, с которым он общался, в одиночку, а, возможно, с пособниками, однажды вечером дождётся, пока ты уйдёшь, затем вторгнется в мой дом и потребует золото. Мой револьвер наверху. Моя собака, некогда грозная… — Он погладил Радар, которая дремала рядом с ним. — …теперь дряхлее меня. Что бы я сделал в таком случае?

— Думаю… отдадите им золото.

— Именно так. Я бы не пожелал им добра, но я бы отдал им золото.

Поэтому я задал тот самый вопрос.

— Откуда оно берётся, Говард?

— Возможно, я расскажу тебе со временем. Я ещё не принял решения. Потому что золото не просто очаровывает. Оно опасно. И место, откуда оно взялось, тоже опасное. Кажется, я видел баранью отбивную в холодильнике? А есть капустный салат? В «Тиллер» делают лучший капустный салат. Тебе нужно попробовать.

Другими словами, разговор был окончен.

4

Однажды вечером в конце июля Радар не смогла подняться по ступенькам заднего крыльца, когда мы возвращались назад с прогулки по Пайн-Стрит. Она пыталась дважды, затем просто уселась внизу, тяжело дыша и глядя на меня.

— Давай, помоги ей, — сказал мистер Боудич. Он вышел, опираясь на один костыль. Второй оказался почти не у дел. Я посмотрел на него, ожидая подтверждения, и он кивнул. — Пришло время.

Когда я поднял собаку, она тявкнула и оскалила зубы. Я переместил руку, которой держал её бёдра, чтобы не касаться больных мест, и понёс её наверх. Это было легко. Радар похудела, её морда стала почти белой, глаза начали слезиться. Я осторожно опустил её на пол кухни, и сперва она не держалась на задних лапах. Она собралась с силами — это было заметно, — и очень медленно доковыляла до своего коврика у двери кладовой, устало рухнув на него с хрюкающим звуком.

— Ей нужно к ветеринару.

Мистер Боудич помотал головой.

— Она испугается. Я не хочу заставлять её без надобности.

— Но…

Он говорил мягко, что испугало *меня*, потому что это было совсем на него не похоже.

— Никакой ветеринар ей не поможет. Радар подошла к концу. Сейчас ей просто нужно отдохнуть, а мне подумать.

— Господи, о чём?!

— О том, что лучше. Тебе пора домой. Сходи поужинай. Обратно не приходи. Увидимся утром.

— А как же *ваш* ужин?

— Я буду сардины с крекерами. Теперь иди. — Затем он повторил, — Мне нужно подумать.

Я вернулся домой, но почти ничего не съел. Не было аппетита.

5

Вскоре Радар перестала доедать свою утреннюю и вечернюю еду, и хотя я поднимал её на крыльцо — она всё ещё могла сама спускаться, — она начала периодически облегчаться в доме. Я понимал, что мистер Боудич прав насчёт того, что ветеринары ей уже ничем не помогут, разве что в самом конце, чтобы облегчить боль. Радар много спала, и иногда повизгивала и кусала лапы, будто пытаясь избавиться от того, что её мучило. Теперь у меня было два пациента, одному стано-

вилось лучше, другому — хуже.

В понедельник пятого августа я получил электронное письмо от тренера Монтгомери, в котором содержался график футбольных тренировок. Перед ответом я предупредил отца, что решил не играть в свой последний год. Хотя он был явно разочарован (я сам был разочарован), он сказал, что понимает. Накануне отец был у мистера Боудича, играл в джин, и видел, в каком состоянии Радар.

— Там всё ещё много работы, — сказал я. — Я хочу прибраться на третьем этаже, и как только посчитаю, что Говард способен спускаться в подвал, там его ждёт пазл, который нужно закончить. Думаю, он совсем забыл о нём. О, и ещё мне нужно научить его выходить в интернет с моего ноутбука, чтобы он мог не только смотреть фильмы, плюс…

— Хватит, Чип. Это из-за собаки? Да?

Я подумал о том, как поднимаю её на крыльцо, и как пристыженно она выглядит, устраивая беспорядок в доме, и просто не мог ответить.

— В детстве у меня был кокер, — сказал папа. — Её звали Пенни. Это тяжело, когда хорошая собака стареет. И когда её время подходит к концу… — Он помотал головой. — Это разрывает тебе сердце.

Так и было. Именно так.

Отец не рассердился, что я решил бросить футбол в последний учебный год, но разозлился мистер Боудич. Разъярился, как медведь.

— Ты ненормальный? — почти выкрикнул он. На его морщинистых щеках вспыхнул румянец. — Я хотел сказать: ты совсем рехнулся, растерял все свои мозги? Ты станешь звездой в этой команде! Тебя могут взять в колледж, и даже со стипендией!

— Вы никогда не видели, как я играю.

— Я читаю спортивный раздел в «Сан», какое бы дерьмо там ни печатали. В прошлом году ты выиграл долбаный «Тёрки Боул»!

— В той игре мы сделали четыре тачдауна. Я оформил только последний.

Он понизил голос.

— Я хотел посмотреть твои игры.

Это заставило меня замолчать. Предложение, исходящее от человека, который был добровольным затворником ещё до травмы, казалось потрясающим.

— Вы всё равно можете пойти, — наконец, сказал я. — Я пойду с вами. Вы купите хот-доги, я возьму колу.

— Нет. *Нет*. Я твой босс, чёрт возьми. Я пла-

чу тебе, и я запрещаю. Ты не пролетишь мимо своего последнего футбольного сезона в школе из-за меня.

У меня есть характер, хотя я никогда не проявлял его перед мистером Боудичем. В тот день я это сделал. Думаю, будет правильным сказать, что я сорвался.

— Дело не в вас, совершенно не в вас! Что будет с *ней*? — Я указал пальцем на Радар, которая подняла голову и беспокойно заскулила. — *Вы* собираетесь поднимать её и спускать с крыльца, чтобы она смогла пописать и покакать? Да вы сами еле волочите ноги!

Он выглядел ошеломлённым.

— Я… Она может делать это в доме… я постелю газеты.

— Ей это не нравится, вы же знаете. Может быть, она всего лишь собака, но у неё есть своё чувство достоинства. И если это её последнее лето, последняя осень… — Я чувствовал, как подбираются слёзы, что может показаться абсурдным тому, кто никогда не имел любимой собаки. — …я не хочу находиться на тренировочном поле, кидаясь на сраного «болвана»,[21] пока она умирает! Я буду

[21] Примечания: 21

Такая штука для тренировки. Зачастую выглядит, как боксёрская груша, только стоит на земле, а не свисает с потолка.

ходить в школу — это я обязан — но остальное время я хочу проводить здесь. И если вам это не нравится, мне всё равно.

Мистер Боудич молчал, сложив руки. Когда он посмотрел на меня, его губы были так плотно сжаты, что почти исчезли, и на мгновение я подумал, что он собирается кое-что сделать. Затем он сказал:

— Как думаешь, можно ли вызвать ветеринара на дом так, чтобы он закрыл глаза на то, что моя собака не оформлена? Я бы хорошо заплатил.

Я выдохнул.

— Давайте я попробую это выяснить.

6

Я нашёл не ветеринара, а помощника ветеринара, мать-одиночку с тремя детьми. Её знал Энди Чен и познакомил нас. Она пришла, осмотрела Радар и дала мистеру Боудичу таблетки, которые назвала экспериментальными и гораздо лучшими, чем «Карпрофен». Более сильными.

— Буду с вам откровенна, — сказала женщина. — Они улучшат качество её жизни, но, вероятно, сократят продолжительность. — Она замолчала. — *Определённо* сократят. После её смерти не приходите ко мне со словами: «вы

ничего об этом не говорили».

— Как долго они будут помогать? — спросил я.

— Они могут вообще не помочь. Я же сказала, они экспериментальные. Они у меня только потому, что остались после проведения доктором Петри клинических испытаний. За которые, к слову, ему хорошо заплатили — не то, чтобы я получила хоть доллар. Если они подействуют, Радар может провести хороший месяц. Возможно, два. Не больше трёх. Она не будет чувствовать себя щенком, но ей станет лучше. А потом, однажды… — Она пожала плечами, присела на корточки и погладила тощий бок Радар. Радс шлёпнула хвостом. — Однажды её не станет. Если она протянет до Хэллоуина, я буду очень удивлена.

Я не знал, что сказать, но мистер Боудич знал, и Радар была его собакой.

— Достаточно. — Затем добавил то, что я не понял тогда, но понимаю сейчас: — Достаточно *долго*. Может быть.

Когда женщина ушла (с двумя сотнями долларов в кармане), мистер Боудич подошёл на костылях и погладил собаку. Когда он посмотрел на меня, на его лице была лёгкая искажённая улыбка.

— Нас ведь не придут арестовывать за незаконную торговлю собачьими лекарствами?

— Сомневаюсь в этом, — сказал я. С золотом, если о нём кто-нибудь узнает, будет гораздо больше проблем. — Рад, что вы согласились. Я бы не решился.

— Выбор Хобсона.[22] — Он продолжал гладить Радар длинными движениями от затылка к хвосту. — В конец концов, мне кажется, что один или два хороших месяца лучше, чем шесть плохих. Если это вообще сработает.

Но это сработало. Радар снова начала съедать весь свой корм и могла подняться по ступенькам крыльца (с моей небольшой помощью). Лучше всего было то, что она охотно играла по вечерам в игру догони-обезьянку-и-заставь-её-пищать. И всё же я никогда не ожидал, что она переживёт мистера Боудича, но она пережила.

7

Затем последовало то, что поэты и музыканты называют цезурой. Радар продолжала… ну, не выздоравливать, я бы это так не назвал, но больше походить на собаку, которую я встретил в день

---

[22] Примечания: 22
Кажущаяся свобода выбора при отсутствии реальной альтернативы.

падения мистера Боудича с приставной лестницы (хотя по утрам она через силу поднималась со своего коврика и плелась к миске). А вот мистеру Боудичу и правда стало лучше. Он сократил потребление «Окси» и заменил единственный костыль, которым пользовался с августа, на трость, найденную в углу подвала. Там, внизу, он снова занялся пазлом. Я ходил в школу, проводил время с отцом, ещё больше времени проводил на Сикамор-Стрит, дом № 1. Футбольная команда «Ежей» начала сезон со счёта 0–3 и мои бывшие товарищи по команде перестали разговаривать со мной. Хреново, но у меня было слишком много забот, чтобы расстраиваться из-за этого. О, и несколько раз — обычно, когда мистер Боудич дремал на раскладном диване, которым продолжал пользоваться, чтобы быть поближе к Радар, — я открывал сейф и запускал руки в ведро с золотом. Ощущая его неизменно удивительную тяжесть и позволяя гранулам маленькими ручейками просачиваться сквозь мои пальцы. В такие моменты я вспоминал слова мистера Боудича об очаровании золота. Можно сказать, я размышлял над ними. Мелисса Уилкокс теперь приходила дважды в неделю, изумляясь прогрессу мистера Боудича. Она сказала, что доктор Паттерсон,

онколог, хочет увидеть его, но мистер Боудич отказался, заявив, что чувствует себя хорошо. Я поверил ему на слово не потому, что доверял, а потому что хотел верить. Теперь я знаю, что не только пациенты впадают в отрицание.

Затишье. Цезура. Затем всё произошло враз, и это не привело ни к чему хорошему.

8

Перед обедом у меня было свободное время, которое я обычно проводил в библиотеке, где делал домашние задания или читал одну из вульгарных книжек мистера Боудича. В тот день в конце сентября я погрузился в чтение «Игры под названием „Смерть“» Дэна Джей Марлоу, удивительно кровавой истории. Без четверти двенадцать я решил приберечь кульминацию на вечер, и взял газету. В библиотеке есть компьютеры, но все газеты были платными. К тому же, мне нравилась мысль читать новости на бумаге, — это навевало ощущение старины.

Я мог бы взять «Нью-Йорк Таймс» или «Чикаго Трибьюн», и тогда не узнал бы об этой истории, но верхней в стопке оказалась «Дэйли Геральд» из Элджина. Главные новости на передней полосе были об Обаме, который хотел начать военные

действия в Сирии, и о массовой стрельбе в Вашингтоне, где погибло тринадцать человек. Я просмотрел их, глянул на часы — десять минут до обеда — и пролистал страницы до комиксов. Я никогда не заходил так далеко. Меня остановила статья на второй странице раздела местных новостей. Приковала внимание.

ЮВЕЛИР ИЗ СТЭНТОНВИЛЛА СТАЛ ЖЕРТВОЙ УБИЙСТВА

Давний житель Стэнтонвилла и бизнесмен прошлой ночью был найден мёртвым в своём магазине «Экселент Джувелерс». Полиция отреагировала на телефонный звонок, сообщивший, что входная дверь открыта, несмотря на вывеску «ЗАКРЫТО». Офицер Джеймс Котцвинкл нашёл Вильгельма Хайнриха в задней комнате, дверь которой также была открыта. На вопрос: «было ли мотивом ограбление?», начальник полиции Стэнтонвилла Уильям Ярдли ответил: «Хотя расследование по-прежнему ведётся, всё кажется вполне очевидным». На вопрос о том, слышал ли кто-нибудь звуки борьбы или, возможно, выстрелы, ни начальник Ярдли, ни детектив Израел Батчер из полиции штата Иллинойс не дали никаких комментариев, за исключением того,

что большинство предприятий в западной части центральной улицы Стэнтонвилла пустовали с момента появления торгового центра. «Экселент Джувелерс» было заметным исключением. Ярдли и Батчер пообещали «быстрое расследование этого дела».

Прозвенел звонок на обед, но я сидел на месте и звонил мистеру Боудичу. Он ответил в своей обычной манере: «Если вы из телемагазина, вычеркните меня из своего списка».

— Это я, Говард. Мистера Хайнриха убили.

Долгая пауза. Затем:

— Откуда ты знаешь?

Я огляделся. В библиотеке запрещалось обедать и теперь там никого не было, кроме меня, так что я прочитал ему статью. Это не заняло много времени.

— Чёрт, — сказал мистер Боудич, когда я закончил. — Где мне теперь менять золото? Он был моим партнёром почти двадцать пять лет. — Никакого сочувствия вообще. Даже никакого удивления, по крайней мере, уловимого.

— Я посмотрю в интернете…

— Внимательно! Осторожно!

— Конечно, я буду чертовски осторожен, но, кажется, вы упускаете суть. Вы провернули с ним

большое дело, *громадное* дело, и теперь он мёртв. Если кто-то выбил из него ваше имя… если его пытали или просто пообещали, что не станут убивать…

— Ты читаешь слишком много моих старых детективов, Чарли. Ты обменял эти шесть фунтов золота в апреле.

— Не сказать, что в прошлом веке, — ответил я.

Мистер Боудич не обратил внимания.

— Мне не нравится обвинять жертву, но он не хотел покидать свой магазин в этом паршивом маленьком городке. В последний раз, когда я лично встречался с ним — вероятно, за четыре месяца до падения с лестницы, — я сказал ему: «Вилли, если ты не закроешься и не переедешь в ТЦ, кто-нибудь ограбит тебя». И, в итоге, кто-то это сделал и убил его в придачу. Вот тебе и объяснение.

— Всё равно, мне будет спокойнее, если вы принесёте револьвер вниз.

— Хорошо, если это успокоит тебя. Ты придёшь после школы?

— Нет, я собирался пойти в Стэнтонвилл раздобыть немного крэка.

— Молодёжный юмор — груб, и редко бывает

смешным, — сказал мистер Боудич и повесил трубку.

К тому времени, как я встал в очередь за обедом, она была длинной в милю, и какие бы помои не подавали в столовой, они, скорее всего, давно остыли. Я не возражал. Я думал о золоте. Мистер Боудич сказал, что для него это просто ведро металла. Может и так, но я думал, что он *лжёт*, либо лукавит.

Иначе, зачем ему нужно так *много*?

9

Это было в среду. Я оплатил подписку на газету Элджина, чтобы иметь её на телефоне, а в пятницу появилась ещё одна статья, в этот раз на первой странице местных новостей: ЖИТЕЛЬ СТЭНТОНВИЛЛА АРЕСТОВАН ЗА ОГРАБЛЕНИЕ ЮВЕЛИРНОГО МАГАЗИНА И УБИЙСТВО. Арестованным оказался некто Бенджамин Дуайер, 44-х лет, «без определённого места жительства». Что, как я предположил, означало бездомный. Владелец ломбарда Стэнтонвилла позвонил в полицию, когда Дуайер попытался заложить кольцо с бриллиантом «значительной стоимости». В полицейском участке у него также был найден браслет, усыпанный изумрудами. По-

лиция справедливо сочла эти вещи довольно подозрительными для человека без определённого места жительства.

— Вот, видишь? — сказал мистер Боудич, когда я показал ему статью. — Глупый человек совершил глупое преступление и был арестован, когда пытался глупым способом обменять свою добычу на наличность. Из этого не получится хорошая детективная история, не так ли? Даже для второсортных книжек в мягкой обложке.

— Думаю, нет.

— Ты всё ещё выглядишь обеспокоенным. — Мы сидели на кухне, наблюдая, как Радар ест свой ужин. — Кола способна поправить это. — Он встал и направился к холодильнику, почти не хромая.

Я взял колу, но она не поправила то, что меня беспокоило.

— Эта его задняя комната была полна драгоценностей. Там была даже тиара с бриллиантами, вроде тех, что принцессы надевают на бал.

Мистер Боудич пожал плечами. Для него это было закрытое дело, решённый вопрос.

— Ты параноик, Чарли. Настоящая проблема в том, что делать с золотом, которое всё ещё у меня на руках. Сосредоточься на этом. Но…

— Будь осторожен, я знаю.

— Благоразумие — лучшая часть доблести. — Он глубокомысленно кивнул.

— Какое это вообще имеет отношение к делу?

— Ни черта не имеет, — ухмыльнулся мистер Боудич. — Мне просто захотелось так сказать.

10

В тот вечер я зашёл в «Твиттер» и поискал Бенджамина Дуайера. Я получил кучу твитов об ирландском композиторе, поэтому изменил запрос на *Дуайер подозреваемый в убийстве*. Мне выдало полдюжины сообщений. В одном начальник полиции Стэнтонвилла Уильям Ярдли по сути поздравлял себя с быстрым арестом. Другое было от кого-то под ником Панкетта 44, и, как и многие в «Твиттере», оно оказалось «глубокомысленным и сочувственным»: **Я выросла в Стэнтонвилле, отстойное место. Этот чел Дуайер мог бы убить всех в этом городе и оказал бы миру услугу.**

Но меня заинтересовал твит от БуллГай19. Он написал: **Бенджи Дуайер подозревается в убийстве? Не смешите меня. Он уже 1000 лет живёт в Говновилле. Надо было выбить у него на лбу «ДЕРЕВЕНСКИЙ ДУРАЧОК».**

Я хотел показать это мистеру Боудичу на следующий день, и предположить, что если БуллГай19 прав, из Бенджи Дуайера получался идеальный козёл отпущения. Но так случилось, что мне не предоставилась возможность.

Глава девятая

Нечто в сарае. Опасное место. 911. Бумажник. Полезный разговор.

1

Мне не больше не нужно было приходить в шесть утра, чтобы покормить Радар — мистер Боудич справлялся сам. Но я привык рано вставать, и обычно приезжал на своём велосипеде в четверть седьмого, чтобы вывести собаку на прогулку. Поскольку была суббота, я подумал, что мы могли бы немного пройтись вдоль Пайн-Стрит, где ей всегда нравилось «читать сообщения», оставленные на телефонных столбах (и оставлять свои). Но прогулки в тот день не случилось.

Когда я вошёл, мистер Боудич сидел на кухне, ел овсянку и читал книгу-«кирпич» Джеймса Мичнера. Я налил себе стакан апельсинового сока и спросил, как он спал.

— Кое-как, — ответил он, не отрывая глаз от книги. Говард Боудич не был «жаворонком». Впрочем, не был и «совой». Да и днем оставлял желать лучшего, если честно. — Сполосни стакан, когда закончишь.

— Я всегда так делаю.

Он хмыкнул и перевернул страницу своего «кирпича», который назывался «Техас». Я допил сок и позвал Радар, которая вошла на кухню, почти не прихрамывая.

— Кто у нас гулёна? — сказал я. — Ради хочет пойти гули-гули?

— Господи, — сказал мистер Боудич. — Хватит сюсюкать с ней, как с ребёнком. По человеческим меркам ей девяносто восемь.

Радар стояла у двери. Я открыл, и она спустилась вниз по ступенькам заднего крыльца. Последовав за ней, я вспомнил, что мне понадобится поводок, если мы собираемся прогуляться по Пайн-Стрит. И я забыл сполоснуть стакан. После стакана я пошёл к вешалке в прихожей за поводком Радар, и тут она начала лаять, резко, быстро и очень-очень громко. Этот лай совершенно не походил на *«я вижу белку»*.

Мистер Боудич захлопнул книгу.

— Что, на хрен, там с ней случилось? Сходи посмотри.

Я отлично представлял, что с ней случилось, потому что уже слышал подобное. Это был лай, предупреждающий об опасности. Радар опять сидела на корточках в траве, которая теперь была гораздо короче и почти без какашек. Она смотрела на сарай, уши прижаты, а морда в оскале. При каждом лае у неё изо рта летела пена. Я подбежал к ней, схватил за ошейник и попытался оттянуть назад. Она не хотела отходить, но было совер-

шенно ясно, что подходить ближе к запертому сараю она тоже не хочет. Даже сквозь залп лая я мог расслышать тот странный звук царапанья. На этот раз он был громче, и я увидел, как дверь слегка дёрнулась. Это было похоже на сердцебиение. Что-то пыталось выбраться наружу.

— Радар! — позвал мистер Боудича с крыльца. — Вернись, *сейчас же*!

Радар не обратила на него внимания, продолжая лаять. Я услышал глухой удар, с которым что-то двигалось внутри сарая. И раздалось странное мяуканье, похожее на кошачье, но более высокое. Будто кто-то вёл мелом по доске. Мои руки покрылись гусиной кожей.

Я встал перед Радар, преградив ей путь к сараю, и двинулся на неё, заставив отступить на шаг или два. Её глаза были дикими, вокруг радужки виднелись белёсые круги, и на мгновение я подумал, что она собирается меня укусить.

Она этого не сделала. Раздался ещё один глухой удар, затем звук царапанья и ужасное пронзительное мяуканье. Радар сдалась. Она развернулась и побежала обратно к крыльцу без единого признака хромоты. Она вскарабкалась на крыльцо и прижалась к ногам мистера Боудича, продолжая лаять.

— Чарли! Уходи оттуда!

— Там что-то внутри, и оно пытается выбраться. Что-то большое.

— Иди сюда, парень! Быстро возвращайся!

Снова глухой удар. Снова царапанье. Я прикрыл рот рукой, будто хотел подавить крик. Даже не заметил этого.

— *Чарли!*

Как и Радар, я побежал. Не видя сарая, было легко представить, как дверь слетает с петель и за мной, заваливаясь вперёд, бежит чудовище, издающее нечеловеческий рёв.

Мистер Боудич был в своих ужасных размашистых шортах и старых шлёпанцах, которые называл шаркалками. Заживающие ранки в тех местах, где стержни входили в его ногу были красными и сильно выделялись на бледной коже.

— Внутрь! Внутрь!

— Но что…

— Не о чем беспокоиться, дверь выдержит, но мне нужно позаботиться об этом.

Я поднялся по ступенькам как раз вовремя, чтобы услышать его следующие слова, хотя он понизил голос, как бывает, когда люди разговаривают сами с собой.

— Сукин сын раздвинул доски и блоки. Должно

быть, крупный.

— Я слышал похожие звуки, когда вы были в больнице, но не так громко.

Мистер Боудич втолкнул меня на кухню, затем последовал за мной, чуть не споткнувшись о Радар, которая жалась к его ногам, и ухватился за дверной косяк.

— Побудь здесь. Я разберусь.

Он захлопнул заднюю дверь, затем, прихрамывая, шаркая и пошатываясь, пошёл в гостиную. Радар последовала за хозяином, опустив хвост. Я услышал бормотание, затем натужное чертыханье, за которым последовало кряхтение от усилия. Когда мистер Боудич вернулся, в руках у него был револьвер, тот, что я раньше просил его принести вниз. Но не *только* револьвер. Оружие лежало в кожаной кобуре, которая крепилась к кожаному ремню, усеянному серебряными кончо.[23] Что-то похожее было в «Перестрелке в О. К. Коррал». Мистер Боудич застегнул ремень вокруг талии так, что револьвер в кобуре оказался на правом бедре. Верёвки из сыромятной кожи — завязки — болтались на его шортах. В другое время это могло бы выглядеть нелепо — *он* мог

[23] Примечания: 23

Кончо (от исп. concha — «раковина») — форма украшений для кожаных изделий.

бы выглядеть нелепо — но сейчас я не находил ни в нём, ни во всем остальном ничего нелепого.

— Останься здесь.

— Мистер Боудич, что… вам нельзя…

— *Побудь здесь чёрт тебя дери!* — Он так сильно схватил меня за руку, что мне стало больно. Он дышал резко и прерывисто. — Оставайся с собакой. Я серьёзно.

Он вышел наружу, захлопнув за собой дверь, и бочком спустился с крыльца. Радар, поскуливая, прижалась головой к моей ноге. Я рассеянно погладил её, глядя сквозь стекло. На полпути к сараю мистер Боудич выудил из левого кармана связку ключей. Он выбрал один и пошёл дальше. Вставив ключ в большой замок, он вытащил свой 45-й. Затем повернул ключ и открыл дверь, направив ствол под небольшим углом вниз. Я ожидал, что кто-то или что-то набросится на него, но этого не произошло. Я разглядел какое-то движение — что-то тёмное и узкое. Затем оно пропало. Мистер Боудич шагнул в сарай и закрыл за собой дверь. Ничего не происходило в течении долгого, долгого времени, хотя на самом деле могло пройти не больше пяти секунд. Затем раздались два выстрела. Звуки выстрелов, вероятно, оглушительные в замкнутом пространстве, до-

неслись до меня сквозь толстые стены сарая как пара плоских, бесцветных хлопков, похожих на удары кувалды, обёрнутой войлоком.

Дальше наступило затишье уже не на пять секунд, а, скорее, на пять минут. Единственное, что удерживало меня, это повелительный тон мистера Боудича и крайне свирепое выражение его лица, когда он велел мне оставаться на месте, чёрт меня дери. В конце концов, это больше не могло меня удерживать. Я был уверен, что с ним что-то случилось. Едва я вышел через кухонную дверь на крыльцо, дверь сарая открылась и вышел мистер Боудич. Радар пулей пролетела мимо меня без всяких признаков артрита, и понеслась через задний двор к нему, пока он закрывал дверь и защёлкивал висячий замок. К счастью, мимтер Боудич успел это сделать, прежде чем Радар прыгнула на него, ведь кроме как за замок ухватиться ему было не за что.

— Лежать, Радар, лежать!

Она опустилась на брюхо, неистово виляя хвостом. Мистер Боудич вернулся к крыльцу гораздо медленней, чем шёл к сараю, заметно прихрамывая на больную ногу. Одна из ранок открылась и из неё тёмно-красными капельками сочилась кровь. Капли напомнили мне рубины, которые

я видел в задней комнате мистера Хайнриха. Мистер Боудич потерял одну из своих шаркалок.

— Помоги-ка, Чарли, — попросил он. — Блядская нога горит огнём.

Я закинул его руку себе на шею, схватил за костлявое запястье и почти потащил по ступенькам в дом.

— В постель. Нужно прилечь. Не могу отдышаться.

Я отвёл его в гостиную — по пути он потерял вторую шаркалку, потому что волочил ноги — и уложил его на диван.

— Господи Боже, Говард, что это было? Во что вы стреля…

— В кладовой, — сказал он. — На верхней полке. За бутылками «Вессон Ойл». Там виски. Вот столько. — Он слегка развёл дрожащие большой и указательный пальцы. Мне и раньше казалось, что он был бледным, но теперь, когда красные пятна исчезли с его щёк, мистер Боудич выглядел, как покойник с живыми глазами.

Я пошёл в кладовую и нашёл бутылку «Джеймсон» там, где он сказал. Несмотря на мой рост, мне пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться. Бутылка была пыльной и почти полной. Хотя я был взвинчен — напуган, почти в панике

— запах, когда я открыл бутылку, вызвал отвратительные воспоминания об отце, развалившемся на диване в полубессознательном состоянии, или нависшем над унитазом в порывах рвоты. Виски пах не так сильно, как джин… но всё же пах. Для меня весь алкоголь пах одинаково — горечью и утратой.

Я налил немного в стакан для сока. Мистер Боудич осушил его и закашлялся, но краска вернулась на его щёки. Он расстегнул аляповатый ремень. «Убери эту чёртову штуку от меня».

Я потянул за кобуру и ремень соскользнул; мистер Боудич невнятно произнёс «блядь», когда пряжка, по-видимому, царапнула его поясницу.

— Что мне с ним делать?

— Засунь под диван.

— Где вы взяли ремень? — Я никогда его раньше не видел.

— Где надо. Просто сделай, что я сказал, но сначала перезаряди.

На поясе между кончо были петельки для патронов. Я отщелкнул барабан, вставил два патрона в каморы, убрал револьвер в кобуру и сунул под диван. Происходящее казалось мне сном наяву.

— Что это было? Что там было?

— Я расскажу, — ответил он. — Но не сегодня. Не переживай. Возьми. — Он протянул мне свою связку ключей. — Положи вон на ту полку. Дай мне две таблетки «Окси» — я собираюсь поспать.

Я дал ему таблетки. Мне не нравилось, что он принимал сильнодействующее лекарство после крепкого виски, но, думал, ничего страшного.

— Не ходи туда, — сказал мистер Боудич. — Может, со временем, но сейчас даже не думай об этом.

— Это оттуда берётся золото?

— Всё сложно, как говорят в дневных мыльных операх. Я не могу сейчас говорить об этом, Чарли, и ты не должен никому рассказывать. *Никому.* Последствия… Я даже не могу себе представить. Обещай мне.

— Я обещаю.

— Хорошо. Теперь иди и дай старому человеку поспать.

2

Обычно Радар была рада прогуляться со мной вниз по холму, но в ту субботу она не отходила от мистера Боудича. Я пошёл домой один и сделал себе сэндвич с ветчиной и хлебом «Вондер Бреад» — еда чемпионов. Отец оставил записку, в кото-

рой говорилось, что он собирается на встречу АА к девяти утра, а после пойдёт в боулинг с Линди и ещё парой его друзей-трезвенников. Меня это обрадовало. Я бы сдержал своё обещание мистеру Боудичу, несмотря ни на что — последствия… я даже не могу себе представить, сказал он, — но был почти уверен, что папа всё равно поймёт что-то по моему лицу. Теперь, будучи всё время трезвым, он стал чертовски чувствителен к подобным вещам. Обычно к хорошим вещам. Но не в тот день.

Когда я вернулся, мистер Боудич всё ещё спал. Он выглядел получше, но по-прежнему дышал прерывисто. Как тогда, когда я нашёл его на крыльце со сломанной ногой. Мне это не понравилось.

К вечеру его дыхание восстановилось. Я сделал попкорн, приготовив по старинке на плите «Хотпоинт». Мы ели его во время просмотра фильма «Хад» на моём ноутбуке. Фильм выбрал мистер Боудич; я никогда не слышал о нём, но он оказался отличным. Мне не помешала даже чёрно-белая картинка. В какой-то момент мистер Боудич попросил меня нажать на паузу, когда камера взяла крупным планом Пола Ньюмана. «Тебе не кажется, что он был самым красивым

мужчиной из всех? Как думаешь?»

Я сказал, что, вероятно, он прав.

Я остался на ночь. В воскресенье мистер Боудич, похоже, чувствовал себя лучше, и мы с отцом отправились на рыбалку у плотины Саут-Элджин-Дэм. Мы ничего не поймали, но было приятно провести время под ласковым осенним солнцем.

— Ты что-то ужасно молчалив, Чарли, — сказал отец на обратном пути. — О чем задумался?

— Просто о старой собаке, — ответил я. В основном — но не полностью — это была ложь.

— Приводи её сегодня днём, — предложил папа. Позже я попытался, но Радар по-прежнему не отходила от мистера Боудича.

— Сегодня иди спать к себе домой, — сказал мистер Боудич. — Мы со старушкой будем в порядке.

— У вас охрипший голос. Надеюсь, вы не заболеете.

— Не волнуйся. Я просто болтал весь чёртов день.

— С кем?

— Сам с собой. Иди, Чарли.

— Хорошо, но звоните, если я понадоблюсь.

— Да, да.

— Обещайте. Вчера я дал вам своё обещание, сегодня ваша очередь.

— Господи, я обещаю. А теперь бери ноги в руки.

3

В воскресенье Радар не смогла взобраться на заднее крыльцо после своих утренних дел, и съела только половину еды. Вечером она не поела совсем.

— Наверное, ей просто нужно отдохнуть, — сказал мистер Боудич, но в его голосе слышалось сомнение. — Удвой дозу этих новых таблеток.

— Вы уверены? — спросил я.

Он слабо улыбнулся.

— Неужели они могут навредить на данной стадии?

Той ночью я спал на собственной кровати, а в понедельник Радар, казалось, стало немного лучше. Но мистер Боудич тоже заплатил свою цену за случившееся в субботу. Он снова пользовался костылями по дороге в туалет и обратно. Я хотел прогулять школу, чтобы остаться с ним, но он запретил. В тот вечер ему тоже, кажется, полегчало. Сказал, что приходит в норму. Я поверил.

Опять он обманул меня.

4

Во вторник в десять утра я был на практических занятиях по химии. Нас разделили на группы по четыре человека, одели в резиновые халаты и перчатки, и мы определяли температуру кипения ацетона. В кабинете было довольно тихо, если не считать бормочущих голосов, поэтому звук моего мобильного телефона, когда он зазвонил в заднем кармане, прозвучал очень громко. Мистер Акерли посмотрел на меня с неодобрением. «Сколько раз я должен повторять вам: выключайте…»

Я достал телефон из кармана и увидел на экране: «БОУДИЧ». Игнорируя слова Акерли, я скинул перчатки, вышел из кабинета и ответил на звонок. Голос мистера Боудича звучал напряжённо, но спокойно.

— Чарли, кажется у меня сердечный приступ. Вообще-то, я в этом не сомневаюсь.

— Вы звонили…

— Я звоню *тебе*, так что молчи и слушай. Есть один адвокат. Леон Брэддок из Элджина. Под диваном ты найдешь бумажник. Всё остальное, что тебе понадобится, также лежит под диваном. Ты понял? *Под диваном*. Позаботься о Радар, и когда ты всё узнаешь, решишь… — Он ахнул. — Блядь,

как же *больно*! Как серпом по яйцам! Когда всё узнаешь, решишь, что с ней делать.

Вот и всё. Он отключился.

Дверь в кабинет химии открылась, когда я набирал 911. Мистер Акерли вышел и спросил, какого чёрта я делаю. Я отмахнулся от него. Оператор 911 спросила: в чём заключается чрезвычайная ситуация? Я ответил ей и назвал адрес, пока мистер Акерли стоял рядом с открытым ртом.

5

Вероятно, это была самая быстрая поездка на велосипеде в моей жизни; я гнал, стоя на педалях и не смотря по сторонам. Раздался гудок, завизжали шины, и кто-то выкрикнул: «Смотри, куда прёшь, тупой дебил!»

Как бы я ни спешил, парни из «скорой» опередили меня. Когда я свернул за угол Пайн и Сикамор, выставив в сторону ногу и шаркая подошвой по тротуару, чтобы не упасть, «скорая» как раз отъезжала с мигающими огнями и воем сирены. Я обошёл дом. Прежде чем я успел открыть кухонную дверь, Радар вылетела через собачью дверцу и впечаталась в меня. Я опустился на колени, чтобы ей не пришлось прыгать, напрягая свои хрупкие больные бёдра. Она скулила, тявкала и

лизала моё лицо. Она понимала, что случилось что-то плохое — даже не пытайтесь убедить меня в обратном.

Мы зашли внутрь. На столе я увидел пролитую чашку кофе, а стул, на котором мистер Боудич всегда сидел (забавно, как мы выбираем себе место и потом придерживаемся его), был опрокинут. Плита всё ещё включена, старомодная кофеварка была слишком горячей, чтобы дотронуться, и пахло горелым, словно при химическом эксперименте. Я выключил конфорку и с помощью прихватки переставил кофеварку. Пока я этим занимался, Радар ни на секунду не покидала меня, прижимаясь плечом к ноге и тыкаясь головой в колено.

На полу у входа в гостиную лежал календарь. Легко представить, что произошло. Мистер Боудич пил кофе за кухонным столом, кофеварка грелась на плите для следующей порции. В его груди ударил молот. Он пролил кофе. Стационарный телефон находится в гостиной. Он встаёт и идёт туда, опрокидывая стул, пошатывается и срывает календарь со стены, пытаясь удержать равновесие.

Ретро-телефон лежал на диване. Там же упаковка с надписью «Папаверин», который, как я

предположил, ему ввели перед тем, как увезли. Я сидел на раскладном диване, поглаживая Радар и почёсывая её за ушами, что раньше всегда успокаивало её.

— С ним всё будет хорошо, девочка. Вот увидишь, всё будет хорошо.

Но на случай, если нет, я заглянул под диван. Где, по словам мистера Боудича, я найду, *всё что мне понадобится*. Там лежала кобура с револьвером на ремне с кончо. Также связка ключей и бумажник, который я никогда раньше не видел. И старый кассетный диктофон, который я уже *видел* на одном из пластиковых ящиков из-под молока на третьем этаже. Через крышечку диктофона я увидел внутри кассету «Радио Шэк». Либо он что-то слушал, либо записывал. Я сделал ставку на второй вариант.

Я засунул ключи в один карман, а бумажник в другой. Я бы положил бумажник в свой рюкзак, но он остался в школе. Остальные вещи я отнёс наверх и оставил в сейфе. Перед тем, как закрыть дверь и крутануть циферблат, я опустился на колено и погрузил руки в золотые гранулы. Позволяя им просачиваться сквозь пальцы, я задался вопросом: что с ними будет, если мистер Боудич умрёт?

Радар скулила и лаяла у подножия лестницы. Я спустился вниз, сел на диван и позвонил папе, рассказал ему, что произошло. Папа спросил, что с мистером Боудичем.

— Не знаю. Я его не видел. Собираюсь в больницу.

На полпути через проклятый мост зазвонил мой телефон. Я заехал на парковку возле «Зип Маркета» и ответил. Это была Мелисса Уилкокс. Она плакала.

— Он умер по пути в больницу, Чарли. Его пытались вернуть к жизни, испробовали всё, но инфаркт был слишком обширным. Мне жаль, мне очень жаль.

Я пробормотал, что мне тоже. Взглянул на витрину «Зип Маркета». Вывеска оставалась неизменной: тарелка с горкой жареной курицы, которая была ЛУЧШЕЙ В СТРАНЕ. Мне на глаза навернулись слёзы и буквы вывески расплылись. Мистер Зиппи увидел меня и вышел на улицу. «Ты в порядке, Чолли?»

— Нет, — ответил я. — Не совсем.

Теперь не было смысла ехать в больницу. Я поехал обратно через мост, а потом слез и покатил велосипед по Сикамор-Стрит-Хилл. Я был слишком измотан, чтобы крутить педали, особенно

на таком крутом склоне. Я остановился у своего дома, но он был пуст и будет пуст, пока не вернётся отец. Между тем, в другом доме ждала собака, которая нуждалась во мне. Кажется, теперь она стала моей.

6

Вернувшись в дом мистера Боудича, я некоторое время гладил Радар. Я плакал, отчасти от шока, но также от того, что у меня образовалась пустота вместо друга. Поглаживая успокоили Радар, и, кажется, меня, потому что я смог собраться с мыслями. Я перезвонил Мелиссе и спросил, будет ли назначено вскрытие. Она ответила, что не будет, так как он умер от естественных причин, не вызывающих сомнений.

— Коронер выпишет свидетельство о смерти, но ему понадобится какое-нибудь удостоверение личности. У тебя случайно нет его бумажника?

Вообще-то, у меня *был* его бумажник. Не тот, который мистер Боудич носил в боковом кармане — тот был коричневый, а этот, который я нашёл под диваном — чёрный, но я не стал говорить об этом Мелиссе. Просто сказал, что он у меня. Она сказала, что это не к спеху, ведь мы оба знали мистера Боудича.

Я уже стал сомневаться — так ли это?

Я загуглил номер Брэддока и позвонил ему. Разговор оказался коротким. Брэддок сказал, что все бумаги мистера Боудича в порядке, так как он предвидел скорый конец.

— Он сказал, что в ближайшем будущем не собирается закупать зелёные бананы. Я подумал: как трогательно.

Рак, подумал я. Вот почему он привёл все свои бумаги в порядок; вот чего он ожидал, а не сердечного приступа.

— Он приходил к вам в офис? — спросил я.

— Да. Ранее в этом месяце.

Другими словами, когда я был в школе. И он ничего мне не сказал.

— Уверен, он вызвал «Юбер».

— Простите?

— Ничего. Мелисса — его физиотерапевт — говорит, что коронеру понадобится удостоверение личности, чтобы выписать свидетельство о смерти.

— Да, да, простая формальность. Если вы отнесёте документ на больничную стойку регистрации, они сделают ксерокопию. Если у него всё ещё есть водительские права, думаю, подойдут даже просроченные. Что-нибудь с фотографией. Не

спешите с этим, они передадут тело в похоронное бюро и без документа. Полагаю, вы не имеете ни малейшего представления, какое бюро…

— Кроулэнд, — сказал я. Там кремировали мою мать. — Тут, в Сентри.

— Всё верно, всё верно. Я позабочусь о расходах. Он оставил деньги на доверительном счёте как раз на такой печальный случай. Пожалуйста, дайте мне знать, какие организационные мероприятия вы хотели бы провести; возможно, этим могут заняться ваши родители. В любом случае, мне бы хотелось встретиться с вами, мистер Рид.

— Со мной? Почему?

— Скажу, когда мы встретимся. Думаю, это будет полезный разговор.

7

Я собрал еду, миску и лекарства Радар. Я ни за что не оставлю её в этом доме дожидаться хозяина, который никогда не вернётся. Я прицепил поводок к ошейнику и повёл собаку вниз по холму. Она шла медленно, но уверенно и забралась на наше крыльцо без затруднений. Место было ей уже знакомо, и она сразу же прошла к своей миске с водой. Затем улеглась на свой коврик и погрузилась в сон.

Папа пришёл вскоре после полудня. Не знаю, что было написано на моём лице, но он бросил лишь быстрый взгляд и крепко меня обнял. Я снова начал плакать, в этот раз в три ручья. Он обхватил ладонями мой затылок и покачал, словно маленького мальчика, от чего я разревелся ещё сильнее.

Когда я, наконец, выплакал все слёзы, отец спросил: голоден ли я? Я сказал «да», он приготовил яичницу из полудюжины яиц, бросив туда немного лука и перца. Мы поели, и я рассказал ему, что случилось, но многое утаил: оружие, звуки в сарае, ведро золота в сейфе. И я не показал ему связку ключей. Думал, вскоре расскажу, и он, вероятно, устроит мне взбучку за утаивание, но я собирался хранить все эти немыслимые вещи в тайне, пока не послушаю ту кассету.

Я показал ему бумажник. В отделении для купюр лежала купюра в пять долларов — такую я никогда раньше не видел. Папа сказал, что это серебряный сертификат,[24] не то, чтобы редкий, но такой же старый, как телевизор мистера Боудича и его плита «Хотпоинт». Также там были три удостоверения личности: карта социального

---

[24] Примечания: 24
Денежный билет, обеспеченный серебром.

страхования, выданная на имя Говарда А. Боудича, ламинированная карточка, подтверждающая, что Говард А. Боудич был членом Американской ассоциации лесорубов, и водительское удостоверение.

Я с удивлением смотрел на фотографию на карточке ассоциации лесорубов. Мужчина на ней выглядел лет на тридцать пять, точно не старше сорока. У него была пышная копна ярко-рыжих волос, зачёсанных назад волнами от лба без морщин, а на лице сияла нахальная ухмылка, которой я никогда не видел. Улыбку — да, и даже пару ухмылок, но не настолько беззаботных. На нём была клетчатая фланелевая рубашка, и он определённо смахивал на лесовика.

Обычный лесоруб, сказал он мне не так давно. *Такой, как в сказках.*

— Это очень-очень хорошо, — сказал папа.

Я перевёл взгляд с карточки, которую держал.

— Что именно?

— Вот.

Отец передал мне водительские права, на которых мистер Боудич выглядел примерно на шестьдесят лет. У него всё ещё сохранилось немало рыжих волос, но они поредели и вели проигранный бой с сединой. Согласно напечатан-

ному под его именем, права были действительны до 1996 года, но мы кое-что знали. Папа проверил в интернете. Мистеру Боудичу принадлежала машина (где-то), но он никогда не получал действующего водительского удостоверения штата Иллинойс… вот такие дела. Думаю, мистер Хайнрих имел связи и мог раздобыть поддельное удостоверение.

— Зачем? — спросил я. — Зачем ему так делать?

— Может быть много причин, но, мне кажется, он понимал, что свидетельство о смерти не может быть выдано без какого-либо удостоверения личности. — Папа покачал головой, но не с досадой, а с озарением. — Это, Чарли, была похоронная страховка.

— И что нам с этим делать?

— Принять. У него были секреты, но я не думаю, что он когда-нибудь грабил банки в Арканзасе или сидел за решёткой в Нэшвилле. Он был добр к тебе и к своей собаке, и мне этого достаточно. Я считаю, он должен быть похоронен вместе со своими маленькими секретами, если только их не знает его адвокат. Или ты считаешь иначе?

— Нет. — Я догадывался, что у мистера Боудича были секреты, да, но не маленькие. Если только

вы не считаете состояние в золоте маленьким секретом. И ещё было что-то в его сарае. Или *было*, пока он это не застрелил.

8

Говард Адриан Боудич был похоронен всего два дня спустя, в четверг, двадцать шестого сентября 2013 года. Поминальная служба проходила в похоронном доме «Кроулэнд», и его похоронили на кладбище «Сентрис Рест» — место последнего упокоения моей мамы. По просьбе моего отца преподобная Элис Паркер провела нерелигиозную службу; она также проводила службу по маме. Речь преподобной Элис была краткой, но я нашел время поразмышлять. Немного о золоте, но в основном о сарае. Мистер Боудич застрелил что-то внутри и волнение убило его. Не сразу, но я уверен: причина была в этом.

На панихиде и на похоронах присутствовали Джордж Рид, Чарльз Рид, Мелисса Уилкокс, миссис Алтея Ричлэнд, адвокат по имени Леон Брэддок и Радар, которая спала всю панихиду и лишь раз подала голос на кладбище: завыла, когда гроб опускали в землю. Уверен, это кажется одновременно сентиментальным и невероятным. Могу только сказать, что всё так и было.

Мелисса обняла меня и поцеловала в щёку. Попросила звонить ей, если мне захочется поговорить; я сказал, что так и сделаю.

Я вернулся на парковку с папой и адвокатом. Радар медленно шла рядом со мной. «Линкольн» Брэддока стоял радом с нашим скромным «Шеви Каприс». Неподалёку стояла скамейка в тени дуба, чьи листья наливались золотом.

— Может, мы могли бы присесть сюда на несколько минут? — спросил Брэддок. — Я должен сказать вам кое-что довольно важное.

— Подождите, — сказал я. — Продолжайте идти. — Я не сводил глаз с миссис Ричлэнд, которая выглядывала нас, как она всегда делала на Сикамор-Стрит, одной рукой прикрывая глаза. Убедившись, что мы идём к машинам — или делаем вид — она села в свою и уехала.

— *Теперь* мы можем сесть, — сказал я.

— Полагаю, эта дама из любопытных, — сказал Брэддок. — Она близко его знала?

— Нет, но мистер Боудич однажды назвал её пронырой, и он был прав.

Мы сели на скамейку. Мистер Брэддок положил на колени свой портфель и открыл его.

— Я сказал, что это полезный разговор, и, полагаю, вы согласитесь, когда услышите то, что

я должен вам сказать. — Он достал папку, а из папки небольшую пачку бумаг, скреплённых золотым зажимом. В заголовке верхней было написано: «ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВЕЩАНИЕ».

Мой отец начал смеяться.

— О, Господи, он оставил что-то Чарли?

— Не совсем так, — сказал Брэддок. — Он оставил *всё* Чарли.

Я выпалил первое, что мне пришло на ум, и это прозвучало не совсем учтиво.

— Да вы гоните!

Брэддок улыбнулся и помотал головой.

— Это — *nullum cacas statum;* как говорят адвокаты, — никакого гона. Он оставил вам дом и земельный участок. Приличного размера участок, стоимостью по меньшей мере в шестизначную сумму. *Большую* шестизначную сумму, учитывая расценки в Сентрис-Рест. Всё в доме — тоже ваше, и машина, которая на данный момент находится в хранилище в Карпентерсвилле. И, разумеется, собака. — Он наклонился и погладил Радар. Она на мгновение вытянула шею, затем снова положила голову на лапу.

— Всё это правда? — спросил папа.

— Адвокаты никогда не лгут, — сказал Брэддок, затем подправил свои слова. — По крайней мере,

они не лгут в таких ситуациях.

— И у него нет родственников, претендующих на наследство?

— Мы узнаем это, когда завещание вступит в силу, но он утверждал, что у него никого нет.

— Я… я по-прежнему могу заходить внутрь? — спросил я. — Понимаете, у меня там вещи. В основном одежда, но также… эээ… — Я не мог вспомнить, что ещё у меня осталось на Сикамор. Всё, что занимало мои мысли, так это то, что мистер Боудич сделал ранее в этом месяце, пока я был в школе. Возможно, он изменил мою жизнь, пока я сдавал тест по истории или играл в баскетбол в спортзале. Я не думал о золоте, о сарае, о револьвере, о кассете. Я только пытался осмыслить тот факт, что теперь стал владельцем участка в верхнем конце Сикамор-Стрит-Хилл. И почему? Просто потому, что одним студёным апрельским днём услышал вой Радар на заднем дворе того, что дети называют Психо-домом.

Тем временем, адвокат продолжал что-то говорить. Я попросил его повторить.

— Я сказал: разумеется, вы можете заходить внутрь. Всё-таки, дом ваш — целиком и полностью. По крайней мере, так будет, когда завещание вступит в силу.

Брэддок положил завещание обратно в папку, убрал папку в портфель, застегнул защёлки и встал. Он достал из кармана визитку и отдал отцу. Затем, возможно сообразив, что не папа был наследником имущества стоимостью в шестизначную сумму (*большую* шестизначную сумму), дал вторую мне.

— Звоните, если будут вопросы, я буду на связи. Я попрошу ускорить процесс утверждения завещания, но всё равно это может занять до шести месяцев. Поздравляю вас, молодой человек.

Мы с папой пожали ему руку, и смотрели, как адвокат идёт к своему «Линкольну». Обычно мой отец не сквернословит (в отличие от мистера Боудича, который мог вставить *«ёпта»* в *«передай мне соль»*), но пока мы сидели на этой скамейке, всё ещё не в состоянии подняться, он сделал исключение:

— Охереть!

— Точно, — сказал я.

9

Когда мы вернулись домой, папа достал две банки колы из холодильника. Мы чокнулись и выпили.

— Как себя чувствуешь, Чарли?

— Не знаю. Всё это не укладывается в голове.

— Думаешь, у него есть что-нибудь в банке или всё ушло на больничные счета?

— Не знаю. — Но я знал. Не так много в портретах,[25] может быть, пара тысяч, но наверху хранилось ведро золота и, возможно, ещё больше в сарае. Вместе с тем, что там обитало.

— На самом деле не так уж важно, — сказал папа. — Участок сам по себе — золотой.

— Золотой, правда.

— Если это подтвердится, о расходах на колледж можно не беспокоиться. — Папа сделал долгий выдох, сжав губы так, что получилось «уууууу». — Чувствую себя так, будто у меня камень с плеч свалился.

— При условии, что мы его продадим, — сказал я.

Он странно посмотрел на меня.

— Хочешь сказать, что ты собираешься оставить его? Стать Норманом Бэйтсом и жить в Психо-доме?

— Он больше не выглядит как дом с привидениями, пап.

— Я знаю. Знаю. Ты отлично облагородил его.

---

[25] Примечания: 25
Имеются в виду портреты президентов на купюрах.

— Ещё есть к чему стремиться; я хотел покрасить его до зимы.

Отец всё ещё странно смотрел на меня, склонив голову на бок и слегка нахмурив брови.

— Ценность имеет земля, Чип, не дом.

Я хотел возразить — мысль снести дом № 1 по Сикамор повергла меня в ужас, но не из-за его секретов, а потому, что он хранил память о мистере Боудиче, — но не стал. Это было бессмысленно, потому что всё равно на полную покраску не хватит денег — несмотря на завещание, у меня не было возможности продать золото. Я допил колу.

— Хочу сходить туда забрать свою одежду. Можно Радс останется здесь с тобой?

— Конечно. Полагаю, теперь она останется здесь навсегда, я прав? По крайней мере, пока… — Он не закончил, просто пожал плечами.

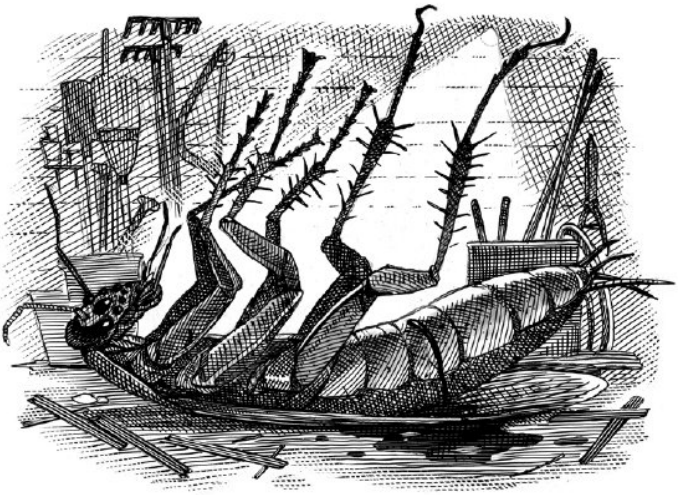
— Конечно, — сказал я. — Пока…

10

Первое, что я заметил, — это открытую калитку. Мне казалось я закрыл её, но не мог вспомнить точно. Я обошёл дом, начал подниматься по ступенькам и замер на второй. Кухонная дверь тоже открыта, и я *знал*, что закрыл её. Закрыл и запер. Я поднялся до конца и убедился, что запирал

её, всё верно. Вокруг запорной планки торчали щепки, а сама она была частично вырвана из косяка. Мне не пришло в голову, что тот, кто это сделал, всё ещё внутри; второй раз за день я был слишком ошеломлён, чтобы соображать. Помню только, как порадовался тому, что оставил Радар у себя дома. Она была слишком стара и слаба для ещё одного потрясения.

Глава десятая



Погром. Миссис Ричлэнд. Некроложные грабители. Запись на кассете. Внутри сарая. Запись на кассете — продолжение.

1

Все кухонные шкафы были открыты, а кастрюли и сковородки разбросаны по линолеуму. «Хотпоинт» отодвинута от стены, а дверь духовки открыта. Содержимое банок — САХАР, МУКА, КОФЕ, ПЕЧЕНЬЕ — рассыпано по столешнице, но денег там не было, и первой моей связной мыслью было то, что ублюдку они *не достались*. Несколько месяцев назад я перенёс их (и маленькие золотые гранулы) в сейф. В гостиной раскладной диван — теперь сложенный, так как мистеру Боудичу он больше не пригодится, — был перевёрнут, а подушки изрезаны. То же самое произошло и с мягким креслом. Повсюду валялась набивка.

Наверху было ещё хуже. Мне не нужно было открывать шкаф с моей одеждой, потому что она была разбросана по всей комнате. Подушки изрезаны, как и матрас. То же самое творилось и в хозяйской спальне, только там впридачу изрезали обои, они свисали большими длинными полосами. Дверь шкафа открыта, одежда свалена кучей на полу (брюки с вывернутыми карманами), не скрывая сейф. Вдоль стыка у ручки были царапины, и ещё больше вокруг циферблата, но

сейф устоял перед попытками вора вскрыть его. Чтобы убедиться, я быстро набрал код и открыл сейф. Внутри всё было на месте. Я закрыл его, крутанул циферблат и спустился вниз. Там, сидя на диване, на котором спал мистер Боудич, я набрал 911 в третий раз в этом году. Потом позвонил отцу.

2

Я вспомнил про одну вещь, которую нужно было сделать до прихода отца и естественно до приезда полиции. Если я собирался лгать, то ложь должна быть убедительной. Я позаботился об этом, затем вышел на улицу дожидаться прибытия отца и копов. Папа заехал на холм и припарковался у бордюра. Он не взял с собой Радар, чему я был рад; погром в доме расстроил бы её ещё сильней, чем недавние перемены в жизни.

Папа прошёлся по первому этажу, осматривая последствия погрома. Я был в кухне, собирая кастрюли и сковородки и расставляя их по местам. Когда отец вернулся, то помог мне придвинуть плиту обратно к стене.

— Ни хрена себе, Чарли. Что ты думаешь?

Я сказал, что не знаю, но сам догадывался. Про-

сто не знал, кто всё это сотворил.

— Пап, ты подождёшь здесь полицию? Мне нужно сходить через дорогу на минутку. Миссис Ричлэнд вернулась, я видел её машину. Хочу поговорить с ней.

— С пронырой?

— С ней самой.

— Может, стоит оставить это копам?

— Если она что-то видела, я попрошу их зайти к ней.

— Маловероятно — она была с нами на похоронах.

— Я всё равно хочу поговорить с ней. Может быть, она что-то видела до этого.

— Каких-нибудь типов, выпаливающих хату?

— Может быть.

Мне не пришлось стучать в дверь — миссис Ричлэнд была на своём посту в конце подъездной дорожки.

— Привет, Чарли. Всё в порядке? Твой отец явно спешил. И где собака?

— У меня дома. Миссис Ричлэнд, кто-то вломился в дом мистера Боудича, пока мы были на кладбище и всё там перевернул.

— Бог ты мой, серьёзно? — Она приложила ладонь к груди.

— Вы что-нибудь видели? Например, в последние пару дней? Кого-то незнакомого?

Она задумалась.

— Ну, даже не знаю. Обычные курьеры — «Федерал Экспресс», «Ю-Пи-Эс»; мужчина, который приходит стричь лужайку Хутонов… *это*, должно быть, стоит немалых денег… почтальон в своём маленьком фургоне… Насколько серьёзен ущерб? Что-нибудь украли?

— Я пока не знаю. Полиция может захотеть…

— Поговорить со мной? Конечно! Но если это случилось, пока мы были на похоронах…

— Да, знаю. Всё равно спасибо. — Я повернулся, чтобы уйти.

— Тут был один смешной маленький человек — продавал подписку на журнал, — сказала она. — Но это было до того, как умер мистер Боудич.

Я повернулся назад.

— Правда?

— Да. Ты был в школе. У него была сумка наподобие тех, что почтальоны носили в старые времена. На ней — наклейка «СЛУЖБА ПОДПИСКИ АМЕРИКИ», кажется так, а внутри образцы «Тайм», «Ньюсвик», «Вог» и другие. Я сказала ему, что мне не нужны журналы — я

читаю всё, что мне нужно онлайн. Так гораздо удобней, согласен? А ещё более экологично, без всей этой бумаги, которая окажется на свалке.

Меня не интересовало экологическое преимущество чтения онлайн.

— Он подходил к другим домам на улице? — Если кто и мог ответить на этот вопрос, то только она.

— К нескольким. Кажется, он подходил к дому мистера Боудича, но дедуля не открыл дверь. Наверное, слишком плохо себя чувствовал. Или… Я не думаю, что он жаловал посетителей, правда? Я так рада, что вы стали друзьями. Жаль, что его не стало. Когда это случается с животными, люди говорят, что они перешли радужный мост. Мне это нравится, а тебе?

— Да, довольно мило. — Я ненавидел это выражение.

— Полагаю, его пёс тоже скоро перейдёт через радужный мост, бедняжка стал таким худым, с сединой вокруг морды. Ты оставишь его себе?

— Радар? Конечно. — Я не стал утруждать себя объяснением, что Радар девочка. — Как выглядел этот продавец журналов?

— О, просто смешной коротышка со странной манерой говорить и ходить. Он шёл будто бы

вприпрыжку, как обычно ходят маленькие дети, и когда я сказала, что мне не нужны никакие журналы, он ответил *«конечно-у»*, будто приехал из Англии. Но на самом деле он говорил, как американец, — как мы с тобой. Ты думаешь это он вломился в дом? Он выглядел совсем не опасным. Просто смешной коротышка со смешной манерой говорить. Много раз сказал «ха-ха».

— Ха-ха?

— Да. Не настоящий смех, а просто «ха-ха». «Семьдесят процентов от розничной цены, мэм, ха-ха». И он был маленьким для мужчины. Моего роста. Думаешь, это был он?

— Скорее всего, нет, — сказал я.

— На нём была кепка «Уайт Сокс», я это запомнила, и вельветовые брюки. На кепке спереди был красный круг.

3

Я был полон желания начать капитальную приборку, но папа сказал, что нужно дождаться полицию. «Они, наверное, захотят зафиксировать место преступления».

Они появились минут десять спустя на двух машинах: патрульной и седане без маркировки. У водителя седана были седые волосы и значи-

тельное брюшко. Он представился детективом Глисоном, а двое копов в форме — офицерами Уитмарком и Купером. У Уитмарка была видеокамера; у Купера — маленький футляр, похожий на коробку для завтраков, в котором, как я предположил, находилась всякая хрень для сбора улик.

Детектив Глисон осматривал причинённый ущерб без особого интереса, время от времени, взмахивая полами своей клетчатой спортивной куртки, как крыльями, чтобы подтянуть штаны. Я предположил, что ему остался год-два до вручения золотых часов или удочки на вечеринке по случаю выхода в отставку. А пока что, он просто тянул свою лямку.

Глисон велел Уитмарку снять на видео гостиную и послал Купера наверх. Он задал нам несколько вопросов (обращаясь к отцу, хотя именно я обнаружил факт взлома) и записал наши ответы в маленький блокнот. Закрыв блокнот, он убрал его во внутренний карман куртки и подтянул штаны.

— Некроложные грабители. Видел это сотню раз.

— Что это значит? — спросил я. Взглянув на отца, я понял, что он уже знал. Может быть, с того момента, как переступил порог и огляделся по

сторонам.

— Когда заметка о его смерти появилась в газете?

— Вчера, — сказал я. — Его физиотерапевт получила анкету для газеты вскоре после его смерти. Я помогал ей заполнить пробелы.

Глисон кивнул.

— Ага, ага, видел такое сотню раз. Эти упыри читают газету, выясняют, когда будет служба и опустеет дом. Они вламываются, берут всё, что кажется ценным. Вам нужно всё осмотреть и составить список пропавших вещей, затем отнести его в участок.

— А что по отпечаткам пальцев? — спросил папа.

Глисон пожал плечами.

— Они были в перчатках. В наши дни все смотрят полицейские шоу, особенно преступники. Такие дела мы обычно не…

— Лейтенант! — раздался наверху голос Купера. — Я нашёл сейф в спальне владельца.

— Ага, это уже другой разговор, — сказал Глисон.

Мы пошли за Глисоном наверх. Он ступал медленно, как бы подтягивая себя за перила, и к концу подъёма раскраснелся и запыхался. Подтя-

нув штаны, он вошёл в спальню мистера Боудича. Там он наклонился, чтобы взглянуть на сейф.

— Ага. Пытался, но не получилось.

Это я мог и сам сказать.

Уитмарк — полагаю, штатный оператор департамента — вошёл и начал снимать видео.

— Припудрить, шеф? — спросил Купер. Он уже начал раскрывать свою маленькую коробку для завтраков.

— Здесь может повезти, — сказал нам детектив (я называю его так с натяжкой). — Грабитель мог снять перчатки перед вводом комбинации, после того, как не смог вскрыть силой.

Купер припудрил переднюю часть сейфа чёрным порошком. Что-то прилипло, но большая часть упала на пол. Ещё и тут придётся убираться. Купер глянул на итог своих действий, затем отошёл в сторону, чтобы мог посмотреть Глисон.

— Вытерто начисто, — сказал он, выпрямляясь и крепче прежнего подтягивая штаны. Разумеется, вытерто начисто — я самолично и вытер после того, как позвонил 911. Грабитель мог оставить свои отпечатки, но они должны были исчезнуть, потому что там были и мои отпечатки.

— Есть вероятность, что вы знаете комбинацию? — Этот вопрос также был адресован моему

отцу.

— До сегодняшнего дня я даже никогда не был в этой комнате. Спросите Чарли. Это он был опекуном старика.

Опекун. Слово было достаточно точным, но всё равно показалось мне смешным. Думаю, потому что это слово почти всегда применялось в отношении взрослых.

— Без понятия, — сказал я.

— Ага. — Глисон снова наклонился к сейфу, но бегло, будто потерял к нему интерес. — Тому, кто унаследует эту штуку, придётся вызвать слесаря. Если не сработает, тогда медвежатника. Я знаю парочку в тюрьме в Стэйтвилле. — Он рассмеялся. — Скорее всего, там ничего особенного; старые бумаги и, может быть, запонки. Помните ту большую суматоху вокруг сейфа Аль Капоне? Джеральдо Ривера так ничего и не получил. Ах, да. Мистер Рид, вам нужно будет прийти в участок и изложить всё в письменном виде.

Опять обратился к моему отцу. Иногда я отлично понимал, почему женщины начинают психовать.

4

Я провёл ночь в нашей маленькой комнате для гостей на первом этаже. Когда мама была жива, комната служила ей домашним офисом и швейной мастерской, и оставалась неизменной в годы пьянства отца, будучи своего рода музеем. Примерно через шесть месяцев трезвости папа сделал из неё спальню (с моей помощью). Иногда там ночевал Линди, и пару раз вновь обращённые трезвенники, с которыми папа работал, потому что АА должны выручать друг друга. Я пользовался ей в день похорон мистера Боудича и проникновения в дом, чтобы Радар не приходилось подниматься по лестнице. Постелил ей одеяло, и она сразу же заснула, свернувшись калачиком. Я ещё долго не спал, не только потому, что кровать была слишком короткой для человека ростом в шесть и четыре фута, но и потому, что было о чём подумать.

Прежде чем выключить свет, я загуглил Службу подписки Америки. Нашлась компания с похожим названием, но слово «служба» было во множественном числе. Конечно, разница всего лишь в одну букву и миссис Ричлэнд могла ошибиться, но эта компания торговала обору-

дованием и работала только онлайн; никаких продавцов, ходящих от двери к двери. Я обдумал идею о том, что этот человек действительно был некроложным грабителем, осматривающим окрестности… вот только идея никуда не годилась, потому что он ходил по округе со своей сумкой до смерти мистера Боудича.

Я полагал, что продавец журналов и был тем, кто убил мистера Хайнриха. И, кстати, как именно был убит Хайнрих? В газете об этом не сообщалось. Могло быть так, что коротышка, который говорил *«конечно-у»* и *«ха-ха»* пытал его перед убийством? Чтобы узнать имя человека с запасом золота?

Я повернулся с правого бока на левый, мои ноги вылезли наружу, и я снова закутал их в одеяло.

Или, может, обошлось без пыток. Может быть, мистер Конечно-у просто обещал Хайнриху, что не станет его убивать, если тот назовёт имя.

Я повернулся с левого бока на правый. Снова закутал ноги. Радар подняла голову, издала звук, похожий на тявканье, и вернулась ко сну.

Ещё один вопрос: говорил ли детектив Глисон с миссис Ричлэнд? И если да, пришёл ли он к выводу, что мистер Боудич был «под прицелом» *до* смерти? Или он подумал, что коротышка просто

ходил по району, рассчитывая подзаработать? Может, он счёл коротышку обычным продавцом садовых товаров. Если он вообще потрудился спросить.

И ключевой вопрос: если целью мистера Конечно-у Ха-Ха было золото, вернётся ли он?

С правого на левый. С левого на правый. Закутывая ноги.

В какой-то момент я подумал, что чем скорее прослушаю кассету мистера Боудича, тем будет лучше, после чего наконец-то заснул. Мне снилось, что маленький человек с походкой в припрыжку душил меня, и когда утром я проснулся, простыня и одеяло оказались намотаны вокруг моей шеи.

5

Я сходил в школу в пятницу только для того, чтобы миссис Силвиус не забыла, как я выгляжу, но в субботу я сказал папе, что пойду в дом мистера Боудича, наводить порядок. Он предложил свою помощь.

— Не нужно, спасибо. Побудь здесь с Радар. Расслабься и наслаждайся своим выходным.

— Ты уверен? Должно быть, у тебя это место вызывает массу воспоминаний.

— Я уверен.

— Хорошо, но позвони, если начнёшь впадать в уныние. Если станет страшно.

— Позвоню.

— Жаль, что он так и не сказал тебе код от сейфа. Нам и правда придётся нанять кого-нибудь для вскрытия, посмотреть, что там внутри. На следующей неделе поспрашиваю на работе. Кто-нибудь должен знать медвежатника. Того, который не в тюрьме.

— Серьёзно?

— У страховых следователей есть связи с разными сомнительными людьми, Чарли. Глисон скорее всего прав, там ничего, кроме старых налоговых деклараций — если допустить, что Боудич когда-нибудь заполнял их, в чём я сомневаюсь — и запонки, но, может быть, там есть вещи, которые смогут объяснить, кем он, чёрт возьми, был.

— Что ж, — сказал я, думая о револьвере и диктофоне, — вернёмся к этому позже. И не давай Радар слишком много вкусняшек.

— Принеси её лекарства.

— Уже, — сказал я. — На кухне.

— Молодец, сынок. Звони, если понадоблюсь. Я сразу прибегу.

Хороший человек мой отец. Особенно после за-

вязки. Говорил это раньше, но стоит повторить.

6

Вдоль штакетника тянулась жёлтая лента «ПОЛИЦЕЙСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ». Расследование (каким бы оно ни было) завершилось, когда Глисон и двое полицейских ушли, но пока мы с папой не найдём кого-нибудь для ремонта замка на задней двери, я решил не убирать ленту.

Я обошёл дом, но перед тем, как зайти внутрь, подошёл к сараю и встал перед дверью. Изнутри не доносилось никаких звуков — ни царапанья, ни ударов, ни странного мяуканья. «*И не будет*, — подумал я. — *Он убил то, что издавало эти звуки. Два выстрела, бам-бам и тушите свет*». Я достал связку ключей и хотел попробовать, какой из них подойдёт к замку, затем сунул их обратно в карман. Сначала нужно послушать кассету. И если на ней окажется не кто иной, как мистер Боудич, распевающий «Дом на ранчо» или «Велосипед на двоих» под действием «Окси», я останусь в дураках. Вот только я так не думал. *Всё, что тебе понадобится, также лежит под диваном*, сказал он мне, и диктофон был под диваном.

Я открыл сейф и достал его оттуда — просто старый чёрный диктофон, не такой древний, как

телевизор, но и не сильно новый; технологии продвинулись далеко вперёд. Спустившись на кухню, я поставил диктофон на стол и нажал кнопку воспроизведения. Ничего. Только шипение плёнки, движущейся через головки. Я начал думать, что это всё-таки облом — как с сейфом Аль Капоне, о котором упомянул Глисон, — затем понял, что мистер Боудич просто не перемотал кассету. Вполне возможно, потому что сердечный приступ случился во время записи. От этой мысли мне стало немного жутко. *Как же больно*, сказал он. *Как серпом по яйцам.*

Я нажал на перемотку. Лента долго прокручивалась назад. Когда она, наконец, остановилась, я нажал на воспроизведение. Последовало несколько секунд тишины, затем тяжёлый удар, сопровождаемый хриплым дыханием, которое я очень хорошо знал. Мистер Боудич начал говорить.

7

Твой отец выяснял, кто я, Чарли? Уверен, да; я бы так и сделал на его месте. И учитывая его работу, у него была такая возможность. Если так, он узнал, что некто по имени Адриан Боудич — может быть, мой отец, подумал он, но, скорее

всего, мой дед — купил землю, на которой стоит этот дом, в 1920 году. Но это были не они. Это был я. Я — Адриан Говард Боудич — родился в 1894 году. Из чего следует, что мне почти сто двадцать лет. Дом был закончен в 1922 году. Может быть, в 1923-ем, я не помню точно. И, разумеется, сарай; не будем забывать про сарай. Он был построен ещё раньше дома и моими собственными руками.

Говард Боудич, которого ты знаешь, — человек, который предпочитает быть со своей собакой… не будем забывать о Радар… сам по себе. Но Адриан Боудич, мой предполагаемый отец, был настоящим бродягой. Дом № 1 по Сикамор-Стрит здесь в Сентрис-Рест был местом базирования, но он отсутствовал столько же, сколько жил здесь. Каждый раз, когда я возвращался в город, я видел перемены, как серию моментальных снимков. Для меня это было увлекательным, но в то же время обескураживало. Мне казалось, что многое в Америке шло не в правильном направлении и до сих пор идёт, но сейчас не об этом.

В последний раз я вернулся Адрианом Боудичем в 1969 году. В 1972-ом в возрасте семидесяти восьми лет я нанял помощника по имени Джон Маккин — отличный товарищ, надёжный, ты

сможешь отыскать его в городских архивах, если захочешь — и отправился в свою последнюю поездку, якобы в Египет. Но туда я не поехал, Чарли. Через три года, в 1975-ом, я вернулся под видом своего сына, Говарда Боудича, возрастом около сорока лет. Говард, якобы, прожил большую часть жизни за границей вместе с матерью, которая отдалилась от своего мужа. Мне всегда нравилась эта деталь. Отчуждение почему-то более реально, чем развод или смерть. К тому же это замечательное слово, полное красок. После того, как Адриан Боудич якобы погиб в Египте, я поселился в семейном особняке и решил остаться. Не было никаких сомнений в праве собственности — я завещал его самому себе. Шикарно, не так ли?

Прежде чем я расскажу тебе остальное, я хочу, чтобы ты остановил запись и сходил в сарай. Можешь открыть его — у тебя есть мои ключи. По крайней мере, надеюсь, что они у тебя. Там нет ничего такого, что может навредить тебе, доски снова на своём месте, прижатые блоками. Господи, какие же они тяжёлые! Но возьми мой револьвер, если хочешь. И прихвати фонарик, тот, что в кухонном шкафу. В сарае есть свет, но всё равно понадобится фонарик. Ты поймёшь, почему. Там есть на что посмотреть. Тот, кого ты

слышал первым, почти исчез, может быть, полностью, но останки того, которого я застрелил, всё ещё там. Большая их часть. Когда проведёшь shufti, как говорили британцы, возвращайся и послушай остальное. Сделай это сейчас. Доверься мне, Чарли. Я рассчитываю на тебя.

8

Я нажал «СТОП» и какое-то время просто сидел на месте. Мистер Боудич был сумасшедшим, иначе и быть не могло, хотя никогда *не казался* сумасшедшим. Он был в трезвом уме даже в конце, когда позвонил и сказал, что у него сердечный приступ. Ладно, в этом сарае что-то есть — или было — это бесспорно. Я слышал это, Радар слышала это, и мистер Боудич пошёл туда и застрелил это. Но сто двадцать лет? Едва ли кто-то жил так долго, может быть, один на десять миллионов, и *никто* не возвращался назад сорокалетним, выдавая себя за собственного сына. Такое случалось только в выдуманных историях.

— В сказках, — сказал я и подпрыгнул от звука собственного голоса — настолько я был взвинчен и потрясён.

Доверься мне, Чарли. Я рассчитываю на тебя.

Я встал, чувствуя себя так, будто смотрю на себя

со стороны. Не знаю, как описать это другими словами. Я поднялся наверх, открыл сейф и взял револьвер мистера Боудича. Он всё ещё лежал в кобуре, а кобура крепилась к ремню с кончо. Я застегнул ремень и повязал завязки повыше колена. Пока я это делал, внутренний «я» считал это абсурдом, будто маленький ребёнок играет в ковбоя. Внешний «я» был рад чувствовать вес револьвера и знать, что он полностью заряжен.

Фонарик был добротным, с длинной ручкой, вмещающей шесть батареек. Я включил его, дабы убедиться, что он работает, затем вышел и прошёл по лужайке до сарая. «*Скоро придётся снова её косить*», — подумал я. Моё сердце билось сильно и быстро. День был не особенно тёплый, но я чувствовал, что у меня взмокли щёки и шея.

Я достал связку ключей из кармана и уронил её. Наклонился, чтобы поднять и ударился головой о дверь сарая. Я поднял ключи и начал их перебирать. На одном из них, с круглой головкой было выгравировано слово «Студебейкер». Два других были мне знакомы, они открывали переднюю и заднюю двери дома. Был ещё один маленький, возможно, от почтового ящика или даже от банковской ячейки. И был ещё один ключ с надписью «Йель» от большого серебристого замка «Йель»

на двери сарая. Я вставил ключ в замок, затем постучал кулаком в дверь.

— Эй! — крикнул я… но крикнул *негромко*. Меньше всего мне хотелось, чтобы услышала миссис Ричлэнд. — Эй, если ты там, отойди! Я вооружён!

Ничего не произошло, но я стоял с фонариком в руке, застыв от страха. Чего я боялся? Неизвестности — самой страшной штуки на свете.

Всё или ничего, Чарли, прозвучало у меня в голове голосом мистера Боудича.

Я заставил себя повернуть ключ. Дужка замка выскочила. Я снял его, отодвинул засов и повесил на него замок. Ветерок взъерошил мои волосы. Затем я открыл дверь. Заскрипели петли. Внутри было темно. Свет, казалось, исчезал, едва проникнув внутрь. На плёнке мистер Боудич говорил, что там есть освещение, хотя проводов, ведущих к сараю, явно не было. Я посветил фонариком справа от двери и увидел выключатель. Я включил его и загорелись две лампочки на батарейках, по одной с каждой стороны. Как аварийное освещение в школе или кинотеатре, на случай отключения электричества. Они издавали низкое гудение.

Пол был выложен деревянными досками. В дальнем левом углу лежали в ряд три доски,

концы которых были прижаты шлакоблоками. Я направил луч фонарика вправо и увидел что-то настолько ужасное и неожиданное, что сначала не поверил своим глазам. Мне захотелось развернуться и бежать, но я не мог пошевелиться. Часть меня думала (насколько вообще *какая-либо* часть меня могла думать), что это какая-то безумная шутка, существо из фильма ужасов, сделанное из латекса и проводов. Там, где пуля прошла сквозь стену, после того, как прошила нечто, на которое я смотрел, виднелось одинокое пятнышко света.

Существо походило на жука, но размером почти со взрослого кота. Оно было мёртвым, со множеством лап, торчащих кверху. Они сгибались в центре, как колени, и были покрыты жёсткими волосками. Чёрный глаз смотрел невидящим взглядом. Одна из пуль мистера Боудича попала ему в брюшину, и бледные внутренности вывалились из раны, как пудинг. От внутренностей поднималась тонкая дымка, и когда очередной порыв ветра пролетел мимо меня (всё ещё застывшего в дверях, с рукой, «прилипшей» к выключателю), дымка сильнее заструилась от головы существа и от мест на его спине, не покрытых панцирем. Вытаращенный глаз провалился внутрь, оставив пустую глазницу, которая, каза-

лось, пристально смотрела на меня. Я тихонько вскрикнул, думая, что оно возвращается к жизни. Но нет. Оно было мертвее мёртвого. Оно разлагалось и свежий воздух ускорил этот процесс.

Я заставил себя войти внутрь с фонариком в левой руке, направленным на тело мёртвого жука. Револьвер был в правой. Я даже не помнил, как его достал.

Когда проведёшь shufti, как говорили британцы.

Я догадался, что это означало «осмотр». Мне не хотелось отходить от двери, но я заставил себя это сделать — внешний «я», потому что нужно было провести *shufti*. Внутренний «я» что-то бормотал от ужаса, изумления и неверия. Я двинулся к доскам с блоками. По пути я за что-то запнулся, и когда посветил фонариком, то вскрикнул от отвращения. Там лежала нога жука или то, что от неё осталось — я мог определить это по волоскам и сгибу в «колене». Я не так уж сильно ударил её ногой в кроссовке, но нога развалилась на две части. Я догадался, что это был жук, которого я слышал в первый раз; он умер, и это всё, что от него осталось.

Эй, Чарли, возьми ногу! Я представил, как это говорит мой отец, протягивая мне жареное куриное бёдрышко. *Лучшее в стране!*

Я начал давиться и зажал рот тыльной стороной ладони, пока рвотный позыв не прошёл. Если бы мёртвый жук вонял, уверен, я бы не удержался, но запах был слабый, может быть, потому, что разложение зашло слишком далеко.

Доски и шлакоблоки прикрывали дыру в полу шириной около пяти футов. Сначала я подумал, что это колодец, оставшийся со времён, когда ещё не было водопровода, но посветив между досок, я увидел короткие каменные ступени, спиралью спускающиеся в шахту. Глубоко в темноте раздался шелест и низкий стрекот. Едва уловимое движение, от которого я застыл на месте. Ещё жуки… и не мёртвые. Они отступали от света, и внезапно меня озарило — они как тараканы. Гигантского размера, но делали то, что всегда делают тараканы, когда на них светят фонариком: носятся, как угорелые.

Мистер Боудич закрыл дыру, которая вела Бог знает куда (или во *что*), но либо он плохо справился с этим — что было на него не похоже, — либо за долгое время насекомым удалось отодвинуть одну или больше досок в сторону. Например, с 1920 года? Папа бы рассмеялся, но он никогда не видел мёртвого таракана размером с кота.

Я встал на колено и посветил фонариком между досок. Если там и были тараканы, они разбежались. Остались только ступени, спиралью уходящие вглубь. У меня возникла мысль, сперва показавшаяся чудной, но потом ничего чудного в ней не осталось: я смотрел на версию бобового стебля мистера Боудича. Он спускался вниз вместо того, чтобы подниматься, но на другом конце тоже было золото.

Я был в этом уверен.

9

Я медленно попятился, выключил освещение и напоследок высветил фонариком жуткое существо, лежащее у стены. Дымка стала гуще, и *стоял* запах, похожий на прокисшую перечную мяту. Свежий воздух способствовал разложению.

Я закрыл дверь, защёлкнул замок и пошёл обратно в дом. Вернул фонарик в шкаф и положил револьвер обратно в сейф. Я взглянул на ведро золотых гранул, но у меня не возникло желания погрузить в них руки, не сегодня. Что, если добравшись до дна, я нащупал бы волосатую ногу жука?

Я дошёл до лестницы, прежде чем у меня подкосились ноги, поэтому пришлось схватиться

за стойку перил, чтобы не упасть. Я сел, дрожа всем телом. Через минуту или две я смог взять себя в руки и спуститься, держась за перила так, что сам себе напомнил мистера Боудича. Тяжело опустившись за кухонный стол, я посмотрел на диктофон. Часть меня хотела вынуть кассету, размотать на длинные коричневые ленты и выбросить в мусорное ведро. Но я не стал. Не мог.

Доверься мне, Чарли. Я рассчитываю на тебя.

Я нажал кнопку воспроизведения, и на мгновение мне показалось, что мистер Боудич со мной в комнате, видел, как я напуган — как потрясён — и хотел успокоить меня. Отвлечь от мысли о ввалившемся глазе, о таращившейся на меня пустой глазнице. Это немного помогло.

10

Это всего лишь тараканы и они не опасны. Они разбегаются от яркого света. Если только ты не убежал с криком при виде того, которого я застрелил — а это не похоже на знакомого мне подростка, — тогда ты посмотрел сквозь доски и увидел колодец и ступени, уходящие вниз. Иногда несколько тараканов поднимаются наверх, но только когда на улице начинает теплеть. Я не знаю почему, так как наш воздух для них смер-

телен. Они начинают разлагаться, даже если сидят под досками, но всё равно колотятся в них. Какое-нибудь подспудное желание смерти? Кто знает? В последние пару лет я стал небрежно относиться к преграде над колодцем; в последние несколько лет я стал небрежно относиться ко многим вещам… поэтому парочка вылезла наружу. Такого не случалось уже многие годы. Тот, которого ты слышал весной, умер сам собой, ничего не осталось, только нога да один из усиков. Другой… ну ты знаешь. Но они не опасны. Они не кусаются.

Я называю его колодцем миров по названию старого ужастика Генри Каттнера, и нельзя сказать, что я нашёл его. Я упал в него.

Я расскажу тебе всё, что смогу, Чарли.

Я родился под именем Адриан Боудич в Род-Айленде, и хотя был хорош в математике и любил читать… как ты знаешь… мне было наплевать на школу и на моего отчима, который бил меня, когда в его жизни что-то шло не так. Так случалось часто, ведь он был пьяницей и не мог продержаться на любой работе дольше нескольких месяцев. В семнадцать я сбежал из дома и направился на север, в Мэн. Я был рослым парнем и попал в бригаду лесозаготовителей, дойдя с ними

аж до округа Арустук. Это был 1911 год, когда Амудсен добрался до Южного полюса. Помнишь, как я сказал тебе, что был обычным лесорубом? Это правда.

Я занимался этой работой шесть лет. Затем, в 1917-ом в нашем лагере появился военный, сообщивший, что все трудоспособные мужчины должны записаться в армию в почтовом отделении Айленд-Фоллс. Несколько молодых парней забрались в грузовик, и я вместе с ними, но у меня не было желания стать частью военной машины где-нибудь во Франции. Я посчитал, что эта машина обойдётся и без моей крови, так что я попрощался с парнями в очереди на запись, надеясь, что товарный поезд идёт на запад. Я оказался в Джейнсвилле, недалеко от места, где мы сейчас, и вступил в бригаду по рубке просек. Когда там всё было вырублено, бригада перебралась в округ Сентри, который теперь называется Аркадиа. Наш округ.

Работы там было не много, и я подумал двинуть дальше, может быть, в Вайоминг или Монтану. Моя жизнь стала бы совсем другой, если б я так поступил, Чарли. Я бы прожил нормальную жизнь, и мы бы никогда не встретились. Но в Баффингтоне, где сейчас находится заповед-

ник, я увидел табличку с надписью «ТРЕБУЕТСЯ ЗЕМЛЕМЕР». И чуть ниже как раз для меня: «ДОЛЖЕН РАЗБИРАТЬСЯ В КАРТАХ И ЛЕСАХ».

Я пошёл в окружной офис, и прочитав несколько карт — долгота, широта, рельеф и прочее — получил работу. Парень, я чувствовал себя как человек, который провалился в кучу дерьма, а вынырнул с розой в зубах. Мне приходилось проводить каждый грёбаный день, бродя по лесу, метя деревья, составляя карты и нанося на них многочисленные лесные дороги. В иные ночи я оставался в доме какой-нибудь семьи, готовой приютить; в другие — ночевал под звёздами. Шикарно. Порой, я по несколько дней не видел ни одной живой души. Не каждый выдержит такое, но только не я.

Осенью 1919 года настал день, когда я оказался на Сикамор-Хилл, в том месте, которое тогда называлось Сентри-Вудс. Здесь находился городок Сентрис-Рест, хотя на самом деле это была деревня, и Сикамор-Стрит заканчивалась рекой Литтл-Румпл-Ривер. Мост — первый *мост — построили только через пятнадцать лет. Район, в котором ты вырос, появился только после Второй мировой войны, когда солдаты вернулись домой.*

Я шёл по лесу, где сейчас мой задний двор, про-

бираясь сквозь валежник и заросли кустарника, высматривая грунтовую дорогу, которая должна была быть где-то впереди. Я не думал ни о чём, кроме как где в деревне можно выпить молодому парню, и вдруг провалился. Только что я шагал под солнцем, а в следующий миг оказался в колодце миров.

Если ты светил фонариком между досок, ты понимаешь, как мне повезло, я мог ведь и убиться. Там нет перил и ступени закручиваются вокруг опасной дыры — около ста семидесяти пяти футов в глубину. Стены из тёсаного камня, ты заметил? Очень старые. Бог знает, сколько им лет. Некоторые блоки выпали и кучей свалились на дно. Наклонившись к дыре, я выбросил вперёд руку и ухватился за одну из выбоин в стене. Ширина была не больше трёх дюймов, но я смог просунуть в неё пальцы. Я прижался спиной к закруглённой стене, глядя наверх на дневной свет и яркое синее небо, моё сердце, должно быть, билось со скоростью двести ударов в минуту; я гадал, куда я, чёрт возьми, угодил. Это точно не был обычный колодец, не с каменными ступенями, уходящими вниз, и не с каменными стенами.

Когда я перевёл дух… нет ничего лучше, чем чуть не разбиться насмерть в чёрной бездне,

от чего у тебя дух перехватывает ... в общем, взяв себя в руки, я снял с пояса ручной фонарик и посветил вниз. Я ни черта не мог разглядеть, но слышал шорохи, — значит там внизу было что-то живое. Я не волновался — в те дни я носил оружие в кобуре, так как в лесу не всегда было безопасно. И опасаться стоило не столько животных... хотя тогда там обитали медведи, много медведей... сколько людей, особенно самогонщиков, хотя я не думал, что в той дыре на дне стоит самогонный аппарат. Я не знал, что там может быть, но был любопытным парнем и полон решимости узнать.

Я поправил свой рюкзак, который весь перекрутило, когда я упал на ступени, и пошёл вниз. Ниже и ниже, кругами и кругами. Сто семьдесят пять футов в глубину и сто восемьдесят пять ступеней разной высоты. В конце был выложенный камнем туннель... или лучше сказать — коридор. Достаточно высокий, чтобы идти не пригибая головы, Чарли; почти под твой рост.

Пол у подножия ступенек был земляным, но после того, как я немного прошёл дальше... теперь я знаю, что длина коридора составляет чуть больше четверти мили... он стал каменным. Шорох становился громче и громче. Как от бумаги или

листьев, подхваченных ветром. Вскоре он раздавался уже над головой. Я поднял фонарик и увидел, что потолок был облеплен здоровенными летучими мышами. Размах крыльев, как у индюка. На свету они зашуршали сильнее, поэтому я быстро опустил фонарик между ног, не желая, чтобы они разлетелись вокруг меня. Мысль о том, что они окутают меня своими крыльями, вызвала у меня ощущение, которое моя мать назвала бы оторопью. Змеи и большинство насекомых мне не страшны, но я всегда боялся летучих мышей. У каждого свои страхи, не так ли?

Я шёл дальше и дальше, не меньше мили, и мой фонарик начал гаснуть. В то время не было батареек, парень! Иногда над головой попадалась колония летучих мышей, а иногда их не было. Я подумал, не вернуться ли, пока не остался в темноте, но как раз в этот момент мне показалось, что я увидел проблеск дневного света впереди. Я выключил фонарик — и это правда оказался дневной свет.

Я направился к нему, гадая, где могу оказаться. Я думал, может, это северный берег Литтл-Румпл, ведь мне казалось, что я иду на юг, хотя уверенности в этом не было. В общем, я пошёл к свету, и как только оказался вблизи, со мной

что-то произошло. Я не смогу описать это достаточно хорошо, но попробую на случай, если ты решишь, так сказать, пойти по моим стопам. Это было похоже на головокружение, но нечто большее. Казалось, я превратился в призрака, Чарли; как будто мог смотреть вниз на своё тело и видеть сквозь него. Я стал бесплотным, *и помню, как подумал, что мы все такие — просто призраки перед лицом планеты, пытающиеся делать вид, что у нас есть вес и место в этом мире.*

Это длилось, может быть, секунд пять. Я продолжал идти, хотя казалось меня там нет. Затем это ощущение ушло, и я направился к проёму в конце туннеля… может быть, ещё одна восьмая мили… и вышел не на северном берегу Литтл-Румпл, а на склоне холма. Подо мной простиралось поле восхитительных красных цветов. Думаю, маки, но с запахом корицы. Я подумал: «Кто-то расстелил для меня красную ковровую дорожку!» Через поле шла тропинка к дороге, возле которой я увидел маленький дом… скорее коттедж… с дымом, идущим из трубы. Далеко внизу по дороге, почти на горизонте, виднелись вершины строений большого города.

Тропинка была едва различимой, будто по ней никто давно не ходил. Когда я начал спускаться,

через неё перепрыгнул кролик, вдвое больше земного. Он исчез в траве и цветах. Я…

Дальше была пауза, но я слышал дыхание мистера Боудича. Оно было прерывистее, чем когда-либо. Натужным. Затем он продолжил.

Это девяностоминутная кассета, Чарли. Я нашёл целую коробку среди хлама на третьем этаже, ещё с тех времён, когда кассеты не были такими же устаревшими, как трёхцентовые марки. Я мог бы записать четыре или пять, может быть, всю коробку. Я пережил много приключений в этом мире, и я бы рассказал о них, будь у меня время. Но мне так не кажется. С тех пор, как я немного потренировался в стрельбе в сарае, я чувствую себя совсем неважно. Я ощущаю боль от левой части шеи и вниз по левой руке до локтя. Иногда она немного притупляется, но тяжесть в груди не проходит. Я знаю, что означают эти симптомы. Внутри меня назревает гроза, и, думаю, она скоро разразится. У меня есть сожаления, о многом. Однажды я сказал тебе, что храбрый человек помогает, а трусливый только делает подарки. Ты помнишь это? Я приносил подарки, но только когда знал, что не настолько храбр, чтобы помочь, когда наступят ужасные перемены. Я твердил себе, что слишком стар,

поэтому взял золото и сбежал. Как Джек, мчащийся по бобовому стеблю. Но он был всего лишь мальчишкой. А я должен был поступить лучше.

Если ты надумаешь отправиться в тот, другой, мир, где ночью в небе восходят две луны и нет ни одного созвездия, похожего на земные, тебе нужно знать определённые вещи, так что слушай внимательно.

Воздух нашего мира смертелен для их существ, за исключением разве что летучих мышей. Как-то раз я принёс кролика в качестве эксперимента. Он быстро умер. Но воздух того мира не смертелен для нас. На самом деле, он даже оздоровляет.

Когда-то город был величественным местом, но теперь он опасен, особенно ночью. Если пойдёшь туда, делай это только днём и веди себя тихо, как только пройдёшь через ворота. Он может показаться пустынным, но это не так. То, что правит там — опасно и ужасно, а то, что лежит под городом, ещё ужасней. Я пометил путь к площади за дворцом точно так же, как раньше помечал деревья в лесу, своими настоящими инициалами: «АБ». Если ты будешь следовать им… и если будешь вести себя тихо… всё будет в порядке. Если нет, ты можешь плутать в этом ужасном

городе до самой смерти. Говорю это, как человек знающий. Без моих меток я бы навсегда остался там, мёртвый или обезумевший. Там, где некогда царило величие и красота, теперь лишь мрак, проклятие и хворь.

Последовала ещё одна пауза. Его хриплое дыхание стало громче, и когда он продолжил, его голос звучал резко, совсем не похожий на его собственный. Мне пришла мысль — почти уверенность — что когда он записывал эти слова, я был в школе, либо по пути в кабинет химии или уже там, определяя температуру кипения ацетона.

Радар побывала там вместе со мной, ещё маленькой, почти щенком. Она без малейшего страха сбежала по ступеням колодца. Ты знаешь, что она ложится на брюхо при команде «лежать»*; она также знает, как нужно себя вести, когда скажешь* «тихо» *или* «тсс». *В тот день я дал ей такую команду, и мы прошли мимо колоний летучий мышей, не потревожив их. Радар прошла через то, что я посчитал* «рубежом»*, без заметного дискомфорта. Она была в восторге от поля красных цветов, прыгая и кувыркаясь среди них. И ей понравилась старая женщина, которая живёт в коттедже. Большинство людей в нашем мире с отвращением отвернулись бы при её виде, но я*

считаю, что собаки чувствуют внутреннюю природу и игнорируют внешние аспекты. Не слишком ли это романтично? Возможно, но кажется, что таким образом…

Стоп. Нельзя увлекаться. Нет времени.

Можешь взять Радар с собой, возможно, после того, как проведёшь shufti самостоятельно, или возьми сразу. Потому что у неё остаётся всё меньше времени. С новым лекарством она, возможно, сможет снова преодолеть эти ступени. Если сможет, я уверен воздух того места оздоровит её. Уверен, насколько это возможно.

Когда-то в городе проходили игры, и тысячи людей, пришедших посмотреть зрелище, собирались на площади, о которой я говорил, ожидая входа на стадион, являющийся частью дворца… или приложением к нему, как ты бы, наверное, сказал. Рядом с площадью находятся огромные солнечные часы, должно быть, не меньше ста футов в диаметре. Они вращаются, как карусель из книги. Книги Брэдбери. Я уверен, что он… неважно, лучше скажу вот о чём: солнечные часы — это секрет моего долголетия, и я заплатил за это свою цену. Ты не должен вставать на них сам, но вот, если бы ты положил на них Радар…

О, Боже. Кажется, началось. Господи!

Я сидел, стиснув руки на кухонном столе, и наблюдал за вращающимися роликами. Через окошко диктофона я видел, что запись приближается к той точке, с которой я её перемотал.

Чарли, мне неприятно отправлять тебя к источнику стольких наших земных страхов, и я не буду тебе приказывать, но солнечные часы там, и золото тоже там. Метки приведут тебя туда. «АБ» — помни об этом.

Я завещаю тебе этот дом и эту землю, но это не подарок. Это бремя. Каждый год оно дорожает и каждый год растут налоги. Но не налогов я боюсь, а гораздо большего. Я живу в страхе перед… этим юридическим ужасом, известным как «отчуждение имущества», и я… ты… мы…

У него перехватило дыхание, он хватал ртом воздух снова и снова, большими тяжёлыми вдохами, которые отчётливо записались на плёнку. Я чувствовал, как мои ногти впиваются в ладони. Он вновь заговорил с великим усилием.

Послушай, Чарли! Ты можешь себе представить, что случится, если люди узнают, что в пределах досягаемости существует другой мир? Тот, куда можно попасть просто преодолев сто восемьдесят пять каменных ступеней и пройдя по коридору не больше мили? Если правитель-

ство осознает, что может эксплуатировать новый мир, когда ресурсы в нашем почти на исходе? Испугались бы они Летучего Убийцы или пробуждения ужасного местного божества от долгого сна? Смогут ли они осознать ужасные последствия… но ты… если бы у тебя была возможность… ты…

Послышались хрипы и щелчки. Мистер Боудич хватал ртом воздух. Когда он снова заговорил, его голос был еле слышен, потому что он положил диктофон с маленьким встроенным микрофоном на стол.

У меня сердечный приступ, Чарли… ты знаешь… я звонил тебе… есть один адвокат. Леон Брэддок из Элджина. Под диваном бумажник. Всё, что тебе понадобится, также под диваном…

Раздался последний щелчок, за которым последовала тишина. Он либо специально выключил диктофон, либо случайно уронил руку на кнопку «СТОП». Я был рад. Я не хотел слышать, как он страдает в своих последних муках.

Закрыв глаза, я просидел так… не знаю сколько. Может быть, минуту, может, три. Помню, как не глядя потянулся вниз, решив погладить Радар и найти в этом утешение, которое всегда приходило. Но Радар там не было. Радар осталась ниже по

склону холма в нормальном доме с нормальным задним двором без подземной дыры, без немыслимого колодца миров.

Что я должен был делать? Что, во имя всего святого?

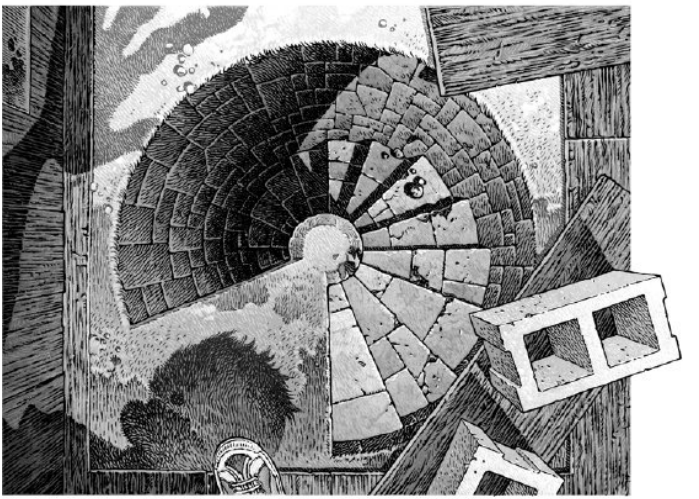
Для начала я вынул кассету из диктофона и положил её в карман. Это было опасно, может быть, самым опасным действием на планете… но только если люди поверят, что это не бред старика в предынфарктном состоянии. Разумеется, они не поверят. Если только они…

Поднявшись на ноги, я вялой походкой пошёл к задней двери. Я посмотрел на сарай, который мистер Боудич — более молодой мистер Боудич — построил над колодцем миров. Я долго смотрел на него. Если кто-то войдёт туда…

Господь милосердный.

Я пошёл домой.

Глава одиннадцатая



Той ночью. Школьные будни. Папа уезжает. Колодец миров. Другой. Старая женщина. Неприятный сюрприз.

1

сё в порядке, Чарли?

Я оторвал взгляд от книги, в которую был погружён с головой. Думаю, ничто не могло отвлечь меня от мысли о кассете, прослушанной на кухне мистера Боудича и теперь спрятанной на верхней полке моего шкафа под стопкой футболок, кроме этой книги. Я взял её из спальни мистера Боудича, и в ней был описан свой собственный мир. Радар спала рядом со мной, время от времени похрапывая.

— А?

— Я спросил всё ли с тобой в порядке? Ты едва притронулся к ужину и весь вечер где-то витаешь. Думаешь о мистере Боудиче?

— Ну, да. — Это была правда, хотя не совсем то, о чём подумал отец.

— Скучаешь по нему.

— Да. Очень. — Я наклонился и погладил Радар по шее. Теперь это моя собака. Моя собака — моя ответственность.

— Это хорошо. Так и должно быть. Ты будешь в порядке к следующей неделе?

— Конечно, а что?

Он так терпеливо вздохнул, как, думаю, могут

вздыхать только отцы.

— Поездка. Я говорил тебе о ней. Думаю, ты был занят своими мыслями. Я уезжаю во вторник утром на четыре прекрасных дня в северный лес. Это мероприятие «Оверленда», но Линди выбил мне приглашение. Куча обычных семинаров по ответственности, и несколько важных по проверке мошеннических заявок — очень полезно, особенно для фирмы, которая только встаёт на ноги.

— Как твоя.

— Как моя. Кроме того, упражнения по сплочению. — Он закатил глаза.

— Там будет алкоголь?

— Будет, много, но не для меня. Ты будешь в порядке один?

— Конечно. — Если только не потеряюсь в том месте, которое мистер Боудич назвал очень опасным городом, управляемым спящим божеством.

Если я вообще пойду туда.

— В порядке. Если что-то случится, я позвоню тебе.

— Ты улыбаешься. Что смешного?

— Просто мне уже не десять лет, пап. — Вообще-то меня позабавила мысль о том, ловит ли мобильник в колодце миров. Я полагал, что «Ве-

ризон» ещё не освоила эту территорию.

— Уверен, что я ничем не могу тебе помочь?

«Скажи ему», — подумал я.

— Да. Всё хорошо. Что за упражнения по сплочению?

— Я тебе покажу. Вставай. — Он тоже поднялся. — Теперь встань позади меня.

Я положил книгу на кресло и встал у него за спиной.

— Мы должны доверять команде, — сказал отец. — Не то, чтобы она у меня была, так как я сам себе команда, но я могу быть душой компании. Мы забираемся на деревья с…

— *Деревья?* Вы лазаете по деревьям?

— На многих выездах «Оверленда», иногда не вполне трезвые. Под наблюдением. Мы все это делаем, кроме Вилли Дигана — у него кардиостимулятор.

— Господи, пап.

— И мы делаем так. — Он без предупреждения упал навзничь, прижав руки к телу. Я больше не занимался спортом, но мои рефлексы не подвели. Я легко поймал его, и посмотрев сверху вниз, увидел, что его глаза закрыты, и он улыбается. Мне нравилась эта его улыбка. Я качнул его вверх, и он снова встал на ноги. Радар посмотрела на нас.

Она тявкнула и снова опустила голову.

— Я должен доверять любому, кто стоит у меня за спиной — вероятно, это будет Норм Ричардс, — но тебе я доверяю больше, Чарли. Мы связаны.

— Это отлично, пап, но не лазай по деревьям. Забота об одном упавшем человеке — это мой предел. Теперь можно я почитаю?

— Валяй. — Он взял книгу и глянул на обложку. — Это мистера Боудича?

— Да.

— Я читал её в твоём возрасте, может, чуть раньше. Насколько помню, там происходит безумный карнавал в маленьком городке, здесь, в Иллинойсе.

— Адское представление теней Кугера и Дарка.

— Я помню, что там была слепая гадалка. Жутковатая.

— Ага, Пыльная Ведьма — жуткая до усрачки.

— Ладно, читай, а я буду смотреть телевизор и морально разлагаться. Только смотри, чтобы потом не приснились кошмары.

«Если вообще засну», — подумал я.

2

Хотя Радар, наверное, могла бы подняться по лестнице под действием нового лекарства, я

прошёл в маленькую гостевую комнату, и она проследовала за мной, уже чувствуя себя как дома в нашей обители. Я разделся до трусов, положил под голову лишнюю подушку и продолжил чтение. На записи мистер Боудич сказал, что на площади позади дворца есть огромные солнечные часы, и они вращаются, как карусель в романе Брэдбери, и в них секрет его долголетия. Часы позволили ему вернуться в Сентрис-Рест достаточно молодым, чтобы выдать себя за своего сына. В романе «Надвигается беда» карусель могла состарить, вращаясь по часовой стрелке, и омолодить, вращаясь в обратную сторону. И мистер Боудич хотел сказать что-то ещё. *Я уверен, он… не важно.*

Хотел ли он сказать, что Рэй Брэдбери почерпнул свою идею для карусели из солнечных часов в том, другом мире? Мысль об омоложении или старении на карусели была нелепой, но допустить, что уважаемый американский автор посетил то место, было ещё нелепей. А было ли? Брэдбери *провёл* свои ранние годы в Уокигане, который находится меньше чем в семидесяти милях от Сентрис-Рест. Краткое знакомство со статьёй в «Википедии» убедило меня, что это простое совпадение, если только он не посетил другой мир

будучи маленьким ребёнком. Если другой мир существовал. В общем, в моём возрасте он уже жил в Лос-Анджелесе.

Я уверен, он… не важно.

Я запомнил страницу и положил книгу на пол. Я был почти уверен, что Уилл и Джим переживут свои переключения, но полагал, что уже не останутся столь невинными. Детям не стоит сталкиваться с ужасными вещами. Я знал это по собственному опыту.

Я встал и натянул штаны. «Пошли, Радс. Тебе нужно прогуляться и намочить кусты».

Она пошла вполне охотно, почти не прихрамывая. Утром она снова будет хромать, но после разминки её движения становились естественными. По крайней мере, так было до сих пор. Это не продлится долго, если помощница ветеринара была права. Она сказала, что будет удивлена, если Радар дотянет до Хэллоуина, до которого оставалось пять недель. Даже меньше.

Радс обнюхивала лужайку. Я посмотрел на звёзды, отыскав неизменные Пояс Ориона и Большую Медведицу. По словам мистера Боудича, в другом мире было две луны и созвездия, неизвестные земным астрономам.

Это невозможно. Всё это.

И всё же колодец существовал. И ступени. И отвратительный гадский жук. Я всё это видел.

Радар согнула задние лапы в свойственной ей изящной манере, затем подошла ко мне в поисках лакомства. Я дал ей половинку «Бонз» и повёл обратно в дом. Я читал допоздна, папа уже лёг спать. Мне тоже пора была укладываться. Собака мистера Боудича — моя собака — вздохнула и едва слышно пукнула. Я выключил свет и уставился в темноту.

Расскажи всё отцу. Отведи его в сарай. Жук, которого застрелил мистер Боудич, всё ещё будет там — то, что он него осталось — и даже если нет, там будет колодец. Это тяжёлая ноша, раздели её.

Сохранит ли отец секрет? Как бы сильно я его ни любил, я не верил в это. Не мог. У АА есть тысяча лозунгов и девизов, и один из них гласит: *ты болен настолько, насколько больны твои секреты*. Может ли он поделиться с Линди? Или с доверенным другом на работе? Или со своим братом, дядей Бобом?

Затем я вспомнил кое-что из школы, слышал в шестом или седьмом классе. Американская история, мисс Гринфилд. Это была цитата Бенджамина Франклина: *«Трое могут сохранить*

секрет, если двое из них мертвы».

Ты можешь себе представить, что случится, если люди узнают о существовании другого мира?

Вопросом задавался мистер Боудич, но, думаю, ответ мне был известен. Этот мир заберут. «Приберут к рукам», — как сказала бы моя хипповатая учительница. Дом № 1 по Сикамор-Стрит стал бы сверхсекретным правительственным объектом. Они избавятся от всех соседей в округе. И да, началась бы эксплуатация; если мистер Боудич был прав, последствия будут ужасными.

Наконец я заснул и мне приснилось, что что-то шевелится у меня под кроватью. Я знал, что это. Гигантский таракан, который мог укусить. Я проснулся рано утром, уверенный, что он всё ещё там. Но тогда Радар бы залаяла, а она крепко спала, посапывая от происходящего в её собственных снах.

3

В воскресенье я отправился в дом мистера Боудича, чтобы заняться тем, чем собирался накануне: приборкой. Конечно, что-то я не мог исправить: порванные подушки и изрезанные обои могли подождать. Было полно других дел,

но мне пришлось заняться ими за два подхода, потому что поначалу я взял с собой Радар, и это было ошибкой.

Она ходила по первому этажу из комнаты в комнату в поисках мистера Боудича. Казалось, вандализм её не расстроил, но она яростно лаяла на диван, время от времени прерываясь, чтобы посмотреть на меня, будто спрашивая, не дурак ли я? Разве я не вижу, что произошло? Кровати её хозяина больше нет.

Я заставил Радар последовать за мной на кухню и велел лежать, но она отказалась, продолжая смотреть в сторону гостиной. Предложенную ей куриную чипсу, её любимое лакомство, она уронила на линолеум. Я решил, что нужно отвести её обратно домой и оставить с отцом, но увидев поводок, она побежала (очень проворно) через гостиную наверх. Я нашёл её в спальне мистера Боудича, свернувшуюся перед шкафом на импровизированной подстилке из одежды, сорванной с вешалок. Казалось, она успокоилась, поэтому я спустился вниз и прибрался настолько хорошо, насколько мог.

Около одиннадцати я услышал, как она цокает когтями по ступенькам лестницы. Её вид ранил моё сердце. Она не хромала, но двигалась медлен-

но с опущенной головой и поджатым хвостом. Она посмотрела на меня с выражением, ясным без слов: *где он?*

— Пошли, девочка, — сказал я. — Давай я уведу тебя отсюда.

В этот раз она не возражала против поводка.

4

Днём я сделал всё, что мог на втором этаже. Коротышка в кепке «Уайт Сокс» и вельветовых штанах (думаю, это был он) не устроил погром на третьем этаже, по крайней мере, насколько я мог судить. Похоже, он сосредоточил свои усилия на втором этаже… и на сейфе, как только нашёл его. Ему приходилось следить за временем, так как похороны не могли продлиться долго.

Я собрал свою одежду в небольшую кучу у лестницы, чтобы отнести домой. Затем взялся за спальню мистера Боудича, поправил постель (которая была перевёрнута), заново развесил его одежду (заправив вывернутые карманы), и собрал набивку из подушек. Я был зол на мистера Конечно-у Ха-Ха за то, что казалось почти осквернением усопшего, но вспомнил о некоторых неприглядных вещах, которые вытворял с Берти Бёрдом: собачье дерьмо на ветровых стёк-

лах, петарды в почтовых ящиках, перевёрнутые мусорные баки, ИИСУС ДРОЧИТ — краской на вывеске методистской церкви милосердия. Нас так и не поймали, и всё же я винил себя. Глядя на беспорядок, оставленный мистером Ха-Ха, и ненавидя его, я осознал, что сам не без греха. Когда-то я был таким же плохим, как маленький человек со смешной походкой и манерой говорить. В каком-то смысле даже хуже. По крайней мере, у коротышки был мотив — он искал золото. Мы с Бёрдмэном были просто детьми, которые страдали хернёй.

Вот только мы с Бёрдмэном никого не убивали. Если я был прав, мистер Ха-Ха был убийцей.

Один из книжных шкафов в спальне был опрокинут. Я поднял его и принялся расставлять книги. В самом низу кучи лежал научный том, я видел его на прикроватной тумбочке вместе с романом Брэдбери, который сейчас читал. Я поднял его и посмотрел на обложку: воронка, заполняющаяся звёздами. «Происхождение фантазии и её место в мировой структуре» — можно язык сломать. И «Юнгианские перспективы» в придачу. Я заглянул в содержание посмотреть, есть ли там что-нибудь о Джеке и бобовом стебле. Оказалось, что есть. Я начал читать, но потом

просто пробежал текст глазами. Там было полно ненавистного для меня «напыщенного» научного слога, полного заковыристых слов и синтаксических нагромождений. Возможно, я просто был интеллектуальным лентяем, а, может, нет.

Насколько я мог разобрать, автор этой главы говорил, что существовало *две* версии сказки о бобовом стебле: оригинальная кровавая и «причёсанная», которую дети получали в одобренной матерями серии книг «Литтл Голден Букс» и полнометражном мультфильме. Кровавый вариант разветвлялся (одно из заковыристых слов) на два сказочных направления: мрачное и светлое. Мрачное описывает радости грабежа и убийства (когда Джек рубит бобовый стебель, и великан разбивается насмерть). Светлый имел отношение к тому, что автор назвал «эпистемологией витгенштейновской религиозной веры», и если вы понимаете, что это значит, вы умнее меня.

Я поставил книгу на полку, вышел из комнаты, затем снова вернулся взглянуть на обложку. Внутри было полно скучной прозы, вырвиглазных сложносочинённых предложений, но обложка была немного лиричной, такой же совершенной, как поэма Уильяма Карлоса Уильямса о красной тачке: воронка, заполняющаяся звёздами.

5

В понедельник я пошёл навестить свою «старую подругу» миссис Силвиус и спросил, могу ли взять (один раз за семестр) вторник для общественных работ. Она наклонилась ко мне через стол и заговорила низким доверительным тоном.

— Неужели я чувствую запах прогула? Спрашиваю, потому что учеников просят уведомить об этом как минимум за неделю. Это не требование, Чарли, но убедительная просьба.

— Нет, тут всё серьёзно, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. Этому полезному приёму, когда говоришь неправду, я научился у Берти Бёрда. — Я собираюсь обойти всех торговцев в городе и предложить им «Возьмись-За».

— «Возьмись-За»? — миссис Силвиус невольно заинтересовалась.

— Ну, обычно это «Возьмись-За-Шоссе», я занимался этим в «Кей-Клабе», но хочу пойти дальше. Заинтересовать владельцев магазинов в «Возьмись-За-Парк» — у нас их, знаете ли, целых шесть, — в «Возьмись-За-Подземный переход», многие из них в грязи, это печально, — может быть, даже в «Возьмись-За-Пустырь», если смогу убедить…

— Я поняла. — Она взяла бланк и что-то нацарапала на нём. — Возьми это, пусть подпишут все учителя, потом принеси обратно мне. — И когда я уходил: — Чарли? Я всё ещё чую запах прогула. Он буквально окутывает тебя.

Я не совсем лгал об общественных работах, но скрыл правду о том, зачем мне понадобился выходной. На пятом уроке я пошёл в библиотеку, взял буклет «Джейсис», в котором были перечислены все магазины города, и отправил электронные письма, просто изменив приветственные слова и придуманные названия «Возьмись-За». Это заняло полчаса, так что у меня осталось ещё двадцать минут до звонка на следующий урок. Я подошёл к стойке и спросил мисс Норман есть ли у неё «Сказки братьев Гримм». Бумажной книги не оказалось, но она подала мне «Киндл» с наклейкой «СОБСТВЕННОСТЬ ХИЛЛВЬЮ-ХАЙ» и дала одноразовый код для загрузки книги.

Я не стал читать сказки, только пробежался по содержанию и бегло просмотрел введение. Я был заинтригован (но не совсем удивлён), узнав, что большинство сказок, которые я слышал с детства, имели мрачные версии. Оригинал «Златовласки и трёх медведей» передавался из уст в уста с 16 века, но в нём не было маленькой девочки

по имени Златовласка. Главной героиней была мерзкая старуха, которая вторглась в дом медведей и буквально уничтожила всё их имущество, затем выскочила в окно и с гоготом убежала в лес. «Румпельштильцхен» была ещё хуже. В версии, которую я смутно помнил, старый Румпель умчался в гневе, когда девочка, которой было поручено прясть из соломы золото, отгадала его имя. В версии братьев Гримм 1857 года он упёрся одной ногой в землю, взялся за вторую и разорвал себя на части. Я подумал, что эта история достойна франшизы «Пила».

Шестым уроком был предмет под названием «Америка сегодня», длившийся всего лишь один семестр. Понятия не имею, о чём вещал мистер Масенсик. Мои мысли были заняты выдуманной материей. Например, каруселью в «Надвигается беда» — она была похожа на солнечные часы в Другом мире. *Секрет моего долголетия*, сказал мистер Боудич. Джек украл золото у великана. Мистер Боудич также украл золото у… кого? Или у чего? У великана? У какого-то выдуманного демона по имени Гогмагог?

Как только мои мысли пошли по этому пути, я стал везде замечать совпадения. Моя мама погибла на мосту через Литтл-Румпл-Ривер. А как

на счёт коротышки со смешным говором? Разве не так в сказке описывался Румпельштильцхен? А если взять меня? Во скольких выдуманных историях фигурировал молодой герой (например, Джек), отправившийся в неведомую фантастическую страну? Или взять «Волшебника страны Оз», где торнадо перенесло маленькую девочку из Канзаса в мир ведьм и жевунов? Я не был Дороти, а Радар не была Тото, но…

— Чарльз, ты там заснул? Или, может быть, мой сладкозвучный голос загипнотизировал тебя? Ввёл в транс?

В классе раздался смех, в основном тех, кто не отличил бы *«сладкозвучный»* от жёлтой дыры в снегу.

— Нет, я тут.

— Тогда, возможно, ты выскажешь нам своё взвешенное мнение об убийстве полицией чернокожих Филандо Кастиля и Элтона Стерлинга?

— Хреново, — сказал я. Я был всё ещё занят своими мыслями и это вырвалось само собой.

Мистер Масенсик одарил меня своей фирменной натянутой улыбкой и сказал:

— Действительно, хреново. Не стесняйтесь, мистер Рид, погружайтесь обратно в свой транс.

Он продолжил лекцию. Я пытался сосредото-

читься на ней, но подумал о том, что сказала миссис Силвиус — не *«фи-фай-фо-фам, дух британца чую там»*, а *«я всё ещё чую запах прогула, он буквально окутывает тебя»*.

Конечно, это совпадение — мой отец говорил, если вы купили синюю машину, вы везде будете замечать синие машины, — но после того, что я видел в сарае, я не мог не задаваться вопросами. И вот ещё кое-что. В фантазийной истории автор придумывал какой-нибудь способ, с помощью которого юный герой или героиня могли исследовать мир, который я теперь называл Другим. Например, автор мог отправить родителя или родителей в поездку на несколько дней, расчищая путь юному герою, чтобы тот мог посетить другой мир, не провоцируя кучу вопросов, на которые не мог ответить.

«Совпадение, — подумал я, когда прозвенел звонок, и ученики направились к выходу. — *Синдром синей машины»*.

Только гигантский таракан не был синей машиной, как и те ступени, ведущие вниз в темноту.

Я упросил мистера Масенсика подписать бланк общественных работ, и он одарил меня своей натянутой улыбкой.

— Хреново, а?

— Простите, простите.

— На самом деле ты не был далёк от истины.

Я вышел и направился к своему шкафчику.

— Чарли?

Это была Арнетта Фримэн, выглядевшая великолепно в своих узких джинсах и топике без рукавов. Со своими голубыми глазами и светлыми волосами до плеч, Арнетта доказывала, что для белой Америки не всё потеряно. Год назад — когда я был более спортивным и немножко более известным благодаря «Тёрки Боул» — мы с Арнеттой провели несколько учебных занятий в подвальной комнате её дома. Что-то изучили, но гораздо больше целовались.

— Привет, Арни, как дела?

— Ты хочешь прийти сегодня вечером? Мы могли бы подготовиться к тесту по «Гамлету». — Её голубые глаза смотрели глубоко в мои карие.

— Я бы с удовольствием, но папа уезжает по делам почти до конца недели. Сейчас мне надо побыть с ним.

— О, блин. Жаль. — Она нежно прижимала две книги к своей груди.

— Я смогу в среду. Если ты не занята.

Она просияла.

— Это было бы замечательно. — Она взяла мою

руку и положила себе на талию. — Я поспрашиваю тебя о Полонии, а ты, может быть, проверишь моего Фортинбраса.

Она чмокнула меня в щёку, затем ушла, покачивая попкой так, что это было… в общем, завораживающе. Впервые после библиотеки я не думал о сходствах между выдуманным и настоящим мирами. Мои мысли были только об Арнетте Фримэн.

6

Папа вышел из дома ярким и ранним утром вторника, неся свою дорожную сумку и одетый в «я-собираюсь-в-лес» одежду: вельветовые брюки, фланелевая рубашка, шапка «Беарс». Через плечо у него было перекинуто пончо. «В прогнозе дождь, — сказал он. — Это ставит крест на лазании по деревьям, о чём я не жалею».

— Газировка во время «коктейльного часа», хорошо?

Он ухмыльнулся.

— Может быть, с ломтиком лайма. Не переживай, сынок. Там будет Линди, и я буду держаться с ним. Позаботься о своей собаке. Она снова хромает.

— Я знаю.

Он быстро сцапал меня одной рукой и поцеловал. Когда он сдал назад по подъездной дорожке, я поднял руку, призывая остановиться, и подбежал к водительской двери. Он опустил стекло.

— Я что-то забыл?

— Нет, я забыл. — Я подался вперёд, обнял его и поцеловал в щёку.

Он озадаченно улыбнулся.

— Это ещё за что?

— Я просто люблю тебя. Вот и всё.

— Я тебя тоже, Чарли. — Он потрепал меня по щеке, выехал на улицу и направился в сторону проклятого моста. Я провожал его взглядом, пока он не скрылся из вида.

Кажется, в глубине души, я что-то чувствовал.

7

Я вывел Радар на задний двор. Он был невелик по сравнению с акром мистера Боудича, но достаточно просторный, чтобы Радс могла размяться. Чем она и занялась, но я знал, что её время на исходе. Если я мог что-то сделать для неё, то это должно было произойти как можно скорее. Мы вернулись в дом, и я дал ей немного мясного рулета, оставшегося с прошлого вечера, засунув в него дополнительную таблетку. Она проглотила

рулет, затем свернулась калачиком на ковре в гостиной — место, которое она уже считала своим. Я потрепал её за ушами, от чего она всегда закрывала глаза и открывала пасть.

— Мне нужно кое-что выяснить, — сказал я. — Будь хорошей девочкой. Я вернусь, как только смогу. Постарайся не гадить в доме, но если прижмёт, сделай это там, где будет легко убрать.

Она пару раз шлёпнула хвостом по ковру — меня вполне устроил её ответ. Я подъехал на велике к дому № 1 по Сикамор-Стрит, высматривая коротышку со смешной походкой и манерой говорить. Но никого не увидел, даже миссис Ричлэнд.

Я зашёл внутрь, поднялся наверх, открыл сейф и застегнул ремень с оружием на поясе. Я не чувствовал себя стрелком, несмотря на блестящие кончо и завязки, я чувствовал себя ребёнком. Если я поскользнусь на той спиральной лестнице и упаду, через какое время меня найдут? Может быть, никогда. А если найдут, что они найдут ещё? На записи мистер Боудич сказал, что завещанное мне — не подарок, а бремя. Тогда я не до конца понимал это, но достав из кухонного шкафа фонарик и засунув его в задний карман джинсов, точно понял. Я пошёл к сараю, надеясь, что спустившись вниз найду не коридор, веду-

щий в другой мир, а лишь кучу камней и грязную лужу грунтовой воды.

«И никаких громадных тараканов. Мне всё равно, безобидные они или нет, — никаких тараканов».

Я зашёл в сарай, посветил и увидел, что таракан, подстреленный мистером Боудичем, превратился в тёмно-серую лужицу слизи. Когда я направил на него луч фонарика, одна из пластин с его спины съехала в сторону, заставив меня дёрнуться.

Я включил потолочный свет, подошёл к доскам и шлакоблокам, закрывающим колодец, и посветил фонариком в шестидюймовую щель. Я не увидел ничего, кроме ступеней, спускающихся в темноту. Ничего не двигалось. И не было слышно никакого шелеста. Меня это не успокоило; мне вспомнилась фраза из десятков дешёвых фильмов ужасов, может быть сотен: «*Тут слишком тихо. Мне это не нравится».*

«Мысли здраво, тишина — это хорошо», — сказал я себе, глядя в каменную яму, но эта мысль не особо подействовала.

Я понимал, что если буду долго колебаться, то отступлю, и будет в два раза труднее снова дойти до этой точки. Так что я снова засунул фонарик в задний карман и убрал шлакоблоки.

После этого сдвинул доски в сторону. Затем сел на край колодца, поставив ноги на третью ступень. Я подождал, пока сердце немного успокоится, затем встал на ступень, убеждая себя, что она достаточно широкая для моих ступней. Не такая уж и широкая. Я вытер пот со лба и сказал себе, что всё будет хорошо. Хотя не совсем в это верил.

Но я начал спускаться.

8

Сто восемьдесят пять ступеней разной высоты, сказал мистер Боудич, и я считал их, двигаясь вниз. Я шёл очень медленно, прижимаясь спиной к закругляющейся каменной стене, лицом к дыре. Камни были неровными и влажными. Я светил фонариком под ноги. *Разной высоты*. Мне не хотелось оступиться. Это могло стать для меня концом.

На девяностой ступени (почти середина), я услышал под собой шорох. Подумал, не направить ли фонарик в сторону звука, но засомневался. Если ли бы я вспугнул колонию летучих мышей, и они разлетелись вокруг меня, я бы *наверняка* упал.

Логика в этом была, но страх был сильнее. Я слегка отодвинулся от стены, посветил фонари-

ком вдоль закругляющихся ступеней и увидел что-то чёрное, затаившееся двадцатью ступенями ниже. Когда свет фонарика выхватил это из темноты, я разглядел одного из гигантских тараканов, прежде чем он нырнул в темноту.

Сделав несколько глубоких вдохов, я сказал себе, что всё в порядке, не поверил этому и продолжил спуск. Я достиг дна минут через десять, так как двигался очень медленно. Казалось прошло больше. Время от времени я поднимал глаза, и мне было не особенно приятно видеть, что круг света от фонарика на батарейках становится всё меньше и меньше. Я был глубоко под землёй и погружался всё глубже.

Я достиг дна на сто восемьдесят пятой ступени. Пол был земляным, как и сказал мистер Боудич, и там лежала груда каменных блоков, вероятно выпавших с самого верха стены, где холод и тепло сначала ослабили их, а потом выдавили наружу. Мистер Боудич ухватился за одну из расселин, откуда выпал блок, и это спасло ему жизнь. Кучу упавших блоков покрывало чёрное вещество, которое, как я предположил, было тараканьим дерьмом.

Дальше и правда вёл коридор. Я перешагнул через блоки. Мистер Боудич был прав, коридор

такой высокий, что я даже не подумал пригнуть голову. Впереди я снова услышал шорох и догадался, что это летучие мыши, о которых предупреждал мистер Боудич. Мне не нравились летучие мыши — они переносят заразу, иногда бешенство, — но я не боялся их так, как мистер Боудич. Меня вело вперёд неистовое любопытство. Эти короткие спиральные ступени (*разной высоты*), грозящие падением, нервировали меня, но теперь я шёл по ровной поверхности, что было большим облегчением. Разумеется, надо мной нависали тысячи тонн камня и земли, но коридор не вчера проложили, и я не думал, что он решит именно в этот момент обрушиться и похоронить меня заживо. Хотя мне не стоило переживать об этом — если бы потолок рухнул, я погиб бы мгновенно.

«Ободряюще», — подумал я.

Бодрости я не чувствовал, но мой страх сменило — по крайней мере, затмило — возбуждение. Если мистер Боудич говорил правду, то чуть дальше впереди меня ждал другой мир. Зайдя так далеко, я хотел увидеть его. И золото тут было не на первом месте.

Земляной пол сменился каменным. Точнее брусчаткой, как в старых фильма «Ти-Си-Эм»

о Лондоне девятнадцатого века. Теперь шорох слышался прямо у меня над головой, и я выключил фонарик. Кромешная тьма снова вогнала меня в страх, но я не хотел попасть в рой летучих мышей. Насколько я знал, они могли оказаться летучими мышами-вампирами. Маловероятно, что в Иллинойсе… но я больше не был в Иллинойсе, так ведь?

Я прошёл не меньше мили, сказал мистер Боудич, поэтому я считал шаги, пока не сбился со счёта. По крайней мере, я не боялся, что фонарик больше не включится, если он вдруг мне понадобится — в нём стояли новые батарейки. Я с надеждой ждал появления впереди дневного света, постоянно прислушиваясь к порханию над головой. Такое чувство, что летучие мыши были размером с индейку. Я не хотел выяснять тяк ли это.

Наконец я увидел свет — яркий проблеск, как и сказал мистер Боудич. Я двинулся дальше и проблеск превратился в круг, достаточно яркий, чтобы отпечататься на сетчатке, когда я закрывал глаза. Я и думать забыл о головокружении, о котором говорил мистер Боудич, но когда оно настигло меня, то сразу вспомнил.

Однажды, когда мне было около десяти лет,

мы с Берти Бёрдом сделали несколько глубоких вдохов и крепко обхватили друг друга, чтобы проверить не потеряем ли мы сознание, как заявлял один друг Берти. Этого не случилось, но мне стало дурно, и я шлёпнулся на задницу, будто в замедленной съёмке. Сейчас было что-то подобное. Я продолжал идти, но моё тело будто превратилось в воздушный шарик с гелием, и если кто-то обрежет верёвочку, я отправлюсь в свободное парение.

Затем всё прошло, как и у мистера Боудича. Он назвал это рубежом, и я его преодолел. Я оставил Сентрис-Рест позади. И Иллинойс. И Америку. Я был в Другом мире.

Я добрался до выхода, потолок тут был земляным, с тонкими свисающими ниточками корней. Я нырнул под несколько нависающих вьюнов и вышел на пологий склон холма. Небо было серым, но поле — ярко-красным. Маки раскинулись великолепным покрывалом, простирающимся влево и вправо насколько хватало глаз. Через них к дороге вела тропинка. На дальней стороне дороги маки ещё с милю тянулись к густому лесу, заставив меня подумать о лесах, которые когда-то росли на месте моего города. Тропинка была едва различима в отличие от дороги. Та была

грунтовой, но широкой — не колея, а настоящая магистраль. Там, где тропинка соединялась с дорогой, стоял маленький аккуратный коттедж, из каменной трубы которого поднимался дым. Неподялёку растянулись бельевые верёвки с подвешенными на них вещами, не похожими на одежду. Я не мог разобрать, что это.

Посмотрев на далёкий горизонт, я увидел очертания большого города. Дневной свет туманно отражался от его самых высоких башен, будто выстроенных из стекла. *Зелёного* стекла. Я читал «Волшебника из страны Оз» и видел фильм, и узнаю Изумрудный город с первого взгляда.

9

Тропинка к дороге и коттеджу тянулась примерно на полмили. Я дважды останавливался, один раз, чтобы оглянуться на дыру в склоне холма — она была похожа на вход в маленькую пещеру, — и второй раз, проверить свой мобильник. Я ожидал увидеть сообщение «НЕ В СЕТИ», но не было даже его. Мой «айфон» отказался включаться. Он стал просто куском чёрного стекла, который мог пригодиться только в качестве пресс-папье, и ни для чего другого.

Не помню, чтобы чувствовал себя ошелом-

лённым или изумлённым, даже при виде этих стеклянных вершин. Я не сомневался в своём рассудке. Надо мной было серое небо, такое низкое, что, казалось, не за горами дождь. Я слышал, как растительность шуршит у меня под ногами, когда я шёл по прямой тропинке. Пока спускался с холма, большая часть зданий города скрылась из вида, остались видны только три наивысших точки. Я пытался прикинуть, сколько до них, но не смог. Тридцать миль? Сорок?

Самым приятным из всего здесь был запах маков, похожий на смесь запахов какао, ванили и вишни. Если не считать аромата маминых волос, в которые я утыкался носом, когда был маленьким, это был самый приятный запах, из тех, что когда-либо долетал до моего носа. Несомненно. Я надеялся, что дождь задержится, но не из боязни промокнуть. Я знал, что дождь усилит этот запах, и не хотел, чтобы его великолепие убило меня. (Я преувеличиваю, но не так сильно, как вы могли подумать). Я не замечал никаких кроликов, ни больших, ни маленьких, но слышал, как они прыгают в траве и цветах, и один раз на мгновение увидел длинные уши. Ещё слышался стрекот цикад, и я надеялся, они не такие же крупные, как тараканы и летучие мыши.

Приблизившись к задней части коттеджа — деревянные стены, соломенная крыша, — я остановился, озадаченный тем, что теперь разглядел. На пересекающихся верёвках позади коттеджа и по обе стороны от него, висела обувь. Деревянная, парусиновая, сандалии, тапки. Одна из верёвок провисла под тяжестью замшевого ботинка с серебряными пряжками. Был ли это сапог-скороход, как в старых сказках? Мне так казалось. Я подошёл ближе и протянул руку, чтобы потрогать его. Он был мягким, как масло, и гладким, как атлас. «*Сшит для странствий*, — подумал я. — *Для Кота в сапогах. А где второй?*»

Словно услышав эту мысль, открылась дверь и из неё вышла женщина со вторым сапогом в руке, его пряжки поблескивали в мягком свете этого пасмурного дня. Я знал, что это женщина, потому что на ней было розовое платье и красная обувь, а также потому, что у неё выпирала необъятная грудь, но её кожа была грифельно-серой, а лицо сильно обезображено. Такое ощущение, что его черты нарисовали углём, и какое-то злое божество возило по нему рукой, размазывая и размазывая почти до неузнаваемости. Её глаза были щёлками, как и ноздри. Рот изгибался безгубым полумесяцем. Она что-то говорила мне, но я

не мог разобрать. Думаю, её связки были столько же изуродованы как лицо. Но безгубый полумесяц, несомненно изображал убылку, и у меня возникло ощущение — *предчувствие*, если хотите, — которое говорило, что бояться мне нечего.

— Хизз, хазз! Эззи? Эрн? — Она дотронулась до ботинка, висящего на верёвке.

— Да, отлично, — сказал я. — Вы понимаете меня?

Она кивнула, а потом показала хорошо знакомый мне жест: большой и указательный пальцы, сложенные кружком, что почти во всём мире означало «окей». (За исключением, полагаю, тех редких случаев, когда некоторые дебилы показывают этот знак в значении «власть белых»). Она ещё пару раз произнесла «хизз» и «хазз», затем указала на мои кроссовки.

— Что?

Она сорвала ботинок с верёвки, на которой он удерживался двумя старомодными деревянными прищепками без пружин. Держа оба ботинка в одной руке, она указала другой на мои кроссовки. Потом снова на ботинки.

Возможно, спрашивая, не хочу ли я поменяться.

— Я бы не против, но не думаю, что они моего

размера.

Она пожала плечами и снова подвесила ботинки. Другие ботинки — и один единственный зелёный атласный тапок с загнутым носком, какой мог бы носить халиф — начали болтаться на слабом ветерке. Глядя на это почти стёртое лицо, я почувствовал лёгкую тошноту. Я пытался разгадать, как выглядело её лицо изначально. И у меня почти получилось.

Женщина подошла поближе и обнюхала мою рубашку своим сплющенным носом. Затем подняла ладони на уровень плечь и помахала ими в воздухе.

— Я не понимаю.

Она подпрыгнула и издала звук, который, если добавить его к обнюхиванию, прояснял ситуацию.

— Вы имеете в виду Радар?

Она кивнула достаточно энергично, чтобы её редеющие каштановые волосы взметнулись. Она издала звук *«гузз-гузз-гузз»*, который, как мне показалось, был похож на *«гав-гав-гав»*.

— Она у меня дома.

Женщина кивнула и положила одну руку на грудь в районе сердца.

— Если вы говорите, что любите её, то я тоже, —

сказал я. — Когда вы видели её в последний раз?

Обувщица посмотрела на небо, вроде как в раздумьях, затем пожала плечами.

— Довн.

— Вы хотели сказать «давно»? Видимо, так и есть, потому что она совсем состарилась. Почти не прыгает. Но мистер Боудич… вы знали его? Если вы знаете Радс, то должны были знать мистера Боудича.

Она кивнула так же энергично, и остатки её рта изогнулись в улыбке. У неё сохранилось всего несколько зубов, но те, которые я увидел, выделялись поразительной белизной на фоне её кожи.

— *Ариан.*

— Адриан? Адриан Боудич?

Она кивнула так резко, что могла бы вывихнуть себе шею.

— Но вы не знаете, как давно он был здесь?

Она посмотрела на небо, затем помотала головой.

— Радар была тогда маленькой?

— *Ши-ноу.*

— Щенок?

Ещё один кивок.

Она взяла меня за руку и потащила за угол. (Мне пришлось пригнуться, чтобы верёвка не впилась

мне в горло). Там был вскопанный клочок земли, будто она хотела что-то посадить. Также стояла маленькая ветхая тележка, опирающаяся на пару длинных деревянных ручек. Внутри лежали два холщовых мешка, из которых торчало что-то зелёное. Обувщица опустилась на колени и жестом попросила меня сделать то же самое.

Мы смотрели друга на друга. Её палец, которым она водила по земле, двигался очень медленно и нерешительно. Она пару раз прервалась, думаю, вспоминая, что писать дальше, затем продолжила.

«на хорш жив»

Затем после долгой паузы:

«?»

Я подумал над этим и помотал головой. Женщина встала на четвереньки и снова издала свой вариант лая. Тогда я понял.

— Да, — сказал я. — У неё очень хорошая жизнь. Но теперь она старая, как я и сказал. И она… не совсем здорова.

И тут меня накрыло. Не только Радар и не только мистер Боудич, но вообще всё. Подарок, который оказался бременем, и я должен был его

нести. Разлагающиеся тараканы и погром в доме № 1 по Сикамор, устроенный, вероятно, тем, кто убил мистера Хайнриха. Сам безумный факт, что я здесь, стою на коленях в земле с женщиной, почти лишённой лица, которая собирала обувь и развешивала её на бельевых верёвках. Но выше всего этого стояла Радс. Мысли о том, с каким трудом она поднималась на ноги по утрам или после обеденного сна. О том, как она порой не доедала свою еду и смотрела на меня так, будто говоря: «Я знаю, что должна поесть, но не хочу». Я начал реветь.

Обувщица обняла меня за плечи и прижала к себе. «О'шо», — сказала она. Затем с усилием повторила: «Хорошо».

Я обнял её в ответ. От неё исходил запах, слабый, но приятный. Это был запах маков. Я рыдал, громко завывая; она обнимала меня, похлопывая по спине. Когда я отстранился, она не плакала — возможно, не могла, — но полумесяц её рта теперь был повёрнут вниз. Я вытер лицо рукавом, и спросил, научил ли её писать мистер Боудич, или она умела.

Она поднесла свой серый большой палец к кончикам двух других, которые были как бы склеены вместе.

— Немного научил?

Она кивнула, затем снова написала в земле.

«друза»

— Он был и моим другом. Он скончался.

Она склонила голову набок, пряди её волос упали на плечо.

— Умер.

Она прикрыла рукой свои суженные глаза — самое чистое проявление горя, какое я когда-либо видел. Она ещё раз обняла меня. Затем отпустила, указала на ботинки, висящие на ближайшей верёвке и замотала головой.

— Да, — согласился я. — Ему они больше не понадобятся. Никогда.

Она указала на свой рот и принялась жевать, что выглядело довольно ужасно. Затем она указала на коттедж.

— Если вы спрашиваете хочу ли я есть, спасибо, но я не могу. Мне нужно возвращаться. Может быть, в другой раз. Скоро. Я приведу Радар, если смогу. Перед смертью мистер Боудич сказал, что есть способ снова сделать её молодой. Знаю, звучит безумно, но для него это сработало. Это большие солнечные часы. Там. — Я указал в сторону города.

Суженные глаза женщины слегка расширились, а рот раскрылся почти в виде буквы «О». Она положила ладони на серые щёки, выглядя, как та кричащая женщина с известной картины. Она снова склонилась над землёй и стёрла то, что было написано. В этот раз она писала быстрее, и, вероятно, часто использовала это слово, так как оно было написано правильно.

«опасно»

— Я знаю. Я буду осторожен.

Она приложила свои слипшиеся пальцы к полустёртому рту в знаке «тсс».

— Да. Там нужно вести себя тихо. Он сказал мне. Мэм, как вас зовут? Вы можете сказать мне своё имя?

Она тут же замотала головой, указывая на рот.

— Вам тяжело говорить отчётливо.

Она кивнула и написала на земле.

«Дири». Она взглянула на это, помотала головой и всё стёрла, написав заново. *«ДОРА»*.

Я хотел спросить, было ли «Дири» её прозвищем. По крайней мере, попытался, но не смог выдавить из себя слово *«прозвище»*. Нет, я его не забыл — просто не смог произнести. Я сдался и спросил:

— Дири вас по-дружески называл мистер Боудич, так Дора?

Она кивнула и поднялась на ноги, отряхивая руки. Я тоже поднялся.

— Было очень приятно познакомиться с вами, Дора. — Я не достаточно хорошо знал её, чтобы называть Дири, но понял, почему так делал мистер Боудич. У неё было доброе сердце.

Она кивнула, похлопала меня по груди, затем похлопала по своей. Думаю, показывая, что мы были симпатичны друг другу. Друза. Полумесяц её рта снова обратился вверх, и она подпрыгнула в своих красных туфлях, как могла бы прыгать Радар до того, как её суставы поразил артрит.

— Да, я приведу её, если смогу. Если сможет она. И отведу её к солнечным часам, если смогу. — Хотя и не представлял, как это сделать.

Она указала на меня, затем мягко похлопала ладонями в воздухе по чему-то невидимому. Я не совсем понял, но вроде как это означало *«будь осторожен»*.

— Буду. Спасибо за вашу доброту, Дора.

Я повернулся в сторону тропинки, но она схватила меня за рубашку и потянула к задней двери её маленького жилища.

— Я и правда не могу…

Она кивнула, мол, понимает, что я не могу остаться на обед, но продолжала тянуть. У задней двери она указала наверх. Что-то было вырезано на коньке, выше, чем Дора могла достать. Это были инициалы **«АБ».** Его *настоящие* инициалы.

Тут мне пришла мысль, возникшая из-за моей неспособности произнести слово *«прозвище»*. Я указал на инициалы и сказал: «Это…» *Опупенно* — крутилось у меня в голове, глупейшее слэнговое словечко, какое вообще можно придумать, но подходящее для проверки.

Я не смог его произнести. Оно просто не слетало с языка.

Дора смотрела на меня.

— Замечательно, — сказал я. — Это замечательно.

10

Я взобрался на холм, нырнул в свисающие вьюны, и направился обратно по проходу. Ощущение слабости, *потусторонности*, пришло и ушло. Над головой шелестели летучие мыши, но я был слишком поглощён тем, что сейчас пережил, чтобы обращать на них внимание, и бездумно включил фонарик, посмотреть, сколько ещё идти. Разлетелись не все, лишь парочка, и я увидел

их в луче света. И правда здоровые. *Огромные*. Я продолжил движение в темноте, вытянув одну руку, чтобы отбиваться, если они полетят навстречу, но они не стали. Если в коридоре и были большие тараканы, я их не слышал.

Я не смог произнести *«прозвище»*. Не смог произнести *«опупенно»*. Смогу ли я произнести *«всезнайка»* или *«втащить»* или *«ёу, ты чё, вмазаный, бро?»* Я в этом сомневался. У меня не было уверенности, откуда берётся эта неспособность. Мне казалось, что Дора понимала меня, потому что знала английский… но что, если она понимала меня, потому что я говорил на *её* языке? В котором такие слова, как *«прозвище»* и *«опупенно»* не существовали?

Когда брусчатка кончилась и началась земля, я понял, что можно включить фонарик, хотя направил его в пол. Мистер Боудич утверждал, что расстояние между тем местом, где заканчивалась брусчатка и начиналась земля, составляло четверть мили, и даже сказал, что измерил его. В этот раз я не сбился со счёта и как раз дошёл до пятой сотни, когда увидел ступени. Далеко над головой, в верхней части колодца, я увидел свет от лампочек на батарейках, которые он установил в сарае.

Я поднимался более уверенно, чем спускался, но всё равно крепко прижимался правым плечом к стене. Я выбрался без происшествий и уже возвращал вторую доску на место поверх колодца, когда что-то округлое и твёрдое упёрлось мне в затылок. Я застыл на месте.

— Вот так, стой спокойно и у нас не будет проблем. Я скажу, когда можно двигаться. — Было очень легко представить этот лёгкий певучий голос, произносящий: *«Что ты мне дашь, если я заплету твою солому в золото?»*

— Я не хочу стрелять в тебя, парень. И не буду, если получу то, за чем пришёл. — А потом он добавил, не как смех, а как слова в книге: — Ха-ха.

Глава двенадцатая

Кристофер Полли. Рассыпанное золото. Не очень хорошо. Подготовка.

1

Я не помню, что почувствовал в тот

момент. Однако помню, что подумал: *«Румпельштильцхен целится мне в затылок из пистолета»*.

— Что там внизу?

— Что?

— Ты меня слышал. Ты пробыл там долго, я уж подумал, что ты *помер*. Что там *внизу*?

Я подумал: *«Он не должен этого знать. Никто не должен»*.

— Насосное оборудование. — Это было первое, что пришло мне в голову.

— Насосное оборудование? *Насосное* оборудование? Так вот что, ха-ха?

— Да. Иначе весь двор затопило бы во время дождя. А так вода стекает по улице. — Мозги включились в работу. — Оно старое. Я смотрел, не нужно ли вызвать кого-нибудь из города для проверки. Ну, там, из Отдела водоснабже…

— Брехня. Ха-ха. Что *на самом* деле внизу? Там есть золото?

— Нет. Просто оборудование.

— Не надо хитрить, парень, это неразумно. Совсем. Ты спустился туда со здоровенной пушкой, ха-ха, чтобы проверить насос?

— Крысы, — ответил я. У меня пересохло во рту. — Я думал, там могут быть крысы.

— Брехня, абсолютная чушь. Что это там лежит? Тоже *насосное оборудование*? Не двигайся, просто посмотри направо.

Я посмотрел и увидел разлагающееся тело гигантского таракана, которого подстрелил мистер Боудич. От него почти ничего не осталось.

Ложь, которую мне до сих пор удавалось ему скармливать, дала осечку, поэтому я сказал, что не знаю, но человеку, которого я называл Румпельштильцхеном, казалось, было наплевать.

— Не важно. Прямо сейчас мы проверим сейф старика. А *насосное оборудование* проверим позже. Идём в дом, парень. И если по дороге тебе захочется кричать, я разнесу тебе голову. Но сперва, напарник, я хочу, чтобы ты отстегнул стрелялку, ха-ха, и бросил её.

Я начал наклоняться, собираясь распутать завязки. Пистолет снова упёрся мне в голову, сильно.

— Я разрешал тебе наклоняться? Нет. Просто расстегни ремень.

Я расстегнул. Кобура опрокинулась и ударилась о моё колено, револьвер выпал на пол сарая.

— Теперь можешь застегнуть обратно. Хороший ремень, ха-ха.

(С этой минуты я перестану писать *«ха-ха»*,

потому что он произносил это без остановки, как своего рода слово-паразит. Добавлю, что это было *очень* по-румпельштильцхен-ски. В общем — жутковато.)

— Теперь повернись.

Я повернулся, и он повернулся вместе со мной. Мы были как фигуры из музыкальной шкатулки.

— Медленно, парниша. Медленно.

Я вышел из сарая. Он вышел следом за мной. В другом мире было пасмурно, но здесь светило солнце. Я видел наши тени, его была с вытянутой рукой, сжимавшей пистолет. Мой мозг сумел переключиться с первой передачи на вторую, но до третьей ему было далеко. Меня будто приложили пыльным мешком, основательно так приложили.

Мы поднялись на заднее крыльцо. Я отпёр дверь, и мы прошли в кухню. Помню, как подумал о всём том времени, которое провёл здесь, не подозревая, что мой последний раз наступит так скоро. Потому что этот тип собирался убить меня.

Только этому не бывать. Я не мог ему позволить. Я подумал о том, что люди найдут колодец миров, а я не мог этого допустить. Представил городскую полицию, спецназ из полиции штата, военных,

наводнивших маленький участок обувщицы, срывающих её бельевые верёвки, так что обувь летит на землю, пугающих её, — я не мог этого допустить. Представил парней, врывающихся в заброшенный город и пробуждающих то, что там спало, — я просто не мог этого допустить. Вот только я не знал, как его остановить. Я оказался в дураках.

Ха-ха.

2

Мы поднялись по лестнице на второй этаж — я впереди, а Румпель-сраный-штильцхен позади меня. На полпути вверх я подумал было сделать выпад назад и сбить его с ног, но не стал пытаться. Это могло сработать, но у меня были все шансы умереть, если бы не сработало. Будь здесь Радар, она, несмотря на возраст, попыталась бы напасть на Румпеля, и, вероятно, сразу бы получила пулю.

— В спальню, парниша. В ту, где сейф.

Я прошёл в спальню мистера Боудича.

— Это вы убили мистера Хайнриха, не так ли?

— Что? Не слышал ничего глупее. Они поймали того типа.

Я не стал возражать. Я знал, что это он, и он

знал, что я знаю. И я знал ещё кое-что. Первое: если я совру, что не знаю кода от сейфа и буду на этом настаивать, он убьёт меня. Второе — ничуть не лучше первого.

— Открывай шкаф, парень.

Я открыл шкаф. Пустая кобура хлопнула по моему бедру. Никудышным я оказался стрелком.

— Теперь открывай сейф.

— Если я сделаю это, вы меня убьёте.

Наступила минута молчания, пока он переваривал эту самоочевидную истину. Затем сказал: «Нет, не стану. Я просто свяжу тебя, ха-ха».

«Ха-ха» тут к месту, иначе как бы он закончил фразу? Миссис Ричлэнд сказала, что он невысокий, её роста, что составляло около пяти футов и четырёх дюймов. Я был на фут выше, и благодаря работе по дому и езде на велосипеде, находился в хорошей форме. Связать меня без сообщника, который держал бы меня на мушке, было невозможно.

— Свяжете? Правда? — Я заставил свой голос дрогнуть, что, поверьте, не было проблемой.

— Да! Теперь открывай сейф!

— Вы обещаете?

— Конечно-у, дружище. Теперь открывай, или я выстрелю тебе в колено, и ты никогда больше

не сможешь танцевать танго, ха-ха.

— Хорошо. Но только, если вы точно и без обмана пообещаете не убивать меня.

— Ответ уже прозвучал, как говорят в суде. Открывай сейф!

Наряду со всем остальным, ради чего я должен был выжить, я не мог допустить, чтобы этот певучий голос стал последним, что я услышу в жизни. Просто не мог.

— Хорошо.

Встав на колени перед сейфом, я подумал: *«Он собирается убить меня»* и *«Я не могу позволить ему убить меня»*, и *«Я не допущу, чтобы он убил меня»*.

Из-за Радар.

Из-за обувщицы.

И из-за мистера Боудича, который передал мне бремя, потому что больше просто было некому.

Я успокоился.

— Там довольно много золота, — сказал я. — Не знаю, где он взял его, но это что-то с чем-то. Он годами оплачивал им свои счета.

— Хватит болтать, открывай сейф! — Затем, будто не смог удержаться: — Сколько?

— Мужик, я не знаю. Может быть, на миллион долларов. Оно в ведре, такое тяжёлое, что я даже

не могу его поднять.

Я понятия не имел, как поменяться ролями с этим мелким ублюдком. Если бы мы оказались лицом к лицу. Но не с дулом пистолета менее, чем в дюйме от моего затылка. Как только я достиг университетского уровня в спорте, которым занимался, я научился отключать мозги во время игры, позволяя действовать телу. И теперь я должен был сделать то же самое. Других вариантов не оставалось. Иногда в футбольных матчах мы отставали, особенно на выезде, и сотни болельщиков насмехались над нами. Тогда я фокусировался на квотербеке соперников и твердил себе, что он мерзкий сукин сын, и я собираюсь не просто повалить его, а *растоптат*ь ко всем херам. Это не всегда срабатывало, если только соперник не был выпендрёжником, который после своего «спектакля» показывал тебе свою злорадную рожу, но это сработало бы с этим человеком. У него был злорадный *голос*, и ненависти к нему у меня было хоть отбавляй.

— Хватит тянуть время, парень-парень-паренёк. Открывай сейф или никогда больше не сможешь ходить прямо.

Или не смогу ходить вообще.

Я повернул циферблат в одну сторону… затем

в другую… затем обратно. Три цифры готовы, осталась одна. Я рискнул глянуть через плечо и увидел узкое лицо — почти, как у хорька — под ретро кепкой «Уайт Сокс» с высокой тульей и красным кругом, в котором должна была быть буква «О». «Можно мне хотя бы немного?»

Он хихикнул. Противно. «Открывай давай! Хватить смотреть на меня — открывай!»

Я повернул циферблат на последнюю цифру. Повернул ручку. Я не видел, но знал, что он смотрит через моё плечо, чувствовал его запах кислого пота, который почти въедается в кожу, если долго не принимать ванну.

Сейф распахнулся. Я не колебался, потому что тот, кто колеблется, гибнет. Я схватил ведро за край и опрокинул между своих раздвинутых колен. Золотые гранулы хлынули наружу и рассыпались по полу во всех направлениях. В тот же момент я нырнул в шкаф. Он выстрелил, звук был ненамного громче небольшой петарды. Я почувствовал, как пуля прошла между моим плечом и ухом. Подол одного из старомодных пиджаков мистера Боудича дёрнулся, когда пуля прошила его.

У мистера Боудича была гора обуви; Дора бы позавидовала. Я схватил ботинок, перевернулся

на бок и метнул. Он пригнулся. Я метнул другой. Он снова пригнулся, но ботинок ударил его в грудь. Он попятился, наступив на катящиеся золотые гранулы, и пол ушёл у него из-под ног. Он жёстко приложился, раскинув ноги в стороны, но удержал пистолет в руке, который был гораздо меньше револьвера 45-го калибра мистера Боудича, что, пожалуй, объясняло негромкий звук выстрела.

Я не пытался встать на ноги, просто присел на корточки и оттолкнулся от пола. Пролетел над катящимися гранулами, как Супермен, и приземлился на него. Я был крупным, он был мелким. Из него со свистом вышел воздух. Глаза выпучились. Его губы покраснели и блестели от слюны.

— Слезь… с… меня! — сдавленно прошептал Румпель.

Ну, конечно. Я хватанул руку, сжимающую пистолет, промахнулся, хватанул снова, прежде чем он смог поднести её к моему лицу. Пистолет снова выстрелил. Я не знал, куда попала пуля, и мне было наплевать, потому что она попала не в меня. Его запястье стало скользким от пота, поэтому я сжал его изо всех сил и вывернул. Послышался хруст. Он издал пронзительный крик. Пистолет выпал из его руки, ударившись о пол. Я

схватил оружие и нацелил на него.

Он снова пронзительно крикнул и прикрыл лицо здоровой рукой, будто это могло остановить пулю. Вторую просто уронил; запястье уже начало распухать.

— Нет, нет! Пожалуйста, не стреляй! *Прошу!*

И никакого блядского *«ха-ха»*.

3

Полагаю, к этому моменту у вас могло сложиться хорошее впечатление о юном Чарли Риде — этаком герое из приключенческих подростковых романов. Я был рядом со своим отцом, когда он пил, убирал его рвоту, молился о его излечении (на коленях!), и получил то, о чём молил. Я спас пожилого человека, который упал с лестницы, пытаясь вычистить водостоки. Навещал его в больнице и ухаживал за ним, когда он вернулся домой. Полюбил преданную собаку старика, и преданная собака полюбила меня. Я нацепил пистолет 45-калибра и храбро прошёл по тёмному коридору (не говоря о его гигантской живности) и вышел в другом мире, где подружился с пожилой дамой с обезображенным лицом, которая собирала обувь. Я тот парень, который одолел убийцу мистера Хайнриха, ловко рассыпав золотые

гранулы по всему полу так, что он не устоял на ногах и рухнул. Господи, я даже занимался двумя разными видами спорта! Крепкий и высокий, без прыщей! Образцовый, правда?

Но также я был ребёнком, который подкладывал петарды в почтовые ящики, взрывая важную для кого-то почту. Я был ребёнком, размазавшим собачье дерьмо по ветровому стеклу машины мистера Дауди, и налившим клея в замок зажигания старого фургона «Форд» мистера Кендрика, когда мы с Берти обнаружили его незапертым. Я опрокидывал надгробия. Воровал в магазине. Во всех этих начинаниях меня поддерживал Берти Бёрд, и это он сообщил о заложенной бомбе, в чём я не стал ему мешать. Были и другие вещи, о которых я не собираюсь вам рассказывать, потому что мне слишком стыдно. Скажу лишь, что мы так сильно напугали нескольких маленьких детей, что они разрыдались и описались.

Не очень хорошо, да?

И я был зол на этого коротышку в грязных вельветовых штанах и теплой куртке «Найк», и на его слипшиеся сальные волосы, спадающие на узкое, как у хорька, лицо. Я был зол (конечно), потому что он собирался убить меня, получив золото, — он уже убивал раньше, так почему бы

нет? Я был зол, потому что, если бы он убил меня, копы — вероятно, во главе с детективом Глисоном и его бесстрашными помощниками, офицерами Уитмарком и Купером, — в ходе расследования вошли бы в сарай и нашли то, по сравнению с чем убийство Чарльза Рида выглядело бы пустяком. Но больше всего я был зол — вы можете не верить, но клянусь, это правда — потому что вторжение коротышки всё сильно усложнило. Стоило ли мне заявить на него в полицию? Это приведёт к обнаружению золота и вызовет миллиард вопросов. Даже если я соберу все гранулы до одной и уберу обратно в сейф, мистер Ха-ха всё им расскажет. Может быть, чтобы добиться расположения окружного прокурора, а, может быть, просто назло.

Решение моей проблемы было очевидным. Мёртвый — он не сможет никому ничего рассказать. При условии, что слух миссис Ричлэнд не такой же острый, как зрение (те два выстрела были не слишком громкими) и полиция уже не в пути. У меня даже было место, куда спрятать тело.

Не так ли?

4

Хотя он всё ещё держал руку перед лицом, я мог видеть его глаза сквозь растопыренные пальцы. Голубые, с красными прожилками, и начинающие изливаться слезами. Он знал, о чём я думаю, он мог видеть это на *моём* лице.

— Нет. Прошу. Отпусти меня. Или вызови полицию, если хочешь. Только не у-у-убивай меня!

— Разве ты сам не собирался убить меня?

— Нет! Клянусь Богом и могилой моей матери, *клянусь я не хотел*!

— Как тебя зовут?

— Дерек! Дерек Шепард!

Я ударил его пистолетом по лицу. Не скажу, что не хотел так поступать, или не представлял себе последствия, ведь это было бы ложью. Всё я представлял, и мне было приятно. Из его носа хлынула кровь, и струйка потекла из уголка рта.

— Ты думаешь я не смотрел «Анатомию страсти», козёл? Как тебя зовут?

— Джастин Таунс.

Я снова ударил его. Он попытался отстраниться, но это не помогло. Я, может, не самый быстрый бегун, но с рефлексами у меня полный порядок. Я был уверен, что сломал ему нос. Он вскрикнул…

но почти беззвучно.

— Наверное думаешь, что я не знаю Джастина Таунса Эрли. У меня даже есть один его альбом. Даю тебе ещё один шанс, гандон. Затем всажу пулю в твою башку.

— Полли, — сказал он. Его нос распух — вся правая сторона лица распухла — и голос звучал, как у простуженного. — Крис Полли.

— Давай сюда свой бумажник.

— У меня нет…

Он увидел, как я подался назад и снова загородил лицо здоровой рукой. У меня были планы на эту руку, которые, скорее всего, ещё сильнее понизят меня в ваших глазах, но вы учтите, я был в затруднительном положении. А ещё я снова подумал о Румпельштильцхене. Может быть, этот ублюдок упрётся ногой в землю и разорвёт себя надвое, а, может быть, я бы заставил его убежать. Как Пряничного человечка, ха-ха.

— Ладно, ладно!

Он встал и полез в задний карман своих брюк, которые были не просто засаленными, а измазаны в грязи. У тёплой куртки был надорван рукав и изношены манжеты. Где бы ни жил этот человек, вряд ли он обитал в «Хилтоне». Бумажник был помят и потрёпан. Я широко раскрыл его и

увидел единственную десятку и водительские права на имя Кристофера Полли. На фотографии он был моложе и с неповреждённым, понятное дело, лицом. Я закрыл бумажник и сунул в свой задний карман к своему.

— Похоже, твои права истекли в 2008 году. Тебе нужно сделать новые. Конечно, если ты проживёшь так долго.

— Я не могу… — Его рот резко закрылся.

— Ты не можешь сделать новые? Лишился прав? ВНВ?[26] Тюрьма? Ты был в тюрьме? Вот, почему тебе понадобилось столько времени, чтобы ограбить и убить мистера Хайнриха? Потому что ты был в Стэйтвилле?

— Не там.

— Где?

Он молчал, и я решил, что мне всё равно. Как сказал бы мистер Боудич: какая, на хрен, разница.

— Как ты узнал о золоте?

— Я видел кое-что в магазине фрица. До того, как внёс свой вклад на благо округа. — Я мог бы спросить, как он узнал, чьё это золото, и как он подставил бедняку Дуайера, но был почти уверен,

---

[26] Примечания: 26
Вождение в нетрезвом виде.

что знаю ответы на оба этих вопроса. — Отпусти меня, я никогда больше не побеспокою тебя.

— Конечно, нет. Потому что ты будешь в тюрьме, и отнюдь не в местной. Я вызову копов, Полли. Тебя упрячут за убийство, так что давай послушаем, что ты расскажешь по этому поводу, ха-ха.

— Я расскажу! Расскажу о твоём золоте! Ты его не получишь!

Вообще-то, *получу* — согласно завещанию, оно было моё, но он этого не знал.

— Это верно, — сказал я. — Спасибо за напоминание. Похоже, придётся кинуть тебя к насосному оборудованию. Хорошо, что ты *мелкое* говно. Мне не придётся надрывать спину.

Я направил на него пистолет. Я мог бы сказать, что блефовал, но не уверен в этом. Ко всему прочему я ненавидел Полли за погром в доме мистера Боудича, за *осквернение*. И, как я уже говорил, его смерть всё бы упростила.

Он не вскрикнул — кажется, ему не хватало воздуха — но замычал. Промежность его штанов потемнела. Я опустил пистолет… чуть-чуть.

— Допустим, я скажу вам, что вы можете жить, мистер Полли. И не просто жить, а, как говорится, идти на все четыре стороны. Вас бы это заинтересовало?

— Да! *Да!* Позволь мне уйти, и я никогда больше не побеспокою тебя!

«Говорит, как настоящий Румпельштильцхен», — подумал я.

— Как ты добрался сюда? Пешком? Приехал на автобусе? — Учитывая единственную десятку в его бумажнике, я сомневался, что он взял «Юбер». Полли мог обчистить заднюю комнату мистера Хайнриха — на это указывали подброшенные Дуайеру вещи, — но если так, то он ничего не перевёл в наличные. Может быть, не знал, как. Он мог быть хитрым, но это не то же самое, что быть умным.

— Я шёл через лес. — Он указал здоровой рукой в сторону лесополосы позади участка мистера Боудича — всё, что осталось от лесов Сентрис-Вудс, которые покрывали эту часть города сто лет назад.

Я заново оценил его грязные штаны и порванную куртку. Миссис Ричлэнд не говорила, что его штаны были в грязи, а она бы сказала — у неё был острый глаз, — но она видела его много дней назад. Я догадался, что он не *шёл* через лес, а жил там. Где-то недалеко от забора в задней части двора мистера Боудича, скорее всего, находился кусок брезента, который служил укрытием для

немногочисленных пожитков этого человека и его самого. Любая добыча из магазина мистера Хайнриха наверняка зарыта поблизости, как это делают пираты в сказках. Только пираты прятали свои дублоны и пиастры в сундуках. А добыча Полли, скорее всего, лежала в сумке с наклейкой «СЛУЖБА ПОДПИСКИ АМЕРИКИ».

Если я был прав, его лагерь находился достаточно близко, чтобы следить за неким Чарльзом Ридом. Он знал, кто я, от Хайнриха. Он мог видеть меня по дороге в Стэнтонвилл. И после того, как обыск в доме не выявил ничего интересного, кроме сейфа, он просто решил подождать, полагая, что я приду за золотом. Потому что *он* бы поступил именно так.

— Подымайся. Мы идём вниз. Смотри под ноги, чтобы снова не поскользнуться на золотых пульках.

— Можно мне немного? Всего несколько? Я на мели, чел!

— И что ты будешь с ними делать? Оплатишь обед в «Макдональдс»?

— Я знаю человека в Чи. Он не даст мне столько, сколько они стоят, но…

— Можешь взять три.

— Пять? — Он попытался улыбнуться так, будто

не собирался прикончить меня сразу же после открытия сейфа.

— Четыре.

Он нагнулся и быстро подобрал их здоровой рукой, собираясь сунуть в карман брюк.

— Это пять. Брось одну.

Он бросил на меня прищуренный гневный взгляд — взгляд Румпельштильцхена — и бросил одну. Она покатилась.

— Ты злой человек.

— Сказал Святой Кристофер из Лесов. Мне так стыдно.

Он приподнял губу, обнажив жёлтые зубы.

— Иди на хуй.

Я поднял пистолет, который вроде как был автоматическим 22-го калибра.

— Не стоит посылать на хуй того, у кого в руках оружие. Это неразумно, ха-ха. Теперь иди вниз.

Он вышел из комнаты, прижимая сломанное запястье к груди и сжимая золотые гранулы в здоровой руке. Я последовал за ним. Мы прошли через гостиную в кухню. Он остановился у двери.

— Иди. Через задний двор.

Он повернулся и посмотрел на меня, широко раскрыв глаза и с дрожью в губах.

— Ты собираешься убить меня и бросить в ту

дыру!

— Я бы не дал золото, если бы собирался тебя убить, — сказал я.

— Ты заберёшь его обратно! — Он снова начал реветь. — Ты заберёшь его и бросишь меня в *д-д-дыру*!

Я помотал головой.

— Там забор, а у тебя сломано запястье. Ты не перелезешь без помощи.

— Я смогу! Мне не нужна твоя помощь!

— Шагай, — сказал я.

Полли пошёл, рыдая, уверенный, что сейчас ему выстрелят в голову. Повторюсь: потому что *он* бы поступил именно так. Он перестал рыдать только тогда, когда мы прошли мимо открытой двери сарая, и он понял, что всё ещё жив. Мы подошли к штакетнику, около пяти футов в высоту — достаточно высоко, чтобы удержать Радар, когда она была моложе.

— Я больше не хочу тебя видеть.

— Не увидишь.

— Никогда.

— Не увидишь, я обещаю.

— Тогда пожми руку. — Я протянул ему ладонь.

Полли пожал её. Хитрый, но не шибко умный.

Как я и сказал. Я вывернул его запястье и услышал хруст кости. Он вскрикнул и упал на колени, прижимая обе руки к груди. Я сунул пистолет сзади за пояс, как злодей в кино, нагнулся, схватил его и поставил на ноги. Это было легко. Он весил не больше ста сорока фунтов, и в тот момент я был накачен адреналином, который чуть ли не бил из ушей. Я перекинул его через штакетник. Он приземлился спиной на кучу сухих листьев и сломанных веток, издавая негромкие крики боли. Его руки бесполезно болтались. Я перегнулся через забор, как прачка в сказке, желающая услышать последние сплетни в деревне.

— Вперёд, Полли. Беги и никогда не возвращайся.

— Ты сломал мне руки! *Ты, сука, сломал мои …*

— Тебе повезло, что не убил! — крикнул я на него. — Я хотел, и почти сделал это, и если когда-нибудь увижу тебя, завершу дело! Теперь вали! Пока у тебя есть шанс!

Он бросил на меня ещё один взгляд: широко открытые голубые глаза, опухшее лицо, измазанное соплями и слезами. Затем он повернулся и наткнулся на чахлое деревце — всё, что осталось от Сентрис-Вудс — прижимая сломанные руки к груди. Я смотрел как он уходит без малейшего

сожаления о содеянном.

Не очень хорошо.

Вернётся ли он? Нет, не с двумя сломанными запястьями. Расскажет ли он кому-нибудь ещё, другу или сообщнику? Я не думал, что у Полли были друзья или сообщники. Пойдёт ли он к копам? Учитывая, что я знал о Хайнрихе, эта мысль была абсурдной. Даже если не думать обо всём этом, я просто не мог заставить себя совершить хладнокровное убийство.

Я вернулся внутрь и собрал золотые гранулы. Они раскатились повсюду, и на это у меня ушло больше времени, чем на всё противостояние с Полли. Я положил их в сейф вместе с ремнём и пустой кобурой, затем ушёл. Чтобы скрыть пистолет, я выпустил рубашку наружу, но всё равно был рад, что миссис Ричлэнд не стояла в конце своей подъездной дорожки, прикрывая рукой глаза.

5

Я медленно спустился с холма, потому что у меня дрожали ноги. Что говорить — мой *разум* дрожал. Я поднимался по ступенькам своего крыльца, когда понял, что проголодался. Был голоден, как волк.

Радар встретила меня, но не так бодро, как я ожидал; просто радостно повиляла хвостом, пару раз подпрыгнула, и потёрлась головой о моё бедро, прежде чем отправиться обратно на свой коврик. Я ожидал бурного приветствия, потому что казалось, будто я долго отсутствовал. На самом деле прошло меньше трёх часов. Многое произошло за эти три часа — события, меняющие жизнь. Я вспомнил Скруджа из «Рождественской песни», произносящего: *«Духи сделали всё это за одну ночь».*

В холодильнике остался мясной рулет, и я сделал пару толстых сэндвичей, обильно полив их кетчупом. Мне нужно было подзаправиться, потому что день только начинался. Нужно было много всего сделать, чтобы подготовиться к завтрашнему дню. Я не собирался идти в школу, и отец мог вернуться в пустой дом. Я хотел найти солнечные часы, о которых говорил мистер Боудич. У меня не оставалось сомнений, что они существуют, и что они могут повернуть время вспять для престарелой немецкой овчарки, которая сейчас дремала на своём коврике в гостиной. Но я был не до конца уверен, что смогу спустить её вниз по винтовой лестнице, и не представлял, как она преодолеет сорок (или пятьдесят, или

шестьдесят) миль до города. Единственное, в чём я *был* уверен: я не мог позволить себе ждать.

6

Я ел и думал. Если я собирался отправиться в путь вместе с Радар, нужно было оставить ложные следы, ведущие не к дому мистера Боудича. Решение пришло, когда я шёл в гараж, и я подумал, что это может сработать. Должно сработать.

Я взял тачку, и кое-что увидел. На одной из полок лежал мешок с гидроксидом кальция, более известном, как негашёная известь. Зачем она могла понадобиться папе? Вы уже догадались: тараканы. Немного в подвале и немного в гараже. Я положил мешок в тачку, затем вернулся в дом и показал Радар её поводок.

— Если я возьму тебя на холм, ты будешь умницей?

Она уверила меня своим взглядом, что будет, так что я прицепил поводок, и мы прогулялись до дома № 1 по Сикамор; я толкал тачку, а она шла рядом. Миссис Ричлэнд находилась на своём посту, и я почти ожидал от неё вопроса, что за шумиха была в доме этим утром. Она не спросила, но поинтересовалась не собираюсь ли я проводить ещё какие-нибудь работы на участке.

Я ответил «да».

— Ты очень хорошо справляешься. Я полагаю, его имение будет выставлено на продажу, не так ли? Может быть, тебе даже заплатят, но я бы на это не рассчитывала. Адвокаты скупы. Надеюсь новые владельцы не снесут дом — теперь он выглядит гораздо приятнее. Ты знаешь, кто его унаследовал?

Я ответил «нет».

— Что ж, если ты случайно узнаешь запрашиваемую цену, дай мне знать. Мы тоже подумываем продать наш дом.

«Мы» означало, что существовал мистер Ричлэнд? Кто знает?

Я пообещал так и сделать (на голубом глазу), и покатил тачку за дом, с поводком Радар, намотанном на моём запястье. Старушка хорошо справлялась с подъёмом, правда он был не очень долгим. Но как на счёт многих миль до заброшенного города? Она ни за что не сможет.

В этот раз Радар была спокойнее, но как только я отстегнул поводок, она направилась прямо к раскладному дивану в гостиной, обнюхала его от края до края и улеглась рядом. Я принёс ей миску воды, затем пошёл в сарай с мешком извести. Посыпал ею останки таракана и с удивлением

смотрел, как разложение резко ускорилось. Послышалось шипение и бурление. От останков поднимался пар, и вскоре от них не осталось ничего, кроме лужи зелёной слизи.

Я подобрал револьвер, отнёс его в дом и положил в сейф. Я заметил пару гранул, которые закатились в угол, и бросил их в ведро к остальному золоту. Когда спустился, Радар уже спала.

«Хорошо, — подумал я. — *Спи, сколько сможешь, потому что завтра будет занятой день, девочка».*

А для меня уже настал занятой день, и это хорошо. Хлопоты не помешали мне думать о другом мире — о красных маках по обе стороны тропинки, об обувщице без лица, о стеклянных башнях города, — но занятость, вероятно, удержала меня от запоздалой реакции на плотный контакт с Кристофером Полли. А он был плотным. Очень.

В своих поисках золота мелкий ублюдок не пожалел стопки старого чтива в коридоре между кухней и задней дверью. Я не стал возиться с книгами, но потратил час, чтобы перевезти на тачке журналы — удобно перевязанные бечёвкой — в сарай. Я положил несколько поверх останков таракана. Но большую часть сосредоточил вокруг колодца миров. Когда буду спускаться в

следующий раз — когда *мы* будем спускаться, — я попытаюсь закрыть вход изнутри, разложив журналы на досках.

Когда я закончил, то вернулся в дом и разбудил Радар. Угостил её лакомством из кладовой и отвёл обратно домой. Я напомнил себе взять завтра её обезьянку. Она могла ей понадобиться, когда мы окажемся там, куда собирались. Если, конечно, Радар не упадёт с лестницы и не утащит меня за собой.

Если она вообще пойдёт вниз.

Вернувшись, я положил в рюкзак пистолет Полли 22-го калибра, его бумажник, и кое-какие другие вещи — не много; остальное я собирался взять из кладовой мистера Боудича, — и затем сел за стол писать записку отцу. Я хотел отложить это занятие, но знал, что не могу себе этого позволить. Мне было тяжело писать это послание.

«Дорогой папа, ты вернёшься в пустой дом, потому что я уехал в Чикаго с Радар. Я нашёл кое-кого в интернете, этот человек достиг невероятных успехов в лечении старых собак. Я узнал о нём не вчера, но не хотел тебе говорить, потому что знаю, как ты относишься к „шарлатанам“. Может быть, он им и окажется, но благодаря моему наследству, я легко могу позволить себе

потратить 750 долларов. Не буду просить тебя не волноваться, знаю, что без толку, хотя тут не о чем волноваться. А попрошу я тебя вот о чём: пожалуйста не пытайся унять своё волнение выпивкой. Если я вернусь и узнаю, что ты снова употребляешь, это разорвёт моё сердце. Не пробуй дозвониться до меня, потому что я выключу телефон. (Включен или выключен — совершенно не важно там, куда я отправляюсь.) Я вернусь, и если это сработает, вернусь с абсолютно новой собакой!

Доверься мне, пап. Я знаю, что делаю.

Люблю тебя. Чарли»

Надеялся, что знаю.

Я положил записку в конверт, подписал *«ПАПЕ»*, и оставил на кухонном столе. Затем я открыл мой ноутбук и отправил емейл на dsilvius@hillviewhigh.edu. Я написал ей примерно то же самое. Думаю, если бы миссис С. была со мной в комнате, она почувствовала бы запах прогула, окружающий меня. Я настроил емейл так, чтобы сообщение пришло на её компьютер в четверг после полудня. Два дня необъяснимого отсутствия могли сойти мне с рук, но три — вряд ли. Моей целью было как можно дольше отсрочить приезд отца. Я мог только надеяться,

что миссис С. не позвонит ему, когда получит письмо. Хотя подозревал, что она не удержится, и тогда он тут же приедет. Настоящей целью было сообщить как можно большему числу людей, что я уехал в Чикаго.

Для этого я позвонил в полицейское управление и спросил детектива Глисона. Он был на месте, и я спросил есть ли какие-нибудь зацепки по делу о проникновении в дом № 1 по Сикамор-Стрит. «Я позвонил сегодня, потому что завтра повезу собаку мистера Боудича в Чикаго. Я нашёл того, кто творит чудеса с пожилыми собаками».

Глисон ответил, что нет ничего нового, как я и ожидал. Я сам позаботился о взломщике … надеялся на это. Глисон пожелал мне удачи со старой дворнягой. Это пожелание я принял близко к сердцу.

7

В тот вечер я положил три лишних таблетки в еду Радар, и собирался дать ещё три завтра. В баночке оставалось не так уж много, но, может быть, ничего страшного. Я не знал, что это за таблетки, но предположил, что какой-то собачий допинг. Они сокращали её жизнь и одновременно давали ей энергию. Я сказал себе, что просто

обязан спустить её вниз, а после этого… что ж, я не знал, что после этого.

Мой телефон снова заработал (хотя пришлось сделать перезагрузку, чтобы он показывал правильное время), и около семи вечера он зазвонил. На экране появилась надпись «ПАПА». Прежде чем ответить, я включил телевизор и немного прибавил громкость.

— Привет, Чарли, всё в порядке?

— Всё отлично. Ползаешь по деревьям?

Он засмеялся.

— Никаких деревьев, тут идёт дождь. Но царит бурный командный дух. Страховщики оттягиваются по полной. Что смотришь?

— «Спортивный центр»

— Собака в порядке?

— Радс? — Она подняла голову. — В порядке.

— Продолжает есть?

— Весь ужин до последнего кусочка, даже облизала миску.

— Рад слышать.

Мы поговорили ещё немного. Казалось, он не волновался, так что, пожалуй, я хорошо притворялся. Это меня обрадовало и одновременно устыдило.

— Я позвоню тебе завтра вечером, если хо-

чешь.

— Не, я пойду поесть бургеров и поиграть в минигольф с парнями.

— А с девушками?

— Ну… там могут быть девушки. Я позвоню, если что-то случится. Например, если загорится дом.

— Звучит отлично. Приятных снов, Чип.

— И тебе. — С моего места мне была видна записка на кухонном столе. Мне не нравилось лгать отцу, но не было другого выбора. Это была экстраординарная ситуация.

Я выключил телевизор и впервые за целую вечность приготовился лечь спать в восемь. Но я собирался рано встать. *«Раньше встанешь — больше успеешь»*, — как говорила мама. Иногда без фотографии я с трудом вспоминал, как она выглядела, но я помнил все её присказки. Память — странная штука.

Я заперся, но не потому, что боялся Полли. Он, скорее всего, знал, где я живу, но обе его руки были сломаны, а у меня был его пистолет. И он остался без денег и документов. Я полагал, что он уже добирался на попутках до места под названием Чи, где хотел обменять те четыре золотых гранулы на деньги. Если бы он вообще смог их

продать, думаю, он получил бы не больше двадцати центов с доллара, чему я был рад. Опупенно. Каждый раз, когда я начинал испытывать жалость к нему или вину за то, что с ним сделал, я представлял, как он прижимает дуло пистолета к моему затылку и велит не оборачиваться, потому что это неразумно. Хотя я всё равно был рад, что не убил его. Вот так.

Я внимательно осмотрел себя в зеркале, пока чистил зубы. Подумал, что выгляжу так же, как обычно, что было удивительно, несмотря на всё, что случилось. Я прополоскал рот, повернулся и увидел Радар, сидящую в проходе. Я наклонился и потрепал её за щёки. «Хочешь завтра отправиться в приключение, девочка?»

Она похлопала хвостом, затем пошла в комнату для гостей и легла у изножья моей кровати. Я дважды проверил свой будильник, убедился, что он стоит на пять утра, затем погасил свет. Я думал, что долго не смогу заснуть после дневной встряски, но почти сразу начал проваливаться в сон.

Я спросил себя, действительно ли собираюсь рискнуть жизнью и втянуть себя в кучу неприятностей, связанных с отцом и школой, ради старой собаки, которая уже — по собачьим меркам — прожила достаточно долгую жизнь? В

ответ напрашивалось «да», но это было не всё. Меня манило чудо происходящего, тайна загадки. Я, чёрт возьми, обнаружил другой мир. Хотел увидеть город с зелёными башнями и узнать, действительно ли это страна Оз, только с ужасным монстром Гогмагогом в её сердце, а не с обманщиком, транслирующим свой голос из-за занавеса. Я хотел отыскать солнечные часы и узнать, правда ли они делали то, о чём говорил мистер Боудич. И вам не стоит забывать, что мне было семнадцать — самый подходящий возраст для приключений и необдуманных решений.

Но да, в основном ради собаки. Понимаете, я любил её и не хотел её отпускать.

Я повернулся на бок и заснул.

Глава тринадцатая

Звонок Энди. Радар решается. Рагу. Гудев.

1

Радар, казалось, была удивлена, что мы встали до рассвета, но она съела свой завтрак (с ещё тремя таблетками внутри) и готова была подняться на холм к дому № 1. В доме Ричлэндов было темно. Я поднялся наверх к сейфу, нацепил 45-ый, и привязал кобуру к ноге. С 22-ым Полли в рюкзаке я был, как двухорудийный Сэм.[27] В кладовой завалялось несколько пустых банок из-под соуса. Я наполнил две сухим собачьим кормом «Ориджен», плотно закрутил крышки, завернул их в кухонное полотенце и положил в рюкзак под футболку с парой трусов (*«Никогда не отправляйся в поход без чистых трусов»* — ещё одно высказывание моей мамы). К ним я добавил дюжину банок с сардинами «Кинг Оскар» (которые мне пришлись по вкусу), пачку крекеров, несколько печений с орехом пекан (но только несколько, потому что собирался грызть их потихоньку), и горсть вяленых палочек «Перки Джерки». А ещё две оставшиеся бутылки колы из

[27] Примечания: 27

Пароход времён Гражданской войны под названием «Дядя Сэм». В просторечии его называли «двухорудийный Сэм», потому что на нём было установлено по два вида каждого орудия.

холодильника. Я также положил в рюкзак свой бумажник, чтобы заранее освободить задний карман для фонарика.

Вы можете сказать, что это были чрезвычайно скудные запасы для похода туда и обратно протяжённостью в сотню миль, и, разумеется, будете правы, но мой рюкзак не был таким уж большим и, к тому, же обувщица предлагала накормить меня. Возможно, она могла бы пополнить мои запасы. В противном случае мне пришлось бы добывать пищу, что одновременно вызывало у меня тревогу и азарт.

Больше всего меня беспокоил висячий замок на двери сарая. Если сарай будет заперт, никто в него не полезет. Если он останется открытым, кто-нибудь может заглянуть; а куча старых журналов — это хреновая маскировка. Я заснул, размышляя над этой проблемой в стиле Агаты Кристи, но проснулся уже с готовым ответом. Надо было не только запереть сарай снаружи, но и найти того, кто подтвердит, что я повёз Радар в Чикаго в надежде на чудо.

Решением был Энди Чен.

Я ждал до семи часов, прежде чем позвонить ему, предположив, что к этому времени он уже проснётся и будет собираться в школу, но после

четвёртого гудка был уверен, что мой звонок переадресуется на голосовую почту. Я обдумывал, какое оставить сообщение, когда Энди ответил с раздражением и слегка запыхавшись.

— Что тебе надо Рид? Я только что выскочил из душа и закапал весь пол.

— Ооо, — протянул я фальцетом, — жёлтая угроза голышом?

— Очень смешно, расистский ты ублюдок. Чего тебе нужно?

— Кое-что важное.

— В чём дело? — Теперь он стал серьёзным.

— Слушай, я в «Хайболл» за городом. Ты ведь знаешь «Хайболл»?

Конечно, он знал. Это была стоянка грузовиков с лучшим ассортиментом видеоигр в Сентри. Мы запрыгивали в машину кого-нибудь с правами или садились на автобус, если с правами не подворачивалось, и играли, пока не кончатся деньги. Или пока нас не выставят за дверь.

— Что ты там делаешь? Сегодня учебный день.

— У меня тут собака. Та, что напугала тебя, когда мы были детьми. Она не очень хорошо себя чувствует, и в Чикаго есть человек, который помогает старым собакам. Как бы омолаживает их.

— Это мошенник, — уверенно сказал Энди. —

Скорее всего. Не будь дураком, Чарльз. Когда собаки стареют, они стареют, конец истор…

— Может, ты заткнёшься и послушаешь? Один человек подвезёт меня с Радс на своём фургоне за тридцать баксов…

— *Тридцать*…

— Мне пора идти, а то он уедет без нас. Мне нужно, чтобы ты запер дом.

— Ты забыл запереть свой…

— Нет, нет, это дом мистера Боудича!

— Как ты оказался в «Хайбо»…

— Я никуда не уеду, если ты не заткнёшься! Запри дом, ладно? Я оставил ключи на кухонном столе. — Затем, как будто это была запоздалая мысль, добавил: — И сарай за домом — тоже. Замок висит на двери.

— Придётся вместо автобуса ехать в школу на велике. Сколько ты мне заплатишь?

— Энди, хватит!

— Шучу, Рид, я даже не попрошу мне отсосать. Но, если кто-нибудь спросит…

— Нет. Если спросят, скажи правду: я уехал в Чикаго. Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы; просто запри дом. И сарай. Заберу ключи, когда мы вернёмся.

— Ага, я с этим справлюсь. Ты останешься на

ночь или…

— Вероятно. Может быть, на пару ночей. Мне пора. Спасибо, Энди. Я твой должник.

Я закончил разговор, закинул рюкзак на плечо и схватил поводок. Бросил связку ключей мистера Боудича на стол, и пристегнул Радар. У подножия заднего крыльца я остановился, глядя через двор на сарай. Неужели я правда собирался спустить её вниз по этим узким ступеням (*разной высоты*) на поводке? Плохая идея. Для нас обоих.

Было ещё не слишком поздно всё отменить. Я мог перезвонить Энди и сказать, что передумал в последнюю минуту, или что выдуманный фургон уехал без меня. Я мог отвести Радар домой, порвать записку на кухонном столе, и удалить емейл, который дожидался отправки миссис Силвиус. Энди был прав: когда собаки стареют, они стареют, конец истории. Но это не значит, что я не мог отправиться на изучение другого мира; мне просто нужно подождать.

Пока она умрёт.

Я отцепил поводок и направился к сараю. На полпути оглянулся. Радар сидела там, где я её оставил. Я хотел позвать её — сильное желание — но не стал. Я продолжал идти. У двери сарая снова оглянулся. Радар по-прежнему сидела у

подножия крыльца. Я ощутил горькое разочарование от того, что вся моя подготовка — особенно идея с висячим замком — пропала даром, но я ни за что не мог оставить её сидеть там.

Я уже хотел вернуться назад, когда Радар поднялась на лапы и нерешительно направилась через задний двор в мою сторону. Она помедлила, принюхиваясь. Я не включал освещение, потому что с её нюхом она могла обойтись без света. Она взглянула на кучу журналов, которой я прикрыл то, что осталось от таракана, и потянула носом воздух. Затем посмотрела на доски, закрывающие колодец, и случилось что-то удивительное. Она подошла к колодцу и начала царапать доски, тихонько поскуливая от волнения.

«Она помнит, — подумал я. — *И это хорошие воспоминания, потому что она снова хочет пойти туда».*

Я повесил замок на засов и приоткрыл дверь, оставив достаточную щель, чтобы осветить спуск в колодец. «Радар, теперь веди себя тихо. *Тсс*».

Она перестала скулить, но не прекратила царапать доски. Её стремление спуститься уняло мои переживания по поводу того, что нас ожидает в конце подземного коридора. В самом деле, с чего бы мне переживать? Маки выглядели прекрасно,

а пахли ещё лучше. Обувщица не представляла опасности, она радушно приняла меня, утешила, когда я ударился в слёзы, и я хотел снова увидеть её.

«Она хочет снова увидеть Радар… и, думаю, Радар тоже хочет увидеть её».

— Лежать.

Радар взглянула на меня, но не двинулась. Она посмотрела между досок на темноту, потом на меня, потом снова на доски. Собаки знают способ донести свою точку зрения, и для меня она казалась очевидна: *«Поспешим, Чарли».*

— Радар, лежать.

Она очень неохотно легла на брюхо, но в тот момент, когда я раздвинул доски, она вскочила и побежала вниз по ступеням, проворная, как щенок. На её загривке и спине, ближе к хвосту, были белые пятна. Едва я заметил их, и она тут же исчезла.

А я беспокоился о том, как бы спустить её по ступеням. Забавно, правда? Как любил говорить мой учитель английского языка мистер Невилл: *«Ирония полезна для здоровья»*.

2

Я чуть было не позвал Радар назад, но понял, что это ужасная идея. Она, скорее всего, не обратила бы внимания. Но, если бы послушалась и развернулась назад на этих маленьких ступенях, она бы несомненно упала и разбилась насмерть. Я мог только надеяться, что она не оступится в темноте и опять же не разобьётся. И не начнёт лаять. Лай, несомненно, заставит разбежаться всех притаившихся гигантских тараканов, но отправит летучих мышей — также гигантских — в полёт.

Как бы то ни было, я ничего не мог с этим поделать. Оставалось только следовать плану. Я спустился по плечи вниз и принялся раскладывать на досках пачки журналов. Всё время, пока я этим занимался, я прислушивался: не раздастся ли глухой удар и последний возглас боли. Или, если падение не убьёт её, ко *множеству* возгласов, пока она будет лежать на утоптанной земле, умирая из-за моей блестящей идеи.

Я вспотел, как скотина, плотно окружая себя досками. Просунув руку сквозь стену журналов, я схватил ещё одну пачку. Удерживая её на голове, как туземка, которая несёт корзину с бельём к

ближайшей реке, я медленно пригнулся. Последняя пачка легла на оставленный мной просвет. Немного криво, но вполне приемлемо. Если бы Энди решил бегло осмотреть сарай, прежде чем закрыть его, он бы ничего не заметил. Разумеется, возникал вопрос, как я выберусь обратно, но это уже было дело десятое.

Я начал спускаться по ступеням, снова прижимаясь плечом к изгибу стены и направив луч фонарика под ноги. Рюкзак замедлял спуск. Я снова считал ступени и когда дошёл до ста, посветил вниз. В темноте появились два жутких пятна света, когда луч света отразился в сетчатке собачьих глаз. Радар была внизу, в полном порядке, и ждала меня, вместо того чтобы убежать по коридору. Я ощутил огромное облегчение. Я добрался до дна так быстро, как только мог, но не слишком, потому что не хотел лежать внизу со сломанной ногой. Или с обоими. Опустившись на колени, я обнял Радар. В обычных обстоятельствах она была бы совершенно не против объятий, но в этот раз она почти сразу же отстранилась и повернулась в сторону коридора.

— Хорошо, но не напугай живность. Тсс.

Радар двигалась впереди меня, не бегом, а быстрым шагом, без признаков хромоты. По крайней

мере, пока. Я опять задался вопросом, как работают эти чудодейственные таблетки, и сколько жизни они забирают в обмен на энергию. Одно из высказываний моего отца гласило: *«Бесплатного обеда не бывает»*.

Когда мы приблизились к месту, которое я считал пограничным, я решил потревожить летучих мышей, подняв луч фонаря от пола, чтобы увидеть реакцию Радар. Я ничего не заметил, и мне стало интересно, исчезал ли этот эффект после первоначального воздействия, когда меня охватило знакомое головокружение — ощущение выхода из тела. Оно ушло так же быстро, как появилось, и вскоре я увидел проблеск света там, где коридор выходил на склон холма.

Я догнал Радар. Пробрался сквозь нависающие вьюны и посмотрел на маки внизу. *«Красная дорожка,* — подумал я. — *Красная дорожка».*

Мы были в другом мире.

3

Мгновение Радар стояла совершенно неподвижно, вытянув голову, сложа уши и принюхиваясь. Затем она пустилась по тропинке рысью, что теперь было максимальной для неё скоростью. По крайней мере, я так думал. Я был на

полпути вниз, когда Дора вышла из своего маленького коттеджа с парой шлёпанцев в одной руке. Радс опередила меня футов на десять. Дора увидела, что мы приближаемся — точнее ту из нас, что бежала на четырёх ногах, а не на двух — и уронила тапочки. Она упала на колени и вытянула руки. Радар помчалась вперёд, радостно лая. В конце она немного притормозила (или её подвели стареющие лапы), но всё равно врезалась в Дору, которая упала навзничь, а её юбка взлетела вверх, показав ярко-зелёные чулки. Радар оседлала её, лая и облизывая её лицо; хвост собаки яростно вилял.

Я и сам пустился бежать, нагруженный рюкзак подпрыгивал у меня за спиной. Нарнув под ряд свисающей обуви, я схватил Радар за ошейник. «Хватит, девочка! Отпусти её!»

Но Радар прекратила не сразу, потому что Дора обвивала руками шею Радар и прижимала её голову к своей груди… почти, как и мою тогда. Её ноги, обутые в те же красные туфли (с зелёными чулками она выглядела совсем по-рождественски) подпрыгивали вверх и вниз, будто в танце радости. Когда она села, я увидел на её серых щеках слабый оттенок румянца, а из её узких глаз без ресниц текла вязкая жидкость — наверное,

только так она могла плакать.

— *Райшш!* — воскликнула она и снова обняла мою собаку. Радар принялась лизать её шею, виляя хвостом взад и вперёд. — *Райшш, Райшш, РАЙИИИ!*

4

Мне не пришлось расходовать свои припасы — Дора хорошо накормила нас. Рагу было лучшим, что я ел в жизни, с мясом и картофелем, плавающими в пикантной подливке. Мне пришло в голову — возможно, под влиянием какого-то фильма ужасов — что мы едим человеческую плоть, но потом я отбросил эту нелепую мысль. Эта женщина была хорошей. Мне не нужно было видеть радостное выражение её лица или добрых глаз, чтобы это понять. Добро исходило от неё. И если этого недостаточно, вспомните, как она приветствовала Радар. Я тоже получил свою порцию объятий, когда помог ей подняться на ноги, но не таких, какими она одарила Радар.

Я поцеловал Дору в щёку, что казалось совершенно естественным. Она похлопала меня по спине и пригласила внутрь. Коттедж представлял собой одну большую комнату, очень тёплую. Огонь в очаге не горел, но плита работала на

полную мощь, а котелок с рагу кипел на плоской металлической поверхности — которая, по-моему, называется варочной панелью (но я могу и ошибаться). В центре стоял деревянный стол, на нём ваза с маками. Дора поставила две белые миски, похоже, ручной работы и две деревянные ложки. Она жестом пригласила меня сесть.

Радар свернулась калачиком так близко у плиты, как могла, чтобы не опалить шёрстку. Из одного шкафа Дора достала ещё одну миску и с помощью насоса над кухонной раковиной наполнила её водой. Она поставила миску перед Радар, которая принялась жадно лакать. Но, как я заметил, не поднимаясь на задние лапы. Что не очень хороший знак. Я ограничивал её физические нагрузки, но когда она увидела дом своей старой подруги, ничто не могло её удержать. Будь она на поводке (который лежал в моём рюкзаке), она бы выдернула мне руку.

Дора поставила чайник, подала рагу, затем снова поспешила к плите. Она достала из шкафа кружки — как и миски, они были довольно грубыми — и банку, в которой хранила чай. Я надеялся, *обычный* чай, а не что-нибудь, от чего я бы прибалдел. Я продолжал думать, что этот мир находится ниже *моего* мира. Было трудно

избавиться от этой мысли, потому что я спустился сюда. И всё же над головой было небо. Я чувствовал себя Чарли в Стране чудес, и если бы выглянул из круглого окна коттеджа и увидел Безумного Шляпника, прыгающего по дороге (возможно, с ухмыляющимся чеширским котом на плече), я бы не удивился. Точнее, не удивился бы ещё *больше*.

Необычность ситуации не повлияла на мой аппетит; на завтрак я съел не очень-то много. Тем не менее, я подождал, пока Дора принесёт кружки и сядет. Конечно, это была обычная вежливость, но я также думал, что она, возможно, захочет произнести что-то вроде молитвы, местную версию *«Боже, благослови пищу нашу».* Она этого не сделала, просто взяла ложку и жестом велела накидываться на еду. Как я и сказал, рагу было отменным. Я выудил кусок мяса и показал его ей, приподняв брови.

Полумесяц её рта приподнялся в улыбке. Она подняла два пальца над головой слегка подскочила на месте.

— Кролик?

Она кивнула и издала скрежещущий и булькающий звук. Я понял, что так она пыталась смеяться, и мне стало грустно как всегда при виде

незрячего или человека в инвалидном кресле, которому больше не суждено ходить. Большинству таких людей жалость не нужна. Они справляются со своими ограничениями, помогают другим, живут достойной жизнью. Они храбрые. Я всё это понимаю. И всё же мне казалось — может быть, потому, что у меня всё работало, как часы, — в таких недостатках есть что-то подлое, неладное и несправедливое. Я вспомнил девочку, с которой ходил в начальные классы: Джорджина Вумак. У неё на щеке было большое фиолетовое родимое пятно. Джорджина была жизнерадостной, смышлёной и большинство детей относились к ней порядочно. Берти Бёрд менялся с ней завтраком из ланчбокса. Думаю, она добилась всего в жизни, но мне было жаль, что ей каждый день приходилось смотреть в зеркало на эту отметину на её лице. В этом не было её вины, и не было вины Доры в том, что её смех, который должен быть красивым и свободным, звучал как брюзжание.

Она подскочила ещё раз, как бы для пущей убедительности, затем покрутила пальцем в мою сторону: *ешь, ешь*.

Радар с трудом поднималась, и когда, наконец, подобрала под себя задние лапы, подошла к Доре. Женщина хлопнула себя тыльной стороной серой

ладони по лбу, мол, *«о чём я только думала»*. Она достала ещё одну миску и положила в неё немного мяса с подливкой. Затем посмотрела на меня, приподняв редкие брови.

Я кивнул и улыбнулся. «Все едят в Доме Обуви». Дора одарила меня своей изогнутой полумесяцем улыбкой и поставила миску на пол. Радар засуетилась, виляя хвостом.

Во время еды я осмотрел другую половину комнаты. Там стояла аккуратно застеленная кровать, как раз подходящая по размеру маленькой обувщице, но большую часть пространства занимала мастерская. Или, так сказать, реабилитационное отделение для раненых ботинок. У многих из них были разбиты задники или подошвы, которые выглядели, как сломанные челюсти, другие были с дырками в подошвах и передках. Была пара кожаных рабочих ботинок с разрезанными задниками, будто они достались кому-то с большим размером ноги, чем у предыдущего владельца. Кривой шрам на шёлковом сапожке тёмно-фиолетового цвета был зашит тёмно-синей ниткой, вероятно, наиболее подходящей, что нашлась у Доры. Некоторая обувь была грязной, а какая-то — на верстаке — находилась в процессе чистки и полировки чем-то в маленьких горшочках.

Интересно, откуда взялась вся эта обувь, но ещё больше меня интересовал предмет, занимавший почётное место в мастерской размером с половину комнаты.

Тем временем я опустошил свою миску, а Радар — свою. Дора взяла их и вопросительно подняла брови.

— Да, пожалуйста, — сказал я. — Но Радар немного, иначе она проспит весь день.

Дора положила сложенные руки на затылок и закрыла глаза. Она указала на Радар. «Сосноу»

— Суставы?

Дора помотала головой и повторила пантомиму. *«Сосноу!»*

— Ей надо соснуть?

Обувщица кивнула и показала на Радар у плиты.

— Она спала там раньше? Когда её приводил мистер Боудич?

Дора снова кивнула и опустилась на одно колено, чтобы погладить Радар. Радс посмотрела на неё снизу вверх — я могу ошибаться, но вряд ли — с обожанием.

Мы съели добавку. Я сказал «спасибо». Радар сказала то же самое взглядом. Пока Дора убирала миски, я встал взглянуть на предмет в обувной

больнице, который привлёк моё внимание. Это была старомодная швейная машина, из тех, что работают от движения педали. На её чёрном корпусе выцветшими золотыми буквами было написано «ЗИНГЕР».

— Это мистер Боудич принёс вам?

Она кивнула, похлопала себя по груди, опустила голову. Когда она подняла глаза, в них стояли слёзы.

— Он был добр к вам.

Она кивнула.

— А вы были добры к нему. Как и к Радар.

Она сделала усилие и произнесла единственное понятное слово: *«Да»*.

— У вас тут много обуви. Где вы её берёте? И что с ней делаете?

Дора, казалось, не знала, что ответить на это, и её жесты не помогали. Потом она сообразила и пошла в мастерскую. Там стоял платяной шкаф, в котором, должно быть, хранилась её одежда и было ещё больше ящиков, чем в кухонной половине коттеджа. Я предположил, что в них она хранила инструменты для ремонта обуви. Дора наклонилась к одному из нижних ящиков и достала маленькую меловую доску, которой мог пользоваться ребёнок в старые времена, когда в

школах был только один общий кабинет и столы с чернильницами. Дора порылась ещё и достала огрызок мела. Отодвинув на верстаке в сторону несколько своих незавершённых проектов, она медленно что-то написала, затем протянула доску мне: *ты видеть гудев.*

— Я не понимаю.

Она вздохнула, всё стёрла и поманила меня к скамейке. Я смотрел ей через плечо, пока она рисовала маленькую коробку и две параллельные линии перед ней. Она постучала по коробке, обвела рукой коттедж и снова постучала по коробке.

— Этот дом?

Она кивнула, указав на параллельные линии, затем на единственное круглое окно слева от входной двери.

— Дорога.

— Да. — Она подняла вверх палец — *внимание, молодой человек* — и слегка удлинила параллельные линии. Затем нарисовала ещё одну коробку. Над ней она снова написала *«ты видеть гудев»*.

— Гудев.

— *Да.* — Она похлопала себя по губам, затем быстро свела пальцы вместе в жесте клацающего зубами крокодила, который я хорошо знал.

— Говорить!

— *Да.*

Дора постучала по не-слову *«гудев»*. Затем взяла меня за плечи. Благодаря работе с обувью у неё были крепкие руки, серые кончики пальцев жёсткими от мозолей. Она повернула меня и повела к двери. Когда я был на месте, она показала на меня, изобразив двумя пальцами походку, и указала направо.

— Хотите, чтобы я пошёл и увидел гудев?

Она кивнула.

— Моей собаке нужен отдых. Она не в очень хорошей форме.

Дора указала на Радар, изобразив сон.

Я хотел спросить, как далеко придётся идти, но сомневался, что она сможет ответить на подобный вопрос. Всё должно было сводиться к простым «да» и «нет».

— Это далеко?

Мотание головой.

— Гудев умеет говорить?

Это, казалось, смутило её, но она кивнула.

— Гудев? Значит ли это — некая дева?

Улыбка полумесяца. Пожатие плечами. Кивок, за которым последовало мотание головой.

— Я запутался. Успею ли я вернуться до темноты?

Уверенный кивок.

— И вы подержите у себя Радар?

— *Да.*

Я всё обдумал и решил попробовать. Если гудев могла разговаривать, я получу от неё некоторые ответы. О Доре, и о городе. Гудев могла даже знать о солнечных часах, способных снова сделать Радар молодой. Я решил пройтись часок, и если не найду дом гудев, вернусь обратно.

Я начал открывать дверь (вместо ручки у неё была старомодная железная щеколда). Дора взяла меня за локоть и подняла палец: *подожди-ка.* Она поспешила обратно к Центру по ремонту обуви, выдвинула ящик верстака, что-то достала и поспешили назад ко мне. Она принесла три маленьких куска кожи, размером меньше ладони. Они были похожи на подошвы ботинок, выкрашенные в зелёный цвет. Она жестом велела мне сунуть их в карман.

— Для чего они?

Дора нахмурилась, затем улыбнулась и повернула руки ладонями вверх. Очевидно, объяснение было слишком сложно. Она коснулась лямок моего рюкзака и вопросительно посмотрела на меня. Я решил, какого чёрта, и снял его. Поставив его возле двери, присел, достал бумажник и сунул

в задний карман — будто кто-то собирался спросить у меня документы, вот бред-то. Занимаясь этим, я глядел на Радар, гадая, как она отнесётся к тому, что я оставлю её с Дорой. Она подняла голову, когда я встал и открыл дверь, затем снова опустила, совершенно довольная своим местом и возможностью вздремнуть. Почему бы нет? Её желудок был полон горячей пищи, и она оставалась с другом.

К широкой грунтовой дороге — магистрали — вела тропинка, опоясанной маками. Встречались и другие цветы, но они либо увядали, либо были увядшими. Я обернулся. Над дверью дома висел большой деревянный башмак, ярко-красный, как туфли Доры. Что-то вроде вывески, подумал я. Она стояла под ним, улыбаясь и указывая направо — вдруг я забыл, в какую сторону идти. Это было так по-матерински, что я невольно ухмыльнулся.

— Меня зовут Чарли Рид, мэм. И если я ещё не сказал этого, то спасибо за то, что накормили нас. Приятно с вами познакомиться.

Она кивнула, указала на меня, затем похлопала себя по груди над сердцем. Всё было понятно и без перевода.

— Могу я спросить ещё кое-что?

Она кивнула.

— Я говорю на вашем языке? Это так?

Она рассмеялась и пожала плечами — либо она не поняла, либо не знала, либо считала, что это не важно.

— Хорошо. Вроде как.

— *Ошо.* — Она вошла в дом и закрыла дверь.

В начале тропинки стоял раскладной щит, что-то наподобие меню, какие встречаются на тротуарах у ресторанов. Правая сторона, куда я должен был идти, была пуста. На левой стороне было написано четверостишие на совершенно понятном английском языке:

Башмаки разбитые мне вручи
И вскоре новые получи.
Если положишься ты на меня,
Будет удачной дорога твоя.

Я стоял, глядя на него дольше, чем требовалось, чтобы прочитать. Я понял, откуда бралась обувь, но не почему. Я *узнал* этот почерк. Видел его в списках покупок и на многих конвертах, которые положил в почтовый ящик у дома № 1 по Сикамор-Стрит. Этот щит сделал мистер Боудич — Бог знает сколько лет назад.

5

Без рюкзака идти было легко, это хорошо. Оглядываться по сторонам и не видеть Радар — не очень хорошо, но я был уверен, что она в безопасности с Дорой. Я не мог следить за временем, так как мой телефон не работал, а из-за постоянной пасмурности не мог даже приблизительно определить время по солнцу. Оно скрывалось наверху в виде тусклого пятна за облаками. Я решил воспользоваться старым способом первопроходцев для определения времени и расстояния: пройду три-четыре «горизонта», и если не увижу гудев, вернусь назад.

Пока я шёл, думал о стихе. На ресторанном щите информацию пишут на обоих сторонах, чтобы видели люди, идущие в обоих направлениях. На этом щите стих был только на одной стороне, и я предположил, что движение по магистрали шло только в одну сторону: к дому, который я должен был найти. Я пока не знал причину, но, может быть, гудев разъяснит мне. Если это создание действительно существовало.

Я дошёл до конца третьего «горизонта», где дорога поднималась и проходила через горбатый деревянный мост (русло под ним было

высохшим), когда послышались гудки. Не автомобильные,[28] а птичьи. Когда я дошёл до высшей точки моста, то увидел по правую руку дом. С левой стороны больше не было маков — лес подступал к самому краю дороги. Дом был гораздо больше, чем коттедж обувщицы, почти, как ранчо в вестернах «Ти-Си-Эм», и рядом стояли хозяйственные постройки, две больших и одна маленькая. Наибольшая из них, вероятно, являлась амбаром. Всё это было похоже на ферму, позади которой располагался большой сад с ровными рядами растений. Не знаю, что это были за растения — я не садовод, — но везде могу узнать кукурузу. Все здания были старыми и серыми, как кожа обувщицы, но выглядели достаточно прочными.

«Гудки» исходили по меньшей мере от дюжины гусей. Они окружали женщину в синем платье и белом фартуке. Одно рукой она придерживала фартук, другой разбрасывала корм. Гуси жадно набрасывались на него, хлопая крыльями. Неподалёку, что-то поедая из жестяного корыта, стояла белая лошадь, выглядевшая старой и тощей. Мне на ум пришло слово *«кляча»*, но поскольку

[28] Примечания: 28

Имеются в виду гудки клаксона старых автомобилей, похожие на кряканье гусей или уток.

я не знал, что означает *«кляча»*, то понятия не имел подходящее ли оно. У неё на голове сидела бабочка — обычного размера, что уже было облегчением. Когда я приблизился, она улетела.

Должно быть, женщина заметила меня краем глаза, потому что подняла голову и замерла, засунув одну руку глубоко в карман фартука, пока гуси толкались и хлопали крыльями у её ног, требуя добавки.

Я тоже замер, внезапно осознав, что Дора пыталась донести до меня: гусиная дева. Но замер я не только поэтому. Её волосы были насыщенного тёмно-русого цвета с пробивающимися светлыми прядями. Они обрамляли её плечи. У девушки были большие голубые глаза, совсем не похожие на полустёртые щёлки Доры. На щеках румянец. Она была молода и не просто красива; она была прекрасна. Только одна вещь омрачала её сказочную прелесть. Между её носом и подбородком не было ничего, кроме узловатой белой линии, похожей на давно затянувшийся шрам от серьёзной раны. На правом краю шрама алело пятно размером с десятицентовик, похожее на крошечную нераспустившуюся розу.

У гусиной девушки не было рта.

6

Когда я приблизился к ней, она сделала шаг в сторону одной из хозяйственных построек. Возможно, это был жилой дом. Вышли двое серокожих мужчин, один из них держал вилы. Я остановился, вспомнил, что был не только незнакомцем для них, но и вооружён. Я поднял пустые руки.

— Всё в порядке. Я мирный. Меня прислала Дора.

Гусиная девушка ещё какое-то время стояла неподвижно, решаясь. Затем достала руку из фартука и рассыпала ещё кукурузы и зерна. Другой рукой она велела своим работникам вернуться внутрь, затем поманила меня ближе. Что я и сделал, но неторопливо, всё ещё держа руки поднятыми. Три гуся, хлопая крыльями и крякая, направились ко мне, увидели мои пустые руки, и заспешили обратно к девушке. Лошадь оглянулась по сторонам и вернулась к своему обеду. Или это был ужин, потому что солнечный диск теперь опускался к верхушкам деревьев на другой стороне дороги.

Гусиная девушка продолжила кормить свою стаю, казалось, забыв про свой минутный испуг. Я

стоял на краю её двора, не зная, что сказать. Мне пришло в голову, что новая подруга Радар, должно быть, разыграла меня. Я спросил, может ли гудев говорить, и Дора кивнула, но в то же время улыбнулась. Отличная шутка — послать человека за ответами к молодой женщине без рта.

— Я здесь чужестранец, — сказал я, что было глупо; уверен, она и сама это видела. Просто она была такой красивой. В каком-то смысле шрам на месте рта и красное пятно делали её ещё красивей. Уверен, это прозвучит странно, может быть, извращённо, но я так считал. — Я — *ай.* — Один из гусей клюнул меня в лодыжку.

Это, казалось, позабавило её. Она сунула руку в фартук, вынула последнюю порцию корма, сжала маленький кулачок и протянула мне. Я подставил ладонь, и она высыпала пригоршню чего-то похожего на смесь пшеницы и дроблёной кукурузы. Другой рукой она взялась за мою, и прикосновение её пальцев было похоже на слабый электрический разряд. Я был сражён. Думаю, так случилось бы с любым юношей.

— Я пришел, потому что моя собака стара, а моя знакомая сказала, что в городе… — Я указал пальцем. — … есть способ сделать её снова молодой. Я хочу попробовать. У меня миллион

вопросов, но вижу, что вы… в общем, не… не совсем *можете*…

Тут я умолк, не желая копать себе яму ещё глубже, и рассыпал свою пригоршню гусиного корма. Я чувствовал, как у меня краснеют щёки.

Её это, похоже, позабавило. Она опустила фартук и отряхнула его. Гуси собрались вокруг, чтобы подобрать последние крохи, затем направились в сторону амбара, кудахча и судача. Гусиная девушка подняла руки над головой, туго натянув платье на восхитительных грудях. (Да, я обратил внимание — подайте на меня в суд). Она дважды хлопнула в ладоши.

Старая белая лошадь подняла голову и неторопливо направилась к нам. Я увидел, что в её гриву вплетены кусочки цветного стекла и ленточки. Такое украшение подсказало мне, что это *она*. Я убедился в этом в следующий момент, когда лошадь заговорила женским голосом.

— Я отвечу на твои вопросы, потому что тебя послала Дора и моя хозяйка узнала твой ремень с красивыми голубыми камешками.

Лошади, казалось, не был интересен мой ремень или кобура с оружием; она смотрела на дорогу и на деревья на дальней стороне. На ремень с кончо смотрела гусиная девушка. Затем

она перевела на меня взгляд своих блестящих голубых глаз.

— Ты пришёл от Адриана?

Голос исходил от белой лошади — по крайней мере, откуда-то с её стороны — но я видел, как двигаются мышцы на шее девушки и вокруг того, что когда-то было её ртом.

— Ты — чревовещатель! — выпалил я.

Она улыбнулась глазами и взяла меня за руку. Я снова почувствовал электрические разряды.

— Пойдём.

Гусиная девушка повела меня за дом.

Глава четырнадцатая

Лия и Фалада. Помоги ей. Встреча на дороге. Волчары. Две луны.

1

ы проговорили всего час, большую часть диалога провёл я, но этого хватило понять, что она не обычная фермерша. Возможно, это звучит по-снобски, будто я не верю, что девушки с фермы не бывают умными или хорошенькими, или даже красивыми. Я не имею в виду ничего такого. Уверен, что даже в нашем огромном круглом мире есть фермерши, которые умеют заниматься чревовещанием. Тут было что-то ещё, нечто большее. Она обладала определённой уверенностью, *аурой*, будто она привыкла, что люди — не только работники — выполняли её приказы. И после первой нерешительности, вероятно вызванной моим внезапным появлением, она не выказывала абсолютно никакого страха.

Мне, наверное, не стоит вам говорить, что всего за час я влюбился в нее по уши, потому что вы и так уже это поняли. Так и бывает в сказках, не правда ли? Только для меня это была не сказка, это была моя жизнь. И на свою удачу Чарли Рид влюбился в девушку не только старше себя, но и чьи губы я никогда не смог бы поцеловать. Хотя был бы рад поцеловать даже её шрам — настолько сильно мне вскружило голову. И ещё я знал,

что со ртом или без рта, она не предназначена для таких, как я. Она была больше, чем просто девушка, кормящая гусей. Гораздо больше.

Кроме того, много ли романтики в том, что красивой девушке приходится обращаться к любвеобильному Ромео посредством лошади?

Но именно так мы и общались.

2

Рядом с садом располагалась беседка. Мы сидели внутри за маленьким круглым столиком. Пара работников вышла из кукурузы с полными корзинами, направившись в сторону амбара, из чего я предположил, что сейчас здесь лето, а не начало октября, как у нас. Лошадь щипала траву неподалёку. Серая девушка с сильно деформированным лицом принесла поднос и поставила на стол. На нём были две матерчатые салфетки, стакан и два кувшина, один большой, а второй размером с те крошечные, что подают в закусочных. В большом плескалось что-то похожее на лимонад. В маленьком — жёлтая субстанция, похожая на кабачковую икру. Гусиная девушка знаком предложила налить из большого кувшина и выпить. Я так и сделал, с некоторым смущением. Потому что у меня-то был рот, чтобы пить.

— Вкусно, — сказал я; так и было — как раз подходящее соотношение сладкого и терпкого.

Серая девушка продолжала стоять за плечом гусиной девушки. Она указала на жёлтую субстанцию.

Гусиная девушка кивнула, но её ноздри расширились во вдохе, а шрам чуть приопустился. Служанка достала стеклянную трубку из кармана своего платья, такого же серого, как её кожа. Она наклонилась, намереваясь сунуть его в субстанцию, но гусиная девушка взяла трубку и положила на стол. Она взглянула на служанку, кивнула, и сложила ладони вместе, будто говоря «намасте». Девушка кивнула в ответ и ушла.

Когда она удалилась, гусиная девушка похлопала в ладоши, призывая лошадь. Та подошла и свесила голову над перилами между нами, дожёвывая траву.

— Я — Фалада, — сказала лошадь, но её рот не открывался, как у куклы, сидящей на коленях чревовещателя; она продолжала жевать. Я понятия не имел, как девушка проворачивает этот фокус с голосом. — Моя хозяйка — Лия.

Позже, благодаря Доре, я узнал правильное произношение, но тогда я услышал *Лея*, как в *«Звёздных войнах»*. Это казалось вполне зако-

номерным после всего, что я пережил. Я уже встретил версию Румпельштильцхена, и женщину, которая жила не в ботинке, но под знаком в виде такового; сам я был версией Джека из сказки про бобовый стебель, и разве «Звёздные войны» не ещё одна сказка, хотя и с отличными спецэффектами?

— Приятно познакомиться с вами обоими, — сказал я. Из всех странных вещей, что произошли со мной в тот день (более странные ждали впереди), по многим причинам эта была самой странной — или, возможно, самой сюрреалистичной. Я не знал, на кого из них смотреть, и в итоге стал вертеть головой, как болельщик тенниса.

— Тебя послал Адриан?

— Да, но я знал его как Говарда. Он был Адрианом… раньше. Как давно вы с ним виделись?

Лия задумалась над этим, сдвинув брови. Даже её хмурый взгляд был симпатичным (впредь я постараюсь воздерживаться от подобных комментариев, но это будет нелегко). Затем подняла глаза.

— Я была гораздо моложе, — сказала Фалада. — Адриан тоже был моложе. С ним была собака, почти щенок. Она повсюду бегала. У щенка было странное имя.

— Радар.

— Да.

Лия кивнула; лошадь продолжала жевать, выглядя незаинтересованной.

— Адриан скончался? Думаю, раз ты здесь и на тебе его пояс и оружие, значит так и есть.

— Да.

— Значит он решил больше не вращаться на солнечных часах? Если так, он поступил мудро.

— Да. Точно. — Я глотнул лимонада, затем поставил стакан и наклонился вперёд. — Я здесь из-за Радар. Она состарилась, и я хочу отвести её к этим часам и посмотреть… — Я задумался и вспомнил ещё одну научно-фантастическую сказку: «Бегство Логана». — И посмотреть, смогу ли обновить её. У меня есть вопросы…

— Расскажи мне свою историю, — попросила Фалада. — Возможно, после этого я отвечу на твои вопросы, если посчитаю нужным.

Позвольте мне прерваться на этом месте и подытожить: я получил кое-какую информацию от Лии через Фаладу, но она получила гораздо больше от меня. В ней было что-то такое, словно заставляющее людей ей повиноваться… но не с помощью грубости или давления. Есть люди — хорошо воспитанные люди — которые, ка-

жется, понимают, что обязаны быть милыми и вежливыми, и обязаны вдвойне, если это не обязательно. Как бы то ни было, они обычно получают то, что хотят.

Поскольку я собирался вернуться в дом Доры до наступления темноты (я понятия не имел, что могло выйти из леса с заходом солнца), в рассказе я в основном сосредоточился на своей миссии. Я рассказал ей, как я познакомился с мистером Боудичем, как ухаживал за ним, и как мы стали друзьями. Рассказал о золоте, и добавил, что на данный момент его достаточно, но в будущем может понадобиться больше, чтобы сохранить колодец, ведущий в другой мир, в тайне от моего народа, который может злоупотребить им. Я не стал говорить, что мне придётся найти способ превратить золото в наличку, поскольку мистер Хайнрих мёртв.

— Много лет придётся платить налоги, и довольно высокие. Вы знаете, что такое налоги?

— О, да, — сказала Фалада.

— Но сейчас меня волнует только Радар. Солнечные часы в городе, так?

— Да. Если ты пойдёшь туда, то веди себя очень тихо и следуй указателям Адриана. И ты никогда, *никогда* не должен идти ночью. Ты — один из

цельных людей?

— Цельных людей?

Лия протянула руку через стол и дотронулась до моего лба, до щеки, до носа, до моего рта. Её пальцы порхали, прикосновения были мимолётными, но электрические разряды никуда не делись.

— Цельных, — сказала Фалада. — Не серых. Не *испорченных.*

— Что тобой произошло? — спросил я. — Это сделал Г…

В этот раз её прикосновение не было лёгким; Лия сильно зажала мне рот рукой, так что губы впечатались в зубы. Она замотала головой.

— Никогда не произноси это имя, чтобы не ускорить его пробуждение. — Она приложила руку к своему горлу, прикоснувшись пальцами к подбородку с правой стороны.

— Ты устала, — догадался я. — Тебе все труднее делать то, благодаря чему ты говоришь.

Лия кивнула.

— Я пойду. Может быть, мы поговорим завтра.

Я начал вставать, но она жестом велела мне остаться. У меня не было никаких сомнений, что это приказ. Она подняла палец в жесте, который поняла бы и Радар: *сидеть*.

Лия опустила стеклянную трубку в жёлтую субстанцию, затем поднесла указательный палец правой руки к красному пятну — единственному изъяну её прекрасной кожи. Я заметил, что все ногти за исключением этого пальца, были коротко подстрижены. Она вдавливала ноготь в пятно, пока он не исчез. Затем потянула палец назад. Плоть открылась, и струйка крови потекла из ранки по линии подбородка. Она вставила трубочку в проделанное ей отверстие, и её щёки ввалились, пока она всасывала то, что считала своей пищей. Половина жёлтой субстанции в маленьком кувшине исчезла, чего мне хватило бы всего на один глоток. Её горло сократилось не один раз, а несколько. Должно быть, на вкус эта штука была такой же противной, как и выглядела, потому что Лия давилась ею. Она вытащила трубку из чего-то вроде трахеотомического надреза, будь он на горле. Отверстие тут же затянулось, но рана стала выглядеть ещё хуже, чем раньше. Бич её красоты.

— И этого достаточно? — в смятении спросил я. Ничего не мог с собой поделать. — Ты едва притронулась!

Она устало кивнула.

— Открытие болезненно и вкус неприятный по-

сле стольких лет одного и того же. Иногда думаю, что лучше голодать, но кое-кому это доставило бы слишком много удовольствия. — Она наклонила голову влево, в ту сторону, откуда я пришёл, и где находился город.

— Извини, — сказал я. — Если я могу что-то сделать…

Она кивнула в знак понимания (разумеется люди захотят что-то сделать для неё, будут биться друг с другом за первое место в очереди) и снова изобразила «намасте». Затем она взяла одну из салфеток и промокнула струйку крови. Я слышал о проклятиях — их полно в книгах сказок — но это был первый раз, когда я увидел одно из них в действии.

— Следуй его указателям, — сказала Фалада. — Не заблудись, а то ночные стражи схватят тебя. И Радар. — Должно быть, ей было нелегко говорить, потому что у неё вышло *«Райар»*, от чего я вспомнил восторженные приветствия Доры в адрес собаки. — Солнечные часы находятся на площади стадиона, в задней части дворца. Ты можешь достичь своей цели, если будешь действовать тихо и бесшумно. Что касается золота, о котором ты говорил, то оно хранится внутри. Достать его гораздо опаснее.

— Лия, ты когда-то жила в этом дворце?

— Очень давно, — сказала Фалада.

— Ты… — Мне понадобилось усилие, чтобы произнести это, хотя ответ казался мне очевидным. — Ты принцесса?

Она склонила голову.

— Она была, — Лия теперь говорила о себе — через Фаладу — в третьем лице, — самой младшей принцессой, потому что у неё было четыре старших сестры и два брата — принцы, если угодно. Её сёстры мертвы — Друсилла, Елена, Джойлин и Фалада, моя тёзка. Роберт мёртв, потому что она видела его бедное раздавленное тело. Элден, который всегда был добр к ней, мёртв. Её мать и отец также мертвы. Мало кто из её семьи остался.

Я молчал, пытаясь осознать чудовищность такой трагедии. Я потерял маму, и это было достаточно плохо.

— Тебе нужно повидаться с дядей моей хозяйки. Он живёт в кирпичном доме возле Приморской дороги. Он расскажет тебе больше. Теперь моя госпожа очень устала. Она желает тебе хорошего дня и счастливого пути. Ты должен остаться на ночь с Дорой.

Я поднялся. Круг солнца почти достиг деревьев.

— Моя хозяйка желает тебе удачи. Она говорит, если ты обновишь собаку Адриана, ты должен привести её сюда, чтобы моя хозяйка могла посмотреть, как она бегает и прыгает, как прежде.

— Обязательно. Могу я задать ещё один вопрос?

Лия устало кивнула и подняла руку: *говори, но кратко.*

Я достал из кармана маленькие кожаные кусочки и показал их Лие, а потом (чувствуя себя немного глупо) Фаладе, которая не проявила абсолютно никакого интереса. — Их дала мне Дора, но я не знаю, что с ними делать.

Лия улыбнулась глазами и погладила Фаладу по носу.

— По дороге назад к дому Доры ты можешь встретить путников. Если они босиком, значит отдали ей разбитые или изношенные ботинки для починки. Ты увидишь их босые стопы и дашь им эти жетоны. Вниз по дороге, в *ту* сторону… — Она указала в сторону от города, — есть маленький магазин, которым владеет младший брат Доры. Он даст путешественникам новые ботинки в обмен на жетоны.

Я обдумал это.

— Дора чинит разбитую обувь.

Лия кивнула.

— Затем босые люди идут к её брату, лавочнику.

Лия кивнула.

— Когда разбитая обувь обновлена — как я надеялся обновить Радар, — Дора относит их своему брату?

Лия кивнула.

— Её брат продаёт их?

Лия покачала головой.

— Почему? Магазины обычно приносят прибыль.

— В жизни есть нечто большее, чем выгода, — сказал Фалада. — Моя хозяйка очень устала и должна отдохнуть.

Лия взяла мою руку и сжала её. Думаю, не нужно вам объяснять, что я почувствовал.

Она отпустила руку и хлопнула в ладоши. Фалада неторопливо зашагала прочь. Из амбара вышел один из работников и слегка шлёпнул лошадь по боку. Она довольно охотно пошла к амбару, серый человек следовал рядом.

Оглядевшись по сторонам, я увидел девушку, которая принесла икру и лимонад. Она кивнула мне и жестом указала в направлении дома и дороги позади него. Аудиенция — а по-другому и

не назвать — была окончена.

— До свидания и спасибо, — сказал я.

Лия сделала жест «намасте», затем опустила голову и сложила руки на фартуке. Служанка (или, возможно, она была фрейлиной) пошла со мной до дороги, её длинное серое платье волочилось по земле.

— Ты можешь говорить? — спросил я её.

— Немного. — Это прозвучало как сиплое карканье. — Больно.

Мы дошли до магистрали. Я указал в сторону, откуда пришёл.

— Как далеко до кирпичного дома её дяди?

Она подняла бесформенный серый палец.

— День?

Она кивнула — самая распространённая здесь форма общения, как я уже узнал. Для тех, кто не мог практиковать чревовещание.

День, чтобы добраться до дома дяди. Если это двадцать миль, то до города ещё один день, а скорее два. Или даже три. Учитывая возвращение в подземный коридор, ведущий к колодцу, всего получалось шесть дней — это если всё пройдёт хорошо. К тому времени мой отец уже вернётся и заявит о моей пропаже.

Он будет напуган и может напиться. Я бы поста-

вил трезвость отца против жизни собаки… и даже если магия солнечных часов реальна, кто знает, сработает ли она на старой немецкой овчарке? Я понял — вы скажете, что должен был понять раньше — то, что я собирался сделать не просто безумно, это эгоистично. Если я сейчас вернусь, никто ничего не узнает. Конечно, мне пришлось бы выломать дверь сарая, если Энди запер её, но я считал себя достаточно сильным для этого. Я был одним из немногих игроков в команде Хиллвью, который мог не просто ударить тренировочного «болвана» и сдвинуть его на фут или два, но и опрокинуть навзничь. И ещё кое-что: я скучал по дому. Отсутствовал там всего лишь несколько часов, но день подходил к концу в этой грустной, пасмурной стране, где единственным настоящим цветом были огромные поля маков… да, я скучал по дому.

Я решил забрать Радар и вернуться. Переосмыслить свои варианты. Попытаться составить новый план, такой, в котором мог бы отсутствовать неделю или две, и никто бы не стал из-за этого волноваться. Не имея понятия каким будет этот план, в глубине души (в тёмном маленьком уголке, где мы пытаемся скрывать секреты от самих себя) я знал, что буду откладывать его до

тех пор, пока Радар не умрёт, но всё-таки намеревался пойти на это.

До тех пор, пока серая служанка не взяла меня за локоть. Насколько я мог судить по выражению того, что осталось от её лица, она боялась, но тем не менее, хватка была крепкой. Она притянула меня к себе, встала на цыпочки и прошептала своим болезненным карканьем.

— *Помоги ей.*

3

Я не спеша побрёл к Дому Обуви Доры, едва замечая, что дневной свет опасно угасает. Я думал о том, как Лия (в тот момент всё ещё думая о ней, как о Лее) открыла красное пятно рядом с тем, во что превратился ее рот. Как оно кровоточило, как это, наверное, больно, но она делала это, потому что жёлтая субстанция была единственным, что она могла есть и поддерживать свою жизнь.

Когда Лия в последний раз ела кукурузный початок, или стебель сельдерея, или миску вкусного кроличьего рагу Доры? Была ли она уже без рта, когда Радар щенком резвилась вокруг гораздо более молодой Фалады? Была ли красота на фоне того, что казалось крайним недоеданием, какой-то злой шуткой? Было ли проклятием выглядеть

привлекательной и здоровой, несмотря на то, что постоянно испытываешь голод?

«Помоги ей».

Был ли способ помочь? В сказке несомненно нашёлся бы. Я вспомнил, как лет в пять мама читала мне сказку о Рапунцель. Воспоминание всё ещё оставалось ярким из-за финала истории: ужасное бессердечие, пересиленное любовью. Злая ведьма наказала принца, который спас Рапунцель, ослепив его. Я живо вспомнил образ бедолаги, бредущего по тёмному лесу с вытянутыми руками, чтобы нащупывать препятствия. Наконец, принц воссоединился с Рапунцель и её слёзы вернули ему зрение. Был ли способ вернуть Лии её рот? Да, слезами тут вряд ли поможешь, но, возможно, я *мог* бы кое-что сделать; в мире, где вращение на больших солнечных часах в обратную сторону могло отмотать годы назад, всё возможно.

Кроме того, покажите мне нормального здорового подростка, который не хочет стать героем сказки, спасителем красивой девушки, — вы не найдёте ни одного. А что касается того, что мой отец мог снова начать пить, то как-то раз Линди сказал: *«Ты не можешь записать себе в заслуги его трезвость, потому что он сделал это сам»*. И

если он снова начнёт пить, ты не можешь винить себя за это, потому что он сделает это также сам.

Я смотрел на свои кроссовки, глубоко погружённый в эти мысли, когда услышал скрип колёс. Я поднял глаза и увидел приближающуюся ко мне маленькую обветшалую повозку, запряжённую такой старой лошадью, что на её фоне Фалада казалась воплощение здоровья и молодости. В повозке лежало несколько тюков, на самом большом из них сидел цыплёнок. Рядом шли — плелись — молодой мужчина и молодая женщина. Они были серыми, но не настолько, как работники Лии и её служанка. Если этот грифельный оттенок был признаком болезни, то у этих людей она на ранней стадии… хотя Лия совсем не была серой, только лишена рта. Ещё одна загадка.

Молодой человек натянул поводья лошади и остановил её. Пара смотрела на меня одновременно со страхом и надеждой. Я легко мог прочитать выражения их лиц, потому что у них, можно сказать, имелись лица. Глаза женщины уже начали сужаться, но им было далеко до щёлочек Доры, через которые та лицезрела мир. Мужчине не повезло больше — если бы не будто расплавленный нос, его можно было бы назвать красивым.

— Тпру, — произнёс он. — Мы встретили вас на свою беду? Если да, то возьмите, что хотите. У вас есть оружие, у меня его нет, и я слишком устал и измучен, чтобы сопротивляться.

— Я не грабитель, — сказал я. — Просто путник, как и вы.

На женщине были полуботинки на шнуровке, пыльные, но целые. Ноги мужчины были босыми и грязными.

— Вы тот, о ком нам говорила дама с собакой?

— Видимо, так и есть.

— У вас есть жетоны? Она сказала, что есть, потому что я отдал ей свои ботинки. Они достались мне от отца и разваливались на части.

— Вы правда не причините нам зла? — спросила молодая женщина. Но её голос звучал по-старчески. Не хрипение, как у Доры, но близко к тому.

«Эти люди прокляты, — подумал я. — *Всё они. И это* медленное *проклятье. Вероятно, худшее из всех»*.

— Обещаю. — Я достал из кармана один из маленьких кожаных жетонов и протянул молодому мужчине. Он сунул его в свой карман.

— Он даст моему мужчине ботинки? — спросила женщина своим хриплым голосом.

Я ответил на этот вопрос уклончиво, как и по-

добает подростку, чей отец работал в страховом бизнесе.

— Насколько я знаю, таков уговор.

— Нам пора идти, — сказал её муж — если он им и вправду был. Его голос звучал немного лучше, но там, откуда я родом, ему не получить работу диктора на ТВ или чтеца аудиокниг. — Мы благодарим вас.

Из леса на дальней стороне дороги донёсся вой. Он возрастал, пока не превратился почти в визг. Звук был ужасен, и женщина прижалась к мужчине.

— Пора идти, — повторил он. — Волчары.

— Где вы заночуете?

— Дама с собакой взяла доску и нарисовала, как нам показалось, дом и амбар. Вы их видели?

— Да, и я уверен, что они приютят вас. Но поспешите, и я сделаю то же самое. Не думаю, что остаться на дороге с наступлением темноты будет… — *Будет круто*, подумал я, но не смог произнести. — Будет разумно.

Нет, потому что из леса выйдут волчары, а у этих двоих не было домика из соломы и веток, чтобы спрятаться, не говоря уж о кирпичном. Они были сами по себе в этой стране. А у меня, по крайней мере, есть друг.

— Теперь ступайте. Уверен, завтра вы получите новые ботинки. Там магазин, как мне сказали. Владелец выдаст вам ботинки, если вы покажете ему ваш… ну, этот… ваш жетон. Если позволите, я бы хотел задать вам вопрос.

Они ждали.

— Что это за страна? Как вы её называете?

Они посмотрели на меня так, будто у меня крыша поехала — фраза, которую я, вероятно, не смог бы произнести, — и затем мужчина сказал:

— Тис-Эмпис.

— Спасибо.

Они пошли своей дорогой. Я пошёл своей, набирая темп, пока почти не перешёл на бег трусцой. Я больше не слышал воя, но к тому времени, как я увидел гостеприимный свет в окне коттеджа Доры, сумрак уже сгустился. Она поставила лампу у подножия крыльца.

Впереди мелькнула тень, и я ухватился рукой за рукоятку револьвера мистера Боудича. Тень оформилась и превратилась в Радар. Я опустился на колено, чтобы ей не пришлось напрягать свои задние лапы для прыжка, что она явно собиралась сделать. Я обнял её за шею и прижал голову к своей груди.

— Привет, девочка. Как поживаешь?

Она так сильно виляла хвостом, что её зад раскачивался из стороны в сторону, как маятник. Ну разве я могу позволить ей умереть, если в моих силах что-то сделать? Чушь собачья.

«Помоги ей», сказала служанка Лии, и там, на тёмной дороге, я принял решение помочь им обоим — старой собаке и гусиной девушке-принцессе.

Если смогу.

Радар отбежала в сторону к маковому полю и присела.

— Хорошая идея, — сказал я и расстегнул ширинку. Пока я делал свои дела, я держал одну руку на рукояти револьвера.

4

Дора приготовила для меня постель возле очага. На подушке даже была наволочка с разноцветными бабочками. Я поблагодарил её, и она сделала реверанс. Я с удивлением увидел, что её красные туфли (как у Дороти в стране Оз) сменились парой жёлтых кроссовок «Конверс».

— Их принёс мистер Боудич?

Она кивнула, и посмотрела на них со своей версией улыбки.

— Они у вас парадные? — Казалось да, потому

что они выглядели совершенно новыми, будто их только что достали из коробки.

Она кивнула, указала на меня, потом на кроссовки: *«Я одела их для тебя»*.

— Спасибо, Дора.

Её брови, казалось, вплавились в лоб, но она подняла то, что от них осталось, и указала в ту сторону, откуда я пришёл.

— *Зи?*

— Я не понимаю.

Дора вернулась к своей мастерской и взяла маленькую меловую доску. Она стёрла квадраты, обозначающие дом и амбар, которые, должно быть, показывала молодым мужчине и женщине, затем написала заглавными буквами: ЛИЯ. Она задумалась, потом добавила знак вопроса.

— Да, — ответил я. — Гусиная девушка. Я её видел. Спасибо, что позволили нам остаться на ночь. Завтра мы двинемся в путь.

Она похлопала себя по груди в районе сердца, указала на Радар, указала на меня, затем подняла руки и развела их в стороны: *«Мой дом — ваш дом»*.

5

Мы снова поели рагу, в этот раз с ломтями чёрствого хлеба. Дёшево и сердито. Мы ели при свечах, и Радар тоже получила свою порцию. Но перед этим я достал баночку с таблетками из рюкзака и утопил две из них в соусе. Потом, вспомнив, как далеко нам придётся идти, добавил третью. Я не мог отделаться от мысли, что давая ей таблетки, грабил Петра, чтобы заплатить Павлу.

Дора указала на баночку и склонила голову.

— Они помогают. Нам предстоит долгий путь, и она уже не так крепка, как раньше. Она думает иначе, но правда такова. Когда они кончатся, полагаю…

С дальней стороны дороги донёсся ещё один протяжный вой. К нему добавился второй, затем третий. Невероятно громкие, переходящие в визг, от которого мне хотелось стиснуть зубы. Радар подняла голову, но не залаяла — она тихонько утробно зарычала.

— Волчары, — сказал я.

Дора кивнула, скрестила руки на груди, обхватив себя за плечи, и утрированно вздрогнула.

Завыло ещё больше волков. Если так будет продолжаться всю ночь, не думаю, что смогу как

следует отдохнуть перед началом путешествия. Не знаю, прочитала ли Дора мои мысли или мне просто показалось. Как бы то ни было, она встала и жестом пригласила меня подойти к круглому окну. Она указала на небо. Невысокой Доре не нужно было наклоняться, а вот мне пришлось. То, что я увидел, стало для меня ещё одним потрясением, которые шли чередой в тот день.

Облака разошлись длинным просветом. В открывшейся небесной глади я увидел две луны, одна больше другой. Они, казалось, неслись наперегонки сквозь пустоту. Большая была *очень* большой. Мне не нужен был телескоп, чтобы разглядеть кратеры, долины и каньоны на её древней поверхности. Казалось, она вот-вот упадёт на нас. Затем просвет затянулся. Волки перестали выть в ту же секунду. Будто они выли через гигантский усилитель, и кто-то выдернул вилку из розетки.

— Это происходит каждую ночь?

Дора покачала головой, развела руками, затем указала на облака. Она неплохо изъяснялась с помощью жестов и нескольких слов, которые могла написать, но в этот раз я не уловил суть.

6

Единственная дверь в коттедже, которая не вела ни на задний ни на передний двор, была высотой под стать Доре. Убрав со стола после ужина (она прогнала меня, когда я попытался помочь), она прошла в эту дверь и вышла пять минут спустя в ночной рубашке, доходящей ей до босых ступней, и в косынке поверх оставшихся волос. В одной руке Дора держала кроссовки. Она аккуратно — благоговейно — поставила их на полку у изголовья кровати. Там стояло что-то ещё, и когда я захотел взглянуть поближе, она с явной неохотой протянула это мне. На маленькой фотографии в рамке мистер Боудич держал щенка — очевидно Радар. Дора прижала фотографию к груди, погладила её, затем поставила назад рядом с кроссовками.

Она указала на маленькую дверь, потом на меня. Я взял свою зубную щётку и вошёл. Я видел не так много уборных, кроме как в книгах и фильмах, но эта мне показалась самой опрятной. Там стоял жестяной тазик с чистой водой и унитаз с закрытой деревянной крышкой. В настенной вазе цвели маки, благоухая ароматом вишни. Не было никакого запаха человеческих экскрементов. Ни

малейшего.

Я вымыл руки и лицо, и вытерся маленьким полотенцем — также с бабочками. Почистил зубы. Я пробыл в уборной не дольше пяти минут, но когда вышел, Дора уже крепко спала на своей маленькой кровати. Радар улеглась рядом с ней.

Я лёг на свою импровизированную постель, состоящую из толстых одеял и одного аккуратно сложенного одеяла, чтобы укутаться. Пока оно было не нужно, угли в очаге всё ещё давали хороший жар. Наблюдать за их мерцанием было гипнотически. Без лун волки вели себя тихо, но вдоль карниза играл лёгкий ветерок; иногда при порывах звук становился низким, и я не мог не думать о том, как далеко очутился от дома. Ой, я же мог вернуться обратно, всего лишь поднявшись на холм, пройдя милю по подземному коридору и преодолев сто восемьдесят пять спиральных ступеней до вершины колодца, но это не те мерки. Тут другая земля. Эмпис, где не одна, а целых две луны мчались по небу. Я подумал об обложке книги, на которой была изображена воронка, заполняющаяся звёздами.

«Не звёздами, — подумал я. — *Бесконечным количеством историй, которые вливаются в воронку, и выходят в наш мир, почти не изме-*

нившись».

Затем я вспомнил о миссис Уилкоксен, моей учительнице из третьего класса, которая всегда заканчивала урок фразой: *«Что мы сегодня узнали мальчики и девочки?»*

Что же *я* узнал? Что здесь место магии, действующей под гнётом проклятья. Что люди, которые тут живут, страдают от какой-то прогрессирующей болезни или недуга. Теперь я, кажется, понимал, почему на щите Доры — который для неё сделал мистер Боудич — четверостишие было только на стороне, обращённой к заброшенному городу. Потому что оттуда шли люди. Я не знал сколько, но пустая сторона щита говорила о том, что возвращаются немногие, если вообще возвращаются. Если предположить, что затянутый облаками круг солнца садился на западе, тогда молодые мужчина и женщина, которых я встретил (плюс все остальные участники программы обмена, которую проводили Дора и её брат), шли с севера. *Эвакуация* с севера? Было ли это распространяющееся проклятье, может быть, даже радиация, исходящая от города? Слишком мало информации, чтобы быть уверенным, или даже наполовину уверенным, но всё равно это была неприятная мысль, потому что именно в ту

сторону я собирался пойти с Радс. Начнёт ли моя кожа сереть? Начнёт ли мой голос понижаться до хрипения Доры и фрейлины Лии? С кожей и голосом мистера Боудича всё было в порядке, но, может быть, эта часть Эмписа была неопасной, или почти неопасной, когда он посещал её в последний раз.

Либо так, либо эдак. Я решил, если замечу в себе изменения, то развернусь и помчусь со всех ног.

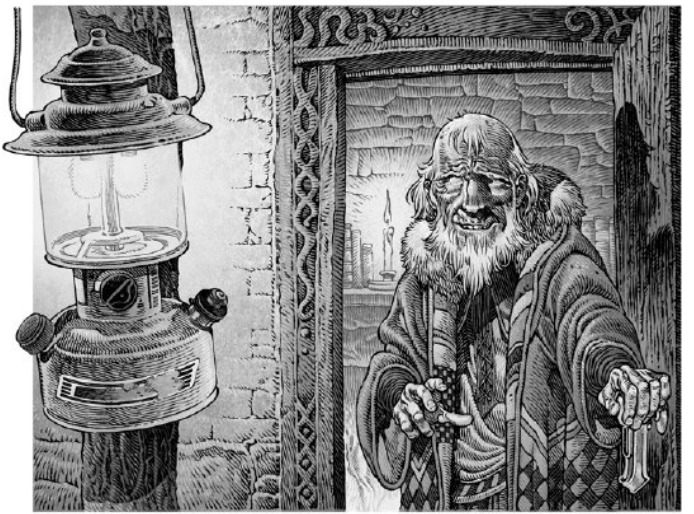
«Помоги ей».

Эти слова прошептала мне серая служанка. Мне казалось, я знаю способ помочь Радар, но как помочь принцессе без рта? В сказке принц нашёл бы способ. Скорее всего, что-то невероятное, как слёзы Рапунцель, обладающие волшебным свойством восстанавливать зрение, но приемлемое для читателей, ожидающих счастливого конца, даже если бы автору пришлось выуживать его из шляпы. Так или иначе, я не был принцем, а был простым школьником, нашедшим путь в другую реальность, и я не представлял, что делать.

Тлеющие угли обладали своим собственным волшебством, разгораясь, когда ветер врывался в дымоход, и затухая, когда порывы стихали. Глядя на них, мои веки начали тяжелеть. Я заснул, и в какой-то момент ночью Радар пересекла комнату

и легла рядом со мной. К утру огонь уже погас, но мне было тепло от прижимающейся Радар.

Глава пятнадцатая



Покидая Дору. Беженцы. Питеркин. Вуди.

1

На завтрак была яичница — из гуси-

ных яиц, судя по размеру — и ломти хлеба, поджаренные на огне. Без масла, но с чудесным клубничным джемом. Покончив с едой, я поднял и надел свой рюкзак. Пристегнул поводок к ошейнику Радар. Я не хотел, чтобы она погналась за гигантским кроликом в лес и встретила местную версию лютоволка из «Игры престолов».

— Я вернусь, — сказал я Доре с большей уверенностью, чем чувствовал. Я чуть было не добавил: и когда это сделаю, Радар снова будет молодой, но решил, что это может испортить впечатление. Кроме того, я всё ещё считал, что на волшебную регенерацию легко надеяться, но в неё трудно поверить, даже в Эмписе.

— Думаю, сегодня смогу переночевать в доме дяди Лии — если у него нет аллергии на собак или чего-то ещё, — но хочу добраться туда до темноты. — Я подумал (сложно не думать) о волчарах.

Дора кивнула, но взяла меня за локоть и подвела к задней двери. Бельевые верёвки опустели, а все ботинки, сапоги и шлёпанцы были занесены внутрь, наверное, чтобы не промокли от утренней росы (не радиоактивной, как я надеялся). Мы обошли коттедж и оказались перед маленькой тележкой, которую я видел раньше. Мешки с ботвой сменились холщёвыми свёртками, пе-

ревязанными шпагатом. Дора указала на них, затем на мой рот. Она держала руку у своего рта, размыкая и смыкая свои «оплавленные» пальцы в жевательном жесте. Не нужно быть физиком-ядерщиком, чтобы понять его значение.

— Боже, нет! Я не могу взять вашу еду и вашу тележку! Разве не на ней вы отвозите обувь в лавку своего брата?

Дора указала на Радар и сделала несколько прихрамывающих шагов, сначала в сторону тележки, затем обратно ко мне. Потом она указала на юг (если я правильно понимал направление сторон света) и изобразила пальцами походку. Первая часть была понятна. Она говорила мне, что тележка для Радар, когда та начнёт хромать. И, кажется, ещё она имела в виду, что кто-то — вероятно, её брат — придёт за обувью.

Дора указала на тележку, затем сжала свой маленький серый кулачок и легонько стукнула меня в грудь три раза: *«Ты должен».*

Её позиция была ясна: меня ждала долгая дорога и я должен позаботиться о старой собаке. И всё же мне претила мысль взять у неё больше, чем она уже дала. «Вы уверены?»

Она кивнула. Затем она протянула руки для объятия, которое я с радостью принял. Опустив-

шись на колени, Дора обняла Радар. Когда она поднялась, то сначала указала на дорогу, потом на бельевые верёвки, затем на себя.

«Ступай. Мне нужно заниматься делами».

Я ответил на это своим жестом, подняв вверх два больших пальца, затем подошёл к тележке, бросил туда рюкзак с припасами, собранными для меня… и которые, судя по тому, что я ел в коттедже, были намного вкуснее сардин мистера Боудича. Я взялся за длинные ручки и с радостью обнаружил, что тележка почти ничего не весит, будто сделанная из местной разновидности бальсы. Думаю, так оно и было. Колеса были хорошо смазаны и не скрипели, как колёса повозки молодой пары. Я решил, что тащить её будет едва ли труднее, чем маленькую красную тележку, что была у меня в семилетнем возрасте.

Я развернулся и пошёл к дороге, по пути пригибаясь под бельевыми верёвками. Радар шагала рядом со мной. Когда я достиг так называемой Городской дороги (в поле зрения не было никаких жёлтых кирпичей, так что соответствующее название исключалось), я обернулся. Дора стояла возле своего коттеджа, прижав руки к груди. Когда она увидела, что я смотрю на неё, она поднесла ладони ко рту и раскрыла в мою сторону.

Я опустил ручки тележки, чтобы повторить её жест, затем отправился в путь. Вот что я узнал об Эмписе: добрые люди сияют ярче в тёмные времена.

«Помоги ей тоже, — подумал я. — *Помоги Доре тоже».*

2

Мы поднимались на холмы и спускались в долины, можно сказать, как в старых сказках. Стрекотали сверчки, щебетали птицы. Маки по левую руку он нас иногда сменялись вспаханными полями, на которых работали серые мужчины и женщины. Они замечали меня и прерывали работу, пока я не проходил мимо. Я махал им, но в ответ мне помахала только одна женщина в большой соломенной шляпе. Встречались и другие поля, лежащие под паром или заброшенные. Среди растущих овощей поселились сорняки и яркие маки, которые, как я думал, со временем возьмут верх.

Справа тянулся лес. Нам встретилось несколько фермерских домов, но по большей части покинутых. Дважды через дорогу пробежали кролики размером с небольшую собаку. Радар смотрела на них с интересом, но без видимого желания

погнаться, поэтому я отстегнул поводок и бросил его в тележку. «Не подведи меня, девочка».

Примерно через час я остановился и развязал приличного размера свёрток с едой, что собрала Дора. Среди прочего там было овсяное печенье. Без шоколада, поэтому я дал одно печенье Радар, и она его слопала. Ещё там нашлись три стеклянные банки, завёрнутые в чистые тряпки. Две с водой, а в третьей было что-то похожее на чай. Я глотнул воды и дал немного Радар в керамической чашке, которую также положила моя знакомая. Радар жадно набросилась на воду.

Когда я закончил возиться с рюкзаком, то увидел на дороге трёх человек, бредущих мне навстречу. Двое мужчин только начали сереть, но женщина, идущая между ними, была тёмной, как летняя грозовая туча. Один её глаз стянулся в щёлку, идущую почти до виска, на что было страшно смотреть. Другой, за исключением едва видимой части радужки, был поглощён комком серой плоти. На женщине было грязное платье, которое так выпирало на животе, что это могло говорить только о последней стадии беременности. В руках она держала что-то завёрнутое в грязное одеяло. На одном из мужчин были ботинки с пряжками по бокам — они напомнили

мне те, которые я видел на верёвке у дома Доры во время первого визита. Второй мужчина обут в сандалии. Ноги женщины были босыми.

Они увидели Радар, сидящую на дороге, и остановились.

— Не бойтесь, — крикнул я. — Она не кусается.

Они немного приблизились, но снова остановились. Теперь они смотрели на револьвер в кобуре, поэтому я поднял руки ладонями наружу. Люди двинулись с места, но перешли на левую сторону дороги, посматривая на Радар, на меня и снова на Радар.

— Мы не причиним вам вреда, — сказал я.

Мужчины были худощавыми и выглядели усталыми. Женщина казалась совершенно измученной.

— Погодите минуту, — сказал я. — На случай, если они не поняли, я протянул вперёд руку в полицейском жесте остановки. — Пожалуйста.

Они остановились. Вид этого трио был на редкость печален. Вблизи я смог разглядеть, что уголки ртов мужчин начали приподниматься, скоро они превратятся в почти неподвижные полумесяцы, как у Доры. Они сгрудились у женщины, когда я полез в карман, а она прижала свой свёрток к груди. Я достал маленький кусочек

кожи и протянул ей.

— Возьмите это, пожалуйста.

Она нерешительно протянула руку, затем выхватила его из моей руки, будто ожидала, что я схвачу её. В этот момент, край одеяла съехал в сторону, и я увидел мёртвого ребёнка, возможно, около года от роду. Он был серым, как крышка гроба моей матери. Скоро у этой бедной женщины должен появиться другой ребёнок вместо этого, но, вероятно, он тоже умрёт. Если она сама не умрёт первой или во время родов.

— Вы меня понимаете?

— Мы понимаем, — сказал мужчина в ботинках. Его голос был скрипучим, но вполне нормальным. — Что ты хочешь с нас взять, незнакомец, если не наши жизни? Потому что больше у нас ничего нет.

Разумеется, у них ничего не было. И тому, кто поступил бы так с ними — или попытался, — гореть ему в аду. В самой глубокой яме.

— Я не могу дать вам мою тележку или еду, ибо мне далеко идти, а моя собака стара. Но если вы пройдёте ещё три… — Я хотел сказать *«мили»*, но не смог произнести это слово. Я начал заново, — Если вы будете идти примерно до полудня, то увидите вывеску в виде красного ботинка.

Женщина, которая там живёт, позволит вам отдохнуть и, возможно, даст еды и воды.

Это было не совсем обещание («красивые басни», как любил говорить мой отец во время телевизионной рекламы чудо-лекарств); я знал, что Дора не могла кормить и поить всех беженцев, которые проходили мимо её коттеджа. Но надеялся, что увидев положение женщины и её ужасный свёрток, она не откажет им в помощи. Тем временем мужчина в сандалиях разглядывал маленький кусок кожи. Он спросил для чего он нужен.

— Дальше по дороге, после вывески красного ботинка, о которой я вам сказал, есть лавка, где вы сможете обменять этот жетон на пару обуви.

— Здесь хыронят? — спросил мужчина в ботинках. — Моего сына надо хыронить.

— Не знаю. Я сам не отсюда. Спросите в доме с красным ботинком, или на ферме гусиной девушки дальше по дороге. — Мадам, я сожалею о вашей утрате.

— Это был мальчик, — сказала она, глядя на своё мёртвое дитя. — Мой Тэм был хорошим мальчиком. Он родился здоровым, румяным, как заря, но затем его поглотила серость. Ступайте своей дорогой, сэр, а мы пойдём своей.

— Подождите минуту. Прошу. — Я открыл рюкзак, порылся и нашёл две банки сардин «Кинг Оскар». Протянул их путникам. Они отпрянули. — Нет, всё хорошо. Это еда. Сардины. Маленькие рыбки. Потяните за колечко, чтобы открыть, видите? — Я постучал по колечку.

Мужчины переглянулись, потом замотали головами. Казалось, они не хотели иметь ничего общего с консервными банками, а женщина, похоже, совсем отключилась от разговора.

— Нам нужно идти, — сказал мужчина в сандалиях. — Что же до вас, молодой человек, то вы идёте не в ту сторону.

— Я должен идти в ту сторону.

Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «В той стороне смерть».

Они пошли дальше, поднимая пыль с Сити-Роад; женщина несла свою жуткую ношу. Почему никто из мужчин не забрал сверток себе? Я был подростком и то, кажется, знал ответ. Ребёнок был её, её Тэм, и она должна нести его тело столько, сколько могла.

3

Я чувствовал себя неловко из-за того, что не предложил путникам оставшееся печенье, и

эгоистично из-за того, что оставил себе тележку. До тех пор, пока Радар не стала отставать.

Я был слишком погружён в свои мысли, чтобы заметить это, и вы, наверное, удивитесь (или нет), но мысли почти не касались мрачных прощальных слов мужчины в сандалиях. Мысль о том, что я могу погибнуть, направляясь в сторону города, не стала для меня большим открытием; мистер Боудич, Дора и Лия по-своему дали это понять. Но когда ты подросток, легко думать, что станешь исключением, будешь тем, кто победит и получит лавры. В конце концов, кто забил победный тачдаун в «Тёрки Боул»? Кто обезвредил Кристофера Полли? Я был в том возрасте, когда легко поверить, что быстрота реакции и разумная осторожность могут преодолеть большинство препятствий.

Я думал о языке, на котором мы говорили. То, что я слышал, не было обычным английским языком, но и не было чем-то архаичным — без всяких «сударь», «милок» и «не изволите ли». И это не был английский, как в фэнтезийных фильмах, которые показывают в «АЙМАКС», где хоббиты, эльфы и колдуны звучат, как члены парламента. Это был английский, который ожидаешь услышать в слегка модернизированной сказке.

Вот взять меня.

Я сказал, что *«не могу дать им тележку, ибо мне далеко идти, и моя собака стара»*. Если бы я разговаривал с кем-то из Сентри, я бы сказал *«потому что мне предстоит долгий путь»*. Я сказал *«вывеска красного ботинка»* вместо того, чтобы сказать *«это маленький дом с вывеской в виде ботинка»*. И я не обратился к беременной женщине *«мэм»*, как поступил бы в своём родном городе; я назвал её *«мадам»*, и это слово слетело с моего языка в порядке вещей. Снова вспомнилась воронка, заполняющаяся звёздами. Мне казалось, что теперь я стал одной из этих звёзд.

Я подумал, что становлюсь частью сказки.

Оглядевшись по сторонам, я не увидел Радар, что мигом встряхнуло меня. Я опустил ручки тележки и оглянулся. Она, высунув язык, хромала в двадцати ярдах позади, так быстро, как только могла.

— Господи, девочка, прости меня!

Я отнёс её к тележке, убедившись, что мои руки у неё под брюхом и не касаются больных задних лап. Дал ей попить из чашки, наклонив так, чтобы она могла выпить столько, сколько хотела, затем почесал за ушами.

— Почему ты ничего не сказала?

Ну, да. Это была не такая уж сказка.

4

Мы продолжали идти, холм сменялся долиной, долина сменялась холмом. Мы встречали других беженцев. Кто-то сторонился нас, но двое мужчин, идущих вместе, остановились и приподнялись на цыпочках, чтобы заглянуть в тележку. Радар зарычала, но учитывая её облезлую местами шёрстку и седую морду, сомневаюсь, что она сильно их напугала. Другое дело — оружие на моём бедре. Мужчины были обуты, так что я не стал отдавать им свой последний жетон. И не думаю, что предложил бы им заглянуть к Доре, даже будь они оба босыми. Я также не стал делиться с ними съестным. Если они были сильно голодны, то могли раздобыть пищу на полях.

— Если ты идёшь в Приморье, парень, то лучше поворачивай назад. Серость пришла и туда.

— Спасибо за… — «инфу», хотел я сказать. — Спасибо за предупреждение. — Я взялся за ручки тележки, не спуская с них глаз.

Около полудня мы добрались до болотистого участка, где дорога была залита и размыта. Я согнул спину и потащил тележку быстрее, не желая там застрять, пока мы не пробрались через

грязь. Тележка не казалась намного тяжелее с Радар на борту, что говорило мне больше, чем я хотел знать.

Как только мы снова оказались на сухой земле, я остановился в тени дерева, похожего на дуб в Кавано-Парк. В одном из маленьких свёртков Доры оказалось жареное мясо кролика, которое я поровну разделил с Радар. Она съела два куска, но третий уронила между передними лапами, виновато посмотрев на меня. Даже в тени я видел, что её глаза снова начали слезиться. Мне пришло в голову, что она могла подхватить то, что витало вокруг — серость, — но я отказался от этой мысли. Всё просто — это возраст. Трудно было сказать, сколько у неё оставалось времени, но, думаю, не много.

Пока мы ели, ещё пара гигантских кроликов перебежала дорогу. Затем пропрыгала пара сверчков в два раза больше тех, к которым я привык. Я был поражён, какое расстояние они преодолевали прыжками. Ястреб — обычного размера — спикировал вниз и попытался схватить одного из них, но сверчок увернулся и вскоре скрылся в траве и сорняках, примыкавших к лесу. Радар наблюдала за всей этой живностью с интересом, но не поднималась на лапы, не говоря уж о том,

чтобы броситься вдогонку.

Я глотнул немного сладкого и вкусного чая. После нескольких глотков мне пришлось себя остановить. Бог знает, когда ещё доведется пополнить запасы.

— Пора, девочка. Хочу поскорее добраться до дома дяди. Мысль разбить лагерь возле леса не приводит меня в восторг.

Я поднял тележку, затем остановился. На дубе выцветшей красной краской были написаны две буквы: **«АБ».** Мне стало легче, когда я понял, что мистер Боудич побывал здесь до меня. Будто бы он всё ещё оставался с нами.

5

Середина дня. День выдался достаточно тёплый, я хорошенько вспотел. Какое-то время мы не видели никаких беженцев, но когда достигли подъема — длинного, со слишком пологим уклоном, чтобы его можно было назвать холмом, — я услышал за ним какую-то возню. Радар переместилась к переднему краю тележки. Она сидела, положив лапы на бортик и навострив уши. Я остановился и услышал впереди что-то похожее на смех. Снова двинулся вперёд, и остановился недалеко от гребня, прислушиваясь.

— Как тебе это нравится, дорогой? Тебе весело?

Это был высокий, как флейта, голос, срывавшийся на словах *«дорогой»* и *«весело»*. В остальном он казался странно знакомым, и через секунду я понял почему. Он напоминал голос Кристофера Полли. Я знал, что этого не может быть, но так было.

Я снова двинулся вперёд, остановившись, как только стало возможным заглянуть на другую сторону подъёма. Я уже успел повидать странные вещи в этом другом мире, но ничего более странного, чем ребёнок, сидящий в пыли и держащий сверчка за ноги. Сверчок был крупнее, чем все виденные мною раньше, и красный, а не чёрный. В другой руке ребёнок держал что-то похожее на кинжал с коротким лезвием и треснувшей рукоятью, перевязанной бечёвкой.

Мальчик был слишком поглощён своим занятием, чтобы заметить нас. Он ткнул сверчка лезвием в брюшко, потекла маленькая струйка крови. До этого момента я не знал, что у сверчков *есть* кровь. На земле виднелись капли крови, и это говорило о том, что паренёк занимался своим нехорошим делом уже некоторое время.

— Тебе нравится, дорогой? — Сверчок попытался отпрыгнуть, но из-за того, что его задние

ноги были сжаты, мальчик легко притянул его назад. — Может, немножко воткнуть тебе в…

Радар залаяла. Мальчик обернулся, не выпуская из руки задние ноги сверчка, и я увидел, что это не мальчик, а карлик. Старый карлик. Седые волосы клочьями спадали на его щёки. Лицо покрывали морщины, вокруг рта они были такими глубокими, что делали его похожим на куклу чревовещателя, которую могла бы использовать Лия (если бы не притворялась, будто лошадь умеет говорить). На его лице не было следов «плавления», но кожа имела цвет глины. И карлик всё равно напоминал мне Полли, отчасти потому, что был коротышкой, но в основном из-за ехидства в лице. Плюс то, чем он развлекался, — я легко мог представить себе, как он убивает старого хромого ювелира.

— Кто ты? — спросил он без страха, потому что я был далеко и стоял на фоне неба. Моё оружие он пока не видел.

— Что ты делаешь?

— Я поймал этого чертяку. Он был быстр, но старый Питеркин быстрее. Хочу выяснить, чувствует ли он боль. Ох как хочу.

Он снова кольнул сверчка, в этот раз между двумя чешуйками его панциря. Красный сверчок

истекал кровью и барахтался. Я начал спускать тележку вниз по склону. Радар снова залаяла. Она всё ещё стояла, положив лапы на передний бортик тележки.

— Обуздай свою собаку, сынок. На твоём месте я бы так и сделал. Если она приблизится ко мне, я перережу ей горло.

Я опустил ручки и впервые достал из кобуры 45-ый мистера Боудича.

— Ты не порежешь ни её, ни меня. Перестань. Отпусти его.

Карлик — Питеркин — рассматривал револьвер скорее с недоумением, чем со страхом.

— Чего бы вдруг ты такое говоришь? Я просто хочу немного повеселиться в мире, где почти не осталось веселья.

— Ты пытаешь его.

Питеркин казался изумлённым.

— Пытаю, говоришь? *Пытаю?* О, ну ты и идиот, это же проклятый *жукан*. Пытка не относится к жукану! И вообще какое тебе дело?

Мне было дело, потому что смотреть, как он держит насекомое за ноги, за единственное средство побега, пока тычет его ножом, было отвратительно и жестоко.

— Я не стану повторять.

Он засмеялся и его смех тоже немного походил на Полли с его «ха-ха».

— Застрелишь меня из-за *жукана*? Я не думаю…

Я прицелился выше и левее и нажал на спусковой крючок. Выстрел был намного громче, чем в сарае мистера Боудича. Радар залаяла. Карлик дёрнулся от неожиданности и выпустил сверчка. Тот упрыгал в траву, но как-то кособоко. Проклятый коротышка искалечил его. Всего лишь жукан, но это не значило, что Питеркин мог так поступать. Да и много ли тут было красных сверчков? Я видел только этого. Должно быть, они такая же редкость, как олени-альбиносы.

Карлик встал и отряхнул свои ярко-зелёные бриджи. Он откинул назад растрёпанные седые патлы, как пианист, готовящийся к своему генеральному концерту. Несмотря на свинцовый цвет кожи, он выглядел вполне бодрым. И хотя он никогда не выступал в «Американ Айдол», его голос звучал живее, чем у большинства людей, которых я встретил за последние сутки, а лицо было настоящим, с различимыми чертами. Если не считать того, что он карлик («Никогда не называй их гномами», как-то раз сказал мне отец) и дерьмового цвета лица, которому не

помешала бы доза «Отецлы», он казался вполне нормальным.

— А ты я вижу нервный малый, — сказал он, глядя на меня с отвращением, и, может быть (на что я надеялся), с лёгким намёком на страх. — Так что я, пожалуй, пойду своей дорогой, а ты поди своей.

— Звучит отлично, но я хочу спросить тебя кое о чём, прежде чем мы расстанемся. Почему у тебя более-менее нормальное лицо, а у многих других становится всё уродливей?

Не то чтобы карлик сам был парнем с картинки, и вопрос этот звучал грубо, но если вы не можете нагрубить тому, кто ловит и пытает гигантских сверчков, кому тогда можете?

— Может быть, потому, что боги, если ты в них веришь, уже сыграли со мной шутку. Откуда такому большому парню знать, каково это быть маленьким, как я, в котором нет даже пары дюжин ладоней от головы до пят? — В его голосе появились жалобные нотки, тон человека, у которого — на языке АА — на заднице отпечаталось кольцо от сидения на горшке жалости.

Я потёр кончиками большого и указательного пальцев.

— Видишь? Это самая маленькая скрипка

в мире и она играет «Сердце, которое качает пурпурную мочу для тебя». — И «*моча*» было произнесено идеально, заметил я.

Он нахмурился.

— А?

— Не бери в голову. Это маленькая шутка. Чтобы *повеселить* тебя.

— Пойду-ка я, если ты не возражаешь.

— Иди, но мы с собакой будем чувствовать себя лучше, если перед уходом ты уберёшь свой нож.

— Думаешь, что если ты один из цельных, ты лучше меня, — сказал коротышка. — Увидишь, что они делают с такими, как ты, когда поймают тебя.

— Кто поймает?

— Ночные стражи.

— Кто они и что они делают с такими, как я?

Он усмехнулся.

— Не бери в голову. Я просто надеюсь, что ты сможешь дать им отпор, хотя сомневаюсь. С одной стороны, ты кажешься сильным, но думаю, ты мягкий внутри. Так бывает, когда людям не приходится бороться. Вы не часто пропускали завтраки, да, сэр?

— Вы всё ещё держите нож, мистер Питеркин. Убери, или я заставлю тебя бросить его.

Карлик засунул нож за пояс — я надеялся, что он при этом порежется, и чем сильнее, тем лучше. Это была злая мысль. Затем у меня возникла ещё более злая: допустим, я схвачу руку, которая держала сверчка за ноги, и сломаю её, как поступил с Полли? В качестве наглядного урока: *вот, на что это похоже.* Я мог бы сказать вам, что думал так не всерьез, но это неправда. Так и вертелось в голове, как карлик применяет удушающий захват на Радар, а другой рукой использует свой кинжал: тык, тык, тык. У него бы ничего не вышло, будь она в рассвете сил, но её время давно прошло.

И всё же я дал Питеркину уйти. Он оглянулся один раз, прежде чем скрыться за подъёмом, и его взгляд отнюдь не говорил: *«Это была приятная встреча на Сити-Роад, юный странник»*. Его взгляд говорил: *«Смотри, чтобы я не подловил тебя спящим»*.

Шансов на это не было, карлик направлялся туда, куда шли остальные беженцы, но когда он скрылся, я всё-таки решил, что нужно было заставить его бросить нож.

6

К концу дня перестали встречаться возделанные поля и фермы, выглядевшие действующими.

Беженцев тоже больше не попадалось, хотя я видел на одном заросшем дворе тележки, наполненные пожитками, и тонкий дымок, поднимающийся из трубы. Вероятно, они решили укрыться до того, как волчары начнут выть, подумал я. Если вскоре я не доберусь до дома дяди Лии, будет разумно сделать то же самое. У меня был револьвер мистера Боудича и пистолет Полли, но волки обычно нападают стаями, и, как я предполагал, они могли оказаться размером с лося. К тому же мои руки, плечи и спина начали уставать. Тележка была лёгкой и больше не встречались грязевые ямы, через которые пришлось бы продираться, но я проделал долгий путь с тех пор, как покинул Дору.

Я видел инициалы мистера Боудича — его настоящие инициалы: **«АБ»** — ещё три раза, дважды на деревьях возле дороги и в последний раз на огромном скальном выступе. К тому времени солнечный диск спрятался за деревьями, и землю окутали тени. Некоторое время я не встречал никаких жилищ и начал беспокоиться, что темнота может накрыть нас на дороге. Мне очень этого не хотелось. Когда я был второкурсником, нам дали задание выучить не меньше четырёх четверостиший поэмы. Миссис Деббинс предло-

жила на выбор не меньше двух дюжин поэм. Я выбрал кусок из «Сказания о старом мореходе», и теперь жалел, что не выбрал что-то другое, потому что строки оказались слишком уместны: *«Как путник, что идет в глуши с тревогой и тоской и закружился, но назад на путь не взглянет свой…»*[29]

— И чувствует, что позади ужасный дух ночной, — закончил я вслух. Я опустил ручки тележки и повёл плечами, глядя на **«АБ»** на камне. Здесь мистер Боудич действительно постарался — буквы имели три фута в высоту. — Радс, ты ведь предупредишь меня, если увидишь позади нас ужасного ночного духа, да?

Она уже крепко спала. Никакой тебе помощи против ужасных ночных духов.

Я хотел было попить — испытывал довольно сильную жажду, — но решил, что могу потерпеть. Я хотел пройти ещё немного, пока хоть что-то видно. Взявшись за ручки, я пошёл дальше, думая, что на данном этапе сгодился бы даже дровяник.

Дорога огибала выступ, затем по прямой уходила в сгущающиеся сумерки. А впереди, не более чем в миле, я различил освещённые окна дома.

---

[29] Примечания: 29
Перевод Николая Гумилёва (1919 год).

Подойдя ближе, я увидел фонарь, висящий на столбе перед входом. Мне удалось разглядеть, что в шестидесяти или семидесяти ярдах от дома дорога ответвлялась, и действительно была из кирпичей… как у трудолюбивого поросёнка в сказке.

Вымощенная камнем дорожка вела к входной двери, но прежде чем воспользоваться ею, я остановился рассмотреть фонарь, который так ярко светил, что вблизи на него было больно смотреть. Я уже видел такой в подвале дома мистера Боудича, и знал, что это «Колман», продающийся в любом американском хозяйственном магазине. Как я догадался, фонарь, как и швейная машинка Доры, был подарком от мистера Боудича. *Трус делает подарки*, сказал он.

В центре двери крепился позолоченный дверной молоток в форме кулака. Я опустил тележку и услышал скрежет, когда Радар съехала по наклонному дну ко мне. Я потянулся к молотку, когда дверь открылась. В проходе стоял мужчина почти с меня ростом, но гораздо худее, почти тощий. Его силуэт подсвечивало пламя очага, поэтому я не мог разглядеть черты, только кошку на плече и редкие седые волосы, торчащие вокруг лысеющей головы. Когда он заговорил, мне снова

трудно было поверить, что я не в сказке и не стал одним из персонажей.

— Приветствую тебя, юный принц. Я ждал тебя. Добро пожаловать. Проходи внутрь.

7

Я понял, что оставил поводок Радар в тележке.

— Эээ, думаю, сначала мне нужно взять мою собаку на поводок, сэр. Я не знаю, как она ладит с котами.

— Всё в порядке, — сказал пожилой мужчина, — но если у тебя есть еда, я предлагаю занести её внутрь. Если не хочешь, чтобы к утру она пропала.

Я вернулся, забрал припасы Доры и свой рюкзак. И, на всякий случай, ошейник. Мужчина отступил в сторону в приглашающем жесте.

— Вперёд, Радс, но будь паинькой. Я рассчитываю на тебя.

Радар последовала за мной в аккуратную гостиную с тряпичным ковриком на деревянном полу. У очага стояли два мягких кресла. На подлокотнике одного из них лежала раскрытая книга. На полке рядом стояло ещё несколько. В другой половине комнаты располагалась узкая маленькая кухня, похожая на корабельный камбуз. На

столе лежали хлеб, сыр, холодная курица и миска чего-то очень похожего на клюквенное желе. Также глиняный кувшин. У меня в животе громко заурчало.

Мужчина рассмеялся.

— Я слышал. Есть старая поговорка: юность требует заботы. Можно добавить «и часто».

Стол был накрыт на двоих, и на полу рядом с одним из стульев стояла миска, из которой Радар уже шумно лакала.

— Вы знали, что я приду, я прав? *Как* вы узнали?

— Ты знаешь имя, которое мы предпочитаем не называть?

Я кивнул. В сказках, в одной из которых я, казалось, очутился, часто фигурировало имя, которое нельзя произносить, иначе зло пробудится.

— Он забрал у нас не всё. Ты же видел, как моя племянница могла общаться с тобой?

— Через её лошадь.

— Через Фаладу, да. Лия также говорит со мной, юный принц, хотя редко. Её сообщения не всегда ясны, и высказывание мыслей утомляет её даже сильней, чем высказывание слов. Нам нужно многое обсудить, но сперва мы подкрепимся. Пойдём.

«Он говорит о телепатии, — подумал я. — *Должно быть, потому что у неё явно нет телефона, чтобы написать смс-ку»*.

— Почему вы называете меня юным принцем?

Он пожал плечами. Кошка качнулась у него на плече.

— Обычная форма обращения, вот и всё. Очень старая. Когда-нибудь, возможно, появится настоящий принц, но судя по тону твоего голоса, это не ты. Ты *слишком* молод.

Мужчина улыбнулся и повернулся к камбузу. Свет огня впервые полностью осветил его лицо, но я уже всё понял по тому, как он шёл, вытянув одну руку перед собой, будто пытаясь нащупать предметы. Он был слеп.

8

Когда хозяин дома сел, кошка спрыгнула на пол. Её мех был шелковистым, дымчато-коричневого цвета. Она подошла к Радар, и я приготовился схватить собаку за ошейник, если она бросится. Она не стала, просто опустила голову и понюхала нос кошки. Затем легла. Кошка расхаживала перед ней, как офицер, проверяющий солдата на параде (и находящий его неряхой), затем плавной походкой направилась в гостиную. Она запрыгну-

ла на кресло с книгой и свернулась калачиком.

— Меня зовут Чарльз Рид. Чарли. Лия передала вам?

— Нет, это работает не так. Больше похоже на интуицию. Рад познакомиться с тобой, принц Чарли. — Теперь при свете огня я смог разглядеть, что у него не было глаз, как рта у Лии — только длинные шрамы в тех местах, где они раньше находились. — Меня зовут Стивен Вудли. Когда-то у меня был титул — принц-регент, собственно говоря, — но то время прошло. Зови меня Вуди, если хочешь, ибо мы живём рядом с лесом,[30] так ведь? Я и Котриона.

— Ваша кошка?

— Да. А твою собаку зовут… Раймар? Кажется, так. Я точно не помню.

— Радар. Она принадлежала мистеру Боудичу. Он умер.

— Ах. Жаль это слышать. — И он казался расстроенным, но не сильно удивлённым.

— Как вы с ним познакомились, сэр?

— Вуди. Прошу. Мы вместе проводили время. Как проведём с тобой, Чарли. Я надеюсь. Но сначала нужно поесть, потому что, я думаю, сегодня

---

[30] Примечания: 30
Wood («вуд») — лес.

ты проделал долгий путь.

— Могу я сначала задать один вопрос?

Он широко улыбнулся, превратив лицо в веер морщин.

— Если хочешь узнать сколько мне лет, то я не помню. Иногда мне кажется, что я был уже стар, когда мир был молод.

— Не это. Я увидел книгу и мне стало интересно… если вы, в общем…

— Как я читаю, если слепой? Посмотри. А пока: что ты хочешь — ножку или грудку?

— Грудку, пожалуйста.

Вуди принялся накладывать еду, и, должно быть, за долгое время привык делать это наощупь, потому что в его движениях не было заминок. Я поднялся и подошёл к его креслу. Котриона посмотрела на меня мудрыми зелёными глазами. Книга была старой, на обложке изображены летучие мыши на фоне полной луны: «Чёрный ангел» Корнелла Вулрича. Раньше она вполне могла бы лежать среди книг в спальне мистера Боудича. Но когда я взял её и взглянул на страницу, на которой Вуди остановился, я не увидел слов, только маленькие группки точек. Я положил книгу на место и вернулся к столу.

— Вы читаете брайль, — сказал я, подумав:

«Язык в книгах, должно быть, тоже изменялся — переводился. Как странно».

— Да. Адриан принёс мне учебник и показал буквы. Как только я выучил основы, я смог сам себя научить. Иногда он приносил мне новые книги, написанные брайлем. Он был неравнодушен к фантастическим историям, наподобие той, что я читал, ожидая твоего прибытия. Опасные мужчины и несчастные девицы, живущие в мире, совершенно отличном от этого.

Вуди покачал головой и рассмеялся, как будто чтение художественной литературы было бесцельным занятием, может быть, даже бредовым. Его щёки порозовели от тепла огня, и я не увидел на них ни следа серости. Он был цельным, и в то же время им не был. Как и его племянница. У него не хватало глаз, чтобы видеть, а у неё не было рта, чтобы говорить, только рана, которую она вскрыла ногтем, для принятия хоть какой-то скудной пищи. К слову сказать, о несчастной девушке.

— Прошу. Садись.

Я сел. Снаружи завыл волк, так что луна — *луны* — должно быть уже появились. Но мы были в безопасности в кирпичном доме. Если бы волчара полез через трубу, огонь подпалил бы ему мохнатую сраку.

— Для меня весь этот мир кажется фантастическим, — сказал я.

— Пробудешь здесь достаточно долго, и твой собственный мир покажется тебе выдуманным. Теперь ешь, Чарли.

9

Еда была восхитительной. Я попросил вторую порцию, затем третью. Мне было неловко просить добавку, но у меня был долгий день, я протащил тележку восемнадцать или двадцать миль. Вуди съел мало, только одну ножку и немного клюквенного желе. От этого я почувствовал себя ещё более неловко. Вспомнилось, как моя мама отвезла меня на вечеринку с ночёвкой к Энди Чену и сказала его маме, что у меня бездонный желудок, я готов съесть всех внутри дома, а потом и сам дом, если мне позволят. Я спросил Вуди, где он берёт припасы.

— В Приморье. Там все ещё есть те, кто помнит таких, как мы… или таких, какими мы были… и отдают дань уважения. Теперь серость пришла и туда. Люди уходят. Ты, вероятно, встретил некоторых на дороге.

— Да, — сказал я, и рассказал ему о Питеркине.

— Красный сверчок, говоришь? Ходят леген-

ды… ладно, неважно. Рад, что ты остановил его. Может быть, ты всё-таки принц. Светлые волосы, голубые глаза?

— Неа. Оба карие.

— Значит, не принц и определённо не *тот* принц.

— Какой ещё *тот* принц?

— Просто ещё одна легенда. Этот мир полон историй и легенд, как и твой. Что касается еды… Раньше я добывал продукты у жителей Приморья, больше, чем мог съесть. Чаще рыбу, иногда мясо. Что понятно из названия. Это было задолго до того, как серость пришла в те края — не могу сказать, как давно, дни сливаются воедино, когда ты постоянно живёшь в темноте. — Он произнёс это без жалости к себе, просто констатируя факт. — Полагаю, на какое-то время Приморье могло быть защищёно, потому что находится на узком полуострове, где всегда дует ветер, но точно не скажу. В прошлом году, Чарли, ты бы встретил множество людей на Царской дороге. Сейчас их поток ослабел.

— Царской? Значит так она называется?

— Да, но после развилки начинается Королевская дорога. Если ты повернёшь налево, то окажешься на Приморской.

— Куда ведут эти дороги? В смысле, после дома Доры, фермы Лии и лавки брата Доры?

Вуди казался удивлённым.

— Он всё ещё держит лавку? Поразительно. Интересно, что он там продаёт?

— Я не знаю. Знаю только, что он выдаёт новую обувь взамен разбитой.

Вуди радостно рассмеялся.

— Дора и Джеймс! Возвращаются к своим старым штучкам! Ответ на твой вопрос: я не знаю, и уверен, что никто не знает. Просто в даль. В даль, в даль, в даль.

Волки, до того притихшие, снова завыли. Казалось, будто их целая дюжина, и я был очень рад, что вовремя добрался до кирпичного дома Вуди. Радар заскулила. Я погладил её по голове.

— Должно быть, вышли луны.

— По словам Адриана, в вашем фантазийном королевстве только одна луна. Как говорит один из персонажей в книге мистера Корнелла Вулрича: «Вас ограбили». Хочешь кусок торта, Чарли? Но, боюсь, он может показаться тебе немного чёрствым.

— Торт был бы очень кстати. Хотите я сам достану?

— Не беспокойся. После всех этих лет — это

очень уютная берлога для отшельника, ты не находишь? — я очень хорошо тут ориентируюсь. Он на полке в кладовой. Сиди. Я вернусь через две минуты.

Пока он доставал торт, я налил себе ещё немного лимонада из кувшина. Лимонад, похоже, был любимым напитком в Эмписе. Вуди принёс большой кусок шоколадного торта для меня и кусочек для себя. По сравнению с ним, торт в нашем школьном кафе был довольно убогим. Мне он совсем не показался чёрствым, просто немного подсохшим по краям.

Волки резко замолчали, снова вызвав мысль о том, что кто-то выдернул усилитель из розетки. До меня дошло, что никто в этом мире не понял бы отсылку к «Спинал-Тап».[31] Или к любому другому фильму.

— Наверное, небо снова затянулось, — сказал я. — Они уходят, да?

Вуди медленно покачал головой.

— Нет, с тех пор, как *он* пришёл. Тут льют дожди, принц Чарли, но почти никогда не светит солнце.

---

[31] Примечания: 31

Spinal Tap — пародийная вымышленная рок-группа, которая стала вполне реальной после выхода фильма. Актёры в роли музыкантов давали концерты и выпускали альбомы.

— Иисусе, — произнёс я.

— Другой принц, — добавил он, снова широко улыбнувшись. — Мира, согласно Библии брайля, которую мне принёс Адриан. Ты потрапезничал? Это значит…

— Я знаю, что это значит, и да, вполне.

Вуди поднялся.

— Тогда пойдём сядем у огня. Нам нужно поговорить.

Я последовал за ним к двум креслам в его маленькой гостиной. Радар с нами. Вуди нащупал Котриону и поднял её. Она полежала у него на руках, как меховая накидка, пока он не опустил её обратно на пол. Кошка бросила надменный взгляд на мою собаку, пренебрежительно махнула хвостом и зашагала прочь. Радар легла между кресел. Я поделился с ней своей курицей, но она съела немного. Сейчас она смотрела на огонь, словно разгадывая его секрет. Я хотел спросить у Вуди, как он теперь будет пополнять припасы, когда в Приморье идёт эвакуация, но решил промолчать. Боялся, он ответит мне, что понятия не имеет.

— Я хочу поблагодарить вас за ужин.

Он махнул рукой.

— Ты, наверное, хочешь узнать, что я тут де-

лаю.

— Вовсе нет.

Вуди наклонился и погладил Радар по спине. Затем поднял шрамы-глаза на меня.

— Твоя собака умирает, и тебе нельзя терять время, если ты собираешься сделать то, за чем пришёл.

10

Сытый, в безопасности в кирпичном доме, с притихшими волками и согревающим меня огнём, я позволил себе расслабиться. Я чувствовал себя удовлетворённым. Но когда Вуди сказал, что Радс умирает, я выпрямился.

— Не обязательно. Она старая, и у неё артритные задние лапы, но она не…

Я вспомнил слова помощницы ветеринара, которая сказала, что удивится, если Радар доживет до Хэллоуина, и умолк.

— Я слеп, но все остальные мои чувства работают довольно хорошо для старика. — Его голос звучал по-доброму, но от этого пугающе. — На самом деле, мой слух стал острее, чем когда-либо. Во дворце у меня были лошади и собаки; будучи мальчиком и юношей я всегда гулял с ними и очень их всех любил. Я знаю, как они звучат,

когда делают последний поворот к дому. Слушай! Закрой глаза и слушай!

Я сделал, как он сказал. Я слышал потрескивания в очаге. Где-то тикали часы. Снаружи дул ветерок. И я мог слышать Радар: свист, когда она вдыхала, и хрип, когда выдыхала.

— Ты пришёл, чтобы положить её на солнечные часы.

— Да. И за золотом. Такие маленькие золотые гранулы, похожие на дробь. Сейчас оно мне не нужно, но мистер Боудич сказал, позже мне…

— Забудь про золото. Просто доберись до солнечных часов… и воспользуйся ими… это достаточно опасная миссия для такого молодого принца, как ты. Есть риск встретить Хану. Во времена Боудича её там не было. Ты сможешь пройти мимо неё, если будешь осторожен… и удачлив. В таком деле нельзя сбрасывать удачу со счетов. А золото… — Он покачал головой. — Это ещё опасней. Хорошо, что пока что оно тебе не нужно.

Хана. Я отложил это имя на потом. Было кое-что другое, что интересовало меня больше.

— Почему с *вами* всё в порядке? За исключением слепоты, конечно. — Как только слова слетели с языка, я пожалел, что не могу вернуть их обратно. — Извините. Я не то имел в виду.

Вуди улыбнулся.

— Не стоит извиняться. Будь у меня выбор между слепотой и серостью, я бы всегда выбирал слепоту. Я довольно хорошо приспособился. Спасибо Адриану — у меня даже есть фантазийные истории для чтения. Серость — это медленная смерть. Становится всё труднее и труднее дышать. Лицо затягивается лишней плотью. Тело сжимается. — Он поднял ладонь и сжал кулак. — Вот так.

— Это случится и с Дорой?

Он кивнул, хотя мог бы и не кивать. Это был глупый вопрос.

— Сколько времени у неё осталось?

Вуди покачал головой.

— Невозможно сказать. Это медленный процесс и у каждого свой, но неизбежный. В этом-то и весь ужас.

— Что, если она уйдёт? Туда, куда идут остальные?

— Не думаю, что она согласится, и не думаю, что это будет иметь значение. Как только это настигает тебя, от него уже не убежать. Как истощающая болезнь. Это она убила Адриана?

Я предположил, что он имеет в виду рак.

— Нет, у него был сердечный приступ.

— А. Немного боли, затем ты уходишь. Лучше, чем серость. Что касается твоего вопроса, то давным-давно… Адриан сказал, что именно так начинаются многие сказки в мире, откуда он родом.

— Ага. Так и есть. И то, что я видел здесь, как будто из этих сказок.

— Как и там, откуда ты пришёл. Это всё сказки, принц Чарли.

Волки начали выть. Вуди пробежался пальцами по книге, затем закрыл её и положил на маленький столик рядом с креслом. Мне стало интересно, как он снова найдёт место, на котором остановился. Вернулась Котриона, запрыгнула на его колени и принялась урчать.

— Давным-давно, в стране под названием Эмпис и в городе Лилимар, куда ты направляешься, правила королевская семья, корнями уходящая на тысячи лет назад. Большинство её членов — не все, но большинство — правили мудро и ладно. Но когда наступили ужасные времена, почти вся семья была убита. Вырезана.

— Лия рассказала мне кое-что из этого. Через Фаладу. Она сказала, что её мать и отец мертвы. Они была королём и королевой, так? Потому что она назвала себя принцессой. Младшей из всех.

Он улыбнулся.

— Так точно, младшей из всех. Она рассказала, что все её сёстры были убиты?

— Да.

— А о братьях?

— Они тоже были убиты.

Вуди вздохнул, погладил свою кошку и посмотрел на огонь. Я уверен, что он чувствовал тепло, и меня заинтересовало, мог ли он видеть его — как вы смотрите на солнце с закрытыми глазами, и видите красноту от подсвеченной крови. Он открыл рот, будто собираясь что-то сказать, затем снова закрыл и слегка потряс головой. Волки, казалось, завыли где-то совсем рядом… затем смолкли. Стало жутко от того, как внезапно это случилось.

— Это была чистка. Ты знаешь, что это значит?

— Да.

— Но некоторые из них выжили. Мы сбежали из города, но Хана не покинет его, потому что она изгнанница со своей родной земли, далеко на севере. Всего нас было восемь, тех, кто сумел пройти через главные ворота. Было бы девять, но мой племянник Алоизиус… — Вуди снова потряс головой. — Восемь из нас избежали смерти в городе, и наша кровь защитила нас от серости, но

преследовало другое проклятье. Догадаешься?

— Каждый из вас потерял одно из своих чувств?

— Да. Лия может есть, но для неё это болезненно, как ты видел.

Я кивнул, хотя собеседник не мог этого видеть.

— Она едва может чувствовать вкус, и как понимаешь, не может говорить, кроме как через Фаладу. Лия убеждена, что это одурачит его, если он подслушивает. Я не знаю. Может быть, она права. Может быть, он слушает и это забавляет его.

— Когда вы говорите *«он»* … — Я замолчал.

Вуди взял меня за рубашку и притянул. Я наклонился к нему. Он поднёс губы к моему уху и прошептал. Я ожидал услышать «Гогмагог», но он сказал: *«Летучий Убийца»*.

11

— Он мог послать за нами наёмников, но не стал. Он позволяет нам жить, тем, кто остался; жизнь эта — уже достаточное наказание. Алоизиус, как я сказал, не выбрался из города. У Эллен, Уорнера и Греты забрали их жизни. Полагаю, Иоланда всё ещё жива, но она где-то блуждает, обезумившая. Как и я, она слепа, живёт в основном за счёт доброты незнакомцев. Я

кормлю её, когда она приходит, и соглашаюсь с тарабарщиной, которую она несёт. Все племянники, племянницы, как ты понимаешь, — родная кровь. Ты улавливаешь?

— Да. — Более-менее.

— Бёртон стал отшельником, живёт глубоко в лесу и без передыху молится о спасении Эмписа руками, которых не чувствует, когда складывает их вместе. Он не замечает ран, пока не увидит кровь. Он ест, но не понимает, полон ли его желудок или пуст.

— Господи, — произнёс я. Я думал, что слепота — худшее, что могло случиться, но ошибался.

— Волки оставили Бёртона в покое. По крайней мере, хочется на это надеяться. Прошло больше двух лет с тех пор, как он приходил сюда. Может, он тоже уже мёртв. Наша группа уехала в повозке кузнеца, а я, ещё не ослепший, как сейчас, стоял и погонял кнутом шестёрку ошалелых от страха лошадей. Со мной была моя кузина Клаудия, мой племянник Алоизиус и моя племянница Лия. Мы неслись, как ветер, Чарли, окованные колёса выбивали искры на камнях, и на изгибе моста Румпа повозка буквально подлетела на десять футов в воздух. Когда мы приземлились, я думал, что повозка опрокинется или развалится

на части, но она была крепкой и выдержала. Мы слышали рёв Ханы позади нас, подобный рёву приближающегося урагана. Я до сих пор слышу этот рёв. Я хлестнул лошадей, и они понеслись так, будто за ними гнались черти… как и было. Как раз перед воротами Алоизиус обернулся и Хана снесла ему голову с плеч. Я этого не видел, всё моё внимания было приковано к дороге, но видела Клаудия. Лия, слава Богу, нет. Она была завернута в одеяло. Следующий взмах руки Ханы оторвал заднюю часть повозки. Я чувствовал запах её дыхания, и чувствую до сих пор. Протухшая рыба и мясо, и вонь её пота. Мы миновали ворота как раз вовремя. Она взвыла, увидев, что мы удрали. Сколько же ненависти и отчаяния в этом голосе! Да, я всё ещё его слышу.

Вуди замолчал и вытер рот. Его рука дрожала, когда он это делал. Я никогда не видел ПТС, кроме как в фильмах наподобие «Повелителя бури», но именно его я сейчас и наблюдал. Я не знаю, как давно всё это произошло, но ужас всё ещё был с ним и всё ещё свеж. Мне не хотелось заставлять Вуди вспоминать то время и рассказывать о нём, но мне нужно было знать, с чем я мог столкнуться.

— Чарли, если ты сходишь в кладовую, в холо-

дильном шкафе найдёшь бутылку ежевичного вина. Я бы выпил маленький стаканчик, если ты не возражаешь. Можешь прихватить один себе.

Я нашёл бутылку и налил ему стакан. Запах перебродившей ежевики был достаточно сильным, чтобы отбить любое желание налить себе, даже без здравой опаски, с которой я относился к алкоголю благодаря отцу, так что вместо вина я налил себе ещё лимонада.

Вуди сделал два больших глотка, выпив почти всё, что было в стакане, и тяжело вздохнул.

— Так-то лучше. Эти воспоминания прискорбны и болезненны. Уже поздно, и, должно быть, ты устал, лучше поговорим о том, что ты должен сделать для спасения своей подруги. Конечно, если ты всё ещё намерен идти вперёд.

— Намерен.

— Ты рискнёшь своей жизнью и здоровьем своей собаки?

— Она всё, что осталось от мистера Боудича. — Я замешкался, потом выдал остальное: — И я люблю её.

— Очень хорошо. Я понимаю любовь. Вот, что ты должен сделать. Слушай внимательно. Через день пути ты придёшь к дому моей кузины Клаудии. Если будешь двигаться быстро. Когда

окажешься там…

Я слушал внимательно. Будто от этого зависела моя жизнь. Волки, воющие снаружи, очень убедительно на это намекали.

12

Туалет соединялся с домом Вуди коротким дощатым проходом. Когда я шёл по этому проходу с фонарём (очень старым, не похожим на «Колман»), что-то с силой ударило в стенку. Что-то голодное, предположил я. Я почистил зубы и воспользовался туалетом. Понадеялся, что Радс дотерпит до утра, так как я бы ни за что не вывел её на улицу.

В этот раз я спал не у огня, потому что в доме была вторая спальня. С розовыми стенами и маленькой кроватью, застеленой покрывалом с бабочками, что очень походило на работу Доры. Вуди сказал, что этой комнатой иногда пользуются Лия и Клаудия, хотя Лия не была тут уже много лет.

— Вот какими они были, — сказал Вуди. Он протянул руку и взял с полки маленький овальный рисунок в рамке. Я увидел девочку-подростка и молодую женщину. Обе выглядели восхитительно. Они стояли в обнимку на фоне фонтана. На

них были красивые платья и кружева в волосах. У Лии был рот, и она улыбалась, и, конечно, обе выглядели по-королевски.

Я показал на девочку.

— Это Лия? До того…?

— Да. — Вуди аккуратно вернул рисунок на место. — До того. То, что случилось с нами, произошло вскоре после нашего побега из города. Акт чистой, злорадной мести. Они были прекрасны, согласен?

— Да. — Я продолжал смотреть на улыбающуюся девочку, думая, что проклятье Лии было вдвое хуже слепоты Вуди.

— Чьей мести?

Он покачал головой.

— Я не хочу об этом говорить. Хочу лишь снова увидеть этот рисунок. Но желания, как и красота — бесплотные материи. Спокойных снов, Чарли. Ты должен выйти рано, если хочешь добраться до Клаудии до захода солнца. Она может рассказать тебе больше. И если ночью проснёшься — или тебя разбудит собака — *не ходи наружу*. Ни в коем случае.

— Я всё понял.

— Хорошо. Я рад познакомиться с тобой, юный принц. Как говорится, любой друг Адриана — мой

друг.

Вуди ушёл, ступая уверенно, но держа перед собой руку, что, должно быть, стало частью его натуры после всех лет, проведённых в темноте. Интересно, сколько? Сколько времени прошло с восхода Гогмагога и чистки, уничтожившей королевское семейство? Кем или чем был Летучий Убийца? Сколько лет прошло с тех пор, когда Лия была девочкой с улыбающимся ртом, принимающая пищу, как должное? Равнялся ли вообще один год здесь одному нашему году там?

Стивен Вудли назвался Вуди… как ковбой в «Истории Игрушек». Казалось, это совпадение, но я не думал, что совпадением были волки и дом из кирпича. И ещё он упомянул некий мост Румпа. Моя мама погибла на мосту через реку Литтл-Румпл, и своеобразный Румпельштильцхен пытался убить меня. Должен ли я поверить, что *всё* это совпадения?

Радар спала рядом с моей кроватью, и теперь, когда Вуди заострил моё внимание на её хриплом дыхании, я не мог не слышать его. Думал, что либо это, либо хаотичные завывания волков не дадут мне уснуть. Но я проделал долгий путь, таща за собой тележку. Вскоре, я уже спал без снов и проснулся, когда рано утром Вуди потряс

меня за плечо.

— Просыпайся, Чарли. Я приготовил нам завтрак — ты должен отправиться в путь, как только поешь.

13

На столе стояла миска с яичницей-болтуньей, и такая же миска с дымящимися сосисками. Вуди поел немного, Радар тоже, а об остальном позаботился я.

— Я положил твои вещи в тележку, и добавил к ним то, что тебе стоит показать моей кузине, когда ты доберёшься до её дома. Чтобы она поняла: ты пришёл от меня.

— Полагаю, она не склонна к интуиции, да?

Он улыбнулся.

— На самом деле так и есть, и я сделал всё, что было в моих силах. Но, разумеется, не стоит полагаться на подобное общение. Здесь то, что может понадобиться тебе позже, если твоя миссия завершится успехом, и ты сможешь вернуться в свой сказочный мир.

— Что это?

— Загляни в рюкзак и увидишь. — Вуди улыбнулся, потянулся ко мне и взял за плечи. — Ты можешь не быть *принцем*, Чарли, но ты храбрый

юноша.

— Когда-нибудь мой принц придёт, — протянул я.

Он улыбнулся, морщины на его лице разгладились.

— Адриан знал эту песню. Сказал, что она из движущейся картины, в которой рассказывается сказка.

— «Белоснежка и семь гномов».

Вуди кивнул.

— Ещё он сказал, что настоящая сказка была гораздо мрачней.

«Все они», — подумал я.

— Спасибо вам за всё. Позаботьтесь о себе. И о Котрионе.

— Мы позаботимся друг о друге. Ты запомнил всё, что я тебе сказал?

— Кажется, да.

— А самое важное?

— Следовать за метками мистера Боудича, вести себя тихо, и выбраться из города до наступления темноты. Чтобы не попасться ночным стражам.

— Ты поверил в то, что я говорил тебе о них, Чарли? Ты должен поверить, потому в противном случае у тебя может возникнуть соблазн задержаться там подольше, если ты не доберёшься до

солнечных часов.

— Вы сказали, что Хана — великанша, а ночные стражи — мертвецы.

— Да, но ты веришь в это?

Я вспомнил здоровенных тараканов и кроликов. Я вспомнил красного сверчка размером в половину Котрионы. Я вспомнил Дору с её исчезающим лицом и Лию со шрамом вместо рта.

— Да, — ответил я. — Я верю

— Хорошо. Не забудь показать Клаудии то, что я положил в твой рюкзак.

Я отнёс Радар в тележку и открыл рюкзак. Сверху, мягко поблескивая в свете очередного облачного дня, лежал позолоченный кулак. Я взглянул на входную дверь кирпичного дома и увидел, что дверной молоток пропал. Я взял его и удивился его весу.

— Господи, Вуди! Это что, настоящее золото?

— Оно самое. На случай, если ты почувствуешь искушение пройти мимо солнечных часов в сокровищницу, помни, что у тебя уже есть золото, помимо того, что Адриан мог забрать во дворце во время своего последнего визита. Прощай, Чарли. Я надеюсь, тебе не придётся воспользоваться оружием Адриана, но если такой момент наступит, не мешкай.

Глава шестнадцатая

Королевская дорога. Клаудия. Инструкции. Шумоделатель. Монархи.

1

Мы с Радар подошли к развилке, отмеченной указателем, гласящим, что Королевская дорога — направо. Знак, который указывал направление Приморской дороги, покосился и указывал вниз, будто Приморье располагалось под землёй. Радар издала хриплый лай, и я увидел мужчину с мальчиком, идущих со стороны Приморья. Мужчина подпрыгивал на костыле, на его левой ноге была грязная повязка, и нога едва касалась земли каждые несколько шагов. Я задумался, далеко ли он сможет уйти на одной здоровой ноге? Мальчик вряд ли мог ему помочь; он был слишком мал и нёс их пожитки в мешке, который перекладывал из руки в руку и иногда волочил по земле. Они остановились на развилке, наблюдая, как я поворачиваю направо.

— Не в ту сторону, сэр! — крикнул мальчик. — Это дорога в одержимый город! — Он был серым, но не настолько серым, как мужчина. Они могли быть отцом и сыном, но о сходстве уже невозможно судить, потому что лицо мужчины начало расплываться, а глаза сужаться.

Мужчина шлёпнул его по плечу и чуть не растянулся на земле, но мальчик поддержал его.

— Оставь его, оставь его, — произнёс мужчина. Слова были различимы, но голос приглушён, будто в горло натолкали салфеток. Думаю, скоро он будет хрипеть, как Дора.

Мужчина крикнул мне через увеличивающийся промежуток между дорогами, что явно причинило ему боль. Гримаса боли сделала расплывающиеся черты его лица ещё более страшными, но он хотел сказать своё слово:

— Здорово, цельный! Для кого из них твоя мать задрала юбку, чтобы сохранить тебе чистое личико?

Я понятия не имел, о чём он говорит, поэтому не ответил. Радар снова слабо гавкнула.

— Это у тебя собака, мужик? Или ручной волк?

Он снова шлёпнул мальчика по плечу. Затем усмехнулся мне и сделал жест, который я прекрасно понял. Видимо, некоторые вещи не меняются, независимо от того, в каком мире ты находишься. У меня возникло желание показать ему американскую версию, но я сдержался. Оскорблять людей с ограниченными возможностями — это поганое дело, даже если инвалид, о котором идёт речь, мудак, который лупит своего сына и оскорбляет вашу мать.

— Скатертью дорога, цельный! — крикнул он

своим приглушённым голосом. — Желаю, чтобы этот день стал твоим последним!

«Всегда приятно встретить доброго человека», — подумал я, и пошёл дальше. Вскоре мужчина с мальчиком скрылись из вида.

2

Впереди лежала Королевская дорога, что давало мне достаточно времени для размышлений… и вопросов.

Например, цельные люди — кто они такие? *Кем* они были? Очевидно, я относился к таким, но подумал, что в книге переписи местного населения рядом с моим именем стояла бы звёздочка, потому что я не родом из Эмписа (по крайней мере, из той части мира, которая так называлась; Вуди сказал, что великанша Хана была родом из Кратчи). К счастью, Вуди заверил меня — и у него это получилось — что я не начну сереть и терять лицо, потому что у цельных людей иммунитет к серости. Разговор шел за завтраком, и Вуди отказался от дальнейшего обсуждения серости, так как по его словам мне предстоял долгий путь и у него должно быть приятное начало. Когда я спросил о Летучем Убийце, он только нахмурился и покачал головой. Он повторил, что кузина

Клаудия может рассказать больше, и мне пришлось удовлетвориться этим. Тем не менее, то, что сказал мужчина с костылём, наводило на размышления: *Для кого из них твоя мать задрала юбку, чтобы сохранить тебе чистое личико?*

Я также задавался вопросом о постоянно сером небе. По крайней мере, днём оно всегда оставалось серым, но по ночам облака иногда расступались, пропуская лунный свет. Что, в свою очередь, пробуждало волков. Не одинокая луна, а целых две — одна в погоне за второй, и это заставило меня задуматься о том, где я нахожусь. Я прочитал достаточно научно-фантастических романов, чтобы знать о параллельных мирах и множественных Землях, но мне пришла мысль, что пройдя через место в подземном коридоре, где мои тело и сознание, казалось, разделились, я мог оказаться на совершенно другом уровне существования. Из-за двух лун казалось вполне вероятным, что я на планете в далёкой-далёкой галактике, но тут не было инопланетных форм жизни. Тут были *люди*.

Я подумал о книге на прикроватном столике мистера Боудича, где на обложке была изображена воронка, заполняющаяся звёздами. Что если я нашёл свой способ попасть в мировую структуру,

о которой шла речь? (я жалел, что не положил книгу в рюкзак вместе с едой, таблетками Радар и пистолетом Полли). Эта мысль заставила меня вспомнить фильм, который я смотрел с мамой и папой, когда был совсем маленьким, — назывался он: «Бесконечная история». Допустим, что Эмпис, как Фантазия в том фильме, — мир, созданный коллективным воображением? Укладывалось ли это также в Юнгианскую концепцию? Откуда мне было знать, если я даже не уверен, как произносится имя этого типа: *Юнг* или *Йунг*?

Я размышлял об этих вещах, но продолжал возвращаться к более реальной материи: к моему отцу. Знал ли он уже о моем исчезновении? Возможно, он всё ещё был не в курсе (а в неведении, как говорится, счастье), но как у Вуди, у него могла сработать *интуиция* — у родителей, как я слышал, она хорошо развита. Он попытается позвонить, и когда я не отвечу, напишет сообщение. Он может просто предположить, что я слишком занят школой, но долго это не прокатит, ведь он знал, что я перезваниваю сразу, как только могу.

Мне не нравилось представлять, как отец волнуется, но я ничего не мог с этим поделать. Я принял своё решение. К тому же — должен это сказать, раз уж обещал выкладывать всё начи-

стоту — я был рад находиться здесь. Не скажу, что это весело, но да, я был рад. Я жаждал ответов на тысячу вопросов. Я хотел увидеть, что находится за каждым новым подъёмом и поворотом. Я хотел увидеть то, что мальчик назвал одержимым городом. Естественно, я боялся — Ханы, ночных стражей и кого-то или чего-то, кого звали Летучим Убийцей, но больше всего Гогмагога, — но также я чувствовал воодушевление. Помимо всего прочего была ещё Радар. Если я мог дать ей второй шанс, то собирался это сделать.

Там, где я остановился на обед и отдых, лес близко подступал с обоих сторон дороги. Я не наблюдал никакой живности, но, правда, там было полно тёмных уголков.

— Хочешь перекусить, Радс?

Я надеялся, что она хочет, потому что утром я не давал ей таблетки. Открыв рюкзак, я достал банку сардин, открыл и протянул банку ей, чтобы она могла хорошенько понюхать. Радар подняла нос, но не встала на лапы. Из её глаз сочилось ещё больше липкой гадости.

— Ну же, девочка, они же тебе нравятся.

Ей удалось сделать три или четыре шага вниз по покатому дну тележки, а потом её задние лапы сдались. Остаток пути она проскользила, завали-

ваясь на бок и взвыв от боли. Радар шлёпнулась боком на дорогу и посмотрела на меня, тяжело дыша. Одна сторона её морды испачкалась в пыли. Мне было больно видеть её такой. Она попыталась встать и не смогла.

У меня из головы моментально вылетели цельные люди, серые люди, даже отец. Все они были забыты. Я смахнул пыль, поднял собаку и понёс на узкую полоску травы между дорогой и нависающими над головой кронами деревьев. Уложив Радар, я погладил её по голове, затем осмотрел задние лапы. Они не выглядели сломанными, но она взвизгнула и оскалила зубы — не для укуса, а от боли, — когда я ощупал их ближе к телу. Мне её лапы казались вполне нормальными, но я был почти уверен, что рентгеновский снимок показал бы сильно опухшие и воспалённые суставы.

Радар выпила немного воды и съела пару сардин… думаю, чтобы не расстраивать меня. Сам я потерял аппетит, но заставил себя съесть немного жаренного кролика, которого дала Дора, и пару печений. Мне нужно было заправиться. Когда я осторожно поднял Радар и поместил её назад в тележку, то слышал её хриплое дыхание и чувствовал каждое ребро. Вуди сказал, что она умирает, и он был прав, но я пришёл сюда не за

тем, чтобы Радар умерла в тележке Доры. Я взялся за ручки, двинулся вперёд, не бегом — я знал, что выбьюсь из сил, — но быстрым шагом.

— Держись. Завтра всё может стать лучше, так что держись, девочка.

Радар завиляла хвостом — я услышал, как хвост хлопает по дну тележки.

3

Облака потемнели, пока я тащил тележку по Королевской дороге, но дождя не было. Это хорошо. Я не боялся промокнуть, но дождь навредил бы Радар, а мне не чем было её укрыть. Кроме того, если сильный дождь размоет дорогу, станет тяжело тащить тележку.

Где-то четыре или пять часов спустя после падения Радар, я преодолел крутой подъём и остановился, отчасти, чтобы перевести дыхание, но на самом деле, чтобы осмотреться. Передо мной простирались земельные владения, и впервые за всё время я отчётливо увидел башни города. В этом тусклом свете башни имели угрюмый оливковый оттенок, как мыльный камень. Высокая серая стена уходила в даль по обе стороны дороги, насколько хватало глаз. Я всё ещё находился в нескольких милях от неё, и было невозможно

определить её высоту, но мне показалось, что я разглядел монструозные ворота в центре. *«Если они заперты,* — подумал я, — *то я в полной жопе»*.

Дорога от дома Вуди до того места, где я остановился передохнуть и осмотреться, была извилистой, но вела прямо к городским воротам. За несколько миль лес начал отступать, и я увидел брошенные повозки и что-то похожее на плуги на заросших полях. И ещё кое-что: какое-то транспортное средство, движущееся в мою сторону. У меня хорошее зрение, но повозка находилась в милях от меня, и я не мог её разглядеть. Я дотронулся до рукояти револьвера мистера Боудича, не проверяя — на месте ли он, а для успокоения.

— Радс? Ты в порядке?

Я оглянулся через плечо и увидел, что она смотрит на меня, сидя у переднего края тележки. Это хорошо. Я взялся за ручки и продолжил путь. Мои ладони прилично покрылись волдырями, и я бы многое отдал за рабочие перчатки. Чёрт, даже за пару рукавиц. Слава Богу, дорога пошла под уклон.

Пройдя милю или две (по мере спуска верхушки башен тонули за высокой городской стеной), я снова остановился. Теперь я видел, что человек,

движущийся навстречу, судя по всему, ехал на большом трёхколёсном велосипеде. Когда дистанция между нами сократилась, я увидел, что за рулём женщина, ехавшая с большой скоростью. На ней было чёрное платье, развевающееся вокруг её ног, и мне снова вспомнился «Волшебник страны Оз». Особенно чёрно-белая часть в начале, когда Альмира Галч едет на велосипеде под грозным небом Канзаса, чтобы усыпить собаку Дороти за то, что та укусила её. В задней части приближающегося трёхколёсного велосипеда даже крепилась деревянная корзина, хотя и гораздо больше той, что была на велосипеде мисс Галч.

— Не переживай, Радс, — сказал я. — Она никуда тебя не заберёт.

Когда женщина подъехала совсем близко, я остановился и размял свои уставшие руки. Я собирался проявить дружелюбие на случай, если это та, о ком я подумал, но также был готов защитить себя и свою собаку, если оказалось бы, что она эмписийская версия злой ведьмы.

Женщина остановилась, крутанув педали в обратную сторону и подняв при этом приличное облако пыли. Её платье перестало развеваться и повисло вдоль ног. Под платьем на ней были плотные чёрные леггинсы и большие чёрные

ботинки. Этой даме не требовались услуги Доры-обувщицы. Её лицо раскраснелось от физической нагрузки и не имело ни малейших следов серости. Если бы мне предложили угадать, я дал бы ей лет тридцать-сорок, но это всего лишь догадка. Время в Эмписе идёт странно, как и старение.

— Вы Клаудия, правильно? — спросил я. — Погодите, я вам кое-что покажу.

Я открыл рюкзак и достал золотой дверной молоток. Она едва глянула на него, только кивнула и перегнулась через руль. На её руках были кожаные перчатки, чему я горько позавидовал.

— Я КЛАУДИЯ! НА САМОМ ДЕЛЕ МНЕ НЕ НУЖНО ЭТО ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО ТЫ ПРИДЁШЬ! — Она постучала себя по виску и залихватски рассмеялась. — СНАМ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ, НО СЕГОДНЯ УТРОМ Я ВИДЕЛА СНАБА — ЭТО ВСЕГДА ПРИЗНАК ДОЖДЯ ИЛИ КОМПАНИИ! — Её голос звучал не просто громко, он был совершенно безликим, как голос злого компьютера в старом научно-фантастическом фильме. Она добавила то, что можно было и не уточнять: — Я ГЛУХАЯ!

Женщина повернула голову. Её волосы были собраны в высокий пучок, и я увидел бы ухо, будь оно у неё. Как и в случае с ртом Лии и глазами

Вуди, там был только шрам.

4

Клаудия подобрала полы, слезла с велосипеда и направилась к тележке взглянуть на Радар. Попутно она похлопала по рукояти револьвера.

— БОУДИЧА! Я ЕГО ПОМНЮ! И ПОМНЮ ЕЁ!

Радар подняла голову, когда Клаудия погладила её и почесала за ушами, как больше всего нравилось Радс. Клаудия наклонилась ближе, очевидно, нисколько не боясь быть укушенной, и принюхалась. Радар лизнула её в щёку.

Клаудия повернулась ко мне.

— ОНА СИЛЬНО БОЛЬНА!

Я кивнул. Не было смысла отрицать это.

— НО МЫ ПОДДЕРЖИМ ЕЁ! ОНА ЕСТ?

Я помахал рукой, имея в виду: немного.

— Вы умеете читать по губам? — Я дотронулся до своих, затем указал на её губы.

— ВСЁ ЕЩЁ МНОГОМУ НЕ НАУЧИЛАСЬ! — протрубила
Клаудия. — НЕ НА КОМ ПРАКТИКОВАТЬСЯ! МЫ ДАДИМ ЕЙ ГОВЯЖИЙ БУЛЬОН! УЖ ЭТО-ТО ОНА СЪЕСТ! ПРИВЕДЁМ ЕЁ В ФОРМУ! НЕ ХОЧЕШЬ ПЕРЕНЕСТИ ЕЁ В МОЮ КОРЗИНУ? МОЖНО БУДЕТ ДВИГАТЬСЯ БЫСТРЕЕ!

Я не мог сказать ей, что боюсь повредить задние лапы Радар, поэтому просто покачал головой.

— ЛАДНО, НО ПОТОРОПИМСЯ! ТРИ ЗВОНА КОЛОКОЛА НЕ ЗАСТАВЯТ СЕБЯ ЖДАТЬ! КОНЕЦ ДНЯ! ДОЛБАНЫЕ ВОЛКИ, НУ ТЫ ЗНАЕШЬ!

Клаудия развернула свой велосипед — сиденье, должно быть, находилось в пяти футах над землёй, — затем взобралась на него. Она медленно крутила педали; дорога была достаточно широкой, чтобы я мог идти рядом и нам с Радар не приходилось глотать пыль.

— ЧЕТЫРЕ МИЛИ! — выкрикнула она своим безликим голосом. — ТЯНИ ЖИВЕЕ, ЮНОША! Я БЫ ДАЛА ТЕБЕ СВОИ ПЕРЧАТКИ, НО У ТЕБЯ СЛИШКОМ БОЛЬШИЕ РУКИ! КОГДА БУДЕМ ПОД КРЫШЕЙ, Я ДАМ ТЕБЕ ХОРОШУЮ МАЗЬ! МОЙ СОБСТВЕННЫЙ РЕЦЕПТ — ЧЕРТОВСКИ ПОМОГАЕТ! МОЗОЛИ БЫВАЮТ ОЧЕНЬ БОЛЕЗНЕННЫМИ!

5

К тому времени, когда мы приблизились к дому Клаудии, уже начало темнеть, и я почти выдохся. Два дня таскания тележки Доры — по сравнению с этим футбольная тренировка казалась простой разминкой. В миле или двух впереди я видел что-то вроде пригорода, хотя это слово

вряд ли подходит — там стояли коттеджи, как у Доры, но со сломанными крышами. Сначала они ютились на некотором удалении друг от друга, с небольшими двориками и садовыми участками, но по мере приближения к стене, стояли плечом к плечу. У домиков торчали трубы, но дым не поднимался. Дороги и улицы местами начали зарастать. Посреди центральной дороги была брошена повозка, что-то вроде длинного грузового фургона. Когда мы подошли ближе, я решил, что это похоже на автобус. Я указал на него.

— ТРАМВАЙ! — прогремела Клаудия. — УЖЕ ДАВНО ТАМ СТОИТ! ТЯНИ, ЮНОША! НАПРЯГИ СРАЛЬНИК! — *Такого* я никогда раньше не слышал; стоило запомнить для Энди Чена, если я когда-нибудь снова увижу его. — ПОЧТИ ПРИШЛИ!

Откуда-то со стороны города донёсся мрачный и всеобъемлющий тройной звон колокола: *ДОНГ, ДОНГ, ДОНГ*. Клаудия увидела, как Радар оживилась и повернулась на звук.

— ТРОЙНОЙ ЗВОН?

Я кивнул.

— В СТАРЫЕ ВРЕМЕНА ЭТО ОЗНАЧАЛО: БРОСАЙ РАБОТУ И ИДИ ДОМОЙ УЖИНАТЬ! ТЕПЕРЬ НЕТ РАБОТЫ И НЕКОМУ РАБОТАТЬ, НО КОЛОКОЛ ПРОДОЛЖАЕТ ЗВОНИТЬ! Я ЕГО НЕ СЛЫШУ, НО

ОЩУЩАЮ ЗУБАМИ, ОСОБЕННО В ГРОЗУ!

Дом Клаудии стоял на заросшем сорняками участке земли перед грязным прудом, обрамлённом кустами. Дом круглой формы был построен из обрезков досок и кусков листового железа. Мне он показался очень хлипким, из-за чего снова вспомнилась сказка про поросят и волка. У Вуди дом был из кирпичей, у Клаудии из палок. Если существовал ещё один родственник, живущий в соломенном доме, я предположил, что его или её давно сожрали.

Когда мы добрались до дома, я увидел несколько мёртвых волков, три или четыре перед домом и ещё одного, лапы которого торчали из сорняков, с краю. Я не слишком хорошо разглядел последнего, но остальные тела сильно разложились, ребра проглядывали сквозь мех. Глаз не было, вероятно, их выклевали голодные вороны, и пустые глазницы, казалось, таращились на меня, когда мы свернули на протоптанную тропинку, ведущую к двери. Я с облегчением увидел, что волки не были гигантскими, как насекомые… но достаточно крупные. Вернее, были крупными при жизни. Смерть посадила их на строгую диету, как, полагаю, случается со всеми живыми существами.

— Я ОТСТРЕЛИВАЮ ИХ, КОГДА МОГУ! — сказала Клаудия, слезая со своего велосипеда. — ЭТО ДЕРЖИТ ОСТАЛЬНЫХ ПОДАЛЬШЕ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ! КОГДА ЗАПАХ СЛАБЕЕТ, Я ОТСТРЕЛИВАЮ ЕЩЁ ПАРОЧКУ УБЛЮДКОВ!

«Для особы королевских кровей, — подумал я, — *она ругается, как сапожник»*.

Я опустил ручки тележки, дотронулся до её плеча и вынул револьвер мистера Боудича из кобуры. Вопросительно поднял брови. Я не был уверен, но, кажется, она поняла. Клаудия улыбнулась, показав отсутствие нескольких зубов.

— НЕ, НЕ, У МЕНЯ ТАКОГО НЕТ! АРБАЛЕТ! — Она изобразила, будто он у неё в руках. — Я СДЕЛАЛА ЕГО САМА! ЕСТЬ ЕЩЁ КОЕ-ЧТО, ДАЖЕ ЛУЧШЕ! АДРИАН ПРИНЁС ЕГО, КОГДА ЕГО СОБАКА БЫЛА ЕЩЁ ЩЕНКОМ!

Она подошла к двери и распахнула своей мускулистой рукой. Я достал Радар из тележки и попытался поставить на лапы. Она смогла устоять и даже пройтись, но перед каменной ступенькой остановилась и посмотрела на меня в надежде на помощь. Пришлось её поднять. Дом представлял собой одно большое круглое помещение; небольшая часть пространства скрывалась за синей бархатной занавеской с алыми и золотыми

нитями. Внутри стояла плита, маленькая кухня и рабочий стол с разложенными инструментами. Также на столе лежали стрелы на разных стадиях изготовления и плетёная корзина с полудюжиной готовых. Кончики сверкнули, когда хозяйка чиркнула длинной спичкой и зажгла пару масляных ламп. Я взял одну стрелу, чтобы поближе рассмотреть наконечник. Он был золотым. И острым. Когда я прикоснулся к нему подушечкой указательного пальца, сразу же выступила капелька крови.

— НУ, НУ, ТЫ ХОЧЕШЬ НАВЛЕЧЬ НА СЕБЯ БЕДУ?

Она схватила меня за рубашку и потащила к оловянной раковине. Над ней располагался ручной насос. Клаудия несколько раз сильно надавила на ручку, затем сунула мой кровоточащий палец под ледяную воду.

— Это же пустяк… — начал я, потом сдался и позволил ей сделать то, что она хотела. Наконец она закончила, поразив меня тем, что поцеловала ранку, как мама целует там, где «бо-бо».

— СЯДЬ! ОТДОХНИ! СКОРО БУДЕМ ЕСТЬ! НУЖНО ПОЗАБОТИТЬСЯ О ТВОЕЙ СОБАКЕ! ПОТОМ НУЖНО НАЙТИ ТЕБЕ РУКАВИЦЫ!

Клаудия поставила чайник на плиту, и когда он

нагрелся, но не закипел, достала из-под раковины таз и наполнила его. В воду она налила чего-то дурно пахнущего из кувшина, взятого с одной из полок. На полках было полно всего, что-то в банках, что-то в пачках, похожих на перевязанную бечевками марлю, но в основном там стояли стеклянные банки. На стене рядом с бархатной занавеской висел арбалет, и выглядел он внушительно. Интерьер напоминал пограничный дом, а Клаудия выглядела не королевской особой, а женщиной с фронтира, суровой и готовой ко всему.

Она намочила тряпку в вонючем вареве, отжала её, затем присела на корточки перед Радар, которая глядела с подозрением. Клаудия начала деликатно промакивать верхнюю часть собачьей лапы. Занимаясь этим, она издавала странный мелодичный звук, который, как мне кажется, был пением. Тон понижался и повышался, в то время, как её голос постоянно был громким и монотонным, почти как объявления по системе внутреннего оповещения в моей школе. Я боялся, что Радар может попытаться вырваться или даже укусить её, но этого не произошло. Собака опустила голову на грубые доски и удовлетворённо вздохнула.

Клаудия
просунула руки под Радар. «ПЕРЕВЕРНИСЬ, МИЛАЯ! МНЕ НУЖНА ДРУГАЯ ЛАПА!»

Радар не перевернулась, а, скорее, перевалилась на другой бок. Клаудия ещё раз смочила тряпку и взялась за вторую заднюю лапу. Когда она закончила, то отжала тряпку в раковину и взяла две новые. Она смочила их, отжала и повернулась ко мне.

— ПОДЕРЖИ ИХ, ЮНЫЙ ПРИНЦ! ТАК ТЕБЯ НАЗЫВАЛ ВУДИ В МОЁМ СНЕ!

Я не стал говорить, что я обычный старый добрый Чарли, это было бесполезно, поэтому просто взял тряпки. Клаудия обернула их вокруг моих ладоней. Вонь от её зелья была неприятной, но я мгновенно ощутил облегчение. Я не мог передай ей это словами, но она всё прочитала по моему лицу.

— ЧЕРТОВСКИ ХОРОШО, ДА? МОЯ БАБУШКА ПОКАЗАЛА МНЕ РЕЦЕПТ ДАВНЫМ-ДАВНО, КОГДА ТРАМВАИ ЕЩЁ ХОДИЛИ ПО МАРШРУТУ В УЛЛУМ И ТАМ БЫЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ МОГЛИ СЛЫШАТЬ КОЛОКОЛ! Я ИСПОЛЬЗУЮ ИВОВУЮ КОРУ, НО НЕ ТОЛЬКО! НЕ ТОЛЬКО, МАЛЬЧИК МОЙ! ДЕРЖИ РУКИ ТАК, ПОКА Я ПРИНЕСУ НАМ КАКОЙ-НИБУДЬ СНЕДИ! ТЫ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ГОЛОДЕН!

6

Это был стейк с зелёной фасолью, и что-то вроде яблочно-персикового пирога на десерт. Оказавшись в Эмписе, я постоянно получал бесплатную еду — снедь — и Клаудия всё продолжала наполнять мою тарелку. Радар достался черпак говяжьего бульона с шариками жира, плавающими сверху. Она дочиста вылизала миску и кости, и посмотрела на Клаудию, желая добавки.

— НЕ, НЕ, НЕ! — взревела Клаудия, наклонившись почесать Радар за ушами, как той нравилось. — ТЫ СРАЗУ ВСЁ СРЫГНЁШЬ НАЗАД, СТАРАЯ ТЫ СУКА, И КАКАЯ ТОГДА ПОЛЬЗА? НО ВОТ ЭТО НЕ ПОВРЕДИТ!

На столе лежала буханка чёрного хлеба. Она отщипнула кусочек своими сильными, закалёнными в работе пальцами (*она* могла бы тащить тележку весь день, не заработав мозоли), затем взяла стрелу из корзинки. Насадила хлеб, открыла дверцу плиты, и сунула туда. Наружу хлеб вышел ещё чернее и в огне. Она задула пламя, как праздничную свечку, намазала кусок маслом из глиняного кувшина на столе, затем протянула Радар. Собака поднялась на ноги, зубами сняла хлеб с острия, и отнесла в уголок. Её суставам

явно стало лучше. Я подумал, будь у мистера Боудича немного мази Клаудии, возможно, он мог бы обойтись без «Оксиконтина».

Клаудия прошла за бархатную занавеску, скрывавшую её будуар и вернулась с блокнотом и карандашом. Она протянула их мне. Я взглянул на тиснёные буквы на карандаше и ощутил нереальность происходящего. Там было написано: «ПОДАРОК ОТ ЛЕСОРУБОВ СЕНТРИ». В блокноте осталось всего несколько страниц. Я посмотрел на обратную сторону и увидел выцветший ценник: 1 доллар и 99 центов.

— ПИШИ, ЕСЛИ БУДЕТ НУЖНО, В ДРУГИХ СЛУЧАЯХ ПРОСТО КИВАЙ ИЛИ КАЧАЙ ГОЛОВОЙ! ЭКОНОМЬ ДОБЛАНУЮ БУМАГУ; АДРИАН ПРИНЁС ЕЁ В СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПРИХОД ВМЕСТЕ С ШУМОДЕЛАТЕЛЕМ И ЭТО ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ! ПОНЯЛ?

Я кивнул.

— ТЫ ПРИШЁЛ, ЧТОБЫ ОБНОВИТЬ СОБАКУ АДРИ, Я ПРАВА?

Я кивнул.

— ТЫ СМОЖЕШЬ НАЙТИ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ, ЮНОША?

Я написал и протянул ей блокнот: *мистер Боудич оставил по пути свои инициалы.* Что, как я

надеялся, лучше хлебных крошек. Если только их не смыл дождь.

Клаудия кивнула и склонила голову в раздумье. В свете ламп я мог видеть явное сходство с её кузеном Вуди, хотя он был гораздо старше. В ней была какая-то грубая красота, приобретённая за годы работы и стрельбы по мишеням в виде волков-мародёров. *«Королевская семья в изгнании,* — подумал я. — *Она, Вуди и Лия. Не три маленьких поросёнка, а три маленьких голубокровки»*.

Наконец она подняла глаза и сказала: «РИСКОВАННО!»

Я кивнул.

— ВУДИ СКАЗАЛ ТЕБЕ, КАК НУЖНО ИДТИ И ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ?

Я пожал плечами и написал: *нужно вести себя тихо.*

Она фыркнула, будто это вообще не помогало.

— Я НЕ ХОЧУ НАЗЫВАТЬ ТЕБЯ ЮНОШЕЙ ИЛИ ЮНЫМ ПРИНЦЕМ, ХОТЯ В ТЕБЕ ЕСТЬ ЧТО-ТО ОТ ПРИНЦА! КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Я написал *ЧАРЛИ РИД* заглавными буквами.

— ШАРЛИ?

Почти. Я кивнул.

Клаудия взяла полено из ящика у плиты, засу-

нула в топку и захлопнула дверцу. Вернувшись на своё место, сложила руки на подоле платья, и подалась вперёд. Её лицо стало серьёзным.

—

К ЗАВТРЕМУ ТЫ ОПОЗДАЕШЬ С ВЫПОЛНЕНИЕМ СВОЕГО ЗАДАНИЯ, ШАРЛИ, ТАК ЧТО ТЕБЕ ПРИДЁТСЯ ПЕРЕНОЧЕВАТЬ В АНГАРЕ ЧУТЬ В СТОРОНЕ ОТ ГЛАВНЫХ ВОРОТ! ПЕРЕД НИМ СТОИТ КРАСНЫЙ ФУРГОН БЕЗ КОЛЁС! ЗАПИШИ!

Я записал: *ангар, красный фургон без колёс.*

— ДЛЯ НАЧАЛА ХВАТИТ! ОН НЕ ЗАПЕРТ, НО ВНУТРИ ЕСТЬ ЗАСОВ! ВОСПОЛЬЗУЙСЯ ИМ, ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ВОЛКИ СОСТАВИЛИ ТЕБЕ КОМПАНИЮ! ЗАПИШИ!

Есть засов.

— ОСТАВАЙСЯ ВНУТРИ, ПОКА НЕ УСЛЫШИШЬ ЗВОН УТРЕННЕГО КОЛОКОЛА! ОДИН РАЗ! ТЫ УВИДИШЬ, ЧТО ГОРОДСКИЕ ВОРОТА ЗАПЕРТЫ, НО ИМЯ ЛИИ ОТКРОЕТ ИХ! ТОЛЬКО ЕЁ! ЛИЯ ГАЛЛИЕН! ЗАПИШИ!

Я записал: *Лия Галлеон*. Она жестом попросила блокнот на проверку, нахмурилась, затем попросила карандаш. Она зачеркнула *«Галлеон»* и написала *«Галлиен»*.

— ПАРЕНЬ, В ТВОИХ КРАЯХ НИКТО НЕ УЧИЛ ТЕБЯ ПРОИЗНОШЕНИЮ?

Я пожал плечами. Галлеон или Галлиен — они звучали одинаково. И вообще, если город был пуст, кто меня услышит и впустит?

— БУДЬ ТАМ И ПРОЙДИ ЧЕРЕЗ ЧЁРТОВЫ ВОРОТА СРАЗУ ПОСЛЕ ЗВОНА КОЛОКОЛА, ПОТОМУ ЧТО ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ ЧЕРТОВСКИ ДОЛГО ЧАПАТЬ.

Она потёрла лоб и обеспокоенно посмотрела на меня.

— ЕСЛИ НЕ ПРОВОРОНИШЬ ЗНАКИ АДРИ, ВСЁ ДОЛЖНО ПОЛУЧИТЬСЯ! ЕСЛИ НЕТ, УНОСИ НОГИ, ПОКА НЕ ЗАБЛУДИЛСЯ! УЛИЦЫ — НАСТОЯЩИЙ ЛАБИРИНТ! БУДЕШЬ ВСЁ ЕЩЁ БРОДИТЬ ПО ЭТОЙ АДСКОЙ ДЫРЕ, КОГДА СТЕМНЕЕТ!

Я записал: *она умрёт, если я не обновлю её!*

Клаудия прочитала это и бросила блокнот обратно мне.

— ТЫ ЛЮБИШЬ ЕЁ НАСТОЛЬКО, ЧТО ГОТОВ УМЕРЕТЬ ВМЕСТЕ С НЕЙ?

Я замотал головой. Клаудия удивила меня почти музыкальным смехом. Мне показалось, что это маленький остаток того, каким её голос был раньше, пока её не прокляли на вечную жизнь в тишине.

— НЕ САМЫЙ БЛАГОРОДНЫЙ ОТВЕТ, НО ТЕ, КТО ОТВЕЧАЮТ БЛАГОРОДНО, ПОГИБАЮТ МОЛОДЫМИ СО ШТАНАМИ ПОЛНЫМИ ДЕРЬМА!

ХОЧЕШЬ НЕМНОГО ЭЛЯ?

Я покачал головой. Клаудия встала, порылась в том, что мне напомнило холодную кладовую, и вернулась с белой бутылкой. Она вытащила большим пальцем пробку с отверстием — чтобы, как я догадался, дать жидкости подышать — и сделала большой глоток. Далее последовала громкая отрыжка. Она снова села, держа бутылку на коленях.

— ЕСЛИ МЕТКИ ТАМ, ШАРЛИ — МЕТКИ АДРИАНА — СЛЕДУЙ ПО НИМ ТАК БЫСТРО, КАК СМОЖЕШЬ И ТИХО! ВСЕГДА БУДЬ ТИХИМ! НЕСМОТРЯ НА ГОЛОСА В ГОЛОВЕ, КОТОРЫЕ МОЖЕШЬ УСЛЫШАТЬ. ЭТО ГОЛОСА МЁРТВЫХ… И ДАЖЕ ХУЖЕ, ЧЕМ МЁРТВЫХ!

Хуже, чем мертвых? Мне не понравилось, как это прозвучало. К слову о звуке: деревянные колёса тележки Доры наверняка будут стучать по мощёным улицам. Возможно, Радар смогла бы пройти часть пути, а остальную часть я бы пронёс её на руках.

— ТЫ МОЖЕШЬ УВИДЕТЬ НЕПОНЯТНЫЕ ВЕЩИ… ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМАХ ВЕЩЕЙ… НО НЕ ОБРАЩАЙ ВНИМАНИЯ! В КОНЦЕ КОНЦОВ ТЫ ВЫЙДЕШЬ НА ПЛОЩАДЬ С ПЕРЕСОХШИМ ФОНТАНОМ!

Я подумал, что уже видел этот фонтан на рисунке с изображением Клаудии и Лии, который мне показывал Вуди.

— РЯДОМ СТОИТ ОГРОМНЫЙ БЕЛЫЙ ДОМ С КОРИЧНЕВЫМИ СТАВНЯМИ! В ЦЕНТРЕ ЕСТЬ ПРОХОД! ЭТО ДОМ ХАНЫ! В ОДНОЙ ПОЛОВИНЕ ЖИВЁТ ХАНА! В ДРУГОЙ — КУХНЯ, ГДЕ ХАНА ПРИНИМАЕТ ПИЩУ! ЗАПИШИ ЭТО!

Я записал, а потом блокнот взяла Клаудия. Она нарисовала проход с изогнутым верхом. Над ним она нарисовала бабочку с распростёртыми крыльями. Для быстрого наброска рисунок был очень хорош.

— ТЫ ДОЛЖЕН ПРЯТАТЬСЯ, ШАРЛИ! ТЫ И ТВОЯ СОБАКА! ОНА БУДЕТ ВЕСТИ СЕБЯ ТИХО?

Я кивнул.

— ТИХО НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО?

Я не был уверен, но снова кивнул.

— ДОЖДИСЬ, КОГДА КОЛОКОЛ ПРОЗВОНИТ ДВАЖДЫ! ЗАПИШИ!

2 звонка, написал я.

— ВОЗМОЖНО, ТЫ УВИДИШЬ ХАНУ ДО ЗВОНА! ВОЗМОЖНО, НЕТ! НО ТЫ УВИДИШЬ ЕЁ, КОГДА ОНА ПОЙДЁТ НА КУХНЮ В ПОЛДЕНЬ! ТОГДА-ТО ТЫ И ДОЛЖЕН ПРОЙТИ ЧЕРЕЗ ПРОХОД — КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ! ЗАПИШИ!

В этом не было нужды — я и сам не хотел пробыть долго рядом с Ханой, если она была настолько опасной, как я слышал, — но было ясно, что Клаудия очень беспокоится за меня.

— ДО СОЛНЕЧНЫХ ЧАСОВ БУДЕТ РУКОЙ ПОДАТЬ! ТЫ УВИДИШЬ, ТАМ ШИРОКИЕ ДОРОЖКИ! ПОМЕСТИ ЕЁ НА ЧАСЫ И КРУТАНИ ИХ ПРОТИВ ЧАСОВОЙ! ДЕЛАЕТСЯ ЭТО ВРУЧНУЮ! ИМЕЙ В ВИДУ, ЕСЛИ КРУТАНЁШЬ ПО ЧАСОВОЙ, ЭТО УБЬЁТ ЕЁ! И САМ ДЕРЖИСЬ ОТ НИХ ПОДАЛЬШЕ! ЗАПИШИ!

Я записал, но только ради неё. Я читал «Надвигается беда» и знал об опасности вращения солнечных часов не в ту сторону. Уж в чём Радар не нуждалась, так это в дальнейшем старении.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ ТЕМ ЖЕ ПУТЁМ! НО ОСТЕРЕГАЙСЯ ХАНЫ! ПРИСЛУШАЙСЯ К НЕЙ В ПРОХОДЕ!

Я поднял руки и замотал головой: *я не понимаю.*

Клаудия мрачно улыбнулась.

— ВЕЛИКАЯ СУЧКА ВСЕГДА СПИТ ПОСЛЕ ЕДЫ! И ХРАПИТ! ТЫ ЕЁ УСЛЫШИШЬ, ШАРЛИ! КАК РАСКАТ ГРОМА!

Я поднял два больших пальца.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ СКОРЕЕ! ЭТО ДАЛЕКО И У

ТЕБЯ БУДЕТ МАЛО ВРЕМЕНИ! НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОХОДИТЬ ЧЕРЕЗ ВОРОТА В ТОТ ЖЕ МОМЕНТ, КОГДА КОЛОКОЛ ПРОЗВЕНИТ ТРИ РАЗА, НО ТЫ ДОЛЖЕН ПОКИНУТЬ ЛИЛИМАР ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЭТОГО! ДО ТЕМНОТЫ!

Я написал в блокноте *«Ночные стражи?»* и показал ей. Клаудия отхлебнула эля. Она выглядела мрачной.

— ДА! ОНИ! ТЕПЕРЬ ЗАЧЕРКНИ ЭТО!

Я зачеркнул и показал ей.

— ХОРОШО! ЧЕМ МЕНЬШЕ БУДЕТ НАПИСАНО ИЛИ СКАЗАНО ОБ ЭТИХ ПИДОРАХ, ТЕМ ЛУЧШЕ! ЗАНОЧУЙ В АНГАРЕ С КРАСНЫМ ФУРГОНОМ! ВЫХОДИ, КОГДА УСЛЫШИШЬ УТРЕННИЙ ЗВОН! ВОЗВРАЩАЙСЯ СЮДА! ЗАПИШИ!

Я записал.

— МЫ ЗАКОНЧИЛИ, — сказала Клаудия. — ТЫ, ДОЛЖНО БЫТЬ, УСТАЛ, И СЕЙЧАС ТЕБЕ НУЖНО ОТДОХНУТЬ, А ЗАВТРА ПРЕДСТОИТ ДОЛГИЙ ПУТЬ!

Я кивнул и написал пару слов в блокноте. Я протянул его одной рукой, а второй взял Клаудию за руку. В блокноте крупными буквами было написано: *СПАСИБО ВАМ*.

— НЕ, НЕ, НЕ! — Она сжала мою ладонь, затем поднесла её к своим потрескавшимся губам и

поцеловала. — Я ЛЮБИЛА АДРИ! НЕ ТАК, КАК ЖЕНЩИНА ЛЮБИТ МУЖЧИНУ, НО, КАК СЕСТРА ЛЮБИТ БРАТА! Я ЛИШЬ НАДЕЮСЬ, ЧТО НЕ ПОСЫЛАЮ ТЕБЯ НА СМЕРТЬ… ИЛИ ХУЖЕ!

Я улыбнулся и снова поднял два больших пальца вверх, пытаясь убедить её, что со мной всё будет в порядке. Что, конечно, было не так.

7

Прежде чем я смог задать ещё какие-нибудь вопросы — а их было много — о себе дали знать волки. Много волков, воющих во всю глотку. Я увидел лунный свет между усохшими досками, и раздался такой сильный удар о стену, что весь дом задрожал. Радар залаяла и вскочила на лапы, навострив уши. Последовал ещё один удар, затем третий, и ещё два одновременно. С одной из полок упала бутыль, и я почувствовал запах огуречного рассола.

Я вытащил револьвер мистера Боудича, подумав: *«Они будут дуть и дуть, пока домик не рухнет»*.

— НЕ, НЕ, НЕ, — выпалила Клаудия. Она выглядела почти удивлённой. — ИДИ ЗА МНОЙ, ШАРЛИ, ПОКАЖУ, ЧТО ПРИНЁС АДРИАН!

Она отодвинула бархатную занавеску и жестом

пригласила меня войти. Большая комната была опрятной, её спальня — нет. Не скажу, что её личные покои похожи на свинарник, но… знаете, вообще-то, *скажу*. Два стёганых одеяла скомканы и отброшены в сторону. Штаны, рубахи и нижнее бельё, похожее на хлопковые панталоны и сорочки, разбросаны по полу. Клаудия отбросила одежду в сторону, когда повела меня в дальний конец спальни. То, что она хотела мне показать, беспокоило меня меньше, чем атака волков снаружи. А это *была* атака, удары по её хлипкому деревянному дому теперь почти не прекращались. Я боялся, что даже если облака закроют луны, нападение не прекратится. Волки были возбуждены и жаждали крови.

Клаудия открыла дверь, за которой оказалась комнатка, размером со стенной шкаф. Там оказался биотуалет, который определённо пришёл из моего мира.

— СОРТИР! — сказала она. — ЕСЛИ ПРИСПИЧИТ НОЧЬЮ! НЕ БОЙСЯ РАЗБУДИТЬ МЕНЯ — Я СПЛЮ, КАК УБИТАЯ!

Я в этом не сомневался, зная, что она глухая, как пень, но подумал, что туалет не понадобится, если волки прорвутся внутрь. Ни сегодня, ни когда-либо вообще. Мне казалось их там десятки,

жаждущих попасть внутрь, пока Клаудия проводила экскурсию по своему дому.

— ТЕПЕРЬ ОБРАТИ ВНИМАНИЕ НА ЭТО! — сказала Клаудия. Тыльной стороной ладони она отодвинула панель рядом с туалетом. Внутри был автомобильный аккумулятор с клеймом «Эй-Си-Делко» на боку. К контактам были подсоединены клеммы. Провода вели к чему-то наподобие преобразователя напряжения. Ещё один провод выходил из преобразователя и соединялся с выключателем, похожим на обычный. Клаудия широко улыбалась.

— ЭТУ ШТУКУ ПРИНЁС АДРИАН, И БЛЯДСКИЕ ВОЛКИ ОХ КАК НЕНАВИДЯТ ЕЁ!

«Трус делает подарки», — подумал я.

Она щёлкнула выключателем. Последовал оглушительный беспорядочный шум, похожий на вой десятка автомобильных сигнализаций, усиленный в пятьдесят или сотню раз. Я прикрыл уши руками, опасаясь, что иначе оглохну, как Клаудия. Через десять-пятнадцать долгих секунд она снова щёлкнула выключателем. Я осторожно убрал руки от ушей. В большой комнате Радар лаяла как обезумевшая, но волки притихли.

— ШЕСТЬ ГОВОРИЛОК! ЭТИ УБЛЮДКИ УНОСЯТСЯ В ЛЕС, БУДТО ИМ ПОДПАЛИЛИ ХВОСТЫ! КАК ТЕБЕ

ЭТО НРАВИТСЯ, ШАРЛИ? КАК ПО-ТВОЕМУ, БЫЛО ДОСТАТОЧНО ГРОМКО?

Я кивнул и похлопал себя по ушам. Ничто не могло долго противостоять этому звуковому шквалу.

— ЭХ, ЕСЛИ БЫ Я ТОЛЬКО МОГЛА ЕГО СЛЫШАТЬ! — сказала Клаудия. — НО Я ЧУВСТВУЮ ЕГО ЗУБАМИ! ХА!

Я продолжал держать блокнот и карандаш; написал строчку и протянул блокнот: *«Что будет, когда сядет аккумулятор?»*

Она задумалась, затем улыбнулась и погладила меня по щеке.

— Я ДАЮ ТЕБЕ КРОВ И ПИЩУ, ТЫ ПРИНОСИШЬ МНЕ ДРУГОЙ! СПРАВЕДЛИВАЯ СДЕЛКА, ЮНЫЙ ПРИНЦ? Я СКАЖУ «ДА»!

8

Как и у Доры, я спал возле плиты. В ту ночь я не лежал без сна и не размышлял о своём положении; в качестве подушки Клаудия выдала мне стопку полотенец, и я отключился сразу, как только моя голова коснулась их. Через две секунды — так мне показалось — она разбудила меня. На ней было длинное пальто, украшенное бабочками, — ещё одна работа Доры.

— Что? — спросил я. — Дайте поспать.

— НЕ, НЕ, НЕ! — Она была глуха, но отлично поняла, что я сказал. — ВСТАВАЙ, ШАРЛИ! ТЕБЕ ДАЛЕКО ИДТИ! ПОРА ПРИСТУПАТЬ К СВОЕМУ ДЕЛУ! К ТОМУ ЖЕ Я ХОЧУ КОЕ-ЧТО ТЕБЕ ПОКАЗАТЬ!

Я попытался лечь обратно, но она снова потянула меня, заставив сесть.

— ТЕБЯ ЖДЁТ СОБАКА! Я ПРОСНУЛАСЬ ЧАС НАЗАД! И СОБАКА ТОЖЕ! Я СНОВА НАМАЗАЛА ЕЁ ЛАПЫ, И ОНА ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ БОДРО! ПОСМОТРИ!

Радар стояла рядом с ней, виляя хвостом. Увидев, что я смотрю на неё, она уткнулась носом в мою шею, затем лизнула в щёку. Я встал. Мои ноги ныли, руки и плечи ещё хуже. Я покрутил руками, десяток раз поднял и опустил плечи — так разминаются во время предсезонной футбольной тренировки.

— ИДИ СДЕЛАЙ СВОИ УТРЕННИЕ ДЕЛА! ПОТОМ Я ПРИГОТОВЛЮ ДЛЯ ТЕБЯ ЧТО-НИБУДЬ ТЁПЛОЕ!

Я прошёл в маленькую ванную, где она оставила мне таз с тёплой водой и кусок твёрдого жёлтого мыла. Я отлил, затем умыл лицо и руки. На стене висел маленький квадратик зеркала, не больше автомобильного. Оно было затёртое

и заляпанное, но наклонившись, я увидел себя. Выпрямился, повернулся, чтобы уйти, затем снова посмотрел в зеркало, более внимательно. Мне показалось, что мои тёмно-каштановые волосы немного посветлели. Так бывает летом, после дней, проведённых на солнце, но здесь не было солнца, только низкие облака. Разумеется, за исключением ночи, когда облака расходились, чтобы пропустить лунный свет.

Я отмахнулся, посчитав, что виной всему свет единственной масляной лампы и мутный осколок зеркала. Когда я вернулся, Клаудия подала мне толстый ломоть хлеба, обернутый вокруг двойной яичницей-болтуньей. Я проглотил его, как волк (не знаю, уместен ли это каламбур).

Клаудия протянула мне рюкзак.

— Я ПОЛОЖИЛА ВОДЫ И ХОЛОДНОГО ЧАЯ! БУМАГУ И КАРАНДАШ ТОЖЕ! НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ! ТВОЯ ТЕЛЕЖКА ОСТАНЕТСЯ ЗДЕСЬ!

Я покачал головой и изобразил, как берусь за ручки.

— НЕ, НЕ, НЕ! ТЫ ПОЕДЕШЬ НА МОЁМ ТРЁХКОЛЁСНИКЕ!

— Я не могу взять ваш велосипед!

Она отвернулась и не слышала.

— ПОШЛИ, ШАРЛИ! СКОРО РАССВЕТ! ТЫ ЖЕ НЕ

ХОЧЕШЬ ОПОЗДАТЬ?

Я последовал за Клаудией к двери, надеясь, что она не откроет её стае голодных волков. Их не было, а в направлении города, который мальчик назвал одержимым, облака расступились, и я мог видеть россыпь звёзд. На обочине Королевской дороги стоял большой трёхколёсный велосипед Клаудии. Объёмная корзина сзади была выстлана чем-то белым и мягким, похожим на флис, там-то и должна была ехать Радар. Я понял, что на велосипеде будет гораздо легче и быстрее, чем тянуть тележку. Но было ещё кое-что, даже лучше.

Клаудия наклонилась и поднесла фонарь к огромному переднему колесу.

— ШИНЫ ТОЖЕ ПРИНЁС АДРИ! РЕЗИНОВЫЕ! Я СЛЫШАЛА О НИХ, НО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА! МАГИЯ ИЗ ТВОЕГО МИРА, ШАРЛИ, И *ТИХАЯ* МАГИЯ!

Это убедило меня. Никаких переживаний из-за стучащих по мостовой колёс.

Я указал на велосипед. Указал на себя. Похлопал себя по груди в районе сердца.

— Я верну его, Клаудия. Обещаю.

— ТЫ ВЕРНЁШЬ ЕГО МНЕ, ЮНЫЙ ПРИНЦ ШАРЛИ! Я НЕ СОМНЕВАЮСЬ! — Она похлопала меня по спине, а затем машинально шлёпнула

по заднице, что напомнило мне о тренере Харкнессе, когда он посылал меня в защиту или на замену. — ВЗГЛЯНИ НА ЯСНОЕ НЕБО!

Я взглянул. Звёзды потускнели, небо над городом Лилимар приобрело красивый персиковый оттенок. Подобное можно увидеть во время рассвета в тропиках, но сам я никогда не видел ничего похожего. Радар сидела между нами, запрокинув голову и принюхиваясь. Если бы не гадость, вытекающая у неё из глаз, и её худоба, я бы решил, что с ней всё в порядке.

— На что мы смотрим?

Клаудия не ответила, так как не видела моих губ. Она смотрела в сторону города, где возвышались башни и три высоких шпиля, чёрные на фоне светлеющего дня. Мне не нравился вид этих стеклянных шпилей, даже на расстоянии. Из-за своей формы они почти казались лицами, которые смотрели на нас. Я сказал себе, что это иллюзия, ничем не отличающаяся от вида раскрытого рта в дупле старого дерева или облака, выглядящего как дракон, но это не помогло. Даже близко не помогло. В мой разум закралась мысль — совершенно нелепая — что сам город и был Гог-магогом: разумным, наблюдающим и злобным. Пугала сама мысль о том, чтобы подойти к нему

ближе; мысль же о том, чтобы воспользоваться именем Лии и пройти через ворота, была и вовсе ужасающей.

«Мистер Боудич сделал это и вернулся назад, — сказал я себе. — *Ты тоже сможешь»*.

Но меня терзали сомнения.

Затем колокол издал единственную длинную, звенящую железом, ноту: *ДОНГ*.

Радар поднялась и сделала шаг в сторону звука.

— ПЕРВЫЙ ЗВОН, ШАРЛИ?

Я поднял один палец и кивнул.

Пока звук медленно затухал, начало происходить что-то более удивительное, чем таракан-переросток или гигантский сверчок: небо над теснящимися лачугами и коттеджами за городом стало темнеть, как будто тень скользила не вниз, а *вверх*. Я схватил Клаудию за руку, на мгновение испугавшись, что вижу какое-то странное затмение не солнца или луны, а всей земли. Затем, когда звон совсем стих, темноту прорезали тысячи световых трещин, которые пульсировали и менялись. Я увидел разнообразие цветов: чёрный и золотой, белый и оранжевый, королевский тёмно-пурпурный.

Это были бабочки-монархи, каждая размером

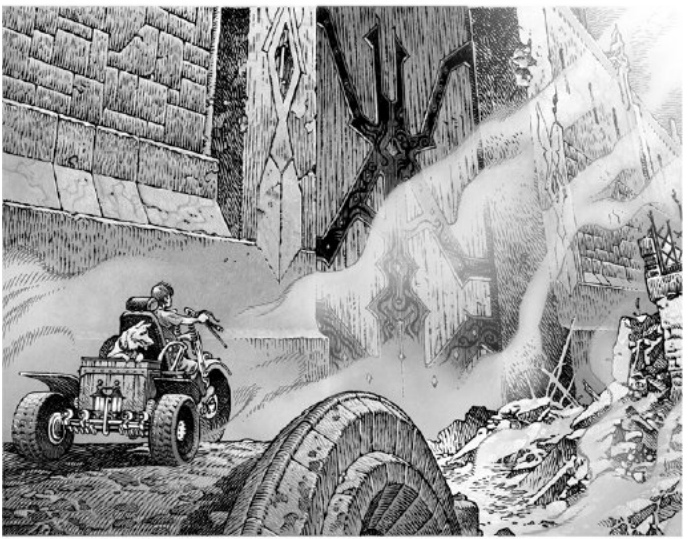
с воробья, но такие воздушные и эфемерные, что утренний свет проникал как сквозь них, так и окутывал их.

— СЛАВА ЭМПИСУ! — воскликнула Клаудия, и вскинула обе руки к разлетающемуся над нами потоку жизни. Этот поток загородил линию города, заслонил «лица». — СЛАВА ГАЛЛИЕНАМ! ДА БУДУТ ОНИ ПРАВИТЬ СНОВА И ВОВЕКИ!

Как бы громко она ни говорила, я почти ничего не слышал. Я был ошеломлён. Никогда в жизни я не видел ничего настолько сумасшедше нереального и такого прекрасного. Бабочки затмили небо, летя над нами одному Богу известно куда, и когда я почувствовал ветер от их крыльев, я, наконец, принял — целиком и полностью — реальность этого другого мира. Эмписа. Я прибыл из вымышленного мира.

А это была реальность.

Глава семнадцатая



Покидая Клаудию. Вспоминая Дженни. Ночь в ангаре. Ворота. Одержимый город.

1

адар довольно охотно устроилась в корзине с флисовой прокладкой, хотя у неё случился приступ кашля, который мне не понравился. Мы с Клаудией подождали, пока кашель пройдёт. Клаудия подолом платья вытерла выделения из глаз Радар и с боков её морды, затем серьёзно посмотрела на меня.

— У НЕЁ ОСТАЛОСЬ МАЛО ВРЕМЕНИ, ШАРЛИ!

Я кивнул. Она притянула меня в объятия, затем отпустила и взяла за плечи.

— БУДЬ ОСТОРОЖЕН! МНЕ БУДЕТ ЖАЛЬ УВИДЕТЬ ТЕБЯ БЕЗ НЕЁ, НО ЕЩЁ ПЕЧАЛЬНЕЕ БУДЕТ СОВСЕМ НЕ УВИДЕТЬ! ТЫ ПОНЯЛ ВСЁ, ЧТО Я ТЕБЕ СКАЗАЛА?

Я поднял вверх два больших пальца и похлопал себя по заднему карману.

— НЕ ПОЛЬЗУЙСЯ ОРУЖИЕМ В ГОРОДЕ И ДАЖЕ РЯДОМ С НИМ!

Я кивнул и приложил палец к своим губам: *тссс*.

Она протянула руку, взъерошила мне волосы и улыбнулась.

— СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ЮНЫЙ ПРИНЦ ШАРЛИ!

Я взобрался на велосипед и устроился на сиденье. После моего велика, этот казался высотой с башню. Мне пришлось немного поднапрячься, чтобы двинуться, но как только трёхколёсник набрал скорость, стало легче крутить педали. Я разок оглянулся и помахал рукой. Клаудия помахала в ответ. И послала мне воздушный поцелуй.

Я ненадолго остановился, когда доехал до заброшенного трамвая. Одно из его колёс отвалилось, а сам он стоял наклонно. На ближайшем ко мне борту виднелись старые следы когтей и засохшей крови. *«Волчары»*, — подумал я.

Я не стал заглядывать внутрь.

2

Дорога была ровной, и я двигался в хорошем темпе. Думал, что доберусь до ангара, о котором мне говорила Клаудия, задолго до темноты. Небо снова затянулось; земля была пустынна и лишена теней под нависающими облаками. Бабочки улетели туда, куда летали днём. Я гадал, увижу ли их снова, когда они будут возвращаться на ночёвку за городом. Волки могли держаться в стороне от домов и построек, не защищённых городской стеной, но я бы не рискнул поставить свою жизнь на это. Или жизнь Радар.

К середине утра я стал проезжать мимо первых домов и коттеджей. Чуть дальше, там, где первая просёлочная дорога пересекалась с Королевской, утрамбованная земля уступила место брусчатке из битого камня. В целом, я бы предпочёл землю, она была почти гладкой. В брусчатке же были выбоины, которые мне приходилось объезжать. На прямой устойчивость трёхколёсника была хорошей, но петлять было сложно. Иногда на поворотах я чувствовал, как одно из задних колёс отрывалось от дороги. Я компенсировал это наклоном в соответствующую сторону, как делал при поворотах на своём велосипеде, но был уверен, что более-менее резкий поворот завалит трёхколёсник набок, независимо от того, насколько сильно я наклонюсь. Я-то выдержу падение, чего нельзя сказать о Радар.

Дома были пусты, таращась окнами-глазами. Вороны — не гигантские, но довольно крупные — расхаживали по запущенным палисадникам, собирая семена или любые блестящие штуковины. Там росли цветы, но выглядели они пожухлыми и какими-то неправильными. По стенам осевших коттеджей, будто цепкие пальцы, ползли вьюнки. Я миновал странно покосившееся здание с осыпающимся известняком, проглядывающим сквозь

то, что осталось от оштукатуренной облицовки. Двери болтались нараспашку, от чего проходы походили на рот мертвеца. Над ними на притолоке была нарисована кружка, такая выцветшая, что пиво в ней выглядело, как моча. Над кружкой выцветшими неровными тёмно-бордовыми буквами было написало слово «ОСТОРОЖНО». Рядом находилось помещение, вероятно когда-то бывшее магазином. Перед ним дорогу усеивало разбитое стекло. Помня о резиновых шинах трёхколёсника, я объехал стекло стороной.

Чуть дальше — теперь по обе стороны дороги здания стояли вплотную друг к другу, но с узкими тёмными проходами между ними — мы проехали через такую сильную канализационную вонь, что я поперхнулся и на время задержал дыхание. Радар запах тоже не понравился. Она беспокойно заскулила и заёрзала, от чего трёхколёсник слегка завилял. Я как раз подумывал остановиться и чего-нибудь перекусить, но эта вонь заставила меня передумать. Пахло не разлагающейся плотью, но чем-то совершенно прогнившим, возможно, каким-то нечестивым способом.

«В плену растений, как и в прошлый раз», — подумал я, и эта строчка навеяла воспоминания о Дженни Шустер. Мы сидим под деревом, в пят-

нистой тени, прислонившись к стволу; на ней её фирменная старая потрёпанная жилетка, а на коленях — книга в мягкой обложке. Она называется «Лучшие произведения Г. Ф. Лавкрафта», и Дженни читает мне поэму под названием «Грибы с Юггота». Я вспомнил начало: *«В квартале возле пристани, во мгле терзаемых кошмарами аллей»*, и вдруг осознал, почему это место нагоняло на меня ужас. Я всё ещё находился в милях от Лилимара — который мальчик-беженец назвал одержимым городом, — но даже тут всё было таким странным, что я вряд ли смог бы это осмыслить, если бы не Дженни, познакомившая меня с Лавкрафтом, когда мы оба были шестиклассниками, слишком юными и впечатлительными для подобной литературы ужасов.

Мы с Дженни стали книжными друзьями в последний год пьянства моего отца, и в первый год его трезвости. Она была моей подругой, а не *подружкой*, что совершенно разные вещи.

— Мне никогда не понять, почему ты тусишь с ней, — как-то раз сказал Берти. Мне кажется, он завидовал, но, думаю, также был искренне озадачен. — Вы, типа, целуетесь с ней? Сосётесь? Долбитесь в дёсны?

Я сказал, что мы этого не делали. Сказал, что она

не интересует меня в этом плане. Берти ухмыльнулся и спросил: «В чём же тогда прикол?». Я мог ответить, но это озадачило бы его ещё больше.

Соглашусь, что у Дженни не было того, что Бёрдмэн назвал бы «тем типом тела, который хочется исследовать». В одиннадцать или двенадцать лет у большинства девочек появляются первые едва заметные изгибы, но Дженни была плоской, как доска, сверху донизу. У неё было грубоватое лицо, мышиного цвета каштановые волосы, всегда спутанные, и походка аиста. Другие девочки, разумеется, смеялись над ней. Дженне не суждено было стать чирлидером, королевой бала или звездой школьной постановки, и если она хотела этого — или одобрения девочек, которые пользовались косметикой, — то никогда не показывала виду. Но я не уверен, что она чувствовала хоть каплю давления со стороны сверстников. Она никогда не одевалась готом — носила джемперы, а поверх них свой затёртый жилет, и ходила в школу с ланчбоксом с Ханом Соло, — но имела ментальность гота. Она боготворила панк-группу под названием «Дэд Кеннедис», цитировала «Таксиста», и обожала рассказы и поэмы Г. Ф. Лавкрафта.

Мы с ней и с ГФЛ сошлись ближе к концу моего

тёмного периода, когда я всё ещё вытворял всякую хрень с Берти Бёрдом. Как-то раз, в шестом классе на уроке английского обсуждение затронуло работы Р. Л. Стайна. Я читал одну его книгу под названием «Ты можешь хранить секреты?», которую считал супертупой. Я так и сказал Дженни, и добавил, что хотел бы прочитать что-нибудь и впрямь пугающее, вместо тупой пародии на испуг.

Дженни поймала меня после уроков.

— Эй, Рид. Тебя не воротит от длинных слов?

Я сказал, что нет. Сказал, если не смогу понять смысл слова из рассказа, посмотрю значение в телефоне. Это, казалось, обрадовало её.

— Прочти это, — сказала она, и протянула мне потрёпанную книжку в мягкой обложке, склеенную скотчем. — Посмотрим, напугает ли она тебя. Потому что меня она напугала просто до усрачки.

Книга называлась «Зов Ктулху», и рассказы в ней сильно напугали меня, особенно «Крысы в стенах». А ещё в них было много длинных слов, например, *«беспросветный»* и *«зловонный»* (которое отлично описывало то, что я почувствовал на дороге). Нас сблизил страх, возможно потому, что мы были единственными шестиклассниками,

которые готовы были пробираться — и с удовольствием — через заросли Лавкрафтовской прозы. Больше года, пока родители Дженни не развелись, и она не переехала с матерью в Де-Мойн, мы читали друг другу рассказы и поэмы вслух. Мы также посмотрели пару фильмов, снятых по этим рассказам, но они были отстойными. Ни один из них не передавал, насколько *необъятным* было воображение этого автора. И насколько охренен-но мрачным.

Пока я крутил педали в направлении окружённого стеной города Лилимар, я осознал, что это безмолвное внешнее кольцо было слишком похоже на подобные из мрачных историй об Аркхеме и Данвиче. Погрузившись в содержание этих и других произведений о потустороннем ужасе (мы перешли к Кларку Эштону Смиту, Генри Каттнеру и Августу Дерлету), я смог понять, что такого пугающего и обескураживающего было в этих пустых улицах и домах. Если выразиться одним из любимых слов Лавкрафта, то они были *зловещими*.

Каменный мост перебросил нас через канал. Большие крысы рыскали в мусоре, настолько старом, что невозможно было сказать, чем он являлся до того, как стать мусором. Наклонные

каменные стены канала были измазаны черновато-коричневой гадостью — которую Лавкрафт несомненно обозвал бы *«нечистотами»*. А вонь, поднимающуюся от растрескавшейся чёрной массы? Он назвал бы её *«удушающей»*.

Эти слова снова вернулись ко мне. Это место *вернуло* их.

На другой стороне канала здания теснились ещё ближе друг к другу; промежутки между ними были не проулками или проходами, а просто щелями, через которые человеку пришлось бы пробираться бочком… и кто знал, что там могло скрываться, поджидая путника? Пустые здания нависали над улицей, будто выползая навстречу трёхколёснику, и почти полностью закрывая белесое небо. Я чувствовал, что за мной наблюдают не только *из* этих чёрных окон без стёкол, но, что ещё хуже, *сами* окна наблюдают за мной. Здесь случилось что-то ужасное, я был в этом уверен. Что-то чудовищное и, разумеется, зловещее. Источник серости всё ещё мог находиться впереди, в городе, но он был силён даже здесь, в этих пустынных окрестностях.

Помимо ощущения, что за мной наблюдают, было неприятное чувство, что за мной следят. Несколько раз я вертел головой по сторонам,

пытаясь заметить кого-то или что-то (*безобразное чудище*), следующее по пятам. Но ничего не видел, кроме ворон и редких крыс, возможно, направлявшихся к своему гнездовью или колонии в тени покрытого илом канала.

Радар тоже это чувствовала. Она несколько раз зарычала, и один раз, когда я оглянулся, увидел, что она сидит, положив лапы на край корзины и смотрит назад, туда, откуда мы пришли.

«Спокойно, — подумал я. — *Эти узкие улочки и полуразвалившиеся дома пустынны. Это просто нервы. И у Радар тоже»*.

Мы добрались до другого моста через ещё один запустелый канал, и на одном из столбов я увидел то, что меня приободрило: инициалы **«АБ»**, частично покрытые мхом болезненного жёлто-зелёного цвета. Из-за нагромождения построек я на пару часов потерял городскую стену из вида, но с моста я мог ясно видеть её, гладкую и серую, и не меньше сорока футов в высоту. В центре находились титанические ворота, перекрещенные толстыми укосинами из чего-то похожего на мутное зелёное стекло. Стена и ворота были видны, потому что большинство построек между тем местом, где я стоял, и городской стеной, превратились в руины будто от бомбёжки. Во

всяком случае, после какого-то катаклизма. Несколько почерневших дымоходов торчали, как указующий перст, и лишь считанные здания уцелели. Одно напоминало церковь. Другое было длинным, с деревянными стенами и жестяной крышей. Перед ним стоял бесколёсный фургон, заросший бледными сорняками.

Я слышал двойной звон, возвещавший о полудне *(«Время кормёжки Ханы»*, — подумал я) менее двух часов назад; это значило, что я двигался гораздо быстрее, чем ожидала Клаудия. Оставалось ещё порядочно времени до темноты, но я и не планировал приблизиться к воротам сегодня. Мне нужно было отдохнуть и собраться с мыслями… если это возможно.

— Думаю, мы на месте, — обратился я к Радар. — Это не «Холидей-Инн», но сойдёт.

Я проехал мимо брошенного фургона к ангару. У него была большая раздвижная дверь, некогда ярко-красная и выцветшая до тускло-розового, и рядом с ней дверь поменьше, размером с человека. На краске были выцарапаны инициалы **«АБ»**. Увидев их, я почувствовал себя уверенней, как и от вида тех, что были на столбе моста, но было кое-что ещё, что придавало мне уверенность: исчезло чувство подкрадывающейся обречённости.

Может быть, потому что кончились постройки, и я мог ощущать вокруг себя пространство, снова видеть небо, но не думаю, что дело только в этом. Пропало ощущение того, что Лавкрафт назвал бы *древним злом*. Позже, вскоре после троекратного звона колокола, я понял почему.

3

Дверь высотой с человека не открывалась, пока я по-настоящему не приложился к ней плечом, затем распахнулась так неожиданно, что я чуть не упал внутрь. Радар залаяла из корзины. В ангаре было мрачно и пахло затхлостью, но не *зловониями* или *нечистотами*. В полумраке громоздились ещё два трамвая, выкрашенные в красный и синий цвета. Они несомненно простояли в ангаре много лет, но из-за того, что их не трогала непогода, краска оставалась яркой и почти радовала глаз. Из крыши торчали «рога», и я предположил, что когда-то они соединялись с натянутыми проводами, по которым шёл ток. Если так, то эти провода давно исчезли. Во время моего путешествия они мне не попадались. На передке одного из трамваев старомодными буквами было написано слово «ПРИМОРЬЕ». На втором — «ЛИЛИМАР». Там же лежали штабеля окован-

ных железом колёс с толстыми деревянными спицами и ящики с ржавыми инструментами. Также на столе у дальней стены я увидел ряд торпедообразных ламп.

Радар снова залаяла. Я вернулся и достал её из корзины. Она слегка пошатнулась, затем похромала к двери. Нюхнув воздух, она прошла в дверь без малейших колебаний.

Я попытался открыть большую задвижную дверь, видимо, для выпуска трамваев, но она не поддалась. Оставив открытой маленькую дверь для света, я проверил лампы. Судя по всему, принцу Шарли и его верной подручной Радар предстояло провести ночь в темноте, так как масло в лампах закончилось давным-давно. А трёхколёснику Клаудии предстояло провести ночь снаружи, потому что он не проходил через маленькую дверь.

Деревянные спицы колёс были сухими и потрескавшимися. Я знал, что смогу наломать достаточно дров для костра, и взял с собой «Зиппо», которой папа прикуривал трубку, но я ни за что не собирался разводить костёр внутри ангара. Очень легко было представить, как шальная искра перекидывается на старые трамваи и воспламеняет их, не оставляя нам другого убежища,

кроме церкви. Которая выглядела шаткой.

Я достал пару банок сардин и немного мяса, которое Дора упаковала для меня. Поел и запил всё колой. Радар отказалась от мяса, попробовала сардину, затем выронила её на пыльный пол. Раньше она с удовольствием ела печенье с патокой Доры, так что я предложил его. Радар понюхала, затем отвернула голову. «Перки-Джерки» тоже не пригодилось.

Я погладил её морду. «Что же мне делать с тобой, девочка?»

«Излечить, — подумал я. — *Если смогу»*.

Я пошёл к двери, желая ещё раз взглянуть на стену, окружающую город, и тут меня осенило. Вернувшись к рюкзаку, я порылся и нашёл несколько последних печений с орехами пекан под моим бесполезным айфоном. Я предложил одно Радар. Она осторожно обнюхала его, взяла в рот и съела. Затем ещё три штуки, прежде чем отвернулась.

Лучше, чем ничего.

4

Я наблюдал за светом через открытую дверь и время от времени выходил осмотреться. Всё было спокойно. Даже крысы и вороны избегали этой

части города. Я пробовал кидать Радар её обезьянку. Один раз она её поймала, немного пожевала, но не принесла обратно. Она положила её между лап и заснула, тычась носом в игрушку. Мазь Клаудии помогла ей, но эффект прошёл, и Радар не стала принимать последние три таблетки, которые дала помощница ветеринара. Думаю, Радар израсходовала свой последний прилив энергии, когда сбежала вниз по винтовой лестнице и помчалась на встречу с Дорой. Если вскоре я не отнесу её на солнечные часы, то обнаружу её спящей мёртвым сном.

Я мог бы скоротать время, играя на своём айфоне, если бы он работал, но он стал всего лишь прямоугольным куском чёрного стекла. Я пытался перезагрузить его, но на экране не высветилось даже яблоко. В мире, откуда я пришёл, не было сказочного волшебства, а в этом мире не работало волшебство из моего мира. Я засунул телефон обратно в рюкзак и смотрел через дверной проём, как белый тусклый свет начал угасать. Вечерний колокол прозвенел три раза, и я почти закрыл дверь, но не хотел оставаться в темноте, имея при себе лишь отцовский фонарик. Я всё посматривал на церковь (если это была она) через дорогу, решив, что когда перестану видеть

её, тогда и закрою дверь. Отсутствие птиц и крыс не обязательно означало отсутствие волков или других хищников. Клаудия велела запереться на задвижку, именно так я и собирался поступить.

Когда церковь стала всего лишь смутным очертанием в темнеющем мире, я решил закрыть дверь. Радар подняла голову, навострила уши и негромко тявкнула. Я думал, из-за того, что я поднялся на ноги, но нет. Старая или нет, её слух был лучше моего. Пару секунд спустя я тоже услышал низкий порхающий звук, будто лист бумаги на ветру. Он быстро приближался, становясь всё громче, пока не превратился в звук усиливающегося ветра. Я догадывался, что это, и пока стоял в дверном проёме, положив одну руку на сиденье трёхколёсника, ко мне присоединилась Радар. Мы оба смотрели на небо.

Бабочки-монархи летели с той стороны, которую я ориентировочно определил, как юг — с той стороны, откуда я пришёл. Они ещё больше затемнили темнеющее небо облаком под облаками. Бабочки приземлялись на церковь через дорогу, на несколько торчащих дымоходов, на кучи щебня и на крышу ангара, где укрывались мы с Радар. Звук, с которым они приземлялись — должно быть, тысячи бабочек — был похож не столько на

порхание, сколько на долгий протяжный вздох.

Теперь я понял, почему эта часть будто разбомбленной пустоши казалась мне скорее безопасной, чем пустынной. Она *была* безопасной. Бабочки сохранили этот единственный форпост в мире, который когда-то был лучше, существовавший до того, как членов королевской семьи либо убили, либо изгнали.

В моём мире, как я полагал — и не я один — все эти королевские дела были сплошной чушью, источником новостей для «жёлтых» газет в супермаркетах, таких как «Нэшнл Энкуайер» и «Инсайд Вью». Короли и королевы, принцы и принцессы были просто членами семьи, которой повезло угадать нужные цифры в генетической версии «Столото». Они снимали штаны, чтобы посрать, как и простые смертные.

Но тут был не мой мир. В Эмписе другие правила.

Он действительно был Другим.

Туча бабочек-монархов завершила своё возвращение домой, оставив после себя только сгущающуюся темноту. «Вздох» их крыльев затих вдали. Я собирался запереть дверь, как просила Клаудия, но чувствовал себя в безопасности. Защищённым.

— Слава Эмпису, — тихо сказал я. — Слава Галлиенам, да будут они править снова и вовеки.

Почему бы и нет? Почему бы, блядь, нет? Всё лучше, чем это запустение.

Я закрыл дверь и задвинул засов.

5

В темноте ничего не оставалось, кроме как лечь спать. Я положил рюкзак между трамваями, рядом со свернувшейся Радар, опустил на него голову и почти сразу же заснул. Последней мыслью было то, что без будильника я могу проспать, что может закончиться летально. Но не стоило беспокоиться; Радар разбудила меня кашлем. Я дал ей немного воды и ей стало полегче.

У меня не было часов, кроме мочевого пузыря, который наполнился, но пока не лопался. Я хотел помочиться в углу, потом решил, что это не лучший вариант для облегчения. Отодвинув засов, я приоткрыл дверь и выглянул наружу. Низко висящие облака скрывали звёзды и луны. Церковь через дорогу выглядела размытой. Я протёр глаза для лучшей видимости, но размытость осталась. Дело было не в моём зрении, а в спящих бабочках. В нашем мире, полагаю, они живут не дольше нескольких недель или месяца. Но здесь,

кто знает?

Краем глаза я заметил какое-то движение. Всмотрелся, но либо мне показалось, либо то, что там двигалось, уже исчезло. Я пописал (оглядываясь через плечо), затем вернулся внутрь. Заперев дверь, я подошёл к Радар. Мне не нужна была папина зажигалка — я и так слышал её хриплое и громкое дыхание. Я снова погрузился в сон, может, на час или около того, может, на два. Мне снилось, что я лежу в своей постели в доме на Сикамор-Стрит. Я сел, попытался зевнуть, но не смог. Мой рот исчез.

Меня разбудил очередной собачий кашель. Один глаз Радар был открыт, но второй слипся от этой сочащейся дряни, придавая ей печально-пиратский вид. Я вытер ей глаз и направился к двери. Бабочки сидели на местах, но в тусклом небе появилось немного света. Пришло время что-нибудь съесть, а потом отправиться в дорогу.

Я поднёс открытую банку сардин к носу Радар, но она тут же отвернула голову, будто её тошнило от запаха. Осталось два ореховых печенья. Она съела одно, попыталась осилить второе, и выкашляла его. Она посмотрела на меня.

Взяв морду Радар ладонями, я тихонько поводил её голову из стороны в сторону, как ей

нравилось. Я готов был заплакать. «Держись, девочка. Хорошо? Пожалуйста».

Я вынес Радар за дверь и осторожно поставил на лапы. Она прошла налево от двери с невозмутимым видом пожилого человека, нашла место, где я помочился ранее, и добавила немного своего. Я наклонился, чтобы поднять её, но Радар обошла меня и направилась к заднему правому колесу трёхколёсника Клаудии — со стороны дороги. Она обнюхала колесо, затем опустилась на корточки и снова помочилась. При этом она издала низкий рычащий звук.

Я подошёл к заднему колесу и наклонился. Смотреть было не на что, но я уверен, что мельком виденное мной нечто, приблизилось, пока я прятался внутри. И не просто приблизилось, а пометило мой велосипед, как бы говоря *«это моя территория»*. Я взял рюкзак, но решил, что мне понадобится кое-что ещё. Вернулся назад. Радс уселась, наблюдая за мной. Я побродил вокруг, пока не нашёл в углу заплесневелую стопку одеял, возможно, когда-то давно предназначенных для пассажиров трамвая, чтобы закутываться в холодную погоду. Если бы я не вышел по своим делам на улицу, я мог написать на них в темноте. Я взял одно и встряхнул его. На пол ангара

опустились несколько мёртвых мотыльков, как большие снежинки. Я сложил одеяло и отнёс к трёхколёснику.

— Ладно, Радс, следаем это. Что скажешь?

Я посадил её в корзину и подоткнул сложенным одеялом. Клаудия велела мне дождаться первого звона, но с сидящими повсюду бабочками я чувствовал себя в достаточной безопасности. Я взобрался на велосипед и начал медленно крутить педали, направляясь к воротам в стене. Часа через полтора раздался утренний звон колокола. В такой близости от города он был очень громким. Бабочки поднялись огромной волной чёрного и золотого, и двинулись на юг. Я наблюдал за ними и сам желая направиться в ту сторону — к Доре, затем ко входу в туннель, назад в мой мир компьютеров и волшебных стальных птиц, парящих в воздухе. Но, как говорится в стихотворении, впереди лежали мили и обещания, которые я должен был выполнить.

«По крайней мере, ушли ночные стражи, — подумал я. — *Обратно в свои склепы и гробницы, потому что там подобные твари и спят».* Не то, чтобы я знал это наверняка, но мне хотелось так думать.

6

Мы достигли ворот меньше, чем через час. Я слез с велосипеда. Облака над головой опустились ниже и стали темнее, чем когда-либо, и я решил, что вот-вот пойдёт дождь. Я ошибался, предположив, что стена сорок футов в высоту. В ней было не меньше семидесяти футов, а ворота казались титаническими. Снаружи они были золотыми — уверен, что это настоящее золото, а не краска — и длиной почти с футбольное поле. Укосины клонились то в одну сторону, то в другую, но не от возраста и ветхости; думаю, они специально располагались под странными углами. Что снова заставило меня вспомнить о Лавкрафте и безумной, неевклидовой вселенной монстров, которая всегда стремилась подавить нашу.

Что-то тревожащее было не только в углах. Эти укосины были из какого-то мутно-зелёного вещества, похожего на металлическое стекло. Казалось, в них что-то двигалось, похожее на чёрный пар. От этого у меня в животе возникло странное ощущение. Я отвел взгляд, и когда посмотрел снова, чернота исчезла. Когда я повернул голову и посмотрел на укосины краем глаза, чернота, казалось, вернулась. Меня охватило

головокружение.

Не желая терять то немногое, что я съел на завтрак, я опустил взгляд под ноги. И там, на одном из камней, синей краской, которая выцвела до серой, виднелись инициалы **«АБ»**. В голове у меня прояснилось, и когда я поднял глаза, то увидел обычные ворота, пересечённые зелёными укосинами. Но ворота эти выглядели словно нарисованные на компьютере в какой-нибудь киноэпопее. Но это был не спецэффект. Чтобы убедиться, я постучал по мутно-зелёной укосине костяшками пальцев.

Я гадал, что будет, если я попробую написать на воротах имя Клаудии или Стивена Вудли? Они оба королевских кровей, не так ли? Ответ «да», но, если я правильно понял (я не был уверен, потому что никогда не разбирался в запутанных родственных отношениях), только принцесса Лия являлась бесспорной наследницей трона Эмписа. Или, может быть, это называлось троном Галлиенов. Для меня это не имело значения, главное, чтобы я мог попасть внутрь. Если имя не сработает, я застряну здесь и Радар умрёт.

Глупый Чарли даже поискал домофон, штуку, которая обычно бывает рядом с дверью многоквартирного дома. Разумеется, такой штуки тут

не оказалось, только эти странные перекрещивающиеся укосины с непроницаемой чернотой между ними.

Я прошептал: «Лия Галлиен».

Ничего не произошло.

«Может быть, не достаточно громко, — подумал я, но кричать в тишине стены было бы неправильно — почти, как плевать на церковный алтарь. — *Всё равно сделай это. За пределами города должно быть вполне безопасно. Сделай это ради Радар».*

Я не сразу смог прокричать, но прочистил горло и повысил голос.

— *Откройтесь именем Лии Галлиен!*

В ответ раздался нечеловеческий визг, который заставил меня отступить назад и почти кувыркнуться через переднее колесо велосипеда. Знаете такое выражение: сердце подступило к горлу? Моё готово было выпрыгнуть изо рта и убежать, оставив меня лежать мёртвым на земле. Визг продолжался и продолжался, и я понял, что это звук какого-то титанического механизма, пришедшего в движение после лет или десятилетий простоя. Возможно, мистер Боудич был последним, кто воспользовался аналогом *«сезам, откройся!»* этого мира.

Ворота задрожали. Я видел, как чёрные струйки извивались и поднимались по неровным зелёным укосинам. Теперь сомнений точно не было — всё равно, что смотреть на осадок во взболтанной бутылке. Визг механизма сменился грохотом и ворота начали двигаться влево, должно быть, по огромной скрытой колее. Я наблюдал, как они скользили, и головокружение вернулось, сильнее, чем раньше. Развернувшись, я проковылял четыре шага до велосипеда Клаудии и уткнулся лицом в сиденье. Не мог смотреть на эти постоянно меняющиеся углы, пока ворота открывались. Мне казалось, я потеряю сознание, если посмотрю. Или увижу что-то настолько ужасное, что это заставит меня бежать обратно тем же путём, которым я пришёл, бросив позади мою умирающую собаку. Я закрыл глаза и дотронулся до её шёрстки.

«Держись, — подумал я. — *Держись, держись, держись».*

7

Наконец грохочущий гул прекратился. Раздался ещё один протестующий визг и тишина вернулась. Вернулась? Она рухнула наковальней. Я открыл глаза и увидел смотрящую на меня Ра-

дар. Я разжал руку, заметив, что вырвал немалый клок её шёрстки, но она не жаловалась. Может быть, потому что ей приходилось бороться с более сильной болью, хотя вряд ли. Думаю, она понимала, что я нуждался в ней.

— Ладно, — сказал я. — Посмотрим, что тут у нас.

За воротами простирался обширный, выложенный плиткой двор. По обеим его сторонам в линию выстроились останки огромных каменных бабочек, каждая на пьедестале высотой в двадцать футов. Крылья были отломаны и лежали кучами на земле. Изваяния образовывали что-то вроде прохода. Я задумался, символизировала ли когда-то, в лучшие времена, каждая из этих бабочек-монархов (а несомненно это были они) короля или королеву из рода Галлиенов?

Визг раздался снова, и я понял, что ворота собираются закрыться. Имя Лии снова могло их открыть; или не могло. Я не собирался это выяснять. Я вскочил в седло и покатил внутрь, когда ворота с грохотом начали закрываться.

Резиновые колёса шуршали по плиткам, которые раньше были цветными, но теперь поблекли. «*Всё становится серым*, — подумал я. — *Серым или таким противно-зелёным*». Бабочки, воз-

можно, когда-то были цветными, но теперь тоже серые, как и всё остальное. Они нависали над нами, когда мы двигались между них. Тела изваяний были целы, но лица, как и крылья, искрошились. Я вспомнил видеоролики, на которых ИГИЛ уничтожала древние статуи, артефакты и храмы, которые они считали богохульными.

Мы подошли к двойной арке в форме крыльев бабочки. Над ней было что-то написано, но надпись тоже обветрилась. Виднелись только буквы «ЛИ». Сначала я подумал, что это ЛИЛИМАР, название города, но также могло быть ГАЛЛИЕН.

Прежде чем пройти через арку, я оглянулся проверить Радар. Мы должны были держаться тихо, на это указывал каждый встреченный мной человек, и я сомневался, не будет ли это проблемой для Радс. Она снова спала. Хорошо с одной стороны, но с другой тревожно.

Арка была сырой и пахла древней плесенью. На другой стороне находился круглый бассейн, облицованный камнем, покрытым лишайником. Возможно, когда-то вода в этом бассейне была небесно-голубой. Может, когда-то люди приходили сюда посидеть на его каменном парапете, пообедать в полдень, наблюдая за утками или лебедями. Матери приводили детей поболтать

ножками в воде. Теперь не было ни птиц, ни детей. А если б были, то держались подальше от этого бассейна, будто там отрава, потому что таким он и выглядел. Вода стала непрозрачной и зелёной, похожей на вязкую субстанцию, казалась плотной. Испарения, исходящие от неё, и впрямь могли быть ядовитыми, таким я представлял себе зловоние гробницы, набитой разлагающимися телами. Вокруг бассейна шла извивающаяся дорожка, едва подходящая для трёхколёсника. На одной из плиток справа были инициалы мистера Боудича. Я двинулся в ту сторону, затем остановился и оглянулся, уверенный, что что-то услышал. Шарканье шагов или, может быть, шёпот голоса.

Не обращай внимания на голоса, которые можешь услышать, сказала Клаудия. И теперь я ничего не слышал и ничего не двигалось в тени арки, которую я миновал.

Я медленно крутил педали, двигаясь вдоль правого изгиба зловонного бассейна. На дальнем конце была ещё одна арка в виде крыльев бабочки. Когда я приблизился к ней, на мою шею упала капля дождя, затем ещё одна. Капли начали падать в бассейн, выбивая маленькие ямки на поверхности его содержимого. Пока я смотрел,

оттуда появилось что-то чёрное, всего на секунду или две. Затем оно исчезло. Я не успел толком разглядеть, но уверен, что заметил проблеск зубов.

Дождь припустил сильнее. Скоро начнется настоящий потоп. Оказавшись под прикрытьем второй арки, я спешился и накрыл одеялом мою спящую собаку. Пусть заплесневелое или изъеденное молью, но я был очень рад, что захватил его.

8

Поскольку я опережал график, то чувствовал, что могу задержаться ненадолго под прикрытьем арки, надеясь, что дождь прекратится. Я не хотел, чтобы Радс промокла, пусть и укутанная одеялом. Вот только, сколько это — ненадолго? Пятнадцать минут? Двадцать? Как вообще это узнать? Я привык узнавать время на своём айфоне, и горько пожалел, что не захватил часы мистера Боудича. Пока я смотрел на дождь, заливающий то, что выглядело пустынной торговой улицей с её магазинами с зелёными фасадами, я подумал, что слишком привык к своему телефону, так-то. Мой папа говорил по поводу одержимости электронными устройствами: позволь человеку привыкнуть к ходьбе с костылём, и он уже не

сможет ходить без него.

Магазины находились на дальнем берегу высохшего канала. Они выглядели, как места, посещаемые состоятельными людьми, наподобие античной версии Родео-Драйв или Оак-Стрит-Дистрикт в Чикаго. Оттуда, где я находился, я мог прочитать золотые (точно *не* из цельного золота) буквы вывески: «ОБУВНАЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Стёкла в витринах были выбиты давным-давно. Многочисленные дожди загнали осколки в сточные канавы. И в центре улицы, свернувшись, как тело бесконечной змеи, лежало то, что явно было трамвайными проводами.

На брусчатке сразу за аркой, где мы прятались, было что-то выгравировано. Я опустился на колени, чтобы разглядеть получше. Большая часть надписи оказалась разбита, как крылья или лица бабочек, но когда я пробежался пальцами от начала и до конца, то решил, что там написано «ГА» и «ОГ». Между этими буквами могло быть что угодно, но я подумал, что это главная сквозная дорога, которая за пределами стены называлась Королевской, а внутри переходила в Галлиенскую. Как бы то ни было, она вела прямо к высоким зданиям и зелёным башням в центре города. Три шпиля возвышались над остальны-

ми, их стеклянные вершины исчезали в облаках. Я не знал, королевский ли это дворец, как не знал и того, называлась ли дорога Галлиенской, но рассудил, что это очень вероятно.

Как раз в тот момент, когда я подумал, что нам придётся идти дальше и промокнуть насквозь, дождь немного утих. Я проверил накрыта ли Радар — ничего не торчало из-под одеяла, кроме кончика её носа и задних лап, — затем сел на велосипед и медленно поехал через пересохший канал. Пока мы ехали, я гадал, не пересекаю ли мост Румпа, о котором говорил Вуди.

9

Магазины выглядели нарядными, но что-то в них было не так. Не сказать, что они были просто заброшенными, или, очевидно, разграбленными в далёком прошлом жителями Лилимара, бежавшими из своего города от серости. Чувствовалось что-то ещё, менее уловимое… и более ужасное, потому что оно всё ещё пребывало здесь. Всё ещё воздействовало. Здания смотрелись достаточно прочными, разграбленные или нет, но они казались *искривлёнными*, как будто непомерная сила вывернула их наизнанку, и они не смогли снова принять свою форму. Когда

я смотрел прямо на их вывески — «ОБУВНАЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА», «КУЛИНАРНЫЕ ИЗЫСКИ», «ДИКОВИННЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ», «АТЕЛЬЕ ДОМА…»[32] (остальное отломано, будто непристойность), «СПИЦЫ И КОЛЁСА» — всё казалось в порядке. Вполне нормальным, если что-то можно назвать нормальным в потусторонности Другого мира. Но когда я взглянул прямо вдоль широкой улицы, периферийным зрением уловил, что со зданиями что-то произошло. Прямые углы, казалось, переходили в изгибы. Стеклянные витрины пришли в движение, как глаза, прищурившиеся, чтобы получше рассмотреть меня. Буквы превратились в руны. Я твердил себе, что это ни что иное, как моё разыгравшееся воображение, но не чувствовал уверенности. Одно я знал точно: я не хотел находиться здесь после наступления темноты.

На одном перекрёстке громадная каменная горгулья вывалилась на улицу. Она уставилась на меня вверх ногами, разинув безгубую пасть и демонстрируя пару клыков и уродливый серый язык. Я объехал её по большой дуге, с облегчением избавившись от её холодного взгляда. Когда я

---

[32] Примечания: 32
Как Дом Гуччи, только Галлиен.

двинулся дальше, раздался глухой удар. Я обернулся и увидел, что горгулья перевернулась. Возможно, я задел её задним колесом велосипеда, нарушив шаткое равновесие, которое она поддерживала годами. Возможно, нет.

В любом случае, она снова уставилась на меня.

10

Дворец — если предположить, что это был он — становился всё ближе. Здания по обе стороны от него выглядели, как усадьбы, когда-то без сомнения роскошные, но теперь пришедшие в упадок. Балконы обрушились. Каретные фонари, освещавшие причудливые каменные дорожки, либо отвалились, либо были сбиты. Сами дорожки заросли коричнево-серыми сорняками и выглядели отвратительно. Промежутки между этими каменными домами заполняла крапива — решите пробраться через неё, и попрощаетесь со своей кожей.

Дождь снова начали лить, как из ведра, когда мы добрались до ещё более причудливых домов, построенных из мрамора и стекла, с широкими ступенями (неповреждёнными) и причудливыми портиками (почти разрушенными). Я велел Радар держаться — нужно было подобраться

поближе, — но сделал это шёпотом. Несмотря на ливень, во рту у меня пересохло. Я даже не помышлял о том, чтобы запрокинуть голову и поймать несколько капель ртом, не зная, что они могут содержать или как подействуют на меня. Это было ужасное место. Через него прошла инфекция, и я не хотел ничего здесь пить.

И всё же одна хорошая вещь тут была. Клаудия сказала, что я могу заблудиться, но пока что дорога вела прямо. Если жёлтый дом Ханы и солнечные часы находятся рядом со скоплением величественных зданий, над которыми возвышались три шпиля, то Галлиенская дорога приведет меня прямо туда. Теперь я мог различить огромные окна в этом великом архитектурном нагромождении. Не витражи, как в соборе, а мерцающие тёмно-зелёные стёкла, напоминавшие укосины в воротах. И тот мерзкий бассейн.

Глядя на них, я почти прозевал инициалы мистера Боудича, нарисованные на середине каменного столба с кольцом наверху, предположительно для привязывания лошадей. Их стоял целый ряд, похожих на подточенные зубы, перед гигантским серым зданием с дюжиной дверей на вершине крутых ступеней, но без единого окна.

Столб с инициалами **«АБ»** был последним в ряду перед узкой улицей, отворачивающей влево. Чёрточка в букве **А** продолжалась в виде стрелки, указывающей в сторону этой узкой улочки, вдоль которой стояли ещё более безликие каменные здания высотой в восемь или десять этажей. Я представил, что когда-то их заполняли бюрократы Эмписа, работающие на благо королевства. Я почти видел, как они снуют туда-сюда, одетые в длинные чёрные сюртуки и рубашки с высоким воротом, как мужчины (полагаю, все они были мужчинами) в иллюстрациях к романам Диккенса. Не знаю, располагалась ли в каком-либо из зданий Его Величества Королевская Тюрьма, но в каком-то смысле все они казались мне тюрьмами.

Я остановился, глядя на букву «**А**» с чёрточкой в виде стрелки. Дворец прямо впереди, но стрелка указывала в сторону от него. Возникал вопрос: продолжить ли мне идти прямо или следовать по стрелке? У меня за спиной, в корзине, под влажным одеялом, которое вскоре могло промокнуть насквозь, у Радар случился ещё один приступ кашля. Я почти решил проигнорировать стрелку и пошёл прямо, полагая, что всегда могу вернуться, если упрусь в тупик или типа того, но затем

вспомнил две вещи, о которых мне говорила Клаудия. Первое: если я буду следовать меткам мистера Боудича, всё будет хорошо (вообще-то она сказала *может быть* хорошо, но не будем придираться). И второе: по её словам, мне предстоял чертовский долгий путь. Но если я пойду дорогой, которой подумывал пойти, то это будет чертовски короткий путь.

В итоге я решил довериться Клаудии и мистеру Боудичу. Я повернул трёхколёсник в направлении, указанном стрелкой, и принялся крутить педали.

Улицы — настоящий лабиринт, сказала Клаудия. И она оказалась права, а инициалы мистера Боудича — его метки — уводили меня всё глубже. В Нью-Йорке имелась логика. В Чикаго имелась определённая часть логики. В Лилимаре не имелось никакой логики. Я представил, что таким, должно быть, был Лондон времён Шерлока Холмса и Джека Потрошителя (насколько я знаю, так оно и осталось). Некоторые улицы были широкими и обсажены голыми деревьями, которые не давали укрытия. Некоторые были узкими, а одна настолько тесная, что едва хватило места для трёхколёсника. На ней мы немного передохнули от дождя, поскольку двухэтажные дома нависали

над улицей, почти соприкасаясь. Иногда попадались трамвайные провода, некоторые всё ещё висели без натяжки, но в основном они лежали на земле.

В одной витрине я увидел безголовый портновский манекен с шутовским колпаком и колокольчиками на шее, и ножом, воткнутым между грудей. Если это была чья-то шутка, то не смешная. Через час я уже понятия не имел, сколько сделал поворотов направо и налево. В какой-то момент я оказался в подземном переходе, где звук колёс велосипеда, катящегося по стоячей воде, отдавался эхом, похожим на приглушённые смешки: *ха… хаа… хааа…*

Некоторые из меток мистера Боудича, находившихся под открытым небом, настолько выцвели, что были едва различимы. Если я собьюсь с пути, мне придется вернуться на прежний курс и попытаться определить направление по трём шпилям, которые, как я полагал, высились над дворцом, но я не знал, получится ли. На протяжении долгих отрезков пути, здания, теснящиеся надо мной, полностью заслоняли дворец. Было легко представить, как я блуждаю по этим улицам до двойного колокольного звона… а затем до тройного вечернего… и потом начинаю бес-

покоиться из-за ночных стражей. Только в такой дождь и из-за постоянного кашля, я боялся, что Радар не доживёт до ночи.

Дважды я проходил мимо зияющих дыр, которые уходили вниз в темноту. От них веяло дурно пахнущими испарениями и доносилось что-то похожее на шепчущие голоса, о которых предупреждала Клаудия. Запах от второй дыры был сильнее, шёпот громче. Я отгонял от себя мысли о перепуганных жителях города, укрывающихся в огромных подземных бункерах и умирающих там, что было трудно сделать. Почти невозможно. Как невозможно было поверить, что эти голоса нечто иное, чем голоса их призраков.

Я не хотел оставаться здесь. Я хотел домой, в свой нормальный мир, где бестелесные голоса доносились только из моих ирподсов.

Я дошёл до угла, где на фонарном столбе виднелось что-то похожее на инициалы мистера Боудича или просто пятно застарелой крови. Я слез с трёхколёсника, чтобы посмотреть поближе. Да, это была его метка, но почти исчезнувшая. Я не решился вытереть влагу и грязь, опасаясь полностью уничтожить метку, поэтому наклонился так, что почти уткнулся в неё носом. Чёрточка буквы «**А**» указывала вправо, я был в этом уверен

(почти уверен). Когда я сел на велосипед, Радар высунула голову из-под одеяла и заскулила. Один её глаз был залеплен слизью. Второй прищурен, но смотрел нам за спину. Я посмотрел в ту сторону и услышал шаги — в этот раз точно. И уловил мимолётное движение, может, какой-то части одежды — например, плаща — когда его владелец юркнул за угол в нескольких улицах от нас.

— Кто там? — позвал я, затем зажал рот ладонью.

«Тихо, веди себя тихо», повторял каждый, кого я встречал. Гораздо более низким голосом, почти шёпотом я добавил:

— Покажись. Если ты друг, я тоже могу быть другом.

Никто не показался. Я не сильно-то на это надеялся. Я уронил руку на рукоять револьвера мистера Боудича.

— Если ты не друг, у меня есть оружие, и я воспользуюсь им, если придётся. — Чистый блеф. О том, что стрелять нельзя, меня тоже предупреждали. И настойчиво. — Ты слышишь меня? Ради твоего же блага, незнакомец, я надеюсь на это.

Я изъяснялся не совсем, как обычно, и уже не в первый раз. Больше похоже на персонажа книги или фильма. Я почти ожидал, что произнесу:

«Меня зовут Иниго Монтойя.[33] *Ты убил моего отца. Приготовься к смерти»*.

Радар вновь закашлялась и её начала бить дрожь. Я снова забрался на велосипед и поехал в направлении, указанном последней стрелкой. Она привела меня на зигзагообразную улицу, вымощенную брусчаткой и по какой-то причине обставленную бочками, многие из которых были опрокинуты.

11

Я продолжал следовать за инициалами мистера Боудича, некоторые были почти такими же яркими, как в тот день, когда он нарисовал их, но большинство поблекло, став призрачными. Налево и направо, направо и налево. Я не встречал тел или скелетов давно умерших людей, но повсюду ощущал запах гнили и иногда возникало ощущение, что здания хитро меняют свои формы.

Местами я ехал по лужам. Где-то улицы были полностью затоплены, и большие колёса велосипеда погружались в неизвестность почти по

---

[33] Примечания: 33

Иниго Монтойя — персонаж фантазийного романа Уильяма Голдмана (1931–2018) «Принцесса-невеста: Классическая повесть С. Моргенштерна о настоящей любви и больших приключениях. Только „самое интересное“».

самые ступицы. Дождь перешёл в мелкую морось, затем прекратился. Я понятия не имел как далеко нахожусь от жёлтого дома Ханы; без телефона и солнца в небе, моё чувство времени было совершенно бесполезно. Я всё ещё ожидал услышать двойной полуденный звон колокола.

«Заблудился, — подумал я. — *Я заблудился, у меня нет GPS и я никогда не доберусь до места вовремя. Мне повезёт, если сумею выбраться отсюда до темноты».*

Затем я пересёк небольшую площадь со статуей в центре — это была женщина с отрубленной головой — и понял, что снова вижу три шпиля. Только теперь я смотрел на них с другой стороны. Тут мне пришла мысль, прозвучавшая голосом — абсурд, но правда — тренера Харкнесса, который преподавал и баскетбол и бейсбол. Тренер Харкнесс расхаживал взад и вперёд по боковой линии с красным лицом и большими пятнами пота, проступающими подмышками белой рубашки, которую он всегда надевал в вечер игры, следуя за перемещениями своей команды и крича: *«Чёрный ход, чёрный ход, мать вашу!»*

Чёрный ход.

Вот куда меня привела череда меток мистера Боудича. Не к фасаду этого огромного централь-

ного здания, где без сомнения заканчивалась Галлиенская дорога, но к задней части. Я пересёк площадь по левой стороне, ожидая найти инициалы на одной из трёх улиц, уходящих от неё, и нашёл: они красовались на стене разрушенного стеклянного здания, которое когда-то, возможно, было чем-то вроде оранжереи. Теперь дворец находился по правую руку от меня, и да — метки вели меня всё дальше и дальше вокруг него. Я увидел высокий изгибающийся выступ каменной кладки позади раскинувшихся центральных зданий.

Я поехал быстрее. Следующая метка указывала направо, вдоль того, что в лучшие времена было широким бульваром. Тогда он, возможно, был ярким, но сейчас тротуар потрескался и кое-где искрошился. По центру проходила заросшая разделительная полоса. Среди сорняков росли огромные цветы с жёлтыми лепестками и тёмно-зелёными сердцевинами. Я притормозил, чтобы разглядеть один, нависавший над дорогой на своём длинном стебле, но когда потянулся к нему, лепестки резко сомкнулись в нескольких дюймах от моих пальцев. Потекла какая-то белая густая жидкость. Я почувствовал жар и резко отдёрнул руку.

Дальше, примерно в четверти мили, я увидел три нависающих козырька, по одному с каждой стороны бульвара, по которому ехал, и один, казалось, нависал над самим бульваром. Они были такими же жёлтыми, как голодный цветок. Прямо передо мной бульвар переходил в еще одну площадь с высохший фонтаном по центру. Он был огромным и зелёным, с хаотичными обсидиановыми трещинами, проходящими по его чаше. *ЗАПИШИ ЭТО, ПРИНЦ ШАРЛИ*, постоянно повторяла Клаудия, и я проверил свои записи, просто для уверенности. Высохший фонтан — есть. Огромный жёлтый дом, стоящий поперёк дороги, — есть. Спрятаться — двойное «есть». Я сунул лист бумаги в боковой карман рюкзака, чтобы защитить его от влаги. Тогда я даже не задумался об этом, но слава Богу, что он лежал там, а не в моём кармане. То же самое с телефоном.

Я медленно поехал к площади, затем быстрее к фонтану. Его пьедестал имел в высоту около восьми футов и толщину со ствол дерева. Отличное укрытие. Я спешился и заглянул за пьедестал. Впереди, не более чем в пятидесяти футах от фонтана, стоял дом Ханы… или дома. Они соединялись жёлтым коридором над центральным проходом, наподобие надземных переходов,

которые есть по всему Миннеаполису. В общем, неплохое жилище.

И Хана была снаружи.

Глава восемнадцатая

Хана. Дорожки «вертушки». Ужас в бассейне. Наконец — солнечные часы. Нежеланная встреча.

1

Хана, должно быть, вышла, когда прекратился дождь, чтобы насладиться ярким днём. Она сидела на огромном золотом троне под полосатым красно-синим навесом. Я не думал, что золотым было лишь покрытие, и сильно сомневался, что драгоценные камни, покрывающие спинку и подлокотники трона, пластиковые. Думаю, что король и/или королева Эмписа, сидя на нём, выглядели бы смехотворно маленькими, но Хане он был не просто по размеру, её огромный зад выдавливался по бокам между золотыми подлокотниками и подушками цвета королевский пурпур.

Женщина, сидящая на этом украденном (я в этом не сомневался) троне была кошмарно уродлива. Оттуда, где я укрывался за высохшим фонтаном, было невозможно сказать, насколько она крупна, но во мне шесть футов и четыре дюйма, и казалось, что она возвышается надо мной ещё на пять футов, даже сидя. Если так, то рост Ханы должен был составлять не меньше двадцати футов.

Другими словами, настоящая великанша.

На ней было платье-шатёр цвета королевский

пурпур, как и подушки, на которых она сидела. Подол платья доходил ей до икр, похожих на стволы деревьев. На её пальцах (каждый был размером с мою ладонь) было множество колец. Они поблескивали в тусклом свете дня; будь на улице солнечно, они бы переливались огнём. Тёмно-каштановые волосы ниспадали на её плечи и в беспорядочных завитках волнами падали на грудь.

Платье выдавало в ней женщину, но по остальному трудно было судить. Лицо Ханы представляло собой комок шишек и больших гнойных нарывов. По центру лба тянулась красноватая трещина. Один глаз прищурен, другой выпучен. Верхняя губа была приподнята к узловатому носу, обнажив острые акульи зубы. Хуже всего, что трон полукругом окружали кости, почти наверняка человеческие.

Радар начала кашлять. Я повернулся к ней, приблизившись головой к её голове и посмотрел ей в глаза: «Тихо, девочка, — прошептал я. — Пожалуйста, сиди *тихо*».

Она снова закашлялась, потом притихла. Она всё ещё дрожала. Я начал отворачиваться, но кашель снова начался, громче, чем раньше. Думаю, Хана заметила бы нас, если б именно в этот

момент не решила запеть:

«Вставь палку Джо, любовь моя,
Вставь куда следует, любовь моя,
Вставляй всю ночь напролёт.
Пронзи меня своим штыком,
штыком, штыком.
Пронзи меня своим штыком!»

Я подозревал, что эти слова, скорее всего, взялись не из сказки братьев Гримм.

Она продолжила — похоже, это была одна из тех песенок, вроде «Ста бутылок пива», в которой миллион куплетов, — и меня это вполне устраивало, потому что Радар всё ещё кашляла. Я гладил её по спине и брюху, пытаясь успокоить, пока Хана ревела что-то вроде «Джо, голубчик мой, давай без прогулок» (я почти ожидал услышать «вставь мне между булок»). Я продолжал гладить Радар, а Хана продолжала голосить, когда прозвенел полуденный колокол. В такой близости от дворца он был оглушительным.

Звон разлетелся по сторонам. Я ждал, что Хана встанет и пойдёт к себе на кухню. Но она не пошла. Вместо этого она взялась двумя пальцами за фурункул на подбородке и сжала его. Оттуда хлынул фонтан желтоватого гноя. Она вытерла

его тыльной стороной ладони, осмотрела гной и стряхнула на землю. Затем откинулась на спинку трона. Я ожидал, что Радар снова закашляет. Но она сдержалась, хотя могла начать в любой момент. Это был лишь вопрос времени.

«Пой, — подумал я. — *Пой, ты здоровенная уродливая сука, пока моя собака снова не начала кашлять и наши кости не присоединились к тем, которые ты не можешь убрать, оторвав свою блядскую ленивую жопу от трона...»*

Но вместо того, чтобы петь, Хана поднялась на ноги. Это было всё равно, что наблюдать, как поднимается гора. Я воспользовался простым соотношением, которое узнал на уроке математики, чтобы вычислить её рост в стоячем положении, но недооценил длину её ног. Проход между двумя половинами её дома был двадцать футов в высоту, но Хане пришлось бы пригнуться, чтобы пройти внутрь.

Встав, она вытащила застрявшее платье из задницы вместе с громким нескончаемым пердежом. Это напомнило мне проигрыш тромбона из любимой инструментальной композиции моего отца «Полночь в Москве». Мне пришлось зажать рот ладонями, чтобы не заржать. Не думая о том, спровоцирует ли это новый приступ кашля

Радар, я зарылся лицом в её мокрую шёрстку на боку, и испустил сдавленный звук: *хи-хи-хи.* Я зажмурился, ожидая, что Радар снова разразится кашлем или огромные руки Ханы сожмутся на моём горле и открутят голову.

Этого не произошло, и я выглянул из-за пьедестала фонтана как раз вовремя, чтобы увидеть, как Хана с топотом направляется к правой части своего дома. Её размеры были фантасмагоричны. Она без труда могла заглянуть в окна верхнего этажа. Хана отворила огромную дверь, и оттуда донёсся запах готовящегося мяса. Пахло жареной свининой, но у меня было ужасное ощущение, что это не свинина. Хана пригнулась и вошла внутрь.

— *Накорми меня, ты, ублюдок без хера,* — прорычала она. — *Я голодная!*

Вот, когда ты должен проскочить, сказала Клаудия. Или что-то вроде того.

Я залез на трёхколёсник и покатил к проходу, наклонившись к рулю, как участник «Тур де Франс» на последнем километре. Прежде чем проехать, я бросил взгляд налево, где стоял трон. Разбросанные кости были маленькими, почти наверняка детскими. На одних остались хрящи, на других волосы. Отвлечься на трон было

ошибкой, которую я бы исправил, если бы мог, но порой — слишком часто — мы ничего не можем поделать. Ведь так?

2

Проход был около восьмидесяти футов длиной, прохладный и сырой, вымощенный замшелыми каменными блоками. Свет на другом конце был ярким, и я подумал, что, оказавшись на площади, смогу увидеть солнце.

Но нет. Как только я выехал из прохода, склонившись над рулём, облака поглотили маленькое храброе пятно синевы и вернулась не дающая тени серость. То, что я увидел, заставило меня похолодеть. Мои ноги соскользнули с педалей и трёхколёсник остановился. Я оказался на краю большой открытой площади. Её пересекали восемь извивающихся дорожек с восьми разных направлений. Когда-то их брусчатка была ярко раскрашена: зелёный, синий, малиновый, индиго, красный, розовый, жёлтый, оранжевый. Но сейчас цвета потускнели. Думаю, в конечном счёте они станут такими же серыми, как и всё остальное в Лилимаре и большей части Эмписа. Смотреть на эти извилистые дорожки было всё равно, что смотреть на гигантскую, когда-то

приносящую радость детскую вертушку. Вдоль извилистых дорожек стояли столбы, украшенные вымпелами. Годы назад — сколько? — они могли развеваться на ветру, не приносящем запах гнили и разложения. Сейчас они безвольно болтались, и с них капала дождевая вода.

В центре «вертушки» находилась ещё одна статуя бабочки с отломанными крыльями и головой. Разбитые останки лежали кучей вокруг пьедестала, на котором она стояла. За ним более широкая дорожка вела прямо к задней части дворца с его тремя тёмно-зелёными шпилями. Я мог представить себе людей — эмписийцев — которые когда-то ходили по этим извилистым дорожкам, сливаясь отдельными группками в единую массу. Смеющихся в добродушной возне, предвкушающих предстоящее развлечение; некоторые несут обеды в корзинах, кто-то останавливается у продуктовых лотков, чтобы купить выставленные товары. Сувениры для детей? Вымпелы? Конечно! Говорю вам, я мог видеть это, как если бы сам был там. А почему нет? Я был частью подобного столпотворения в особые вечера, когда ходил на игру «Уайт Сокс», и в одно незабываемое воскресенье, — на «Чикаго Беарс».

Над задней частью дворца возвышалась изо-

гнутая стена из красного камня. Вдоль неё стояли высокие шесты, на каждом из которых были установлены длинные, похожие на тарелки, приспособления. Здесь проводились игры, за которыми с нетерпением наблюдали массы людей. Я был в этом уверен. Толпа ревела. Теперь извивающиеся дорожки и центральный проход ко дворцу были пусты и одержимы, как и весь остальной одержимый город.

В пятом классе на уроке истории наш класс построил замок из «Лего». Тогда нам это казалось скорее игрой, чем учёбой, но в итоге мы чему-то да научились. Я всё ещё помнил большинство архитектурных элементов, и узнал некоторые из них, когда приблизился: парящие контрфорсы, башенки, бойницы, парапеты, и даже то, что было похоже на потерну. Но, как и всё в Лилимаре, они выглядели неправильными. Лестничные пролёты беспорядочно (и бессмысленно, на сколько я мог судить) вели к странным грибообразным придаткам с узкими окнами без стекол. Это могли быть охранные посты, или Бог знает, что ещё. Некоторые пролёты пересекались крест-накрест, напоминая рисунки Эшера, обманывающие ваши глаза. Я моргнул и лестницы показались мне перевёрнутыми. Моргнул ещё раз и ход ступеней

поменял направление.

Хуже того, весь дворец, в котором не было абсолютно никакой симметрии, *двигался*, как замок Хаула.[34] Я не мог точно видеть, как это происходит, потому что трудно ухватить это взглядом… или сознанием. Лестницы были разных цветов, как дорожки «вертушки», что кажется забавным, но в целом создавалось ощущение какого-то непостижимого понимания, как будто это вовсе не дворец, а разумное существо с чужеземным сознанием. Я знал, что у меня разыгралось воображение (нет, на самом деле я этого *не* знал), но был очень рад, что метки мистера Боудича вывели меня ко дворцу со стороны стадиона, так что окна собора не смотрели прямо на меня. Я не уверен, что смог бы вынести их зелёный взгляд.

Я медленно катил по широкой центральной дорожке, колёса велосипеда изредка подскакивали на выступающих булыжниках. Задняя стена дворца почти целиком была из сплошного камня. Там был ряд больших красных дверей — восемь или девять — и вереница старых сгрудившихся повозок, несколько перевёрнутых, и парочка разнесённых в щепки. Легко было представить, что

[34] Примечания: 34

«Ходячий замок» Хаяо Миядзаки — полнометражный мультипликационный фильм, выпущенный в 2004 году.

это натворила Хана, может быть, из злости или просто для развлечения. Похоже, что это была зона снабжения, которую богатые и королевские особы видят редко, если вообще видят. Этим путём шли обычные люди.

Рядом с погрузочно-разгрузочной площадкой на одном из каменных блоков я заметил выцветшие инициалы мистера Боудича. Мне не нравилось находиться так близко ко дворцу, даже на его «слепой» стороне, потому что я почти видел, как он движется. Пульсирует. Чёрточка на букве «**А**» указывала влево, поэтому я отклонился от основного пути, чтобы следовать по стрелке. Радар снова закашляла, и сильно. Когда я уткнулся лицом в её шёрстку, чтобы заглушить смех, шёрстка была влажной, холодной и слипшейся. Интересно, у собак бывает пневмония? Я решил, что это глупый вопрос. Вероятно, любое существо с лёгкими могло подхватить её.

Ещё несколько меток с инициалами привели меня к ряду из шести или семи парящих контрфорсов. Я мог бы пройти под ними, но предпочёл этого не делать. Они были такими же тёмно-зелёными, как окна башни, возможно, вовсе не каменные, а из какого-то стекла. Трудно поверить, что стекло могло выдержать столь огромную

несущую нагрузку такого необъятного вздымающегося здания, но то, на что я смотрел, казалось стеклом. И снова внутри я увидел чёрные прожилки, лениво извивающиеся вокруг друг друга, возрастая и увядая. Смотреть на контрфорсы было словно смотреть на ряд странных зелёных и чёрных лава-ламп. Эти чёрные прожилки заставили меня вспомнить некоторые фильмы ужасов — например, «Чужой» или «Пиранья», — которые я предпочёл бы никогда не видеть.

Я уже начал думать, что полностью обогну дворец и попаду под тройной взгляд шпилей, когда мне попалась ниша. Она была расположена между двумя каменными выступами без окон, расходящимися в стороны буквой «V». Тут стояли скамейки, окружающие маленький бассейн, находящийся в тени пальм — дико, но правда. Пальмы скрывали то, что находилось глубже в нише, но над ними возвышался не меньше сотни футов в высоту столб, увенчанный стилизованным солнцем. У него было лицо и глаза, двигающиеся из стороны в сторону, как у настенных часов «Кит-Кэт» в виде кота.[35] Справа от бассейна на каменном блоке были нарисованы

[35] Примечания: 35

Такие часы, например, можно увидеть в начальных титрах первой части «Назад в будущее».

инициалы мистера Боудича. Чёрточка «**А**» никуда не указывала; в этот раз стрелка выходила из верхушки буквы. Я почти слышал, как мистер Боудич говорит: *«Дальше — прямо, Чарли, и не теряй времени»*.

— Держись, Радс, мы почти на месте.

Я поехал в направлении, указанном стрелкой, по правой стороне маленького бассейна. Не было никакой необходимости останавливаться и вглядываться в него между двух пальм, не теперь, когда я так близок к цели, но я не удержался. И хотя увиденное там было ужасно, я был рад, что взглянул. Это изменило всё, хотя прошло много времени, прежде чем я полностью осознал решающую важность этого момента. Иногда мы смотрим для того, чтобы запомнить. Иногда самые ужасные вещи придают нам сил. Теперь я это знаю, но тогда я смог лишь подумать: *«О мой Бог, это же Ариэль»*.

В этом бассейне, возможно, когда-то успокаивающе голубом, но теперь илистом и потускневшем от гниения, лежали останки русалки. Но не Ариэль, диснеевской принцессы, дочери короля Тритона и королевы Атены. Нет, это не она. Точно не она. У неё не было ни блестящего зелёного хвоста, ни голубых глаз, ни копны рыжих волос.

И никакого маленького фиолетового лифчика. Думаю, раньше эта русалка была блондинкой, но большая часть её волос выпала и плавала на поверхности бассейна. Её хвост когда-то мог быть зелёным, но теперь он был безжизненно серым, как вся её кожа. Её губы исчезли, обнажив кольцо мелких зубов. Вместо глаз зияли пустые глазницы.

И всё же когда-то она была красива. Я верил в это, как и в толпы счастливых людей, которые когда-то приходили сюда посмотреть на игры и представления. Красивая, живая и полная радостного, безвредного очарования. Когда-то она плавала здесь. Это был её дом, и люди, которые нашли время прийти к этому комнатному оазису, любовались ей, она смотрела на них, и все они получали заряд бодрости. Теперь она мертва; из того места, где её рыбий хвост переходил в человеческое тело торчал железный прут, а из раны торчали серые кишки. От её красоты и грации осталась лишь тень. Русалка была мертва, как любая рыба, когда-либо погибавшая в аквариуме, и плавала там во всех своих поблекших красках. Она стала уродливым трупом, частично сохранённым холодной водой. Пока по-настоящему уродливое создание — Хана — продолжала жить

и петь, пердеть и жрать свою отвратительную пищу.

«Проклято, — подумал я. — *Всё проклято. Зло опустилось на эту несчастную землю»*. Это не была мысль Чарли Рида, это была правда.

Я почувствовал, как во мне поднимается ненависть к Хане, не потому, что она убила маленькую русалку (я подумал, что великанша могла просто разорвать её в клочья), но потому, что она, Хана, была жива. И будет стоять на моём обратном пути.

Радар снова начала кашлять, так сильно, что я слышал скрип корзины позади. Я разрушил чары этого жалкого тела и покатил вокруг бассейна к столбу с солнцем на верхушке.

3

Солнечные часы находились в том месте ниши, где сходились два «отростка», образовывавшие букву «V». Перед ними была вывеска на железном столбе. Выцветшая, но всё ещё разборчивая надпись гласила: «ПРОХОД ВОСПРЕЩЁН». Диск часов имел двадцать футов в диаметре, что составляло — если мои расчёты верны — около шестидесяти футов в окружности. На дальнем конце я увидел инициалы мистера Боудича. Я хотел получше

рассмотреть их. Они привели меня сюда; теперь, когда я был здесь, эта последняя метка могла указать мне правильное направление движения солнечных часов. Проехать на трёхколёснике Клаудии было невозможно, так как круг часов огораживал чёрно-белый заборчик около трёх футов в высоту.

Радар закашляла, поперхнулась и снова закашляла. Она тяжело дышала и дрожала, один глаз был зажмурен, другой смотрел на меня. Её шёрстка липла к телу, позволяя мне видеть — не то, чтобы я этого хотел — какой тощей она стала, почти как скелет. Я слез с велосипеда и вытащил собаку из корзины. Я чувствовал её конвульсивную дрожь: она дрожала и замирала, дрожала и замирала.

— Уже скоро, девочка, скоро.

Я надеялся, что не совершаю ошибку, потому что это её единственный шанс… и это сработало для мистера Боудича, ведь так? Но даже после великанши и русалки, мне трудно было поверить.

Я перешагнул ограждение и прошёл по солнечным часам. Они были каменные и разделены на четырнадцать клиновидных частей. *«Кажется, теперь я знаю, сколько здесь длится день»*, — подумал я. В центре каждой части был

выгравирован символ, обветренный, но всё ещё узнаваемый: две луны, солнце, рыба, птица, свинья, бык, бабочка, пчела, сноп пшеницы, горсть ягод, капля воды, дерево, обнажённый мужчина и обнажённая женщина, беременная. Символы жизни. Когда я проходил мимо высокого столба в центре, то мог слышать тик-тик-тик-тик глаз на лице солнца, двигающихся из стороны в сторону и отсчитывающих время.

Я перешагнул через ограждение на дальнем конце, всё ещё держа Радар на руках. Её язык безвольно свисал с уголка рта, пока она непрестанно кашляла. Её время в полном смысле подходило к концу.

Я посмотрел на солнечные часы и инициалы мистера Боудича. Чёрточка буквы «**А**» была слегка изогнута, указывая вправо, что значило, когда я крутану часы — *если* крутану — они будут двигаться прочив часовой стрелки. Это казалось правильным. Я на это надеялся. Если я ошибаюсь, значит, я проделал весь этот путь, чтобы убить свою собаку, сделав её ещё старше.

Я слышал шепчущие голоса, но не обращал на них внимания. Думал только о Радар, только о ней, и знал, что должен сделать. Наклонившись, я осторожно опустил Радар на клиновидную часть

с выгравированным снопом пшеницы. Собака попыталась поднять голову, но не смогла, положив её на каменнную поверхность между лап и глядя на меня одним глазом. Теперь Радар была слишком слаба, чтобы кашлять, и могла только хрипло дышать.

«Пусть это будет правдой и Боже, пусть это сработает».

Я опустился на колени и взялся за один из коротких стержней, опоясывающих солнечные часы по окружности. Я потянул за него одной рукой, затем обоими. Ничего не произошло. Радар теперь издавала булькающие звуки между вздохами. Её бок поднимался и опускался, как кузнечный мех. Я потянул сильнее. Ничего. Я вспомнил футбольную тренировку, и то, что только я мог не просто сдвинуть тренировочного «болвана», но и опрокинуть.

«Тяни, сукин ты сын. Тяни ради спасения её жизни!»

Я вложил всю силу, которая у меня была — напряг ноги, спину, руки, плечи. Я чувствовал, как кровь приливает к напряжённой шее и голове. В Лилимаре я должен был вести себя тихо, но от усилий не смог сдержать низкий рычащий возглас. И мистер Боудич мог справиться с этим?

Я не понимал, как.

Как раз в тот момент, когда я почти отчаялся сдвинуть диск с места, я почувствовал первое незначительное смещение вправо. Казалось, что тянуть ещё сильнее невозможно, но я это сделал; на моих руках, спине и шее напряглась каждая мышца. Солнечные часы начали двигаться. Сначала моя собака лежала прямо передо мной, но теперь переместилась немного правее. Я перенёс весь свой вес в сторону и начал тужиться изо всех сил. Вспомнил слова Клаудии, которая велела мне *«напрячь мой сральник»*. Что-что, но сейчас он был напряжён до предела, вероятно, на грани того, чтобы вывернуться наизнанку.

Как только диск поддался, дальше пошло легче. Первый штырь оказался далеко, поэтому я схватился за следующий, снова переместив вес, и потянул за него изо всех сил. Когда и этот штырь прошёл мимо меня, я снова перехватился. Это заставило меня вспомнить карусель в Кавана-Парк, и как мы с Берти крутили её, пока маленькие дети на ней не начинали вопить от радости и страха, а их матери кричать, чтобы мы остановились, пока кто-то из детей не улетел.

Радар проделала треть пути по кругу… затем половину… теперь она приближалась ко мне.

Солнечные часы вращались легко. Возможно, я пробил какой-то древний засор под ними, но продолжал хвататься за штыри, перебирая руками, будто взбирался по канату. Мне казалось я вижу изменения в Радар, но считал, что это может быть лишь принятие желаемого за действительное, пока часы не подкатили её обратно ко мне. Оба глаза собаки были открыты. Она кашляла, но ужасное хрипение прекратилось, и она держала голову поднятой.

Солнечные часы двигались всё быстрее, и я перестал хвататься за штыри. Я наблюдал за Радар на её втором круге и видел, как она пытается подняться на передние лапы. Её уши стояли торчком, а не уныло болтались. Я присел на корточки, тяжело дыша, моя рубашка взмокла на груди и с боков; я пытался прикинуть, сколько понадобится оборотов. До меня дошло, что я до сих пор не знаю, сколько ей лет. Четырнадцать? Или даже пятнадцать? Если каждый оборот равен одному году, четыре оборота на солнечных часах должно быть достаточно. Шесть вернули бы её обратно в начало жизни.

Когда Радар прокатилась мимо меня, я увидел, что она не просто опиралась на передние лапы, она сидела. А когда она преодолела третий круг,

я с трудом поверил собственным глазам: Радс пополнела, прибавила в весе. Она ещё не превратилась в ту собаку, что до смерти напугала Энди Чена, но была близка к этому.

Только одна вещь беспокоила меня: хотя я перестал дёргать за штыри, солнечные часы продолжали набирать скорость. После четвёртого оборота мне показалось, что Радар выглядит обеспокоенной. После пятого она казалась напуганной, и волна воздуха от её прохода сдула волосы с моего лба. Мне нужно было снять её с часов. Если я этого не сделаю, то стану свидетелем того, как моя собака превращается в щенка, а затем… исчезает. *Тик-тик-тик-тик* глаз на солнечном лице слилось в единое *тиктиктиктик*, и я знал, если взгляну наверх, то увижу, что глаза двигаются из стороны в сторону всё быстрее и быстрее, становясь размытым пятном.

Удивительные вещи могут прийти на ум во время стресса. В голове вспышкой возник вестерн «Тёрнер Классик Мувис», который мы с отцом смотрели во времена его запоя. Назывался он «Пони-экспресс». Я запомнил Чарлтона Хестона, мчащегося изо всех сил к одинокой заставе, где на крюке висел мешок с почтой. Чарлтон схватил его, не сбавляя скорости. Я собирался проделать

то же самое с Радар. Я не хотел кричать, поэтому просто присел на корточки и вытянул руки, надеясь, что она поймёт.

Когда солнечные завершали обороот, и Радар увидела меня, она встала на лапы. Ветер от крутящегося диска обдувал её шёрстку, будто её гладили невидимые руки. Если бы я промахнулся (Чарлтон Хестон не промахнулся мимо почтового мешка, но то было в кино), мне пришлось бы запрыгнуть на часы, схватить её и спрыгнуть. В процессе я мог потерять один год из моих семнадцати, но порой отчаянные меры — единственные меры.

Так получилось, что мне вообще не пришлось её хватать. Когда я положил её на солнечные часы, Радс уже не могла самостоятельно передвигаться. После пяти — с заходом за шестой — оборотов, она стала совершенно другой собакой. Она присела, напрягла свои новые сильные задние лапы и прыгнула в мои объятия. По ощущениям было похоже, что в меня прилетел мешок с цементом. Я упал на спину, Радар нависла надо мной, широко расставив передние лапы по обе стороны от моих плеч, неистово виляя хвостом и облизывая моё лицо.

— Хватит! — выдавил я, но команда не подей-

ствовала, потому что я заливался смехом. Она продолжала облизывать меня.

Наконец я сел и внимательно осмотрел её. До этого Радар была похудевшей до шестидесяти фунтов. Теперь же она набрала вес до восьмидесяти или девяносто фунтов. Хрипы и кашель пропали. Подсыхающие выделения на её морде также пропали, будто их никогда не было. Белизна исчезла как с её морды, так и с чёрной шёрстки на спине. Её хвост, который раньше выглядел истрёпанным, теперь стал пушистым и объёмным. Лучше всего — самый верный показатель изменений, произведённых солнечными часами, — были её глаза. Они больше не были затуманенными и оцепенелыми, будто она не понимала, что происходит с ней или с окружающим её миром.

— Посмотри на себя, — прошептал я. Мне пришлось вытереть глаза. — Ты только посмотри на себя.

4

Я обнял Радар, затем встал. У меня и в мыслях не было поискать золотые гранулы. Я достаточно искушал судьбу для одного дня. Более, чем достаточно.

Эта новая и улучшенная версия Радар не поместилась бы в корзине на багажнике трёхколёсника. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в этом. А у меня не было поводка. Он остался у Клаудии, в тележке Доры. Но часть меня верила, что он больше не понадобится.

Я наклонился, обхватил ладонями её морду и посмотрел в тёмно-карие глаза: «Будь рядом. И не шуми. *Тсс*, Радс».

Мы двинулись назад тем же путём, каким пришли; я крутил педали, а Радар шла рядом со мной. Я велел себе не заглядывать в бассейн. Когда мы приблизились к каменному проходу, снова пошёл дождь. Преодолев половину прохода, я остановился и слез с трёхколёсника. Велел Радар сидеть и ждать. Неспешно двигаясь, держась спиной к покрытой мхом каменной стене прохода, я добрался до его конца. Радар наблюдала, но не шевелилась — послушная собака. Я остановился, когда увидел золотой подлокотник этого гротескно разукрашенного трона. Сделал ещё шаг, вытянул шею и убедился, что он пуст. Дождь барабанил по полосатому навесу.

Где же Хана? В какой из двух частей дома? И чем она была занята?

Вопросы, на которые у меня не было ответа. Воз-

можно, она всё ещё поглощала свою полуденную пищу, которая пахла, как свинина, но свининой не была, или могла вернуться в жилую часть для послеобеденного сна. Я не думал, что мы отсутствовали достаточно долго, чтобы она закончила есть, но это была только догадка. Последние минуты — сначала русалка, потом солнечные часы — были для меня напряжёнными.

С того места, где я стоял, я видел перед собой высохший фонтан. Он обеспечил бы нам хорошее укрытие, но только в том случае, если мы доберёмся до него незамеченными. Всего пятьдесят ярдов, но когда я представил последствия нашей поимки на открытом пространстве, расстояние показалось мне гораздо большим. Я прислушивался к рычащему голосу Ханы, даже более громкому, чем у Клаудии, но ничего не слышал. Несколько куплетов из песни «пронзи меня своим штыком» пригодились бы для определения её местоположения, но вот, что я узнал в одержимом городе Лилимар: великанши никогда не поют, когда тебе это нужно.

Тем не менее, нужно было сделать выбор, и мой состоял в том, чтобы попытаться добраться до фонтана. Я вернулся к Радар и уже забрался на трёхколёсник, когда слева от прохода раздался

громкий хлопок. Радар вздрогнула и повернулась в ту сторону, глубоко в её груди зародилось низкое рычание. Я схватил её, прежде чем раздался залп лая, и наклонился: «Тихо, Радар, тсс».

Я услышал, как Хана что-то бормочет — что-то неразборчивое — и раздался ещё один из тех громких раскатистых пердежей. В этот раз мне не захотелось смеяться, потому что она медленно шла мимо арки, ведущей в проход. Если бы она посмотрела направо, мы с Радар могли прижаться к стене и, возможно, в полумраке остаться незамеченными, но даже будь Хана близорукой, трёхколёсник Клаудии был слишком большим, чтобы не заметить его.

Я вытащил револьвер мистера Боудича и прижал его к боку. Если она повернётся в нашу сторону, я собирался выстрелить в неё, и точно знал, куда нужно целиться — в ту красную щель посреди её лба. Я никогда не упражнялся в стрельбе с оружием мистера Боудича (вообще ни с каким оружием), но у меня хорошее зрение. Первым выстрелом я мог промазать, но у меня оставалось бы ещё четыре попытки. А что до шума? Я подумал о костях, разбросанных вокруг трона, и решил: *хер с этим шумом*.

Она ни разу не посмотрела в нашу сторону или

в сторону фонтана, просто пялилась себе под ноги, продолжая что-то бормотать, что напомнило мне папу перед тем, как он произнёс речь на ежегодном ужине Национального страхового общества Оверленда по случаю того, что он стал региональным работником года. В левой руке Ханы что-то было, но её бедро почти полностью загораживало это, пока она не поднесла руку ко рту. Она скрылась из вида, прежде чем успела вгрызться, меня это вполне устраивало. Я почти уверен, что это была ступня, и что с одной стороны на ней имелся укус в форме полумесяца.

Я боялся, что Хана снова усядется на трон, чтобы расправиться со своим послеобеденным десертом, но очевидно дождь, даже с учётом навеса над троном, отбил у неё такое желание. Или она просто хотела похрапеть. Так или иначе, раздался ещё один хлопок дверью, а потом тишина. Я убрал револьвер в кобуру и присел рядом с моей собакой. Даже в полумраке я видел, насколько похорошела Радар, какой молодой и крепкой она стала. Я был рад. Может быть, вам это слово кажется банальным, но не мне. Думаю, что радость — это очень, очень важно. Я не мог оторвать рук от её шёрстки и поражался тому, какая она теперь густая.

5

Я не хотел ждать; всё, чего я хотел, это убраться из Лилимара со своей обновлённой собакой, привести её в ангар и смотреть, как она будет есть сколько в неё влезет. Могу поспорить, что немало. Я бы дал ей целую банку «Ориджен», если она захочет, и пару палочек «Перки-Джерки» сверху. А потом мы бы наблюдали за возвращением бабочек-монархов на свои насиженные места.

Вот чего я хотел, но я заставил себя подождать и дать Хане возможность улечься. Я сосчитал до пятисот десятками, затем пятёрками, затем двойками. Не знаю, достаточно ли этого времени, чтобы сучка-переросток крепко заснула, но я не мог ждать дольше. Было важно выбраться из её владений, к тому же я должен был покинуть город до наступления темноты, и не только из-за ночных стражей. Некоторые метки мистера Боудича стали очень блеклыми, и если я упущу одну из них, у меня возникнут большие проблемы.

— Пойдём, — обратился я к Радар. — Но тихо, девочка, тихо.

Я повёл трёхколёсник за собой, желая прикрыть нас с тыла, если Хана внезапно появится и нападёт. Пока она будет откидывать его в сторону, я

бы успел достать револьвер и выстрелить. Плюс Радар, которая вернулась к своему боевому весу. Я думал, если Хана свяжется с Радар, то лишится части своей плоти. И я бы с радостью посмотрел на это. Однако было бы совсем неприятно увидеть, как Хана одним ударом своей огромной руки свернёт Радар шею.

Я остановился у арки, ведущей в проход, затем направился к фонтану; Радар шла рядом со мной. Были игры (особенно против нашего главного соперника «Сейнт-Джонс»), которые, казалось, никогда не закончатся, но прогулка под открытым небом между домом Ханы и пересохшим фонтаном на площади стала самыми длинными пятьюдесятью ярдами в моей жизни. Я всё ожидал услышать эмписийскую версию *«фи-фай-фо-фух»* и сотрясающий землю топот её бегущих ног в погоне за нами.

Раздался крик птицы — может, вороны или канюка, — но это был единственный звук. Мы достигли фонтана, и я прижался к нему, чтобы вытереть с лица выступивший пот и капли дождя. Радар смотрела на меня. Теперь она не дрожала и не тряслась; и не кашляла. Она стояла, оскалившись. Переживала приключение.

Я ещё раз взглянул в сторону Ханы, затем сел на

велосипед и поехал в сторону расписного бульвара, где когда-то давно, без сомнения, собиралась местная элита, чтобы съесть сэндвич с чаем и обсудить последние придворные сплетни. Возможно, по вечерам на больших задних дворах, теперь поросших сорняками, чертополохом и опасными цветами, устраивались эмписийские барбекю или танцы при свете ламп.

Я двигался довольно быстро, но Радар легко поспевала за мной, бежав вприпрыжку с высунутым языком. Дождь усилился, но я едва замечал его. Всё, чего я хотел, — это преодолеть обратный путь и убраться из города. А уж тогда можно будет подумать о промокшей одежде, и возможности подхватить простуту; уверен, Клаудия накормила бы меня горячим куриным супом, прежде чем я отправился бы назад к Вуди… потом к Доре… а потом домой. Мой отец наговорил бы мне кучу всего, но увидев Радар, он бы…

Что он?

Сейчас я решил об этом не думать. Первым делом нужно было выбраться из этого неприятного города, который отнюдь не был пустынным. И который не совсем оставался неподвижным.

6

Это казалось легко: просто следовать меткам мистера Боудича в обратном порядке, двигаясь в сторону противоположную направлению стрелок, пока мы не доберёмся до центральных ворот. Но когда я добрался до того места, где мы выехали на широкий бульвар, его инициалы пропали. Я точно помнил, что они были на брусчатке перед большим зданием с грязным стеклянным куполом, но от них не осталось и следа. Могло ли их смыть дождём? Это казалось маловероятным, учитывая, что после всех дождей за все эти годы они оставались относительно яркими. Скорее всего, я их пропустил.

Я поехал дальше по бульвару, высматривая «**АБ**». Миновав ещё три боковых улицы без каких-либо признаков инициалов, я развернулся и вернулся к похожему на банк зданию с куполом.

— Я *знаю*, что они были здесь, — сказал я, указав на кривую улочку, где лежал перевёрнутый глиняный горшок с засохшим деревом. — Я помню его. Кажется, дождь всё-таки смысл их. Пошли, Радс.

Я медленно крутил педали, высматривая следующие инициалы, и ощущая некоторую тревогу.

Потому что эти метки были цепью, разве нет? Что-то вроде цепи событий, которая вела от смерти моей мамы на проклятом мосту до сарая мистера Боудича. Если разорвать звенья, то у меня был неплохой шанс заблудиться. *Будешь всё ещё бродить по этой адской дыре, когда стемнеет*, сказала Клаудия.

Следуя по этой узкой улочке мы вышли к переулку со старыми заброшенными магазинами. Я верил, что мы пришли этой дорогой, но там тоже не оказалось никаких инициалов. Мне показалось, что я узнал дом похожий на аптеку с одной стороны, но покосившееся здание с пустыми глазами-окнами с другой стороны совсем не выглядело знакомым. Я огляделся в поисках дворца, надеясь таким образом определить наше местоположение, но его было едва видно за проливным дождём.

— Радар, — сказал я, указав на угол. — Ты что-нибудь чуешь?

Она пошла в указанном мной направлении, обнюхала крошащийся тротуар, затем посмотрела на меня в ожидании дальнейших указаний. Мне нечего было ей сказать, и я, конечно, не винил её. В конце концов, мы приехали на трёхколёснике, и даже если бы шли пешком, проливной дождь

смыл бы все наши запахи.

— Пойдём, — сказал я.

Мы двинулись по улице, потому что мне казалось, что я помнил аптеку, но ещё и потому, что нужно было *куда-то* двигаться. Я решил, что лучшей тактикой будет продолжать наблюдать за дворцом и попытаться вернуться на Галлиенскую дорогу. Пользоваться главной магистралью могло быть опасно — на мысль об этом наводили огибавшие её метки мистера Боудича, — но она вывела бы нас из города. Как я говорил, это был кратчайший путь.

Проблема состояла в том, что улицы, казалось, настойчиво вели нас прочь от дворца, а не к нему. Даже когда дождь стихал, и я снова мог видеть эти три шпиля, они всегда казались ещё дальше, чем раньше. Дворец находился по левую руку от нас, и я обнаружил множество улиц, ведущих в этом направлении, но они, похоже, всегда заканчивались тупиком или поворачивали направо. Шёпот стал громче. Я хотел отмахнуться от него, как от ветра, но не смог. Ветра *не* было. Краем глаза мне показалось, что на двухэтажном здании вырос третий этаж, но когда я повернул голову, этажей снова было два. Квадратное здание как будто выпирало навстречу мне. Горгулья — или

что-то похожее на грифона — казалось, повернула голову, чтобы посмотреть на нас.

Если Радар видела или чувствовала что-то подобное, то её, похоже, это не беспокоило; возможно, она наслаждалась своей новой энергией, но я был очень встревожен. Было всё труднее и труднее не думать о Лилимар, как о живом существе, полуразумном и решившем не отпускать нас.

Улица перед нами заканчивалась крутым оврагом, полным камней и стоячей воды — ещё один тупик. Повинуясь импульсу, я свернул в переулок, настолько узкий, что задние колёса велосипеда соскребали ржавые хлопья с кирпичных стен. Радар шла впереди меня. Внезапно она остановилась и начала лаять. Громко и сильно, во всю мощь здоровых лёгких.

— Что такое?

Она снова залаяла, села и навострила уши, глядя в переулок сквозь дождь. А затем из-за угла улицы, к которой примыкал переулок, донёсся высокий голос, который я сразу же узнал.

— Привет, спаситель букашек! Ты всё ещё раздражительный мальчик или теперь ты испуганный мальчик? Тот, который хочет домой к мамочке, но не может найти дорогу?

За этим последовал взрыв смеха.

— А вдруг я смыл твои метки щёлочью, а? Давай посмотрим, сможешь ли ты выбраться из Лили до того, как ночные стражи выйдут поиграть! У меня проблем не будет, этот невысокий паренёк знает эти улицы, как свои пять пальцев!

Это был Питеркин, но я мысленно видел в нём Кристофера Полли. У Полли, по крайней мере, была причина для мести — я сломал ему руки. Но, что я сделал Питеркину, кроме того, что заставил его прекратить измываться над гигантским красным сверчком?

Я пристыдил его, вот в чём было дело. Мне в голову приходило лишь это. Но я знал то, чего карлик почти наверняка знать не мог: умирающая собака, которую он видел на Королевской дороге, больше не была умирающей. Радар посмотрела на меня. Я указал в конец переулка: *«ВЗЯТЬ ЕГО!»*

Ей не нужно было повторять дважды. Радс рванулась на звук этого неприятного голоса, всплескивая лапами воду кирпичного оттенка, и метнулась за угол. Раздался удивлённый крик Питеркина и залп лая — такого, который когда-то до чёртиков напугал Энди Чена — а затем вопль боли.

— *Ты пожалеешь!* — заорал Питеркин. — *Ты и твоя проклятая шавка!*

«Я доберусь до тебя, дорогуша, — подумал я, крутя педали по узкому переулку. Я не мог ехать так быстро, как хотел, потому что ступицы задних колёс постоянно царапали стены. — *Я доберусь до тебя и твоей маленькой собачки!»*[36]

— Держи его! — выкрикнул я. — Держи его, Радар! — Если бы она сцапала Питеркина, тот мог вывести нас отсюда. Я бы убедил его, точно так же, как убедил Полли.

Но когда я подъехал к концу переулка, Радар выскочила из-за угла. Собаки могут выглядеть виноватыми — любой, кто жил с собакой, знает это — и именно так она и выглядела. Питеркин удрал, но не без потерь. В пасти Радар держала приличного размера кусок светло-зелёной ткани, который мог быть только от штанов Питеркина. Но ещё приятней было увидеть на нём два пятна крови.

Я дошёл до конца переулка, посмотрел направо и увидел карлика, цепляющегося за карниз второго этажа каменного здания в двадцати или тридцати футах дальше по улице. Он был похож

---

[36] Примечания: 36
Слова Злой Ведьмы из «Волшебника страны Оз».

на человека-паука. Я заметил металлический жёлоб, по которому он, должно быть, забрался, спасаясь от Радар (но недостаточно быстро, ха-ха), и пока смотрел, он вскарабкался на выступ и присел там на корточки. Выступ выглядел хрупким, и я надеялся, что он провалится под карликом, но не тут-то было. Такое могло случиться, будь он обычного роста.

— Ты заплатишь за это! — выкрикнул Питеркин, потрясая кулаком. — Ночные стражи начнут с того, что прикончат твою проклятую собаку! Надеюсь, они не убьют тебя! Хочу посмотреть, как Рыжая Молли вырвет кишки из твоего брюха на «Честном»!

Я вытащил свой 45-ый, но прежде чем смог выстрелить (учитывая дистанцию, я бы точно промазал), карлик издал ещё один из своих отвратительных воплей, кувырнулся назад в окно, прижав своими ручонками коленки к груди, и исчез.

— Да, — сказал я Радар, — просто восхитительно, не правда ли? Как думаешь, мы выберемся отсюда?

Радар гавкнула.

— И выплюнь этот кусок его штанов, пока не отравилась.

Радар повиновалась, и мы пошли дальше. Когда мы проходили мимо окна, в котором исчез Питеркин, я высматривал его, надеясь, что он высунется, как мишень в тире, но и в этом мне не повезло. Полагаю, что трусливые ублюдки, вроде него, не дают вам второго шанса… но иногда (если судьба благосклонна) вы получаете третий.

Я мог только надеяться на это.

Глава девятнадцатая

Проблема с собакой. Пьедестал. Кладбище. Внешние ворота.

1

Проблема с собаками (при условии, что вы не бьёте и не пинаете их) в том, что они вам доверяют. Вы тот, кто даёт пищу и кров. Вы тот, кто может выудить пищащую обезьянку из-под дивана одной из своих умных пятипалых лап. Вы также дарите любовь. Проблема с такого рода безоговорочным доверием заключается в том, что оно сопряжено с грузом ответственности. Обычно это нормально. Но в нашем текущем положении это было совсем ненормально.

Радар явно проводила лучшее время в своей жизни, практически прыгая от радости рядом со мной, ну а почему бы нет? Она больше не была старой полуслепой немецкой овчаркой, которую мне приходилось сначала тащить в тележке Доры, а потом везти в корзине на велосипеде Клаудии. Она снова была молода, снова сильна, ей даже выпал шанс выдрать кусок штанов с задницы мерзкого старого карлика. Она была легка телом и легка умом. Она была с тем, кто даёт пищу и кров, и любовь. Всё в её мире было опупенно.

Я, с другой стороны, боролся с паникой. Если вы когда-нибудь терялись в большом городе, то зна-

ете, что это такое. Вот только здесь не попадалось ни одного дружелюбного незнакомца, у которого я мог бы спросить дорогу. И даже сам город был настроен против меня. Одна улица вела к другой, но каждая новая улица заканчивалась тупиком, где горгульи смотрели вниз с высоких слепых зданий, и я мог бы поклясться, что они исчезали, когда я оборачивался проверить, не крадётся ли за нами Питеркин. Дождь перешёл в морось, но обзор на дворец часто загораживали здания, которые, похоже, вырастали из-под земли именно в тот момент, когда я бросал взгляд в сторону дворца.

Но было кое-что похуже. Когда мне *удавалось* мельком увидеть дворец, казалось, что он находится в другом месте, не там, где я ожидал. Как будто он тоже двигался. Эта иллюзия могла быть вызвана страхом — я твердил себе это снова и снова, — но до конца не верил. День клонился к вечеру, и каждый новый поворот напоминал мне о приближении темноты. Факт был прост и очевиден: из-за Питеркина я полностью потерял ориентацию в пространстве. Я почти ожидал, что наткнусь на конфетный домик, в который меня и мою собаку — я — Гензель, она — Гретель — пригласит зайти ведьма.

Тем временем Радар не отставала от трёхколёсника, глядя на меня с собачьей ухмылкой, которая говорила: *«Разве нам не весело?»*

Мы продолжали идти. И идти.

Время от времени небо впереди очищалось, и я забирался на сиденье трёхколёсника, пытаясь мельком увидеть городскую стену, которая, по идее, была самым высоким элементом пейзажа, за исключением трёх шпилей. Но я не видел её. А шпили теперь были справа от меня, что казалось невозможным. Если бы я вышел к фасаду дворца, то срезал бы путь по Галлиенской дороге, но никак не получалось. Мне хотелось кричать. Мне хотелось свернуться в клубок и обхватить голову руками. Я хотел найти полицейского, что по словам моей матери, должны делать потерявшиеся дети.

И всё это время Радар ухмылялась мне: *«Разве это не здорово? Разве это не самое крутое, что может быть?»*

— У нас проблемы, девочка.

Я продолжал крутить педали. Просветов в небе больше не было, и никакого солнца, которое могло бы подсказать мне дорогу. Только теснящиеся дома, некоторые разрушенные, некоторые просто пустующие, но все как будто бы голодные. Един-

ственным звуком был этот слабый, надоедливый шёпот. Будь он постоянным, я, возможно, смог бы привыкнуть к нему, но нет. Он слышался урывками, будто я проходил мимо собраний невидимых мертвецов.

Тот ужасный день (я никогда не смогу передать вам, *насколько* он ужасен), казалось, длился вечно, но, наконец, ближе к вечеру я начал ощущать упадок сил. Думаю, я даже немного всплакнул, но не помню точно. Если и так, то, думаю, в основном из-за Радар, а не из-за себя. Я провёл её по всему пути, осуществил то, за чем пришёл, но в итоге всё могло оказаться напрасным. Из-за проклятого карлика. Я бы хотел, чтобы Радар выдрала ему глотку, вместо куска штанов.

Хуже всего было доверие Радар, которое я каждый раз видел в её глазах, когда она смотрела на меня.

«Ты доверилась дураку, — подумал я. — *Хуже этого не бывает, милая»*.

2

Мы пришли в заросший парк, с трёх сторон окружённый серыми зданиями с пустыми балконами. Они казались мне чем-то средним между дорогими кондоминиумами, расположенными

вдоль побережья Голд-Коаст в Чикаго и тюремными блоками. В центре высилась огромная скульптура на высоком пьедестале. Она представляла собой мужчину и женщину, стоящих по бокам от гигантской бабочки, но, как и все другие произведения искусства, с которыми я сталкивался в Лилимаре (не считая бедной мёртвой русалки), эта была основательно повреждена. Голова и одно крыло бабочки стёрты в порошок. Второе крыло уцелело, и судя по его форме (все цвета давно выцвели, если скульптура вообще была цветной), я был уверен, что это бабочка-монарх. Мужчина и женщина в былые времена могли быть королём и королевой, но теперь трудно было сказать, потому что от них не осталось ничего выше колен.

Пока я сидел и смотрел на эту разорённую картину, по всему одержимому городу прокатился тройной звон колокола, каждый удар в отдельности был протяжным и мрачным. *Не обязательно проходить через ворота в тот же момент, когда колокол прозвенит три раза,* сказала Клаудия, *но ты должен покинуть Лилимар вскоре после этого! До темноты!*

А стемнеет уже скоро.

Я снова начал крутить педали — зная, что это

бесполезно, зная, что запутался в паутине, которую Питеркин назвал Лили, и гадая, какой новый ужас принесут ночные стражи, когда они придут за нами, — но затем остановился, поражённый внезапной идеей, которая была одновременно дикой и совершенно здравой.

Я развернул велосипед и вернулся в парк. Хотел слезть с трёхколёсника, прикинул высоту пьедестала, на котором стояла разрушенная скульптура, и передумал. Я заехал в высокую траву, надеясь, что там не растут те опасные жёлтые цветы, что могли ужалить меня. Я также надеялся, что велосипед не увязнет в грязи, потому что земля была мягкой от дождя. Подставляя дождю спину, я продолжил крутить педали. Радар следовала рядом со мной, не шла и не бежала, а передвигалась прыжками. Даже в моей нынешней ситуации наблюдать это было чудесно.

Скульптура была окружена лужей стоячей воды. Я остановился в ней, повесил рюкзак на руль, встал на сиденье трёхколёсника, и потянулся вверх. Поднявшись на цыпочки, я кончиками пальцев едва смог дотянуться до шершавого края пьедестала. Слава Богу, что я всё ещё сохранял относительно хорошую форму. Я подтянулся, поставил сначала одно предплечье, потом второе

на поверхность, усеянную каменной крошкой, и вскарабкался. Была только одна неприятная секунда, когда я думал, что опрокинусь назад, упаду на велосипед и, вероятно, что-нибудь себе сломаю, но сделал последний рывок и схватился за каменную ногу женщины. При этом я слегка оцарапал живот, но серьёзного урона не получил.

Радар смотрела на меня снизу вверх и лаяла. Я скомандовал «тсс» и она замолчала. Хотя она продолжала вилять хвостом: *«Разве это не чудесно? Смотрите как высоко он забрался!»*

Я встал, взявшись за оставшееся крыло бабочки. Возможно, в нём осталось немного магии — доброй — потому что я почувствовал, как мой страх частично утих. Держась за крыло сначала одной рукой, затем другой, я медленно повернулся на триста шестьдесят градусов. Я увидел три дворцовых шпиля на фоне темнеющего неба, и теперь они находились примерно там, где, судя по моему внутреннему компасу и должны были находиться. Я не заметил городскую стену, да на самом деле и не ожидал этого. Пьедестал был высоким, но на пути стояло слишком много зданий. Будто специально.

— Подожди, Радар, — сказал я. — Это не займёт много времени. — Я надеялся, что был прав.

Наклонившись, я поднял кусок камня с острым концом и небрежно сжал его в руке.

А время шло. Я сосчитал до пятисот сначала десятками, потом пятёрками, потом сбился со счёта. Меня слишком тревожил угасающий дневной свет. Я почти чувствовал, как он утекает, как кровь из сильного пореза. Наконец, когда я уже начал думать, что забрался сюда напрасно, я увидел, как в направлении, которое считал югом, возникла тьма. Она приближалась ко мне. Бабочки-монархи возвращались на ночёвку. Я вытянул руку, направив её, как винтовку, на приближающихся бабочек. Я потерял их из виду, когда снова опустился на колени, но продолжал держать руку вытянутой. Острием подобранного каменного осколка я нацарапал отметину на боковой стороне пьедестала, затем «прицелился» вытянутой рукой в просвет между двумя зданиями на дальнем конце парка. Это для начала. Если, конечно, просвет не исчезнет.

Стоя на коленях, я развернулся и свесил ступни с края. Я собирался оставаться наверху, пока не повисну на краю пьедестала, но руки соскользнули, и я сорвался. Радар тревожно гавкнула. Я предусмотрительно согнул колени и перекатился после приземления. Земля стала мягкой от дождя,

и это хорошо. Я с головы до ног извалялся в воде и грязи, что было не так хорошо. Поднявшись (и чуть не упав при этом на свою нетерпеливую собаку), я вытер лицо, и посмотрел на свою отметину. Я протянул вдоль неё руку и с облегчением увидел, что просвет между двумя зданиями никуда не делся. Здания — деревянные, не каменные — находились по диагонали через парк. Я видел местами стоячую воду и знал, что трёхколёсник наверняка увязнет, если попытаюсь проехать на нём. Конечно, я извинюсь перед Клаудией за то, что пришлось бросить его, но об этом буду беспокоиться, когда увижу её. Если увижу.

— Вперёд, девочка. — Я накинул рюкзак и побежал.

3

Мы шлёпали по широким лужам стоячей воды. Некоторые были неглубокими, но местами вода доходила мне до колен, и я чувствовал, как грязь пытается засосать мои кроссовки. Радар легко бежала наравне со мной, язык болтался, глаза блестели. Шёрстка промокла и прилипала к её новому мускулистому телу, но её это, казалось, не беспокоило. У нас было приключение!

Здания напоминали склады. Мы добрались

до них, и я остановился, чтобы поправить и зашнуровать свои промокшие кроссовки. Затем оглянулся на пьедестал. Я больше не мог разглядеть свою отметину — разрушенная скульптура осталась по меньшей мере в сотне ярдов позади нас, — но представлял, где она находится. Я вытянул обе руки, одну вперед, другую назад, затем побежал, сопровождаемый Радар, между двух зданий. Так точно, это оказались склады. Я чувствовал древний призрачный аромат рыбы, хранившейся в них давным-давно. Мой рюкзак подпрыгивал и дёргался. Мы выбежали в узкий переулок, вдоль которого тянулось ещё больше складов. Все они выглядели так, будто их взломали — вероятно, разграбили — очень давно. Пара складов перед нами стояла слишком близко друг к другу, чтобы проскочить между ними, поэтому я свернул направо, нашёл переулок и побежал по нему. На дальнем конце был чей-то заросший сад. Я свернул влево, надеясь, что возвращаюсь к своему прежнему прямому курсу, и побежал дальше. Я пытался убедить себя, что это не сумерки — ещё нет, ещё нет, — но это были сумерки. Всё так.

Снова и снова мне приходилось огибать здания, стоящие у нас на пути, и снова и снова я старался вернуться на прямой курс к тому месту, где видел

бабочек. Я уже не был уверен, что у меня получается, но нужно было стараться. Это всё, что мне оставалось.

Мы прошли между двумя большими каменными зданиями, просвет был таким узким, что мне пришлось протиснуться боком (у Радар с этим не возникло проблем). Я вышел и справа от себя в проходе между тем, что когда-то могло быть музеем и застеклённой консерваторией, увидел городскую стену. Она возвышалась над зданиями в дальнем конце улицы; облака в сгущающихся сумерках были такими низкими, что её верхний край терялся в них.

— Радар! Вперёд!

Из-за этих сумерек невозможно было понять, по-настоящему ли стемнело или нет, но я ужасно боялся, что уже наступила ночь. Мы пробежали по улице, на которую вышли. Ещё не Галлиенская дорога, но близко к ней — я был в этом уверен. Впереди, на дальнем конце улицы, здания уступили место кладбищу. Его заполняли покосившиеся надгробия, мемориальные таблички и несколько построек, похожих на склепы. Это было последнее место, где я хотел бы очутиться с наступлением темноты, но если я был прав — Боже, пусть это будет так, взмолился я, — именно этой дорогой

мы должны были пройти.

Я пробежал через высокие приоткрытые железные ворота, и впервые Радар замешкалась — передние лапы на крошащейся бетонной плите, задние на улице. Я тоже остановился, чтобы перевести дыхание.

— Мне это тоже не нравится, девочка, но мы должны, так что вперёд!

Она пошла. Мы пробирались между покосившихся надгробных плит. От разросшейся травы и чертополоха начал подниматься вечерний туман. В сорока ярдах впереди я видел кованую железную ограду. Она казалась слишком высокой, чтобы забраться на неё, даже без собаки, но там были ворота.

Я споткнулся о могильный камень и растянулся на земле. Начал подниматься, затем застыл на месте, сперва не поверив тому, что увидел. Радар неистово залаяла. Из земли появилась иссохшая рука с жёлтой костью, просвечивающей сквозь разорванную кожу. Кулак сжимался и разжимался, захватывая и выпуская горсти влажной земли. Когда я видел такое в фильмах ужасов, то просто смеялся и улюлюкал вместе со своими друзьями, а потом тянулся за новой порцией попкорна. Теперь я не смеялся. Я закричал… *и рука услышала*

меня. Она повернулась в мою сторону, как сраная стрелка радара, хватая темноту.

Я вскочил на ноги и побежал. Радар бежала рядом со мной, лая, рыча и оглядываясь назад. Вот я и у ворот. Они оказались заперты. Я отошёл назад, повернулся плечом и ударил по ним, как когда-то бил линейных игроков соперника. Ворота задребезжали, но не поддались. Лай Радар усилился, уже не ГАВ-ГАВ-ГАВ, а УАК-УАК-УАК будто она тоже кричала.

Я оглянулся и увидел ещё больше рук, появляющихся из земли, как жуткие цветы с пальцами вместо лепестков. Сначала несколько, затем десятки. Возможно, сотни. И было что-то ещё, что-то похуже: скрежет ржавых петель. Склепы вот-вот готовы были выпустить своих мертвецов. Помню, как подумал: одно дело карать нарушителей — с этим всё понятно, но — это уже чересчур.

Я снова ударил ворота, вложив всю силу. Замок сломался. Ворота распахнулись, и я полетел вперёд, размахивая руками и пытаясь сохранить равновесие. Мне почти удалось, но затем я обо что-то споткнулся, возможно, о булыжник и рухнул на колени.

Подняв глаза, я увидел, что растянулся на Галлиенской дороге.

Я встал на ноги, колени горели от боли, а штаны порвались. Оглянулся назад, на кладбище. За нами никто не гнался, но мне хватило и этих извивающихся рук. Я задумался о том, какая сила нужна, чтобы открыть крышку гроба и прорыться сквозь толщу земли. Насколько я знал, эмписийцы не заморачивались с гробами; возможно, они заворачивали своих умерших в саваны и считали, что этого достаточно. Туман над землёй приобрёл голубое свечение, будто наэлектризованный.

— БЕГИ! — крикнул я Радар. — БЕГИ!

Мы побежали к воротам. Побежали навстречу спасению.

4

Мы вышли на дорогу гораздо дальше того места, где свернули с неё, следуя меткам мистера Боудича, но я видел главные ворота в сгущающихся сумерках. До них оставалось не больше полумили, возможно, меньше. Я начал выдыхаться, а мои ноги отяжелели. Отчасти потому, что мои штаны пропитались грязью и влагой после падения с пьедестала, но в основном от обычной усталости. Я занимался спортом всю школу, но пропустил баскетбол — не только потому, что

мне не нравился тренер Харкнесс, но потому, что при моём весе и росте бег не был моей сильной стороной. Причина, по которой я играл первым в бейсбольном сезоне — это защитная позиция, требующая минимум беготни. Мне пришлось перейти на бег трусцой. Ворота, казалось, не становились ближе, но это было лучшее, что я мог сделать, если не хотел упасть и забиться в судорогах.

Затем Радар оглянулась и снова начала надрывисто испуганно лаять. Я обернулся и увидел стаю ярких голубых огней, приближающихся к нам со стороны дворца. Должно быть, это и были ночные стражи. Я не стал тратить время на то, чтобы убеждать себя в обратном, а просто снова ускорил шаг.

Я вдыхал и выдыхал, каждый вдох и выдох обжигали горло сильнее предыдущего. У меня колотилось сердце. Перед глазами начали пульсировать яркие пятна, расширяясь и сжимаясь. Я оглянулся и увидел, что голубые огни приближаются. И у них появились ноги. Это были мужчины, каждый из них окружён голубым свечением. Пока что я не видел их лица, и не очень-то хотел.

Я запутался в своих собственных ногах, еле удержался и побежал дальше. Наступила полная

темнота, но ворота были более светлого оттенка серого, чем стена, и я видел, что они стали ближе. Если я не буду останавливаться, подумал я, то у нас есть шанс.

В боку у меня закололо, сперва не сильно, но потом боль усилилась. Она пробежала по груди и впилась в подмышку. Мои волосы, мокрые и грязные, падали мне на лоб. Рюкзак бил по спине — ненужный балласт. Я снял его и бросил в куст ежевики рядом со зданием с башенкой в окружении столбов в красную и белую полоску, увенчанных каменными бабочками. Эти монархи остались целы, вероятно, потому, что до них было не добраться без лестницы.

Я снова споткнулся, на этот раз о кучу спутанных трамвайных проводов, снова удержался на ногах и припустил дальше. Меня догоняли. Я подумал о револьвере мистера Боудича, но даже если он сработает против этих призраков, их было слишком много.

Затем произошло что-то удивительное: внезапно мои лёгкие словно расширились, а боль в боку исчезла. Я никогда не бегал достаточно долго, чтобы открылось второе дыхание, но пару раз это случалось со мной во время длительных заездов на велосипеде. Я знал, что это не продлится долго,

но этого и не требовалось. До ворот оставалось всего лишь сотня ярдов. Рискнув оглянуться ещё раз, я увидел, что сияющий отряд ночных стражей перестал нагонять нас. Я направил взгляд вперёд и даже прибавил скорость, запрокинув голову, сжав руки в кулаки и, дыша глубже, чем когда-либо. Даже оторвался от Радар ярдов на тридцать или около того. Затем мы снова сравнялись, и она взглянула на меня. Теперь на её морде не было этой *«как же весело»* ухмылки; уши были прижаты к голове, а вокруг карих глаз виднелись белые круги. Она выглядела испуганной.

Наконец — ворота.

Я сделал последний глубокий вздох и закричал: *«ОТКРОЙТЕСЬ ИМЕНЕМ ЛИИ ГАЛЛИЕН!»*

Древний механизм под воротами со скрежетом ожил, затем звук перешёл в ровный рокот. Ворота задрожали и начали скользить по своим скрытым направляющим. Но медленно. Я боялся, что слишком медленно. Могли ли ночные стражи покинуть город, преследуя нас? Я подозревал, что нет, что их яростное голубое свечение погаснет, и они рассыплются… или растают, как Злая ведьма Запада.

Дюйм.

Два.

Я мог видеть крошечный кусочек внешнего мира, где могли водиться волки, но не было мужчин в голубом свечении и полусгнивших рук, торчащих из кладбищенской земли.

Я оглянулся и впервые по-настоящему разглядел их: двадцать или больше мужчин с тёмно-бордовыми губами цвета засохшей крови и бледными, как пергамент, лицами. Они были одеты в свободные брюки и рубашки, которые странно напоминали армейскую форму. Голубое свечение исходило из их глаз, спадало вниз и окутывало их. У них были вполне человеческие лица, но прозрачные. Я мог разглядеть черепа под кожей.

Они неслись на нас, оставляя позади маленькие сполохи голубого света, которые тускнели и гасли, но я не думал, что они успеют. Они были близко, но я надеялся, что нам удастся сбежать.

Три дюйма.

Четыре.

О Боже, как же *медленно*.

Затем раздался звук старомодного пожарного звонка — *КЛАНГ-А-ЛАНГ-А-ЛАНГ* — и отряд призраков расступился, около десятка налево, остальные направо. По Галлиенской дороге мчался электромобиль, похожий на гольфкар или

приземистый автобус без крыши. Впереди, двигая туда-сюда чем-то вроде рычага управления, сидел мужчина (я намеренно использую это слово) с седеющими волосами, спадающими по обе стороны его отвратительного полупрозрачного лица. Он был худым и высоким. Остальные столпились позади него, их голубое свечение накладывалось друг на друга и перетекало на брусчатку, словно кровь. Водитель метил прямо в меня, рассчитывая размазать по воротам. В конце концов, мне не суждено было выбраться… но это могла сделать моя собака.

— Радар! Беги к Клаудии!

Она не шевельнулась, только с ужасом посмотрела на меня.

— Беги, Радс! Ради Бога, беги!

Я бросил свой рюкзак, потому что он промок и замедлял меня. Другое дело — оружие мистера Боудича. Я не мог перестрелять достаточно ночных стражей, чтобы они не добрались до меня, но и не собирался отдавать им оружие. Я расстегнул пояс с кобурой и швырнул его в темноту. Если им нужен револьвер, пусть попробуют выйти за пределы города, обнесённого стеной. Затем я сильно шлёпнул Радар по заду. Меня окутал голубой свет. Я знаю, что со смертью можно смириться, потому

что это произошло со мной в тот момент.

— ИДИ К КЛАУДИИ, ИДИ К ДОРЕ, ПРОСТО ИДИ!

Радар бросила на меня последний обиженный взгляд — я никогда этого не забуду, — а потом нырнула в увеличивающуюся щель.

Что-то ударило меня достаточно сильно, чтобы отбросить к открывающимся воротам, но не настолько сильно, чтобы размазать по ним. Седовласый ночной страж перегнулся через рычаг управления. Я видел его протянутые руки и кости пальцев, проглядывающие сквозь светящуюся кожу. Я видел вечный оскал его зубов и челюсть. Я видел голубые потоки какой-то ужасной оживляющей энергии, вытекающие из его глаз.

Теперь ворота достаточно открылись для меня. Я увернулся от цепких пальцев твари и перекатился к проёму. На секунду я увидел Радар, стоящую в темноте в конце Королевской дороги и оглядывающуюся назад. В надежде. Я бросился к ней, вытянув одну руку. Но тут эти ужасные пальцы сомкнулись на моём горле.

— Нет, малыш, — прошептал бессмертный ночной страж. — Нет, цельный. Ты пришёл в Лили без приглашения, и здесь ты останешься.

Он наклонился ближе, ухмыляющийся череп под натянутой марлей бледной кожей. Ходячий

скелет. Остальные начали приближаться. Один из них выкрикнул какое-то слово — я думал, это Элимар, сочетание Эмписа и Лилимара, — но теперь знаю точно, какое. Ворота стали закрываться. Мёртвая рука сжалась, перекрыв мне доступ кислорода.

«Иди Радар, иди — спасайся», — подумал я, и это была последняя мысль.

Глава двадцатая

В местах не столь отдалённых. Хэйми. Время кормёжки. Верховный Лорд. Допрос.

1

Радар борется с желанием вернуться к новому хозяину, вернуться к воротам и прыгнуть на них, царапая их передними лапами, чтобы попасть внутрь. Она этого не делает. Она получила команду и убегает. Она чувствует, что может бежать всю ночь, но ей не придётся этого делать, потому что есть безопасное место, если она сможет туда попасть.

Шлепок. Шлепок.

Радар бежит вприпрыжку всё дальше и дальше, низко прижимая тело к земле. Лунного света пока нет, и волки не воют, но она чувствует, что они поблизости. При лунном свете, они начнут атаковать, и она чувствует, что до него осталось недолго. Если лунный свет проглянет, и они атакуют, она будет биться. Они могут растерзать её, но она будет биться до конца.

Шлепок. Шлепок.

— Проснись, малыш!

Луны выглядывают из-за расплывающегося облака, меньшая в своей вечной погоне за большей, и завывает первый волк. Но впереди красный фургон и убежище, где Радар и Чарли провели ночь, когда она ещё была больна. И если она доберётся туда,

то сможет проскользнуть внутрь, если дверь всё ещё открыта. Она думает, что Чарли закрыл её не до конца, но не уверена. Это было так давно! Если так, она сможет встать на задние лапы и закрыть, навалившись передними. Если нет, она прижмётся к двери спиной и будет биться, пока не останется сил.

Шлепок. Шлепок.

— Ты опять хочешь пропустить кормёжку? Неа, неа!

Дверь приоткрыта. Радар протискивается в проём и

ШЛЕПОК!

2

Это, наконец, прогнало сон, который мне снился, и я открыл глаза. Я увидел неустойчивый тусклый свет и кого-то, склонившегося надо мной. Его волосы спадали на плечи, и он был настолько бледен, что на секунду я принял его за ночного стража, который управлял маленьким электромобилем. Я быстро сел. Голову прострелила вспышка боли, а за ней волной накатило головокружение. Я сжал кулаки. Глаза мужчины расширились, и он отпрянул назад. Это *был* человек, а не бледное существо, окружённое го-

лубым светом, льющимся из глаз. Его глаза были впалыми и выглядели как синяки, но это были человеческие глаза, а волосы были тёмно-каштановыми, почти чёрными, а не седыми.

— Дай ему помереть, Хэйми! — крикнул кто-то. — Он, чёрт возьми, тридцать первый! Они никогда не соберут шестидесят четыре, те дни давно прошли! Ещё один — и начнётся!

Хэйми — если это было его имя — посмотрел в сторону голоса. Он ухмыльнулся, показав белые зубы на грязном лице. Он напоминал одинокого хорька.

— Я просто пытаюсь завратать мою душу, Йо! Делай добро ближнему, ты же знаешь! Я слишком близок к концу, чтобы не думать о вечности!

— В жопу тебя и в жопу твою вечность, — сказал тот, кого звали Йо. — Есть этот мир, а потом гори всё огнём — вот так.

Я сидел на холодном влажном камне. За тощим плечом Хэйми я мог видеть каменную стену, по которой из решётчатого окна струилась вода. За решёткой не было ничего, кроме тьмы. Я был в камере. *«Места не столь отдалённые»*, — подумал я. Я не знал, откуда эта фраза, даже не был уверен, что понимаю значение. Что я знал, так это то, что у меня ужасно болела голова, а у человека,

который будил меня, шлёпая по лицу, было такое противное дыхание, будто во рту у него сдохла кошка. О, и, кажется, я обмочил штаны.

Хэйми наклонился вплотную ко мне. Я попытался отстраниться, но у меня за спиной была только решётка.

— Ты кажешься крепким, малыш. — Губы Хэйми, заросшие щетиной, щекотали мне ухо. Это было отвратительно и почему-то вызывало жалость. — Ты завратаешь меня, как я завратал тебя?

Я хотел спросить, где нахожусь, но из горла вырвались лишь обрывки звуков. Я облизал губы. Они были сухими и вспухшими.

— Пить.

— Это можно устроить.

Он поспешил к ведру в углу помещения, которое — я больше в этом не сомневался — было камерой… и Хэйми был моим сокамерником. Он был одет в рваные штаны, доходившие до голеней, как у потерпевшего кораблекрушение в журнальной карикатуре. Его рубашка почти превратилась в майку. Обнажённые руки мелькали в неустойчивом свете. Они были ужасно худыми, но не казались серыми. При скудном освещении трудно было сказать наверняка.

— Ты чёртов идиот! — Это был кто-то ещё, не тот, кого Хэйми называл Йо. — Зачем делать хуже? Акушерка уронила тебя на голову, когда ты был дитём? Малыш едва дышал! Ты мог бы сесть ему на грудь и покончить с ним! Раз плюнуть — и нас снова тридцать!

Хэйми пропустил это мимо ушей. Он взял жестяную кружку с полки над своим тюфяком, и окунул её в ведро. Поднёс кружку ко мне, прижимая пальцем — таким же грязным, как и он сам — донышко.

— В ней дырка, — сказал он.

Мне было всё равно, потому что много бы не вытекло. Я схватил кружку и залпом опустошил её. В воде попадались песчинки, но меня это тоже не волновало. Это был кайф.

— Заодно отсоси ему, почему бы нет? — предложил ещё один голос. — Засоси его как следует, Хэйми, ему сразу полегчает!

— Где я?

Хэйми снова наклонился ко мне, желая сохранить конфиденциальность. У него отвратительно пахло изо рта, от чего у меня ещё сильнее разболелась голова, но я терпел, потому что должен был знать. Теперь, когда я немного пришёл в себя и сон о Радар развеялся, я был удивлён, что

остался жив.

— Малин, — прошептал он. — Глубокая Малин. Десять… — Дальше я не разобрал. — …под дворцом.

— Двадцать! — выкрикнул Йо. — И ты никогда больше не увидишь солнце, новичок! Никто из нас, так что привыкай!

Я взял кружку у Хэймми и прошёл по камере, чувствуя себя, как Радар в дни её прежней старости и слабости. Я наполнил кружку, зажал пальцем маленькое отверстие в донышке и снова всё выпил. Подросток, который когда-то смотрел фильмы «Тёрнер-Классик» и делал покупки на «Амазон», оказался в темнице. Её ни с чем не спутаешь. Камеры тянулись по обе стороны промозглого коридора. Между некоторыми камерами из стен торчали газовые фонари, источая тусклый голубовато-жёлтый свет. С высеченного в скале потолка капала вода. В центральном проходе стояли лужи. В камере напротив моей крупный парень, одетый в обрывки кальсон увидел, что я смотрю на него, и запрыгнул на решётку, тряся её и пародируя обезьяну. Его грудь была обнажённой, широкой и волосатой. Лицо широкое, низкий лоб, уродлив, как чёрт… но ни одна из черт его лица не «расплавилась», что я видел у

многих по пути в эту очаровательную обитель, а его голос был неискажённым и понятным.

— Добро пожаловать, новичок! — сказал Йо… что, как я позже узнал, было сокращением от Йота. — Добро пожаловать в ад! Когда наступит «Честный»… *если* наступит… думаю, я вырву твою печень и надену её, как шляпу. В первом раунде ты, во втором тот, кого они пошлют против меня! А пока что, приятного пребывания!

Почти в конце коридора, возле окованной железом деревянной двери, ещё один узник, в этот раз женского пола, закричал: «Тебе нужно было остаться в Цитадели, малыш! — Затем, понизив голос, — И мне тоже. Уж лучше голодать».

Хэйми прошёл в угол камеры, противоположный тому, где стояло ведро с водой, спустил штаны и присел над дырой в полу.

— Живот крутит. Наверное, из-за грибов.

— Сколько прошло — год с тех пор, как ты их ел? — спросил Йо. — Живот крутит, но точно не из-за грибов.

Я закрыл глаза.

3

Прошло время. Не знаю сколько, но я начал снова чувствовать себя собой. Я ощущал запах грязи,

сырости и газа из ламп, которые давали этому месту некое подобие света. Я слышал капание воды и телодвижения узников, которые иногда разговаривали друг с другом или, может быть, сами с собой. Мой сокамерник сидел рядом с ведром с водой, угрюмо уставившись на свои руки.

— Хэйми?

Он поднял глаза.

— Кто такие цельные?

Он фыркнул от смеха, поморщился и схватился за живот.

— Это *мы*. Ты тугой? С неба что ли свалился?

— Допустим.

— Сядь-ка рядом со мной. — И когда я засомневался, сказал: — Неа, неа, не стоит меня бояться. Я не собираюсь щекотать тебе яйца, если ты об этом подумал. Может быть, к тебе перескочит одна-две блохи, и всё. За последние полгода я даже не смог окочуриться. В могилу меня сведут дряные кишки.

Я сел рядом с ним, и он похлопал меня по колену.

— Вот так. Не хочу, чтобы нас слышали чужие уши. Не то чтобы им есть дело до того, что они услышат — все мы тут рыбы в одном ведре, но я стараюсь принадлежать самому себе — так меня

учили. — Он вздохнул. — Беспокойством совсем не поможешь моим бедным кишкам, скажу я тебе. Видеть, как число растёт и растёт? Ужас! Двадцать пять… двадцать шесть… теперь вот тридцать один. Но никогда не доходит до шестидесяти четырёх, Йо прав на счёт этого. Когда-то мы, цельные, были как полный мешок сахара, но теперь мешок опустел, кроме последних нескольких кристаллов.

Он сказал *кристаллов*? Или что-то другое? Головная боль снова вернулась, мои ноги болели от ходьбы, педалей велосипеда и бега, и я совсем вымотался. Был выжат, как лимон.

Хэйми снова вздохнул и закашлялся. Он держался за живот, пока кашель не прошёл.

— Летучий Убийца и его… — Он произнёс какое-то странное слово, которое мой мозг отказался воспринимать; что-то вроде «*прихлебатели*». — …продолжают трясти этот мешок. И не успокоятся, пока не вытрясут нас всех, блядь, до одного. Но… шестьдесят четыре? Неа, неа. Это будет последний «Честный», и я буду среди первых. Может быть, самым первым. Видишь ли, мало сил. Болит живот, да и еда не очень-то лезет в меня.

Казалось, он вспомнил, что я тоже тут, его новый сокамерник.

— Но *ты*… Йо видел, что ты был большим. И мог бы быть быстрым, будь у тебя силы.

Я решил не говорить, что оказался недостаточно быстрым. Пусть думает, как хочет.

— Он не баица тебя, Йота никого не баица — кроме, может быть, Красной Молли и её суки мамаши, — но и он не хочет приложить больше усилий, чем нужно. Как тебя зовут?

— Чарли.

Хэйми ещё больше понизил голос.

— И ты не знаешь, где ты? Всерьёз и по правде?

«Места не столь отдалённые», — подумал я.

— Ну, это тюрьма… темница… и, полагаю, она находится под дворцом… но это, пожалуй, всё, что я знаю.

Я не собирался рассказывать ему, зачем пришёл, или кого встретил по дороге. Сейчас я уже приходил в себя, уставший или нет, и начинал мыслить ясно. Может, Хэйми пытается разговорить меня. Вытянуть информацию, которую мог бы обменять на привилегии. Глубокая Малин не казалась местом, где могли быть привилегии — конец пути, так сказать, — но я не хотел рисковать. Может быть, им было плевать на одну сбежавшую немецкую овчарку родом из Сентри,

штат Иллинойс… но, с другой стороны, кто знает.

— Ты ведь не из Цитадели, так?

Я покачал головой.

— Даже не знаешь, где это, я прав?

— Нет.

— Зелёные острова? Деск? Может быть, одно из Тайво?

— Ни одно из этих мест.

— *Откуда* ты, Чарли?

Я не ответил.

— Не говори, — отчаянно прошептал Хэйми. — Так будет лучше. Не говори никому из остальных, и я тоже не скажу. Если ты завратаешь меня. Это было бы мудрое решение. Нет судьбы хуже, юноша, чем Глубокая Малин. Можешь не верить, но это так. Верховный Лорд — страшен, но насколько я знаю, Летучий Убийца страшнее.

— Кто этот Летучий Убийца? И кто такой Верховный Лорд?

— Верховного Лорда мы называем Келлин, он предводитель ночных стражей. Это он доставил тебя сюда. Я сидел в углу. Эти его глаза…

За окованной железом дверью в нашем конце темницы зазвонил колокольчик.

— Перси! — закричал Йота. Он снова запрыгнул на прутья решётки и начал их трясти. — Неужто

пришло блядское время! Иди сюда, Перси, старина, и мы посмотрим, что осталось от твоей рожи!

Послышался звук отодвигаемых засовов — я насчитал четыре — и дверь отворилась. Сначала появилась тележка, почти такая же, как в супермаркете, но сделанная из дерева. Её толкал серый человек, чьё лицо казалось расплавленным. Остался только один глаз. Его нос едва выступал из сгустка плоти. Рот склеился, за исключением каплевидного отверстия с левой стороны. Его пальцы так слиплись, что руки походили на плавники. На нём были мешковатые штаны, а сверху что-то похожее на тужурку, тоже мешковатую. На шее висел колокольчик в петле из сыромятной кожи.

Серый остановился в проёме, схватил колокольчик и потряс его. Одновременно с этим он крутил из стороны в сторону своим единственным глазом.

— Аад! Аад! Аад, ыы, уюдки! — По сравнению с ним Дора звучала, как Лоуренс Оливье, декламирующий Шекспира.

Хэйми схватил меня за плечо и оттянул назад. Напротив нас Йо тоже отступал назад. Как и все остальные узники. Перси продолжал звонить в колокольчик, пока не убедился, что мы отошли

достаточно далеко от решётки, и не сможем схватить его, хотя я не видел причин, зачем кому-то это делать; он был как трасти[37] в тюремных фильмах, а у трасти нет ключей.

Камера, в которой находились мы с Хэйми, была к нему ближе всего. Перси сунулся в тележку, достал два больших куска мяса и бросил их через решётку. Я поймал свой на лету. Хэйми кинулся за своим, но промахнулся и мясо шлёпнулось на пол.

Узники принялись орать на Перси. Один — позже я узнал, что его зовут Фремми — поинтересовался, заросла ли уже его задница, и если да, то не приходится ли ему срать через рот. Они были похожи на львов в зоопарке во время кормёжки. Хотя нет. Они походили на гиен. Они не были львами за исключением, разве что, Йоты.

Перси медленно катил свою тележку по коридору между камерами, шлепая сандалиями (пальцы его ног тоже были слипшимися), швыряя мясо направо и налево. У него был отличный прицел, несмотря на единственный глаз; ни один кусок мяса не врезался в прутья и не упал в лужу в коридоре.

---

[37] Примечания: 37
Заключённый, пользующийся доверием у охраны.

Я поднёс свой кусок к носу и понюхал. Наверное, я всё ещё пребывал в «режиме» сказки, потому что ожидал чего-то гнилого и мерзкого, возможно, даже кишащего личинками, но это был такой же кусок бифштекса, какой можно купить в магазине в Сентри, только без полиэтиленовой упаковки. Он был едва прожарен (я вспомнил отца, который, заказывая стейк в ресторане, просил официанта просто пронести его через тёплое помещение), но запаха было достаточно, чтобы пошла слюна и заурчало в животе. Последний раз я нормально ел в деревянном домике Клаудии.

Напротив меня Йо сидел на своём тюфяке, скрестив ноги, и жевал свой кусок. Красный сок стекал по его спутанной бороде. Он заметил, что я смотрю на него и ухмыльнулся.

— Не тушуйся, малыш, ешь, пока у тебя есть для этого зубы. Скоро я их вышибу, точняк.

Я съел. Стейк был жёстким. Стейк был восхитительным. Каждый кусок только сильнее разжигал аппетит.

Перси дошёл до последней пары камер. Он бросил в них мясо и начал пятиться назад тем же путём, каким пришёл, одной рукой звеня в колокольчик, а другой таща тележку и крича: «Аад! Аад!». Что, как я предполагал, означало *«назад,*

назад». Теперь, казалось, никто не собирается хватать его, не говоря о том, чтобы поторопить. Отовсюду доносились причмокивания и чавканье.

Я съел всё, кроме прослойки жира и хряща, но потом съел и их. Хэйми тем временем откусил несколько кусочков стейка, затем улёгся на свой тюфяк, держа кусок на костлявом колене. Он смотрел на него с озабоченным видом, как будто удивляясь, почему не хочет есть. Увидел, что я смотрю, и протянул мясо мне.

— Хочешь? Еда не любит меня, а я не люблю еду. Должно быть, это всё грибы. Раньше, когда я работал на лесопилке, я обжирался ими. Съешь не те, и они сожгут тебе кишки. Со мной так и случилось.

Всё так, я хотел добавки; мой желудок всё ещё урчал, но у меня осталось достаточно самообладания, чтобы спросить, уверен ли он. Хэйми сказал, что уверен. Я быстренько взял его порцию, пока он не передумал.

Перси остановился перед нашей камерой. Он указал на меня одной из своих «расплавленных» рук: «Хелли уоче уии йеаа».

— Я не понимаю, — сказал я с набитым ртом, но Перси просто начал пятиться, пока не оказался

за дверью. Он коротко позвонил в колокольчик, затем задвинул засовы: один, второй, третий и четвёртый.

— Он сказал, Келлин хочет тебя увидеть, — пояснил Хэйми. — Я не удивлён. Ты — цельный, но ты не такой, как мы. Даже твой акцент… — Он замолчал и его глаза расширились, будто его осенила идея. — Скажи ему, что ты из Уллума! Это сработает! Он на севере, далеко от Цитадели!

— Что за Уллум?

— Верующие! Их говор ни на что не похож. Скажи им, что уклонился от отравления!

— Я совершенно не представляю, о чём ты говоришь.

— Хэйми, не говори того, чего не следвает! — выкрикнул кто-то. — Ты *валван*!

— Заткнись, Стукс! — воскликнул Хэйми. — Этот паренёк собирается завратать меня!

На другой стороне коридора Йо встал и ухватился за прутья, так сильно, что побелели пальцы. Он улыбался.

— Ты, может, и не болван, но никто не собирается защищать тебя, Хэйми. У таких, как мы, нет защитников.

4

Для меня тюфяка не нашлось. Вообще, я подумывал забрать у Хэйми — он бы ни за что не смог мне помешать, — но потом сообразил: что за мысли такие лезут мне в голову… или кем я становлюсь? Я уже забрал его паёк, но, по крайней мере, он сам предложил. Кроме того, даже влажный каменный пол не мог помешать мне уснуть, не в моём состоянии. Я не так давно пришёл в себя после того, как провалялся без сознания Бог знает сколько времени, но меня охватила сильная усталость. Я попил из ведра, затем лёг на своей стороне камеры, если можно так сказать.

В соседней камере сидели двое мужчин: Фремми и Стукс. Они были молоды и выглядели крепкими. Не крупными, как Йота, но крепкими.

Фремми: «Малышке надо прилечь?»

Стукс: «Помутнело в глазах?»

«Эббот и Костелло[38] *из Глубокой Малин,* — подумал я. — *И прямо в соседней камере — вот так повезло».*

— Не обращай на них внимания, Чарли, — сказал Хэйми. — Ты поспи. Так случается со всеми

---

[38] Примечания: 38
Американский комедийный дуэт.

после того, как с ними разберётся ночной дозор. Они высасывают это из тебя. Высасывают твою… не знаю…

— Жизненную силу? — спросил я. Мне казалось, будто мои веки налились свинцом.

— Точно! Именно её и именно так, как они делают! И тебя сюда принёс сам Келлин. Ты, должно быть, сильный, иначе эти ублюдки сделали бы из тебя яичницу. Я уже видел, как это происходит, о, ещё как видел!

Я хотел спросить, как долго он пробыл здесь, но смог только пробормотать что-то невнятное. Я подумал о спиральных ступенях, которые привели меня сюда, и мне показалось, что я снова сбегаю по ним следом за Радар. *«Берегись тараканов*, — подумал я. — *И летучих мышей»*.

— Уллум, к северу от Цитадели! — Хэйми склонился надо мной, как и тогда, когда я очнулся в этой жопе. — Не забудь! И не забудь: ты обещал завратать меня!

Я не помнил, что давал ему обещание, но отключился, не успев сказать об этом.

5

Я проснулся от того, что Хэйми тряс меня. Это было лучше пощёчин. Моё «похмелье» прошло.

Именно так это можно назвать, и каким образом мой отец проходил через это каждое утро в дни своего пьянства, было за гранью моего понимания. У меня пульсировало левое плечо; вероятно, я растянул его, когда упал с пьедестала, но всё остальное болело гораздо меньше.

— Что… как долго я…?

— Поднимайся! Это они! Берегись гибких палок!

Я встал. Дверь в нашем конце коридора открылась, и наполнилась голубым светом. Появились трое ночных стражей, высоких и бледных; скелеты внутри их тел появлялись и исчезали, как тени от жалюзи в день, когда сильный ветер гонит облака по небу. Они держали длинные палки, похожие на старомодные автомобильные антенны.

— Подъём! — выкрикнул один из них. — Время для игр!

Двое из них шли впереди третьего, раскинув руки, как проповедники, приглашающие прихожан на богослужение. Когда они шли по коридору, двери камер с визгом распахнулись, осыпаясь дождём из ржавых хлопьев. Третий остановился и указал на меня: «Не ты».

Тридцать узников вышли в коридор. Хэйми

безнадёжно улыбнулся мне на ходу, отпрянув от неподвижной ауры ночного стража. Йо ухмыльнулся, поднял обе руки, изобразил круги, сомкнув большие и указательные пальцы, затем указал на меня средними пальцами. Не совсем то, к чему я привык в Америке, но я был почти уверен, что значение то же самое. Когда узники последовали за парой ночных солдат по коридору, я заметил, что двое из них были женщинами, и двое чернокожими. Один из чернокожих мужчин был даже крупнее Йоты, с широкими плечами и большим задом профессионального футболиста, но шёл он медленно, опустив голову, и перед тем, как миновать дверной проём, он пошатнулся. Это был Домми. Женщин звали Джайя и Эрис.

Оставшийся ночной страж поманил меня, согнув бледный палец. Его лицо было суровым, но под ним, появляясь и исчезая, череп сверкал своей вечной ухмылкой. Он сделал жест своей палкой, чтобы я шёл впереди него к двери. Прежде, чем я прошёл через неё, он сказал: «Стой», а затем добавил: «Блядь».

Я остановился. Справа от нас один из газовых светильников выпал из стены. Он криво свисал на металлическом шланге под дырой, похожей на зияющий рот, всё ещё горя и покрывая сажей

каменный блок. Когда страж вставил светильник обратно, его свечение коснулось меня. Я почувствовал, как все мои мышцы ослабли, и понял, почему Хэйми так старался избегать этой синей оболочки. Всё равно, что получить удар током из оборванного провода. Я отступил в сторону.

— Стоять чтоб тебя, стоять, я сказал!

Ночной страж схватил светильник, латунный на вид. Должно быть, он был адски горячим, но страж не выказал и намёка на боль. Страж засунул его обратно в дыру. Пару мгновений светильник держался на месте, затем снова выпал.

— *Блядь!*

Вдруг мне всё показалось нереальным. Я заключён в темнице, меня вело Бог знает куда неживое существо, похожее на фигурку Скелетора,[39] что была у меня в детстве… и существо занималось тем, что по существу было домашним хозяйством.

Страж снова схватил светильник и накрыл пламя ладонью, потушив его. Он выпустил из рук погасший светильник, и тот со звоном ударился о стену. «Вперёд! Иди, чтоб тебя!»

Он ударил меня по больному плечу своей

---

[39] Примечания: 39

Вымышленный персонаж и главный злодей франшизы «Властелины вселенной».

гибкой палкой. Она обожгла меня, словно огнём. Порка была унизительной и вместе с тем приводила в бешенство, но это лучше, чем изнуряющая слабость, которую я ощутил, когда его аура скользнула по мне.

Я пошёл.

6

Страж последовал за мной по длинному каменному коридору, близко, но не настолько, чтобы его свечение коснулось меня. Мы прошли мимо голландской двери, её верхняя часть была открыта и оттуда пахло чем-то вкусным. Я увидел мужчину и женщину, первый нёс пару вёдер, вторая — деревянный поднос с чем-то дымящимся. Они были одеты в белое, но кожа была серой, а лица обвисшими.

— Иди! — Меня снова огрела гибкая палка, в этот раз по другому плечу.

— Не нужно погонять меня, сэр. Я не лошадь.

— Лошадь. — У него был странный голос. Будто его горло забито насекомыми. — Ты — *моя* лошадь. Радуйся, что не заставляю тебя бежать галопом!

Мы прошли мимо помещения, заполненного приспособлениями, названия которых я пред-

почёл бы не знать: дыба, железная дева, паук и пяло. На дощатом полу виднелись тёмные пятна. Крыса размером с собаку стояла на задних лапах рядом с дыбой и ухмылялась мне.

«Боже, — взмолился я. — *Иисус и Господь милосердный».*

— Ты рад, что цельный, а? — спросил мой надзиратель. — Посмотрим, как ты будешь радоваться, когда начнётся «Честный».

— Что это? — спросил я.

Ответом мне был ещё один удар хлыстом, в этот раз по шее. Когда я схватился за неё рукой, на ладони осталась кровь.

— Налево, малыш, налево! И не мешкай, она не заперта.

Я открыл дверь слева от себя и начал подниматься по узкой лестнице, которая казалась бесконечной. Я насчитал сотню ступеней прежде чем сбился со счёта. Мои ноги снова начали ныть, а узкая рана на шее — жечь.

— Не тормози, малыш. Держи темп, если не хочешь почувствовать холодный огонь.

Если он говорил об окружающем его тело свечении, то я определённо не хотел снова почувствовать его. Я продолжал подниматься, и как раз в тот момент, когда ощутил, что мои бёдра

вот-вот сведёт судорога и они откажутся нести меня дальше, мы дошли до двери наверху. К тому времени я уже едва дышал. В отличие от существа позади меня, что не удивительно. Всё-таки это был мертвец.

Этот коридор был шире, увешанный бархатными гобеленами красного, пурпурного и синего цвета. На газовых фонарях крепились трубчатые плафоны из тонкого стекла. *«Жилое крыло»*, — подумал я. Мы проходили мимо ниш, по большей части пустых, и я подумал, не стояли ли в них когда-то скульптуры бабочек. В нескольких нишах сохранились мраморные фигуры обнажённых женщин и мужчин, а в одной застыло необычайно страшное *существо* с облаком щупалец, закрывающих его голову. Я вспомнил о Дженни Шустер, которая познакомила меня с любимым монстром Г. Ф. Лавкрафта — Ктулху, также известном, как «Тот, кто ждёт в глубине».

Мы, должно быть, прошли не меньше полумили по этому богато обставленному коридору. Ближе к концу мы миновали зеркала в золотых рамках, висящие друг напротив друга и делающие череду моих отражений бесконечной. Я увидел, что моё лицо и волосы грязны после моих последних безумных часов побега из Лилимара.

На шее виднелась кровь. И в зеркале я был один — у моего ночного стража-надзирателя не было отражения. Там, где ему полагалось стоять, была видна только слабая голубая дымка… и гибкая палка, парящая в воздухе. Я оглянулся, убедиться, что он всё ещё там, и палка обрушилась на меня, попав по тому же месту на задней части шеи. Меня тут же обожгло.

— Топай! Топай, чтоб тебя!

Я пошёл. Коридор заканчивался массивной дверью из красного дерева, обитой золотом. Ночной страж коснулся своей ненавистной палкой моей руки, затем двери. Я понял намёк и постучал. Гибкая палка опустилась на меня, прорвав рубашку на плече.

— Сильнее!

Я постучал кулаком. Кровь стекала по моему предплечью и задней части шеи. В раны попадал пот, вызывая жжение. Я подумал: *«Не знаю, можно ли тебя убить, жалкая ты голубая тварь, но если можно, и если мне выпадет шанс, я прибью тебя»*.

Дверь отворилась, и за ней стоял Келлин, также известный, как Верховный Лорд. Помимо всего прочего, он был облачён в красный бархатный смокинг.

7

Ощущение нереальности происходящего снова нахлынуло на меня. Существо, которое схватило меня за секунды до моего возможного побега, выглядело, как нечто из старых комиксов ужасов — полувампир, полускелет, и полузомби из «Ходящих мертвецов». Теперь седые волосы, которые клочьями свисали вокруг его бледных щёк, были зачёсаны назад, открыв лицо пожилого человека, но из-за румянца казавшегося в расцвете сил. У него были полные губы. Глаза, окружённые неглубокими морщинками, смотрели из-под густых неухоженных бровей. Он напоминал мне кого-то, но я не мог вспомнить, кого.

— Ааа, — произнёс он и улыбнулся. — Наш новый гость. Прошу, входи. Аарон, ты можешь идти.

Ночной страж, который привёл меня — Аарон — замешкался. Келлин добродушно махнул ему рукой. Он жестом пригласил меня пройти, отступил назад и закрыл дверь.

Я огляделся по сторонам. Мы стояли в прихожей, отделанной деревянными панелями. Дальше была гостиная, напомнившая мне джентельменский клуб из историй о Шерлоке Холмсе:

обшитые дорогими панелями стены, стулья с высокими спинками, длинный диван, обитый тёмно-синим бархатом. Полдюжины фонарей давали мягкий свет, и они не были похожими на газовые. Кажется, в этой части дворца было электричество. И, конечно же, там стоял автомобиль, что промчался сквозь отряд ночных стражей. Тот самый, за рулём которого сидело это существо.

— Проходи, гость.

Келлин повернулся ко мне спиной, по-видимому, не боясь нападения. Он провёл меня в гостиную, настолько отличающуюся от сырой камеры, где я очнулся, что меня захлестнула третья волна нереальности происходящего. Может быть, Келлин не боялся, потому имел глаза на затылке, глядящие сквозь аккуратно зачёсанные (хотя и по-дурацки) седые волосы, доходящие до воротника. Меня бы это не удивило. К тому моменту меня уже ничто не удивляло.

Два стула «джентельменского клуба» стояли друг напротив друга, возвышаясь над маленьким столиком, поверхность которого была выложена мозаикой, изображающей гарцующего единорога. На заду единорога стоял маленький поднос с чайником, сахарницей размером с флакон (я надеялся, что там сахар, а не белый мышьяк),

крошечные ложечки и две чашки с розочками по краю.

— Садись, садись. Чаю?

— Да, пожалуйста.

— Сахар? К сожалению, сливок нет. У меня от них несварение. На самом деле, гость, у меня несварение от *еды*.

Он налил сначала мне, потом себе. Я сыпанул в чашку половину флакона, сдерживаясь, чтобы не высыпать всё; мне вдруг до смерти захотелось сладкого. Я поднёс чашку ко рту, затем помедлил.

— Думаешь, там яд? — спросил Келлин, продолжая улыбаться. — Если бы я хотел отравить тебя, то распорядился сделать это внизу, в Малин. Или избавился от тебя бесчисленным количеством других способов.

Я подумал о яде, это правда, но не это заставило меня помедлить. Цветы, изображённые на каёмке чашки, оказались не розами. Это были маки, которые напомнили мне о Доре. Я всем сердцем надеялся, что Радс найдёт дорогу назад к этой добросердечной женщине. Понимал, что шансы на это малы, но вы знаете, что говорят о надежде, — она окрыляет. Крылья могут появиться даже у тех, кто томится в заключении. Особенно у них.

Я поднял свою чашку за Келлина.

— Долгих дней и приятных ночей. — Я сделал глоток. Чай был сладким и приятным.

— Какой интересный тост. Никогда его не слышал.

— Я услышал его от отца. — Это было правдой. Я подумал, что не многое, произнесённое в этой богато обставленной комнате, могло быть правдой. Отец прочитал пожелание в какой-то книге, но я не собирался этого говорить. Может быть, человек, которого я должен изображать, не умел читать.

— Я не могу продолжать называть тебя гостем. Как твоё имя?

— Чарли.

Я думал Келлин спросит фамилию, но он не стал.

— Чарли? *Чарли*. — Он будто распробовал слово на вкус. — Никогда не слышал такого имени. — Он ждал, что я расскажу ему о моём особенном имени — которое было таким же обычным в моих краях, как зелёная трава и голубое небо, — и когда я этого не сделал, он спросил откуда я. — Потому что у тебя странный акцент.

— Из Уллума, — ответил я.

— Ааа! Значит, так далеко? Из такой дали?

— Стало быть так.

Келлин нахмурился, и я понял две вещи. Во-первых, он был таким же бледным, как всегда. Румянец на его щеках и губах оказался макияжем. Во-вторых, человека, на которого он походил, звали Дональд Сазерленд, за магическим старением которого я наблюдал во множестве фильмов «Тёрнер Классик Мувис», начиная от «Госпиталя „МЭШ“» и до «Голодных игр». И ещё кое-что: голубое свечение никуда не делось, хотя и стало слабым. Тонкий, прозрачный завиток глубоко в каждой ноздре; едва заметное мерцание в нижнем веке каждого глаза.

— Разве так принято в Уллуме — пялиться, Чарли? Пусть даже в знак уважения? Скажи мне.

— Извините, — ответил я, и допил чай. На дне чашки остался небольшой сахарный осадок. Мне пришлось удержать себя, чтобы не сунуть туда грязный палец и не подцепить его. — Всё это странно для меня. *Вы* — странный.

— Конечно, конечно. Ещё чаю? Угощайся и не жалей сахара. Я его не употребляю, и вижу, что ты хочешь ещё. Я многое вижу. Некоторые узнают об этом на свою беду.

Я не знал, как долго чай стоял на столе до моего прихода, но он всё ещё был горячий и дымился.

Возможно, опять магия. Мне было всё равно. Я устал от магии. Я просто хотел найти свою собаку и вернуться домой. Разве что… русалка. С ней обошлись неправильно. И меня это злило. Нельзя убивать красоту.

— Почему ты оставил Уллум, Чарли?

Это был вопрос с подвохом. Но благодаря советам Хэймми, я решил, что смогу выкрутиться.

— Не хотел умирать.

— А?

— Уклонился от отравления.

— Очень мудро с твоей стороны. Но было глупо приходить сюда. Ты не согласен?

— Я почти выбрался, — ответил я, и вспомнил другое высказывание моего отца: *«Главное не участие, а победа»*. Каждый вопрос Келлина казался очередной миной, которую я должен был обойти, или подорваться.

— Сколько остальных, как ты говоришь, «уклонилось от отравления»? Они все были цельными?

Я пожал плечами. Келлин нахмурился и со стуком поставил свою чашку (он едва пригубил чай).

— Не держи меня за дурака, Чарли. Это неразумно.

— Я не знаю. — Самый безопасный ответ, который я мог дать, учитывая то малое, что я знал о цельных, — они не серели, не теряли голос и, полагаю, не умирали от того, что их внутренности расплавлялись, а дыхательные пути срастались. Чёрт, я даже во всём этом не был уверен.

— Моему повелителю, Летучему Убийце, не терпится набрать тридцать два; он очень мудр, но в этом отношении ведёт себя слегка по-детски. — Келлин поднял палец. Длинный ноготь выглядел угрожающим. — Дело в том, Чарли, что он пока не знает, что у меня тридцать один. Это значит, что я могу покончить с тобой, если захочу. Так что будь очень осмотрителен и отвечай на мои вопросы правдиво.

Я кивнул, надеясь, что выглядел приструнённым. Меня и правда приструнили, и я намеревался быть очень осмотрительным. Что касается правдивых ответов на вопросы этого монстра… нет.

— В конце всё усложнилось, — ответил я, и вспомнил о массовом отравлении в Джонстауне. Я надеялся, что в Уллуме случилось что-то похожее. Звучит вопиюще, но я был почти уверен, что моя жизнь поставлена на карту в этой хорошо освещённой и богатой убранством комнате. На

самом деле я это знал.

— Могу себе представить. Они пытались молитвами избавиться от серости, и когда это не сработало… чему ты улыбаешься? Ты находишь это забавным?

Я не мог сказать ему, что в моём мире существовали христиане-фундаменталисты — которые, держу пари, пошли намного дальше, чем в Уллуме, — и которые верили, что смогут молитвами избавиться от *голубизны*.

— Это было глупо. Я нахожу глупость забавной.

Келлин и сам ухмыльнулся в ответ, и я увидел голубой огонёк, затаившийся между его зубами. *«Какие у тебя большие зубы, Келлин»*, — подумал я.

— Это сурово. Ты — суровый? Мы это узнаем.

Я ничего не ответил.

— Итак, ты сбежал до того, как они залили тебе в глотку свой коктейль из паслёна.

Он произнёс не *«коктейль»*… но мой разум мгновенно распознал смысл его слов, и произвёл замену.

— Да.

— Ты и твоя собака.

Я ответил: «Они бы убили и её тоже», — ожидая, что он скажет: *«Ты не из Уллума, там нет собак,*

ты всё выдумываешь на ходу».

Вместо этого Келлин кивнул.

— Да, вероятно, они так бы и сделали. Мне говорили, что они убивали лошадей, коров и овец. — Он задумчиво посмотрел на свою чашку, затем резко поднял голову. Его глаза сделались голубыми и блестящими. По его щекам стекали исчезающие электрические слёзы, и всего на секунду я увидел мерцающие кости под кожей. — Почему *сюда*? Почему ты пришёл в Лили? Отвечай правду, иначе я сверну твою блядскую башку на твоей блядской шее! Ты умрёшь, уставившись на дверь, в которую тебе не посчастливилось войти!

Я надеялся, что правда поможет мне сохранить голову на месте, по крайней мере, на какое-то время.

— Собака состарилась, но ходили слухи о каменном круге, который… — Я покрутил пальцем в воздухе. — который мог бы снова сделать её молодой.

— И получилось?

Он и так это знал. Если он сам, когда прорвался сквозь отряд ночных стражей на своём электромобиле, не видел, как она бежала, то видели остальные.

— Да.

— Тебе повезло. Солнечные часы опасны. Я думал, что убийство Эльзы в бассейне сможет положить конец их силе, но старая магия упряма.

Эльза. Значит, так звали Ариэль в этом мире.

— Я мог бы послать кого-нибудь из серых с кувалдами, чтобы разбить часы, но это должен одобрить Летучий Убийца, а он пока медлит. Полагаю, ему на ухо нашёптывает Петра. Ей нравятся эти старые солнечные часы. Ты знаешь, что делает магия, Чарли?

Я думал, она делает всё — например, позволяет несчастным паломникам, как я, приходить в другие миры, — но покачал головой.

— Она даёт людям надежду, а надежда опасна. Ты не согласен?

Я хотел сказать, что надежда — это нечто, связанное с крыльями, но решил промолчать.

— Я не знаю, сэр.

Келлин улыбнулся, и всего на мгновение я отчётливо увидел, как его челюсть блеснула за губами.

— Но *я* знаю. Несомненно. Что ещё, как не надежда на счастливую загробную жизнь, заставила тех, кто живёт в твоей несчастной провинции отравить себя и своих животных, когда их мо-

литв оказалось недостаточно, чтобы прогнать серость? Однако у тебя были мирские надежды, поэтому ты бежал. Теперь ты здесь, и это место, где умирает всякая надежда для таких, как ты. Если ты не веришь в это сейчас, то поверишь позже. Как ты прошёл мимо Ханы?

— Я подождал, затем воспользовался шансом.

— Такой же храбрый, как и суровый! Ха! — Келлин наклонился вперёд, и я почувствовал его запах — запах старой гнили. — Ты осмелился прийти в Лилимар не только ради собаки, не так ли? — Он поднял руку, показывая свой длинный ноготь. — Скажи мне правду, или я перережу тебе глотку.

Я выпалил: «Золото».

Келлин махнул рукой и опустил её.

— В Лили повсюду золото. Из него сделан трон Ханы, на котором она сидит, пердит и спит.

— Однако я бы не смог унести трон, ведь так, сэр?

Это заставило его засмеяться. Раздался ужасный звук, похожий на клацанье сухих костей. Он прервался так же резко, как начался.

— Я слышал… возможно, слухи врали… что там есть маленькие золотые крупинки.

— Конечно, в сокровищнице. Но ты никогда не

видел её своими глазами?

— Нет.

— Никогда не приходил на игры и не таращился на неё через стекло?

— Нет. — Тут я ступал на опасную почву, потому что у меня было лишь смутное представление о том, что он мог иметь в виду. И о том, была ли это ловушка.

— А как насчёт Тёмного Колодца? Доходили о нём слухи до Уллума?

— В общем… да. — Я вспотел. Если этот допрос продлится достаточно долго, я наступлю на одну из мин. Я в этом не сомневался.

— Но после солнечных часов ты повернул назад. Почему, Чарли?

— Я хотел выбраться до темноты. — Я выпрямился и постарался придать лицу и голосу немного вызова. — И почти сделал это.

Келлин снова улыбнулся. Под его иллюзорной кожей череп ухмыльнулся. Был ли он — и остальные — когда-нибудь человеком? Мне казалось, что был.

— В этом слове слышна боль, ты не согласен? Такая боль в каждом *«почти»*. — Он постучал по накрашенным губам своим отвратительным длинным ногтем. — Ты мне безразличен, Чарли,

и я тебе не верю. От слова «совсем». Меня так и подмывает отправить тебя на Ремни, только вот Летучий Убийца этого не одобрит. Ему нужно тридцать два, и с тобой в Малин нам не хватает только одного. Так что отправляйся в Малин.

Он повысил голос до крика, настолько неестественно громкого, что мне захотелось заткнуть уши, и на мгновение над воротником красного бархатного смокинга остался только череп, окутанный голубым пламенем. *«ААРОН!»*

Дверь открылась и вошёл Аарон.

— Да, мой господин.

— Отведи его обратно, но по пути покажи ему Ремни. Хочу, чтобы Чарли увидел, что его участь в Малин не самая худшая во дворце, где раньше правил король Джан, да будет забыто его имя. И, Чарли?

— Да?

— Я надеюсь тебе понравилась эта прогулка и чай с сахаром. — На этот раз его иллюзорное лицо ухмыльнулось вместе с реальным черепом. — Потому что больше тебе не доставят такого удовольствия. Ты думаешь, что умён, но я вижу тебя насквозь. Ты думаешь, что суров, но ты размякнешь. Уведи его.

Аарон поднял свою гибкую палку, но отошёл в

сторону, чтобы я не коснулся его обессиливающей ауры. Когда я подошёл к двери и уже собирался покинуть эту ужасную комнату, Келлин сказал: «О Боже, я чуть не забыл. Вернись, пожалуйста, Чарли».

Я видел достаточно возвращений Коломбо по воскресеньями с отцом, чтобы вспомнить трюк «просто ещё один вопрос», но всё равно ощутил тошнотворный страх.

Я вернулся и встал рядом со стулом, на котором до этого сидел. Келлин открыл маленький ящик в чайном столике и что-то достал оттуда. Это был бумажник… но не *мой* бумажник. У меня был тёмно-бардовый «Лорд Бакстон», подаренный отцом на мой четырнадцатый день рождения. Этот был чёрный, помятый и потёртый.

— Что в нём? Мне любопытно.

— Я не знаю.

Но как только мой первоначальный шок прошёл, я понял, что знаю. Я вспомнил, как Дора вручила мне кожаные жетоны, а затем жестом попросила снять рюкзак, чтобы не таскать его к Лии. Я открыл рюкзак и сунул бумажник в задний карман, машинально. Не думая о нём. Не глядя. Я смотрел на Радар, обеспокоенный, всё ли с ней будет в порядке, если оставлю её с Дорой, и всё это

время вместо своего бумажника таскал с собой бумажник Кристофера Полли.

— Я нашёл его и забрал. Подумал, что это может быть что-то ценное. Сунул в карман и забыл.

Келлин открыл бумажник и вытащил десятидолларовую бумажку — все деньги, что были у Полли.

— Это похоже на деньги, только я никогда не видел таких.

Александр Гамильтон выглядел одним из цельных жителей Эмписа, может быть, даже королевских кровей, но на купюре не было слов, только запутанная тарабарщина, от которой у меня резало глаза. И вместо числа 10 в углах были символы .

— Ты знаешь, что это?

Я помотал головой. Слова и числа на купюре, по-видимому, не поддавались переводу ни на английский, ни на эмийский, а попали в какую-то лингвистическую пустошь.

Дальше Келлин вынул просроченное водительское удостоверение Полли. Его имя было читаемо; всё остальное представляло собой массу рун вперемешку со случайными узнаваемыми буквами.

— Кто этот Полли, и что это за рисунок? Никогда таких не видел.

— Я не знаю. — Но кое-что я знал: выбросить свой рюкзак, чтобы бежать быстрее, оказалось фантастически удачной идеей. В нём остался мой собственный бумажник, и мой телефон — уверен, эти вещи заинтересовали бы Келлина — и инструкции, которые я набросал по настоянию Клаудии. Я сомневался, что слова на этом листке превратились бы в руническую белиберду, как на десятидолларовой купюре или водительском удостоверении Полли. Они были написаны на эмписийском.

— Я тебе не верю, Чарли.

— Это правда, — прохрипел я. — Я нашёл это в канаве у дороги.

— А это? — Он указал на мои грязные кроссовки. — Тоже в *канаве*? У *дороги*?

— Да. Вместе с этим. — Я указал на бумажник, ожидая, что Келлин вытащит револьвер мистера Боудича. *Что насчёт этого, Чарли? Мы нашли его в высокой траве за центральными воротами.* Я был почти уверен, что это произойдёт.

Но этого не произошло. Вместо того, чтобы достать оружие, как фокусник вытаскивает кролика из шляпы, Келлин швырнул бумажник в другой конец комнаты.

— Выведи его отсюда! — крикнул он Аарону. —

Он в грязи! Его грязь на моём ковре, на моём кресле, даже на чашке! *Убери эту лживую сволочь с моих глаз!*

Я был очень рад уйти.

Глава двадцать первая

Ремни. Мафь. Без единого серого патнышка. Дни в темнице.

1

Вместо того, чтобы вернуться тем же путём, каким мы пришли, Аарон повёл меня вниз по трём разным лестничным пролётам, идя позади и время от времени охаживая меня своей гибкой палкой. Я чувствовал себя коровой, которую гонят в загон, что было отвратительно и унизительно, но, по крайней мере, я не боялся, что меня ведут на бойню. В конец концов, я был номером тридцать один, а, следовательно, ценным. Не знаю откуда, но у меня зародилась идея. Тридцать один — простое число, делимое только на единицу и на само себя. Хотя, тридцать два… оно делилось до самого низа.

По пути мы миновали множество дверей, в основном закрытых, но некоторые были открыты или приоткрыты. Я никого не слышал в этих комнатах. Пока мы шли у меня возникло ощущение заброшенности и упадка. Нам встречались ночные стражи, но я считал, что в остальном дворце не особенно людно. Я понятия не имел, куда мы направляемся, пока, наконец, не услышал звук грохочущих механизмов и устойчивый стук барабана, как биение сердца. К тому времени я был уверен, что мы спустились глубже Глубокой

Малин. Газовые фонари на стенах расходились всё дальше друг от друга, и многие светили тусклo. Когда мы достигли конца третьего пролёта — к тому времени барабан стал очень громким, а механизмы ещё громче — большую часть света давало голубое свечение Аарона. Я поднял кулак, чтобы постучать в дверь у подножия лестницы, и сильно — я не хотел ещё одного удара по шее ненавистной палкой.

— Неа, неа, — произнёс Аарон своим странным насекомоподобным голосом. — Просто открой.

Я поднял железную задвижку, толкнул дверь и меня ударила волна шума и жара. Аарон подтолкнул меня внутрь. Мои руки и лицо почти сразу вспотели. Я оказался на парапете с железными перилами высотой по пояс. Круглая площадка подо мной выглядела, как тренажёрный зал в аду. По крайней мере две дюжины серых мужчин и женщин быстро шагали по беговым дорожкам, у каждого на шее была удавка. У каменной стены, прислонившись, стояли трое ночных стражей, держа в руках гибкие палки и наблюдая. Ещё один стоял на чём-то вроде высокого подиума и барабанил по высокому деревянному цилиндру, похожему на конгу. На барабане были нарисованы кровоточащие бабочки-монархи,

что, вероятно, неправильно — не думаю, что у бабочек есть кровь. Прямо напротив меня, за беговыми дорожками, стояла грохочущая машина, сплошь из приводных ремней и поршней. Она сотрясалась на своей платформе. Над ней висела единственная электрическая лампочка, похожая на те, которые автомеханики используют, заглядывая под капот машины.

То, что я видел, напомнило мне боевые галеры в одном из моих любимых фильмов «Ти-Си-Эм» — «Бен-Гур». Мужчины и женщины на этих беговых дорожках были рабами, как когда-то гребцы на галерах. Пока я смотрел, одна из женщин споткнулась, схватилась за верёвку, впившуюся в её шею, и сумела снова вскочить на ноги. Двое ночных стражей наблюдали за ней, затем переглянулись и рассмеялись.

— Ты ведь не хочешь оказаться внизу малыш, правда? — спросил за спиной Аарон.

— Нет. — Я не знал, что ужаснее — узники, шагающие быстрым шагом на грани бега, или то, как двое мужчин-скелетов смеялись над потерявшей равновесие и задыхающейся женщиной. — Нет, не хочу.

Интересно, сколько энергии может дать этот допотопный генератор на беговой тяге. Казалось,

что немного; в апартаментах Верховного Лорда было электричество, но больше я его нигде не видел. Только газовые светильники, которые выглядели далеко не новыми.

— Как долго они должны…

— Смена длится двенадцать часов. — Он произнёс не *«часов»*, но мой разум снова произвёл перевод. Я слышал эмписийский, говорил на нём, добиваясь успехов и в том и другом. Вероятно, я пока не смог бы найти подходящий аналог для *«опупенно»*, но полагал, что это вопрос времени. — Если они не задохнутся раньше. На такой случай мы держим несколько человек в резерве. Пошли, малыш. Теперь ты получил представление. Пора уходить.

Я был только рад, поверьте мне. Но прежде чем повернулся, женщина, которая упала, взглянула на меня. Её волосы свисали мокрыми от пота клочьями. Лицо испещрено узлами и буграми серой плоти, но осталось достаточно черт, чтобы я смог увидеть её отчаяние.

Разозлил ли меня вид этого отчаяния так же, как вид убитой русалки? Не знаю, что сказать, потому что здесь всё злило меня. Прекрасная земля осквернена, и вот результат: цельные люди, запертые в темнице, больные люди с удавками

на шеях, вынужденные потеть на беговых дорожках, чтобы производить электричество для Верховного Лорда, и, возможно, ещё нескольких счастливчиков, одним из которых, несомненно, был человек или существо по имени Летучий Убийца.

— Радуйся, что ты цельный, — сказал Аарон. — По крайней мере, сейчас. Позже ты можешь пожалеть об этом.

Просто для пущей убедительности он хлестнул меня палкой по шее, снова открыв рану.

2

Кто-то, скорее всего Перси, наш трасти/надзиратель, бросил грязное одеяло в камеру, которую я делил с Хэйми. Я встряхнул его, избавившись от нескольких вшей (обычного размера, насколько я мог судить), расстелил и сел. Хэйми лежал на спине, уставившись в потолок. На лбу у него появилась царапина, под носом запеклась кровь, и оба колена были порезаны. Из пореза на левом колене всё ещё текли струйки крови.

— Что с тобой случилось? — спросил я.

— Время игр, — глухо произнёс он.

— У него не получилось, — в соседней камере сказал Фремми, у которого был подбит глаз.

— Никогда не получалось, — сказал Стукс. У него был синяк на виске, но в остальном он выглядел нормально.

— Заткнитесь вы оба! — крикнул Йо со своей стороны прохода. — Сделаете его, если попадёте в пару, а до тех пор оставьте его в покое.

Фремми и Стукс притихли. Йо сел к стене своей камеры, угрюмо уставившись в пол между колен. Над глазом у него была ссадина. Из других камер я слышал стоны и время от времени сдавленное кряхтение от боли. Одна из женщин тихонько плакала.

Открылась дверь и вошёл Перси с ведром, покачивающимся на сгибе локтя. Он остановился, чтобы взглянуть на выпавший из стены газовый фонарь. Поставив ведро, он воткнул фонарь обратно в неровное отверстие. В этот раз фонарь остался на месте. Перси достал из кармана деревянную спичку, чиркнул ею о каменный блок и поднёс к маленькому латунному патрубку. Он загорелся. Я ожидал, что Фремми это прокомментирует, но, похоже, тот на какое-то время истощил запас юмористических замечаний.

— Мафь, — сказал Перси сквозь каплевидное отверстие, которое когда-то было его ртом. — Мавь, ыы ому мафь.

— Я возьму один, — сказал Йо. Перси протянул ему маленький диск из ведра. На мой взгляд он походил на деревянный пятицентовик, о которых раньше говорили: никогда их не бери. — И дай один новичку. Если ему не нужно, то пригодится Бесполезному.

— Мазь? — спросил я.

— А что, блядь, ещё? — Йота начал намазывать заднюю часть своей широкой шеи.

— Кажому, — обратился ко мне Перси. — Кажому оону.

Я предположил, что он просит новичка протянуть руку, поэтому я сунул руку через прутья решётки. Он бросил мне в ладонь одну из деревянных монеток.

— Спасибо, Перси, — сказал я.

Он оглянулся на меня. На его лице было что-то похожее на изумление. Возможно, его никогда раньше не благодарили, по крайней мере, в Глубокой Малин.

На деревянном диске был нанесён толстый слой дурно пахнущего вещества. Я присел рядом с Хэйми и спросил его, где болит.

— Везде, — ответил он, и попытался улыбнуться.

— Где сильнее?

Тем временем Перси нёс ведро по проходу между камер, повторяя: «Мафь, мафь, оому мафь?»

— Колени. Плечи. Канешны, кишки хуже всего, но тут мазью не поможешь.

Он охнул, когда я втёр мазь в раны на его коленях, но вздохнул с облегчением, когда я обработал под коленями, а затем его плечи. Я получал (и сам делал) массаж после игр во время футбольного сезона, поэтому знал, за какие места взяться.

— Лучше, — сказал он. — Спасибо.

Хэйми не был грязным — во всяком случае, не таким грязным, как всё ещё оставался я. Вспомнился вопящий Келлин: *«Выведи его! Он в грязи!»* Неоспоримо. Моё пребывание в Эмписе оказалось чрезвычайно активным, включая валяние в кладбищенской грязи и недавний поход в Ремни, где было жарко, как в сауне.

— Не думаю, что в этом месте есть душ, я прав?

— Неа, неа. Раньше в раздевалка команд была водопроводная вода — когда ещё проводились настоящие игры, — но сейчас просто вёдра. Только холодная вода, но — *аааай!*

— Извини. У тебя на шее тут всё засохло.

— Ты сможешь принять ванну шлюхи после следующих игр — так мы это называем, — а до тех пор тебе придётся смириться.

— Судя по твоему виду и стонам остальных, это, должно быть, жёсткая игра. Даже Йо выглядит побитым.

— Ты узнаешь, — сказал Стукс.

— Но тебе не понравится, — добавил Фремми.

В конце коридора кто-то начал кашлять.

— Прикройся! — выкрикнула одна из женщин. — Никто тут не хочет подцепить то же самое, что у тебя, Домми!

Кашель продолжился.

3

Некоторое время спустя Перси вернулся с тележкой и с кусками наполовину приготовленной курицы, которые разбросал по камерам. Я съел свой и половину куска Хэйми. Напротив нашей камеры Йо вывалил кости в «очко» и выкрикнул: «Заткнитесь там, вся ваша шайка! Я хочу спать!»

Несмотря на приказ, в камерах какое-то время шли послеужинные разговоры, затем они перешли в шёпот и, наконец, стихли. Так я догадался, что курицу и правда подали на ужин, а сейчас наступила ночь. По-другому это не определить; в нашем зарешеченном окне никогда не было видно ничего, кроме беспросветной тьмы. Иногда нам давали стейки, иногда курицу, иногда рыб-

ное филе с костями. Обычно, но не всегда, давали морковь. Никаких сладостей. Другими словами, ничего такого, что Перси не мог бы швырнуть через решётку. Мясо было нормальным, без личинок, которые так и ожидаешь увидеть в темнице, а морковь хрустела на зубах. Они хотели, чтобы мы были здоровы, и мы были здоровы, за исключением Домми, страдающего каким-то заболеванием лёгких, и Хэйми, который ел мало, а во время еды жаловался на боли в животе.

Было ли утро, день или ночь, газовые фонари непрерывно горели, но их было так мало, что Глубокую Малин окутывали своего рода сумерки, которые дезориентировали и угнетали. Будь у меня чувство времени, когда я оказался тут (а у меня его не было), я бы лишился его после первых же суток.

Места, куда пришлись удары гибкой палки Аарона, болели и пульсировали. Я нанёс на них остатки мази и это помогло. Я как мог протёр лицо и шею. Грязь отваливалась кусками. В какой-то момент я отключился и мне снилась Радар. Она бежала вприпрыжку, молодая и сильная, окружённая облаком оранжевых и чёрных бабочек. Не знаю, сколько я проспал, но когда проснулся, в камерах всё ещё стояла тишина, не считая храпа,

единичных пердежей и кашля Домми. Я встал и хлебнул воды, осторожно закрывая пальцем отверстие в донышке кружки. Когда вернулся к своему одеялу, то заметил, что Хэйми пристально смотрит на меня. Припухшие мешки под его глазами казались синяками.

— Ты не обязан завратать меня. Я отменяю твоё обещание. Я должен пройти через это, несмотря ни на что. Они швыряют меня, как мешок с зерном, и это на простой игре. Что будет, когда придёт «Честный»?

— Я не знаю. — Я хотел спросить его о «Честном», но подумал, что это может быть турнир по кровавому спорту, как бой в клетке. Тридцать два, как я уже понял, делилось до самого низа. Ну, а что такое *игра*? Тренировка. Разогрев перед главным событием. Было кое-что, что интересовало меня больше.

— По дороге в Лилимар я встретил мужчину и мальчика. Они были, ну ты понял, серыми людьми.

— Как и большинство из них, — сказал Хэйми. — С тех пор, как Летучий Убийца вернулся из Тёмного Колодца. — Он горько улыбнулся.

В этом одном предложении содержалась тонна предыстории, и я хотел её знать, но пока что

сосредоточился на сером человеке с костылём. — Они шли с Приморья…

— Недавно? — прошептал Хэйми без особого интереса.

— И мужчина что-то сказал мне. Сначала назвал меня цельным…

— А развя нет? На тебе ни следа серости. Куча грязи, но не серости.

— Затем он сказал: «Для кого из них твоя мать задрала юбку, чтобы сохранить тебе чистое личико?» У тебя есть хоть какое-то представление, что это может значить?

Хэйми сел и уставился на меня широко раскрытыми глазами.

— Откуда, во имя всех оранжевых бабочек, которые когда-либо летали, ты *появился*?

Напротив нас Йо хрюкнул и заёрзал в своей камере.

— Ты знаешь, что это значит или нет?

Он вздохнул.

— Галлиены правили Эмписом с незапамятных времён, ты ведь это знаешь, развя нет?

Я махнул рукой, мол, продолжай.

— Тысячи и тысячи лет.

И снова у меня в голове будто звучали два языка, слившиеся так сильно, что почти стали

одним.

— В каком-то смысле они всё ещё правят, — сказал Хэйми. — Летучий Убийца, будучи тем, кто он есть, и всё такое… если он всё ещё *он*, а не превратился в существо из колодца… но… так, блядь, о чём это я?

— О Галлиенах.

— Теперь их нет, это самейное древо срублено… хотя говорят, кто-то из них всё ещё жив…

Я знал, что кто-то из них жив, потому что встречал троих из них. Но я не собирался делиться этим с Хэйми.

— Но было время — ещё был жив отец моего отца, — когда было много людей из рода Галлиенов. Достойные мужчины и женщины. И всех их вырезал Летучий Убийца.

Ну, он вырезал не всех, но я не стал говорить ему.

— И они были похотливы. — Он ухмыльнулся, обнажив зубы, такие странно белые и здоровые на этом измождённом лице. — Ты знаешь, что это означает, разве нет?

— Да.

— Мужчины сеяли своё семя повсюду, не только здесь в Лилимаре или Цитадели, но и в Приморье… Деске… Уллуме… даже, говорят, на Зелёных

островах за Уллумом. — Он хитро улыбнулся мне. — И, говорят, женщины тоже были не прочь немного поразвлечься за закрытой дверью. Похотливые женщины, похотливые мужчины, и прелестный маленький насильнек; многие простолюдины были счастливы лечь с королевской особой. И ты знаешь, что получается от таких занятий, верно?

— Дети.

— Дети, всё так. Это их кровь, Чарли, завратает нас от серости. Кто знает, какой бринц или придворный, или даже король собссной персоной ложился с моей бабушкой, или прабабушкой, или даже с моей матушкой? И вот он я, без патнышка серости на коже. И Йо, эта человекоподобная обезьяна, тоже без патнышка; Домми и Чёрный Том без патнышка… Стукс и Фремми… Джайя и Эрис… Дабл… Балт… док Фрид… все остальные… и *ты*. Ты, который ни хрена не знает. Это почти заставляет меня задуматься…

— О чём? — прошептал я. — Что у тебя на уме?

— Не важно, — ответил он. Он лёг и положил одну из своих худых рук на глаза, похожие на синяки. — Просто тебе бы следовало подумать дважды, прежде чем смавать грязь.

Из глубины коридора тот, кого они называли

Галли, прорычал: *«Тут есть люди, которым не помешало бы поспать!»*

Хэйми закрыл глаза.

4

Я лежал без сна и думал. Мысль о том, что так называемые цельные люди были защищены от серости сначала показалась мне расистской, наряду с тем, как фанатичные придурки говорят, что белые люди от природы умнее чёрных. Я считал — как я уже говорил — что люди пресловутых королевских кровей надевают по одной штанине за раз, как и несчастные бедолаги, потеющие на Ремнях, чтобы у Верховного Лорда горел свет.

Только нужно учитывать генетику, не так ли? Жители Эмписа могли об этом не знать, но я знал. По мере распространения плохих генов могли получиться плачевные результаты, а королевские семьи были источником плохих генов. Например, гемофилия или дефект развития лица, называемый челюстью Габсбургов. Помимо прочего, я узнал о таких вещах в восьмом классе на уроке полового воспитания. Не мог ли также существовать генетический код, дающий иммунитет против уродующей серости?

В нормальном мире тот, кто у руля, предпо-

чёл бы спасти таких людей, подумал я. В этом мире рулил — Летучий Убийца, чьё имя совсем не внушало чувства безопасности и защищённости, — и он хотел их убить. А серые люди, вероятно, и без того жили не долго. Как ни назови это, проклятьем или болезнью, — она была прогрессирующей. И кто останется в конце? Я полагал, что ночные стражи, но кто ещё? Был ли Летучий Убийца окружён группой защищённых последователей? Если да, то кем они будут править, когда цельных уничтожат, а серые вымрут? Каков финал игры? И *был* ли он?

И вот ещё кое-что: Хэйми сказал, что Галлиены правили Эмписом с незапамятных времён, но *это самейное древо срублено*. И всё же он немного противоречил себе: *в каком-то смысле они всё ещё правят*. Не означало ли это, что Летучий Убийца был… кем? Одним из Дома Галлиенов, как в романе Джорджа Р. Р. Мартина «Игра престолов»? Это казалось невероятным, так как Лия сказала мне (конечно же через свою лошадь), что четыре её сестры и два брата были мертвы. А также её мать и отец, предположительно король и королева. Так кто же остался? Какой-нибудь бастард, как Джон Сноу? Полоумный отшельник, обитающий где-то в лесу?

Я встал и подошёл к решётке камеры. Дальше по коридору Джайя стояла возле решётки своей камеры. Вокруг её лба был криво повязан кусок бинта, сквозь который над левым глазом сочилась струйка крови. Я прошептал: «Ты в порядке?»

— Да. Мы не должны разговаривать, Чарли. Это время сна.

— Я знаю, но… когда появилась серость? Как долго правит этот Летучий Убийца?

Джайя задумалась над вопросом. Наконец, она сказала:

— Не знаю. Я была девочкой в Цитадели, когда всё это началось.

Не густо. *«Я была девочкой»* — могло означать шести-, двенадцати- или даже семнадцатилетний возраст. Из-за слов мистера Боудича, что *«трус делает подарки»*, я считал, что серость появилась, когда Летучий Убийца пришёл к власти — около двенадцати или четырнадцати лет назад. Такое ощущение, что он был тому свидетелем, одарил своих фаворитов ништяками, набрал хренову кучу золотых гранул и сбежал. Также на эту мысль наводили слова Доры: Радар была щенком, когда мистер Боудич появлялся здесь в последний раз. Тогда-то и обрушилось проклятье. Может быть.

Скорее всего. Забавно, что я до сих пор не знал, равнялся ли год в Эмписе году в моём мире.

— Спи, Чарли. Это единственное средство сбежать. — Она начала отворачиваться.

— Джайя, подожди! — Напротив меня Йота хрюкнул, фыркнул и перевернулся на бок. — Кем он был? До того, как стал Летучим Убийцей? Ты знаешь?

— Это Элден, — ответила она. — Элден Галлиен.

Я вернулся к своему одеялу и лёг на него. *«Элден»*, — подумал я. Я вспомнил это имя. Фалада, лошадь, говорящая за свою хозяйку, рассказала мне, что у Лии было четыре сестры и два брата. Лия видела раздавленное тело несчастного Роберта. Другой брат так же был мёртв, хотя она не сказала, как это случилось, или что видела его тело. Этот другой брат был всегда добр к ней, сказала Фалада. Фалада, которая на самом деле была самой Лией.

Другого брата звали Элден.

5

Прошло три дня. Я говорю «три», потому что Перси приходил девять раз со своей тележкой с недожаренным мясом, но, может быть, больше; в

газовых сумерках Глубокой Малин невозможно было понять. За это время я пытался собрать воедино историю под названием «Падение Эмписа», или «Восхождение Летучего Убийцы», или «Пришествие проклятия». Дурацкая затея, основанная на крошечных обрывках информации, которыми я располагал, но она помогала скоротать время. По крайней мере, часть времени. И эти крохи у меня уже было не отнять, какими бы они не были жалкими.

Во-первых, мистер Боудич говорил о двух лунах, *восходящих в небе*, но я никогда не видел восхода лун. Едва видел их целиком. Он также говорил о созвездиях, неизвестных земным астрономам, но звёзды я видел лишь мельком. За исключением того эфемерного голубого пятна в небе, когда приближался к солнечным часам, я не видел ничего, кроме облаков. В Эмписе открытое небо было в дефиците. По крайней мере, сейчас.

Во-вторых, мистер Боудич никогда не упоминал Хану, а я думаю, он бы про такое не забыл. Я не слышал имени великанши, пока не увиделся с «гудев».

Но заинтересовал меня третий обрывок информации, который *давал* больше всего понимания. Мистер Боудич говорил о том, что может про-

изойти, если люди из моего мира найдут дорогу в Эмпис, в мир, без сомнения, полный неиспользованных ресурсов; золото — всего лишь один из них. Как раз перед тем, как мистер Боудич понял, что у него случился сердечный приступ, он сказал: *«Побоятся ли они* (имея в виду потенциальных расхитителей из нашего мира) *пробудить ужасное божество того места от долгого сна?»*

Судя по аудиозаписи, дела в Эмписе уже шли под гору, когда мистер Боудич совершал свой последний визит, хотя тогда, возможно, Ханы ещё не было на её посту. Город Лилимар уже опустел и стал *опасен, особенно ночью*. Означало ли, что Адриан судил по собственному опыту, когда делал последнюю вылазку за золотом, или он только слышал это из надёжных источников? Например, от Вуди? Думаю, во время его финального путешествия Ханы ещё не было.

Основываясь на этом шатком, как карточный домик, фундаменте, я построил небоскрёб предположений. Во время последнего визита мистера Боудича, короля Галлиена (которого, вероятно, звали Джан) и королеву (чьё имя неизвестно), уже свергли. По крайней мере, пятеро из их семерых детей погибли. Лия сбежала, как и тётя Клаудия и дядя или кузен (я не мог точно вспомнить) Вуди.

Лия утверждала, что её брат Элден также мёртв, но было ясно, что она любила его больше всех (это было чётко произнесено устами её лошади, ха-ха). Существовала ли вероятность того, что Лия предпочла верить в смерть Элдена, нежели знать, что он стал Летучим Убийцей? Разве любая сестра хотела бы знать, что её обожаемый брат превратился в монстра?

Возможно ли, что Элден избежал чистки — если это была чистка — и пробудил *ужасное божество этого места от долгого сна*? Я полагал, что это самое правдоподобное из моих предположений из-за слов Хэйми: *«С тех пор, как Летучий Убийца вернулся из Тёмного Колодца»*.

Возможно, это просто бредовая легенда, но что если нет? Что если брат Лии спустился в Тёмный Колодец (как и я спустился в другой тёмный колодец и оказался здесь), чтобы избежать чистки, либо специально? Что если он спустился Элденом, а вернулся Летучим Убийцей? Возможно, божество Тёмного Колодца направляло его. Или Элден был одержим им, *стал* этим божеством. Ужасная мысль, но в ней был определённый смысл, основанный на том, как все — и серые и цельные люди — уничтожались, большинство из них медленно и мучительно.

Были детали, которые не стыковались, но многие подходили. И как я уже сказал, это помогло скоротать время.

Вопрос, на который я не мог найти ответа: что со всем этим можно сделать?

6

Я немного узнал своих товарищей по заключению, но так как мы оставались заперты в своих камерах, было невозможно развивать то, что вы назвали бы близкими отношениями. Фремми и Стукс были комическим дуэтом, хотя их остроумие (или то, что за него выдавалось) больше забавляло их самих, чем кого-либо другого, включая меня. Домми был здоровяком, но этот его навевающий мысли о кладбище кашель усиливался, когда он ложился. Другой чёрный парень, Том, был гораздо меньше. Он обладал фантастически певучим голосом, но только Эрис могла уговорить его что-нибудь спеть. В одной из его баллад рассказывалась история, которую я знал. О маленькой девочке, которая пошла навестить свою бабушку и встретила волка, одетого в ночную рубашку бабули. Я помнил, что у «Красной шапочки» был счастливый конец, но версия Тома заканчивалась мрачной рифмой: *Она бежала, но*

её поймали, и все её усилия ничего не дали.

В Глубокой Малин счастливые концовки, похоже, были в дефиците.

К третьему дню я начал понимать истинное значение слова «безумие». Мои коллеги по темнице, возможно, и были цельными, но отнюдь не кандидатами в МЕНСА.[40] Джайя казалась достаточно сообразительной, и был ещё один парень по имени Джека, который знал бесконечное число загадок, но разговор с остальными был бессвязной болтовнёй.

Я отжимался, чтобы разогнать кровь, приседал и бегал на месте.

— Вы посмотрите, как выпендривается этот маленький принц, — как-то сказал Йо. Йота был засранцем, но, тем не менее, он мне понравился. В чём-то он напоминал мне моего давно отдалившегося приятеля Берти Бёрда. Как и Бёрдмэн, Йота был бесхитростен в своей заносчивости, к тому же меня всегда восхищали хорошие болтуны. Йота не был лучшим из тех, кого я когда-либо знал, но и не был плохим, и хотя я ещё не стал старожилом, мне нравилось подначивать его.

— Смотри, Йо, — сказал я, и поднёс руки к груди

---

[40] Примечания: 40

Крупнейшее и старейшее общество людей с высоким коэффициентом интеллекта.

ладонями вниз. Затем подпрыгнул, ударив коленями по ладоням. — А ты так можешь?

— И порвать себе что-нибудь? Растянуть мышцы? Вывихнуть копчик? Тебе бы этого хотелось, правда? Тогда ты смог бы убежать от меня, когда начнётся «Честный».

— Я не собираюсь быть первым, — сказал я. — Тридцать первым и останусь. Летучий Убийца разделается со всеми цельными. Давай же, посмотрим, получится ли у тебя! — Я поднял ладони почти до подбородка и продолжил упражнение. Мои эндорфины, несмотря на усталость, приняли вызов. По крайней мере, ненадолго.

— Будешь продолжать, у тебя треснет задница, — сказал Бернард. Он был старшим из нас, почти лысым. Те немногие волосы, что у него остались, поседели.

Я засмеялся и мне пришлось остановиться. Хэйми лежал на своём тюфяке и посмеивался.

— Будет тебе тридцать два, — сказал Йо. — Если вскоре не появится ещё один, они позовут Красную Молли. Она *сделает* тридцать два. Довольно скоро эта сука вернётся из Кратчи, и Летучий Убийца не захочет долго ждать своего развлечения.

— Только не *она*! — сказал Фремми.

— Даже *не* вспоминай! — выпалил Стукс. У них были одинаково встревоженные взгляды.

— А я буду. — Йо снова запрыгнул на решётку своей камеры и начал трясти прутья. Словно это его любимое упражнение. — Она цельная, разве нет? Хотя её буйная мамаша рухнула с дуба и разодрала себе всю блядскую рожу в клочья.

— Стоп, — сказал я. Мне на ум пришла безумная догадка. — Вы ведь не хотите сказать, что её мать…

— Хана, — сказал Хэйми. — Та, кто охраняет солнечные часы и сокровищницу. Хотя, если ты добрался до часов, значит она отлынивает от работы. Летучему Убийце это не понравится.

Я почти не слушал. То, что у Ханы есть дочь, поразило меня, главным образом потому, что я даже не мог представить, кто переспал с ней, чтобы произвести потомство.

— Рыжая Молли… ну ты понял, тоже великанша?

— Не такая, как её мать, — ответил Эммит дальше по коридору. — Но она большая. Она ушла в Кратчи, повидаться с роднёй. Ну, это страна великанов. Она вернётся и порвёт тебя, как грелку, если схватит. Но не меня. Я быстрый. Она медленная. Вот тебе то, чего не знает Джека: таять

может, да не лёд; не фонарь, а свет даёт. Кто я?

— Свеча, — ответил Джека. — Это каждый знает, дубина.

Я не задумываясь произнёс:

— Игра не стоит свеч. Мой меч — твоя голова с плеч.

Тишина. Затем Йо сказал:

— Всевышний Бог, где ты такое услышал?

— Я не знаю. Кажется, слышал в детстве от моей мамы.

— Значит твоя мать была странной женщиной. Никогда больше так не говори, это плохая рифма.

Дальше по сырому коридору Глубокой Малин Домми начал кашлять. И кашлять. И кашлять.

7

Два или три дня спустя — здесь можно было только гадать, в темнице не существовало времени — Перси принёс нам завтрак, и в этот раз настоящий: связка толстых сосисок, которые он бросил через решётку. Девять или десять в связке. Я поймал свои на лету. Хэйми позволил еде упасть на грязный пол, затем поднял и вяло отряхнул связку. Он недолго смотрел на неё, затем опять бросил на пол. В этом виделось ужасное сход-

ство с поведением Радар, когда та была старой и умирающей. Хэйми вернулся на свой тюфяк, подтянул колени к груди и отвернулся к стене. Напротив нас Йо сидел на корточках у решётки камеры и грыз свою связку сосисок посередине, двигаясь то влево, то вправо, будто пожирал початок кукурузы. Его борода блестела от жира.

— Давай, Хэйми, — сказал я. — Попробуй съесть хотя бы одну.

— Если он не хочет, брось их сюда, — сказал Стукс.

— Мы мигом о них позаботимся, — сказал Фремми.

Хэйми развернулся, сел и положил свою связку сосисок себе на колени. Он взглянул на меня.

— А это обязательно?

— Конечно, Бесполезный, — сказал Йо. У него уже осталось по одной сосиске с каждого конца. — Ты знаешь, что бывает, когда они дают сосиски.

Сосиски окончательно остыли, и внутри остались сырыми. Я вспомнил историю, которую прочитал в интернете, о парне, который обратился в больницу с жалобами на боли в животе. Рентген показал, что у него в кишечнике огромный солитёр. От употребления плохо приготовленного мяса, говорилось в посте. Я попытался выкинуть

это из головы (почти безуспешно) и приступил к еде. Я хорошо представлял, что означают сосиски на завтрак: время игр.

Перси попятился обратно по коридору. Я снова поблагодарил его. Он остановился и поманил меня своей «расплавленной» рукой. Я подошёл к решётке. Из каплевидного отверстия, которое теперь было его ртом, хриплым шёпотом донеслось: «*Ние* оой соуи *воосы*!»

Я помотал головой.

— Я не понима…

— *Ние* оой соуи *воосы*!

Затем он вышел вместе со своей пустой тележкой. Дверь захлопнулась. Засовы закрылись. Я повернулся к Хэйми. Он справился с одной сосиской, откусил от второй, подавился и выплюнул кусок в ладонь. Встал и бросил его в отхожую дыру.

— Я не понял, что он хотел мне сказать, — произнёс я.

Хэйми взял нашу жестяную кружку и потёр об остатки своей рубашки, как яблоко. Затем уселся на свой тюфяк.

— Подойди сюда. — Он похлопал по одеялу. Я сел рядом с ним. — Теперь сиди смирно.

Он огляделся по сторонам. Фремми и Стукс

переместились в дальний конец своих убогих тесных апартаментов. Йота был поглощён своей последней сосиской. Из других камер доносились звуки чавканья, отрыжки и причмокивания. Очевидно, решив, что за нами никто не наблюдает, Хэйми растопырил свои пальцы — что он мог сделать, будучи цельным человеком с нормальными ладонями вместо плавников — и запустил их мне в волосы. Я отшатнулся.

— Неа, неа, Чарли. Сиди смирно.

Он вдавил пальцы в мой скальп и дёрнул за волосы. Тучи грязи посыпались вниз. Меня это не смутило (проводя дни в камере, гадя и мочась в дыру в полу, вы как бы теряете свои лучшие чувства), но всё равно было ужасно осознавать, насколько я грязен. Я чувствовал себя другом Чарли Брауна, Грязнулей.[41]

Хэйми поднял жестяную кружку, чтобы я мог посмотреть на своё размытое отражение. Как парикмахер показывает вам вашу новую причёску, только кружка была не только округлой, но и помятой, поэтому я будто смотрелся в кривое зеркало. Одна сторона моего лица была больше другой.

---

[41] Примечания: 41
Персонажи комикса «Мелочь пузатая».

— Ты видишь?

— Что?

Он наклонил кружку, и я понял, что мои волосы спереди, где Хэйми убрал грязь, больше не были каштановыми. Они стали светлыми. И это здесь, где не было солнца, способного их выбелить. Я схватил кружку и поднёс близко к лицу. Трудно сказать, но, похоже, мои глаза тоже изменились. Вместо тёмно-карих, какими они были всегда, они, казалось, стали орехового оттенка.

Хэйми обхватил меня за шею и притянул ближе к своему рту.

— Перси сказал: «Не мой свои волосы».

Я отстранился. Хэйми уставился на меня, его глаза — карие, как раньше и мои — широко раскрылись. Затем он снова притянул меня ближе.

— Ты настоящий принц? Тот, кто пришёл спасти нас?

8

Прежде чем я успел ответить, отодвинулись дверные засовы. В этот раз явился не Перси. Вошли четверо ночных стражей, вооружённые гибкими палками. Двое шли впереди, вытянув руки, двери камер с визгом распахнулись с обеих сторон.

— Время игр! — выкрикнул один из них своим жужжащим насекомоподобным голосом. — Все малыши выходят поиграть!

Мы вышли из камер. Аарон, которого не было в этой компашке страшил, раньше водил меня вправо. Теперь мы все пошли налево, все тридцать один, выстроившись в двойную шеренгу, как настоящие дети, собирающиеся на экскурсию. Я шёл в самом конце, единственный без напарника. Двое ночных стражей шли позади меня. Сначала я подумал, что слышимый мной приглушённый треск, похожий на звук низкого напряжения, был воображаемым, напоминанием о предыдущих касаниях обволакивающей ауры, что поддерживала жизнь в этих существах, но это было не так. Ночные стражи были электрическими зомби. Что, как мне показалось, могло стать чертовски отличным названием для хэви-метал-группы.

Хэйми шёл с Йотой, который постоянно толкал плечом моего тощего сокамерника, заставляя его спотыкаться. Я хотел сказать «*не делай этого*», но у меня вырвалось «прекрати».

Йо обернулся, улыбаясь.

— Ты что, стал бессмертным?

— Прекрати, — сказал я. — Зачем тебе дони-

мать того, кто является твоим товарищем в этом поганом месте?

Это было совсем не похоже на Чарли Рида. Тот парень, скорее, сказал бы *«хватит валять дурака»*, чем то, что слетело с моего языка. И всё же это *был* я, и улыбка Йоты сменилась выражением озадаченного раздумья. Он отдал честь в британском стиле, поднеся ладонь тыльной стороной ко лбу, и сказал: «Сэр, да, сэр. Посмотрим, как ты будешь командовать со ртом, набитым землёй».

И он отвернулся.

Глава двадцать вторая

Игровое поле. Эммит. Помывка. Торт. Газовые фонари.

1

ы поднялись по лестнице. Ну, разумеется. Когда вас держат в заточении в Глубокой Малин, лестницы становятся образом жизни. Через десять минут подъёма, Хэйми дышал прерывисто. Йо схватил его за руку и потащил за собой.

— Раз ступенька, два, три, Бесполезный! Не отставай или твой папаша тебя отругает.

Мы подошли к широкой лестничной площадке с двойной дверью. Один из двух ночных стражей, возглавлявших этот грёбаный парад, взмахнул руками и дверь распахнулась. По другую сторону был другой, более чистый мир: коридор, выложенный белой плиткой, с отполированными до блеска газовыми фонарями. Коридор поднимался вверх, и когда мы шли в этом необычно ярком свете (мне и остальным приходилось щуриться), я почувствовал запах, знакомый мне по десяткам раздевалок: хлорка в виде таблеток в писсуарах и дезинфицирующее средство в ванночках для ног.

Догадался ли я уже, что такое «игра»? Да, конечно. Понимал ли я, что такое так называемый «Честный»? Несомненно. В камерах нам прихо-

дилось только есть, спать и разговаривать. Я был осторожен в своих вопросах, желая сохранить видимость того, что прибыл из религиозной общины Уллума, поэтому больше слушал, чем говорил. Но я всё равно был поражён этим уходящим вверх коридором, который выглядел — почти — как в современном и ухоженном спортивном центре на одном из множества кампусов, где спорт — это большое дело. Лилимар превратился в развалины — да и весь Эмпис, чёрт возьми, — но коридор выглядел отлично. Может даже, великолепно. Без сомнения.

Мы начали проходить мимо дверей, на каждой из которых висел газовый фонарь. На первый трёх дверях было написано «РАЗДЕВАЛКИ». На следующей — «СНАРЯЖЕНИЕ». На пятой — «ЧИНОВНИКИ». Когда я проходил мимо неё (всё ещё тащась в хвосте), я глянул на табличку краем глаза, и «ЧИНОВНИКИ» превратились в переплетение рунических символов, как на водительском удостоверении Полли, когда Келли показал его мне. Я повернул голову назад и снова увидел читаемый набор букв, и тут мне на плечо опустилась гибкая палка. Не сильно, но достаточно, чтобы привлечь моё внимание.

— Шагай, малыш.

Впереди коридор заканчивался пятном яркого света. Я прошёл за остальными на игровое поле… но, что за поле это было. Я озирался по сторонам, как деревенщина из Уллума, которым притворялся. Мне пришлось пережить много потрясений с тех пор, как преодолел туннель между моим миром и Эмписом, но никогда до этого момента меня не посещала мысль, что я, должно быть, сплю.

Огромные газовые фонари на плоских держателях, которые я видел снаружи, обрамляли чашу стадиона, которым могла бы гордиться бейсбольная команда «Трипл-Эй». Они били в небо яркими потоками бело-голубого света, которые отражались обратно от вездесущих облаков.

Небо. Мы были снаружи.

И не только это; хотя стояла ночь, для нас день только начинался. В этом имелся свой смысл, если наши похитители-скелеты не могли существовать при дневном свете, но всё равно было странно осознавать, что мой обычный график сна и бодрствования перевёрнут с ног на голову.

Мы пересекли грунтовую дорогу и ступили на зелёную траву поверх дёрна. Я был на многих игровых полях — бейсбольных и футбольных — похожих на это, но никогда не видел настолько идеально круглого. Что за игра здесь проходила?

Невозможно сказать наверняка, но, должно быть, чрезвычайно популярная, потому что дорожки «вертушки», ведущие внутрь, и ряды сидений, окружающие поле и поднимающиеся по краям стадиона, говорили о том, что она привлекала тысячи эмписийцев.

Впереди я увидел три зелёных шпиля, вздымающиеся в облака. Справа и слева от меня находились каменные башенки. На некоторых парапетах между башенками стояли ночные стражи в своих голубых саванах, глядя на нас. До этого я видел только верхний край стадиона по пути к солнечным часам, потому что они были в низине в задней части дворцовой территории.

Где-то — вероятно, в основании этих трёх зелёных стеклянных шпилей — находился тронный зал и королевские покои. Как и магазины вдоль широкой Галлиенской дороги, то были места только для больших шишек. Но это место, что немаловажно, предназначалось для простых людей, и я почти видел, как они спешат по этим цветным дорожкам «вертушки» в дни игры, прибывая из Приморья и Деска, и, может быть, даже из Уллума и Зелёных Островов, неся корзины с едой и распевая песни своей команды или скандируя их названия…

Гибкая палка опустилась на мою руку, в этот раз сильнее. Я обернулся и увидел ухмыляющийся череп под хмурой полупрозрачной оболочкой лица.

— Хватит таращиться по сторонам, как последний болван! Пора побегать, малыш! Пора размять свои ноги!

Йота повёл нашу банду на кольцевую дорожку, огибающую безумно зелёное поле. Остальные последовали за ним по двое и по трое. Хэйми шёл последним. В этом нет ничего удивительного. Над тем, что по моему предположению было передней частью поля, возвышалось что-то вроде ложи, похожей на большую гостиную под открытым небом; для полноты картины не хватало только пышной люстры. Мягкие кресла стояли по бокам от почётного места. Не такого большого, как трон Ханы, сидя на котором она охраняла задний вход во дворец (когда не ела и не спала), но сиденье было очень широким, а подлокотники наклонены наружу, будто тот, кто получил привилегию сидеть там, был накачан стероидами с головы до пят. Место пока пустовало, но с полдюжины человек сидели в мягких креслах по обе стороны от него, наблюдая, как мы бежим мимо них. Это были цельные люди,

богато одетые — то есть, не в лохмотья, которые служили одеждой большинству из нас. Среди них была женщина с бледным накрашенным лицом, в длинном платье с гофрированным воротником. Её пальцы и заколки для волос сверкали драгоценными камнями. Все в этой ложе пили из высоких бокалов что-то похожее на пиво или эль. Один из мужчин заметил мой взгляд и поднял бокал за меня, как бы в тосте. На лицах всех было выражение, которое я бы назвал смесью скуки, слегка приправленной умеренным интересом. В один миг я возненавидел их, как только может возненавидеть узник, постоянно охаживаемый гибкой палкой, кучку хорошо одетых бездельников, которые просто сидят на своих жопах и убивают время.

«Это место было построено не для таких придурков, как эти, — подумал я. — *Без понятия, откуда мне это знать, но я был в этом уверен».*

По мне опять прошлась гибкая палка, в этот раз прямо по заду в грязных штанах. Меня словно обожгло огнём.

— Разве ты не знаешь, что невежливо пялится на высоких особ?

Я также начинал ненавидеть эти жужжащие голоса. Я будто слышал не одного Дарта Вейдера,

а целый взвод. Ускорив шаг, я обогнал Стукса. Он показал мне эмписийский фак. Я сделал то же самое в ответ.

Я пробился сквозь толпу моих коллег по Глубокой Малин, получив дружеский тычок от Тома и сильный и не такой дружеский от слегка кривоногого громилы по имени Эммит.

— Смотри, куда прёшь, улли, — сказал он. — Никакие боги не защитят тебя здесь. Всё осталось позади.

Я оставил *его* позади, и с большой радостью. Жизнь была достаточно паршивой и без злобных сокамерников, которые делали её ещё хуже.

В центре поля находились снаряды, которые я узнал по различным атлетическим тренировкам, начиная от футбола и до хоккея. Там тянулась двойная линия чего-то похожего на деревянные железнодорожные шпалы. Лежали большие матерчатые мешки, наполненные какими-то шарообразными предметами, которые могли быть только мячами. Стоял ряд столбов, обёрнутых мешковиной. На каждом прикреплена пластина с грубо нарисованным хмурым лицом. Без сомнения, это были тренировочные эмписийские «болваны». С Т-образной перекладины свисали верёвки с кольцами, и стояли высокие козлы с

широкой доской, с пуком сена с одной стороны. Также была плетёная корзина, наполненная чем-то похожим на ручки топоров. Мне было всё равно, на что они похожи. Тренер Харкнесс прогонял нас через упражнения, которые при желании можно было счесть садистскими, но бить друг друга палками? Нет.

Я оказался в первом ряду, когда мы достигли части беговой дорожки, идущей через поле прямо от VIP-ложи. Здесь я поравнялся с Йотой, который бежал запрокинув голову, выпятив грудь и прижав руки к телу. Ему не хватало только пары гантелей в руках, чтобы выглядеть, как любой мужчина средних лет из моего района, набирающий форму. Ну, может, ещё спортивного костюма.

— Хочешь потягаться? — спросил я.

— Что? Чтобы эта сучка Петра и все остальные могли делать ставки на победителя? — Он ткнул большим пальцем в сторону хорошо одетых людей, отдыхающих со своими освежающими напитками. К ним присоединилась парочка новых. Ей-богу, у них там была почти коктейльная вечеринка. По бокам от ложи стояла пара ночных стражей. — Разве у нас и без того не хватает забот?

— Пожалуй, так.

— Откуда ты, чёрт возьми, на самом деле, Чарли? Ты не улли.

Я был избавлен от необходимости отвечать, увидев, как Хэйми покидает трассу. Он потащился к кучам различного тренировочного оборудования, опустив голову и тяжело вздыхая тощей грудью. Между плетёной корзиной с боевыми палками (я не представлял, чем ещё они могут быть) и «болванами» с их хмурыми плоскими лицами, стояло несколько скамеек и стол, уставленный глиняными чашками — маленькими, как кофейные. Хэйми взял одну, осушил, поставил обратно на стол, затем сел, положив руки на бёдра и понурив голову. Стол охранялся — или, возможно, контролировался — ночными стражами, которые присматривали за Хэйми, но не пытались ударить его.

— Даже не пытайся, — пыхтя сказал Йо. — Или они будут хлестать тебя, пока не истечёшь кровью.

— Почему *ему* это сходит с рук?

— Потому что они знают, что он не может заниматься этим дерьмом. Он Мистер Бесполезный, разве нет? Но он цельный, и без него нас снова станет тридцать.

— Я не понимаю, как… в смысле, когда начнётся «Честный», если вообще начнётся… как они могут ожидать, что он… ну ты понял, сможет биться?

— Они и не ждут, — ответил Йо, и я уловил странную нотку в его голосе. Это могло быть сочувствием. Или, может быть, чувством товарищества. Дело не в том, что ему нравился Хэйми; ему меньше нравилась ситуация, в которой он находился.

— Ты что, вообще не выдыхаешься, малыш? Ещё один круг, и я буду сидеть на скамейке вместе с Бесполезным, а они будут лупить меня своими палками сколько захотят.

Я хотел было сказать ему, что много занимался спортом, но тогда он мог бы спросить, каким именно, а я даже не знал, в какой вид спорта играли на этом большом зелёном ковре.

— Я поддерживал форму, по крайней мере, пока не попал сюда. И ты можешь называть меня Чарли, вместо «малыш», согласен? Малышами нас называют *они*.

— Пусть будет Чарли. — Йо указал большим пальцем на Хэйми — картина уныния, — сидящего на скамейке. — Этот лошара — просто живое тело. Пушечное мясо.

Только он не сказал «лошара» и «пушечное

мясо». Так мой мозг перевёл идиому, которую он использовал.

— Им нравится, когда матч заканчивается быстро.

Как номер первый против номера шестнадцатого в НАСС,[42] подумал я.

Мы снова подбегали к VIP-ложе, и в этот раз я указал большим пальцем на хорошо одетых людей, которые наблюдали за нами. Но только когда не болтали друг с другом, потому что их разговоры были важнее, чем голодранцы, бегающие внизу, выбиваясь из сил. Мы были всего лишь предлогом для них собраться вместе, как у зрителей, которые смотрят футбольные чемпионаты дома. Позади нас растянулись остальные, а пара человек — Дабл и парень по имени Янно — присоединились к Хэйми на скамейке.

— Сколько их там?

— Кого? — Йота теперь тоже задыхался. Я всё ещё держался бодряком. — Подданных Элдена? — Он сделал небольшое ударение на слове *«подданные»*. — Не знаю. Двадцать. Может быть, тридцать. Может, больше. Эта сучка верховодит ими, потому что она любимица Летучего

---

[42] Примечания: 42
Национальная ассоциация студенческого спорта.

Убийцы.

— Петра?

— Да, она.

— Это *все*?

Прежде чем он успел ответить, мой старый друг Аарон вышел из прохода под VIP-ложей, размахивая своей гибкой палкой, как дирижёр, собирающийся отдать команду оркестру начать с первого номера. *«Туда!* — крикнул он. — *Все туда!»*

Йота побежал к снарядам в центре поля, и я присоединился к нему. Большинство узников запыхались и тяжело дышали. Джайя и Эрис согнулись, положив руки на колени и восстанавливая дыхание. Затем они присоединились к остальным за столом, на котором стояли маленькие чашки. Я выпил из одной. В основном это была вода, но с чем-то кислым и освежающим. У меня всё ещё не сбилось дыхание, но выпив эту маленькую чашечку, я почувствовал, что сил у меня прибавилось.

Считая Аарона, теперь на поле было пять ночных стражей, стоящих полукругом перед нами. Ещё двое охраняли VIP-гостей. Тех стражей, что наблюдали с парапетов, было легко посчитать благодаря их голубому свечению: двенадцать.

Всего получалось девятнадцать — столько, как мне казалось, преследовало нас с Радар, когда мы бежали к внешним воротам. Двадцать, если добавить Келлина, которого либо здесь не было, либо он наблюдал с одного из парапетов. Было ли их всего столько? Если да, то узники превосходили численностью надзирателей. Я не хотел спрашивать у Йо, потому что Аарон, казалось, наблюдал за мной.

— Отлично пробежались! — сказал Стукс.

— Лучше, чем секс! — отозвался Фремми.

— Кроме как с тобой, — сказал Стукс.

— Да, — согласился Фремми. — Я хорош в сексе.

Я потянулся за ещё одной чашкой, и один из надзирателей указал своей палкой на меня. «Неа, неа, по одной на брата, малыш».

Только он, конечно, сказал не «по одной на брата».

2

Затем наступило время игры, которое в целом было менее изнурительным, чем футбольная тренировка. Пока не подошёл конец.

Сначала в ход пошли мячи. Их было шестнадцать в трёх мешках. Они были похожи на пляжные, но покрыты серебристой субстанцией,

которая утяжеляла их. Насколько я понял, это и *было* серебро. В своём мяче я видел искажённое отражение: грязное лицо, грязные волосы. Я решил, что не буду мыть волосы, какими бы грязными они ни казались. Не думаю, что я «настоящий принц, который пришёл спасти нас», я даже не мог спасти себя, но мне не хотелось выделяться. Я видел дворцовую камеру пыток, и не испытывал желания стать её гостем.

Мы выстроились в две шеренги по пятнадцать человек. Хэйми был лишним, и один из надзирателей взмахом своей гибкой палки приказал ему подбрасывать мяч вверх. Что Хэйми и сделал, в своей вялой манере. Он всё ещё не отдышался после прогулки по наклонному коридору и одного полупробега по круговой трассе. Увидев, что я смотрю на него, он улыбнулся, но его взгляд казался опустошённым. С таким же успехом он мог бы написать у себя на лбу: «ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ НА ВЫЛЕТ».

Мы бросали утяжелённые мячи — фунтов по пять или около того — друг другу. В этом не было ничего особенного, простая разминка рук и плеч, но многие из моих товарищей по заключению явно не были атлетами в своей прошлой жизни, потому что допускали много неловких движений.

Я подумал, многие из них могли быть аналогом белых воротничков в месте, которое они называли Цитаделью до свержения Монархии Бабочек (маленький непреднамеренный каламбур). Некоторые сохранили неплохую форму, и у некоторых движения выходили правильными — Йо был одним из таких, и Эрис, Том и Эммит тоже, — но остальные были довольно неуклюжими. Тренер Харкнесс назвал бы их лоботрясами. Фремми и Стукс были лоботрясами; также Джайя и Дабл. Домми был здоровяком, но кашлял. И был Хэйми — бесполезный, как его назвал Йота.

Мне в напарники достался Йота. Он сделал несколько подач, будто толкал ядро; я отвечал тем же. Затем нам велели после каждой пары бросков отступать на шаг назад. Примерно через десять минут нам приказали вернуться на дорожку для ещё одной пробежки. Хэйми старался изо всех сил, но вскоре перешёл на шаг. В этот раз я бежал трусцой, стараясь не напрягаться. Эммит легко догнал меня, хотя его кривоногий шаг заставлял его раскачиваться из стороны в сторону, как буксир при лёгкой качке. Когда мы пробежали мимо VIP-ложи, он повернулся и снова толкнул меня, только в этот раз это был не тычок, а самый настоящий удар. Я не ожидал

этого и растянулся на земле. Джайя запнулась об меня и с кряхтеньем упала на колени. Остальные обежали нас.

Теперь-то мы полностью завладели вниманием светских особ в ложе. Они смотрели на меня и Джайю, тыча в нас пальцами и смеясь, как Энди, Берти и я могли смеяться над какой-нибудь дешёвой шуткой в комедийном фильме.

Я помог Джайе встать. У неё оказался разбит локоть. Я спросил, всё ли с ней в порядке. Она ответила «да», а затем побежала дальше, когда один из ночных стражей приблизился с поднятой гибкой палкой.

— Не помогать, малыш. Неа, неа, нет!

Я поднял руку, отчасти показать, что я понял, но в основном, чтобы отразить удар гибкой палкой, если он решит огреть меня по лицу.

Ночной солдат отступил назад. Я догнал Эммита.

— Зачем ты это сделал?

Его ответ был достоин любого из тупоголовых потенциальных альфа-самцов, с которыми я занимался спортом на протяжении многих лет. Если вы были спортсменом в старших классах, то знаете. Эти парни потом, в свои двадцать или тридцать лет, торчат у забора во время трениро-

вок, выпячивая пивное брюхо и разглагольствуя о своих былых днях.

— Мне так захотелось.

А это означало, что Эммиту нужно преподать урок. Пока он его не получит, удары, толчки и тычки никогда не прекратятся.

После круга по дорожке, нас отправили на кольца подтягиваться. Половина моих товарищей сделали пять подтягиваний; шесть или семь сделал один или двое; я сделал дюжину, затем по глупости решил покрасоваться.

— Смотрите сюда! — обратился я к Йо и Хэйми.

Я ещё раз подтянулся, перекинул ноги через голову и сделал идеальный оборот на триста шестьдесят градусов. Едва я приземлился, как меня хлестнули по пояснице, причём сильно. Сначала пришла боль, затем жжение.

— Никаких трюков! — рявкнул на меня Аарон. От злости его аура стала ярче, и его человеческое лицо — и так едва видное — почти полностью исчезло. Вот факт: вы можете думать, что в конце концов привыкните к заключению у живых мертвецов, вот только этого никогда не произойдёт. — *Никаких трюков!* Сломаешь себе запястье или ногу, и я с тебя *шкуру спущу*!

Я уставился на него, сжав губы и упираясь

кончиками пальцев левой руки в землю. Аарон отступил назад, но не потому, что испугался. Он просто освободил место для размаха своей проклятой палкой.

— Хочешь кинуться на меня? Давай! Если тебе нужен урок, я преподам его!

Я покачал головой, от чего мои грязные волосы упали на лоб, и медленно поднялся. Я был крупнее него и тяжелее больше, чем на сто фунтов — по сути он представлял собой мешок с костями, — но его защищала аура. Хотел ли я получить удар током? Нет.

— Извините, — сказал я. Мне показалось, что на секунду Аарон выглядел удивлённым, как и Перси, когда я поблагодарил его. Он жестом велел мне присоединиться к остальным.

— *Побежали!* — заорал он на нас. — *Побежали, вы обезьяны!*

Не обезьяны, а очередная мысленная замена. Мы сделали ещё один круг по дорожке (Хэйми даже не пытался), выпили ещё энергетической воды, затем нас направили к «болванам».

Аарон отступил назад. Его заменил другой ночной солдат.

— Первый, кто убьёт своего врага, получит торт! Торт первому убийце! Шаг вперёд и вы-

брать столб!

Нас было тридцать один человек и только двенадцать столбов-«болванов». Йо схватил меня за запястье и прорычал:

— Сначала посмотри, как это делается.

Меня удивил этот полезный совет больше, чем мог бы. С тортом в виде потенциальной награды, двенадцать моих товарищей-узников быстро вышли вперёд и коснулись обёрнутого мешковиной столба. Среди них были Эрис, Фремми и Стукс, Дабл и Эммит.

— Теперь *назад*!

Они отступили до самого стола.

— *Убейте* своего *врага*!

Они ринулись вперёд. Более половины из них немного отшатнулись назад после ударов — это не бросалось в глаза, но я заметил. Трое столкнулись со своими столбами на полном ходу. Эрис ударила сильно, но она была худенькой, и пластина с ухмыляющимся лицом на верхушке столба только дрогнула. Так же получилось и у другого парня; звали его Мёрф. Удар Эммита был выше всяких похвал. Пластина слетела с его столба и приземлилась в десяти футах.

— Торт для него! — провозгласил Аарон. — Этот получает торт!

Зрители в VIP-ложе во главе с бледнолицей женщиной зааплодировали. Эммит вскинул кулаки и поклонился им. Я не думаю, что он уловил сатирический оттенок этих аплодисментов. Как говорится, он не был семи пядей во лбу.

Дальше приготовились следующие двенадцать человек, но Йо снова схватил меня за запястье, и я не сдвинулся с места. В этот раз никто не сбил пластину. Йо, Хэйми, Джайя и я оказались среди последних желающих попытать силы.

— Отойти *назад*!

Мы отошли.

— *Убить* своих *врагов*!

Я побежал к своему столбу, выставив правое плечо вперёд — моё сильное плечо — даже не задумываясь. Я был почти уверен, что смогу ударить столб достаточно сильно, чтобы отправить в полёт хмурую плоскую голову, даже будь столб без мешковины, но меня откинуло назад, как и тех, за кем я наблюдал. Моя пластина едва пошатнулась, но у Йоты она оторвалась и улетела почти так же далеко, как у Эммита. В этот раз никто из VIP-ов не аплодировал; они снова погрузились в свои беседы.

Аарон отступил к проходу под VIP-ложей, и там к нему присоединился Келлин. Сегодня без смо-

кинга; Верховный Лорд был одет в обтягивающие бриджи и белую рубашку с открытым воротом. Они вместе направились к нам, и я почувствовал то же дежа вю, что при виде тренировочных снарядов и стола с чашками. Келлин и Аарон могли быть тренером и его помощником. Но сегодня был не просто тренировочный день для заключённых, а серьёзное дело. Близилось начало «Честного», и похоже, что Келлин и Аарон были ответственны за то, чтобы вышло отличное шоу.

— *Палки!* — выкрикнул Аарон. — *Теперь палки!*

При этих словах цельные люди в ложе выказали больший интерес. Даже наблюдавшие с парапетов ночные стражи, казалось, вытянулись по стойке смирно.

Мы подошли к плетёной корзине с боевыми палками. Они были похожи на боккэн,[43] но без рукоятей — около трёх футов в длину и заострённые с обоих концов. Дерево было светлым, гладким и твёрдым. Ясень, подумал я. Как бейсбольные биты в Высшей лиге.

Келлин указал на Эрис. Она вышла вперёд и взяла одну из палок. Затем он указал на Хэйми, от чего у меня немного сжалось сердце. Он взял пал-

---

[43] Примечания: 43
Деревянный макет японского меча.

ку, держа за концы обеими руками. Эрис держала свою одной рукой. *«Защита и нападение»*, — подумал я. Никто из них не был в восторге, а Хэйми выглядел испуганным. Думаю, у него была на то причина.

— *Убить своего врага!* — выкрикнул Аарон, его голос жужжал сильнее прежнего.

Эрис взмахнула своей палкой. Хэйми парировал. Она атаковала его сбоку, и Хэйми снова парировал, но слабо; если бы она замахивалась в полную силу (чего она не делала), то, вероятно, сбила бы его с ног.

— *Уложи его!* — взревел Келлин. — *Уложи его, ты, бесполезная шлюха, или я уложу* тебя!

Эрис махнула палкой понизу. В этот раз Хэйми не успел парировать, и она сбила его с ног. Он упал на траву со вздохом и глухим шлепком. Люди в ложе зааплодировали ещё громче. Эрис поклонилась им. Я надеялся, что они достаточно далеко, чтобы не видеть выражение отвращения на её лице.

Аарон отхлестал Хэйми по заднице и ногам своей гибкой палкой.

— Встать! Встать, куча ты навоза! Встать!

Хэйми с трудом поднялся на ноги. По его щекам катились слёзы, а из носа свисали сопли. Аарон

занёс свою гибкую палку для очередного удара, но Келлин остановил его, качнув головой. Хэйми должен был оставаться целым и невредимым, по крайней мере, до начала состязания.

Для Эрис выбрали другого противника. Было много парирований, но никаких сильных ударов. Они отступили назад и их место заняла следующая пара. Дальше всё шло в таком духе: масса выпадов, взмахов и парирований. Но больше не слышались крики *«уложи его»* и *«убить своего врага»*. Однако Стукс и Фремми получили взбучку от одного из ночных стражей за лень. Судя по тому, как они это восприняли, не первый раз.

Йо был в паре с Томом, Бернд в паре Балдом, а в конце вышли мы с Эммитом. Полагаю, Аарон заметил, как Эммит толкнул меня во время пробежки, и хотел столкнуть нас нос к носу. Или, возможно, Келлин видел с того места, где был, прежде чем выйти на поле.

— Палки! — Боже, я ненавидел этот жужжащий голос. — Теперь вы двое! Палки! Посмотрим, как вы справитесь!

Эммит держал свою палку за один конец — в атаке. Он улыбался. Я держал свою за оба конца поперёк туловища, готовясь парировать. Во всяком случае, для начала. Эммит имел опыт и не

ожидал никаких неприятностей от новичка на районе. Может, он был прав. Может, не был. Это ещё предстояло выяснить.

— *Убить своего врага!* — В этот раз выкрикнул Келлин.

Эммит без колебаний бросился на меня, раскачиваясь из стороны в сторону на своих кривых ногах, надеясь зажать меня между столом с чашками и корзиной с боевыми палками, которые предыдущие спарринг-партнёры побросали после своих схваток. Он вскинул свою палку и обрушил её на меня. Он не сдерживался, собираясь вышибить мне мозги или что похуже. В том, чтобы убрать меня, был определённый смысл. Эммита могли наказать, но население темницы снова сократилось бы до тридцати, а значит «Честный» был бы отложен до тех пор, пока не найдут ещё двоих цельных. Возможно, он даже считал это заступничеством за команду, но я в это не верил. Какой бы ни была причина, Эммит решил, что я ему не нравлюсь.

Я присел, вскинув свою палку. Он ударил по ней вместо моей головы. Поднявшись с корточек, я толкнул его палку и отбросил Эммита назад, смутно услышав взрыв аплодисментов в VIP-ложе. Я отошёл от корзины и стола, тесня

противника, заставляя вернуться на открытое пространство, где я мог использовать всю свою скорость. Конечно, не ахти какую, но с такими кривыми ногами Эммит и сам не был гончей.

Он ударил своей палкой сначала по моей левой стороне, затем по правой. Теперь, когда я не был зажат, я легко парировал удары. И я разозлился. Очень. Как тогда на Кристофера Полли, когда сломал ему одно запястье, избил, а затем сломал второе. Как злился на отца, когда он начал пить после смерти мамы. Я оставил его в покое, не жаловался по поводу его пьянства (сильно), но выражал злость другими способами. О некоторых я вам рассказывал, о других мне рассказывать стыдно.

Мы ходили кругами по траве, наступая, пригибаясь и делая обманные движения. Узники молча наблюдали. Келлин, Аарон и остальные ночные стражи также смотрели на нас. В VIP-ложе коктейльная вечеринка притихла. Эммит начинал тяжело дышать, и уже не так быстро управлялся со своей палкой. Больше он не улыбался, что было хорошо.

— Ну давай, — сказал я. — Иди сюда, ты бесполезная скотина. Посмотрим, что ты умеешь.

Он бросился вперёд, подняв свою палку над го-

ловой. Я схватился обеими руками за один конец своей палки, а другим ткнул его в живот, чуть выше паха. Нанесённый им удар пришёлся по плечу, отчего оно онемело. Я не отстранился. Бросив свою палку, я вытянул левую руку и выхватил палку Эммита. Я ударил его по ляжке, отступил и снова ударил по бедру, вложив всю силу своих ног в замах, будто пытался отбить бейсбольный мяч по правой кромке поля.

Эммит завопил от боли. «Сдаюсь! Я сдаюсь!»

Мне было насрать. Я снова замахнулся и ударил его по руке. Он развернулся и бросился бежать, но у него сбилось дыхание. А ещё подвели кривые ноги. Я посмотрел на Келлина, который пожал плечами и махнул рукой в сторону моего бывшего противника, как бы говоря *«как желаешь»*. Во всяком случае, я так понял. Я бросился за Эммитом. Я мог бы вам сказать, что думал о его толчке и как цельные люди в ложе смеялись, когда я упал. Я мог бы сказать, что думал о Джайе, которая споткнулась об меня и тоже упала. Я мог бы даже сказать, что хотел, чтобы никто больше не связывался с новичком. Во всем этом не было бы ни слова правды. Никто из остальных не проявлял ко мне ни малейшей враждебности, за исключением, может быть, Йо, и то до того, как

он немного узнал меня.

Я просто хотел отмудохать этого козла.

Я дважды ударил его по жопе, добротными сильными ударами. От второго он упал на колени. «Сдаюсь! Сдаюсь! *Я сдаюсь!*»

Я поднял свою боевую палку над головой, но прежде чем успел опустить её, Верховный Лорд схватил меня за локоть. Возникло то ужасное ощущение, будто меня коснулись голые провода под напряжением, и из меня словно высосали все силы. Подержи он меня подольше, я бы потерял сознание, как тогда у ворот, но он отпустил мою руку.

— Хватит.

Мои пальцы разжались, и я выронил палку. Затем я опустился на одно колено. VIP-ы аплодировали и свистели. У меня перед глазами всё плыло, но я разглядел высокого парня со шрамом на щеке, который что-то шептал бледнолицей женщине, небрежно обхватив при этом одну из её грудей.

— Встань, Чарли.

Мне удалось подняться. Келлин кивнул Аарону.

— Время игры закончилось, — сказал Аарон. — Все выпейте ещё по одной.

Не знаю, как остальные, но мне бы это не помешало.

3

Надзиратели отвели нас в одну из раздевалок. По сравнению с тем, к чему я привык, она была большой и роскошной. Над головой висели электрические лампы, но по-видимому они не были подключены к ветхому генератору, и их дополнили газовыми. Пол и стены выложены белой плиткой и безупречно чисты, по крайней мере, пока мы не занесли грязь… плюс пятна крови от драк на палках. Думаю, это место содержалось в чистоте серыми людьми, хотя сейчас никого из них не было видно. Там имелся желоб с проточной водой, в который можно было мочиться, что и сделали некоторые из мужчин. По бокам стояли фарфоровые сиденья с отверстиями по центру. Я догадался, что они предназначались для женщин, хотя ни Джайя, ни Эрис ими не воспользовались. Но они сняли верхнюю одежду, как и мужчины, без всякого видимого смущения. Джайя получила несколько ударов палкой, на её рёбрах расцветали синяки.

С одной стороны помещения находились деревянные закутки, где игроки, должно быть,

когда-то хранили снаряжение (нам, разумеется, нечего было там хранить). По другой стороне шла длинная полка, уставленная вёдрами для мытья. В каждом плавало по тряпке. Мыла не было.

Я стянул с себя рубашку, морщась от боли в разных местах — в основном от ударов гибкой палки. Сильнее всего болела поясница. Я не видел раны, но чувствовал кровь, подсыхающую и липкую.

Несколько человек уже стояли у вёдер, мыли верхнюю часть тела, а некоторые сбросили свои кальсоны, чтобы помыть остальное. Я мог бы пропустить эту часть про омовения, но мне было интересно отметить, что в Эмписе, как и во Франции (по крайней мере, если верить одной песенке) не носили нижнего белья.

Эммит, прихрамывая, направился ко мне. Наши надзиратели не зашли с нами, а это означало, что некому будет оттащить его, если он захочет устроить матч-реванш. Я был не против. Я пригнулся, голый по пояс, покрытый слоем многодневной (если не многонедельной) грязи, и сжал кулаки. Затем случилось что-то удивительное. Йо, Фремми, Стукс и Хэйми выстроились в линию передо мной, пристально глядя на Эммита.

Кривоногий покачал головой и приложил тыльную сторону ладони ко лбу, будто у него

заболела голова.

— Неа, неа, я не верил в это, но теперь верю. Может быть. Ты и правда…

Йота выступил вперёд и зажал рукой рот Эммита, прежде чем тот смог договорить. Другой рукой он указал на решётку, через которую, возможно, поступало тепло в те в былые дни, когда стадион — и сам город, которому он служил — были действующими. Эммит проследил за его взглядом и кивнул. С явной болью он опустился на колено передо мной и снова приложил ладонь ко лбу.

— Я приношу извинения, Чарли.

Я открыл рот, собираясь сказать *«нет проблем»*, но с языка слетело: «С радостью принимаю. Поднимись на ноги, Эммит».

Теперь они все смотрели на меня, и кое-кто из них (не Йота, не в тот раз) также приложили ладони к своим лбам. Не разболелись же у них головы, так что, должно быть, они отдавали честь. Они верили во что-то совершенно невероятное. И всё же…

— Умойся, Чарли, — сказал Галли. Он протянул руку к одному из вёдер. По непонятной мне причине Эрис ходила, пригибаясь, вдоль полки, водя руками по её нижней стороне. — Давай. Приведи себя в порядок.

— И волосы тоже, — сказал Йо. И когда я помедлил, сказал: — Всё в порядке. Им нужно увидеть. И мне тоже. — Затем добавил: — Я прошу прощения за то, что хотел набить тебе рот землёй.

Я сказал ему, что не в обиде, не потрудившись добавить, что в своей жизни я слышал много всякого. Это касалось не только спорта, это было частью жизни мужчины.

Я подошёл к одному из вёдер и отжал плавающую в нём тряпку. Вымыл лицо, шею, подмышки и живот. Я мучительно осознавал, что за мной наблюдали зрители. Когда я покончил с теми частями тела, куда мог дотянуться, Джайя попросила меня развернуться. Я так и сделал, и она помыла мою спину. Она бережно обошлась с рассечением, которым меня наградил Аарон за трюк на кольцах, но я всё равно поморщился.

— Неа, неа, — сказала Джайя. Её голос звучал ласково. — Не шевелись, Чарли. Мне нужно вымыть грязь из раны, чтобы она не загноилась.

Когда она закончила, то указала на одно из неиспользованных вёдер. Затем коснулась моих волос, но только на секунду, затем отстранилась, будто дотронулась до чего-то горячего.

Я посмотрел на Йоту для подтверждения. Он кивнул. Не долго думая, я схватил ведро и вылил

его себе на голову. Вода была такой холодной, что у меня перехватило дух, но это было приятно. Я запустил пальцы в волосы, выгребая кучу старой грязи и песка. Грязная вода собралась лужицей вокруг моих ног. Я зачесал волосы назад, как получилось. *«Становятся длинноваты,* — подумал я. — *Наверное, выгляжу, как хиппи»*.

Они уставились на меня, все тридцать. Некоторые даже с изумлением. У всех округлились глаза. Йо приложил тыльную сторону ладони ко лбу и преклонил колено. Остальные последовали его примеру. Сказать, что я был ошеломлён — ничего не сказать.

— Встаньте, — сказал я. — Я не тот, о ком вы подумали.

Вот только я не был в этом уверен.

Они поднялись. Йо подошёл и взялся за прядь моих волос, упавших на ухо. Он дёрнул за неё — ой! — и показал мне свою ладонь. Волоски, даже мокрые, ярко блестели в свете газовых фонарей. Почти как золотые гранулы мистера Боудича.

— А что насчёт моих глаз? — спросил я. — Какого они цвета?

Йота прищурился, оказавшись почти нос к носу со мной.

— Всё ещё ореховые. Но могут измениться. Ходи

с понурым взглядом как можно дольше.

— Ублюдкам это нравится, — сказал Стукс.

— Они *обожают* это, — добавил Фремми.

— Они придут за нами в любое время, — сказала Эрис. — Дай мне… прости принц Чарли, но я должна…

— Не называй его так! — сказал Том. — Никогда! Хочешь, чтобы его убили? Чарли, всегда только Чарли!

— Прости, — прошептала Эрис, — и прости за то, что сделаю, но я должна.

Она собрала много чёрного налёта из-под полки — смесь застарелого жира и грязи.

— Наклонись ко мне. Ты очень высокий.

«Ну конечно, — подумал я. — *Высокий, белокожий, теперь блондин, и, возможно, вскоре стану голубоглазым. Лихой принц прямо из диснеевского мультфильма»*. Не то чтобы я собирался лиходейничать, да и всё это казалось абсурдом. Разве диснеевский принц когда-либо размазывал дерьмо по лобовому стеклу или взрывал почтовый ящик бомбочкой?

Я наклонился. Очень нежно Эрис провела пальцами по моим волосам, снова пачкая их, делая темнее. Но не скажу, что прикосновение её пальцев к моей голове не вызвало у меня лёгкого

трепета. Судя по тому, как покрылись румянцем щёки Эрис, у неё тоже.

В дверь заколотили кулаком. Один из ночных стражей выкрикнул: «Время игры окончено! Выходите! Быстро, быстро! Не заставляйте меня повторять, детки!»

Эрис отступила назад. Она посмотрела на меня, затем на Йо, Джайю и Хэйми.

— Думаю, сойдёт, — тихо произнесла Джайя. Я надеялся на это. У меня не было желания снова отправиться в покои Верховного Лорда.

Или в камеру пыток. Попади я туда, меня бы заставили рассказать всё… и я бы рассказал. Для начала, откуда я пришёл. Кто помогал мне на моём пути и где они живут. Затем про то, кем меня считали мои товарищи по заключению. *Кем* я был.

Их блядским спасителем.

4

Мы вернулись в Глубокую Малин. Двери камер захлопнулись и заперлись по мановению вытянутых рук ночных стражей. Это был ловкий трюк. Интересно, что ещё они умели? Помимо передачи электрических разрядов по своему желанию.

Хэйми смотрел на меня выпученными глазами

со своей половины камеры — сидя так далеко от меня, как только мог. Я велел ему перестать таращиться, это меня нервировало. Он сказал: «Извини, при… Чарли».

— Тебе бы порепетировать, — сказал я. — Обещай, что постараешься.

— Обещаю.

— И тебе стоило бы крепче держать свои мысли при себе.

— Я никому не говорил о своих догадках.

Я оглянулся через плечо, увидел Фремми и Стукса, сидящих бок о бок и уставившихся на нас из своей камеры, и понял, как распространился слух. Некоторые истории (как вы, вероятно, и сами знаете) слишком хороши, чтобы не рассказать их.

Я подсчитывал количество больных мест на своём теле, когда сдвинулись четыре засова. Вошёл Перси с большим куском торта на металлической тарелке. *Шоколадный*, судя по виду. У меня стянуло желудок. Он отнёс торт по коридору к камере Эммита, которую тот делил с Галли.

Эммит просунул руку сквозь прутья и отщипнул приличный кусок. Он отправил его в рот, затем сказал (с явным сожалением): «Отдай остальное Чарли. Он побил меня палкой. Порвал,

как Тузик грелку».

Он сказал не совсем то, что я услышал. Так моя мама говорила после игры в джин[44] с её подругой Хеддой. Иногда Хедда «рвала» её, как грелку; иногда, как баян, или «делала, как ребёнка». Есть выражения, которые вы никогда не забудете.

Перси вернулся назад тем же путём, с тортом, от которого был отломлен немалый кусок, на тарелке. Его провожали вожделенные взгляды. Торт был таким большим, что Перси пришлось наклонить его, чтобы просунуть между прутьев решётки. Я прижал торт к тарелке, чтобы он не упал на пол, затем облизал с пальцев глазурь. Боже мой, как же это было вкусно — я до сих пор чувствую его вкус.

Я начал откусывать (пообещав себе, что поделюсь с Хэйми, может даже с комическими близнецами по соседству), затем помедлил. Перси продолжал стоять перед камерой. Когда он увидел, что я гляжу на него, то приложил тыльную сторону своей расплавленной ладони к своему серому лбу.

И преклонил колено.

---

[44] Примечания: 44
Карточная игра.

5

Я спал и мне снилась Радар.

Она бежала рысцой по Королевской дороге к ангару, где мы провели ночь перед входом в город. Время от времени она останавливалась и скуля искала меня. Один раз она чуть не повернула назад, но затем побежала дальше. *«Хорошая собака,* — подумал я. — *Спасись, если сможешь»*.

Сквозь облака показались луны. Волки начали выть, как по команде. Радар перешла с рысцы на полный бег. Вой стал громче, ближе. Во сне я видел низкие тени, крадущиеся по обе стороны Королевской дороги. У теней были красные глаза. *«Вот, где сон превращается в ночной кошмар»*, — подумал я, и велел себе проснуться. Я не хотел видеть, как стая волков — две стаи, по одной с каждой стороны — выскочит с улиц и переулков разрушенного пригорода и нападёт на моего друга.

Сон померк. Я слышал, как стонет Хэйми. Фремми и Стукс перешёптывались в соседней камере. Прежде чем я смог вернуться к реальности, произошла удивительная вещь. Облако темнее ночи катилось к Радар. Когда оно пролетело на фоне лун, то превратилось в кружево. Это были

бабочки-монархи. Они не летали по ночам, они должны были устроиться на ночёвку, но это же сон. Облако достигло моей собаки и зависло над ней на высоте пяти футов. Некоторые бабочки даже опустились ей на голову, на спину, и обновлённые сильные бёдра; их крылья медленно раскрывались и закрывались. Волки перестали выть, и я проснулся.

Хэйми склонился над дырой нужника в углу, спустив свои рваные штаны. Он держался за живот.

— Заглохни, а? — отозвался Йо со своего конца коридора. — Некоторые тут пытаются поспать.

— Сам заглохни, — тихо ответил я. Я подошёл к Хэйми. — Тебе плохо?

— Неа, неа, не очень. — Его вспотевшее лицо говорило об обратном. Внезапно раздался резкий пердёж и бульканье. — Ах, Боже, так-то лучше. Так лучше.

Поднялась ужасная вонь, но я схватил Хэйми за руку, чтобы он не упал, пока натягивал то, что осталось от его портков.

— О, Боже, там кто-то помер? — спросил Фремми.

— Кажется у Хэйми наконец-то отвалилась задница, — добавил Стукс.

— Тихо, — сказал я. — Вы оба. В хвори нет ничего смешного.

Они мигом заткнулись. Стукс начал прикладывать ладонь к своему лбу.

— Неа, неа, — сказал я (когда тебя сажают в тюрьму, ты мигом подхватываешь местный язык). — Не делай этого. Никогда впредь.

Я помог Хэйми вернуться на его тюфяк. Его лицо было изможденным и бледным. Мысль о том, что он будет биться с кем-то на так называемом «Честном», даже с Домми с его слабыми лёгкими, была нелепой.

Нет, неправильное слово. Страшной. Всё равно, что заставить попугая сразиться с ротвейлером.

— Еда не любит меня. Я тебе говорил. Раньше я был сильным, работал по двенадцать часов на лесопилке Бруки, иногда по четырнадцать, и никогда не просил лишнего отдыха. Потом… я не знаю, что случилось. Грибы? Неа, наерна нет. Скорее проглотил вредного жука. И теперь еда не любит меня. Сначала не было так плохо. Теперь — да. Знаешь, на что я надеюсь?

Я покачал головой.

— Надеюсь, что доживу до «Честного». Тогда я смогу умереть снаружи, а не потому, что у меня лопнет живот, пока я пытаюсь посрать в этой

гнилой поганой камере!

— Тебе стало плохо здесь?

Думаю, так и было. Ядовитые грибы убивают быстро, или, в конце концов, ему стало бы лучше. Но Глубокую Малин нельзя было назвать стерильным местом. Но Хэйми помотал головой.

— Думаю, по дороге из Цитадели. После появления серости. Иногда мне кажется, уж лучше бы это была серость.

— Как давно это было?

Он покачал головой.

— Не знаю. Прошли годы. Иногда я слышу, как этот жук жужжит здесь внизу. — Он потёр свой дряблый живот. — Суетится, поедает меня потихоньку. Медленно. *Мееедленно*.

Он вытер пот с лица.

— Здесь было только пять человек, когда они бросили нас с Джекой сюда. — Он указал вниз по коридору на камеру, которую Джека делил с Берндом. — С нами стало семеро. Число увеличивается… кто-то умирает, и оно уменьшается… но всегда снова растёт. Сейчас тридцать один. Балт был здесь до меня; возможно, он тут дольше всех… кто всё ещё жив… и он сказал, что тогда Летучий Убийца хотел шестьдесят четыре. Больше состязаний! Больше крови и мозгов на траве!

Келлин… должно быть… убедил его, что тот никогда не соберёт столько цельных, так что будет тридцать два. Йо говорит, если скоро не появится тридцать второй, Летучий Убийца приведёт Красную Молли, вместо того, чтобы оставить её на конец.

Это я знал. И хотя никогда не видел Красную Молли, я боялся её, потому что *видел* её мамашу. Но было то, чего я не знал. Я наклонился поближе к Хэйми.

— Элден — Летучий Убийца?

— Так они его зовут.

— У него есть другое имя? Он Гогмагог?

И тут я обнаружил огромную разницу — пропасть, бездну — между сказочным волшебством, вроде солнечных часов, обращающих время вспять, и сверхъестественным. Потому что *что-то произошло*.

Газовые фонари, которые как обычно гудели и источали лишь тусклый свет, внезапно вспыхнули ярко-голубыми пламенем, ярко осветив Глубокую Малин. Из некоторых камер донеслись вскрики страха и изумления. Я увидел Йоту у его решётчатой двери, прикрывающего ладонью глаза. Это длилось всего лишь секунду-другую, но я почувствовал, как каменный пол подо мной

вздыбился, а затем с глухим стуком опустился. С потолка посыпался песок. Стены застонали. Казалось, наша темница взвыла при звуке этого имени.

Нет.

Не *казалось*.

Она *действительно* взвыла.

Затем всё кончилось.

Хэйми обхватил меня своей тонкой рукой за шею, достаточно крепко, чтобы у меня перехватило дыхание. Он прошептал мне на ухо: *«Никогда не произноси это имя! Хочешь пробудить то, что спит в Тёмном Колодце?»*

Глава двадцать третья

Tempus est Umbra in Mente. Туманная история. Кла. Записка. Турнирная сетка.

1

Когда я был новичком в Хиллвью, я изучал латынь. Занимался этим, потому что изучение мёртвого языка показалось мне классной идеей; кроме того, папа сказал, что мама тоже учила латынь в той же школе и у той же учительницы, мисс Янг. Мама, по словам отца, считала её классной. К тому времени, когда подошла моя очередь, мисс Янг, преподающая ещё и французский, была уже немолода, но всё ещё классная. Группа насчитывала всего восемь человек и на второй год уроков латыни не было, потому что мисс Янг ушла на пенсию, и эту часть языковой программы закрыли.

В наш первый день мисс Янг спросила, знаем ли мы какие-нибудь латинские фразы. Карла Йоханссон подняла руку и сказала *«carpe diem»*, что означало «лови мгновенье». Больше желающих не нашлось, так что я поднял руку и повторил то, что обычно слышал от дяди Боба, когда ему нужно было куда-нибудь идти: *«tempus fugit»*, что означало «время летит». Мисс Янг кивнула, и когда больше никто не решился поднять руку, она назвала нам ещё пару фраз: *«ad hoc, de facto»* и *«bona fide»*. Когда урок закончился, она подозвала

меня, сказала, что хорошо помнит мою мать и ей жаль, что она ушла от нас так рано. Я поблагодарил её. Без слёз, ведь прошло шесть лет, но к горлу подступил комок.

— *Tempus fugit* — хорошее выражение, — сказала она, — но время не всегда летит, как знают все, кому когда-либо приходилось чего-то ждать. Но думаю, *tempus est umbra in mente* — лучше. Примерный перевод: время — это тень в сознании.

Я часто думал об этом в Глубокой Малин. Поскольку мы были заточены под землёй, единственным, что отличало день от ночи было то, что при дневном свете — где-то *там*, а не в нашем столь отдалённом месте — ночные солдаты приходили реже, их голубые ауры тускнели, а человеческие лица становились более заметны. По большей части это были несчастные лица. Усталые. Измождённые. Я задавался вопросом, не заключили ли эти существа, когда ещё были людьми, какую-то дьявольскую сделку, о которой теперь сожалеют, когда уже слишком поздно идти на попятную. Может быть, не Аарон и некоторые другие, и, определённо, не Верховный Лорд, но остальные? Возможно. Или, может, я хотел видеть то, чего не было.

Мне казалось, что в течение первой недели в

темнице я более-менее следил за временем, но после этого потерял счёт. Думаю, нас водили на стадион для игр каждые пять-шесть дней, но по большей части это были обычные тренировки, а не кровавые бои. Единственным исключением стал случай, когда Янно (извините, что продолжаю закидывать вас этими именами, но вы должны помнить, что кроме меня там было ещё тридцать узников) слишком сильно замахнулся боевой палкой на Эрис. Она пригнулась. Он промахнулся на фут и вывихнул себе плечо. Я не удивился. Янно, как и большинство моих товарищей, не походил на Дуэйна Джонсона, и то, что большую часть времени он провёл запертым в камере, не способствовало его укреплению. Я же упражнялся даже в камере; мало кто делал то же самое.

Другой узник, Фрид, вправил плечо Янно, когда нас завели в раздевалку. Он велел Янно сидеть смирно, взял его за локоть и дёрнул. Я услышал глухой щелчок, когда сустав Янно встал на место.

— Неплохо, — сказал я, когда нас вели обратно в Малин.

Фрид пожал плечами.

— Раньше я был врачом. В Цитадели. Много

лет назад.

Только он сказал не *«лет»*. Знаю, что говорил это раньше; *вы* знаете, что я говорил это раньше, но я должен объяснить — по крайней мере, попытаться — почему у меня никогда ничего не укладывалось в голове. Я всегда слышал *«лет»*, но когда задавал вопросы об Эмписе и использовалось это слово, казалось, что оно имеет разное значение для разных людей. Пока шли недели (проведённые с пользой), я получил примерное представление об истории Эмписа, но так и не разобрался во временной последовательности.

На папиных собраниях АА новичкам советовали вынуть вату из ушей и засунуть её себе в рот; учитесь слушать, чтобы вы могли слышать и познавать, говорят они. Иногда я задавал вопросы, но в основном развешивал уши и держал рот на замке. Они болтали (потому что делать больше нечего), они спорили о том, когда случилось то-то и то-то (и случалось ли оно вообще), они пересказывали то, что слышали от своих родителей и бабушек с дедушками. Картина начала обретать форму, туманную, но лучше, чем ничего.

Когда-то, давным-давно, монархия была *настоящей* монархией с настоящей армией, и, насколько я знаю, даже с флотом. Примерно та-

кой, я полагаю, была Англия во времена Якова, Карла и Генриха со всеми их жёнами. Древние короли Эмписа — не могу сказать, была когда-нибудь среди них королева; это одна из многих вещей, о которых я не знаю — предположительно были избраны высшими богами. Их власть была непререкаемой. Их самих тоже считали чуть ли не богами, и насколько я понял, так оно и было. Разве трудно поверить, что короли (и, возможно, члены их семей) могли левитировать, поражать врагов взглядом, или излечивать болезни прикосновением в стране, где жили русалки и великаны?

В какой-то момент правящей семьёй стали Галлиены. По словам моих товарищей по заключению, это случилось — как вы уже догадались — *много лет назад*. Но с течением времени, может, пять или шесть поколений спустя Галлиены начали ослаблять королевскую хватку. Во времена, предшествовавшие приходу серости, Эмпис была монархией только по названию: королевская семья по-прежнему имела вес, но больше не являлась единой и всеобъемлющей силой. Возьмём Цитадель. Док Фрид сказал, что ею управлял Совет семерых, члены которого избирались. Он говорил о Цитадели так, будто это был большой

важный город, но у меня сложилась картина маленького и богатого городка, который процветал благодаря торговле с Приморьем и Лилимаром. Возможно, другие города и княжества, такие как Деск и Уллум (по крайней мере, до того, как он погряз в религиозном безумии), были примерно такими же, со своей специализацией; их жители просто занимались своими делами.

Узники, большинство из которых стали моими друзьями — загруженными верой в то, что я некий волшебный принц — знали лишь немногое о Лилимаре и дворце. Это не являлось великим секретом, просто они жили своей жизнью в своих городах. Они платили дань королю Джану (Дабл вообще думал, что короля звали Джем, как то, что вы намазываете на хлеб), потому что требуемые суммы были умеренными, и армия — к тому времени значительно сокращённая и переименованная в королевскую гвардию — следила за дорогами и мостами. Дань также платилась некоторым людям, которых Том назвал наездными шерифами, а Эммит — поссменами (так я услышал). Жители Эмписа также платили дань, потому что Джан — *та-да!* — король, и потому, что люди склонны делать то, что требуют традиции. Возможно, они немного ворчали, как и все

люди в отношении налогов, а затем забывали об этом, пока снова не наступал эмписийский аналог 15-го апреля.[45] А как же магия, спросите вы? Солнечные часы? Ночные стражи? Здания, которые порой могли менять свою форму? Они принимались, как должное. Если вы находите это странным, представьте путешественника во времени, переместившегося из 1910 года в 2010-ый, в мир, где люди летают по небу на гигантских стальных птицах и ездят в автомобилях, развивающих скорость девяносто миль в час. Мир, где все разгуливали с мощными компьютерами в кармане. Или представьте человека, который видел всего несколько немых чёрно-белых фильмов, сидящего в первом ряду кинотеатра IMAX и смотрящего «Аватар» в 3-D.

Вы привыкаете к удивительному, вот и всё. Русалки и IMAX, великаны и мобильные телефоны. Если они существуют в вашем мире, вы живёте с этим. Замечательно, правда? Но стоит взглянуть на это под иным углом, и в некотором роде это становится ужасным. Думаете, Гогмагог страшен?

---

[45] Примечания: 45

День, когда декларации по индивидуальному подоходному налогу должны быть представлены федеральному правительству. С 1955 года налоговый день обычно приходится на 15 апреля или сразу после него.

Наш мир завален ядерными бомбами, которые потенциально могут привести к его концу, и если это не чёрная магия, тогда я не знаю, что.

2

В Эмписе короли приходили и уходили. Насколько я знал, забальзамированные тела Галлиенов хранились в одном большом сером здании, мимо которого мы с Радар прошли, следуя за инициалами мистера Боудича, к солнечным часам. Король Джан был помазан на царство с соблюдением обычных ритуалов. Балт утверждал, что это проходило с использованием священной золотой чаши.

Джека настаивал, что женой Джана была королева Клара, или Кара, но большинство считало, что её звали Кора, и они с Джаном были троюродными братом и сестрой. Никто из моих товарищей, казалось, не знал точно, сколько у них было детей. Некоторые говорили четверо, некоторые — восемь, а Эммит клялся, что их было десять. «Эти двое, должно быть, трахались, как королевские кролики», — сказал он. Судя по тому, что я узнал от лошади одной принцессы, они все ошибались — детей было семеро. Пять девочек и двое мальчиков. И вот тут история становилась

для меня довольно интересной, даже, можно сказать, актуальной, хотя и оставалась неприятно туманной.

Король Джан заболел. Его сын Роберт, который всегда был его любимцем, а также старшим из двух сыновей, ждал своего часа, готовый испить из священной чаши. (Я представил выгравированных по кругу бабочек.) Элден, младший из братьев, был почти отодвинут на задний план… но не Лия, которая боготворила его.

— Говорят он был уродливым хромоногим ублюдком, — как-то ночью сказал Домми. — И не с одной косолапой ногой, а с обеими.

— Весь в бородавках, — сказал Ока.

— С горбом на спине, — сказал Фремми.

— И с шишкой на шее, — добавил Стукс.

Интересно и даже примечательно, что они говорили об Элдене — уродливом, хромоногом, почти задвинутом на задний план принце — и о Летучем Убийце, как о двух разных людях. Или как о гусенице, которая превращается в бабочку. Как минимум часть королевской гвардии тоже трансформировалась, подумал я. В ночных стражей.

Элден ревновал к своему брату и ревность переросла в ненависть. Все, казалось, были со-

гласны с этим, а почему бы нет? Это классическая история соперничества отпрысков, которая была бы уместна в любой сказке. Я знал, что хорошие истории не всегда правдивы или не до конца правдивы, но эта была достаточно правдоподобной, поскольку такова человеческая природа. Элден решил взойти на трон, либо силой, либо хитростью, и отомстить своей семье. Если Эмпис в целом тоже пострадает, так тому и быть.

Пришла ли серость до или после того, как Элден стал Летучим Убийцей? Некоторые из моих товарищей утверждали, что «до», но я считал «после». Думаю, что каким-то образом он наслал её. Кое в чём я точно был уверен — в том, как он получил своё прозвище.

— Бабочки заполонили Эмпис, — сказал док Фрид. — Они затемняли небо.

Разговор шёл после тренировки, когда он вправил плечо Янно. Мы возвращались в темницу, шагая бок о бок. Док говорил тихо, почти шепотом. Было легче разговаривать, спускаясь по лестнице, и шли мы медленно, потому что устали. Его слова заставили меня вспомнить, как когда-то странствующие голуби затемняли небо Среднего Запада. Пока их всех не переловили. Но кто стал бы охотиться на бабочек-монархов?

— Они съедобны? — спросил я. В конце концов, именно поэтому странствующие голуби сказали «пока»; они были дешёвой пищей во время путешествий.

Фрид фыркнул.

— Монархи ядовиты, Чарли. Съешь одну и получишь только расстройство желудка. Съешь несколько и можешь умереть. Как я и сказал, они были повсюду, но особенно много их было в Лилимаре и его пригородах.

Он сказал *«пригородах»* или *«окрестностях»*? Смысл был общий.

— Люди выращивали молочай в своих садах, чтобы личинки могли им питаться, и цветы, чтобы бабочки пили нектар, когда вылупятся. Считалось, что они приносят удачу королевству.

Я подумал о всех изуродованных статуях, которые видел: распростёртые крылья, превращённые в щебень.

— История гласит, что как только семья Элдена была убита и остался только он один, он прошёлся по улицам в красной мантии с белоснежным горностаевым воротником, и с золотой короной Галлиенов на голове. Небо было тёмным от бабочек, как обычно. Но каждый раз, когда Элден возводил руки, тысячи их падали замертво. Когда

люди бежали из города — некоторые остались, преклонившись и поклявшись в верности — они бежали через кучи мёртвых бабочек. Говорят, что внутри городских стен эти кучи достигали десяти футов в высоту. Миллионы мёртвых бабочек-монархов с их яркими красками, потускневшими до серого цвета.

— Это ужасно, — сказал я. К тому времени мы почти вернулись. — Ты в это веришь?

— Я знаю, что они также умирали в Цитадели. Я своими глазами видел, как они падали с неба. Остальные скажут тебе то же самое. — Он вытер глаза, затем посмотрел на меня. — Я бы многое отдал, чтобы увидеть бабочку, пока мы на этом игровом поле. Всего одну. Но, полагаю, они все пропали.

— Нет, — сказал я. — Я их видел. Великое множество.

Фрид взял меня за руку; его хватка была на удивление сильной для маленького человека — хотя, если придёт «Честный», я не думал, что док протянет дольше, чем Хэйми. — Это правда? Ты клянёшься?

— Да.

— Теперь поклянись именем своей матери!

Один из надзирателей оглянулся, нахмурился

и сделал угрожающий жест своей гибкой палкой, прежде чем снова отвернуться.

— Клянусь именем моей матери, — произнёс я тихим голосом.

Бабочки не исчезли, как и Галлиены — по крайней мере, не все из них. Они были прокляты той силой, которая теперь жила в Элдене — той же самой, которая, как я предположил, превратила ближайшие пригороды в руины — но они живы. Хотя я не сказал этого Фриду. Это могло быть опасно для нас обоих.

Я вспомнил рассказ Вуди о том, как Хана преследовала остатки его семьи до городских ворот, и как она отсекла голову племяннику Вуди, Алоису.

— Когда появилась Хана? *Почему* она появилась, если великаны живут на севере?

Док покачал головой. «Я не знаю».

Я подумал, что, возможно, Хана гостила у родных в Кратчи, когда мистер Боудич предпринял свою последнюю экспедицию за золотом, но точно сказать было невозможно. Он был мёртв, и как я сказал, история Эмписа оставалась туманной.

В ту ночь я долго лежал без сна. Я не думал об Эмписе, бабочках или Летучем Убийце. Я думал о своем отце. Скучал по нему и переживал за него.

Насколько я знал, он мог подумать, что я погиб, как и моя мама.

3

Время бежало незаметно и неисчислимо. Я собирал свои крохи информации, хотя и не знал для какой цели. И вот однажды мы вернулись с тренировки, чуть более трудной, чем остальные за последнее время, и обнаружили в камере Йоты бородатого мужчину, намного крупнее меня, Домми или самого Йоты. На нём были грязные короткие штаны и такая же грязная полосатая рубашка с обрезанными рукавами, демонстрирующими груду мышц. Он сидел на корточках в углу, подтянув колени к ушам, как можно дальше от синего свечения, окутывающего камеру. Его источником был Верховный Лорд.

Келлин поднял руку. Жест был почти ленивым, но пара ночных стражей, ведущих нас, сразу остановилась и встала по стойке смирно. Мы все остановились. В тот день Джайя оказалась рядом со мной, и её рука скользнула в мою. Она была очень холодной.

Келлин вышел из камеры Йо и оглядел нас.

— Мои дорогие друзья, я хочу представить вам вашего нового соплеменника. Его зовут Кла. Его

нашли на берегу озера Ремла после того, как его маленькая лодка дала течь. Он чуть не утонул, ведь так Кла?

Кла ничего не ответил, только взглянул на Келлина.

— Отвечай мне!

— Да. Я чуть не утонул.

— Попробуй ещё раз. Обращайся ко мне: Верховный Лорд.

— Да, Верховный Лорд. Я чуть не утонул.

Келлин повернулся к нам.

— Но он был спасён, мои дорогие друзья, и как вы можете видеть, на нём нет и пятнышка серости. Только грязь. — Келлин хихикнул. Это был отвратительный звук. Джайя сжала мою ладонь. — В Глубокой Малин не принято представляться, как вы, без сомнения, знаете, но мне показалось, что мой новый дорогой друг Кла заслуживает этого, потому что он наш тридцать второй гость. Разве не замечательно?

Все молчали.

Келлин указал на одного из ночных стражей во главе нашей невезучей процессии, затем на Бернда, который стоял впереди рядом с Эммитом. Ночной солдат ударил Бернда по шее своей палкой. Бернд вскрикнул, упал на колени и прижал

ладонью выступившую кровь. Келлин наклонился к нему.

— Как тебя зовут? Я не буду извиняться за то, что забыл. Вас тут так много.

— Бернд, — выдавил он. — Бернд из Ци…

— Нет такого места — Цитадель, — произнёс Келлин. — Не теперь и никогда впредь. Просто Бернд. Так, скажи мне Бернд из Неоткуда, разве это не замечательно, что король Элден, Летучий Убийца, теперь имеет тридцать два? Отвечай громко и гордо!

— Да, — сказал Бернд. Между его сжатых пальцев сочилась кровь.

— *Что* «да»? — И затем, будто учил маленького ребёнка читать: — За… за… за…? Теперь громко и гордо!

— Замечательно, — сказал Бернд, глядя вниз на мокрые камни коридора.

— Женщина! — воскликнул Келлин. — Ты, Эрин! Ты — Эрин?

— Да, Верховный Лорд, — ответила Эрис. Она бы ни за что не осмелилась поправить его.

— Разве это не замечательно, что Кла присоединился к нам?

— Да, Верховный Лорд.

— Насколько замечательно?

— Очень замечательно, Верховный Лорд.

— Это твоя манда так воняет или твоя жопа, Эрин?

Лицо Эрис было непроницаемым, но её глаза горели. Она опустила их, что было мудро.

— Вероятно, и то и другое, Верховный Лорд.

— Да, я тоже так думаю. Так, теперь ты, Йота. Подойди.

Йота шагнул вперёд, почти вплотную к защитному голубому свечению, окружавшему Келлина.

— Ты рад появлению сокамерника?

— Да, Верховный Лорд.

— Разве это не за… за…? — Келлин взмахнул белой рукой, и я понял, что он счастлив. Нет, не просто счастлив, а улетел на луну от счастья. Или, учитывая, где мы находились, на *луны*. Почему бы нет? Ему была поставлена задача сбора, и теперь он её выполнил. Я также понял, насколько сильно ненавижу его. И я авансом ненавидел Летучего Убийцу.

— Замечательно.

Келлин медленно потянулся к Йоте, который попытался устоять на месте, но отпрянул, когда рука оказалась меньше, чем в дюйме от его лица. Я услышал, как потрескивает воздух, и увидел,

как волосы Йо зашевелились в ответ на ту силу, которая поддерживала жизнь в Келлине.

— Замечательно что, Йота?

— Замечательно, Верховный Лорд.

Келлин получил свою долю веселья. Он нетерпеливо прошёл сквозь нас. Мы попытались отбежать, но некоторые из нас оказались недостаточно быстры и попали под его ауру. Они упали на колени, некоторые молча, некоторые со стонами от боли. Я оттолкнул Джайю с дороги Келлина, но моя рука вошла в голубую оболочку вокруг него, и обжигающая боль пробежала по плечу, сковывая мышцы. Прошли долгие минуты, прежде чем они расслабились.

«Им стоит отпустить серых рабов и запустить свой старый генератор от этого тока», — подумал я.

У двери Келлин развернулся к нам лицом, топнув ногой, как прусский инструктор по строевой подготовке.

— Послушайте меня, дорогие друзья. За исключением некоторых изгнанников, которые не имеют значения, и нескольких беглых цельных людей, сбежавших, возможно, в первые дни правления Летучего Убийцы, вы — последние представители королевской крови, разбавленной

развратниками, мошенниками и насильниками. Вы будете служить в угоду Летучему Убийце, и это случится скоро. Время игр закончилось. В следующий раз, когда вы ступите на Поле Элдена, бывшее Поле Монархов, это будет первый раунд «Честного».

— Как насчёт него, Верховный Лорд? — спросил я, указав на Кла рабочей рукой. — Разве у него не будет возможности потренироваться?

Келлин посмотрел на меня с лёгкой улыбкой. Позади его глаз я видел пустые глазницы его черепа.

— Ты потренируешь его, малыш. Он пережил озеро Ремла, и переживёт тебя. Посмотри на его размеры! Неа, неа, когда начнётся второй раунд, ты не будешь участвовать, мой нахальный друг, а я буду рад избавиться от тебя.

С этими ободряющими словами он ушёл.

4

В тот вечер на ужин были стейки. Их почти всегда давали после игры. Перси катил свою тележку по коридору, бросая наполовину приготовленное мясо в наши камеры — шестнадцать камер, в каждой теперь по двое узников. Перси снова поднёс свою уродливую руку ко лбу и бросил

мне мой кусок. Быстрый и скрытный жест, но ошибиться было невозможно. Кла поймал свой стейк налету и сел в углу, держа полусырое мясо в руках и отрывая от него куски. *«Какие же у тебя большие зубы»*, — подумал я.

Хэйми откусил несколько символических кусочков от своей порции, затем предложил мне. Я отказался.

— Ты можешь съесть больше.

— И для чего? — спросил он. — Зачем есть, страдать от схваток в животе, а потом всё равно умереть?

Я обратился к приобретённой мудрости моего отца: «День за днём». Как будто в Малин существовали дни, но ради меня Хэйми съел ещё несколько кусочков. Как-никак я был наречённым принцем, сказочным НП. Хотя единственная магия во мне была связана с таинственным изменением волос и цвета глаз, и я не мог её контролировать и пользоваться ею.

Йо спросил Кла о том, как тот чуть не утонул. Кла не ответил. Фремми и Стукс хотели знать, откуда тот родом и куда держал путь — было ли это какое-то безопасное прибежище? Кла не ответил. Галли хотел знать, как долго тот исхитрялся прятаться? Кла не ответил. Он съел своё мясо и

вытер жирные пальцы о полосатую рубашку.

— Не очень-то ты любишь разговаривать без присутствия Верховного Лорда, да? — спросил Дабл. Он стоял перед решёткой камеры, которую делил с Берндом, чуть дальше от моей. В руках он держал последний кусок своего стейка — который, как я знал, прибережёт на потом, если проснётся ночью. Тюремная рутина печальна, но проста.

Кла ответил из своего угла, не вставая и не поднимая глаз.

— Зачем мне говорить с тем, кто скоро умрёт? Я понимаю, что будет какое-то состязание. Очень хорошо. Я выиграю. Если дают награду, я её заберу и отправлюсь восвояси.

Мы приняли это в ошеломлённом молчании.

Наконец Фремми сказал: «Он не понимает».

— Получил неверные сведения, — сказал Стукс. — Или, может быть, у него в ушах вода и он плохо слышит.

Йота зачерпнул из своего ведра, напился, вскочил на решётку своей камеры, которая до сегодняшнего дня была одиночной, напрягая мышцы и тряся прутья, как обычно, затем отпустил их и повернулся лицом к здоровенному увальню, скрючившемуся в углу.

— Давай я тебе кое-что объясню, Кла, — сказал он. — *Проясню* ситуацию. «Честный» — это турнир. Такие турниры часто проводились на Поле Монархов во времена правления Галлиенов, и посмотреть на них собирались тысячи людей. Они прибывали отовсюду, даже, как говорят, великаны из Кратчи. Участниками обычно были члены королевской гвардии, хотя обычные люди тоже могли участвовать, если хотели проверить твёрдость своих черепов. Соревновались до крови, и участников часто уносили с поля без сознания, но это в старой версии, задолго до Галлиенов, когда Лилимар был всего лишь деревенькой не больше, чем Деск.

Кое-что из этого я знал, но даже по прошествии долгих дней и недель, не всё. Я внимательно слушал. Как и остальные, потому что здесь, в темнице, не часто обсуждали «Честный». Это было табу, как, я полагаю, в прежние времена электрический стул, а сейчас — смертельная инъекция.

— Шестнадцать из нас будут сражаться с шестнадцатью другими. До самой смерти. Без пощады, без отговорок. Любой, кто откажется биться, окажется на дыбе, в железной деве, или растянется на страппадо, как конфета тянучка. Ты понимаешь?

Кла сидел в своём углу, будто задумавшись.

Наконец, он сказал:

— Я буду сражаться.

Йо кивнул.

— Да, кажется, что ты это можешь, когда перед тобой не стоит Верховный Лорд или не захлёбываешься в озёрной воде. Шестнадцать бьются снова, пока их не станет восемь. Те бьются до четверых. Из них останутся двое.

Кла кивнул.

— Я буду одним из них. И когда второй упадёт замертво у моих ног, я получу свою награду.

— Конечно, получишь, — сказал Хэйми. Он подошёл ко мне. — В старые времена наградой был мешок золота и, как говорят, пожизненное освобождение от королевских сборов. Но то было в старые времена. Твоей наградой станет бой с Рыжей Молли. Она великанша и слишком большая для специальной ложи, где сидят лизоблюды Летучего Убийцы, но я много раз видел её стоящей внизу. Ты большой, семь футов, насколько я могу судить, но рыжая сука больше.

— Она меня не поймает, — сказал Шустро. — Она медленная. Я быстрый. Шустрым не называют без причины.

Никто не сказал очевидного: быстрый или нет, тощий Шустро выбыл бы задолго до того, как

кому-либо из нас повезло встретиться лицом к лицу с Рыжей Молли.

Кла сидел, обдумывая услышанное. Наконец, он встал, большие колени хрустнули, как сучки в огне, и подошёл к ведру с водой. Он сказал:

— Я побью и её. Буду бить, пока её мозги не вылезут через рот.

— Допустим, ты победишь её, — сказал я.

Он повернулся ко мне.

— Но это всё равно будет не конец. Убьёшь дочь — скорее всего, нет, но допустим — и у тебя не будет ни единого шанса против её матери. Я её видел. Это сраная Годзилла.

Конечно, это не то слово, которое я произнёс, но что бы я ни сказал, в других камерах раздался ропот согласия.

— Вас всех били, пока вы не начали бояться своей собственной тени, — сказал Кла, возможно, позабыв, что, когда Келлин велел Кла обращаться к нему «Верховный Лорд», он мигом подчинился. Разумеется, Келлин и остальные ночные солдаты — это другое дело. У них были эти ауры. Я вспомнил, как у меня сковало мышцы, когда Келлин дотронулся до меня.

Кла взял ведро с питьевой водой. Йота схватил его за руку.

— Неа, неа! Используй кружку, дубина! Перси больше не принесёт воды, пока…

Я никогда не видел, чтобы такой крупный мужчина, как Кла, двигался так быстро, даже в повторах по «И-Эс-Пи-Эн Классик» с Шакилом О'Нилом, когда в студенческие годы тот играл за Университет штата Луизиана — даже при росте в семь футов и весе в триста двадцать фунтов у Шака были потрясающие движения.

Ведро находилось у губ Кла и приближалось. Через секунду, или так показалось, оно прогрохотало по каменному полу, расплескав воду. Кла повернулся. Йо лежал на полу, опираясь на одну руку. Другой он держался за горло. Его глаза выпучились. Он хватал ртом воздух. Кла наклонился и поднял ведро.

— Если ты убьёшь его, тебе это дорого обойдётся, — сказал Янно. Затем обнадеживающе добавил: — И не будет «Честного».

— Будет, — печально произнёс Хэйми. — Летучий Убийца не станет ждать. Место Йо займёт Рыжая Молли.

Но Йо не был убит. В конце концов он поднялся на ноги, доковылял до своего тюфяка и улёгся на него. Следующие два дня ему приходилось шептать. Пока не появился Кла, Йо был самым

большим из нас, самым сильным; можно было ожидать, что он всё ещё будет стоять на ногах, когда кровавое состязание под названием «Честный» подойдет к концу, но до этого я никогда не видел, чтобы его свалил один удар по горлу.

Кто мог противостоять человеку, который мог сделать это в первом же раунде состязаний?

Зная Келлина, полагаю, этой чести удостоился бы я.

5

Мне часто снилась Радар, но как-то ночью, после того, как Кла свалил с ног Йоту, мне приснилась принцесса Лия. На ней было красное платье с талией в стиле ампир и плотно облегающим лифом. Из-под подола выглядывали красные туфли в тон платью, пряжки которых украшали бриллианты. Её волосы были забраны назад и стянуты витиеватой нитью жемчуга. На округлой груди висел кулон в форме бабочки. Я сидел рядом с ней, одетый не в лохмотья, в которых пришёл в Эмпис со своей умирающей собакой, а в тёмный костюм с белой рубашкой. Костюм был бархатный. Рубашка — шёлковой. На ногах у меня были замшевые сапоги с загнутым голенищем наподобие тех, что у мушкетёров Дюма

на иллюстрациях Говарда Пайла. Обувь, без сомнения, из коллекции Доры. Неподалёку паслась умиротворённая Фалада, в то время как серокожая служанка Лии расчёсывала ей волосы.

Мы с Лией держались за руки и смотрели на наши отражения в неподвижной луже воды. У меня были длинные и золотистые волосы. Моя небольшая угреватость исчезла. Я был красив, и Лия была красива, особенно потому, что её рот вернулся на место. На её губах лёгкая улыбка. В уголках её рта были ямочки, но никаких признаков язв. Скоро, если сон продолжится, я поцелую эти красные губы. Даже во сне я понял, что это: финальная сцена диснеевского мультфильма. В любой момент лепесток мог упасть в лужу, вызвав рябь и заставив наши отражения дрогнуть, когда губы воссоединившихся принца и принцессы встретятся и зазвучит музыка. Никакой тьме не позволено будет омрачить идеальный финал сказки.

Только одна вещь была не на своём месте. На коленях принцесса держала фиолетовый фен. Я не мог ошибиться, хотя мне было всего семь лет, когда погибла моя мама. Все её полезные вещи, включая фен, отправились в «Гудвил Стор», потому что, по словам моего отца, каждый раз, когда

он смотрел на то, что называл её «женскими штуками», у него снова щемило сердце. Я был не против, что он отдал большую часть маминых вещей; я только попросил оставить её духи и ручное зеркальце. Отец согласился. Они всё ещё стояли у меня дома на комоде.

Мама называла свой фен Фиолетовой Лучевой Пушкой Смерти.

Я открыл рот, спросить Лию, зачем ей мамин фен, но прежде чем успел это сделать, её служанка сказала: «Помоги ей».

— Я не знаю как, — ответил я.

Лия улыбнулась своим новым и безупречным ртом. «Ты быстрее, чем думаешь, принц Чарли».

Я начал объяснять ей, что я не такой уж быстрый, вот почему я играл на линии в футболе и на первой базе в бейсболе. Правда, я продемонстрировал некоторую скорость в «Тёрки Боул» против Стэнфорда, но это было короткое и наполненное адреналином исключение. Однако, прежде чем я успел что-либо сказать, что-то ударило меня по лицу, и я мигом проснулся.

Это оказался ещё один стейк, маленький, едва ли больше клочка. Перси зашаркал по коридору, бросая такие же маленькие куски в другие камеры, приговаривая: «Оф'уатки, оф'уатки» Что, как я

предположил, на его языке означало *«остатки»*.

Хэйми храпел, измученный игрой и своей обычной борьбой после ужина за опорожнение кишечника. Я взял свой маленький кусочек стейка, сел, прислонившись спиной к стене камеры и откусил от него. Что-то хрустнуло у меня под зубами. Я взглянул и увидел засунутый в ломтик мяса кусок бумаги, едва ли больше того, которые кладут в печенье с предсказаниями. Достал его. Мелким и ровным почерком образованного человека там было написано:

«Мой принц, я помогу, если смогу. Отсюда есть выход через комнату ЧИНОВНИКОВ. Это опасно. Уничтожь записку, если тебе дорога моя жизнь. К твоим услугам, ПЕРСИВАЛЬ».

«Персиваль, — подумал я. — *Не Перси, а Персиваль. Не серый раб, а настоящий человек с настоящим именем»*.

6

На следующий день у нас на завтрак были сосиски. Мы все понимали, что это означает. Хэйми посмотрел на меня опустошёнными глазами и улыбнулся: «По крайней мере, я перестану мучиться болями в животе. И напрягаться, чтобы

посрать. Ты хочешь сосиски?»

Я не хотел, но взял четыре штуки, надеясь, что они придадут мне немного дополнительной энергии. Сосиски свинцом упали в мой желудок. Из камеры на другой стороне коридора на меня смотрел Кла. Нет, не так. Он сверлил меня взглядом. Йота пожал плечами, как бы говоря: *«Что поделать»*. Я пожал плечами в ответ: *«И правда»*.

Оставалось только ждать. У нас не было возможности следить за временем, но казалось, что оно замедлилось. Фремми и Стукс сидели бок о бок в своей камере. Фремми сказал: «Остаётся только ждать, старина, пока они не поставят нас друг против друга».

Я подумал, так и будет. Потому что это жестоко. Или, по меньшей мере, неправильно.

Как раз в тот момент, когда я уже начал верить, что это случится не сегодня, появились четверо ночных солдат во главе с Аароном. Он всегда присутствовал на поле во время игры, размахивая своей гибкой палкой, как дирижёрской палочкой, но он впервые пришёл в Глубокую Малин с тех пор, как отвёл меня на встречу с Верховным Лордом. И, конечно же, когда показал камеру пыток.

Двери камер с грохотом открылись на своих ржавых направляющих.

— Выходите! Выходите, малыши! Хороший день для половины из вас, и плохой для остальных!

Мы вышли из камер… все, кроме худощавого лысеющего мужчины по имени Хэтча.

— Я не хочу, — сказал он. — Я болен.

Один из ночных стражей подошёл к нему, но Аарон махнул ему рукой. Он стоял в проёме камеры Хэтчи, которую тот делил с парнем по имени Куилли, родом из Деска. Куилли отпрянул, но аура Аарона задела его. Куилли тихо вскрикнул и схватился за руку.

— Ты Хэтча, из места, которое когда-то называлось Цитаделью, я прав?

Хэтча кивнул с жалким видом.

— И ты болен. Наверное, это сосиски?

— Может быть, — ответил Хэтча, не отрывая глаз от своих узловатых трясущихся рук. — Скорее всего.

— И тем не менее, как я вижу, ты съел их все.

Хэтча ничего не ответил.

— Слушай сюда, малыш. Либо «Честный», либо железная дева. Я лично позабочусь, чтобы ты посетил эту леди, и визит этот станет очень долгим. Я медленно закрою дверь. Ты почувствуешь, как шипы вонзаются в твои веки… потихоньку… прежде, чем проткнут их насквозь. И твой

желудок! Не такой мягкий, как твои глаза, но достаточно мягкий. То, что осталось от твоих сосисок, будет вытекать, пока ты будешь кричать. Как тебе такое лечение?

Хэтча застонал и спотыкаясь вышел из камеры.

— Отлично! Все готовы! — воскликнул Аарон. — Мы отправляемся на игры! Вперёд, вперёд, вперёд! Нас ждёт веселье!

Мы двинулись вперёд.

Пока мы совершали восхождение, которое повторяли много раз до этого — но никогда не знали, что вернётся только половина из нас — я вспомнил свой сон. То, что сказала Лия: *«Ты быстрее, чем думаешь, принц Чарли»*.

Я вовсе не чувствовал себя быстрым.

7

Вместо того, чтобы идти прямо на поле, нас провели в раздевалку, куда мы обычно приходили после тренировки. Только в этот раз там присутствовал Верховный Лорд, блистающий в парадной форме, сине-чёрной под его свечением. Которое было сильнее обычного по такому случаю. Я раньше размышлял, откуда берётся энергия, питающая их ауры, но в тот день подоб-

ные вопросы отошли на второй план.

На полке, где прежде стояло тридцать одно ведро для мытья после игры, теперь осталось только шестнадцать, потому что лишь шестнадцать человек будут умываться после празднества. Перед полкой на мольберте стоял большой щит с надписью **«ПЕРВЫЙ РАУНД „ЧЕСТНОГО“»** в шапке. Ниже шёл попарный список участников. Я прекрасно его помню. Думаю, что в такой ужасной ситуации человек либо запоминает всё… либо вообще ничего. Я прошу прощения за то, что вываливаю на вас всё больше новых имён, но я должен, хотя бы по той причине, что те, с кем я делил заключение, заслуживают, чтобы их помнили, хотя бы недолго.

— Здесь вы видите боевой состав, — сказал Келлин. — Я ожидаю, что все вы устроите достойное зрелище для Его Величества Элдена. Вы поняли?

Никто не ответил.

— Вы можете столкнуться с тем, кого считаете другом, но дружба больше не имеет значения. Каждое состязание идёт насмерть. *Насмерть*. Повергнув вашего противника, но не убив его, вы оба только заслужите гораздо более мучительную смерть. Вы поняли?

Лишь один Кла решился ответить.

— Да. — Сказав это, он посмотрел на меня и провёл большим пальцем по своей толстой шее. И улыбнулся.

— Первая группа скоро выйдет на поле. Будьте готовы.

Он ушёл. Остальные ночные стражи последовали за ним. Мы молча разглядывали щит.

ПЕРВЫЙ РАУНД «ЧЕСТНОГО»

Первая группа

Фремми против Мёрфа
Джайя против Хэйми
Эммит против Уэйла

Вторая группа

Янно против Фрида
Джека против Йоты
Мизел против Сэма

Третья группа

Том против Балта
Домми против Кэммита
Бендо против Шустро

ПОЛДЕНЬ

Четвёртая группа

Дабл против Эвы
Стукс против Хэтча
Паг против Куилли

Пятая группа

Бернд против Галли
Хилт против Оки
Эрис против Виза

Шестая группа

Кла против Чарли

Я видел подобные сетки не только по ТВ во время отборочного тура НАСС, но и лично, когда каждую весну на каждом поле афиши объявляли матчи турнира «Аркадиа-Бэйб-Рут». Список сам по себе был довольно несусветным, но самым нереальным элементом казалось единственное слово в середине: «ПОЛДЕНЬ». Летучий Убийца и его свита собирались понаблюдать за смертью девятерых узников… а затем насладиться обедом.

— Что будет, если мы все откажемся? — спросил Эммит задумчивым тоном, которого я никак не ожидал от парня, выглядевшего так, будто он когда-то зарабатывал на хлеб и сыр, подковывая лошадей. И ушатывал их, если они отказывались стоять смирно. — Просто спрашиваю.

Ока, крупный парень с близоруким прищуром, рассмеялся.

— Ты имеешь в виду забастовку? Как мукомолы во времена моего отца? Хочешь лишить Летучего Убийцу его дневных развлечений? Я думаю, что лучше доживу до завтра, чем проведу этот день, крича в агонии. Спасибо большое.

И я думал, что Ока, скорее всего, доживёт до завтра, учитывая, что ему выпало драться с тощим маленьким Хилтом с увечной ногой. Ока мог выбыть во втором раунде, но если он победит сегодня, то проживёт достаточно, чтобы потом помыться и съесть ужин. Я огляделся и увидел на многих лицах те же мысли. Однако не у Хэйми. Бросив один взгляд на щит, он подошёл к скамейке и теперь сидел там, повесив голову. Мне было невыносимо видеть его таким, и я ненавидел тех, кто поставил нас в такое ужасное положение.

Я снова посмотрел на щит. Я ожидал увидеть Фремми против Стукса, а двух женщин, Джайю и Эрис, друг против друга — девчачий бой, что может быть забавнее? Но нет. По-видимому, в сетке не было никакой логики. Будто тыкали пальцем в небо. За исключением последнего боя. Только мы вдвоём под конец дня.

Кла против Чарли.

Глава двадцать четвёртая

Первый раунд. Последняя группа. Мой принц. «А ты как думаешь?»

1

жайя села рядом с Хэйми на скамейку и взяла его за руку, которая безвольно лежала в её ладони.

— Я этого не хочу.

— Я знаю, — сказал Хэйми, не глядя на неё. — Всё в порядке.

— Может быть, ты победишь меня. Знаешь, я не такая сильная — не как Эрис.

Дверь открылась и вошли двое ночных стражей. Они выглядели настолько возбуждёнными, насколько возможно для живых трупов, их ауры пульсировали, как будто внутри тел всё ещё бились мёртвые сердца.

— Первая группа! Живей, живей! Не заставляйте Его Величество ждать, малыши! Он занял своё место!

Сначала никто из них не пошевелился, и на какое-то дикое мгновение я почти поверил, что случится забастовка Эммита… пока не подумал о последствиях для забастовщиков. Ещё раз посмотрел на щит, удостовериться, что каким-то чудом список не изменился. Первые шесть человек поднялись: Фремми и Мёрф, Эммит и невысокий коренастый парень по имени Уэйл,

Хэйми и Джайя. Она держала его за руку, когда они выходили, сжавшись, чтобы избежать свечения ночного стража, стоящего к ней ближе всех.

Во времена правления Галлиенов при появлении бойцов разнеслись бы предвкушающие возгласы стадиона. Я напряг слух и мне показалось, что я услышал слабые всплески аплодисментов, но это могло быть лишь моё воображение. Скорее всего. Потому что трибуны Поля Элдена (бывшего Поля Монархов) были почти полностью пусты. Мальчик, которого я встретил по пути сюда, оказался прав: Лилимар стал одержимым городом, местом, где остались только мертвецы, живые мертвецы и их жополизы.

И никаких бабочек.

Не будь ночных стражей, побег был бы возможен, подумал я. Потом я вспомнил, что нужно принимать во внимание пару великанш… и самого Летучего Убийцу. Я не знал, как он теперь выглядит, какую мог претерпеть трансформацию, но одно ясно: он больше не был косолапым младшим братом Лии, с горбом на спине или шишкой на шее.

Прошло время. Трудно сказать, сколько. Некоторые из нас воспользовались нужником, включая меня. Ничто так не вызывает желания

облегчиться, как страх смерти. Наконец, дверь открылась и вошёл Эммит. На его левой волосатой руке кровоточил порез. В остальном он выглядел в порядке.

Мизел поспешил к нему, как только неживой эскорт Эммита отступил назад.

— Как всё прошло? Уэйл и правда…

Эммит толкнул его так сильно, что Мизел растянулся на полу.

— Я вернулся, а он нет. Это всё, что я могу сказать, и всё, что вам нужно услышать. Отстаньте от меня.

Он подошёл к скамье, сел и обхватил руками свою склонённую голову. Эту позу я много раз видел на бейсбольных полях, чаще всего, когда питчер пропускал ключевой удар и вылетал. Поза проигравшего, а не победителя. И, конечно, мы все станем проигравшими, если что-нибудь не произойдет.

Спаси её, прошептала мне служанка Лии. И должен ли я теперь спасать их всех просто потому, что мои волосы стали светлыми под слоями грязи? Это абсурд. Кла продолжал сверлить меня взглядом. Он по-прежнему намеревался дожить до ужина.

Случись последний на сегодня поединок, я не

смог бы спасти даже себя.

Следующим, кто вернулся, был Мёрф. Один его глаз заплыл, а правое плечо рубашки пропиталось кровью. Стукс увидел его, понял, что его комического партнёра больше нет, тихо вскрикнул и закрыл глаза.

Мы ждали, глядя на дверь. Наконец, она открылась и вошла Джайя. Она была бледна, как полотно, но, казалось, без ранений. По щекам текли слёзы.

— Мне пришлось, — сказала она. Не только мне, всем нам. — Мне пришлось или они убили бы нас обоих.

2

Была объявлена вторая группа: Янно сразится с доком Фридом, Йота сразится с Джекой, Мизел сразится с Сэмом. Когда они ушли, я сел рядом с Джайей. Она не взглянула на меня, но слова лились из неё, как будто, если бы она сдержалась, у неё внутри могло что-то разорваться.

— На самом деле он не мог сражаться, ты знаешь, в каком он состоянии, в каком *был* состоянии, но он устроил из этого зрелище. Думаю, ради меня. Они жаждали крови, ты услышишь это, когда придёт твоя очередь; орали, чтобы он

забил эту суку, орали, чтобы я встала у него за спиной и всадила нож ему в шею…

— Там есть *ножи*? — спросил я.

— Нет, копья с короткими рукоятками. А также перчатки с шипами на костяшках. Они лежат на столе, где стояли чашки во время наших тренировок. Они хотят ближнего боя, хотят увидеть как можно больше ножевых ударов, прежде чем кто-то упадёт, но я взяла одну из дубин… — Она изобразила замах.

— Боевых палок.

— Да. Мы ходили кругами. Фремми был мёртв, с перерезанным горлом, и Хэйми чуть не поскользнулся в крови. Уэйл лежал на дорожке.

— Ага, — произнёс Эммит, не поднимая глаз. — Тупой засранец хотел сбежать.

— Мы остались последними. Тогда Аарон сказал «ещё пять минут», и тогда мы оба будем лежать на земле. Он видел, что мы не очень-то стараемся. Хэйми побежал на меня, нелепо размахивая своей маленькой пикой, и я ударила его в живот концом своей палки. Он закричал. Он упал на траву, продолжая кричать.

Живот Хэйми, подумал я. Его бесконечно больной живот.

— Я не могла слышать этот крик. Они апло-

дировали, смеялись, и говорили что-то вроде *«отличный удар»*, и *«гляди, киска свалила его этой штукой»*, а Хэйми продолжал кричать. Я подняла копьё. Я никогда никого не убивала, но я не могла слышать его крик, поэтому я… я…

— Остановись на этом, — сказал я.

Она посмотрела на меня полными слёз глазами, с мокрыми щеками.

— Ты должен что-нибудь сделать, Чарли. Если ты наречённый принц, ты должен что-нибудь сделать.

Я мог бы сказать ей, что первым делом принц Чарли должен не погибнуть от рук Кла, но подумал, что ей и без того тошно, так что просто обнял её.

— Он тут? Летучий Убийца?

Она вздрогнула и кивнула.

— Как он выглядит? — Я подумал о почётном сиденье с наклоненными наружу подлокотниками, как будто оно было приготовлено для кого-то очень толстого или, по крайней мере, очень массивного.

— Ужасно. *Ужасно*. У него зелёное лицо, будто внутри у него что-то не так. Длинные белые волосы спадают ему на щёки из-под короны. У него большие глаза, похожие на недоваренное

яйцо. У него *широкое* лицо, настолько широкое, что его трудно назвать человеческим. Толстые и алые губы, будто он ел землянику. Это всё, что я смогла увидеть. Он закутан в огромный пурпурный халат до подбородка, но я видела, как он *движется*. Будто под одеждой у него прячется домашний питомец. Он ужасный. Чудовищный. И он смеётся. Остальные аплодировали, когда я… когда Хэйми умер, но он просто смеялся. Слюна стекала по обе стороны его подбородка, я видела это в свете газовых фонарей. Рядом с ним сидела женщина, высокая и красивая, с маленькой мушкой возле рта…

— Петра, — сказал я. — Когда я победил Эммита, один мужчина схватил её за грудь и поцеловал в шею.

— Она… она… — Джайя снова вздрогнула. — Она поцеловала его туда, где стекала его слюна. Она *слизала слюну с его зелёного лица*.

Вошёл Йота в сопровождении ночного стража. Он увидел меня и кивнул. Значит Джеки больше с нами не было.

3

Когда дверь закрылась, я подошёл к Йоте. На нём не было ни царапины.

— Сука здесь, — сказал он. — Рыжая Молли. Наблюдает с дорожки под ложей, где сидит свита. Её волосы не совсем рыжие, скорее оранжевые. Цвета моркови. Торчат иглами по всей голове. Пятнадцать футов от макушки до пят. Одета в кожаную юбку. Сиськи, как валуны. Каждая, наверное, весит, как пятилетний ребёнок. На бедре висит нож в ножнах, размером почти с маленькие копья, которые они выдали нам для боя. Думаю, она наблюдает, какие приемы используют победители. Чтобы знать на будущее.

Это заставило меня вспомнить тренера Харкнесса, и четверговые тренировки перед пятничными играми. В те дни мы заканчивали на двадцать минут раньше и сидели в раздевалке, менее шикарной, чем эта, но в остальном почти такой же. Тренер включал телевизор, и мы смотрели на наших соперников в действии — за их приемами и игрой. Особенно на квотербеков. Он показывал нам вражеских квотербеков по двадцать-тридцать раз — каждый ложный выпад, каждое уклонение и разворот. Как-то раз я рассказал об этом дяде Бобу, он рассмеялся и ответил: «Тренер прав, Чарли. Отсеки врагу голову, и тело умрёт само собой».

— Мне не понравилось, что она смотрела, —

сказал Йо. — Я надеялся, она воспримет меня, как должное, а когда дойдёт до дела, может, я смог бы подступиться к ней и выбить ей мозги. А так она сможет четыре раза посмотреть, как я действую, а я ни разу не увижу, как действует *она*.

Я не стал комментировать его невысказанное предположение, что к тому времени меня уже не будет, и не важно наречённый я принц или нет.

— Кла считает, что это будет он.

Йо рассмеялся так, будто он только что не убил своего давнего приятеля по Малин.

— Без сомнения, когда останутся только двое, против меня выйдет Кла — ты мне нравишься, Чарли, но я не думаю, что тебе удастся даже прикоснуться к нему, — но я знаю его слабость.

— И какую же?

— В тот раз он одолел меня; так сильно ткнул в горло — удивительно, что я до сих пор могу разговаривать, но это стало мне уроком. — Он не ответил на мой вопрос.

Следующим пришёл Мизел, так что с Сэмом было покончено. Несколько минут спустя дверь снова открылась, и я с удивлением увидел дока Фрида, хотя он вошёл не совсем самостоятельно. С ним был Перси, одной из своих рук-плавников он поддерживал дока за корпус, помогая идти.

Через импровизированную повязку на бедре дока сильно текла кровь, и лицо было сильно разбито, но он остался жив, а Янно — нет.

Я сидел с Даблом и Эрис.

— Он не сможет больше драться, — сказал я. — Нет, только если второй раунд не состоится через шесть месяцев, а, может быть, и тогда не сможет.

— Никаких шести месяцев, — сказала Эрис. — Даже не через шесть дней. И он будет драться или умрёт.

Да уж, это точно не похоже на футбол.

4

В третьей группе выжили Балт и Бендо. А также Кэммит. Он получил несколько ранений и, когда вернулся, рассказал, что был уверен — с ним покончено. Потом у бедолаги Домми случился один из его приступов кашля, достаточно сильный, чтобы он согнулся пополам. Кэммит увидел свой шанс и вонзил копьё в шею Домми.

Док лежал на полу, то ли спал — что вряд ли, учитывая его травмы — то ли отключился. Пока остальные из нас дожидались выступления третьей группы, Кла продолжал таращиться на меня, бесконечно ухмыляясь. Я лишь один раз смог отвлечься от него, когда подошёл к одному

из ведёр, чтобы зачерпнуть воды. Но когда я повернулся, он опять сверлил меня взглядом.

Я знаю его слабость, сказал Йота. *В тот раз он одолел меня, но это стало мне уроком.*

Каким уроком?

Я прокрутил в голове драку (если это можно так назвать) в камере Йо: молниеносный удар Кла по горлу Йо, покатившееся ведро, Кла смотрит на него, Янно — теперь усопший Янно — говорит: *«Если ты убьёшь его, тебе это дорого обойдётся»*, Йо поднимается и идёт к своему тюфяку, пока Кла наклоняется, чтобы подобрать ведро. Может, думал разбить им голову Йо, если тот выкинет что-нибудь ещё.

Если там что-то было, я этого не видел.

Когда третья группа выступила, вошёл Перси, толкая тележку. С ним был Аарон. Запахло жареной курицей, при других обстоятельствах запах показался бы мне соблазнительным, но не тогда, когда это могло стать моей последней трапезой.

— Ешьте сытно, малыши! — воскликнул Аарон. — Теперь не скажете, что мы вас плохо кормим!

Большинство из тех, кто выиграл свои битвы, жадно хватали мясо с тележки. Те, кому ещё предстояло сражаться, отказались… за одним

исключением. Кла схватил половину курицы из тележки Перси и вгрызся в неё, не сводя с меня глаз.

Удар.

Йота на каменном полу.

Катящееся ведро.

Йо волочится к своему тюфяку, держась рукой за горло.

Кла смотрит на ведро, поднимает его.

Что там было такого, что увидел Йота и что упускал я?

Тележка подъехала ко мне. Аарон наблюдал за Перси, поэтому тот не отдал мне честь. Док Фрид застонал, перекатился на бок и его вырвало на пол. Аарон повернулся и указал на Кэммита и Бендо, сидевших бок о бок на скамейке. «Ты и ты! Уберите этот бардак!»

Я воспользовался этим секундным переполохом, чтобы поднять руку со сложенными кольцом большим и указательным пальцами. Я поводил рукой в воздухе, изображая письмо. Перси едва заметно пожал плечами, может, потому, что понял, а, может, чтобы остановить меня, пока не увидел Аарон. Когда Аарон развернулся, я выбирал куриную ножку из буфета на колёсах и думал о том, что понимание Перси или отсутствие та-

кового не будет иметь значения, если Кла убьёт меня в последнем поединке дня.

— Последняя еда, малыш, — сказал мне этот верзила. — Наслаждайся.

«Он пытается вывести меня из себя», — подумал я.

Разумеется, я и так это знал, но слова придали форму его замыслу, сделали осязаемым. У слов есть такая сила. И они открыли что-то внутри меня. Дыру. Может быть, даже колодец. Что-то подобное открывалось во время моих грязных проделок с Берти Бёрдом, и во время противостояния с Кристофером Полли и карликом Питеркином. Если я был принцем, то явно не таким, как в финале фильма, когда скучный прелестный блондин обнимает скучную прелестную девушку. Не было ничего прелестного в моих покрытых коркой грязи светлых волосах, и в моём сражении с Кла тоже. Оно могло оказаться коротким, но уж точно не прелестным.

Я подумал: *«Не хочу быть диснеевским принцем. К чёрту это. Если я должен стать принцем, я хочу быть тёмным»*.

— Хватить пялиться на меня, долбоящер, — сказал я.

Улыбка Кла сменилась выражением удивлён-

ного недоумения, и я понял почему, прежде чем кинул в него своей куриной ножкой. Потому, что слово «долбоящер» вынырнуло из колодца на *английском* языке, и он его не понял. Я промахнулся на милю — куриная ножка ударила по одному из вёдер и упала на пол — но он всё равно дёрнулся от неожиданности и повернулся на звук. Эрис засмеялась. Кла повернулся к ней и поднялся на ноги. Постоянная ухмылка сменилась рычанием.

— Неа, неа, неа! — воскликнул Аарон. — Оставь это для поля, малыш, или я приложу тебя так, что ты не сможешь встать, и Чарли будет объявлен победителем по умолчанию. Летучему Убийце это не понравится, и я сделаю так, что тебе это не понравится ещё больше!

Недовольный и кипящий, явно чувствуя себя не в своей тарелке, Кла вернулся на своё место, сердито глядя на меня. Теперь была моя очередь ухмыляться. Я ступил на тёмную сторону и это было хорошо. Я указал на него.

— Я трахну тебя, детка.

Смелые слова. Я мог пожалеть о них, но когда они сорвались с языка, казалось, они так кстати.

5

Через некоторое время после «полудня» была объявлена очередь четвёртой группы. И снова ожидание и снова они вернулись один за другим: сначала Дабл, потом Стукс, и последним Куилли. У Стукса на щеке был настолько сильный порез, что я видел через него блеск зубов, но он шёл без помощи, на своих двоих. Джайя дала ему полотенце, чтобы остановить сильное кровотечение, и он сел на скамейку рядом с вёдрами; белое полотенце быстро стало красным. Фрид сидел в углу рядом. Стукс спросил, может ли док что-то сделать с его исполосованным лицом. Фрид покачал головой, не поднимая глаз. Мысль о том, что скоро раненым придется вновь сражаться в следующем раунде, была безумной — за гранью садизма, — но к этому всё шло. Мёрф убил половину комического дуэта; если он попадёт на Стукса во втором раунде, то легко расправится с ним даже с раненым плечом.

Кла продолжал смотреть на меня, но его ухмылка исчезла. Думаю, он перевёл меня из разряда лёгкой добычи, а это означало, что мне не стоило рассчитывать на его беспечность.

«Он двигается быстро, — подумал я. — *Как*

он показал это на примере Йо». В моём сне Лия сказала, «*что ты быстрее, чем думаешь, принц Чарли»*... вот только на самом деле нет. Если только я не нащупал рычаг, который превращал ненависть в энергию.

Была вызвана пятая группа: Бернд и Галли, маленький Хилт и большой Ока, Эрис и низкий, но мускулистый парень по имени Виз. Прежде чем Эрис ушла, Джайя обняла её.

— Неа, неа, ничего подобного! — сказал один из ночных стражей своим жужжащим голосом, похожим на стрекот саранчи. — Вперёд, вперёд!

Эрис ушла последней, но вернулась первой с кровотечением из уха, но в остальном невредимой. Джайя подлетела к ней и в этот раз некому было остановить их объятья. Нас оставили в покое. Следующим вернулся Ока. Долгое время после этого никто не возвращался. Наконец, Галли принёс серый человек — не Перси — и уложил его на пол. Он был без сознания, едва дышал. Часть его головы выше виска казалась вдавленной.

— Я хочу следующим его, — сказал Балт.

— Надеюсь следующим я получу тебя, — прорычал Эммит. — Заткнись.

Прошло ещё время. Галли пошевелился, но не

очнулся. Я пошёл пописать. Мне нужно было, но я не смог. Я сел обратно, сложив руки между колен, как я всегда делал на бейсбольных и футбольных играх перед исполнением национального гимна. Я не посмотрел на Кла, но чувствовал, как он пялится на меня, будто его взгляд имел вес.

Открылась дверь. Появились двое ночных солдат. Аарон и Верховный Лорд прошли между ними.

— Последний матч дня, — сказал Аарон. — Кла и Чарли. Вперёд, малыши, соберитесь.

Кла сразу же встал и прошёл мимо меня, повернув голову, чтобы напоследок ухмыльнуться. Я последовал за ним. Йота смотрел на меня. Он вскинул руку и странно отсалютовал мне, приложив ладонь не ко лбу, а к лицу.

Я знаю его слабость.

Когда я проходил мимо Верховного Лорда, Келлин сказал: «Я буду рад избавиться от тебя, Чарли. Если бы мне не нужно было тридцать два, я бы уже это сделал».

Двое ночных стражей шли впереди, затем Кла, идущий со слегка опущенной головой и раскачивая руками, уже сжатыми в кулаки. Позади меня следовали Верховный Лорд и Аарон, его помощник. Моё сердце билось в груди медленно,

но сильно.

В тот раз он одолел меня, но это стало мне уроком.

Мы шли по коридору к ярким рядам газовых фонарей, расположенных по периметру стадиона. Миновали другие раздевалки. Прошли мимо комнаты для снаряжения.

Удар. Йота падает, ведро катится, Йота волочится к своему тюфяку, Кла поворачивается в сторону ведра.

Мы прошли комнату чиновников, из которой был выход, по крайней мере, если верить записке Перси.

Я бросаю куриную ножку. Она ударяется о ведро. Кла поворачивается, чтобы посмотреть.

Тут до меня начало доходить, и я немного ускорился, когда мы вышли из коридора на грунтовую дорожку, окружавшую игровое поле. Я не поравнялся с Кла, но был близок. Он не посмотрел на меня. Его внимание приковал центр поля, где в линию было разложено оружие. Кольца и верёвки пропали. На столе, где стояли чашки во время наших тренировок, лежали кожаные перчатки с шипами на костяшках. Боевые палки торчали из плетёной корзины, а в другой — два коротких копья.

Йота не ответил на мой вопрос, когда я спросил, но, может быть, сделал это, когда я уходил. Может, то странное приветствие, которое он мне отдал, не было приветствием. Возможно, это было сообщение.

Когда мы последовали за ночными стражами к VIP-ложе, раздались аплодисменты, но я их почти не слышал. Поначалу я даже не обратил внимания на зрителей по бокам от ложи, и даже на Элдена Летучего Убицу. Я сосредоточил внимание на Кла, который повернулся в сторону ведра, катящегося по полу камеры, и в сторону куриной ножки, брошенной в него в раздевалке. На Кла, который, похоже, не понимал, что я почти сравнял с ним счёт, но почему?

Я знаю его слабость, сказал Йота, и теперь мне казалось я тоже знаю. Йо не салютовал мне, он изобразил что-то вроде лошадиных шор.

У Кла было слабое периферийное зрение, либо оно вообще отсутствовало.

6

Нас отвели — нет, *загнали* — на ту часть дорожки, которая находилась перед королевской ложей. Я стоял рядом с Кла, который не просто перевёл взгляд, чтобы посмотреть на меня, но и

повернул голову в мою сторону. Келлин моментально ударил его по задней части шее своей гибкой палкой, оставив тоненькую полоску крови.

— Не смотреть на воображаемого принца, тупой ты увалень. Удели внимание настоящему королю.

Значит Келлин знал, во что верили остальные узники. Был ли я удивлён? Не очень. Грязь могла скрыть только поразительную перемену в цвете моих волос, но глаза перестали быть орехового цвета; они стали серыми, переходя в голубые. Если бы Элден не настоял на полном составе участников, меня убили бы несколько недель назад.

— На колени! — крикнул Аарон своим противным жужжащим голосом. На колени, представители старой крови! Преклоните колени перед новой кровью! На колени перед своим королём!

Петра — высокая, темноволосая, с мушкой у рта, в шёлковом зелёном платье, с лицом белым, как творог — закричала: *«На колени, старая кровь! На колени, старая кровь!»*

Остальные — их было не больше шестидесяти, максимум семидесяти — подхватили: *«На колени, старая кровь! На колени, старая кровь! На колени,*

старая кровь!»

Происходило ли подобное с другими участниками? Я сомневался. Такой приём устроили специально для нас, потому что мы были последними в тот день — звёздным составом. Мы опустились на колени, ни один из нас не хотел быть выпоротым гибкими палками, или хуже — получить удар током от аур наших тюремщиков.

Элден Летучий Убийца выглядел, как человек на пороге смерти — *одной ногой в могиле, а другой на банановой кожуре*, сказал бы дядя Боб. Таковой была моя первая мысль. Второй мыслью, наступавшей ей на пятки, было то, что он совсем не человек. Возможно, когда-то был им, но не сейчас. Его кожа имела цвет незрелой груши. Глаза — голубые, огромные, влажные, каждый глаз размером с мою ладонь — выпучились из морщинистых обвисших глазниц. Его губы были алыми, похожими на женские, и такими рыхлыми, что тоже обвисали. Корона сидела косо, с пугающей беспечностью, на его жидких белых волосах. Пурпурная мантия, расшитая тонкими золотыми нитями, была похожа на необъятный кафтан, скрывающий его до самой раздутой шеи. И да, она шевелилась. *Будто под одеждой у него прячется домашний питомец,* сказала Джайя.

Только мантия вздымался буграми в нескольких местах сразу.

Слева от меня на дорожке стояла Рыжая Молли в короткой кожаной юбке, наподобие килта. Её бёдра были огромными и мускулистыми. Длинный нож висел в ножнах на правом бедре. Её оранжевые волосы торчали иглами, как у панк-рокеров. Широкие подтяжки поддерживали её юбку и частично прикрывали обнажённую грудь. Она увидела, что я смотрю на неё, и сложила губы в поцелуе.

Летучий убийца говорил сдавленным голосом, который совсем не походил на жужжание ночных солдат. Казалось, будто в его горло залита какая-то вязкая жидкость. Нет, никто из остальных не сталкивался ни с чем подобным, они бы сказали. Ужас этого нечеловеческого голоса был незыблем.

— *Кто Король Серого Мира, бывшего Эисом?*

Те, кто был в ложе, и остальные зрители энергично отреагировали: *«Элден!»*

Летучий Убийца смотрел вниз, на нас, своими огромными, как яйца, глазами. На наши с Кла шеи обрушились гибкие палки.

— Говорите, — прожужжал Келлин.

— Элден, — сказали мы.

— Кто сверг обоих монархов, земли и воздуха?

— Элден! — ещё громче с остальными выкрикнула Петра. Её рука ласкала одну из обвисших щёк Элдена. Пурпурная мантия вздымалась и опускалась, вздымалась и опускалась в дюжине разных мест.

— Элден, — сказали мы с Кла, не дожидаясь, пока нас снова огреют.

— Да начнётся бой!

Это был призыв, казалось, не требующий никакого ответа, кроме аплодисментов и нескольких одобрительных возгласов.

Келлин стоял между нами, на достаточном расстоянии, чтобы его свечение не касалось нас. «Встаньте лицом к полю», — сказал он.

Мы подчинились. Я видел Кла краем правого глаза, он на мгновение повернул голову, чтобы бросить на меня взгляд, затем снова повернулся к полю. В семидесяти или около того ярдах от нас находилось боевое оружие. Было что-то сюрреалистичное в том, как тщательно оно разложено, будто это призы, которые нужно выиграть в какой-то смертельной телеигре.

Я сразу понял, что кто-то (может быть, сам Летучий Убийца, но я ставил на Верховного Лорда) склонил игру в пользу Кла, если не прямо под-

строил под него. Плетёная корзина с копьями, очевидно, излюбленным оружием, стояла справа, со стороны Кла. В двадцати ярдах левее стоял стол с шипастыми кожаными перчатками. Ещё в двадцати ярдах левее, более-менее напротив меня, стояла корзина с боевыми палками, удобными для ударов, но бесполезными, когда дело доходило до убийства. Никто не сказал нам, что делать дальше; никто и не собирался. Нам предстояло просто броситься к оружию, и если я хотел нож вместо перчатки или боевой палки, то должен был опередить Кла, а затем пересечь ему путь.

Ты быстрее, чем думаешь, сказала Лия, только это было во сне, а тут реальность.

Вы можете спросить, был ли я в ужасе? Да, но я также черпал из тёмного колодца, который обнаружил в детстве, когда отец «почитал» память своей жены, моей матери, разрушая себя, выгорая и оставляя нас без крыши над головой. Какое-то время я ненавидел его и ненавидел себя за эту ненависть. Результатом стало плохое поведение. Теперь у меня появилась другая причина для ненависти, за которую мне не пришлось бы себя корить. Так что да, я был в ужасе. Но часть меня была на взводе.

Часть меня хотела этого.

Летучий Убийца выкрикнул своим булькающим нечеловеческим голосом, который я тоже ненавидел: *«ВПЕРЁД!»*

7

Мы побежали. Кла действовал с молниеносной скоростью, когда атаковал Йо, но там был выпад в замкнутом пространстве. Оружие находилось в семидесяти ярдах. У Кла был приличный вес, больше трёх сотен фунтов, и я подумал, что разогнавшись, мог бы поравняться с ним на полпути к разложенному боевому снаряжению. Во сне Лия была права — я быстрее, чем думал. Но мне всё равно нужно было пересечь его путь, и сделав это, я бы оказался прямо в зауженном поле его зрения. И, что ещё опаснее, спиной к нему.

Вместо этого я свернул влево, оставив Кла неоспоримую возможность добраться до копий. Я мельком глянул на шипастые перчатки; они могли быть смертельны, но для этого мне пришлось бы подобраться к Кла вплотную, а я видел, какой он быстрый, когда соперник близко. Я бежал к боевым палкам. За несколько тренировок я стал неплохо управляться с ними.

Я схватил одну из корзины, повернулся и увидел, что Кла уже атакует, держа копьё низко

у правого бедра. Он вскинул его, рассчитывая вспороть мне живот и быстро закончить бой. Я отступил назад и обрушил палку на его руки, надеясь выбить оружие. Кла взревел от боли и гнева, но удержал копьё. Зрители разразились аплодисментами, и я услышал, как женщина, скорее всего Петра, завопила: *«Отрежь ему „шишку“ и принеси мне!»*

Кла снова атаковал, на этот раз держа копьё высоко над плечом. В его движениях не было никакой изящности; как Майк Тайсон в старых записях боёв, которые мы смотрели с Энди Ченом и моим отцом, Кла был обычным драчуном, привыкшим побеждать своих противников жёсткой лобовой атакой. Раньше у него это всегда получалось; и теперь должно было получиться против гораздо более молодого противника. У него было преимущество в весе и в длине рук.

По словам Лии во сне, я был быстрее, чем думал. Я точно был быстрее, чем думал Кла. Отступив в сторону, как тореадор, уклоняющийся от атаки быка, я со свистом опустил боевую палку ему на руку чуть выше локтя. Копьё вылетело из рук Кла и упало на траву. Зрители издали волнительный вздох. Петра взвизгнула от недовольства.

Кла наклонился, чтобы подобрать своё оружие.

Я обеими руками обрушил боевую палку ему на голову, вложив в удар всю свою силу. Палка разломилась пополам. Кровь хлынула из головы Кла и потекла струйками по щекам и шее. Удар уложил был любого другого человека, включая Йо и Эммита, но Кла только помотал головой, поднял копьё и повернулся ко мне. Больше никакой ухмылки; он скалился, а его глаза стали красными.

— Иди сюда, сын шлюхи!

— На хер тебя. Давай посмотрим, на что ты способен. Ты так же туп, как и уродлив.

Я выставил вперёд то, что осталось от моей боевой палки. Теперь конец, направленный на Кла, представлял собой пучок щепок. Древесина была твердой, и если бы он напоролся на эти лучины, они бы не прогнулись. Они воткнулись бы ему в живот, и он это знал. Я сделал ложный выпад, и когда Кла отступил, обошёл его справа. Ему пришлось повернуть голову, чтобы я не попал в слепую зону. Кла сделал выпад, и я вонзил палку в его предплечье, вырвав лоскут кожи и выпустив струйку крови на траву.

— *Прикончи его!* — заорала Петра. Теперь я знал её голос, и ненавидел его. Ненавидел её, ненавидел их всех. — *Прикончи его, ты, туполобая*

скотина!

Кла атаковал. На этот раз я двинулся влево, отступая за стол с боевыми перчатками. Кла не медлил. Он дышал резкими хрипящими вдохами. Я бросился в сторону, острие его копья едва не задело мою шею. Кла врезался в стол, перевернул его и приземлился сверху, оторвав одну из ножек. Он сжимал в руках копьё, но меня это не пугало. Я нырнул в слепую зону, запрыгнул Кла на спину, и сжал ногами его талию, когда он встал на дыбы. Я зажал остатками своей боевой палки его горло, когда он вскочил на ноги. Кла принялся колотить меня по плечам своими большущими руками.

Дальше началось какое-то безумное родео. Мои ноги сомкнулись на его широкой талии, а моя трёхфутовая боевая палка стискивала его горло. Я чувствовал каждую его попытку сглотнуть. Кла начал издавать булькающие звуки. Наконец, не имея другого выбора, кроме потери сознания, за которым последует смерть, он рухнул навзничь вместе со мной на спине.

Я ожидал этого — что ещё ему оставалось? — но всё равно у меня перебило дыхание. Три сотни фунтов способны на это. Кла перекатывался из стороны в сторону, пытаясь ослабить мою хватку. Я держался, даже когда у меня перед глазами

начали плясать чёрные точки, а аплодисменты стали звучать глухо и где-то далеко. Единственное, что я отчётливо слышал, был голос супруги Летучего Убийцы, словно острая игла, вонзившаяся в мою голову: *«Вставай! Скинь его, здоровенная ты тварь! ВСТАВАЙ!»*

Эта здоровенная тварь могла бы раздавить меня насмерть, но будь я проклят, если собирался ослабить хватку. Я много отжимался в своей камере и много подтягивался на кольцах. И мышцы продолжали работать, даже когда моё сознание начало угасать. Я сжимал… сжимал… и, наконец, его сопротивление начало ослабевать. Из последних сил я вывернулся из-под Кла, сбросив с себя эту тушу. Волосы упали мне на глаза, я ползал по траве, делая глубокие свистящие вдохи. Казалось, я не мог надышаться, а воздух не хотел заходить в мои измученные лёгкие. Моя первая попытка встать на ноги провалилась, и я продолжал ползать, задыхаясь и кашляя, уверенный, что этот блядский Кла, *ебучий* Кла, поднимется у меня за спиной, и я почувствую, как острие его копья войдёт мне между лопаток.

Со второй попытки я выпрямился, пошатываясь, как пьяный, и увидел своего противника. Он тоже ползал… или пытался. Большая часть его

лица была залита кровью от нанесённого мной удара по голове. Остальная часть была лиловой от удушья.

— *Прикончи!* — заорала Петра. Сквозь её макияж проступили красные пятна. Казалось, у неё сменились приоритеты. Не то, чтобы мне была нужна её поддержка. — *Прикончи! Прикончи!*

Остальные подхватили: *«ПРИКОНЧИ! ПРИКОНЧИ! ПРИКОНЧИ!»*.

Кла перевернулся и посмотрел на меня снизу вверх. Если он надеялся на пощаду, то зря.

— *ПРИКОНЧИ! ПРИКОНЧИ! ПРИКОНЧИ!*

Я подобрал его копьё…

Кла поднял одну руку и коснулся тыльной стороны ладони своего лба. «Мой принц».

… и опустил его.

Хотел бы я сказать вам, что снова обратился к лучшей своей стороне. Сказать, что ощутил жалость. Но это было бы ложью. Думаю, в каждом есть тёмный колодец, и он никогда не пересохнет. Но вы пьёте из него на свой страх и риск. Эта вода отравлена.

8

Меня заставили встать на колени перед Элденом, его сукой, и остальными важными членами

его свиты.

— Хороший бой, хороший бой, — сказал Элден, но как-то рассеянно. У него и впрямь текли слюни из обвисших уголков рта. Какая-то гнойная жидкость — не слёзы — сочилась из уголков его глаз. — Носильщики! Мне нужны мои носильщики! Я устал и должен отдохнуть до ужина!

Четверо серых мужчин — уродливых, но крепких — торопливо спустились по одному из крутых проходов, неся паланкин с золотой отделкой и пурпурными бархатными занавесями.

Я не видел, как Элден забрался в него, потому что меня схватили за волосы и подняли на ноги. Я высокий, но Рыжая Молли возвышалась надо мной. Глядя на неё, я вспомнил статую, на которую забирался, чтобы увидеть бабочек-монархов, возвращающихся домой на ночлег. У неё было бледное лицо, большое и круглое, как огромная тарелка для пирога, посыпанная мукой. На нём чернели глаза.

— Сегодня ты сражался с врагом, — сказала она. Её голос звучал басовитым рокотом, далеко не приятным, но лучше, чем стрекот саранчи ночных стражей или булькающий голос Элдена. — В следующий раз ты будешь сражаться с другом. Если ты выживешь, *я* отрежу тебе «шиш-

ку». — Она понизила голос. — И отдам Петре. В её коллекцию.

Я уверен, что герой киношного боевика нашёлся бы что ответить, но я посмотрел на её широкое лицо и на эти чёрные глаза, и ни хрена не смог придумать.

9

Верховный Лорд лично проводил меня в раздевалку. Я оглянулся, прежде чем войти в коридор, как раз вовремя, чтобы увидеть паланкин с задёрнутыми занавесями, покачивающийся при крутом спуске. Полагаю, Петра, обладательница «метки красоты»,[46] была внутри вместе с Летучим Убийцей.

— Ты удивил меня, Чарли, — сказал Келлин. Теперь, когда с него сложили обязанности распорядителя, он казался расслабленным, возможно, даже навеселе. — Я думал, Кла быстренько оторвёт тебе голову. В следующий раз ты будешь драться с одним из своих друзей. Думаю, не с Йотой — мы придержим его. Возможно, с малышкой Джайей. Как тебе возможность остановить её сердце, как ты остановил сердце Кла?

---

[46] Примечания: 46
Beauty mark — мушка, или в буквальном переводе «метка красоты».

Я не ответил, просто пошёл впереди него по наклонному коридору, держась от его высоковольтной ауры как можно дальше. Когда мы подошли к двери, Келлин не последовал дальше, а просто закрыл за мной дверь. Тридцать два вышли на поле. Теперь осталось только пятнадцать человек, безмерно удивленных тем, что вошёл не Кла, а Чарли, побитый, но в остальном невредимый. Нет, только четырнадцать. Галли был без сознания.

Какое-то время они смотрели на меня. Затем тринадцать из них упали на колени и приложили ладони ко лбам. Док Фрид не мог преклонить колени, но салютовал мне оттуда, где сидел, прислонившись к стене.

— Мой принц, — сказала Джайя.

— *Мой принц,* — эхом повторили остальные.

Я никогда так не радовался тому, что в Эмписе не было камер видеонаблюдения.

10

Мы смыли с себя грязь и кровь. Но ужас этого дня остался. Эрис стянула штаны с дока Фрида и промыла глубокую рану на его бедре так хорошо, как только смогла. Время от времени она прерывалась, посматривая на меня. Они все смотрели

на меня. Наконец, потому что это выводило меня из себя, я велел им перестать. Затем они занялись делами, *не* глядя на меня, что было ничуть не лучше, а может и хуже.

Через десять или пятнадцать минут вошли четверо ночных солдат. Один из них своей гибкой палкой сделал знак: на выход. Серых не было, так что пришлось нести Галли самим. Я хотел взять его за верхнюю половину тела, но Эммит оттолкнул меня плечом в сторону. Легонько.

— Неа, неа. Мы с крепышом сделаем это. — Вероятно, он имел в виду Йоту, потому что остальные крепыши теперь где-то остывали. — Помоги доктору, если хочешь.

Но и этого мне тоже не позволили. В конце концов, я был наречённым принцем. Или они так думали. Цвет волос и глаз — не в счёт. Я подумал, может, я всего лишь семнадцатилетний подросток в хорошей физической форме, которому повезло выйти на соперника с плохим боковым зрением, и который сумел обуздать свои худшие порывы достаточно долго, чтобы выжить. И вообще, хотел ли я быть принцем в этой тёмной сказке? Нет. Я хотел только найти свою собаку и вернуться домой. А дом ещё никогда не казался таким далёким.

Мы медленно возвращались в свои камеры в Глубокой Малин: Мёрф с раненым плечом, Джайа и Эрис, Эммит, Йота, док Фрид, Балт, Бендо, Мизел, Кэммит, Дабл, Стукс с сильно порезанным лицом, Куилли, Ока, Галли без сознания… и я. Шестнадцать. Если забыть о том, что док Фрид и Галли не смогут драться в следующем раунде. Не то чтобы для них сделали бы исключение, уж я-то знал. Их наверняка поставили бы в паре с теми, кто прикончит их быстро к радости Элдена, Петры и небольшого количества подданных Летучего Убийцы. По сути, те, кто попал бы на Фрида и Галли в следующем раунде, могли считаться победителями по умолчанию. Также Мёрф и Стукс вряд ли дожили бы до так называемой «элитной восьмёрки» в Мартовском безумии.[47]

Дверь в конце коридора темницы была открыта. Йо и Эммит пронесли через неё Галли. Следующими прошли Куилли и Фрид; Куилли поддерживал дока, чтобы тому не приходилось наступать на больную ногу. Не то, чтобы Фрид был способен много ходить; он то был в сознании, то терял его, безвольно роняя голову на грудь. Когда мы вошли в Малин, он произнёс нечто

[47] Примечания: 47

Мужской бейсбольный турнир первого дивизиона НАСС, который проводится каждую весну по олимпийской системе.

настолько жуткое и растерянное, что я никогда этого не забуду: «Я хочу к маме».

Газовый фонарь у двери снова вывалился из отверстия в стене и болтался на металлическом шланге. Он не горела. Один из наших надзирателей приладил его на место, где ему полагалось быть, и некоторое время смотрел, будто ожидая, когда он выпадет. Фонарь не выпал.

— Сегодня особенный ужин, малыши! — провозгласил другой. — Отличная еда и десерт в довесок!

Мы разошлись по камерам. Йо, Стукс и я теперь стали одиночками. Куилли завёл Фрида в его камеру, осторожно уложил на тюфяк, потом вошёл в камеру, которую делил с Кэммитом. Мы ждали, что ночные стражи поднимут свои руки и двери камер захлопнутся, но они просто ушли, закрыв за собой внешнюю дверь: один засов, второй засов, третий засов и четвёртый. Очевидно, вместе с «отличной едой» нам было позволено пообщаться, по крайней мере, ненадолго.

Эрис находилась в камере Галли, осматривая его рану на голове, которая выглядела (не буду вдаваться в подробности) ужасной. Его дыхание прерывалось хрипами. Эрис взглянула на меня усталыми глазами.

— Он не переживёт ночь, Чарли. — Затем она горько рассмеялась. — Никто из нас, потому что здесь всегда ночь!

Я похлопал её по плечу и пошёл обратно к камере Йоты, которую тот решил не покидать. Он сидел у стены, сложа руки на коленях. Я сел рядом.

— Какого дьявола тебе надо? — спросил он. — Я бы предпочёл побыть один. Если тебя это не затруднит, ваше блядское величество.

Тихим голосом я сказал: «Если бы нашёлся способ выбраться — сбежать — отсюда, ты бы пошёл со мной?»

Он медленно поднял голову. Посмотрел на меня. И начал улыбаться.

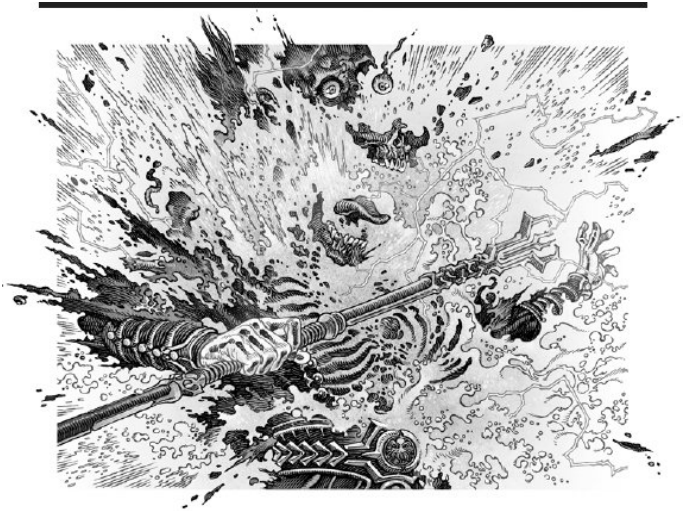
— Только покажи, как, радость моя. Только покажи.

— Что насчёт остальных? Тех, кто в состоянии?

Его улыбка стала шире.

— Королевская кровь сделала тебя дебилом, принсик? А *ты* как думаешь?

Глава двадцать пятая



Банкет. Я принимаю посетителя. Вдохновение не стучит в дверь. «Кто хочет жить вечно?»

1

В тот вечер для выживших были приготовлены не просто куски полусырого мяса, а устроен настоящий банкет. Перси и двое других серых, мужчина и женщина, одетые в запятнанные белые туники, вкатили не одну тележку, а целых три. Спереди и сзади их сопровождали ночные стражи с гибкими палками наготове. В первой тележке был огромный котёл, напомнивший мне кухню злой ведьмы в «Гензель и Гретель». Вокруг котла сложены миски. Во второй тележке стояла высокая керамическая банка с маленькими чашками. В третьей была полудюжина пирогов с золотисто-коричневой корочкой. Запах стоял божественный. Теперь мы стали убийцами, которые убили своих товарищей, но также мы были голодны, и если бы не парочка наблюдавших скелеторов, думаю, мы бы набросились на эти тележки. В общем, мы отступили к открытым дверям наших камер и смотрели. Дабл рукой вытирал слюни со рта.

Каждому из нас дали по миске и деревянной ложке. Перси разложил по мискам рагу. Оно было густым и со сметаной (будто бы настоящей), с большими кусками курицы, а также с горошком,

морковью и кукурузой. Раньше я задавался вопросом, откуда берётся еда, но в этот раз хотел только есть.

— Оутнеты в суою камру, — сказал Перси своим хрипящим, умирающим голосом. — Это не фсё.

В банке оказался фруктовый салат — персики, черника, голубика. Не в силах ждать — вид и запах настоящих фруктов и ягод свёл меня с ума — я поднёс керамическую чашку ко рту и всё съел, вытерев сок с подбородка и облизав пальцы. Я почувствовал, как всё моё тело приветствовало это лакомство после постоянно диеты из мяса и моркови, мяса и моркови и ещё больше мяса и моркови. Пироги были разделены на пятнадцать частей — ни одного для Галли, чьи трапезные дни подошли к концу. Для пирогов не было тарелок, поэтому мы брали их руками. Йота слопал свою долю быстрее, чем были розданы последние куски.

— Яблоко! — воскликнул он, и крошки полетели из его рта. — Как же блин вкусно!

— Ешьте на здоровье, малыши! — провозгласил один из ночных стражей, затем рассмеялся.

«Ибо завтра мы умрём», — подумал я, надеясь, что это случится не завтра. И не послезавтра. Я всё ещё понятия не имел, как мы выберемся отсюда,

пусть даже Перси знал выход из комнаты чиновников. Я хотел только, чтобы это произошло до начала второго раунда «Честного», где меня могли — очень вероятно — поставить против Джайи. И этом не было бы ничего честного.

Надзиратели и работники кухни ушли, но пока что двери камер оставались открытыми. Я принялся за куриное рагу. Оно было восхитительным. О, Боже, таким восхитительным. *«Вкусняшка для моего пузяшки»*, как говорил Бёрдмэн в былые времена, когда мы сидели на великах перед «Зип-Маркетом» и уплетали «Твинкис» или «Слим-Джим». Я глянул на соседнюю дверь и увидел, как Стукс жадно глотает свою пищу, прижимая руку к лицу, чтобы соус не потёк через рану на его щеке. Есть картинки, которые навсегда останутся со мной со времён пребывания в Глубокой Малин. И эта одна из них.

Когда моя миска опустела (мне не стыдно признаться, что я вылизал её дочиста, как дворовый пёс), я взял свой кусок пирога и откусил. Он был, скорее, с заварным кремом, чем с яблоком. Мои зубы вонзились во что-то твёрдое. Я увидел огрызок карандаша, торчащий из заварного крема. Он был обернут в маленький клочок почтовой бумаги.

Никто не смотрел на меня, все были сосредоточены на своей еде, настолько отличающейся от нашего обычного пайка. Я сунул карандаш и бумагу под тюфяк Хэйми. Он бы не стал возражать.

Поскольку камеры были открыты, мы могли свободно собираться и беседовать после банкета. Йота подошёл к моей камере. К нему присоединился Эммит. По одному с каждой стороны, но я их не боялся. Я чувствовал, что мой статус принца давал мне иммунитет против «наездов».

— Как ты прикидываешь пройти мимо ночных стражей, Чарли? — спросил Йота. Только он сказал не *«прикидываешь»*; это я так услышал.

— Я не знаю, — признался я. Эммит издал гортанный звук. — По крайней мере, пока что. Как думаешь, сколько их всего? Включая Келлина?

Йота, который долгое время пробыл в Глубокой Малин, задумался.

— Двадцать, может, двадцать пять, не больше. Не многие из королевской гвардии стояли рядом с Элденом, когда тот вернулся в обличии Летучего Убийцы. Те, кто этого не сделал, все мертвы.

— *Они* мертвы, — сказал Эммит, имея в виду ночных стражей. И он не ошибался.

— Да, но когда день — день в мире наверху, — они слабее, — сказал Йота. — Голубой свет вокруг

них тускнеет. Ты, должно быть, замечал это, Чарли.

Я замечал, но прикосновение к ауре, даже попытка, всё равно привело бы к параличу. Йота знал это. И остальные тоже. Шансы были против нас. Перед первым раундом мы превосходили их численностью. Теперь — нет. Если подождать до конца второго раунда, осталось бы только восемь из нас. Даже меньше, если бы кого-нибудь ранили так же сильно, как Фрида или Галли.

— Ах, ни хера-то ты не знаешь, — сказал Эммит, и подождал — думаю, с надеждой, — вдруг у меня будут возражения.

Я не возразил, но я знал кое-что, чего не знали они.

— Слушайте сюда, вы оба, и передайте остальным. Отсюда *есть* выход. — По крайней мере, если Перси говорил мне правду. — Если мы сможем пройти мимо ночных стражей, мы воспользуемся им.

— Какой выход? — спросил Йота.

— Пока что не бери в голову.

— Говори как есть. Как нам пройти мимо голубых?

— Я работаю над этим.

Эммит махнул рукой в опасной близости от

моего носа.

— Ничего у тебя нет.

Я не хотел разыгрывать свой козырь, но не видел другого выбора. Я запустил пятерню в волосы и приподнял их, показывая светлые корни.

— Принц я или нет?

На это у них не нашлось ответа. Йота даже приложил ладонь к брови. Возможно, наевшись до отвала, он просто проявил великодушие.

2

Вскоре после этого Перси и его помощники вернулись в сопровождении пары ночных стражей. Их голубые саваны заметно потускнели — стали пастельного оттенка, вместо насыщенного голубого, — а это означало, что где-то над нами взошло солнце, хотя, вероятно, как всегда скрытое за пеленой облаков. Будь у меня выбор между ещё одной миской куриного рагу и лицезрением дневного света, я выбрал бы свет.

«*Легко говорить на полный желудок*», — подумал я.

Мы сложили свои миски и чашки в тележку. Все они сияли, заставив меня подумать о Радар, которая дочиста вылизывала свою миску в былые времена. Двери наших камер захлопнулись. День

сверху, но ещё одна ночь для нас.

В Малин стало гораздо меньше пердежей и отрыжек, чем раньше, но вскоре к ним добавился храп. Убийство — утомительная и удручающая работа. Ожидание того, вернётся человек живым или мёртвым, было ещё утомительнее и удручающе. Я подумал, не подложить ли себе на холодный пол тюфяк Хэймми, но не смог заставить себя это сделать. Я лежал, глядя на вечно чёрное зарешёченное окно. Я был изможден, но каждый раз, когда закрывал глаза, видел либо глаза Кла в тот момент, когда они ещё были глазами живого человека, либо Стукса с ладонью, прижатой к его щеке, чтобы не вытекло рагу.

Наконец, я заснул. И мне снилась принцесса Лия возле лужицы, держащая фен моей мамы — Фиолетовую Лучевую Пушку Смерти. У этого сна была какая-то цель: либо эмписийская магия, либо более обычная магия моего подсознания пыталась что-то мне сказать, но прежде чем я смог уловить суть, что-то разбудило меня. Раздался бряцающий звук и что-то заскребло по камню.

Я выпрямился и огляделся. Потухший газовый фонарь двигался в своём отверстии. Сначала по часовой стрелке, затем против.

— Что за…

Это был Йота, в камере напротив меня. Я приложил палец к губам. «Тссс».

Сработал инстинкт. Все остальные спали, кто-то постанывал, несомненно от плохих снов. Слава Богу, что тут не было никаких подслушивающих устройств, только не в Эмписе.

Мы смотрели, как газовый фонарь крутился вперёд и назад. Наконец, он выпал и повис на своём металлическом шланге. В отверстии что-то показалось. Сначала я подумал, что это большая старая крыса, но тень выглядела слишком *угловатой* для крысы. Затем оно протиснулось наружу и быстро сбежало вниз по стене на мокрый каменный пол.

— Что за *херня*! — прошептал Йота.

Я недоумённо смотрел, как красный сверчок размером с кота прыгает ко мне на своих сильных задних ногах. Он всё ещё хромал, но слегка. Сверчок добрался до решётки моей камеры и посмотрел на меня своими чёрными глазками. Длинные усики на его голове напомнили мне «уши» старого телевизора мистера Боудича. Между его глаз была панцирная пластина, а рот, казалось, застыл в дьявольской ухмылке. И на его брюшке было что-то похожее на клочок бумаги.

Я встал на одно колено и сказал: «Я помню тебя.

Как нога? Выглядит лучше».

Сверчок запрыгнул в камеру. Для сверчка из моего родного мира это было бы легко, но этот был таким большим, что ему пришлось протиснуться между прутьев. Он посмотрел на меня. Он *помнил* меня. Я медленно протянул руку и погладил его по хитиновой голове. Как будто он ждал моего прикосновения, сверчок упал на бок. На его панцирном брюшке и правда оказался сложенный клочок бумаги, приклеенный каким-то клеем. Я аккуратно снял его, стараясь не порвать. Сверчок поднялся на все свои шесть лап — четыре, как мне показалось, для ходьбы и две большие для прыжков, — и запрыгнул на тюфяк Хэйми. Откуда снова уставился на меня.

Опять магия. Я уже начал привыкать к ней.

Я развернул бумагу. Записка была написана крошечными буквами и мне пришлось поднести её к глазам, чтобы прочитать, но там было кое-что ещё, что в тот момент показалось мне важнее. Маленький пучок волос, прикреплённый к записке тем же клейким веществом. Я поднёс его к носу и понюхал. Запах был слабым, но легко узнаваемым.

Радар.

В записке говорилось: *«Ты жив? Можем ли мы*

помочь тебе? Пожалуйста, ответь, если можешь. Собака в безопасности. К.»

— Что там? — прошептал Йо. — Что он тебе принёс?

У меня была бумага — один маленький клочок — от Перси, и огрызок карандаша. Я мог ответить, но что написать?

— Чарли? Что он тебе…

— Заткнись! — прошептал я в ответ. — Мне нужно подумать!

«Можем ли мы тебе помочь?», говорилось в записке.

Главный вопрос был связан с этим местоимением. Записка, естественно, была от Клаудии. Каким-то образом, вероятно, благодаря нюху Радар и её врождённому компасу, моя собака нашла обратную дорогу к дому Клаудии. Это было хорошо, просто замечательно. Но Клаудия жила одна. Она была «я», не *«мы»*. К ней присоединился Вуди? Возможно, даже Лия, верхом на преданной Фаладе? Их всё равно недостаточно, королевской они крови или нет. Но если они собрали других, серых людей… не слишком ли большая надежда? Скорее всего. Только если они действительно верили, что я наречённый принц, тогда, может быть…

«Думай, Чарли, думай».

И подумал я о стадионе, бывшем когда-то Полем Монархов, а теперь полем Элдена. Там не было электричества для освещения — не от хлипкого генератора, работающего на рабской силе, который мне показывал Аарон, — но он освещался, по крайней мере, во время «Честного» с помощью гигантских газовых фонарей, установленных по всему круглому периметру.

У меня была тысяча вопросов и только один клочок бумаги. Паршивая ситуация, тем более, что получить ответ на любой из вопросов представлялось маловероятным. Но ещё у меня была одна идея — лучше, чем ничего. Проблема заключалось в том, что она и близко не сработает, если я не найду способ устранить ночных стражей.

Если бы я мог… и если бы этот чудесный красный сверчок, которому я когда-то оказал помощь, передал сообщение Клаудии…

Я сложил свой единственный драгоценный клочок бумаги и разорвал его пополам. Затем, очень мелким почерком, написал: «Жив. Следите за тем, как следующей ночью загорится Поле Монархов. Приходите, если вас много. Нет — если вас мало». Я подумал было подписать записку так же, как она — *Ч*, — но потом мне пришла другая

мысль. В конце моего клочка, ещё более мелкими буквами, я написал (не без тени смущения): *Принц Шарли*.

— Иди сюда, — прошептал я сверчку.

Он неподвижно сидел на тюфяке Хэйми, суставы его громадных задних лап торчали вверх, как согнутые локти. Я щёлкнул пальцами, и он подпрыгнул, приземлившись передо мной. Это было гораздо эффектнее, чем я видел в последний раз. Я легонько ткнул сверчка ладонью, и он послушно упал на бок. Клейкое вещество на его брюшке всё ещё оставалось липким. Я прилепил записку и приказал: «Иди. Отнеси назад».

Сверчок поднялся, но не сдвинулся с места. Йота таращился на него выпученными глазами; казалось, они вот-вот вылезут из орбит.

— Иди, — прошептал я, и указал на дыру над болтающимся газовым фонарём. — Иди обратно к Клаудии. — До меня дошло, что я даю указания сверчку. Должно быть, я совсем спятил.

Сверчок ещё пару мгновений смотрел на меня своими непроницаемыми чёрными глазками, затем повернулся и протиснулся обратно через прутья решётки. Он запрыгнул на стену, ощупал камень передними лапами, как бы пробуя его, а затем аккуратно взбежал, будто так и надо.

— *Что* на *хрен* это *было*? — спросил Стукс из соседней камеры.

Я не потрудился ответить. Сверчок был красным и большим, и если Стукс не разглядел его, значит он слепой.

Дыра в стене была уже, чем пространство между прутьев моей камеры, но сверчок пролез в неё, не потеряв записки. Учитывая, кто мог бы прочитать её, упади она на пол, всё прошло замечательно. Разумеется, невозможно было сказать, удержится ли записка на сверчке, пока он будет пробираться обратно через все изгибы и повороты, которые привели его сюда. Даже если удержится, будет ли она всё ещё на месте, когда он доберётся до Клаудии? И доберётся ли вообще. Но какой ещё у меня — *нас* — был вариант?

— Стукс. Йо. Слушайте сюда и передайте дальше. Мы должны подождать до второго раунда, но прежде чем он начнётся, мы на хрен свалим отсюда.

Глаза Стукса загорелись.

— Как?

— Я всё ещё работаю над этим. Теперь оставьте меня в покое.

Я хотел подумать. А ещё мне хотелось погладить маленький пучок волос, посланных мне

Клаудией, — хотел бы я погладить и собаку, которой они принадлежали. И всё же простое осознание того, что Радар в безопасности, сбросило с моих плеч груз, который я даже не осознавал.

— Я не понимаю, почему этот красный жук пришёл к тебе? — спросил Йо. — Это потому, что ты принц?

Я покачал головой.

— Ты знаешь историю о мышке, которая вытащила колючку из лапы льва?

— Нет.

— Я расскажу тебе когда-нибудь. Когда мы выберемся отсюда.

3

На следующий день не было ни игр, ни банкета. Однако был завтрак, и поскольку Перси пришёл один, я смог передать ему записку на другой половинке клочка, что он дал мне. Там было всего пять слов: *«Как выйти из комнаты чиновников?»*. Он не прочитал её, просто спрятал куда-то под мешковатую блузку-рубашку, которую носил, и продолжил катить тележку по коридору.

Пошла молва: *у принца Чарли есть план побега.*

Я надеялся, что если какие-нибудь ночные

стражи придут проверить нас — днём это маловероятно, но так могло случиться — они не почувствуют новой силы и настороженности в своих пленённых гладиаторах. Я не думал, что так случится; большинство из стражей, как мне казалось, были довольно туповатыми. Но Аарон таким не был, как и Верховный Лорд.

В любом случае, жребий был брошен — конечно, при условии, что сверчок Джимини[48] доставит мою записку Клаудии. Когда начнётся второй раунд, последние наследники Галлиенов могли появиться у ворот одержимого города с отрядом серых людей. Если бы мы сумели выбраться отсюда и присоединиться к ним, у нас был бы шанс на свободу, может быть, даже на свержение существа, которое захватило власть и наслало проклятье на когда-то благодатные земли Эмписа.

Я был согласен на свободу. Я не хотел умирать в этой сырой камере или на поле боя в усладу Элдена и его подхалимов, и не хотел, чтобы умер кто-то ещё из моих товарищей по заключению. Нас осталось только пятнадцать. Галли умер в вечер банкета — насколько я знаю, пока банкет

---

[48] Примечания: 48
Персонаж диснеевского мультфильма «Пиноккио».

ещё продолжался. Двое серых мужчин унесли его на следующее утро после завтрака под присмотром ночного стража, которого звали Леммил, или Ламмел, или, может быть, Лемуэль. Для меня не было никакой разницы. Я хотел его убить.

Я хотел убить их всех.

— Если есть способ расправиться с ночными стражами, тебе стоит побыстрее узнать его, принсик, — сказал Эммит после того, как унесли Галли. — Я не скажу на счёт Летучего Убийцы, но эта сука, которая с ним, Петра, не захочет долго ждать следующего убийства. Она тащится от этого.

«Тащится» — не совсем то, что он сказал, но не далёко от истины.

На ужин, после банкета предыдущего дня, были куски полусырой свинины. От одного взгляда на мой у меня в желудке всё перевернулось, и я чуть не выкинул кусок в отхожую дыру. Хорошо, что не выкинул, потому что внутри попалась очередная записка от Перси, написанная тем же грамотным почерком: *«Двинь высокий шкаф. Дверь. Может быть заперта. Уничтожь это. К твоим услугам, Персиваль».*

Могло быть и лучше, но пришлось довольствоваться этим, к тому же сведения пригодились бы

только в случае попадания в комнату чиновников. Мы могли бы справиться с гибкими палками, но только если бы как-то вырубили высокое напряжение, окружавшее наших пленителей. Допустим, нам это удалось.

Могли мы убить их, когда они и так уже мертвы?

4

Я с ужасом ждал завтрака на следующий день, зная, если Перси принесёт сосиски, второй раунд начнётся до того, как я придумаю, что делать с голубыми парнями. Но на завтрак были большие лепёшки, покрытые каким-то ягодным сиропом. Я поймал свою, съел, затем воспользовался кружкой с дыркой на дне, чтобы смыть сироп с рук. Йота смотрел на меня через решётку своей камеры и облизывал пальцы, дожидаясь, пока уйдёт Перси.

Когда тот ушёл, Йота сказал: «У нас ещё один день для тех, кому нужно зализать раны, но если это не случится завтра, то, вероятно, послезавтра. Не позже, чем через три дня».

Он был прав, и они все рассчитывали на меня. С их стороны было абсурдно всё ставить на веру в старшеклассника, но им был нужен чудотворец,

и они избрали меня.

В голове я услышал голос тренера Харкнесса: *«Упал и отжался двадцать раз, пустое ты место»*.

Поскольку у меня не было лучшей идеи, и я чувствовал себя пустым местом, этим я и занялся. Руки широко расставлены. Медленно опускаюсь, касаясь подбородком каменного пола, затем медленно поднимаюсь.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Стукс, свешиваясь через решётку и глядя на меня.

— Это успокаивает.

После того, как вы преодолеете первоначальную скованность (и предсказуемый протест тела против нагрузки), всегда приходит успокоение. Пока я опускался и поднимался, я вспоминал сон: Лия держит на коленях фиолетовый фен моей матери. Вера, что решение моей проблемы — *нашей* проблемы — лежит во сне, была без сомнения сказочной логикой, но я попал в сказочное место, так что почему бы нет?

Вот вам маленькое побочное отступление, которое вовсе не побочное — просто потерпите. Я прочитал «Дракулу» летом перед седьмым классом. Тоже по настоянию Дженни Шустер, которая незадолго до этого переехала с семьёй в Айову.

Вообще-то я собирался прочитать «Франкенштейна» — взял его в библиотеке, — но она сказала, что это скука смертная, куча дерьмовой графомании в сочетании с кучей дерьмовой философии. *«Дракула»*, сказала она, был в сотню раз лучше; крутейшая вампирская история из написанных.

Я не знаю, была ли она права насчёт этого — трудно воспринимать литературные рассуждения двенадцатилетней девочки слишком серьёзно, даже если она знаток ужасов, — но «Драк» был хорош. Тем не менее, когда все эти кровососы, колья, забитые в сердце, и рты мертвецов, набитые чесноком, практически выветрились у меня из головы, я вспомнил кое-что, сказанное Ван Хельсингом о смехе, который он назвал Королём Смехом. Он сказал, что Король Смех не стучит в дверь, а сразу врывается внутрь. Вы знаете, что это правда, если когда-нибудь видели что-то смешное и не могли удержаться от смеха, не только в тот момент, но и каждый раз, когда вспоминали. Я думаю, с настоящим вдохновением происходит то же самое. Нет никакой связи, на которую вы могли бы указать пальцем и сказать: *«О, конечно, я думал об этом, и это привело меня вот к этому»*. Вдохновение не стучит в дверь.

Я сделал двадцать отжиманий, затем тридцать,

и как раз в тот момент, когда собирался закончить, меня осенило. В какой-то момент идеи ещё не было, а в следующий — она появилась, причём полностью. Я встал и подошёл к решётке.

— Я знаю, что нам делать. Не уверен, сработает ли это, но ничего другого не остаётся.

— Говори, — сказал Йота, и я рассказал ему о фене моей матери, что он, конечно, не понял; там, откуда он родом, женщины с длинными волосами сушили их под солнцем. Впрочем, с остальным у него не возникло проблем. Как и у Стукса, который слушал в соседней камере.

— Передайте остальным, — сказал я. — Вы оба.

Стукс приложил ладонь ко лбу и поклонился. От этих поклонов мне всё ещё было не по себе, но если это сплачивало их, я готов был потерпеть, пока снова не стану обычным подростком. Вот только я не думал, что это произойдёт, даже если выживу. Некоторые изменения необратимы.

5

На следующее утро были сосиски.

Раздавая еду, Перси по обыкновению был молчалив, но в то утро ему было что сказать. Коротко: «Ееы, ееы». Что означало *«ешь, ешь»*.

Остальным он дал по три штуки. Я получил

четыре, и не только потому, что был Принцем Глубокой Малин. В каждую из сосисок была воткнута деревянная спичка с серной головкой. Я сунул две в один грязный носок, и две в другой. У меня была мысль, для чего они. Я надеялся, что не ошибался.

6

Последовало ещё одно мучительное ожидание. Наконец, дверь открылась. Появился Аарон с Леммилом — или как там его звали — и двое других ночных солдат. «На выход, малыши! — сказал Аарон, протягивая руки, чтобы открыть двери камер. — Хороший день для восьмерых, и плохой для остальных! Живей! Живей!»

Мы вышли из камер. Сегодня Хэтча не канючил, что болен; Стукс позаботился о нём, хотя лицо бедного Стукси уже никогда не будет прежним. Йота посмотрел на меня с полуулыбкой. Одно его веко дрогнуло, будто в подмигивании. Это придало мне немного мужества. А также осознание того, что сбежим мы или нет, Элден Летучий Убийца, Петра и его команда жополизов получат не то, что ожидают от «Честного».

Когда я проходил мимо Аарона, он задержал меня, уперев кончик своей гибкой палки в рваные

остатки моей рубашки. Полупрозрачное лицо на его черепе улыбалось. «Ты думаешь, ты особенный, да? Неа. Остальные думают, ты особенный, да? Они убедятся в обратном».

— Предатель, — сказал я. — Ты предал всё, чему присягал.

Его улыбка пропала с того, что было остатками его человечности; под ними череп скалился своей вечной ухмылкой. Аарон поднял гибкую палку, намереваясь обрушить её на моё лицо, располосовав от волос до подбородка. Я стоял в ожидании этого, даже слегка приподнял голову, готовый принять удар. Через меня говорил кто-то другой, и эти слова были равдивыми.

Аарон опустил свою палку: «Неа, неа, я не буду метить тебя. Оставлю это тому, кто покончит с тобой. Живей, пошёл. Пока я не решил обнять тебя, от чего ты навалишь в штаны».

Но он бы этого не сделал. Я знал это, и Аарон тоже. Второй раунд был объявлен, и он не мог позволить себе нарушить турнирную сетку, вырубив меня или даже убив.

Я последовал за остальными, и Аарон опустил свой хлыст на моё бедро, разорвав штаны. За первоначальным ожогом последовала жгучая боль и потекла кровь. Я не издал ни звука. Не доставил

этому дохлому сукину сыну такого удовольствия.

7

Нас отвели в ту же раздевалку, в двух дверях от комнаты чиновников, где мог — *мог* — быть выход наружу. Посреди комнаты стоял информационный щит, как и до этого, только в этот раз с меньшим количеством участников.

ВТОРОЙ РАУНД «ЧЕСТНОГО»

Первая группа

Ока против Галли (у.)
Чарли против Джайи
Мёрф против Фрида

Вторая группа

Бендо против Балта
Кэммит против Стукса
Эрис против Куилли
Дабл против Мизела

Третья группа

Эммит против Йоты

Значит в этот раз на финальный бой поставили крепышей. Я подумал, что это тоже неплохо,

но независимо от того, как пройдут следующие несколько минут, этот бой не должен состояться.

Верховный Лорд ждал нас, как и перед первый раундом, одетый в парадную форму. На мой взгляд, она походила на то, что мог одеть какой-нибудь диктатор бедной центральноамериканской страны по торжественному случаю.

— Вот мы и снова здесь, — прожужжал он. — Некоторые из вас потрёпаны, но, без сомнения, готовы и жаждут битвы. Что скажете?

— Да, Верховный Лорд, — сказал я.

— Да, Верховный Лорд, — эхом отозвались остальные.

Он посмотрел на моё кровоточащее бедро.

— Ты уже выглядишь потрёпанным, принц Чарли.

Я ничего не ответил.

Он оглядел остальных.

— Разве вы не так его называете? Принц Чарли?

— Нет, Верховный Лорд, — сказал Эммит. — Он просто маленький хрен, который любит важничать.

Келлину это понравилось. Его человеческие губы слегка улыбнулись; под ними виднелась застывшая ухмылка. Он снова обратил своё вни-

мание на меня.

— Говорят, настоящий принц умеет летать, и менять свой облик. Ты умеешь летать?

— Нет, Великий Лорд, — ответил я.

— Можешь менять свой облик?

— Нет.

Он поднял свою гибкую палку, которая была толще и длиннее, чем у его солдат.

— Нет *что*?

— Нет, Верховный Лорд.

— Так-то лучше. Я дам вам, малыши, немного времени подготовиться, — сказал Келлин. — Приведите себя в порядок для своих господ, прошу, сделайте это, и обдумайте порядок сегодняшних боёв, пока будете умываться. Намочите волосы и зачешите их назад, чтобы они видели ваши лица. Я ожидаю, что вы устроите отличное зрелище для Его Величества, как и в первом раунде. Поняли?

— Да, Верховный Лорд, — сказали мы, как группа прилежных первоклассников.

Он — *оно* — снова обвёл нас своими бездонными глазами, как будто что-то подозревал. Может быть, и так. Затем он ушёл вместе со своими подчинёнными.

— Посмотри на это, — ликовал Ока. — Я против мертвеца! Уж этот бой я должен выиграть.

— Сегодня мы все победим или не победит никто, — сказал я. Я посмотрел на полку, где стояли шестнадцать помывочных вёдер — да, они выставили одно даже для Галли.

— Чертовски верно, — прорычал Йо.

— Джайя и Эрис, встаньте по обе стороны двери. Эти два ведра должны быть полны доверху. Остальные, берите вёдра и вставайте на четвереньки.

— Зачем это? — спросил Бендо.

Тут я вспомнил старую школьную шутку: Адам и Ева собираются заняться сексом в первый раз. «Отойди назад, милая, — говорит Адам. — Я не знаю, насколько увеличится эта штука».

— Потому что я не знаю, что произойдёт.

«И потому, — подумал я, — *что не стоит пользоваться феном, когда принимаешь ванну. Об этом мне говорила моя мама»*.

Вслух я сказал:

— Мы будем устраивать помывку, но не себе. Это сработает.

Звучало неплохо, но я не был уверен. Единственное, в чём я был уверен: когда это случится, всё пройдёт быстро.

8

— Я слышу шаги, — прошептала Эрис. — Они идут.

— Жди, пока они не войдут, — сказал я. — Они не увидят вас, будут смотреть прямо перед собой.

Я надеялся.

Две женщины подняли свои вёдра к груди. Остальные стояли на четвереньках, у каждого под рукой было ведро для помывки. Эммит и Йота, защищая меня, нависли надо мной с обеих сторон. Дверь открылась. Появилась та же пара ночных стражей, которые несколько дней назад сопровождали первую группу для первого раунда. Я надеялся на появление Келлина или Аарона, но не был удивлён. Эти двое должны были находиться на поле, руководя празднеством.

Ночные стражи остановились, глядя на раскорячившихся на полу людей. Один из них сказал: «Что вы тут де…»

Я выкрикнул: *«СЕЙЧАС!»*

Джайя и Эрис облили их.

Как и говорил, я понятия не имел, что может произойти, но я даже представить не мог ничего подобного: стражи взорвались. Была пара ярких вспышек, которые на мгновение ослепили меня.

Я услышал, как что-то (несколько чего-то) просвистело у меня над головой, и что-то, похожее на укус пчелы, обожгло предплечье. Раздался пронзительный крик — боевой клич Джайи или Эрис. Я пригнул голову, поэтому не видел, чей. Затем последовали крики от внезапной боли с каждой стороны от меня.

— На ноги! — выкрикнул я.

В тот момент я не совсем понимал, что произошло, но нам следовало выбираться оттуда, — это я понимал отчётливо. Взрыв ночных стражей был громким, больше похожим на падение крупной мебели на ковёр, но женский крик прозвучал *гораздо* громче. Плюс грохот шрапнели. Когда я поднялся на ноги, то увидел, что у Йоты что-то торчит изо лба над левым глазом. По его лицу текла кровь. Это был осколок кости. В моей руке засел другой. Я вытащил его и бросил.

Несколько человек получили ранения, но никто сильно не пострадал, и все оставались в строю, за исключением Фрида, раненого до этого. Его поддерживал Мёрф, который должен был выступить против него в первой группе.

Йота вытащил кусок кости из своего лба, и не веря своим глазам, огляделся. Повсюду валялись осколки костей. Они были похожи на битую по-

суду. Всё, что осталось от ночных стражей, это их изрешеченная форма, будто их расстреляли в упор из дробовика, заряженного дробью.

Чья-то рука обвилась вокруг моей шеи и Эммит, невредимый, притянул меня в грубые объятия.

— Если бы ты не велел нам опуститься на пол, нас бы посекло на куски. — И он чмокнул меня в щёку. — Как ты узнал?

— Я не знал. — Я думал только о том, что мы должны пригнуться и приготовиться к атаке, как передовая линия игроков в футболе. — Все выходите. Берите свои вёдра. Йо и Эммит — впереди. Нам нужно попасть в комнату чиновников, через две двери отсюда. Если появятся ночные стражи, обливайте их и падайте на пол. *Все* падайте на пол, но постарайтесь не пролить воду. Теперь мы знаем, что с ними происходит.

Когда мы вышли с вёдрами (Эрис отбросила в сторону одну из рваных форм и плюнула на неё), я бросил взгляд назад. Раздевалка, в которой мы должны были ждать своей очереди, теперь превратилась в кладбище костей.

Хорошо.

9

Эммит и Йота шли впереди. Эрис схватила ведро покойного Галли взамен своего. Джайя с пустым ведром замыкала шествие. Как только мы достигли двери комнаты чиновников, ещё двое ночных стражей вошли в коридор с ярко освещённого поля.

— Ёу! — закричал один из них (я почти уверен, что это было *«ёу»*). — Что вы все делаете снаружи? Сейчас должна идти первая группа!

Эммит и Йота остановились. Мы все остановились. Эммит с поразительным смущением сказал:

— Разве в этот раз мы не все должны выйти? Чтобы отдать честь Его Величеству?

Они подошли ближе.

— Только первая группа, тупая ты башка! — сказал второй. — Остальные идите назад в…

Эммит и Йота переглянулись. Йо кивнул. Они синхронно шагнули вперёд, будто репетировали, выплеснули воду из вёдер и упали на пол. Остальные уже были на полу, в этот раз не на четвереньках, а лёжа на животе. В первый раз нам безмерно повезло; сейчас могло повезти меньше.

Эти двое стражей тоже взорвались. Помимо

вспышек и глухих хлопков, я услышал что-то вроде треска электричества, будто от высокой нагрузки поджарился маленький трансформатор; и я почувствовал запах озона. Над нами пролетели кучи костей, ударяясь о стены и отскакивая от пола.

Эммит поднялся и повернулся ко мне, обнажив все свои зубы в ухмылке, которая была не просто свирепой — она была дьявольской.

— Давай все выбежим туда, Чарли! У нас есть ещё не меньше дюжины вёдер! Давай взорвём как можно больше этих ублюдков!

— Никак нет. Мы уничтожим нескольких, а остальные сделают из нас фарш. Мы убегаем, не сражаемся.

Эммит был на взводе. Я опасался, что он не послушает меня, но Йо схватил его за шею и встряхнул.

— Кто тут принц, придурок? Ты или он?

— Он.

— Всё верно, и мы делаем то, что он говорит.

— Пошли, — сказал я. — Бендо? Балт? Вёдра полные?

— Наполовину, — сказал Балт. — С сожалением должен сказать, что я пролил немного, мой прин…

— Идите впереди, лицом к выходу. Дабл, вы с Кэммитом тоже. Если появятся другие…

— Мы сразу устроим им баню, — сказала Кэммит.

Я вел остальных, неся своё ведро. Я также пролил немного воды — мои штанины промокли — но ведро всё ещё было на три четверти полным. Дверь в комнату чиновников оказалась закрыта.

— Эммит, Йо. Попробуйте что-то сделать.

Они вместе ударили дверь. Она распахнулась. Внутри был полумрак и «зайчики» в глазах после взрывов нисколько не помогали сориентироваться.

— Кто хорошо видит? — крикнул я. — Там есть высокий шкаф, кто может ви…

Затем послышались крики замыкающих. Мгновение спустя произошла яркая вспышка. В её свете я увидел шкаф, стоящий у дальней стены; по бокам стояло с полудюжины деревянных стульев. Раздался крик боли, затем вторая яркая вспышка.

Подошли Бендо, Дабл и Кэммит; у Кэммита сильно кровоточили лицо и рука. Из ран торчали осколки костей, похожие на желтовато-белые отростки.

— Сделали ещё двоих, — пропыхтел Бендо, —

но второй добрался до Балта, прежде чем я успел достать его. Притянул его к себе… Балт начал *трястись*…

Значит мы потеряли одного, но если Бендо не ошибался, ночные стражи потеряли шестерых. Неплохо, но их ещё оставалось много.

— Йо, помоги мне отодвинуть этот шкаф.

Но Йо не стал помогать. Он подошёл к шкафу, который выглядел, как целая «стенка». Упёрся в него плечом и сильно толкнул. Шкаф проскользил четыре фута, пошатнулся и с грохотом упал. За ним оказалась дверь, как и говорилось в записке Перси.

Откуда-то донеслись крики — *жужжащие* крики. Отдалённые, но встревоженные. Я не знал, догадался ли Верховный Лорд, что его узники пытаются сбежать, но он и его команда ночных стражей должны были понимать, что *что-то* происходит.

Стукс поднял щеколду и распахнул дверь. Это удивило меня, но и воодушевило. *«Дверь может быть заперта»*, говорилось в записке Перси. *Может быть*. Я надеялся, что правильно понял то, что он имел в виду.

— Идем, — сказал я. — Все вместе.

Они ринулись гурьбой внутрь; Мёрф под-

держивал Фрида. Моё зрение теперь немного восстановилось, и я увидел торпедообразный фонарь, стоящий на одном из стульев. Я мысленно благословил Перси — *Персиваля* — много раз. Узнай они, что Перси помог нам, для него бы это плохо кончилось, — в случае провала побега. Может быть, в любом случае.

Йота отступил назад.

— Тут охренеть как темно, Чарли. Я… — Он увидел фонарь. — О! Если бы у нас только было, чем его зажечь.

Я поставил своё ведро, сунул руку в носок и вынул спичку. Йо с изумлением уставился на неё, затем на меня.

— *Ты* и правда принц.

Я протянул ему спичку.

— Может быть, но я не знаю, как этим пользоваться. Сделай сам.

Пока Йота зажигал фонарь — его стеклянная ёмкость была наполнена чем-то вроде керосина, — со стороны поля донеслись звуки топающих ног.

— Ёу! Ёу! Что там происходит? — Я узнал этот голос, жукоподобный или нет. — Почему эта дверь открыта?

Йота посмотрел на меня и поднял руки: в одной

зажжённый фонарь, другая — пуста. Без ведра.

— Иди туда, — сказал я. — Закрой дверь. Думаю, она запирается изнутри.

— Я не хочу оставлять те…

— ИДИ!

Он ушёл. В дверях появился Аарон, его голубая аура пульсировала так ярко, что больно было смотреть. И вот я оказался один с ведром, болтающимся в руке. Он остановился, на мгновение поражённый увиденным, не шевелясь.

«Не нужно было останавливаться», — подумал я. Сделал шаг вперёд и выплеснул воду из ведра на Аарона.

Я увидел воду, как в замедленной съёмке: большой аморфный кристалл. Череп под кожей Аарона продолжал ухмыляться, но то, что осталось от его человеческого лица, выглядело шокированным. Я успел подумать о Злой ведьме Запада, выкрикивающей: *«Я таю! Я таю!»* Аарон бросил свою проклятую палку и вскинул одну руку, будто загораживаясь. Я нырнул на пол как раз перед тем, как ослепительный взрыв отправил Аарона в ад, на что я надеялся.

Осколки костей пролетели надо мной… но не все из них безвредно. В этот раз это походило не на точечный укус пчелы, а на нити боли,

протянувшиеся через голову и левое плечо. Я, пошатываясь, поднялся на ноги, и повернулся к двери. Теперь я слышал, как приближаются другие. Жаль у меня не осталось больше воды; в дальнем углу была раковина, но не хватало времени.

Я поднял щеколду и потянул за ручку, ожидая, что дверь будет заперта. Но нет. Пройдя внутрь, я закрыл дверь и взял фонарь за деревянную ручку. Отступил и увидел два засова. Они выглядели крепкими. Я молил бога, чтобы так оно и было. Как только я задвинул второй, внутренняя щеколда поднялась и дверь начала дребезжать в проёме. Я отступил назад. Дверь была деревянной, а не металлической, но я всё равно не хотел получить удар током.

— *Откройте! Откройте во имя Элдена Летучего Убийцы!*

— Поцелуй меня в жопу во имя Элдена Летучего Убийцы, — кто-то сказал у меня за спиной.

Я обернулся. В тусклом свете фонаря я видел их, всех тринадцать. Мы находились в квадратном коридоре, выложенном белой плиткой. Он напомнил мне переходы в метро. На уровне головы крепились газовые лампы, скрывающиеся во тьме. Мои товарищи узники — *бывшие* узники,

по крайней мере сейчас — смотрели на меня широко раскрытыми глазами, и все, кроме Эммита и Йоты, выглядели напуганными. Они ждали, да поможет мне Господь, что принц Чарли поведёт их.

В дверь барабанили. В зазорах вокруг двери виднелось голубое свечение.

Вести за собой людей было достаточно легко, во всяком случае на данный момент, потому что оставался лишь один путь. Я протиснулся сквозь толпу, держа фонарь, чувствуя себя нелепо, как Леди Свобода с её факелом. Тут мне кое-что пришло в голову — реплика из военного фильма, который я видел по «Ти-Си-Эм». Она слетела с языка, прежде чем я успел её обдумать. Полагаю, я был либо в истерике, либо под вдохновением.

— Вперёд, сукины дети! Или вы хотите жить вечно?

Эммит рассмеялся и хлопнул меня по спине так сильно, что я чуть не выронил фонарь; это привело бы нас к тому, что в старых романах ужасов любили называть «ожившей тьмой».

Я пошёл вперёд. Остальные последовали за мной. Стук в дверь стих, затем остался позади. Ночным стражам Келлина пришлось бы чертовски попотеть, потому что дверь открывалась

наружу и потому что под их аурами от них не так уж много осталось… как мы узнали.

Храни Господь Персиваля, чья записка сначала показалась мне недостаточно понятной. Это было утверждение: дверь может быть заперта. В значении *«за тобой»*.

— Кто хочет жить вечно? — прорычал Йота, и ровное эхо отразилось от плитки.

— Я хочу, — пропищала Джайя… и вы можете не верить, но мы рассмеялись.

Все мы.

Глава двадцать шестая

Туннель. Скрежет. Трамвайный парк. Рыжая Молли. Группа приветствия. Материнское горе.

1

Думаю, туннель был чуть длиннее полутора миль от комнаты чиновников до того места, где мы, наконец, вышли; но пока мы шли с единственным фонарём, он казался нам бесконечным. Путь постоянно вёл вверх, иногда прерываясь короткими лестничными пролётами — шесть ступеней в одном, восемь в другом, четыре в третьем. Затем он круто повернул направо и там оказалось ещё несколько ступеней, в этот раз более длинный пролёт. К тому времени Мёрф больше не мог поддерживать Фрида, так что его вёл Эммит. Когда я добрался до верха, то остановился отдышаться, и Эммит догнал меня. И, казалось, он совсем не сбил дыхания, будь он неладен.

— Фрид говорит, что знает, куда выходит туннель, — сказал Эммит. — Поговори с ним.

Фрид посмотрел на меня. В тусклом свете фонаря его лицо представляло собой кошмар из синяков, шишек и порезов. От которых он мог бы оправиться, но рана на ноге была инфицирована. Я чувствовал это по запаху.

— В прежние времена я иногда приходил с чиновниками, — сказал Фрид. — С судьями и

пограничниками. Лечить порезы, переломы и разбитые головы, вы понимаете. Это не как «Честный» — убийство ради убийства, но [*слово, которое я не смог перевести*] были довольно жестоки.

Остальная часть нашей весёлой компашки столпилась внизу на ступеньках. Мы не могли позволить себе привал, но нам нужно было (*мне* нужно было) узнать, что ожидает впереди, поэтому я помахал рукой перед лицом дока, мол, продолжай говорить, но побыстрее.

— Мы не пользовались туннелем, чтобы попасть на Поле Монархов, но мы часто уходили по нему. Всегда, если Эмпис проигрывал из-за решений судьи, что приводило толпу в ярость.

— Судью на мыло, — сказал я.

— А?

— Не важно. Где он выходит?

— В трамвайном парке, естественно. — Фрид выдавил слабую улыбку. — Потому что, вы должны понимать, когда Эмпис проигрывал, было разумно покинуть город как можно скорее.

— Как близко этот парк к центральным воротам?

Фрид ответил то, что я хотел услышать и боялся, что не услышу.

— Довольно близко.

— Пошли, — сказал я. Почти добавил «живей, живей», но сдержался. Это было словечко наших пленителей, а я не хотел уподобляться им. Мы разделались с семерыми из них. И не важно, как всё обернулось бы в конце туннеля.

— У кого ещё есть вёдра с водой? — спросил я.

У шестерых, но не полные. Я попросил их держаться за мной. Мы могли использовать то, что имели, а уж потом сделать всё, что могли.

2

Мы поднялись ещё на один лестничный пролёт и Эммит, запыхавшийся к тому времени, передал Фрида Йоте. Фрид сказал:

— Оставьте меня. Я мёртвый груз.

— Побереги дыхание, чтобы остудить варево, — проворчал Йо. То ли речь шла про *кашу*, как в сказке про Златовласку и трёх медведей; то ли про *суп*.

Коридор теперь поднимался более круто, как тот, что вёл на поле. Я надеялся, что мы скоро дойдём до конца, потому что запас топлива в фонаре почти иссяк, и свет тускнел. Затем, справа от нас, я услышал скрежет за кафельной стеной. Довольно близко. Я вспомнил свой обречённый забег к

внешним воротам, когда петлял между надгробий, и волосы у меня на шее встали дыбом.

— Что это? — спросил Куилли. — Звучит, как…

Он не закончил, но мы все знали, как это звучит: как пальцы. Пальцы в земле, тянущиеся на шум в коридоре.

— Я не знаю, что это, — сказал я. Что, если подумать, было ложью.

Эрис сказала:

— Когда его сознание не спокойно — я имею в виду Элдена, — мёртвые становятся беспокойными. Так я слышала. Это могут быть всего лишь сказки, которыми пугают детей. Даже, если это правда, я не… не думаю, что они смогут пробраться сюда.

Я не был так уверен. Я-то видел торчащие из земли руки мертвецов, выползающих на свет божий, и слышал скрип ржавых петель, будто какое-то нечто выходит из склепов и гробниц. И не оно одно.

— Всего лишь крысы. — Это был Мизел. Он старался придать голосу уверенности. — Может быть, полёвки. Или хорьки. Всё остальное — лишь сказки для детей. Как она и сказала.

По правде говоря, я не думал, что мертвецы смогут пробиться сквозь кафельную стену, разде-

ляющую нас, но был рад, когда скрежет остался позади. Если это было кладбище, у меня появилось приблизительное представление о том, где мы находимся, и если я был прав, мы и правда недалеко от ворот.

Когда мы дошли до очередного пролёта, крутого и длинного, фонарь начал гаснуть.

— Бросьте меня, бросьте, — застонал Фрид. — Я готов.

— Заткнись или я заткну тебя собсноручно, — пропыхтел Йо, и начал подниматься по лестнице с Фридом на руках. Я и остальные последовали за ним. Наверху была маленькая комната со скамейками вдоль стен и с дверью. Дверь оказалась заперта, и в этот раз не изнутри. Так было бы слишком просто. Вместо ручки торчал ржавый рычаг. Эммит схватился за него, повернул и потянул изо всех сил. Рычаг оторвался.

— Блядь! — Он бросил его и посмотрел на свою кровоточащую руку. — Йо, поди сюда! Встань рядом и ударь её!

Йо передал дока Фрида Кэммиту и Куилли, затем встал рядом с Эммитом плечом к плечу. Пламя внутри фонаря вспыхнуло, как последний вздох умирающего. На секунду я увидел наши тени на белой плитке, а затем мы погрузились в

темноту. Джайя издала стон.

— Вместе со мной! — зарычал Эммит. — На счёт три бей, мать его, так сильно, как ты бил когда-либо в своей жизни! Раз… два… *ТРИ!*

На мгновение забрезжил свет, когда дверь задрожала в проёме, затем мы снова оказались в темноте.

— О, ты можешь бить сильнее, ты грёбаный… — *Салага? Ссыкун?* Я услышал и то и другое одновременно. — На счёт три! — Раз… два… *ТРИ!*

Засовы на двери, видимо, были крепкими, потому что они выдержали. Но поддались петли, и дверь выпала из проёма. Йота и Эммит залетели в проход. Йота упал на колени и Эммит рывком поднял его на ноги. Мы прошли за ними.

— Слава всевышним богам! — воскликнул Ока. Его голос разлетелся эхом в пустом пространстве: *ава-ава* и *огам-огам*. Секунду спустя нас окутало облако кожистых крыльев.

3

Эрис и Джайя завизжали хором. Они были не единственными, кто закричал; думаю, большинство из нас завопили в ужасе. Уж я точно. Я выронил фонарь, чтобы прикрыть голову, и услышал, как он разбился о каменный пол.

— Мыши, — прохрипел Фрид. — Просто летучие мыши. Они гнездятся… — Он начал кашлять и не смог договорить, но указал вверх, в глубокую темноту.

Эммит услышал его и проревел: *«Летучие мыши! Они не причинят вреда! Стойте на месте и отгоните их прочь!»*

Мы размахивали руками, я надеялся, что это не мыши-вампиры, огромные, как в туннеле между Иллинойсом и Эмписом. Я мог мельком видеть их, когда они пикировали и поворачивали обратно, потому что слабый свет — думаю, лунный, подёрнутый облаками — просачивался сквозь ряд маленьких окон, расположенных на высоте. Я видел большинство остальных, все они бешено размахивали руками. Кэммит и Куилли держали Фрида, поэтому не могли махать, но док сам кое-как размахивал руками и при этом сильно кашлял.

Мыши устремились прочь, обратно под высокий потолок огромного помещения, в котором мы оказались. Судя по всему, это был гараж трамвайного парка. Там ровными рядами стояло не меньше двадцати трамваев. На их тупых носах были обозначены пункты назначения: ПРИМОРЬЕ, ДЕСК, УЛЛУМ, СЕВЕРНЫЙ ТАЙВО,

ЮЖНЫЙ ТАЙВО, ЗЕЛЁНЫЕ ОСТРОВА. Рогатины на их крышах, предназначенные для подачи электричества от воздушной линии проводов (большая часть которых теперь лежала на улицах) торчали безвольно и уныло. На боковых сторонах тех вагонов, что я мог видеть, золотыми хлопьями были написаны слова, явно вышедшие из моды в Эмписе наших дней: ДРУЖБА, МИР, ДОБРОТА и ЛЮБОВЬ.

— Как нам выбраться отсюда? — спросил Стукс.

Эрис сказала:

— Разве ты не умеешь читать?

— Думаю, не хуже любого пахаря, — сердито ответил Стукс. Конечно, я бы тоже сердился, если бы мне приходилось затыкать щёку, чтобы через неё не вываливалась еда.

— Тогда прочитай это, — сказала Эрис, указывая на высокую центральную арку в дальнем конце гаража.

Там было написано: ВЫХОД.

Мы прошли через арку, тринадцать потенциальных беглецов, следующих за своим бестолковым принцем. И оказались в помещении, почти таком же большом, как гараж, где с одной стороны находился ряд кабинок, похожих на билетные

кассы, а с другой — небольшие арки с указанными на них пунктами назначения. Стёкла в окошках касс были выбиты, гигантская бабочка в центре разбита на куски, а фреска с монархами забрызгана краской, но вандалам не удалось испортить всех бабочек: высоко наверху, по всему помещению, были выложены яркие жёлтые плитки с изображением бабочек-монархов на каждой. Вид того, что приспешники Элдена не смогли уничтожить, принёс мне утешение. И если я был прав, поблизости могло оказаться кое-что полезное.

— Пошли, — сказал я, и указал на ряд дверей. Я перешёл на бег.

4

Мы ворвались во внешний мир, некоторые всё ещё размахивали вёдрами. Мы сгрудились на верху лестницы, ведущей вниз к Галлиенской дороге; Кэммит и Куилли кряхтя несли Фрида между собой. Послышался лязг приземистого автобуса Верховного Лорда, и я увидел дюжину или около того ночных солдат, бегущих за ним, рассредоточившись по широкой магистрали. Я думал, что маленькая машина Келлина была единственным моторизованным транспортом в Лилимаре, но

ошибался. Был ещё один, возглавлявший свору ночных солдат, и в отличие от автобуса, он не был электрическим. Транспорт тарахтел и выпускал выхлопные газы, пока приближался к нам. Огромные рычаги торчали из передней части дощатого фургона. Четыре окованных железом колеса выбивали искры на брусчатке.

Впереди, добавляя мощности к двигателю фургона, громоздилась Рыжая Молли, сидевшая на высоком сиденье и изо всех сил крутившая педали. Её огромные колени мелькали вверх и вниз. Она склонилась над рычагами, как безбашенный мотоциклист. Возможно, мы смогли бы опередить остальных на пути до ворот, но она приближалась слишком быстро.

Я видел столбы в красно-белую полоску, видел спутанный клубок трамвайных проводов, о которые чуть не споткнулся, и видел кусты ежевики, в которые забросил свой рюкзак, чтобы бежать немного быстрее. В тот раз у меня не получилось, но я не собирался проиграть и во второй раз. Никто из нас не собирался, если только рюкзак всё ещё был там.

— Вот сука — я с ей разберусь! — прорычал Йота, сжимая кулаки.

— Я помогу, — сказал Эммит. — Помогу или

будь оно всё проклято.

— Нет, — сказал я, вспомнив племянника Вуди, Алоиса, и как мать Рыжей Молли снесла ему голову с плеч. — Йо, подожди.

— Но я могу…

Я взял его за плечо.

— Она пока что не заметила нас. Она смотрит прямо перед собой. У меня кое-что есть. Поверь мне. — Я взглянул на остальных. — Все ждите здесь.

Низко пригнувшись, я сбежал вниз по ступенькам. Тарахтящий и пыхтящий мотофургон достаточно приблизился, чтобы я видел очертания Рыжей Молли… но она продолжала смотреть строго перед собой, щурясь — возможно, от близорукости, — и высматривая нашу ватагу, бегущую к воротам.

Возможно, мне удалось бы застичь её врасплох, но вдруг маленькая фигура в зелёных бриджах — в зелёных бриджах с вырванным сзади куском ткани — выбежала на улицу, махая руками.

— *Он — там!* — заверещал Питеркин, указывая прямо на меня. Как он нас увидел? Неужели он ждал нас? Я не знал, да мне было насрать. У этого мелкого ублюдка была привычка появляться в самый неподходящий момент.

— *Он там, прямо там!* — Он указал на меня, подпрыгивая от возбуждения. — *Ты что ли не видишь его, ты слепая гигантская сука, ОН ПРЯМО Т…*

Молли не стала замедляться, просто наклонилась и саданула его. Питеркин взлетел в воздух. Я мельком увидел его лицо, на котором застыло выражение крайнего потрясения, и затем он разделился посередине. Удар Рыжей Молли был настолько сильным, что буквально разорвал его надвое. Тело, должно быть, взлетело футов на двадцать, повсюду разлетались кишки. Я снова подумал о Румпельштильцхене — невозможно было не думать.

Рыжая Молли ухмылялась, обнажая заострённые зубы.

Слава Богу, они не нашли мой рюкзак. Он всё ещё лежал в зарослях ежевики. Шипы царапали мои голые руки, когда я доставал его. Но я не чувствовал боли. Один из бегунков молнии, удерживающей рюкзак в закрытом состоянии, легко скользнул в сторону; другой застрял. Я разорвал молнию и вытащил банки с сардинами, банку ореховой пасты, банку из-под соуса для спагетти с собачьим кормом, рубашку, мою зубную щётку, пару трусов…

Йота схватил меня за плечо. Мой маленький отряд водных воинов последовал за ним вниз по ступенькам вопреки моему приказу, но так было даже лучше.

— Йо, уводи остальных, бегом! Фрида неси сам. Те, у кого осталась вода, пусть замыкают! У ворот выкрикни: *откройтесь именем Лии Галлиен!* Запомнил?

— Ага.

— *СЕЙЧАС ТЫ УМРЁЁЁШЬ!* — закричала Рыжая Молли глубоким баритоном, усиленным объёмистыми лёгкими.

— Тогда вперёд!

Йо махнул мясистой рукой остальным.

— Пошли, банда! Шевелитесь ради своих же жизней! — Почти все так и сделали. Но не Эммит. Очевидно, он назначил себя моим защитником.

У меня не было времени спорить с ним. Я откопал на дне рюкзака пистолет Полли 22-го калибра и вытащил его вместе с ещё несколькими банками сардин и упаковкой «Набиско Хани Грэхамс», которую даже не помнил, как положил. Рыжая Молли остановилась в тридцати футах от лестницы трамвайного парка и слезла со своего высокого сиденья; одна её рука была по локоть в крови Питеркина. Эммит встал передо мной, так

не годилось, если я не хотел попасть ему в голову. Я пихнул его в сторону.

— Отойди, Эммит!

Он не обратил внимания, и бросился на Рыжую Молли с яростным рёвом. Эммит был крупным мужчиной, но рядом с великаншей казался не больше Питеркина, который теперь лежал мёртвый, разорванный надвое. На мгновение Молли была слишком изумлена этой неожиданной атакой, чтобы пошевелиться. Эммит воспользовался возможностью. Он схватил одну из её широких подтяжек и подтянулся одной рукой. Затем открыл рот и впился зубами в её руку чуть выше локтя.

Рыжая Молли взвизгнула от боли, схватила Эммита за сальную копну волос, и оттащила его голову в сторону. Сжав кулак, она ударила не по его лицу, а сквозь него. Глаза Эммита выпучились в двух разных направлениях, будто не желая видеть красную дыру на месте его носа и рта. Молли подняла его одной рукой и покачала этого здоровяка из стороны в сторону, как куклу. Затем она швырнула его в сторону кладбища, из её прокушенной руки фонтаном хлынула кровь. Эммит был крепким и бесстрашным, но она расправилась с ним, будто с маленьким ребёнком.

Потом она повернулась ко мне.

Я сидел на мощёной поверхности Галлиенской дороги, разведя ноги и держа обеими руками автоматический пистолет Полли. Я вспомнил, как этот пистолет прижимался к моему затылку. И снова подумал о Румпельштильцхене, о том, как Полли был похож на этого сказочного карлика: *что ты мне дашь, если я заплету солому в золото?* Полли убил бы меня, заполучив сокровища мистера Боудича, и скинул бы моё тело в волшебный колодец в сарае мистера Боудича.

Я хорошо помню, как надеялся, что маленький пистолет остановит великаншу, как маленький камень из пращи Давида остановил Голиафа. Может и вышло бы, будь он полностью заряжен. Но из пистолета уже дважды стреляли в другом, не таком волшебном мире.

Рыжая Молли подошла ко мне, ухмыляясь. Из её раненой руки текла кровь. Она не обращала на это внимания. Я надеялся, что последний укус Эммита вызовет инфекцию, которая убьёт её, если не смогу я.

— Ты не принц, — сказала она своим рокочущим баритоном. — Ты букашка. Ничего, кроме *букашки*. Я просто наступлю на тебя…

Я выстрелил. Пистолет издал негромкий

хлопок, не громче пневматической винтовки «Дейзи», которая была у меня в шестилетнем возрасте. Возле правого глаза Рыжей Молли появилась маленькая чёрная дырка. Она отступила, и я снова выстрелил в неё. В этот раз дырка появилась на шее, и когда она взвыла от боли, из дырки хлынула кровь. Она хлестала под таким сильным давлением, что казалась твёрдой, как древко красной стрелы. Я снова выстрелил и в этот раз чёрная дырка, ненамного больше точки, которую вы ставите в конце предложения, появилась на кончике её носа. Ничто из этого не остановило её.

— *ТЫЫЫ…!* — заорала она, и ринулась на меня.

Я не отступил и даже не попытался увернуться; это бы сбило прицел, к тому же бежать уже было поздно. Она догнала бы меня за пару гигантских шагов. Как раз перед тем, как Молли собралась схватить меня за голову, как схватила Эммита, я выстрелил ещё пять раз подряд. Каждая пуля вошла в её открытый, кричащий рот. Первые две — может быть, три — выбили ей несколько зубов. В «Войне миров» наше самое совершенное оружие мало что могло сделать против неистовствующих марсиан; их убили земные микробы. Я не думаю, что хоть одна пуля из маленького

пистолета Полли могла убить Рыжую Молли, даже все восемь, что оставались в обойме.

Думаю, она проглотила выбитые зубы… и подавилась ими.

5

Если бы Молли упала на меня, её туша задержала бы меня до подхода Келлина со своими ночными стражами, или раздавила всмятку. Она весила не меньше пятисот фунтов. Но сначала она рухнула на колени, задыхаясь и хватая ртом воздух, держась за кровоточащее горло. Её невидящие глаза выпучились. Я отполз назад на заднице, повернулся на бок и перекатился. Ночные стражи приближались, я бы ни за что не успел добраться до ворот, а пистолет был разряжен.

Рыжая Молли сделала последнюю попытку добраться до меня, размахивая раненой рукой и брызгая на мои щёки и лоб своей кровью. Затем она упала ничком. Я встал на ноги. Я мог бы побежать, но какой в этом был смысл? Лучше встретить противника лицом к лицу и умереть достойно.

Тут я подумал о своём отце, который продолжал надеяться, что я вернусь домой. Он, Линди

Франклин и дядя Боб, наверное, обклеили каждый город между Сентри и Чикаго фотографиями меня с Радар — ВЫ ВИДЕЛИ ЭТОГО ПОДРОСТКА ИЛИ ЕГО СОБАКУ? Проход в Эмпис остался бы без присмотра, что, возможно, было важнее одного обездоленного отца, но ночные стражи приближались, и я думал об отце. Он перестал пить и ради чего? Жена умерла, сын пропал без следа.

Но если бы Йота смог вывести остальных за ворота, куда, я надеялся, ночные стражи не могли пройти, они бы обрели свободу. Вот так.

— *Ну же, вы, сукины дети!* — закричал я.

Я бросил бесполезный пистолет и широко развёл руки. Позади шеренги голубых фигур Келлин остановил свой маленький автобус. Сначала я решил, что он хочет полюбоваться, как меня будут убивать, но он смотрел не на меня. Он смотрел на небо. Ночные стражи остановились, находясь всё ещё в семидесяти или восьмидесяти ярдах от меня. Они тоже смотрели вверх с одинаковым выражением изумления на прозрачных человеческих лицах, которые покрывали их черепа.

Было достаточно светло, даже несмотря на то, что вечно мчащиеся наперегонки луны были скрыты. На городскую стену надвигалось облако. Оно разворачивалось в сторону Галлиенской до-

роги, дорогих магазинов, арок и дворца за ними, где три зелёных стеклянных шпиля сияли в огнях игрового поля.

Это было облако бабочек-монархов, похожее на калейдоскоп. Они пролетели надо мной без остановки. Им нужны были ночные стражи. Бабочки замедлились, сделали круг, а затем спикировали вниз бомбардировочным ударом. Стражи подняли руки, как говорят сделал Летучий Убийца после государственного переворота, но они не обладали его силой, и бабочки не погибали. За исключением тех, что были в первых рядах, поразивших высоковольтные голубые ауры. Когда бабочки попадали в эти голубые оболочки, возникали яркие вспышки. Это напоминало толпу невидимых детей, размахивающих бенгальскими огнями на праздник Четвёртого июля. Сотни бабочек сгорали, но за ними следовали тысячи, либо затушив смертоносные ауры, либо замкнув их. Облако, казалось, уплотнялось, поглощая ночных стражей.

Я побежал к внешним воротам. Они были открыты. Моя группа заключённых вышла наружу, но что-то влетело внутрь. Что-то чёрное, приземистое и неистово лающее. Я думал, что больше всего на свете хотел убраться из этого проклятого

одержимого города Лилимар, но теперь понял, чего я хотел ещё сильнее. Я вспомнил Дору, когда она увидела мою собаку, как она звала её изо всех сил своим надломленным голосом. Мой голос тоже надломился, но не от какого-то разрушающего проклятья, а от рыданий. Я упал на колени и протянул руки.

— *Радар! Радар! РАДС!*

Она влетела в меня и сбила с ног, скуля и облизывая моё лицо сверху донизу. Я крепко обнял её, что было мочи. И зарыдал. Я не мог остановиться. Не очень по-королевски, полагаю, но, как вы уже догадались, это не такая сказка.

6

Вопящий голос, который я хорошо знал, прервал наше воссоединение.

— ШАРЛИ! ПРИНЦ ШАРЛИ! УБИРАЙСЯ ОТТУДА НА ХРЕН, ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ ЗАКРЫТЬ ВОРОТА! ИДИ К НАМ, ШАРЛИ!

«Точно, — подумал я, поднимаясь на ноги. — *И напряги свой сральник, принц Шарли»*.

Радар, лая, прыгала вокруг меня. Я побежал к воротам. Клаудия стояла сразу за ними, и она не была одна. С ней был Вуди, а между ними, верхом на Фаладе, Лия. Позади них — оставшиеся узники

Глубокой Малин, а ещё дальше — толпа людей, которых я не мог разглядеть.

Клаудия не хотела входить в Лилимар, но как только я прошёл через ворота, она заключила меня в объятия так крепко, что у меня хрустнуло в спине.

— Где он? — спросил Вуди. — Я слышу собаку, но где…

— Здесь, — отозвался я. — Я тут. — В этот раз была моя очередь обнимать его.

Когда я разжал объятия, Вуди приложил ладонь ко лбу и опустился на одно колено.

— Мой принц. Это с самого начала был ты, и ты пришёл, прямо как говорилось в старых историях.

— Встань, — сказал я. Со слезами, всё ещё льющимися из глаз (и соплями из носа, которые я вытер тыльной стороной ладони), и весь в крови, я никогда в жизни не чувствовал себя настолько по-королевски. — Прошу, Вуди, встань. Поднимись.

Он послушался. Я посмотрел на свою группу, наблюдавшую за нами с благоговением. Эрис и Джайя обнимали друг друга. Йо держал Фрида на руках. Нет никаких сомнений, что некоторые мои друзья, возможно, все, точно знали, кто эти

трое рядом со мной: не просто цельные люди, но цельные люди истинной крови. Они были членами изгнанной королевской семьи Эмписа, и за исключением, возможно, обезумившей Йоланды и отшельника Бёртона, они были последними из рода Галлиенов.

Позади беглецов стояли шестьдесят или семьдесят серых людей, некоторые с факелами и с торпедообразными фонарями, похожими на тот, что Перси оставил для меня. Среди них я увидел кое-кого знакомого. Радар уже подбежала к ней. Я тоже приблизился, едва осознавая, что изуродованные люди, которые были прокляты Элденом — или существом, которое верховодило им, — падали на колени вокруг меня, прикладывая ладони ко лбу. Дора также попыталась встать на колени. Я ей не позволил. Я обнял её, поцеловал в обе серые щёки и в уголок рта-полумесяца.

Я подвёл её к Вуди, Клаудии и Лии.

— ЗАКРОЙТЕСЬ ИМЕНЕМ ЛИИ ГАЛЛИЕН! — проревела Клаудия.

Ворота начали медленно закрываться, механизм внутри застонал, словно от боли. Пока они закрывались, я увидел огромную фигуру, спускающуюся большими шагами по центральной улице. Над ней и вокруг неё кружились облака

бабочек, некоторые даже освещали её плечи и массивную голову, но это не был ночной страж, и фигура просто игнорировала атаки бабочек. Когда ворота преодолели половину пути на своей скрытой направляющей, великанша издала такой громкий и ужасный вопль горя, что все, кроме Клаудии, зажали уши.

— *МОЛЛИ!* — закричала Хана. — *О, МОЯ МОЛЛИ! О, МОЯ ДОРОГАЯ, ОТЧЕГО ТЫ ЛЕЖИШЬ ТАК НЕДВИЖНО?*

Она склонилась над своей мёртвой дочерью, затем поднялась. Нас было много перед закрывающимися воротами, но она смотрела именно на меня.

— ВЕРНИСЬ! — Хана подняла кулаки, похожие на валуны, и потрясла ими. — ВЕРНИСЬ ТРУС, ЧТОБЫ Я МОГЛА УБИТЬ ТЕБЯ ЗА ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МОЕЙ ПРЕЛЕСТЬЮ!

Затем ворота закрылись, скрыв из вида скорбящую мать Рыжей Молли.

7

Я взглянул на Лию. Этим вечером на ней не было ни синего платья, ни фартука. Она оделась в тёмные брюки, заправленные в высокие кожаные сапоги, и стёганый синий жилет с

бабочкой-монархом, королевским гербом Галлиенов, с левой стороны, над сердцем. Вокруг талии был широкий пояс. На одном бедре висел кинжал, на другом, в ножнах — короткий меч с золотой рукоятью.

— Привет, Лия, — сказал я, вдруг смутившись. — Я очень рад тебя видеть.

Она отвернулась, не подав виду, что услышала — она могла быть так же глуха, как Клаудия. Её безротое лицо было непроницаемым.

Глава двадцать седьмая

Собрание. Снаб. Не диснеевский принц. Принц и принцесса. Договор.

1

очень хорошо помню две вещи о нашем собрании. Никто не упомянул имя Гогмагог, и Лия ни разу не посмотрела на меня. Вообще.

2

Позже той ночью в ангаре собралось шесть человек и двое животных — в ангаре, где мы с Радар укрывались перед входом в Лилимар. Вуди, Клаудия и я сидели вместе на полу. Радар лежала рядом со мной, крепко прижавшись мордой к моей ноге, будто для пущей уверенности, что я снова не сбегу от неё. Лия сидела отдельно от нас, на ступеньках перед трамваем с надписью ПРИМОРЬЕ. В дальнем углу стояла Франна, серая женщина, которая прошептала *«помоги ей»* перед тем, как я покинул ферму «гудев». Франна гладила Фаладу по голове, засунутой глубоко в мешок с зерном, который держал Йота. Снаружи столпились остальные беглецы из Глубокой Малин, и ещё больше серых людей. Волки не выли; по-видимому, они не любили толпы.

Револьвер 45-го калибра мистера Боудича снова висел у меня на бедре. Клаудия, может, и глухая,

но у неё было острое зрение. Она заметила блеск голубых камней в поясе с кончо, когда тот лежал глубоко в сорняках, обильно растущих с внешней стороны стены у ворот. Оружие нужно было почистить и смазать, чтобы быть уверенным в его надежности, но я собирался заняться этим позже. Я думал, что смогу найти всё необходимое на одном из заваленных бумагами верстаков в задней части ангара. Когда-то, в лучшие времена, здесь явно была ремонтная мастерская.

Вуди сказал:

— Змея ранена, но осталась жива. Мы должны отсечь её голову, прежде чем она сможет накопить яд. И ты должен повести, Чарли.

Он достал из кармана пальто блокнот и изящную перьевую ручку, и продолжая говорить, писал в нём так же быстро и уверенно, как любой зрячий человек. Он протянул его Клаудии. Она прочитала и энергично закивала.

— ТЫ ДОЛЖЕН ПОВЕСТИ, ШАРЛИ! ТЫ — ОБЕЩАННЫЙ ПРИНЦ! ПРЕЕМНИК АДРИАНА ИЗ ВОЛШЕБНОГО МИРА!

Лия коротко взглянула на Клаудию, затем снова опустила глаза, волосы закрыли её лицо. Её пальцы играли с рифлёной рукоятью меча.

Я определённо никому ничего не обещал. Я

был уставшим и напуганным, но было кое-что важнее этого.

— Допустим, ты прав, Вуди. Допустим, позволить Летучему Убийце накопить яд будет опасно для нас и для Эмписа.

— Так и будет, — тихо сказал он. — Так и есть.

— Даже в этом случае я не поведу толпу почти безоружных людей в город, если ты об этом. Половина ночных стражей может быть и мертва, их изначально было не так уж много…

— Да, — согласился Вуди. — Большинство умерло настоящей смертью, а не остались полуживыми на службе у монстра.

Я смотрел на Лию — по правде говоря, я едва мог отвести от неё глаз — и увидел, как она вздрогнула, будто Вуди ударил её.

— Мы убили семерых, а бабочки убили ещё больше. Но сколько-то осталось.

— Не больше дюжины, — пробурчал из угла Йо. — Может, меньше. Бабочки убили десятерых, я считал, а в шайке Келлина не было и тридцати.

— Ты уверен?

Он пожал плечами.

— Застряв в том месте, как мне казалось навсегда, мне ничего не оставалось, кроме как считать. Когда я не считал ночных стражей, я считал кап-

ли с потолка или каменные блоки в полу моей камеры.

В полу моей камеры было сорок три блока.

— Даже дюжина — это слишком много, когда прикосновением они могут ударить тебя током до потери сознания, или убить, заключив в объятья, — сказал я. — И у тех, кто остался, есть командир, Келлин.

Вуди нацарапал КЕЛЛИН в своём блокноте и протянул его Клаудии. Будучи слепым, он немножко промахнулся. Я поправил его, чтобы она смогла прочитать.

— КЕЛЛИН! ДА! — крикнула Клаудия. — И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРО ХАНУ!

Нет, я не забыл про Хану, которая жаждала крови.

Вуди вздохнул и потёр лицо.

— Келлин был командиром королевской гвардии, когда правил мой брат. Умный и храбрый. И я бы добавил «преданный». Я бы никогда не поверил, что он может встать против Джана. Но тогда я бы никогда не поверил, что Элден сделает то, что сделал.

Он не мог видеть, как Лия отвернулась от него, как отвернулась от меня, когда я поздоровался с ней. Но я видел.

— Вот, как я это представляю, — сказал я. — Мы должны остановить Летучего Убийцу, прежде чем он что-то предпримет. Что-то плохое. Я хочу сказать, посмотрите, что он уже сделал. Он наслал серость на целое долбаное королевство. Он сделал *людей* серыми, за исключением нескольких… — Я почти сказал «внебрачных», слово, которым мой отец называл Скутера Маклина, моего одноклассника с оттопыренными ушами. — Цельных, — неуверенно закончил я. — И он выкорчевал их с корнем. Я просто не знаю, как бороться с ним. И когда.

— Когда легче всего, — сказал Йота. Он закончил кормить Фаладу, и засовывал пустой мешок в один из коробов, привязанных у неё по бокам. — При дневном свете. Тогда эти голубые парни слабее, а при солнце они совсем не могут выходить наружу. Иначе — *бах.* И ничего, кроме костей. — Он посмотрел на Вуди. — По крайней мере, так я слышал.

— Я тоже это слышал, — сказал Вуди, — но не сильно бы этому верил. — Он что-то написал в блокноте и протянул его Клаудии. Я не мог видеть, что там, но она покачала головой и улыбнулась.

— НЕ, НЕ, ОН НЕ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ УЖЕ СДЕЛАЛ, НЕ ПРИБЕГАЯ К *ЭТОМУ*, И

ОН НЕ МОЖЕТ ЭТО СДЕЛАТЬ, ПОКА ЛУНЫ НЕ ПОЦЕЛУЮТСЯ! ТАКОВА ЛЕГЕНДА, И Я СЧИТАЮ ЕЁ ПРАВДИВОЙ!

Лиа подняла голову, и впервые она казалась заинтересованной. Она повернулась к Фаладе. Когда лошадь начала говорить, реакция Йоты, мягко говоря, была занятной.

— Моя хозяйка видела их сегодня, когда облака расступились на мгновение, и Белла почти догнала Арабеллу!

Вуди потянулся к Клаудии и похлопал её по руке, чтобы привлечь внимание. Он указал в сторону Лии, указал в небо, и пошевелил двумя пальцами перед лицом Клаудии, одним едва касаясь другого. Глаза Клаудии расширились, и её улыбка исчезла. Она посмотрела на Лию. «ТЫ ВИДЕЛА ЭТО?»

Лия кивнула.

Клаудия повернулась ко мне с выражением, которого я раньше не видел на её лице. Это был страх.

— ЗНАЧИТ ЭТО СЛУЧИТСЯ ЗАВТРА! ТЫ ДОЛЖЕН ОСТАНОВИТЬ ЕГО, ШАРЛИ! ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО МОЖЕТ! ОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ ДО ТОГО, КАК АРАБЕЛЛА ПОЦЕЛУЕТ СВОЮ СЕСТРУ! НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛИТЬ ЕМУ СНОВА ОТКРЫТЬ ТЁМНЫЙ

КОЛОДЕЦ!

Лия вскочила на ноги, схватила Фаладу за уздечку и повела к двери. Радар подняла голову и издала скулящий звук. Франна последовала за Лией и коснулась её плеча. Лия скинула её руку. Я встал.

— ОСТАВЬ ЕЁ, ОСТАВЬ, ЕЁ СЕРДЦЕ РАЗБИТО И ПОТРЕБУЕТСЯ ВРЕМЯ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ, — сказала Клаудия. Она без сомнения хотела, как лучше, но её громкий голос лишил слова всякого сочувствия. Лия вздрогнула от них.

Я всё равно подошёл к ней.

— Лия, прошу. Вер…

Она толкнула меня так сильно, что я чуть не упал.

И она ушла, ведя лошадь, которая была её голосом.

3

Ей не пришлось открывать дверь, потому что поблизости не было волков, и дверь оставили открытой. Толпа серых людей продолжала расти, и когда Лия появилась, ведя свою лошадь, те, кто стоял, упали на колени. Все они приложили ладони к своим лбам. У меня не было никаких сомнений, что если бы Лия или двое других вы-

живших членов королевской семьи приказали им захватить город, хотя бы попытаться, они бы это сделали.

Именно мой приход привёл к этому. Любые попытки отрицать это рушились, столкнувшись с одним простым фактом: они и правда думали, что я наречённый принц. Я не знал насчёт Лии, но Вуди и Клаудия верили в то же самое. В результате я становился ответственным за толпу потенциальных повстанцев, в том числе и Дору.

Я пошёл за Лией, но Клаудия схватила меня за руку.

— НЕ, ОСТАНЬСЯ! ФРАННА ПРИСМОТРИТ ЗА НЕЙ.

Вуди сказал:

— Пока сохраняй спокойствие, Чарли. Отдохни, если сможешь. Ты, наверное, устал.

Я объяснил, что мы, беглецы, сможем заснуть только при восходе солнца, а до тех пор будем бодрствовать. К тому же мы были на взводе и испытывали невероятную радость от того, что выбрались из темницы и оказались вдали от поля боя.

Вуди выслушал, кивнул и написал Клаудии. Я восхищался тем, каким аккуратным и ровным был его почерк, учитывая, что он не мог видеть. В

записке говорилось: *«Чарли и его группа привыкли бодрствовать ночью и спать днём»*. Клаудия кивнула в знак понимания.

— Она злится, потому что любила его, правда? Когда я встретил Лию, она сказала — через Фаладу, — что Элден был всегда добр к ней.

Вуди написал в своём блокноте и протянул Клаудии: «Он хочет знать о Л. и Э.» Под этим он добавил знак вопроса.

— ГОВОРИ ЕМУ, ЧТО ХОЧЕШЬ! — прогремела Клаудия. — У НАС БУДЕТ ДОЛГАЯ НОЧЬ, А ДОЛГИЕ НОЧИ ХОРОШИ ДЛЯ РАССКАЗОВ. ОН ЗАСЛУЖИВАЕТ ЗНАТЬ.

— Хорошо, — сказал Вуди. — Тогда знай, Чарли, что Лия предпочитает верить, что Элден мёртв, потому что она *не сможет* поверить в то, что он стал Летучим Убийцей. В детстве они были такими. — Он сложил руки вместе и сцепил пальцы. — Отчасти благодаря обстоятельствам рождения. Они были двумя самыми младшими, и когда их не игнорировали, к ним придирались. Старшие сёстры — Дрю, Элли, Джой и Фала — ненавидели Лию, потому что она была младшей дочерью их матери и отца, их любимицей, но также потому, что они были неприглядными, а она симпатичной…

— ЧТО ОН ТЕБЕ ГОВОРИТ? — проорала Клаудия. Я решил, что всё-таки она умеет немного читать по губам. — ОН ВЕДЁТ СЕБЯ ДИПЛОМАТИЧНО, КАК НА СВОЕЙ РАБОТЕ В ТЕ ВРЕМЕНА, КОГДА ДЖАН ВОССЕДАЛ НА ТРОНЕ? НЕ, НЕ, РАССКАЖИ ПРАВДУ, СТИВЕН ВУДЛИ! ЛИЯ БЫЛА КРАСИВА, КАК СОЛНЕЧНОЕ УТРО, А ОСТАЛЬНЫЕ ЧЕТЫРЕ — УРОДЛИВЫ, КАК КАМЕННЫЕ ЛОДКИ! ЭТИ ЧЕТЫРЕ ПОШЛИ В СВОЕГО ОТЦА, НО ЛИЯ БЫЛА КОПИЕЙ МАТЕРИ!

И опять, *«каменные лодки»* было не совсем то, что она сказала, но то, что я услышал. Думаю, не стоит объяснять вам, что я слушал очередную сказку. Не хватало только хрустальной туфельки.

— Девочки отточили свои и без того острые язычки на Элдене, — сказал Вуди. — Называли его Тупицей, Большелапым, Мистером Косоглазым и Серолицым…

— Серолицым? Правда?

Вуди улыбнулся тонкими губами.

— Ты начинаешь немного улавливать суть его мести, не так ли? С тех пор, как Элден Летучий Убийца пришёл к власти, Эмпис населён почти исключительно серолицыми людьми. Он искореняет тех немногих, кто невосприимчив к

проклятию, и он убил бы всех бабочек-монархов, если бы мог. Он не хочет, чтобы в его саду росли цветы, только сорняки.

Он наклонился вперёд, обхватив колени и держа блокнот в одной руке.

— Но девочки использовали только слова. Его брат терроризировал Элдена кулаками и пинками, когда поблизости никого не было, кроме его верных подлиз. Хотя в этом не было необходимости; Роберт был так же красив, как Элден уродлив, его ласкали и баловали родители, в то время, как Элдена они игнорировали, и у Роберта не было причин для ревности из-за трона, поскольку он был старшим и занял бы его после смерти или отставки Джана. Он ненавидел своего младшего брата просто так. Думаю… — Он замолчал, нахмурившись. — Думаю, для любви всегда есть причина, но иногда ненависть просто *есть*. Своего рода свободно парящее зло.

Я не ответил, но подумал о двух моих Румпельштильцхенах: Кристофере Полли и Питеркине. Зачем карлик приложил столько усилий, чтобы стереть инициалы, которые вывели бы меня из города задолго до темноты? Зачем он рисковал своей жизнью — и лишился её — указывая на меня Рыжей Молли? Потому что я перешёл ему

дорогу в деле с красным сверчком? Потому что я был высоким, а он низким? Я не верил в это ни секунды. Он делал это, потому что мог. И потому что хотел причинить неприятности.

Франна вернулась и что-то прошептала Вуди на ухо. Он кивнул.

— Она говорит, что поблизости есть уцелевшая церковь. Лия пошла туда с Дорой — дамой, которая чинит обувь — и ещё с несколькими, устраиваться на ночлег.

Я вспомнил эту церковь.

— Может быть, это и хорошо. Она, должно быть, устала. — Для Клаудии я указал на Франну у двери, затем сложил руки и положил на них голову.

— УСТАЛА? И ЛИЯ И ВСЕ МЫ! У НАС БЫЛ ДОЛГИЙ ПУТЬ, НЕКОТОРЫЕ ШЛИ МНОГО ДНЕЙ!

— Прошу, продолжай, — сказал я Вуди. — Ты говорил, что девочки ненавидели Лию, а Роберт ненавидел Элдена…

— Они все ненавидели Элдена, — сказал Вуди. — Все, кроме Лии. При дворе было ощущение, что он не доживёт до двадцати.

Я подумал о дряблом, пускающем слюни существе в VIP-ложе, его цвет лица из серого стал ещё более нездоровым зелёным, и задался вопросом, сколько лет Элдену сейчас. Я также гадал, что

двигалось под этим пурпурным кафтаном-халатом-мантией… но не был уверен, что хочу знать.

— Двое младших сошлись вместе из-за ненависти и неприязни остальных, а также потому, что они искренне любили друг друга, и… думаю… потому что они были умнее. Они исследовали почти каждый закоулок дворца, от верхушек шпилей, куда им запрещалось ходить, но куда они всё равно ходили, до нижних уровней.

— Глубокая Малин?

— Вероятно, и ещё глубже. Под городом есть много древних проходов, где мало кто бывал в течении долгих лет. Я не знаю, была ли Лия с ним, когда он наткнулся на Глубокий Колодец — она отказывается говорить о годах, когда они начали выходить из своего детства, — но вместе они побывали почти везде, за исключением, разве что, дворцовой библиотеки. Какой бы умной ни была Лия, она никогда не любила книги; Элден читал за них двоих.

— Держу пари, его брат высмеивал его и за это, — вставил Йо.

Вуди повернулся к нему и улыбнулся.

— Верно сказано, друг Чарли. И Роберт, и сёстры.

— О ЧЁМ ТЫ ЕМУ СЕЙЧАС ГОВОРИШЬ? — спро-

сила Клаудия. Вуди что-то быстро нацарапал в блокноте. Она прочитала, затем сказала: — РАССКАЖИ ЕМУ ОБ ЭЛЬЗЕ!

Я выпрямился.

— О русалке?

— Да, — согласился Вуди. — Дворцовой русалке. Тебе удалось увидеть её?

Я кивнул. Я не собирался говорить, что видел то, что от неё осталось.

— Она жила в маленькой скрытой нише, — сказал Вуди. — Почти в гроте. Хочется верить, что она до сих пор там живёт, но очень в этом сомневаюсь. Вероятно, она умерла от пренебрежения и голода. И, возможно, от печали.

Она и правда умерла, но не пренебрежение, голод или печаль убили её.

— Элден и Лия кормили её, и она им пела. Странные песни, но красивые. Лия сама когда-то пела. — Он остановился. — Когда у неё был рот, чтобы петь.

Я погладил Радар по голове. Она сонно посмотрела на меня. Наше путешествие было трудным как для неё, так и для меня, но для Радс всё обернулось хорошо. У неё теперь была новая жизнь и люди, которые любили её. Мысль о её побеге заставила меня вспомнить о том, как я получил

весть о её благополучном возвращении.

— Расскажи мне о сверчке, — попросил я Клаудию. — О красном сверчке. Вот таком большом. — Я развёл руки в стороны. — Я не понимаю, как он попал к тебе. Он пришёл с Радар? И почему…

Она бросила на меня раздражённый взгляд.

— ТЫ ЗАБЫЛ, ЧТО Я НЕ МОГУ СЛЫШАТЬ ТЕБЯ, ШАРЛИ?

Вообще-то, так и было. Я мог бы сказать, что этой ночью у неё были распущены волосы, закрывая уши, но это было бы неправдой. Я просто забыл. Поэтому я рассказал Вуди, как спас красного сверчка от Питеркина, и как позже увидел его, выползающего из дыры в стене темницы с запиской, приклеенной к брюшку. И с маленьким клочком меха Радар внутри. Как я приклеил свою записку и отправил его обратно, следуя изречению моего отца: *ничего не ожидай, но никогда не теряй надежды.*

— Хороший совет, — сказал Вуди, и начал что-то писать в своём блокноте. Она писал быстро, каждая строчка была удивительно ровной. За дверью серые люди устраивались на ночь; те, кто принёс одеяла, поделились с остальными. Через дорогу я увидел Фаладу, привязанную к коновязи

возле церкви и щиплющую траву.

Вуди передал блокнот Клаудии, и когда она читала, начала улыбаться. Улыбаясь, она выглядела красивой. Когда Клаудия заговорила, зазвучал не обычный её раскатистый голос, а гораздо более тихий, будто она говорила сама с собой.

— Несмотря на все усилия Элдена от имени сущности, которой он служит — он может не верить, что он её инструмент, но так оно и есть — волшебство живёт. Потому что волшебство трудно уничтожить. Ты и сам это видел, разве нет?

Я кивнул и погладил Радар, которая ещё недавно умирала, а сейчас снова была молодой и сильной после шести оборотов на солнечных часах.

— Да, волшебство живёт. Он называет себя Летучим Убийцей, но ты сам видел, что тысячи, нет, МИЛЛИОНЫ бабочек-монархов по-прежнему живы. И хотя Эльза может быть мертва, Снаб продолжает жить. Благодаря тебе, Шарли.

— Снаб? — спросил Йота, садясь прямо. Он хлопнул себя по лбу своей большой ладонью. — Всевышние боги, почему я не понял, когда увидел его?

— Когда он пришёл ко мне… о, Шарли… когда он пришёл…

К моему беспокойству, она начала плакать.

— Снова СЛЫШАТЬ, Шарли! О, снова СЛЫШАТЬ, пусть и не человеческий голос — было так ЧУДЕСНО…

Радар встала и подошла к ней. Клаудия на несколько секунд приблизила свою голову к голове Радар, одновременно поглаживая её по бокам от шеи до хвоста. Ища утешения. Вуди приобнял Клаудию. Я хотел было сделать то же самое, но не стал. Принц или нет, но я был слишком застенчив.

Клаудия подняла голову и тыльной стороной ладони вытерла слёзы со щёк. Когда она продолжила, звук её голоса был на обычной громкости.

— РУСАЛКА ЭЛЬЗА ПЕЛА ДЕТЯМ, СТИВЕН РАССКАЗАЛ ТЕБЕ ОБ ЭТОМ?

— Да, — сказал я, затем вспомнил, что она глухая, и кивнул.

— ОНА ПЕЛА КАЖДОМУ, КТО ОСТАНАВЛИВАЛСЯ ПОСЛУШАТЬ, НО ТОЛЬКО ЕСЛИ ОНИ ОЧИСТЯТ РАЗУМ ОТ ПОСТОРОННИХ МЫСЛЕЙ, ЧТОБЫ СЛЫШАТЬ. У РОБЕРТА И СЕСТЁР ЛИИ НЕ БЫЛО ВРЕМЕНИ НА ТАКИЕ ГЛУПОСТИ, НО ЭЛДЕН И ЛИЯ БЫЛИ ДРУГИМИ. ТО БЫЛИ ПРЕКРАСНЫЕ ПЕСНИ, РАЗВЕ НЕТ, ВУДИ?

— Были, — ответил он, хотя по выражению

его лица я понял, что он тоже тратил не много времени на песни Эльзы.

Я постучал себя пальцем по лбу, затем наклонился и постучал по её лбу. Поднял руки в вопросительном жесте.

— ДА, ШАРЛИ. ЭТО НЕ ТЕ ПЕСНИ, КОТОРЫЕ МОЖНО УСЛЫШАТЬ УШАМИ, ИБО РУСАЛКИ НЕ МОГУТ ГОВОРИТЬ.

— А сверчок? — Я изобразил рукой прыжок. — Как ты называешь его? Снаб?

Я ненадолго избавлю вас от раскатистого голоса Клаудии, хорошо? Красный сверчок не был снабом, он был Снабом. Клаудия называла его королём маленького мира. Тогда я предположил, что она имеет в виду насекомых (*Это просто проклятый жукан*, сказал Питеркин), но позже я пришёл к выводу, что Снаб мог быть правителем многих созданий, которых я видел. И, как и русалка Эльза, Снаб мог говорить с людьми, и он говорил с Клаудией после того, как составил компанию Радар до её дома. По словам Клаудии, он проделал большую часть пути верхом на спине Радар. Мне трудно было это представить, но я мог понять, почему; в конце концов, сверчок всё ещё восстанавливался после травмы ноги.

Снаб сказал ей, что хозяин собаки либо убит,

либо пленён в Лилимаре. Он спросил у Клаудии, может ли чем-то помочь, кроме возвращения собаки в целости и сохранности. Потому что, сказал он, юноша спас ему жизнь, и такого рода долг должен быть возвращён. Он сказал ей, что если юноша всё ещё жив, то его поместили в Глубокую Малин, а он знал, как туда пробраться.

— Снаб, — сказал Йота удивлённым голосом. — Я видел Снаба и даже не знал. Чтоб меня.

— Он не говорил со *мной*, — сказал я.

Вуди улыбнулся.

— А ты слушал?

Конечно, нет; моя голова была заполнена собственными мыслями… как и у многих, кто проходил мимо Эльзы, не слыша её песен, потому что они были слишком заняты, чтобы слышать. То же справедливо в отношении некоторых песен (и рассказов) и в моём мире. Они идут от разума к разуму, но только если вы слушаете.

Мне пришло в голову, что меня спас не только сон о мамином фене, но также король-сверчок, которому я помог. Помните, как в самом начале я сказал, что никто не поверит моей истории?

4

Я видел, что Вуди и Клаудия устали, даже Радар теперь посапывала, но я хотел узнать больше.

— Что Лия имела в виду, говоря о поцелуе лун?

Вуди ответил:

— Возможно, твой друг сможет рассказать.

Йота был готов с радостью. Историю о небесных сёстрах ему рассказывали в детстве, и как вы, наверное, сами знаете, дорогой читатель, именно истории из нашего детства оставляют самые глубокие впечатления и помнятся дольше всего.

— Они бегут друг за другом, как все видели. Пока облака не стали такими плотными и постоянными. — Йота взглянул на шрамы Вуди. — В общем, видели те, кто с глазами. Иногда впереди была Белла, иногда Арабелла. Большую часть времени одна значительно опережает другую, но затем расстояние начинает сокращаться.

Я сам это видел, когда облака расходились в стороны.

— В конце концов, одна проходит мимо другой, и в эту ночь они соединяются, будто в поцелуе.

— В былые времена мудрые люди говорили, что однажды они действительно столкнутся, — сказал Вуди, — и обе разлетятся на куски. Возможно,

им даже не нужно сталкиваться, чтобы уничтожить друг друга; их взаимное притяжение может разорвать их на куски. Как иногда случается в человеческих жизнях.

Йоте не были интересны подобные философские изречения. Онпродолжил:

— Также сказано, что в ночь, когда небесные сёстры целуются, всякое зло высвобождается, чтобы творить беды в мире. — Он остановился. — Когда я был маленьким, нам запрещали выходить, когда сёстры целовались. Выли волки, завывал ветер, но не только волки и ветер. — Он мрачно посмотрел на меня. — Чарли, весь мир *выл.* Будто от боли.

— И Элден может открыть Глубокий Колодец, когда это случится? Такова легенда?

Ни Вуди, ни Йо не ответили, но выражений их лиц было достаточно, чтобы я понял: по их мнению, это вовсе не легенда.

— И некая сущность живёт в этом Глубоком Колодце? Нечто, превратившее Элдена в Летучего Убийцу?

— Да, — сказал Вуди. — Ты знаешь его имя. И если да, ты знаешь, что даже произносить его опасно.

Я *знал*.

— ПОСЛУШАЙ МЕНЯ, ШАРЛИ! — От пронзительного безликого голоса Клаудии Радар открыла глаза и подняла голову, затем снова опустила. — ЗАВТРА МЫ ПОЙДЁМ В ГОРОД И ЗАХВАТИМ ЕГО ПОКА НОЧНЫЕ СТРАЖИ СЛАБЫ! ЛИЯ ПОВЕДЁТ НАС, КАК ЕЙ И ПОЛОЖЕНО, НО ТЫ ДОЛЖЕН НАЙТИ ЭЛДЕНА И ПРИКОНЧИТЬ ЕГО ДО ТОГО, КАК ОН СМОЖЕТ ОТКРЫТЬ КОЛОДЕЦ! ЭТО ДОЛЖНА БЫТЬ ЛИЯ, ОНА ЗАКОННАЯ НАСЛЕДНИЦА ТРОНА, И ПОЭТОМУ ЭТО ЕЁ ОБЯЗАННОСТЬ… ЕЁ НОША… НО…

Она не хотела говорить остальное так же, как не хотела произносить имя Гогмагога, обитающего в Глубоком Колодце. И ей не нужно было этого делать. Лия по-прежнему была тверда в своём убеждении, что её любимый брат, с которым она слушала песни русалки, не мог быть Летучим Убийцей. Несмотря на то, что она слышала, и от чего страдала сама, ей было легче поверить, что Элден мёртв и что монстр, правивший руинами Лилимара и немногими оставшимися жителями, был самозванцем, который назывался его именем. Если бы она действительно узнала, что это Элден, то найдя его глубоко в лабиринте туннелей и катакомб, могла замешкаться.

И погибла бы, как и многие её родственники.

— ТЫ — ПРИНЦ, ЧТО БЫЛ НАМ ПРОРОЧЕН, — сказала Клаудия. — У ТЕБЯ ЕСТЬ ВСЕ ЧУВСТВА, КОТОРЫЕ ОТОБРАЛИ У НАС. ТЫ ПРЕЕМНИК АДРИАНА, ТОГО, КТО ПРИШЁЛ ИЗ ВОЛШЕБНОГО МИРА. ТЫ — ТОТ, КТО ДОЛЖЕН УБИТЬ ЭЛДЕНА ДО ТОГО, КАК ОН ОТКРОЕТ ВРАТА АДА!

Йота слушал с округленными глазами и раскрытым ртом. Тишину нарушил Вуди. Он говорил тихо, но каждое слово поражало меня, как удар.

— Худшее из всего, нахудшая возможность: то, что однажды вернулось в Глубокий Колодец, может больше не вернуться туда. Открывая его, Элден рискует не просто сделать серым наш мир, но и полностью уничтожить. А потом? Кто знает, куда эта тварь может двинуться дальше?

Он наклонился вперёд, пока его безглазое лицо не оказалось вблизи от моего.

— Эмпис… Белла… Арабелла… другие, отличные от этого, миры, Чарли.

И правда. Разве я сам не пришёл из другого мира?

Думаю, тогда на меня начал накатывать холод, который я хорошо помнил по самым худшим из моих вылазок с Берти Бёрдом. И по общению с Полли, которому я сначала сломал одну руку, затем другую. И с Кла. Я швырнул в него куриной

ножкой и сказал: *«Я трахну тебя, детка»*. Что я и сделал, без сожаления. Я не был диснеевским принцем, и, может быть, к лучшему. Жителям Эмписа был нужен не диснеевский принц.

5

Клаудия и Вуди спали. Как и серые люди, которые пришли с ними. У них была трудная дорога, и на следующий день — дни — им предстояла большая работа. Я же никогда не чувствовал себя бодрее, и не потому, что мои часы сна и бодрствования перепутались. У меня оставались тысячи вопросов без ответов. И самым страшным был: что Гогмагог сделает, если выберется из колодца? Я был одержим мыслью, что он может проникнуть в наш мир, как это делали гигантские тараканы.

«Всё это началось с одного таракана», — подумал я, и чуть не рассмеялся.

Я вышел наружу. Звуки спящих — храп, стоны, периодический пердёж — напоминали мне о ночах в Глубокой Малин. Я сел у стены ангара и посмотрел на небо, надеясь найти в облаках брешь и увидеть единственную звезду или две, возможно, даже Беллу с Арабеллой, но видел только сплошную черноту. Которая в дневное

время стала бы серой. На другой стороне Королевской дороги Фалада продолжала пастись возле церкви. Несколько догорающих костров освещали ещё больше спящих. Теперь, казалось, там собралось не меньше сотни человек. Ещё не армия, но всё шло к тому.

Рядом со мной шевельнулись тени. Я повернулся и увидел Йо с Радар. Йо присел на корточки. Радс села рядом с ним, деликатно двигая носом и вдыхая ароматы ночи.

— Не спится? — спросил я?

— Ага. Часы у меня в голове сбились.

«Добро пожаловать в клуб», — подумал я.

— Как часто луны проходят над головой?

Он задумался.

— Не меньше трёх раз за ночь, иногда десять.

Мне это было непонятно, потому что я жил в мире, где часы вселенной всегда шли точно. Восход и заход луны можно было с точностью рассчитать на десять, пятьдесят и сотню лет вперёд. Но тут был не мой мир. Это был мир, где русалки и красный сверчок по имени Снаб могли передавать песни и мысли в головы тех, кто слушал.

— Я бы хотел посмотреть на них. Увидеть, насколько близко они друг к другу.

— Что ж, не выйдет. Но ты можешь увидеть

их свет через облака, когда они пройдут мимо. Чем ярче свет, тем они ближе. Но зачем тебе это? Если только ты не думаешь, что принцесса лгала насчёт того, что видела.

Я помотал головой. Невозможно было не заметить выражение тревоги на её лице.

— Это правда, что ты пришёл из другого мира? — резко спросил Йота. — Из волшебного мира? Думаю, так и есть, потому что я никогда не видел такого оружия, что у тебя на бедре. — Он замолк. — Я никогда не видел таких, как ты. Я благодарю всевышних богов, что мне не пришлось выйти против тебя в первом раунде «Честного». Тогда бы меня здесь не было.

— Ты бы уложил меня, Йо.

— Неа, неа. Ты принц. Сначала я об этом не думал, но это так. В тебе есть что-то такое же твёрдое, как старая краска.

«И тёмная сторона, — подумал я. — *Мой личный тёмный колодец, которого мне следует остерегаться».*

— Ты сможешь найти его? — спросил Йота, гладя Радар по голове своей большой, покрытой шрамами рукой. — Не сомневаюсь, об остальном мы сможем позаботиться. Ночные стражи с их слабостью при дневном свете не смогут защи-

тить эту маленькую шайку жополизов Элдена. Они разбегутся, как кролики, и мы убьём их, как кроликов, — но Летучий Убийца! Ты сможешь найти его, если он спрячется глубоко? У тебя есть, незнаю… что-то…

«Паучье чутьё»[49] — вот, что я подумал, но не это слетело у меня с языка.

— Вроде королевского чутья?

Он рассмеялся, но сказал «да», так что именно это он и имел в виду.

— Нет.

— Что на счёт Перси? Того, который помог нам? Он смог бы найти дорогу к Тёмному Колодцу?

Я обдумал эту мысль, затем покачал головой. Я чертовски надеялся, что Перси всё ещё жив, но знал, что шансы на это малы. Келлин узнал бы, что мы сбежали не собственными силами. Он мог бы отдать мне должное за смертельный трюк с водой, но откуда мы могли знать о двери, скрытой за шкафом? Об этом должен был сообщить «крот». И даже, если Перси до сих пор избегал смерти и камеры пыток, которая помогла бы развязать ему язык, шансы на то, что он знает дорогу до Тёмного Колодца были ничтожны.

---

[49] Примечания: 49

Способность человека-паука чувствовать приближающуюся опасность.

Мы находились в глубокой тени, куда не мог проникнуть даже мерцающий свет последних догорающих костров, поэтому я достал из носка ещё одну спичку и чиркнул ею о стену постройки. Я откинул волосы назад и поднёс спичку к лицу.

— Что ты видишь? Всё ещё ореховые?

Йота наклонился поближе.

— Неа. Голубые, мой принц.

Я не был удивлён.

— Зови меня Чарли, — сказал я и потушил спичку. — Что же касается мира, откуда я… то, думаю, все миры волшебные. Мы просто привыкаем к этому.

— Что теперь?

— Ты обо мне? Я собираюсь ждать. Ты можешь ждать вместе со мной или иди внутрь и попытайся поспать.

— Я останусь.

— Мы тоже, — сказал кто-то. Я обернулся и увидел двух женщин, Эрис и Джайю. Говорила Эрис. — Чего мы ждём, мой принц?

— Зови его Чарли, — сказал Йо. — Так ему больше нравится. Скромный, знаете ли. Как принц в рассказе.

— Либо мы увидим, чего я дожидаюсь, либо нет. Теперь тихо.

Мы стояли молча. Сверчки — думаю, не красные — стрекотали в траве и развалинах разрушенного пригорода, раскинувшегося за стеной города. Мы дышали воздухом свободы. Это было хорошо. Шло время. Фалада наелась, а затем просто стояла, опустив голову — наверное, дремала. Радар крепко спала. Через какое-то время Джайя указала на небо. За плотными облаками двигались два ярких огня, летящие с большой скоростью. Огни не касались друг друга — не целовались, — но даже через облака мы могли видеть, что они очень и очень близки. Они миновали трио шпилей дворца и исчезли. Газовые фонари, освещавшие стадион, погасли. В городе было темно, но за стеной несомненно патрулировали оставшиеся ночные солдаты.

Прошёл час, другой. Мои внутренние часы так же сбились, как и у Йоты, и твердили идти на покой с первыми лучами солнца, когда то, чего я ждал — на что надеялась тёмная часть моей натуры — случилось. Принцесса Лия вышла из церкви. В брюках, сапогах и с коротким мечом — это могла быть только она. Йо сел прямо и открыл рот. Я положил руку ему на грудь и поднёс палец к своим губам. Мы смотрели, как она отвязала Фаладу и повела её в сторону городских ворот,

держась в стороне от каменистой дороги, где стук копыт мог кого-нибудь разбудить. Принцесса казалась просто тёмной фигурой в темноте, когда забралась на лошадь.

Я встал.

— Никто не обязан идти со мной, — сказал я, — но после всего, через что мы прошли, я не стану останавливать вас, если решите пойти.

— Всегда с тобой, — сказал Йо.

— Я пойду, — сказала Эрис.

Джайя просто кивнула.

— Но не ты, Радар, — сказал я. — Останься с Клаудией.

Её уши опустились, хвост перестал вилять. В собачьих глазах безошибочно читались мольба и надежда.

— Нет, — сказал я. — С тебя достаточно одного похода в Лили.

— Женщина опережает нас, Чарли, — сказал Йо. — А главные ворота близко. Если мы хотим догнать её…

— Пошли, но медленно. У нас куча времени. Она не войдёт до рассвета. Она хочет своими глазами увидеть, что Летучий Убийца не её брат, и полагаю, она надеется спасти Элдена, если тот ещё жив, но она не глупа. Мы догоним её до того,

как она войдёт, и я уговорю её присоединиться к нам.

— Как ты это сделаешь? — спросила Эрис.

— Любыми необходимыми средствами. — На это никто ничего не ответил. — Элден уже мог быть у Тёмного Колодца, дожидаясь поцелуя лун. Мы должны были попасть туда и остановить его, пока это не случилось.

— Любыми необходимыми средствами, — тихо произнесла Эрис.

— Что, если Лия не знает дороги? — спросил Йота.

— Тогда, — сказал я, — нам кранты.

— Мой принц, — сказала Джайя. — В смысле, Чарли. — Она повернулась и на что-то указала.

Позади нас плелась Радар. Она увидела, что я обернулся, и бросилась догонять. Я встал на колени и обхватил её голову ладонями.

— Непослушная собака! Не пойти ли тебе назад?

Она только посмотрела на меня.

Я вздохнул и поднялся.

— Ладно. Пошли.

Она шла за мной по пятам, и вот так мы вчетвером — впятером, считая Радар — шагали к одержимому городу.

6

Ворота были уже близко — маячили — когда что-то выпрыгнуло на нас из разрушенного здания с левой стороны дороги. Я вытащил револьвер мистера Боудича, но прежде чем успел поднять его, не говоря уж о том, чтобы прицелиться, существо сделало большой (но слегка заваленный) прыжок и приземлилась на спину Радар. Это был Снаб. Мы были поражены; Радар — нет. Она уже возила этого пассажира раньше, и, казалось, готова была сделать это снова. Снаб уселся у неё на шее, как дозорный.

Я не видел никаких следов Лии или Фалады возле ворот. Мне это не понравилось. Я остановился, пытаясь решить, что делать дальше. Снаб спрыгнул со своего седла, добежал почти до ворот, затем повернул направо. Радар последовала за ним, ткнулась носом в сверчка (который, казалось, не возражал), затем оглянулась посмотреть, идем ли мы.

С внешней стороны покрытой плющом стены через завалы тянулась мощёная дорожка, в былые времена, возможно, предназначенная для обслуживающего персонала. Снаб двигался впереди, с лёгкостью прыгая через сорняки и

ловко перемахивая через разбросанные кирпичи. Пройдя не более ста шагов, я увидел впереди тёмную фигуру. Раздалось ржание. Рядом с Фаладой, скрестив ноги и дожидаясь рассвета, сидела Лия. Сначала она увидела сверчка, затем всех нас. Она поднялась на ноги и встала лицом к нам, держа руку на рукояти меча и расставив ноги, готовая к бою.

Фалада заговорила, но не в третьем лице.

— Итак, сэр Снаб привёл вас ко мне. И теперь, когда вы нашли меня, вы должны вернуться.

— Кто приглядывает за вашими гусями, миледи, пока вас нет?

Это было не то, что я хотел сказать и не так, как сказал бы Чарли Рид из Сентри, Иллинойс.

Её глаза расширились, затем в уголках появились небольшие морщинки. Без рта трудно было сказать наверняка, но я думаю, что она была не только удивлена, но и впечатлена. Фалада сказала:

— Люди моей госпожи, Уит и Дикон, содержат их в полном порядке.

«Как Дик Уиттингтон»,[50] — подумал я.

Джайя: «Эта лошадь, что…»

---

[50] Примечания: 50

Имеется в виду народная сказка «Дик Уиттингтон и его кот», в которой Дик добивается больших успехов благодаря своему коту.

Лия взмахом руки велела ей замолчать. Джайя отпрянула назад и опустила глаза.

— Теперь, когда ты получил ответ на свой глупый вопрос, оставь нас. У меня тут серьёзное дело.

Я посмотрел в её запрокинутое лицо, красивое, если не считать шрама вместо рта и уродливой язвы рядом с ним.

— Вы поели? — спросил я. — Потому что у вас должны быть силы для того, что ждёт впереди, миледи.

— Я взяла то, что мне нужно, — сказала Фалада. Я видел, как горло Лии напрягалось от усилий, чтобы произнести это. — Теперь иди — я приказываю тебе.

Я взял её за руки. Они были маленькими и холодными. Лия хорошо держалась — надменная принцесса, полностью контролирующая себя, — но я подумал, что она напугана до смерти. Она попыталась отдёрнуть руки назад. Я удержал их.

— Нет, Лия. Это я приказываю тебе. Я — наречённый принц. Думаю, ты знаешь об этом.

— Не принц в этом мире, — сказала Фалада, и теперь я мог слышать щелчки и мычание в горле Лии. Её учтивый ответ был вызван скорее необходимостью, чем желанием. Если бы её не

вынудили — и с большим усилием — говорить через кобылу, она бы устроила мне разнос. Теперь в её глазах не было удивления, только ярость. Эта женщина, которая кормила гусей из своего фартука, привыкла, что ей беспрекословно повинуются.

— Нет, — согласился я. — Не принц в этом мире, и не принц в своём, но я провёл долгие дни в темнице, меня вынудили совершить убийство, и я видел смерть своих товарищей. Ты поняла меня, принцесса? Ты поняла *моё* право отдавать тебе приказы?

Фалада ничего не ответила. Одна слезинка медленно скатилась из её левого глаза по гладкой щеке.

— Пройди немного со мной, пожалуйста.

Лия тряхнула головой так сильно, что волосы разлетелись по сторонам. Она снова попыталась отдёрнуть руки, и снова я удержал их.

— Пока есть время, не меньше часа до первых лучей солнца, и весь твой мир может зависеть от того, что мы скажем друг другу. Даже мой может быть под угрозой. Так что, *пожалуйста.*

Я отпустил её руки. Достал из носка одну из оставшихся спичек. Я отодвинул плющ в сторону, чиркнул спичкой о камень, и поднёс её к лицу,

как сделал с Йотой. Лия встала на цыпочки, чтобы рассмотреть меня, достаточно близко, чтобы я мог поцеловать её приподнятый лоб.

— Голубые, — сказала Фалада.

— Лошадь и правда говорит, — пробормотала Эрис.

— Неа, неа, это она, — сказал Йота тем же тихим голосом. Они были охвачены благоговением. И я тоже, почему нет? Здесь происходило волшебство, и я был его частью. Это ужаснуло меня, потому что я больше не был самим собой, но также и возвысило.

— Пойдем, леди. Нам нужно поговорить. Прошу.

Она пошла.

7

Мы отошли по дорожке от остальных, слева от нас тянулась увитая плющом стена, справа — развалины разрушенного пригорода; над нами было тёмное небо.

— Мы должны остановить его, — сказал я. — До того, как он запустит какой-нибудь ужасный катаклизм.

Радар шла между нами со Снабом, сидящим у неё на шее, и это Снаб ответил мне. Его голос

звучал гораздо отчётливее, чем голос Лии, когда она говорила через Фаладу.

— Это не мой брат. Летучий Убийца *не* Элден. Он бы никогда не сотворил таких ужасных вещей. Он был нежным и любящим.

«Люди меняются, — подумал я. — *Мой отец изменился, я изменился, когда был с Берти. Я помню, как задавался вопросом, почему хорошие люди вроде меня, делают такие поганые вещи?»*

— Если он жив, — сказал Снаб, — он — узник. Но я в это не верю. Я верю, что он мёртв, как многие члены моей семьи.

— Я тоже так думаю, — сказал я, и не лгал, потому что Элден, которого она знала — тот, кто держал её за руку, когда они вместе исследовали тайные тропы дворца, тот, кто слушал песни русалки — этот Элден *был* мёртв. Всё, что осталось, — это марионетка Гогмагога.

Мы остановились. Её горло дрогнуло и Снаб заговорил. Столько чревовещания, должно быть, причиняло ей боль, хотя Снаб был самым идеальным проводником, но Лия должна была сказать то, что так долго хранила в своём сердце.

— Если он узник, я освобожу его. Если он мёртв, я отомщу за него, чтобы проклятье с этой многострадальной земли было снято. Это моя

обязанность, а не твоя, сын Адриана Боудича.

Я не был его сыном, только преемником, но сейчас, похоже, было не время уточнять.

— Летучий Убийца почти наверняка отправился к Тёмному Колодцу, принцесса. Там он будет ждать, пока не поцелуются луны и не откроется проход. Ты сможешь найти его?

Лия кивнула, но казалась неуверенной.

— Ты отведёшь нас туда? Потому что мы никак не сможем найти его сами. Обещаю, если мы встретим Летучего Убийцу, оставлю его тебе, ладно?

Долгое время ответа не было. Она сомневалась, что я сдержу своё обещание, и не зря. Если бы она узнала Элдена и не смогла заставить себя убить его — даже такого, каким он теперь стал — смог бы я выполнить обещание и оставить его в живых? Я вспомнил изувеченное лицо Доры и её доброе сердце. Я вспомнил отвагу Перси, за которую он, скорее всего, заплатил высшую цену. Я вспомнил встреченных мною серых беженцев, идущих из Приморья в какое-то убежище, которого, вероятно, не существовало. Поместите этих искалеченных и проклятых людей на одну чашу весов и чувствительное сердце принцессы на другую, и они ни за что не сравняются.

«Ты и правда готов дать Лии Галлиен такое обещание?»

Не думаю, что это было возвращение к третьему лицу; похоже, что в этот раз Снаб говорил за себя, но не сомневаюсь, что Лия хотела знать то же самое.

— Да.

Она сказала:

— Клянёшься ли ты душой своей матери, и да будет она гореть в адском пламени, если ты нарушишь своё слово?

— Клянусь, — сказал я без колебаний, и это обещание я намеревался сдержать. Когда Лия увидит, во что превратился её брат, может, она сама убьёт его. Я надеялся на это. Если нет, я бы отдал свой револьвер Йоте. Он никогда раньше не стрелял, но я не ожидал никаких трудностей; револьверы похожи на дешёвые фотоаппараты: всё, что вам нужно сделать, это «прицелиться» и нажать.

«Ты и твои друзья последуете за Лией и будете повиноваться ей?»

— Так точно.

Вероятно, она догадывалась, что не сможет остановить меня, если я не буду следовать за ней. Другие могли подчиниться приказу будущей

королевы Эмписа, но я бы этого не сделал. Как она уже сказала через Фаладу, я не был принцем этого мира, и не был связан её приказами.

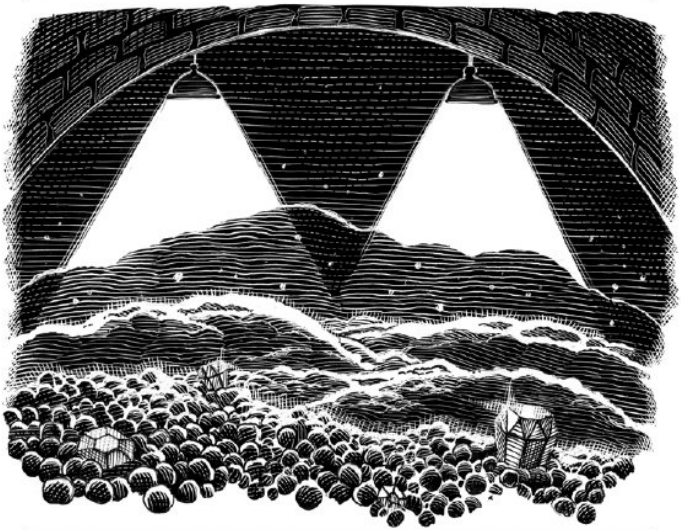
Небо над головой просветлело. Мы, люди, посмотрели наверх. Радар тоже. Даже Снаб. Яркие шары освещали облака. Луны теперь были так близко друг к другу, что походили на цифру восемь, лежащую на боку. Или на знак бесконечности. Через считанные секунды они скрылись за шпилями дворца, и небо снова стало тёмным.

— Хорошо, — сказал Снаб. — Я принимаю твоё слово. Но пожалуйста, больше никаких разговоров. Это больно.

— Я знаю, — сказал я. — Извини.

Радар заскулила и лизнула руку Лии. Лия наклонилась и погладила её. Договор был заключён.

Глава двадцать восьмая



В городе. Звук траура. Хана. Та, кто когда-то пела. Золото. Кухня. Приёмный зал. Мы должны подняться наверх, чтобы спуститься вниз.

1

ия повела нас обратно, туда, где ждали остальные. Она снова села, не сказав ни слова ни через Фаладу, ни через Снаба. Йота посмотрел на меня. Я кивнул: дело сделано. Мы сели рядом с ней, дожидаясь рассвета. Снова пошёл дождь, не сильный, но устойчивый. Лия достала пончо из седельной сумки, навьюченной на Фаладу, и накинула на плечи. Она поманила Радар, которая посмотрела на меня, спрашивая разрешения, затем подошла к Лие. Та накинула на неё край пончо. Снаб тоже нырнул под это укрытие. Они оставались в сухости. Остальные, одетые в лохмотья, в которых мы сбежали, промокли. Джайя начала дрожать. Эрис обняла её. Я сказал им, что они могут вернуться. Обе женщины покачали головами. Йота просто сидел, склонив голову и сцепив руки.

Время шло. В какой-то момент я поднял глаза, и посмотрел на Лию. Вопросительно поднял руку. Она только покачала головой. Наконец, когда день прояснился до смутного рассвета, она поднялась на ноги и привязала Фаладу к куску железа, который торчал из остатков кирпичной стены, поднимающейся среди каменных завалов.

Лия пошла по дорожке, не обращая внимания, идём ли мы следом. Снаб опять сидел на спине Радар. Лия шла медленно, периодически раздвигая густые заросли плюща, всматриваясь, и снова продолжая идти. Через пять минут она остановилась и принялась рвать растительность. Я двинулся вперёд, чтобы помочь ей, но она только покачала головой. У нас было соглашение — договор — но было ясно, что она им недовольна.

Она отодвинула плющ в сторону, и я увидел скрытую за ним маленькую дверь. На ней не было ни щеколды, ни ручки. Лия подозвала меня и указал на дверь. Сначала я не понял, что от меня требуется. Затем сообразил.

— Откройся именем Лии Галлиен, — сказал я, и дверь распахнулась.

2

Мы вошли в длинное, похожее на амбар, здание, заполненное древним техническим оборудованием. Лопаты, тачки и мотыги покрывал толстый слой пыли. Пол также был в пыли, и на ней никаких следов, кроме наших. Я заметил ещё один гибрид автобуса и автомобиля. Заглянул внутрь и увидел настолько окислившуюся батарею, что она превратилась в зелёный комок. Я задавался

вопросом, откуда эти маленькие машины — по крайней мере, две, и одна всё ещё на ходу — взялись. Неужели мистер Боудич доставил их из нашего мира по частям и собрал здесь? Я не знал. Всё, что я знал наверняка, это то, что нынешний режим мало заботился о поддержании порядка в Лилимаре. Всё, что его заботило, так это кровавый спорт.

Лия провела нас через дверь в дальнем конце помещения. Мы оказались на подобии свалки с разобранными трамваями, грудами электрошестов, и огромными мотками трамвайных проводов. Мы пробрались сквозь этот бесполезный хлам, поднялись по деревянным ступенькам и вошли в помещение, знакомое мне и другим беглецам. Это была стоянка трамваев.

Мы пересекали главный терминал, когда раздался раскатистый утренний звон колокола: *ДОНГ*. Лия остановилась, пока звук не затих, затем пошла дальше. Она по-прежнему не оглядывалась посмотреть, следуем ли мы за ней. Наши шаги отдавались эхом. Над головой тёмное облако летучих мышей хлопало крыльями, но не пыталось разлететься.

— В прошлый раз мы уходили, — тихим голосом сказала Эрис. — В этот раз входим. У меня свои

счёты, которые я должна свести с этой сукой.

Я не ответил. Меня это не волновало. Мой разум был настроен на свою волну.

Мы вышли наружу под дождь. Радар внезапно сбежала по ступенькам трамвайного парка мимо одного из красно-белых столбов с бабочками на верхушках. Она сунула нос в заросли ежевики. Я увидел одну лямку своего брошенного рюкзака, затем услышал то, чего меньше всего ожидал, но сразу узнал. Радар бежала назад со своей пищащей обезьянкой. Она бросила её у моих ног и посмотрела на меня, виляя хвостом.

— Хорошая девочка, — сказал я, и отдал обезьянку Йо. У него были карманы. У меня — нет. Широкая дорога, ведущая к дворцу, была пустынна, но не пуста. Тело Рыжей Молли пропало, но кости ночных стражей, которые гнались за нами, были разбросаны на площади в сорок ярдов, большинство из них погребены под грудами мёртвых бабочек-монархов.

Лия остановилась у подножия лестницы, склонив голову на бок и прислушиваясь. Я тоже это слышал: что-то вроде пронзительного стона, похожего на порывы ветра под карнизом зимним вечером. Он усиливался и затихал, усиливался и затихал, перешёл на визг, затем снова опустился

до стона.

— Всевышние боги, что это? — прошептала Джайя.

— Звук траура, — сказал я.

— Где Снаб? — спросил Йота.

Я покачал головой.

— Может быть, ему не по нраву дождь.

Лия двинулась по Галлиенской дороге к дворцу. Я положил руку ей на плечо и остановил.

— Мы должны зайти сзади и выйти рядом с игровым полем. Я не смогу найти дорогу, этот мелкий говнюк Питеркин стёр метки мистера Боудича, но уверен ты знаешь, как туда попасть.

Лия упёрла руки в свои стройные бёдра и уставилась на меня с раздражением. Она указала в сторону звука, где была Хана, оплакивающая свою дочь. Затем, на случай, если я был чересчур толстолобым, она подняла руки высоко над головой.

— Принцесса права, Чарли, — сказал Йота. — Зачем идти той дорогой, если мы можем избежать большой суки, пройдя через парадный вход?

Я принял это замечание, но были и другие моменты, которые казались мне более важными.

— Потому что она ест человеческую плоть. Я почти уверен, что именно за это её изгнали из

великанограда, или как вы тут его называете. Ты это понимаешь? *Она ест человеческую плоть.* И она служит *ему*.

Лия посмотрела мне в глаза. Она кивнула, очень медленно, и указала на мой револьвер.

— Да, — сказал я. — И есть ещё одна причина, миледи. Я должен вам кое-что показать.

3

Мы прошли немного дальше по Галлиенской дороге, затем Лия свернула налево на боковую улицу, настолько узкую, что она больше походила на проулок. Она провела нас через лабиринт улиц, ни на секунду не усомнившись. Я надеялся, она знает, что делает: прошло много лет с тех пор, как она была здесь в последний раз. С другой стороны, нас направлял скорбный вой Ханы.

Джайя и Эрис догнали меня. Эрис выглядела мрачной, настороженной. Джайя казалась напуганной. Она сказала:

— Здания двигаются. Знаю, это безумие, но так и есть. Каждый раз, когда я отвожу взгляд, краем глаза вижу, как они меняются.

— А мне кажется, что я слышу голоса, — сказал Йо. — Это место кажется… не знаю… одержимым.

— Потому что так и есть, — сказал я. — Мы проведём изгнание или умрём, пытаясь.

— Изгнание? — спросила Эрис. Вой Ханы стал громче.

— Неважно, — сказал я. — Всё по мере поступления.

Лия повела нас по переулку, где здания стояли так близко друг к другу, что казалось, будто мы идём по дну расщелины. Я видел, как кирпичи одного здания и камни другого медленно вздымаются и опадают, будто они дышат.

Мы вышли на улицу, которую я узнал. Это был бульвар с заросшей сорняками полоской земли посередине, и с домами, возможно, бывшими когда-то дорогими магазинами, обслуживающими членов королевской семьи и их приближённых. Йота протянул руку, чтобы дотронуться (или сорвать) до одного из огромных жёлтых цветков, и я схватил его за запястье.

— Не делай этого, Йо. Они кусаются.

Он взглянул на меня. «Правда?»

— Правда.

Теперь я мог видеть коньки крыши огромного дома Ханы. Лия повернула направо и начала пробираться вдоль разбитых витрин магазинов, глядя сквозь дождь на пустынную площадь с

пересохшим фонтаном. Крики горя Ханы теперь были почти невыносимыми каждый раз, когда её рыдания усиливались и переходили на визг. Наконец, Лия обернулась. Она кивком указала мне идти вперёд, но похлопала одной рукой по воздуху: *тихонько, тихонько.*

Я наклонился к Радар и прошептал ей «тсс». Затем присоединился к принцессе.

Хана восседала на своём троне, украшенном драгоценными камнями. На её коленях лежало тело дочери. Голова Рыжей Молли свесилась с одной стороны трона, ноги свисали с другой. Этим утром не слышалось никаких песен о любвеобильном Джо. Хана погладила рыжую копну волос Молли, затем подставила своё бугристое лицо дождю и снова завыла. Она подложила одну мясистую руку под шею павшей женщины, подняла её голову и покрыла поцелуями лоб Молли и то, что осталось от её окровавленного рта.

Лия указала на Хану, затем подняла руки ладонями вверх: *Что дальше?*

«Вот что», — подумал я, и пошёл через площадь к тому месту, где сидела Хана. Одна рука на рукояти револьвера мистера Боудича. Я не замечал, что Радар идёт со мной, пока она не начала лаять. Она надрывалась во всю глотку, с рыками

при каждом вдохе. Хана подняла глаза и увидела, что мы приближаемся.

— Спокойно, девочка, — сказал я. — Стой рядом.

Хана оттолкнула тело дочери в сторону и поднялась. Одна рука Рыжей Молли упала на кучу мелких костей.

— *ТЫ!* — завопила великанша, её грудь вздымалась волной. — *ТЫЫЫЫ!*

— Так точно, — сказал я. — Я — наречённый принц, так что преклонись передо мной и прими свою судьбу.

Я не ожидал, что Хана повинуется, и не ошибся. Она кинулась ко мне прыжками. Через пять она оказалась бы передо мной. Я позволил ей сделать три, потому что не хотел промахнуться. Я не боялся. Тьма накрыла меня. Она была сплошной, но ясной. Звучит как парадокс, но так оно и было. Я видел красную трещину, идущую по центру её лба, и когда Хана заслонила небо надо мной, что-то крича — не знаю, что — я всадил в неё две пули. По сравнению с 22-ым калибром Полли, револьвер 45-го был все равно, что дробовик по сравнению с детским пневматическим пистолетом. Её покрытый фурункулами лоб провалился, как снежная корка, когда наступаешь на неё

ногой. Каштановые пряди волос отлетели назад вместе с веером крови. Рот Ханы открылся, обнажив подточенные зубы, которые больше не будут рвать и жевать плоть детей.

Её руки взметнулись к серому небу. Капли дождя стекали по пальцам. Я чувствовал запах порохового дыма, сильный и едкий. Хана сделала полуоборот, словно для того, чтобы ещё раз взглянуть на свою любимую дочь. Затем обмякла. Я почувствовал глухой толчок под ногами, когда она рухнула на камни.

Так пала великанша Хана, которая охраняла солнечные часы, бассейн и вход на Поле Монархов позади дворца Лилимара.

4

Йота стоял у правого крыла дома Ханы, которое выполняло роль кухни. С ним был серый человек почти без лица; казалось, что плоть отделилась от его лица и сползла вниз, закрыв один глаз и почти весь нос. Он был одет в заляпанную кровью белую тужурку и белые штаны. Я предположил, что он повар Ханы — был им, — которого она называла ублюдком без хера. Против него я ничего не имел. Моё дело ждало меня во дворце.

Но, похоже, дела Лии с Ханой ещё не были

закончены. Она подошла к павшей великанше, вытаскивая свой меч. Кровь собиралась вокруг головы Ханы и стекала между камней.

Эрис шагнула вперёд и взяла Лию за руку. Лия повернулась, и выражение её лица не нуждалось в словах: *Как ты смеешь дотрагиваться до меня?*

— Неа, миледи Гиллиан, я не хочу проявить неуважение, но обождите минутку. Пожалуйста. Ради меня.

Лия, казалось, задумалась, затем отступила назад.

Эрис подошла к великанше и раздвинула её ноги, чтобы подойти поближе к одной из её огромных растопыренных ляжек. Она задрала свою грязную юбку и помочилась на бледную безжизненную плоть бедра Ханы. Когда она отошла, слёзы катились по её щекам. Она повернулась к нам лицом.

— Я пришла с юга из деревни Вайва, из места, о котором никто не слышал и никогда не услышит, потому что эта шлюха разорила её, убив десятки людей. Одним из них был мой деда. Другой была моя мать. Теперь делайте, что хотите, миледи. — И Эрис присела в реверансе.

Я подошёл к Йоте и повару, который весь дро-

жал. Йо приложил ладонь к своему лбу, глядя на меня, и повар сделал то же самое.

— Ты уложил не одну великаншу, а целых две, — сказал Йота. — Если я проживу достаточно долго — я знаю, шансов у меня на это мало — я всегда буду это помнить. И как Эрис пописала на неё. Удивлён, что твоя собака не хочет сделать того же.

Лия шагнула к телу Ханы, подняла свой меч высоко над головой и опустила его. Она была принцессой и наследницей трона, но в изгнании работала на ферме и была сильной. И тем не менее, ей потребовалось три взмаха клинка, чтобы отсечь голову Ханы.

Она опустилась на колени, вытерла лезвие о кусок пурпурного платья великанши, и вложила его обратно в ножны. Затем подошла к Йоте, который поклонился и отдал честь. Когда он выпрямился, Лия указала на двадцатифутовую тушу мёртвой Ханы, затем на пересохший фонтан.

— К вашим услугам, миледи, и с большой охотой.

Он подошёл к телу. Йота был сильным и крупным, но ему пришлось воспользоваться обеими руками, чтобы поднять голову. Она раскачивалась взад-вперёд, пока он нёс её к фонтану. Эрис

не смотрела; она рыдала в объятиях Джайи.

Йота громко хрюкнул — *ХЭК!* — и его рубашка разошлась по бокам, когда он швырнул голову. Она приземлилась в фонтан, уставившись открытыми глазами на дождь. Как горгулья, мимо которой я проходил.

5

Мы пошли по одной из дорожек «вертушки», в этот раз вёл я. Задняя часть дворца нависала над нами, и опять я видел в нём живое существо. Возможно, дремлющее, но с одним открытым глазом. Я готов был поклясться, что некоторые бойницы переместились на новые места. То же самое можно было сказать и о пересекающихся лестницах и парапетах, которые на первый взгляд казались каменными, а в следующий миг — из тёмно-зелёного стекла с чёрными меняющимися фигурами. Мне вспомнилось стихотворение Эдгара Аллана По об одержимом духами дворце, из которого в вечном смехе, забывши улыбку, выбегала шумная толпа.

Здесь остались инициалы мистера Боудича. Глядя на них, я словно встретил друга в неприветливом месте. Мы подошли к красным дверям погрузочно-разгрузочного отсека с пробкой из

разбитых фургонов, затем к тёмно-зелёным парящим контрфорсам. Я повёл свою группу в обход, и хотя это заняло чуть больше времени, никто не возражал.

— Стало больше голосов, — тихо произнёс Йота. — Слышите их?

— Да, — сказал я.

— Что это? Демоны? Мертвецы?

— Я не думаю, что они могут навредить нам. Но без сомнения, здесь присутствует некая сила, и сила эта недобрая.

Я посмотрел на Лию, которая сделала резкий круговой жест рукой: *Поторопимся.* Я понимал её. Мы не могли тратить впустую драгоценное дневное время, но я должен был показать ей. Она должна была увидеть, потому что лицезрение — это начало понимания. Или принятие давно отрицаемой правды.

6

Извилистая дорожка привела нас к бассейну, окружённому пальмами, чьи листья теперь вяло висели под дождём. Я видел высокий столб в центре солнечных часов, но не солнце на его верхушке. Потому что после вращения Радар на солнечных часах, изображение солнца оказа-

лось направлено в другую сторону. Теперь там были две луны Эмписа. У них также были лица и глаза двигались… навстречу друг другу, словно оценивая оставшееся между ними расстояние. Я видел последнюю метку мистера Боудича, «**АБ**», со стрелкой выходящей из верхушки буквы «**А**», указывающей прямо на солнечные часы.

И бассейн.

Я повернулся к своей маленькой группе.

— Принцесса Лия, прошу вас пройти со мной. Остальные ждите здесь, пока я не позову. — Я наклонился к Радар. — Ты тоже, девочка. Останься.

Вопросов или возражений не последовало.

Лия шла рядом со мной. Я подвёл её к бассейну и жестом дал понять, чтобы она посмотрела. Она увидела то, что осталось от русалки, лежащей и разлагающейся в воде. Она увидела древко копья, торчащее из живота Эльзы, и плавающий клубок кишок.

Лия издала приглушённый стон, который мог превратиться в крик, если бы только вырвался из неё. Она закрыла глаза руками и упала на одну из скамеек, где когда-то могли сидеть эмписийцы, проделавшие путь из своих городов и деревень, чтобы полюбоваться прекрасным созданием, плавающим в бассейне, и, возможно, послушать

песни. Лия склонилась над коленями, продолжая издавать приглушённые стоны, которые для меня были страшнее — траурней — чем настоящие рыдания. Я положил руку ей на спину, внезапно испугавшись, что её неспособность выразить горе в полной мере может убить её, подобно тому, как несчастный человек может задохнуться насмерть, подавившись косточкой.

Наконец, она подняла голову, снова посмотрев на бледно-серые останки Эльзы, затем подставила лицо небу. Дождь и слёзы текли по её гладким щекам, по шраму её рта, по красной ране, которую ей приходилось раскрывать, чтобы есть, невзирая на последующую за этим боль. Лия подняла кулаки к серому небу и потрясла ими.

Я нежно взял её руки в свои. Они были похожи на камни. Наконец, кулаки разжались и пальцы Лии сжали мои руки. Я подождал, пока она посмотрит на меня.

— Её убил Летучий Убийца. Если и не сам, то по его приказу. Потому что она была красива, а сила, которая управляет им, ненавидит всякую красоту: бабочек, добрых людей, как Дора, которая когда-то была цельной, всю эту землю, которой вы должны править. Что *он* любит, так это насилие, боль, и убийство. Он любит *серость*.

Когда мы найдём его — *если* мы найдём его — ты убьёшь его, если я паду?

Она с сомнением посмотрела на меня, её глаза наполнились слезами. Наконец, она кивнула.

— Даже, если это Элден?

Она замотала головой так же яростно, как раньше, и высвободила свои руки из моих. И из бассейна, где лежала мёртвая русалка, донёсся сдавленный голос Лии, скорбный и дрожащий: «Он бы никогда не убил Эльзу. Он любил её».

«Что ж, — подумал я. — *это не совсем „нет“»*.

Время шло. Ещё оставались дневные часы, но я не знал, нужно ли лунам поцеловаться именно над Эмписом, чтобы открылся Тёмный Колодец; насколько я знал, они могли сойтись и на другом конце света. Глаза Беллы и Арабеллы на высоком столбе солнечных часов двигались из стороны в сторону, словно подчёркивая эту мысль.

Я повернулся и позвал остальных.

7

Мы обошли солнечные часы, но с одним исключением: Радар прошлась по ним, остановившись ровно на столько, чтобы помочиться у центрального столба, что напомнило мне об Эрис и павшей великанше.

Дорожки «вертушки» сливались в одну широкую центральную дорожку. Она заканчивалась у семи дверей. Я попробовал одну в центре, и та оказалась заперта. Я велел ей открыться именем Лии Галлиен, эмписийской версией *«сезам откройся»*, но дверь не открылась. Этого я и ожидал, но произошло кое-что неожиданное. Здание, казалось, содрогнулось при звуке имени принцессы. Я не столько увидел это, сколько почувствовал, как почувствовал под ногами глухой удар, когда Хана весом в шесть или семь сотен фунтов мёртвой плоти рухнула на землю.

Сплетение шепчущих голосов, слышимое не столько ушами, сколько внутри головы, внезапно прекратилось. Я не был настолько глуп, чтобы поверить в то, что весь дворец оказался очищен — осуществилось *изгнание*, как я сказал Йоте, — но стало ясно, что не только Летучий Убийца обладает силой. *«Эта сила могла быть в разы больше, если бы она говорила собственным голосом»*, — подумал я, но она не могла.

За дверями простирался обширный холл. Когда-то, как и трамвайный парк, он был украшен круглой фреской, но её забрызгали чёрной краской, так что ничего не осталось, кроме нескольких бабочек-монархов под самым потолком. Я снова

подумал о фанатиках ИГИЛ, уничтожающих культурные памятники цивилизации, которые существовали до них.

В центре холла было несколько выкрашенных в красный цвет киосков, мало отличавшихся от тех, мимо которых мы с папой много раз проходили на «Гарантид Рэйт Филд», когда ездили в Чикаго посмотреть на игру «Уайт Сокс».

— Я знаю, где мы, — прошептал Йота. Он поднял палец. — Подожди, Чарли. Одну минутку.

Он взбежал по одной из рамп, посмотрел и сбежал обратно.

— Места пусты. Как и поле. Они все ушли. И тел тоже нет.

Лия бросила на него нетерпеливый взгляд, который, казалось, спрашивал, чего ещё он ожидал, затем повела нас налево. Мы прошли по закруглённому коридору мимо ряда закрытых ставнями кабинок, похожих на те, что обычно сдают в аренду. Радар мягко ступала рядом со мной. Если возникнут проблемы, я ожидал, что она почувствует опасность первой, но пока собака казалась настороженной, но спокойной. Миновав последнюю из кабинок, я остановился, кое-что увидев. Остальные последовали моему примеру. Только Лия не проявила никакого интереса к тому, что

заинтересовало меня. Она прошла ещё немного, прежде чем поняла, что мы не следуем за ней. Она снова сделала этот круговой *«поторопитесь»* жест, но на мгновение мы застыли.

Здесь каменная стена сменялась изогнутой стеклянной панелью не меньше тридцати футов в длину. Она была покрыта пылью — всё в этом дворце было пыльным, — но мы всё равно могли видеть, что внутри, освещённое газовыми лампами с колпаками, которые светили, как прожекторы. Я смотрел в хранилище, заполненное золотыми гранулами, как те, что я нашёл в сейфе мистера Боудича. Они, должно быть, стоили миллиарды американских долларов. Среди них были небрежно разбросаны драгоценные камни: опалы, жемчуг, изумруды, бриллианты, рубины и сапфиры. У мистера Хайнриха, старого прихрамывающего ювелира, при виде этого случился бы сердечный приступ.

— Бог мой, — прошептал я.

Эрис, Джайя и Йота казались заинтересованными, но даже близко не ошеломлёнными.

Лия нетерпеливо кивнула и твердо призвала нас идти дальше. Она права, нам нужно было двигаться, но я задержался ещё на пару секунд, любуясь этим несметным запасом богатств. Я

подумал о своих многочисленных поездках на игры «Уайт Сокс», и об одном особом воскресенье, когда увидел игру «Беарс» на «Солджер Филд». На обоих стадионах были застеклённые стенды с памятными вещами, и я подумал, что тут есть нечто схожее: придя посмотреть какую-нибудь игру или состязание, простой люд мог задержаться, чтобы поглазеть на богатства королевства, несомненно охраняемые королевской гвардией во времена правления Галлиенов, а с недавних пор Ханой. Я не знал, как мистер Боудич добирался до них, но то, что он взял, с разрешения или без, это, так сказать, всего лишь капля в море.

Лия жестикулировала более активно — обеими руками, вскинутыми выше плеч. Мы последовали за ней. Я оглянулся напоследок, подумав, что если бы прыгнул в одну из этих куч, то оказался бы по шею в золоте. Потом вспомнил короля Мидаса, который умер с голоду — как говорилось в сказке, — потому что всё, что он пытался съесть, при его прикосновении превращалось в золото.

8

Дальше по коридору я начал улавливать слабый запах, который всколыхнул неприятные воспоминания о Глубокой Малин: сосиски. Мы

подошли к открытой двойной двери с левой стороны. За ней находилась огромная кухня с рядом кирпичных печей, тремя горелками, вертелами для готовки мяса и раковиной, настолько большой, что в ней можно было принять ванну. Именно здесь готовили еду для толп зрителей, что приходили в дни игры. Двери печей были открыты, горелки не горели, и ничего не крутилось на вертелах, но призрачный запах сосисок остался. *«Больше не съем ни одной в жизни,* — подумал я. — *Возможно, ни одного стейка тоже»*.

Четверо серых людей съёжились у дальней стены. На них были мешковатые штаны и тужурки, как у Перси, но Перси среди них не было. При виде нас, один из этих несчастных поднял свой фартук и накрыл им то, что осталось от его лица. Остальные просто смотрели, их полустёртые черты лиц выражали разную степень смятения и испуга. Я зашёл внутрь, отмахнувшись от попытки Лии потащить меня дальше по коридору. Один за другим члены кухонной команды встали на колени и приложили ладони к своим лбам.

— Неа, неа, встаньте, — сказал я, и был немного встревожен готовностью, с которой они повиновались. — Я вас не обижу. А где Перси? Персиваль? Я знаю, что он был с вами.

Они переглянулись, потом посмотрели на меня, на мою собаку, на Йоту, возвышающегося рядом со мной… и, разумеется, они избегали смотреть на принцессу, вернувшуюся во дворец, который она называла своим домом. Наконец, тот, который прикрыл лицо, опустил фартук и вышел вперёд. Он дрожал. Я избавлю вас от его невнятной речи. Смысл был достаточно понятен.

— Ночные стражи пришли за ним и заключили в свои объятья. Он трясся, а потом потерял сознание. Они унесли его. Думаю, он мёртв, великий господин, так как их прикосновения убивают.

Это я знал, но прикосновения не всегда убивали, иначе я был бы мёртв несколько недель назад.

— Куда они его забрали?

Они помотали головами, но у меня родилась одна мысль. Если Верховный Лорд хотел допросить Перси — *Персиваля*, — он по-прежнему мог быть жив.

Тем временем, Лия кое-что нашла. Она бросилась через комнату к большому разделочному столу в центре. На нём лежала пачка бумаг, перевязанная верёвкой, и гусиное перо, потемневшее от жира, а кончик от чернил. Она схватила и то и другое, затем сделала свой нетерпеливый жест, говорящий, что нам надо идти. Разумеется,

она была права, но ей пришлось бы смириться с небольшой экскурсией в покои, где я уже был. Я задолжал Персивалю. Все мы. И я задолжал Келлину, Верховному Лорду.

Я задолжал ему расплату, и как мы все знаем: как аукнется, так и откликнется.

9

Недалеко от кухни коридор заканчивался высокой дверью, перекрещенной массивными железными полосами. На ней была надпись буквами высотой в три фута. Посмотрев на них прямо, я увидел слова: НЕ ВХОДИТЬ. Когда я повернулся, чтобы взглянуть на них боковым зрением, которого, к сожалению, не было у Кла, слова превратились в мешанину рунических символов… впрочем, я был уверен, что мои соратники могут их спокойно прочитать.

Лия указала на меня. Я подошёл к двери и произнёс волшебные слова. С обратной стороны с грохотом отодвинулись засовы и дверь со скрипом открылась.

— Надо было попробовать в Малин, — сказала Эрис. — Ты мог бы избавить нас от многих страданий.

Я мог бы сказать, что мне не пришло в голову,

и это было правдой, но не всей.

— Тогда я не был принцем. Я всё ещё…

— Всё ещё что? — спросила Джайя.

«Всё ещё меняюсь, — подумал я. — *Глубокая Малин была моим коконом»*.

Я был избавлен от необходимости отвечать. Лия манила меня одной рукой, а другой тянула за то, что осталось от моей рубашки. Ну, конечно, она была права. Нам предстояло остановить апокалипсис.

Коридор за дверью был намного шире и увешан гобеленами, изображающими всё, от костюмированных королевских свадеб и балов, до сцен охоты и пейзажей гор и озёр. Особенно запоминающимся было изображение парусного корабля, попавшего в клешни какого-то гигантского морского ракообразного. Мы прошли не меньше полумили, пока не приблизились к двойным дверям высотой в десять футов. На одной половине был баннер, изображающий старика, завёрнутого от шеи до пят в красную мантию. Корона на его голове была та же, что я видел на Летучем Убийце — ошибки быть не могло. На другой половине двери была изображена гораздо более молодая женщина, также с короной на светлых кудрях.

— Король Джан и королева Кова, — сказала

Джайя. Её голос звучал кротко и благоговейно. — У моей мамы была подушка с их лицами. Нам не разрешалось трогать её, только ложиться головой.

Здесь мне не потребовалось произносить имя Лии; двери распахнулись внутрь по её прикосновению. Мы вышли на широкий балкон. Помещение внизу казалось необъятным, но трудно было сказать наверняка из-за кромешной темноты. Лия бочком двинулась влево, скользя в тени, пока почти не скрылась из виду. Я услышал слабый скрип, за которым последовал запах газа и низкое шипение из темноты над нами и вокруг нас. Затем, сначала по одной, потом по две-три, загорелись газовые лампы. Их, должно быть, насчитывалось больше сотни, освещавших огромную комнату. Ещё больше света давала люстра со множеством спиц. Я знаю, вы много раз прочитали *«большой»*, *«огромный»* и *«гигантский»*. Но лучше привыкните к этому, потому что *всё* именно таким и было… по крайней мере, пока мы не дойдём до кошмара клаустрофоба. Скоро я расскажу о нём.

Лия покрутила маленький вентиль. Газовые лампы разгорелись ярче. Балкон на самом деле представлял собой галерею, вдоль которой стояли

стулья с высокими спинками. Под нами находилась круглая комната с полом из ярко-красных плит. В центре, на чём-то вроде помоста, стояли два трона, один немного больше другого. Повсюду валялись стулья (гораздо мягче тех, что были на балконе) и маленькие диваны, похожие на места для влюблённых в кинотеатре.

И там воняло. Запах был таким отвратительным и густым, что хоть топор вешай. Тут и там я видел кучи прогнившей еды, в которой копошились личинки, но это не всё. Виднелись также кучи дерьма на каменных плитах, и особенно большие на двух тронах. Стены были забрызганы кровью, уже высохшей и ставшей тёмно-бордовой. Два обезглавленных тела лежали под люстрой. С двух сторон, будто для баланса, с неё свисали ещё два тела, со сморщенными — почти мумифицированными — лицами. Их шеи гротескно вытянулись, но головы ещё не оторвались. Всё это походило на последствия какой-то ужасной вечеринки с убийствами.

— Что здесь случилось? — спросил Йота хриплым шёпотом. — Всевышние боги, *что*?

Принцесса похлопала меня по руке. Её лицо без рта казалось одинаково измученным и печальным. Она держала одну из бумаг, что взяла

в кухне. На одной стороне кто-то размашистым почерком записал сложный рецепт. На другом Лия написала аккуратным почерком: *«Это был приёмный зал моих отца и матери»*. Она указала на одну из свисающих с люстры мумий и написала: *«Думаю, это Ладдум. Канцлер моего отца»*.

Я приобнял её за плечи. Она на секунду положила голову мне на руку, затем отстранилась.

— Убить их было недостаточно, да? — спросил я. — Им захотелось осквернить это место.

Она устало кивнула, затем указала мимо меня на лестничный пролёт. Мы спустились по нему, и Лия повела нас к другой двойной двери, по меньшей мере, тридцать футов в высоту. Хана могла бы пройти через неё, не пригибаясь.

Лия указала на Йоту. Он упёрся ладонями в двери, наклонился вперёд и распахнул их. Пока он этим занимался, Лия смотрела на обгаженные троны, на которых её мать и отец когда-то выслушивали просьбы своих подданных. Она опустилась на одно колено и приложила ладонь ко лбу. Её слёзы капали на грязные красные плиты.

Тихо, беззвучно.

10

Комната за приёмным залом посрамила бы неф собора Парижской Богоматери. Эхо превратило шаги нас пятерых в топот батальона. И вернулись голоса, все эти сливающиеся шёпоты, полные злобы.

Над нами возвышались три шпиля, похожие на огромные вертикальные туннели, полные тенистых зелёных отблесков, переходящих в абсолютную черноту. Пол, по которому мы шли, был выложен сотнями тысяч маленьких плиток. Когда-то там стояла огромная бабочка-монарх, и несмотря на вандализм, сохранила свою форму. Под центральным шпилем находилась золотая платформа. Из её центра в темноту уходил серебристый кабель. Рядом с ним стоял пьедестал с большим колесом, торчащим сбоку. Лия указала на Йоту. Затем она указала на колесо и сделала вращательные движения рукой.

Йо подошёл, поплевал на ладони и начал вращать колесо. Он был силён и продержался довольно долго. Когда он выдохся и отступил, я встал на его место. Колесо вращалось ровно, но тяжело; через десять минуть или около того, мне уже казалось, что я вращаю эту чёртову

штуку в клею. Кто-то похлопал меня по плечу. Эрис взялась за колесо. Ей удалось сделать один оборот, затем Джайя немного повернула колесо. Результат её усилий был символическим, но она хотела быть частью команды. В этом нет ничего плохого.

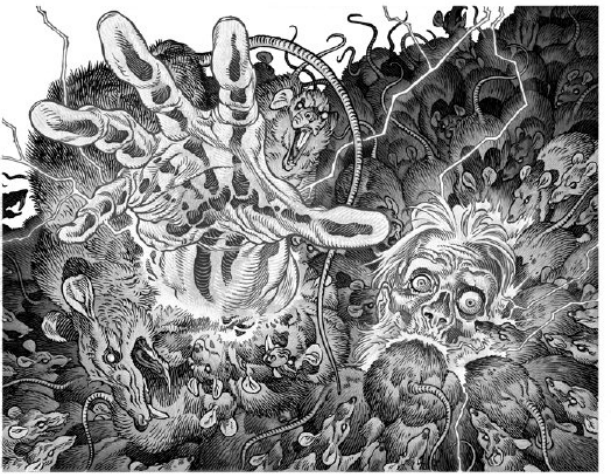
— Что мы делаем? — спросил я Лию. Золотая платформа явно была лифтом, который поднимался по центральному шпилю, но она не двигалась. — И зачем мы это делаем, если Летучий Убийца спустился вниз?

В воздухе раздался какой-то хрип, почти слово. Кажется, *«должны»*. Лия прижала руки к своему горлу и покачала головой, как бы говоря, что чревовещать сейчас слишком трудно. Затем она что-то написала на другой бумаге с рецептами, используя для опоры спину Джайи. Когда она закончила, чернила под кончиком её пера стали совсем бледными, но я смог прочесть.

«Мы должны подняться наверх, чтобы спуститься вниз. Поверь мне».

Какой у меня был выбор?

Глава двадцать девятая



Лифт. Спиральная лестница. Джефф. Верховный Лорд. «Королева Эмписа исполнит свой долг».

1

ота снова взялся за колесо, и теперь сопротивление было настолько велико, что он кряхтел с каждой четвертью оборота. Он сделал с полдюжины поворотов, последний всего на несколько дюймов. Затем откуда-то сверху донёсся тихий звон. Он отозвался эхом и затих вдали. Лия жестом велела Йо отступить. Она указала на платформу. Затем указала на нас, подняла руку и согнула в локте, изображая объятья.

— Все мы? — спросил я. — Ты это имеешь в виду? Встать вместе?

Она кивнула, затем совершила последний акт чревовещания, схватившись при этом за горло. Слёзы боли текли по её щекам. Я не хотел представлять, что её горло опутано колючей проволокой, но ничего не мог с собой поделать.

— Собака. Центр. Сейчас.

Мы, люди, ступили на платформу. Радар осталась сзади, присев на корточки и выглядя обеспокоенной. Как только наш вес оказался на платформе, она начала подниматься.

— Радар! — крикнул я. — Прыгай, прыгай!

На секунду я подумал, что она останется позади. Затем её задние лапы сжались, и Радар прыгну-

ла. Она давно ходила без поводка, но ошейник остался. Йота ухватился за него и втащил Радар на платформу. Мы потоптались, освобождая ей место в середине. Она села, посмотрела на меня и скульнула. Я понимал, что она чувствовала. Там едва хватало места для всех нас, даже прижатых друг к другу.

Пол отдалился. На высоте шести футов мы могли бы спрыгнуть, не причинив себе вреда. На двенадцати мы могли бы спрыгнуть, не погибнув. Потом стало восемнадцать — лучше не вспоминать.

Йо стоял на краю, пальцы его ног торчали за пределы платформы. Я стоял на другом краю, и также, не менее четверти от моих ступней висело в воздухе. Эрис, Джайя и Лия сгрудились вокруг Радар. Теперь пол находился в семидесяти футах под нами. Воздух был пыльным, и я подумал, что если начну чихать, могу упасть, что стало бы позорным концом для названного принца.

Голоса шептались и сливались. Один из них отчётливо произнёс: *«Мозг твоего отца поедает сам себя».*

Джайю начало мутить, и она закрыла глаза.

— Я не люблю высоту, — сказала она. — И никогда не любила, даже чердак в амбаре. Ох, я больше

не вынесу, отпустите меня.

Она начала вырываться, поднимая руки, отталкивая Эрис, которая врезалась в Йоту, чуть не сбросив его с края. Радар залаяла. Если бы она запаниковала и начала суетиться, Лия бы упала. И я тоже.

— Держи эту женщину, Эрис, — прорычал Йо. — Пусть сидит спокойно, пока не угробила нас всех.

Эрис потянулась через Радар — и через Лию, которая согнула колени в полуприседе. Эрис обняла Джайю. «Закрой глаза, милая. Закрой глаза и представь, что это сон».

Джайя закрыла глаза и обняла Эрис за шею.

Воздух здесь был холоднее, а я был липким от пота. Я начал дрожать. *«Больной,* — прошептал голос, который пролетел мимо меня невидимой лентой. — *Больной и скользкий, скользкий и падающий»*.

Каменный пол подо мной теперь выглядел просто маленьким квадратом во мраке. Дул ветер, и то каменные, то стеклянные стены шпиля скрипели.

«Слабый, — шептали голоса. — *Слабый и скользкий, скользкий и падающий. Наверняка падающий»*.

Мы продолжали подниматься, что казалось мне безумием, потому что Летучий Уийца скрывался где-то под нами, но было уже поздно менять направление. Я мог только надеяться, что Лия знала, что делала.

Мы миновали толстые балки из тёсаного камня, покрытые дюймовым слоем пыли, и теперь нас со всех сторон окружало зелёное стекло. В нём переплетались изменчивые чёрные фигуры. Стенки сужались кверху.

А потом внезапно платформа остановилась.

Над нами шпиль сужался и погружался во тьму. Я видел что-то там, наверху, может быть, площадку, но она была по меньшей мере в сорока футах над остановившейся платформой, где мы столпились над моей собакой, готовой метнуться в любую секунду. Под нами простирались лиги пустого пространства.

— Что происходит? — спросила Эрис. — Почему мы остановились? — Её голос был тоненьким от страха. Джайя дёрнулась в её объятиях и снова толкнула Йоту. Тот бешено замахал руками, чтобы удержать равновесие.

— У меня есть вопрос получше: как нам на хрен спуститься вниз? — прорычал он. — Вот, в чём как говорится заг-гвоздь-ка.

Лия с тревогой смотрела вверх, скользя взглядом по серебряному кабелю.

— Даже не на полпути к концу истории, — сказал Йо, и рассмеялся. — Четыреста футов над землёй и сбились в кучу, как скот.

Я подумал было крикнуть *«Поднимись именем Лии Галлиен»*, но знал, что это абсурд, и всё равно собирался попробовать, когда платформа снова двинулась. В этот раз мне пришлось размахивать руками, чтобы не свалиться. Думаю, я бы всё равно упал, если бы Лия не обхватила меня за шею. У неё была крепкая хватка и на пару секунд у меня перехватило дыхание, но в данных обстоятельствах грешно было жаловаться.

Радар вскочила на ноги, и мы все закачались в унисон. Платформа, казалось, сжималась по краям. Наклонные стенки шпиля теперь придвинулись так близко, что их почти можно было коснуться. Я посмотрел на приближающуюся площадку в надежде, что она окажется в пределах досягаемости до того, как лифт снова остановится или начнёт опускаться.

Не случилось ни того, ни другого. Платформа остановилась с лёгким ударом о площадку, снова раздался звон — более громкий здесь, наверху — и Радар прыгнула на площадку, толкнув задом

Лию, которая столкнулась с Эрис и Джайей. Они нависли над чернотой. Я пихнул Лию одной рукой, а Джайю другой. Йота пихнул Эрис и все мы гурьбой вывалились на площадку, как клоуны из маленькой машины в цирке. Йота начал смеяться. Я присоединился к нему. Эрис и Джайя тоже начали смеяться, хотя у Джайи ещё текли слёзы. Последовало довольно много объятий.

Лия уткнулась лицом в спину Радар и протянула одну руку. Я сжал её. Она сжала мою руку в ответ.

— Я бы хотел кое-что знать, — сказал Йота. — Где мы, на хер, находимся и какого хера мы тут забыли?

Я указал на Лию и пожал плечами, мол, *это её дело, не моё*.

2

Площадка была маленькой и без перил, но мы смогли выстроиться в ряд, что было безопаснее, чем тесниться на платформе из чистого золота размером шесть на шесть футов. И эта платформа теперь начала опускаться вниз, оставляя нас застрявшими наверху.

Лия указала направо. Йота стоял первым в ряду, и он начал пробираться в ту сторону, поглядывая

вниз на черноту бездны и на уменьшающуюся платформу. Остальные последовали за ним — Джайя решительно глядя на дальнюю сторону шпиля. Мы держались за руки, как вырезанные из бумаги человечки. Вероятно, это было не слишком разумно, поскольку если бы кто-то из нас потерял равновесие, мы все могли сорваться с края, но это не остановило нас.

В конце площадки находилась низкая арка. Йота наклонился, отпустив руку Эрис, и прошёл через неё. Следующей прошла Радар, затем Джайя и Лия. Я прошёл замыкающим, бросив последний взгляд на спускающуюся платформу, которая теперь почти пропала из виду.

По другую сторону арки был ещё один изогнутый мостик, а за ним ещё одна пропасть. Сначала мы поднялись почти на вершину центрального шпиля; теперь мы были на вершине правого. Лия прошла к началу нашего маленького шествия; каждый из нас поддерживал её за талию, когда она проходила мимо. Я слышал её резкие вдохи и выдохи, проходящие через нос. Затем задумался, сколько сил потребовалось ей на озвучку своих мыслей, и когда она в последний раз ела? К этому времени, она, должно быть, держалась на чистом мужестве… но, опять же, это было справедливо

для всех нас.

— Разве ты не рада, что пришла сюда? — шёпотом спросил я у Джайи, когда мы снова двинулись, шаркая ногами на вершине второго шпиля.

— Заткнись, мой принц, — прошептала она в ответ.

Мостик заканчивался ещё одной аркой на дальней стороне шпиля, в этот раз с деревянной дверью не более пяти футов в высоту. Волшебные слова были не нужны. Лия отодвинула засов наверху и обеими руками подняла щеколду. Не было никаких сомнений, что она бывала здесь раньше. Я мог представить себе её и Элдена детьми, мелюзгой, почти задвинутыми на задний план, исследующими дворец, раскинувшийся на семидесяти или ста акрах, ищущими его древние секреты, бросающими вызов смерти на этой платформе (как они вообще смогли повернуть колесо, приводящее её в действие?) и Бог знает во скольких ещё опасных местах. Удивительно, что они не погибли во время одной из своих экспедиций. Для всех нас было бы лучше, если бы это случилось с Элденом.

Как только дверь открылась, мы услышали шум ветра снаружи. Его неизменный низкий вой заставил меня вспомнить Хану и звуки, что

она издавала, держа на руках тело своей убитой дочери. Площадка за дверью могла вместить всего лишь одного человека (или, подумал я, возможно, двух маленьких любопытных детей, прижавшихся друг к дружке).

Лия пошла первой. Я последовал за ней и увидел, что мы находимся на вершине узкой трубы, которая, казалось, спускалась до самой земли. Слева от нас была каменная стена. Справа — изогнутое зелёное стекло с этими чёрными капиллярами, лениво подымающимися вверх. Стекло было толстым и тёмным, но сквозь него проникало достаточно дневного света, чтобы я увидел путь вниз: узкую лестницу, закрученную в тугую спираль. Без перил. Я вытянул руку, чтобы дотронуться пальцами до стекла. Реакция последовала удивительная. Эти чёрные усики собрались вместе и потянулись навстречу моему прикосновению. Я поспешно отдёрнул руку и чёрные нити возобновили своё ленивое движение.

«Но эти твари видят или чувствуют нас, — подумал я. — *И они голодны»*.

— Не трогайте стеклянную стену, — сказал я остальным. — Не думаю, что они могут пробиться оттуда, но не стоит их провоцировать.

— Что такое «провоцировать»? — спросила

Джайя.

— Не важно, просто не трогайте стекло.

Лия, уже на полдюжины ступеней ниже меня, снова сделала этот вращающий жест рукой, как судья, сигнализирующий о хоумране.

Мы начали спуск.

3

Лестница была лучше, чем платформа — менее страшной, — но всё равно опасной. Ступени крутые, и от постоянного поворота в одну и ту же сторону у нас (возможно, за исключением Радар) кружилась голова. Смотреть вниз в центр спирали было плохой идеей — это усиливало головокружение. После нас с Лией шли Радар, Йота и Джайя. Эрис замыкала шествие.

Спустившись примерно на сотню ступеней мы подошли к ещё одной низкой двери. Лия миновала её, но мне стало любопытно. Я заглянул в длинную комнату, затхлую и пыльную, заполненную смутными формами, некоторые из которых были накрыты простынями. Мысль о том, что я смотрю на огромный чердак, сначала удивила меня, но потом я понял, что такой должен быть в каждом дворце. Они просто не утруждают себя описанием его в сказке.

Спустившись ниже — стеклянная стена стала толще, свет тусклее — мы подошли к ещё одной двери. Я открыл её и увидел коридор, освещённый несколькими шипящими газовыми лампами. Остальные были потухшими. На полу лежал скомканный и пыльный гобелен.

— Лия, подожди.

Она повернулась ко мне и подняла руки ладонями вверх.

— По мере спуска будут ещё двери? Ведущие в разные части дворца? Возможно, в жилые помещения?

Она кивнула, затем снова покрутила рукой, как бы говоря, что нам нужно двигаться дальше.

— Погоди. Знаешь ли ты апартаменты, которые освещаются электрическим светом, а не газовым? — На самом деле, мне кажется, я сказал *«знаешь ли ты, где палаты»*. Но не поэтому она выглядела озадаченной. Лия знала об электричестве не больше, чем Джайя о провокации.

— Волшебные огни, — сказал я.

Это она поняла. Подняла три пальца, подумала, затем подняла четвёртый.

— Почему мы остановились? — спросила Джайя. — Я хочу спуститься *вниз*.

— Придержи свиней, — сказал Йота. — Я знаю,

о чём он. По крайней мере, догадываюсь.

Я хотел спросить Лию, не мистер ли Боудич установил волшебные огни и генератор для их питания, но уже знал ответ. *Трусы делают подарки*. Но, судя по старомодному генератору, он сделал это очень давно, вероятно, когда всё ещё был Адрианом, а не Говардом.

Одним из помещений с электричеством, вырабатываемом рабами, почти наверняка были личные покои усопших короля и королевы, но меня интересовали не они.

Лия не просто указала вниз на узкую спираль лестницы, она несколько раз ткнула в ту сторону пальцем. В голове у неё засели только две мысли: найти Летучего Убийцу до того, как он откроет Тёмный Колодец, и убедиться, что узурпатор не её брат. Мне это было важно так же, как и ей, но меня заботило ещё кое-что. Всё-таки я побывал в аду Глубокой Малин, как Йота и две женщины, что вызвались пойти с нами.

— Погоди, Лия. Выслушай меня. Ты помнишь комнату, оборудованную волшебными огнями, с длинным синим бархатным диваном? — Она не подала виду, но я вспомнил кое-что ещё. — Ну а стол с мозаичной поверхностью? На нём изображён единорог, который будто танцует. Ты

помнишь его?

Её глаза расширились, и она кивнула.

— Есть ли дверь с лестницы в ту часть резиденции?

Лия положила руки на бёдра — на одном меч, на втором кинжал — и посмотрела на меня с раздражением. Она снова ткнула пальцем вниз.

Я перешёл на говор, который подхватил в Малин.

— Неа, неа, миледи. Скажи, можем ли мы войти туда отсюда. Скажи мне!

Она неохотно кивнула.

— Тогда отведи нас туда. Впереди ещё много дневного времени… — На самом деле я мог сказать «до фига» — …и есть другие дела, кроме твоего.

— Какие дела? — спросила Джайя у меня за спиной.

— Думаю, там мы найдём Верховного Лорда.

— Тогда нам надо пойти туда, — сказала Эрис. — Он должен за всё ответить.

«Так, блядь, точно», — подумал я.

4

Продолжая спуск, мы миновали ещё три двери, и я начал подозревать, что Лия хочет пройти

мимо уютного гнёздышка Келлина. Его *электрифицированного* уютного гнёздышка. Затем, у следующей двери она остановилась, открыла её, и испуганно отступила назад. Я поддержал её одной рукой, а другой вытащил револьвер мистера Боудича. Прежде чем я успел заглянуть внутрь, Радар пронеслась мимо меня, виляя хвостом. Лия приложила ладонь ко лбу, но не в приветствии, а в рассеянном жесте женщины, которая чувствует, что её неприятности никогда не кончатся.

В коридоре, чуть поодаль точки, в которой распахнувшаяся дверь могла бы ударить его, стоял Снаб. Радар понюхала его между усиками, виляя хвостом. Затем опустилась на брюхо и Снаб запрыгнул ей на спину.

Йота удивлённо заглядывал мне через плечо.

— Вы везде, куда не глянь, да сэр Снаб? Как вы нас нашли?

У меня была мысль на этот счёт. Клаудия могла слышать Снаба в своей голове, и, возможно, эта способность была обоюдной. Если так, то Снаб, возможно, отслеживал нас с помощью телепатического GPS. Безумная идея, но не безумней русалки с той же способностью. Или возвращающих молодость солнечных часов.

Что касается того, как Эль Снаббо оказался

здесь, я думаю, что Лия не единственная, кто знал тайные дворцовые тропы, и сверчок, даже очень большой, мог пройти там, где не протиснулся бы человек. Это я самолично наблюдал в Глубокой Малин.

— Зачем он здесь? — спросила Эрис. — Чтобы вести нас?

Если даже так, то он напрасно проделал своё путешествие, потому что я знал, где мы, хотя Аарон приводил меня другим путём. Тот же широкий коридор с газовыми фонарями с причудливыми стеклянными колпаками. Те же гобелены, те же мраморные статуи, хотя та, что напомнила мне Ктулху, упала на пол и раскололась надвое… что, на мой взгляд, не было большой потерей.

Я положил руки на колени и почти вплотную наклонился к Снабу. Он бесстрашно смотрел на меня со своего места на загривке Радар.

— Для чего ты здесь? Ты ждал нас? В чём твой интерес?

Клаудия говорила что-то о том, что нужно очистить сознание. Я попытался очистить своё, и, кажется, неплохо с этим справился, учитывая обстоятельства и то, что нас поджимало время, но если Снаб посылал телепатические сообщения, они были не на моей волне.

Однако, на чьей-то другой.

Джайя сказала:

— Принц Чарли, Снаб желает тебе всего хорошего и надеется, что у нас всё получится.

Я сомневался, что она всё это выдумывает, но склонялся к тому, что она выдает желаемое за действительное. Затем Джайя добавила то, что заставило меня передумать.

Йота слушал и начал ухмыляться, обнажив значительные дыры в зубах.

— Правда? — сказал он. — Чтоб мне окунуться в дерьмо! (не то, что он сказал, а то, что я услышал). Позволь мне позаботиться об этом, Чарли. Хорошо? Сделаешь одолжение тому, кто пробыл в Глубокой Малин гораздо дольше тебя?

Я дал ему разрешение. Если б знал, забрал бы его назад и воспользовался револьвером. И Снаб тоже не знал, иначе наверняка сказал бы Джайе. Мысль об этом помогает, но не слишком. В истории всего мира — *всех* миров — незнание никогда не исправляло ни одной ошибки.

5

В панели над пьедесталом, где стояла ужасная статуя, зияла огромная дыра, что заставило меня вспомнить о неисправной газовой лампе в Глубо-

кой Малин. В пустоте за стеной стонал сквозняк, и оттуда вырывался дурно пахнущий воздух.

— Вот откуда взялся маленький правитель — это ясно, как день, — сказал Йота. Он возглавлял нашу процессию, Лия рядом с ним. Я хотел идти рядом с ней, но она рванула вперёд, даже не глянув на меня. Её место заняла Радс со Снабом на спине. Джайя и Эрис замыкали. Мы миновали зеркала в золотых рамках, которые я помнил, и наконец подошли к двери из красного дерева, ведущей в покои Верховного Лорда. Поскольку они были электрифицированы, я предположил, что когда-то эти покои могли принадлежать Ладдуму, канцлеру короля Джана, но я не был уверен.

Лия вытащила кинжал, а я свой 45-ый, но мы оба отстали от Йоты. Он взглянул на Джайю и пробормотал: *«За дверью?»*

Она кивнула. Йота постучал своими большими грязными костяшками.

— Есть кто дома? Можно войти?

Не дожидаясь ответа, он повернул ручку (конечно же, золотую) и саданул дверь плечом. Она приоткрылась и из-за неё послышалось кряхтение. Йота потянул ручку на себя и снова саданул дверь. Ещё одно кряхтение. Третье… четвёртое… кряхтение прекратилось… пятое. Радар залаяла.

Когда Йо снова потянул дверь к себе, мужчина, стоявший за ней, кучей вывалился на красный ковёр, который покрывал пол в прихожей. Его лоб, нос и рот были в крови. В одной руке он держал длинный нож. Когда он повернулся лицом к нам, я узнал одного из людей в VIP-ложе — того, со шрамом на щеке, кто нашёптывал на ухо Петре. Он поднял нож и взмахнул им, неглубоко порезав волосатую голень Йоты.

— Неа, неа, не шали, малыш, — сказал Йо и наступил на запястье мужчины, надавливая до тех пор, пока нож не выпал из его руки на ковёр. Я поднял его и сунул за оружейный пояс мистера Боудича с другой стороны от кобуры.

Лия опустилась на колени рядом с мужчиной со шрамом. Он узнал её и улыбнулся. Из его разбитых губ сочилась кровь.

— Принцесса Лия! Я — Джефф. Как-то раз я наложил вам повязку, когда вы порезали руку. Вы помните это?

Она кивнула.

— И однажды я вытащил вашу коляску, когда она увязла в грязи. Нас было трое, но моя любовь к вам была сильна, и я толкал изо всех сил.

Она снова кивнула.

— Я никогда не хотел участвовать во всем этом,

клянусь вам, принцесса. Отпустите меня в память о былых днях, когда вы были ребёнком, а Лилимар был прекрасен.

Кивнув, будто собирается отпустить его, она вонзила кинжал по самую рукоять в один из его выпученных глаз.

6

Сегодня в покоях не было электричества, но мужчина со шрамом — Джефф или, возможно, он сказал Джофф — наполовину включил газовые лампы, чтобы проделать свою грязную работу. Я полагаю, он не ожидал, что нас будет пятеро, или что мы узнаем, где он прячется. Не говоря уж о Снабе, сверчке, сидящем верхом на моей собаке.

Эрис нашла маленький латунный вентиль, подающий газ, и выкрутила его на максимум. Мы отыскали Келлина в следующей комнате, лежащим на огромной кровати с балдахином. В комнате было темно. Руки Келлина были сложены на груди. Волосы зачёсаны назад, и он лежал в том же красном бархатном смокинге, который был на нём во время моего допроса. Его окутывала слабая голубая дымка. Она походила на тени на его закрытых веках. Келлин не шелохнулся, когда мы приблизились и встали

вокруг его оккупированной кровати. Никогда ещё старик не выглядел таким мёртвым, и скоро ему предстояло им стать. Я не знал, есть ли вода в туалетной кабинке с левой стороны комнаты, но там наверняка был насос. Я подумал, что мой старый приятель Верховный Лорд нуждается в хорошей ванне.

Джайя и Эрис заговорили одновременно.

Джайя: «Где Снаб?»

Эрис: «Что это за звук?»

Звуком были шорох и скрежет, перемежаемые быстрым, резким писком. Когда он приблизился, Радар начала лаять. Заметил ли я, повернувшись в сторону гостиной, навстречу приближающемуся звуку, как побледнел Йота? Кажется, да, но я не уверен. Большая часть моего внимания была прикована к дверному проёму спальни. Снаб вошёл в неё двумя большими прыжками, и отпрыгнул в сторону. За ним последовали скрытые обитатели дворцовых стен и тёмных уголков: поток огромных серых крыс. Джайя и Эрис закричали. Лия не могла, но она отпрянула к стене, широко раскрыв глаза и подняв руки к шраму-рту.

Я не сомневался, что крыс призвал Снаб. Всё-таки, он был повелителем маленького мира. Хотя большинство подданных были крупнее его

самого.

Я отступил от кровати. Йота споткнулся, и я поддержал его. Он учащённо дышал, и я мог бы догадаться, что с ним что-то не так, но я наблюдал за крысами. Они взобрались по свисающим простыням на тело Верховного Лорда. Его глаза открылись. Такие яркие, что было больно смотреть. Аура вокруг него изменилась с бледно-голубой на более глубокий, чистый оттенок. Первая волна крыс поджарилась, когда вошла в свечение. Вонь горелого мяса и шерсти была ужасной, но они не останавливались. Новые бойцы ползли по телам своих павших собратьев, попискивая и кусаясь. Из кучи опалённых крыс поднялась рука и начала бить по ним. Одна крыса вцепилась в большой палец Келлина и болталась из стороны в сторону, как маятник, а её хвост обвивал его костлявое запястье. Крови не было, потому что Келлину не чем было истекать. Я видел, как голубой свет периодически промелькивал между крыс, покрывающих его тело. Он закричал, когда крыса размером с кота оторвала ему верхнюю губу, обнажив скрежещущие зубы. А крысы всё прибывали, врываясь потоком через дверной проём спальни и взбираясь по кровати, пока Верховный Лорд не оказался погребён под живым,

кусачим одеялом из меха, хвостов и зубов.

Рядом со мной раздался глухой удар, когда Йота рухнул в углу комнаты, напротив того места, где съёжились три женщины и лаяла Радар. Лия обеими руками держала Радар за ошейник. Белая пена выступила из уголков рта Йоты и стекла по подбородку. Он посмотрел на меня, и попытался улыбнуться.

— Отра…

На секунду мне показалось, что он хочет сказать что-то о траве. Затем до меня дошло слово, которое он не успел выговорить.

Раздался приглушённый взрыв и вспышка света. Крысы — некоторые в огне, некоторые только начинали дымиться — разлетелись в стороны. Одна ударилась в мою грудь и сползла по рваной рубашке, оставляя след из кишок. Женщины, те, что могли говорить, снова завизжали. Я услышал, как крылья Снаба начали издавать характерный для сверчка стрекот. Крысы мигом повиновались, собравшись в единый поток, устремившийся в обратном направлении, оставляя за собой сотни мёртвых тушек. Кровать Келлина была завалена кишками и пропитана крысиной кровью. Сам Келлин превратился в распавшийся скелет под ухмыляющимся черепом, криво лежащим на

шёлковой подушке.

Я попытался поднять Йоту, но он был слишком тяжёлым для меня.

— Эрис! — крикнул я. — Йо очень плохо! Помоги мне!

Она пробиралась через уменьшающийся поток крыс, подпрыгивая и вскрикивая, когда они пробегали по её ногам… но ни одна из крыс не укусила ни её, ни кого-либо из нас. Джайя поначалу застыла на месте, но потом тоже подошла.

Я держал Йоту подмышками. Эрис взяла одну ногу, Лия другую. Мы несли его, стараясь не споткнуться о последних крыс, включая ту, у которой не было задних лап, но которая всё ещё храбро тащилась за своими собратьями.

— Прости, — сказал Йота. Звук его голоса был утробным, исходящим из горла, которое быстро сжималось. Изо рта полезла пена. — Прости, хотел довести дело до конца…

— Замолчи и побереги дыхание.

Мы уложили его на длинный синий диван. Йота начал кашлять, выплёвывая ещё больше пены в лицо Лии, когда та склонилась, чтобы убрать волосы с его вспотевшего лба. Джайя схватила со стола с единорогом что-то вроде салфетки и вытерла ему рот. Лия, казалось, не обратила на

это внимания. Она смотрела в глаза Йоте. В её взгляде я увидел доброту, жалось и милосердие.

Йота попытался улыбнуться ей, затем посмотрел на меня.

— Она была на лезвии его ножа. Старый… трюк.

Я кивнул, думая о том, как небрежно засунул этот нож за пояс. Если бы я порезался, не только бы у Йо пошла изо рта пена.

Он снова перевёл взгляд на Лию. Очень медленно поднял руку, будто она весила сотню фунтов, и коснулся лба тыльной стороной ладони.

— Моя… Королева. Когда придёт время… исполните свой долг. — Его рука упала.

Так Йота — которого я впервые увидел повисшим на прутьях своей камеры, как обезьяна — скончался. После всего, через что он прошёл, и каким бы крупным человеком он ни был, ему хватило всего лишь одного маленького пореза на голени, чтобы завершить путь.

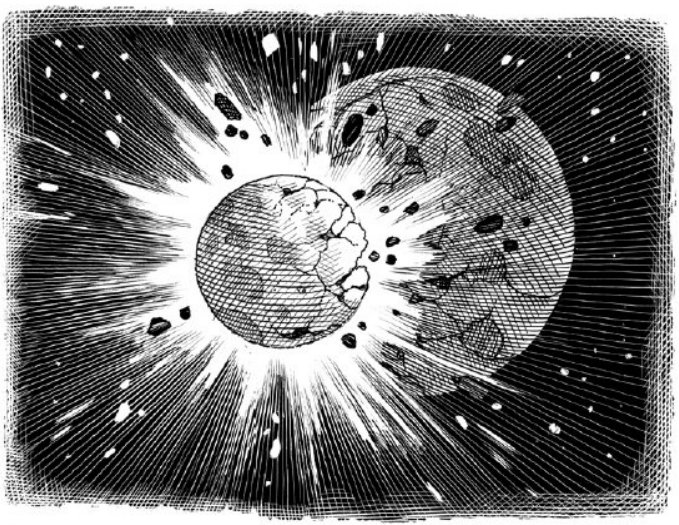
Его глаза остались открытыми. Лия закрыла их, склонилась и прижала рот-шрам к его заросшей щетиной щеке. Только так она могла выразить поцелуй. Затем она поднялась и указала на дверь. Мы последовали за ней, обходя тушки нескольких крыс, умерших по пути к выходу. Лия останови-

лась, прежде чем выйти в коридор, обернулась и поднесла руки к горлу.

Йота заговорил в последний раз, как Фалада и Снаб.

— *Королева Эмписа исполнит свой долг. Я в этом ручаюсь.*

Глава тридцатая



Ещё одна остановка. Подземелье. Решительная. Неземные звёзды. Тёмный Колодец. Гогмагог. Укус.

1

ы прошли по следу из мёртвых и раненых крыс к дыре в панели. Эрис даже помогла одному трёхлапому бойцу забраться внутрь, затем поморщилась и вытерла руки о рубашку (которая и так была вся в грязи и крови). Мы подошли к двери, ведущей на винтовую лестницу, которая, как я предположил, могла быть чем-то вроде запасного выхода для членов королевской семьи на случай пожара. Я похлопал Лию по плечу.

— Ещё одна остановка перед тем, как мы пойдём за Летучим Убийцей, — сказал я. — На уровне Глубокой Малин и камеры пыток. Ты сделаешь это для меня?

Она не возражала, только устало кивнула. На её щеке всё ещё виднелась кровавая пена. Я протянул руку, вытереть её, и на этот раз Лия не отпрянула.

— Спасибо. Там может быть тот, кто помог нам…

Она отвернулась прежде, чем я успел закончить. За пределами дворца, Вуди, Клаудия и их последователи — к настоящему времени они уже могли вырасти до размера настоящей армии

— скорее всего вошли в город. Если бы им встретились казармы, где спали оставшиеся ночные стражи, серые люди могли даже расправиться с ними, и слава Богу, но здесь время было быстротечно и никаких волшебных солнечных часов, способных обратить его вспять.

Мы спускались по лестнице — вниз и вниз, круг за кругом. Никто не разговаривал. Смерть Йоты грузом давила на нас. Даже Радар чувствовала это. Она не могла находиться рядом со мной, спираль была слишком узкой для двоих, но она, идя следом с прижатыми ушами и опущенным хвостом, касалась носом моей икры. Воздух становился всё холоднее. Сочилась вода из лишайника на каменных блоках, уложенных здесь сотни лет назад. *«Нет,* — подумал я. — *дольше. Возможно, даже тысячи».*

Потом я почувствовал какой-то запах, очень слабый.

— Всевышние боги, — сказала Эрис и рассмеялась. В её смехе не было ничего весёлого. — Колесо вращается, и мы вернулись туда, откуда пришли.

По пути вниз мы миновали ещё несколько дверей, некоторые большие, некоторые маленькие. Лия остановилась у маленькой и указала на неё,

затем спустилась вниз на несколько ступеней, освобождая мне место. Я взялся за ручку. Дверь открылась. Мне пришлось согнуться почти вдвое, чтобы пройти через неё. Я очутился на другой кухне, не больше чулана по сравнению с той, мимо которой мы прошли по дороге сюда. Здесь стояла только одна плита, без печи, и длинный низкий гриль, вероятно, работающий на газе, но сейчас выключенный. На нём лежал ряд сосисок, подгоревших до черноты.

Джайя издала звук — нечто среднее между кашлем и рвотой. Я думаю, она вспомнила все приёмы пищи, когда мы находились в камерах, особенно перед игрой и первым раундом «Честного». Я читал о ПТС, но читать о подобном и видеть воочию — это совершенно разные вещи.

На полке рядом с грилем стояла жестяная кружка, похожая на те, что были у нас в камерах, только без дырки на дне, которую приходилось затыкать пальцем. Она была наполнена серными спичками, как те, что дал мне Перси. Я взял их, и поскольку у меня не было карманов, я переложил револьвер за пояс и сунул кружку со спичками в кобуру.

Лия подвела нас к двери, заглянула, потом жестом пригласила следовать за ней, как и раньше:

быстро, быстро. Я гадал, сколько же времени прошло. Конечно, всё ещё стоял день, но какое это имело значение, если Белла и Арабелла поцеловались на другом конце света? Я предположил, что Летучий Убийца уже у Тёмного Колодца. Дожидается открытия, чтобы попытаться заключить ещё одну сделку с сущностью, обитающей в нём, либо не видя ужасных событий, которые могли произойти, либо игнорируя их. Думаю, последнее было более вероятно. Элден из рода Галлиенов, Элден Летучий Убийца, дряблый, жадный, зеленолицый гоблин, собирающийся призвать что-то из другого мира в этот… а потом, скорее всего, в мой. Я уже собирался сказать Лии, что раздумал идти в камеру пыток. Перси — Персиваля — могло там не быть, или он был мёртв. Остановить Летучего Убийцу, разумеется, было важнее.

Эрис коснулась моего плеча.

— Принц Чарли… ты уверен насчёт этого? Разумно ли это?

Нет. Это не было разумно. Вот только если бы не Персиваль — человек настолько поглощенный серостью, что едва мог говорить — никого из нас здесь бы не было.

— Идём, — коротко сказал я.

Эрис приложила ладонь ко лбу и ничего не

ответила.

2

Я узнал проход, где Лия дожидалась нас, переминаясь с ноги на ногу, сжимая и разжимая рукоять своего меча. Справа от вспомогательной кухни был путь в темницу. Слева, не так далеко, — камера пыток.

Я побежал, оставив остальных позади. За исключением Радар, которая неслась рядом, высунув язык. Камера пыток оказалась дальше, чем я помнил. Когда я достиг открытой двери, то остановился на время, достаточное, чтобы мысленно проговорить даже не молитву, а простое *«пожалуйста, пожалуйста»*. Затем вошёл внутрь.

Сначала я подумал, что там пусто… если только Персиваля не заключили в Железную Деву. Но будь он там, наверняка сочилась бы кровь, а её не было. Затем куча тряпья в дальнем углу зашевелилась. Из неё появилась голова, её обладатель увидел меня и попытался улыбнуться тем, что осталось от рта.

— Перси! — воскликнул я и побежал к нему. — Персиваль!

Он с трудом пытался отдать мне честь.

— Неа, неа, это я должен отдавать тебе честь.

Ты можешь встать?

С моей помощью Перси смог подняться на ноги. Одна его рука была замотана грязным куском его же тужурки. Приглядевшись, я увидел, что тряпка намотана в районе его запястья и туго завязана, чтобы остановить кровотечение. Я видел тёмное засохшее пятно на камнях, где он лежал. У него не было запястья. Какой-то ублюдок отрезал его.

Подошли остальные. Джайя и Эрис встали в проходе, но Лия вошла внутрь. Персиваль увидел её и поднёс искалеченную руку ко лбу. Он расплакался. *«Хинсе»*. Это был его лучший вариант произношения слова *«принцесса»*.

Перси попытался склонить колено перед ней, но упал бы без моей поддержки. Он был в грязи, в крови, изуродованный, но Лия обвила руками его шею и обняла его. Этим она мне нравилась, если оставить в стороне всё остальное.

— Ты можешь идти? — спросил я. — Если медленно и с передышками, сможешь? Потому что мы спешим. *Отчаянно* спешим.

Он кивнул.

— И ты сможешь найти выход?

Он снова кивнул.

— Джайя! — позвал я. — Здесь ты расстанешься с нами. Персиваль выведет тебя наружу. Иди с

ним, и давай ему отдохнуть, сколько нужно.

— Но я хочу…

— Мне не волнует, что ты хочешь; мне нужно, чтобы ты это сделала. Вытащи его из этой… этой *дыры*. Когда выберетесь, там будут другие. — *«Лучше бы были»*, — подумал я. — Отведи его к Клаудии или Вуди, и пусть ему окажут медицинскую помощь. — *«Медицинская помощь»* — не то, что я сказал, но Джайя кивнула.

Как и Лия, я обнял Персиваля.

— Спасибо, друг мой. Если это возможно, они должны поставить тебе памятник. — *«Может быть, с бабочками, сидящими на твоих вытянутых руках»*, — подумал я и направился к двери. Лия уже была там, дожидаясь меня.

Джайя обняла его одной рукой.

— Я буду с тобой на каждом шагу, Перси. Только веди меня.

— *Хринс!* — сказал Персиваль, и развернулся. Он прикладывал все усилия, чтобы говорить чётко. — *Лючий Уйса!* — Он указал на дверь. — *Шевро угих! И уука! Ехо уука!* — Потом он указал на Лию. — *Она нает ороху!* — Затем он указал на вверх. — *Элла и Араелла! Соро! Соро!*

Я посмотрел на Лию.

— Ты его понимаешь?

Она кивнула. Её лицо было мертвенно-бледным. Рана, через которую она принимала пищу, выделялась, как родимое пятно.

Я повернулся к Эрис.

— А ты?

— Летучий Убийца, — сказала она. — Четверо других. И сука. Или, может быть, шлюха. В любом случае, я думаю, он имеет в виду Петру, ведьму с мушкой на лице, которая сидела с ним в ложе. Он сказал, что принцесса знает дорогу. И что-то о Белле и Арабелле.

— Они скоро поцелуются, — сказала Джайя и Персиваль кивнул.

— Позаботься о нём, Джайя. Выведи его отсюда.

— Обязательно, если он и правда знает дорогу. И сделай так, чтобы мы снова увиделись. Все мы. — Она наклонилась и быстро погладила Радар на прощание.

3

Лия повела нас от винтовой лестницы в другой коридор. Она остановилась у двери, открыла её, покачала головой и пошла дальше.

— Она и в правду знает, куда идёт? — прошептала Эрис.

— Думаю, да.

— *Надеешься*, да.

— Прошло много времени с тех пор, как она была здесь.

Мы подошли к другой двери. Нет. Затем к следующей. Лия заглянула в помещение и подозвала меня. Там было темно. Она указала на кружку со спичками, которую я взял из кухни. Я попытался чиркнуть одной о зад штанов — классный трюк, который я видел в старом ковбойском фильме «Ти-Си-Эм». Когда это не сработало, я чиркнул спичкой о шершавый камень рядом с дверью и поднял вверх. Комната была облицована деревянными панелями, а не камнем и заполнена одеждой: формой, поварскими халатами, балахонами и шерстяными рубашками. Груда изъеденных молью коричневых платьев лежала под рядом деревянных крючков.

Лия уже пересекала комнату, Радар следовала за ней, оглядываясь на меня. Я зажёг ещё одну спичку и пошёл за ними. Лия встала на цыпочки, ухватилась за два крючка и потянула. Никакого эффекта. Она отступила и указала на меня.

Я передал кружку со спичками Эрис, взялся за крючки и дёрнул. Ничего не произошло, но я почувствовал некоторую отдачу. Я потянул сильнее, и вся стена подалась вперёд, выпустив

порыв застарелого воздуха. Заскрипели скрытые петли. Эрис зажгла ещё одну спичку, и я увидел паутину, не целую, а свисающую серыми клочьями. Добавить сюда груду платьев, сброшенных с крючков, и становилось ясно: кто-то прошёл через эту дверь до нас. Я зажёг очередную спичку и наклонился. В пыли виднелись спутанные следы. Будь я бесподобным сыщиком, как Шерлок Холмс, возможно, смог бы вычислить, сколько человек прошло через эту потайную дверь, может, даже насколько они опередили нас, но мне было далеко до Шерлока. Оценив размазанность следов, я понял, что они несли что-то тяжёлое. Как будто шаркали при ходьбе. Я подумал о расписном паланкине Летучего Убийцы.

Вниз вели ещё несколько ступеней, изгибаясь влево. Ещё больше следов в пыли. Далеко внизу виднелся тусклый свет, но не от газовых фонарей. Он был зеленоватым. И он мне очень не понравился. Голос, шептавший из воздуха, понравился ещё меньше. *«Твой отец умирает в собственной блевотине»*, — сказал он.

Эрис резко вздохнула.

— Голоса вернулись.

— Не слушай их, — сказал я.

— Скажи мне ещё и не *дышать*, принц Чарли.

Лия подозвала нас. Мы начали спускаться по лестнице. Радар тревожно заскулила, и я предположил, что она тоже слышит голоса.

4

Мы спускались вниз. Зелёный свет становился ярче. Он исходил от стен. *Сочился* из стен. Голоса также усилились. Они говорили неприятные вещи. Много о моих прискорбных подвигах с Берти Бёрдом. Эрис заплакала позади меня, очень тихо, потом пробормотала: «Перестаньте. Я никогда этого не хотела. Пожалуйста, перестаньте».

Я почти пожалел, что не могу снова встретиться с Ханой или Рыжей Молли. Они были ужасны, но материальны. Их можно было вывести из игры.

Если Лия слышала голоса, то не подавала виду. Она спускалась по лестнице ровным шагом, выпрямив спину, её стянутые сзади волосы касались лопаток. Мне был ненавистен её отказ признать, что Летучий Убийца — её брат; разве мы не слышали, как его дружки выкрикивали его имя на «Честном»? Но мне нравилась её смелость.

Мне нравилась *она*.

К тому времени, когда ступени закончились аркой, поросшей мхом и рваной паутиной, мы, должно быть, опустились по меньшей мере на

пятьсот футов ниже Глубокой Малин. Возможно, ещё ниже. Голоса стихли. На смену им пришло гнетущее гудение, исходившее, казалось, либо от влажных каменных стен, либо от зелёного света, который теперь стал гораздо ярче. Это был *живой* свет, а гудение было его голосом. Мы приближались к какой-то великой силе, и если раньше я сомневался в существовании зла, как чего-то материального, отдельного от того, что жило в сердцах и умах смертных мужчин и женщин, то теперь сомнения развеялись. Мы лишь ступили на край того, что порождало эту силу, но приближались к ней с каждым шагом.

Я протянул руку, чтобы коснуться плеча Лии. Она дёрнулась, затем расслабилась, поняв, что это всего лишь я. Её глаза были расширенными и тёмными. Глядя ей в лицо, а не на её волевую спину, я понял, что Лия так же напугана, как и все мы. Возможно, сильнее, так как она знала больше.

— Ты была здесь? — прошептал я. — Вы с Элденом приходили сюда, когда были *детьми*?

Лия кивнула. Она протянула руку и схватила разреженный воздух.

— Вы держались за руки?

Она кивнула. *Да.*

Я представил их, держащихся за руки, бегающих повсюду… но, нет, это было неправильно, они не бегали. Лия могла бы, но не Элден на своих косолапых ногах. Она оставалась с ним, даже если хотела мчаться вперёд к следующему событию, к следующему сюрпризу, к следующему тайному месту, потому что любила его.

— У него была трость?

Она подняла руку и показала мне букву «V». Значит, две трости.

Везде вместе, кроме одного места. Вуди сказал, что *Лия никогда не любила книги. Элден читал за них двоих*.

— Он знал о потайной двери в комнате, где хранилась одежда, верно? Он прочитал о ней в библиотеке. Вероятно, он знал и о других местах?

Да.

Старые книги. Возможно, запретные книги, вроде «Некрономикона», выдуманного Лавкрафтом, о котором тот любил писать. Я представил Элдена, корпящего над такой книгой, уродливого мальчика с косолапыми ногами, мальчика с шишками на лице и горбом на спине; того, о ком забывали, за исключением тех случаев, когда нужно было опробовать на нём жестокую шутку

(я знал о них всё; мы с Берти разыграли немало их во время моего тёмного периода); того, кто игнорировался всеми, кроме его младшей сестры. Почему бы не игнорировать, если на трон должен был взойти его красивый старший брат? И к тому времени, когда Роберт занял бы трон, хромоногий Элден, книжный червь Элден всё равно был бы мёртв. Такие, как он, долго не жили. Словив ртом жука, они кашляют; подхватив лихорадку, они умирают.

Элден читал старые пыльные книги, либо с верхних полок, либо из запертого шкафа, который вскрыл. Может быть, сперва он просто искал силу, чтобы использовать её против своего брата-тирана и острых на язык сестёр. Мысли о мести пришли позже.

— Это была не твоя идея прийти сюда, я прав? Возможно, в другие части замка, но не сюда.

Да.

— Тебе здесь не понравилось, да? Тайные комнаты и поднимающиеся платформы — это хорошо, весело, но тут таилось зло, и ты это знала. Разве нет?

Её глаза были тёмными и встревоженными. Она не подала никакого знака, ни «да», ни «нет»… но глаза увлажнились.

— А вот Элден — он был очарован. Верно?

Лия лишь повернулась и снова пошла вперёд, сделав свой привычный жест *«пошли»*. Спина прямая.

Волевая.

5

Радар немного опередила нас, и теперь она что-то обнюхивала на полу прохода — клочок зелёного шёлка. Я поднял его, осмотрел, сунул в кобуру к жестяной кружке со спичками и больше не думал о нём.

Проход был широким и высоким, больше похожим на туннель. Мы подошли к месту, где он расходился в три стороны, каждая из которых подсвечивалась пульсирующим зелёным светом. Над каждым входом имелся краеугольный камень, вырезанный в форме того, что я последний раз видел разломанным на части в жилом крыле: похожее на кальмара существо с узлом щупалец, скрывающих его лицо. Бабочки-монархи были благословением; эта штука — богохульством.

«Вот ещё одна сказка, — подумал я. *— Та, что для взрослых, а не для детей. Никакого большого злого волка, никакого великана, никакого Румпельштильцхена. Если над арками — это*

версия Ктулху, то каким должен быть Гогмагог? Верховный жрец древних богов, видящий свои злокозненные сны в руинах Р'льеха? Это тот, *кого Элден хочет попросить ещё об одной услуге?»*

Лия направилась к левому проходу, остановилась, вернулась к центральному и снова помедлила. Она вглядывалась вперёд. Я смотрел вниз, под ноги, где видел следы, ведущие к правому проходу. Этой дорогой прошли Летучий Убийца и его свита, но я ждал, вспомнит ли она. Она вспомнила. Лия вошла в правый проход и продолжила движение. Мы последовали за ней. Запах — смрад, *зловоние* — теперь усилился; гул не стал громче, но стал всепроникающим. Из трещин в стенах росли рыхлые, бесформенные, белые, как пальцы мертвеца, грибы. Они поворачивались, словно провожая нас взглядом. Сначала я подумал, что это моё воображение. Но нет.

— Какой ужас, — сказала Эрис, её голос был слабым и подавленным. — Я думала плохо было в Малин… и на поле, где мы дрались… но они ничто по сравнению с этим.

И на это нечего было ответить, потому что она была права.

Мы шли всё дальше и дальше, дорога постоян-

но шла под уклон. Запах стал ещё хуже, а гудение становилось всё громче. Теперь дело было не только в стенах. Я ощущал его в центре своей головы, где гул, казалось, был не звуком, а чёрным светом. Я понятия не имел, что находилось над нами, но несомненно мы вышли за пределы территории дворца. Очень далеко. Следы истончились и исчезли. Пыль не спускалась так глубоко вниз и тут не было свисающей паутины. Даже пауки покинули это богом забытое место.

Стены менялись. Местами камни сменялись большими тёмно-зелёными блоками стекла. Внутри них клубились и копошились толстые чёрные прожилки. Одна бросилась на нас, и её передняя безголовая часть раскрылась, превратившись в рот. Эрис слабо вскрикнула. Радар теперь так сильно жалась ко мне, что при каждом шаге моя нога тёрлась о её бок.

Наконец мы оказались в большой сводчатой комнате из тёмно-зелёного стекла. Повсюду в стенах виднелись чёрные ниточки, мечущиеся взад и вперёд в странных резных формах, которые менялись при взгляде на них. Они крутились и извивались, создавая фигуры… лица…

— Не смотри на эти штуки, — сказал я Эрис. Я предположил, что Лия уже это поняла; если она

помнила, как сюда попасть, то уж точно запомнила эти странные меняющиеся фигуры. — Думаю, они могут загипнотизировать тебя.

Лия стояла в центре этого жуткого нефа, озираясь вокруг в замешательстве. По кругу располагались проходы, подсвеченные пульсирующим зелёным светом. Их было не меньше дюжины.

— Я не думаю, что смогу, — ответила Эрис. Её голос превратился в дрожащий шепот. — Чарли, извини, но я не думаю, что смогу.

— Ты и не обязана. — Мой голос звучал ровно и странно, я думаю из-за гудения. Это был голос Чарли Рида, который соглашался со всеми грязными трюками, придуманными Бёрдмэном… и добавлял что-то своё. — Иди назад, если сможешь найти дорогу. Если нет, останься здесь и жди нас.

Лия обошла полный круг, медленно, заглядывая в каждый проход. Затем она посмотрела на меня, подняла руки и покачала головой.

Я не знаю.

— Ты дошла только досюда, да? Дальше Элден пошёл без тебя?

Да.

— Но потом он вернулся.

Да.

Я представил себе ожидание здесь, в этой незнакомой зелёной камере с непонятными символами и чёрными штуками, живущими в стенах. Маленькая девочка держится уверенно — держится решительно — несмотря на этот предательский гул. Ждёт в одиночестве.

— Ты приходила с ним в другие разы?

Да. Затем она указала вверх, но я не понял.

— После этого он приходил без тебя?

Долгая пауза… потом: *да*.

— И в какой-то раз он не вернулся.

Да.

— Ты не ходила за ним, ведь так? Только досюда, но не дальше. Ты не осмелилась.

Она закрыла лицо. Это был достаточный ответ.

— Я ухожу, — выпалила Эрис. — Прости, Чарли, но я… *я не могу*.

Она убежала. Радар последовала за ней к проходу, из которого мы пришли, и если бы она решила уйти с Эрис, я не стал бы звать её обратно. Гул теперь проникал в мои кости. У меня возникло сильное ощущение, что ни принцесса Лия, ни я никогда больше не увидим внешний мир.

Радар вернулась ко мне. Я опустился на колени и обнял её, стараясь успокоить, насколько мог.

— Ты предположила, что твой брат мёртв.

Да. Затем она взялась за горло и послышались гортанные слова.

— И *сейчас* мёртв.

Тот, кем я стал — и продолжал становиться — был старше и мудрее, чем старшеклассник, который появился на том маковом поле. Этот Чарли — *принц* Чарли — понимал, что Лия должна была в это поверить. Иначе вина за то, что она не попыталась спасти брата, была бы слишком велика, чтобы вынести её.

Думаю, к тому времени она уже всё для себя решила.

6

Пол был из полированного зелёного стекла, и казалось, уходил в бесконечную глубину. Чёрные прожилки копошились под нами, и не было никаких сомнений, что они голодны. Никакой пыли и никаких следов. Если они и были, то кто-то из свиты Летучего Убийцы стёр их — на всякий случай, — чтобы мы не последовали за ними. Поскольку Лия не помнила, невозможно было сказать, по какому из двенадцати проходов они пошли.

Или возможно?

Я вспомнил женщину с мушкой возле рта,

которая кричала: *«На колени, старая кровь! На колени, старая кровь!»* Её звали Петра, и она была одета в зелёное шёлковое платье.

Я достал обрывок ткани и протянул его Радар, которая понюхала его без особого интереса — на неё тоже действовали гул и чёрные фигуры в стеклянных блоках. Но я мог надеяться только на неё. *Мы* могли.

— Который? — спросил я, и указал на туннели. Радар не пошевелилась, только посмотрела на меня снизу вверх, и я понял, что ужасная атмосфера этого места затуманила мне мозги. Был же набор команд, которые она понимала, но «который» не входил в их число. Я снова поднёс обрывок платья к её носу.

— Ищи, Радар, ищи!

В этот раз она опустила нос к полу. Одна из чёрных фигур будто дёрнулась на неё, и Радар отпрянула, но потом снова опустила нос — моя хорошая собака, моя храбрая собака. Она подошла к одному из туннелей, вернулась, подошла к другому справа. Затем она повернулась ко мне и гавкнула.

Лия не медлила. Она бросилась в туннель. Я последовал за ней. Зелёный стеклянный пол в этом туннеле ещё сильнее шёл под уклон. Будь

он ещё круче, думаю, мы бы потеряли опору. Лия увеличила отрыв. Она была быстроногой, а я увальнем, которого ставили играть только на первой базе.

— Лия, подожди!

Но она не замедлилась. Я побежал так быстро, как только позволял наклонный пол. Радар, находясь ближе к поверхности и опираясь на четыре лапы, держалась увереннее. Гудение начало стихать, будто кто-то убавил громкость на гигантском усилителе. Я ощутил облегчение. Зелёное свечение от стен тоже померкло. На смену ему пришёл более слабый свет, который немного усилился, когда мы подошли к выходу из туннеля.

В то, что я там увидел, даже после всего пережитого мною, было почти невозможно поверить. Разум противился тому, что видели глаза. Помещение со множеством проходов было огромным, но эта подземная камера была намного больше. Да и можно ли это назвать камерой, когда надо мной простиралось ночное небо, усеянное пульсирующими желтоватыми звёздами? Вот откуда исходил свет.

«Этого не может быть», — подумал я, затем понял, что да, это возможно. Разве я не оказался

в другом мире, спустившись по другой лестнице? Тогда я вышел в мир Эмписа. Но это был третий мир.

Ещё несколько лестниц опоясывали колоссальную шахту, вырубленную в каменной породе. Лия спускалась по ним полным бегом. Внизу, на глубине более пятисот футов, я увидел паланкин Летучего Убийцы с задёрнутыми пурпурными занавесями с золотой отделкой. Четверо мужчин, которые несли его, прижались к стене и смотрели на эти чуждые звёзды. Должно быть, они были очень сильными, чтобы принести сюда Летучего Убийцу, и храбрыми, но оттуда, где стояли мы с Радар, они казались крошечными и напуганными.

В центре каменного дна поднималась огромная буровая вышка высотой около ста ярдов. Она мало чем отличалась от тех, что я видел на строительных площадках в моём мире, но эта, казалось, была построена из дерева, и странно напоминала виселицу. Составная подпорка и стрела образовывали идеальный треугольник. Грузоподъёмный крюк крепился не к крышке скважины, как я думал, когда представлял себе Тёмный Колодец, а к гигантскому откидному люку, который пульсировал нездоровым зелёным

светом.

Рядом с ним в своём пурпурном одеянии, похожем на кафтан, с нелепо сдвинутой на бок золотой короной Галлиенов на растрёпанных белых волосах, стоял Летучий Убийца.

— Лия! — крикнул я. — Подожди!

Она не отреагировала — возможно, оглохла, как Клаудия. Она бежала по последнему витку лестницы под тусклым светом жутких звёзд, сияющих из другой вселенной. Я побежал за ней, на ходу вытаскивая револьвер мистера Боудича.

7

Мужчины, которые несли паланкин, начали подниматься по лестнице ей на встречу. Лия остановилась, расставив ноги в боевой стойке, и обнажила меч. Радар истерически лаяла, либо в ужасе от этого кошмарного места, которое, я был уверен, мы никогда не покинем, либо понимала, что мужчины угрожают Лии. Может быть, и то и другое. Летучий Убийца посмотрел наверх, и корона упала с его головы. Он поднял её, но то, что вылезло из-под его пурпурного балахона, не было рукой. Я не разглядел, что это было (или не хотел), да и в тот момент меня это не волновало. Я хотел как можно скорее догнать Лию, но понял,

что не сумею спасти её от носильщиков Летучего Убийцы. Они уже были слишком близко к ней, расстояние для выстрела слишком велико, и она перекрывала прицел.

Лия упёрла рукоять меча себе в живот. Я услышал, как тот, который шёл впереди, что-то крикнул. Поднимаясь, он махал руками, остальные трое следовали за ним. Я услышал *«Неа, неа!»*, но не остальное. Лие не пришлось бить его; в спешке мужчина, не замедляясь, налетел на её меч. Лезвие вошло по самую рукоять, и вышло с другой стороны с брызгами крови. Он склонился к обрыву. Лия попыталась выдернуть меч, но тот не поддался. Ей оставался простой, но единственный выбор: отпустить меч и жить, либо удержать его и последовать вниз за носильщиком. Она отпустила. Пронзённый человек упал сотней футов ниже того места, где Лия проткнула его, и недалеко от паланкина, который помогал нести. Ему могли посулить золото или женщин, поместье в сельской местности или всё это сразу. Но получил он смерть.

Остальные трое вышли вперёд. Я побежал быстрее, не обращая внимания на вполне реальную возможность споткнуться — может быть, о собственную собаку — и отправиться в смертельный

полет. И всё равно видел, что не успею вовремя. Они неминуемо добрались бы до неё раньше, и теперь для защиты у Лии остался только кинжал. Она вытащила его и прижалась спиной к стене, готовая биться насмерть.

Только не было ни битвы, ни смерти. Даже человек, которого она убила, вероятно, не собирался вступать с ней в бой; он кричал *«Неа, неа»* перед тем, как напоролся. С этих людей было достаточно. Всё, чего они хотели, — это убраться ко всем чертям. Они пробежали мимо неё, даже не взглянув.

— *Назад!* — взревел Элден. — *Назад трусы! Вам велит ваш король!*

Они не слушали, перепрыгивая через две-три каменные ступени за раз. Я схватил Радар за ошейник и крепко прижал к себе. Первые двое носильщиков паланкина пробежали мимо нас, но третий нарвался на Радар, которая не выдержала. Она дёрнула мордой вперёд и глубоко впилась зубами в его бедро. Человек замахал руками, пытаясь восстановить равновесие, затем упал в шахту; его последний затихающий крик оборвался, когда он ударился о дно.

Я снова двинулся вперёд и вниз. Лия не шевелилась. Она всматривалась в гротескную фигуру

в развевающемся пурпурном балахоне, пытаясь разглядеть её черты в тусклом свете звёзд, сияющих в этой безумной бездне над нашими головами. Я почти добежал до неё, когда свет начал становиться ярче. Но не от звёзд. Гудение вернулось, только теперь оно было глубже: не *ммммммм*, а *ААААААА* — звук какого-то инопланетного существа, колоссального и непостижимого, почуявшего пищу, которая, как оно знало, будет вкусна.

Я посмотрел наверх. Лия посмотрела наверх. Радар посмотрела наверх. То, что мы увидели выплывающим из этого тёмного, усеянного звёздами неба, было ужасно, но настоящий ужас заключался том, что это также выглядело прекрасно.

Если моё чувство времени не подводило меня, над нами всё ещё стоял день. Белла и Арабелла должны были находиться на другом конце света, частью которого был Эмпис, но эти две луны были точно такие же, проецируемые из чёрной пустоты, что не имела права на существование, и омывающие эту адскую бездну, в которой мы находились, своим бледным и сверхъестественным светом.

Большая луна приближалась к малой, и не

собиралась проходить мимо неё ни сзади, ни спереди. Только всевышние боги знают, сколько тысяч лет спустя две луны — эти и настоящие, находящиеся где-то далеко за горизонтом — оказались на пути столкновения.

Они встретились в беззвучном столкновении (значит, это и *правда* была проекция), сопровождающимся ослепительной вспышкой света. Обломки, как светящиеся осколки посуды, разлетелись во все стороны, заполняя тёмное небо. Глухой шум — АААААААА — стал ещё громче. Оглушающим. Стрела буровой вышки начала подниматься, сужая треугольник между ней и подпоркой. Не было слышно звука работающих механизмов, но я бы всё равно его не заметил.

Неистовый свет распадающихся лун заслонил звёзды и залил сиянием поверхность внизу. Люк над Тёмным Колодцем начал открываться, подтягиваемый крюком буровой вышки. Гротескное существо в пурпурном балахоне тоже смотрело вверх, и когда Лия взглянула вниз, их глаза встретились. Его глаза сидели глубоко в обвисших впадинах зеленоватой плоти; её — были широко раскрытыми и голубыми.

Несмотря на все годы и все перемены, Лия узнала Элдена. Её смятение и ужас отразились на

лице. Я попытался удержать её, но Лия так рьяно вырвалась, что чуть не упала вниз. Я был в шоке, оцепенел от того, что увидел — столкновение двух лун в небе, которое не могло существовать. Осколки расползались и начинали тускнеть.

По краю люка Тёмного Колодца появился полумесяц тьмы и быстро расширился до чёрной ухмылки. Долгий хриплый крик удовлетворения становился всё громче. Летучий Убийца, спотыкаясь, направился к колодцу. Его пурпурный балахон встопорщился в нескольких местах разом. На мгновение его страшная желейная голова скрылась, а затем балахон слетел на одну сторону и упал на пол. Мужчина под ним был мужчиной только наполовину, как Эльза была только наполовину женщиной. Вместо его ног был клубок чёрных щупалец, которые несли его, раскачивая из стороны в сторону. Другие щупальца торчали из висящего мешком живота, поднимаясь к открывающемуся люку, будто в эрекции. Вместо рук у него были какие-то змеевидные отростки, которые колыхались перед его лицом, как водоросли в сильном течении, и я понял, что какое бы существо не сидело в колодце, это не был Ктулху. Элден и был Ктулху этого мира, как Дора была старушкой, живущей в башмаке, а Лия — гуси-

ной девушкой. Он променял деформированные ступни и сгорбленную спину — кифоз — на нечто гораздо худшее. Задумывался ли он о честности такой сделки? Достаточно ли было мести и медленной гибели королевства, чтобы уравновесить чаши весов?

Лия добралась до подножия лестницы. Над головой осколки Беллы и Арабеллы продолжали расползаться.

— *Лия!* — крикнул я. — *Лия, ради Бога, остановись!*

Проходя мимо паланкина с безвольно свисающими занавесями, она задержалась, но не потому, что я позвал её. Не уверен, что она вообще слышала меня. Всё её внимание было приковано к дряблому существу, бывшему её братом. Теперь он нетерпеливо склонился над поднимающимся люком, рыхлая плоть его лица свисала вниз, как тесто. Корона снова слетела с его головы. Ещё больше чёрных щупалец появилось из его шеи, спины и ложбинки между ягодицами. На моих глазах он превращался в Ктулху, повелителя древних богов, в воплощённую в жизнь кошмарную сказку.

Но настоящий монстр был внизу. И скоро он должен был появиться.

Гогмагог.

8

Я помню, что произошло дальше, с душераздирающей ясностью. Я наблюдал всё оттуда, где стоял, может быть, в дюжине шагов от брошенного паланкина, и до сих пор вижу это в своих снах.

Радар лаяла, но я едва слышал её на фоне непрерывного сводящего с ума гудения из Тёмного Колодца. Лия подняла свой кинжал и без колебаний глубоко вонзила в свою рану для кормления рядом с тем, что было её ртом. Затем, используя обе руки, она провела лезвием по шраму справа налево.

— *ЭЛДЕН!* — закричала она. Кровь мелкими брызгами хлынула из её нового рта. Её голос был хриплым — полагаю, из-за чревовещания — но первое слово, которое Лия произнесла без необходимости извлекать его из глубины горла, прозвучало достаточно громко, чтобы услышал её гнусный брат, даже сквозь гудение. Он увидел её, по-настоящему *увидел* её, впервые за всё время.

— *ЭЛДЕН, ОСТАНОВИСЬ, ПОКА ЕЩЁ ЕСТЬ ВРЕМЯ!*

Он колебался, лес щупалец — теперь их было

больше, гораздо больше — развевался из стороны в сторону. Видел ли я любовь в этих затуманенных глазах? Сожаление? Жалость, может быть, стыд за то, что он проклял единственного человека, который любил его, вместе со всеми теми, кто презирал? Или только необходимость сохранить то, что ускользало после правления, оказавшегося таким недолгим (но разве не всем нам так кажется, когда приходит конец)?

Я не знал. Я побежал вниз по последним ступеням, мимо паланкина. У меня не было никакого плана в голове, я просто должен был увести Лию оттуда до того, как существо внизу поднимется. Я вспомнил гигантского таракана, который забрался в сарай мистера Боудича, и как мистер Боудич застрелил его, и это напомнило мне — наконец-то — что его револьвер всё ещё у меня.

Лия вошла в это колышущееся скопление щупалец, видимо, не подозревая, какую опасность они таили. Одно из них погладило её по щеке. Элден продолжал смотреть на неё, и он… плакал?

— Иди назад, — прокряхтел он. — Иди назад, пока можешь. Я — не могу…

Одно из щупалец обвилось вокруг её окровавленной шеи. Было ясно: он не мог остановить часть себя, одержимую существом внизу. Все те

книги, что он прочитал во дворцовой библиотеке — неужели ни в одной из них не содержалась основополагающая история всех культур, в которой говорится о сделке с дьяволом?

Я схватил щупальце — которое могло быть частью его руки, когда Элден заключил свою сделку — и оторвал от её горла. Щупальце было жёстким и покрытым слизью. Как только оно перестало душить Лию, я выпустил его. Другое щупальце обернулось вокруг моего запястья, ещё одно — вокруг бедра. Они начали тянуть меня к Элдену. И к открытому колодцу.

Я поднял револьвер мистера Боудича, собираясь выстрелить. Прежде чем я успел спустить курок, щупальце обвилось вокруг дула, выдернуло оружие, и бросило его на пол в сторону покинутого паланкина. Радар теперь стояла между Элденом и колодцем, вся шерсть дыбом; она лаяла так сильно, что из её пасти летела пена. Она бросилась, чтобы укусить его. Щупальце — то, которое было частью его левой ноги — хлестнуло её кнутом и отбросило в сторону. Меня тащило вперёд. Монстр, возможно, оплакивал свою сестру, но он также ухмылялся в предвкушении какой-то ужасной победы, реальной или воображаемой. Ещё два щупальца, размером поменьше, появи-

лись из этой ухмылки и попробовали воздух. Буровая вышка продолжала открывать люк, но что-то ещё — что-то под ним — толкало его снизу, расширяя щель.

«Там внизу другой мир, — подумал я. — *Он чёрный и я не хочу его видеть»*.

— Ты тоже была частью этого! — взвизгнуло дряблое существо с зелёным лицом, обращаясь к Лии. — *Ты тоже была частью этого, иначе ты бы пошла со мной! Ты бы стала моей королевой!*

Ещё больше щупалец Летучего Убийцы схватили её — за ноги, за талию и снова за шею — и потащили вперёд. Что-то вылезало из колодца — маслянистая чёрная субстанция с длинными белыми шипами. Она ударилась об пол с влажным шлепком. Это было похоже на крыло.

— *Я И ЕСТЬ королева!* — воскликнула Лия. — *Ты не мой брат! Он был добрым! Ты — убийца и притворщик! Ты — самозванец!*

Она вонзила кинжал, с которого всё ещё капала её кровь, в глаз своего брата. Щупальца отпустили её. Элден отшатнулся назад. Крыло поднялось и взмахнуло, отчего мне в лицо ударил тошнотворный порыв воздуха. Оно окутало Элдена. Щипы пронзили его тело. Его подтащило к краю колодца. Элден издал последний вопль, прежде

чем тварь вонзила свои крючковатые шипы ему в грудь и затащила в колодец.

Но получить свою марионетку — этого ему оказалось недостаточно. Из колодца поднялся пузырь иноземной плоти. На нас смотрели огромные золотистые глаза на том, что нельзя было назвать лицом. Раздался скребущий, скрежещущий звук, и появилось второе крыло, покрытое шипами. Оно сделало пробный взмах, и меня снова ударило волной гнилостного воздуха.

— *Вернись назад!* — крикнула Лия. Кровь брызнула из её прорезанного рта. Капли попали на выползающую тварь и зашипели. — *Я, королева Эмписа, приказываю тебе!*

Оно продолжало появляться, теперь взмахивая обоими своими шипастыми крыльями. Из него брызнули струйки какой-то зловонной жидкости. Свет от разбитых лун продолжал меркнуть, и я едва мог разглядеть горбатое, перекрученное нечто; его бока вздувались внутрь и наружу, как кузнечные меха. Голова Элдена погружалась в чужеземную плоть. Его мёртвое лицо, застывшее в последней маске ужаса, смотрело на нас, как лицо человека, исчезающего в зыбучих песках.

Лай Радар теперь больше походил на крик.

Думаю, это было что-то вроде дракона, но не та-

кого, о котором можно прочитать в любой книге сказок. Он пришёл из-за пределов моего мира. И мира Лии тоже. Тёмный Колодец открылся в другую вселенную, недоступную человеческому пониманию. И приказы Лии не могли остановить его.

Оно появлялось.

Оно появлялось.

Луны уже поцеловались и вскоре оно должно было обрести свободу.

9

Лия не стала больше приказывать. Видимо, она поняла, что это бесполезно. Она только вытянула шею, наблюдая за тем, как эта тварь поднимается из колодца. Осталась только Радар, лающая и лающая, но каким-то образом — чудесным, героическим — стоящая на месте.

Я понял, что погибну, и это будет милосердием. Если только жизнь не продолжится в ужасном адском гудении (*ААААААА*), когда я — и Лия, и Радар — стану частью этого чужеродного организма.

Я читал, что в такие моменты вся жизнь человека проносится у него перед глазами. Передо мной, словно иллюстрации в книге, страницы которой быстро перелистываются, промельк-

нули все сказки, встреченные мной в Эмписе, от обувщицы и гусиной девушки до домов Трёх Маленьких Изгнанниц и злых сестёр, которые никогда бы не взяли свою младшую сестру (или своего младшего изуродованного брата) на бал.

Оно поднималось. Поднималось. Крылья хлопали. Лицо Элдена исчезло в его непостижимых внутренностях.

Потом мне вспомнилась ещё одна сказка.

Давным-давно жил да был подлый человечишка по имени Кристофер Полли, который решил украсть золото мистера Боудича.

Давным-давно жил да был подлый человечишка по имени Питеркин, который пытал Снаба кинжалом.

Давным-давно мою маму сбил грузовик на мосту Сикамор-Стрит-Бридж, и она погибла, когда он впечатал её в одну из опор. Большая часть её тела осталась на мосту, но её голова и плечи упали в реку Литтл-Румпл-Ривер.

Всегда этот Румпельштильцхен. С самого начала. Изначальная сказка, можно сказать. И как же дочь королевы избавилась от этого надоедливого эльфа?

— *Я ЗНАЮ ТВОЁ ИМЯ!* — выкрикнул я. Голос был не моим, так же как многие мысли и озарения

в этой истории не принадлежали семнадцатилетнему парню, впервые оказавшемуся в Эмписе. Это был голос принца. Не этого мира и не моего. Я начал с того, что назвал Эмпис «другим», но *я* сам стал другим. Разумеется, всё ещё Чарли Рид, но я также был кем-то другим, и в мысли, что меня послали сюда — что мои часы начали отсчёт много лет назад, когда моя мать шла по тому мосту, жуя куриное крылышко — именно в этот момент невозможно было усомниться. Позже, когда личность, которая преобладала в том подземном мире, начала угасать, я мог бы усомниться, но тогда? Нет.

— Я ЗНАЮ ТВОЁ ИМЯ, ГОГМАГОГ, И Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ ВЕРНУТЬСЯ В СВОЁ ЛОГОВО!

Оно завопило. Каменный пол задрожал и по нему побежали трещины. Высоко над нами могилы снова выпускали своих мертвецов, и огромная зигзагообразная трещина пересекла Поле Монархов. Огромные крылья захлопали, разбрызгивая вниз вонючие капли, жгущие, как кислота. Но знаете, что? Мне нравился этот вопль, потому что я был тёмным принцем, и я слышал крик боли.

— ГОГМАГОГ, ГОГМАГОГ, ТВОЁ ИМЯ — ГОГМАГОГ!

Оно кричало каждый раз, когда я произносил

его имя. Эти крики разлетались вокруг, но они также звучали глубоко в моей голове, как и гудение, угрожавшее расколоть мой череп. Крылья неистово замахали. Огромные глаза уставились на меня.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ В СВОЁ ЛОГОВО, ГОГМАГОГ! ТЫ МОЖЕШЬ ПРИЙТИ СНОВА, ГОГМАГОГ, ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИЛИ ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ, ГОГМАГОГ, НО НЕ СЕГОДНЯ, ГОГМАГОГ! — Я раскинул руки. — *ЕСЛИ ТЫ ЗАБЕРЁШЬ МЕНЯ С СОБОЙ, ГОГМАГОГ, Я ВЫПУЩУ ТЕБЕ КИШКИ ТВОИМ ЖЕ ИМЕНЕМ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ УМРУ!*

Оно начало отступать, складывая крылья над этими отвратительными вытаращенными глазами. Тварь уползала вниз под звуки жидкого хлюпанья, от которых мне хотелось блевать. Я спрашивал себя, как, чёрт возьми, нам заставить эту гигантскую буровую вышку опустить крышку, но это взяла на себя Лия. Её голос был хриплым и надломленным… но разве это не губы проступали на месте её изуродованного рта? Я не был уверен, но после того, как повидал столько небывальщины, с радостью в это поверил.

— Закройся именем Лии Галлиен.

Медленно — на мой взгляд слишком медленно — стрела буровой вышки начала опускать люк.

Наконец, натяжение троса ослабло и крюк высвободился. Я облегчённо вздохнул.

Лия бросилась в мои объятья, крепко стиснув меня. Я ощутил на шее тепло крови из её нового рта. Что-то врезалось в меня сзади. Это была Радар, задние лапы на полу, передние упёрты в мою задницу, хвост виляет как сумасшедший.

— Как ты узнал? — спросила Лия своим надломленным голосом.

— Из истории, которую рассказала мне моя мать, — ответил я. Что в некотором роде было правдой. Она рассказала её посмертно. — Нам нужно идти, Лия, или придётся искать дорогу в темноте. И тебе лучше прекратить разговаривать. Я вижу, как тебе больно.

— Да, но боль эта прекрасна. — Лия указала на паланкин. — Они должны были захватить по крайней мере один фонарь. У тебя остались спички?

Как ни странно, остались. Мы шли рука об руку к брошенному паланкину, Радар между нами. По пути Лия на секунду наклонилась, но я едва это заметил. Я сосредоточился на том, чтобы добыть какой-нибудь источник света, прежде чем свет от расколовшихся лун полностью померкнет.

Я откинул одну из занавесей паланкина, и там,

съежившись у дальней стенки сидел один из членов свиты Элдена, о котором я забыл. *«Летучий Убийца,* — сказал Персиваль. — *Четверо других. И сучка»*. Или, возможно, он сказал *«шлюха»*.

Волосы Петры выбились из-под нитей жемчуга. Её белый макияж потрескался и потёк.

— Ты всё испортил, проклятый негодник!

Слово «негодник» заставило меня улыбнуться.

— Неа, неа, милочка. Палки и камни могут переломать мне кости, но слова никогда не причинят мне боли.

На маленьком латунном крючке в передней части паланкина висело именно то, на что я надеялся — один из торпедообразных фонарей.

— Я была его супругой, слышишь! Его избранницей! Я позволяла ему прикасаться ко мне этими змеевидными отростками, что раньше были его руками! Я слизывала его слюни! Ему недолго оставалось жить, каждый дурак это понимал, и после него правила бы я!

Это не стоило ответа, по моему скромному мнению.

— *Я могла стать королевой Эмписа!*

Я потянулся за фонарём. Её губы раздвинулись, обнажив заострённые зубы, как у Ханы. Возможно, такова была новая мода при порочном дворе

Летучего Убийцы. Она ринулась вперёд и вонзила свои клыки в мою руку. Меня мгновенно пронзила невыносимая боль. Между её сжатых губ полилась кровь. Глаза Петры вылезли из орбит. Я попытался высвободиться. Моя плоть рвалась, но её зубы остались стиснутыми.

— Петра, — сказала Лия. Её голос понизился до хриплого рычания. — Получи-ка это, поганая карга.

Грохот револьвера мистера Боудича, который подобрала Лия, был оглушительным. В засохшем белом макияже прямо над правым глазом Петры появилась дыра. Её голова откинулась назад, и прежде чем она рухнула на пол паланкина, я увидел то, без чего мог бы обойтись: кусок плоти с моего предплечья, размером с дверную ручку, свисающий с острых зубов.

Лия не медлила. Она сорвала одну из боковых занавесей паланкина, оторвала длинный кусок от нижней части, и обвязала им рану. Стало почти совсем темно. Я потянулся в темноту здоровой рукой, чтобы взять фонарь (мысль, что Петра может ожить и вцепиться и в эту руку, была абсурдной, но стойкой). Я чуть не уронил фонарь. Принц или не принц, меня трясло от шока. Рука ощущалась так, будто Петра не просто укусила её, а облила

рану бензином и подожгла.

— Зажги фонарь, — сказал я. — Спички в кобуре.

Я почувствовал, как Лия шарит у моего бедра, затем услышал, как она чиркает спичкой о борт паланкина. Я наклонил стеклянный колпак фонаря. Она повернула маленькую ручку сбоку, чтобы выдвинуть фитиль, и зажгла его. Потом она забрала у меня фонарь, и хорошо. Я бы уронил его.

Я направился к винтовой лестнице (хотел бы я никогда больше не видеть ни одной из них), но Лия удержала меня и потянула вниз. Я почувствовал, как её растерзанный рот приблизился к моему уху, и Лия прошептала:

— Она была моей двоюродной бабкой.

«Не слишком ли она молода, чтобы быть чьей-то бабкой», — подумал я. Потом вспомнил мистера Боудича, который отправился в путешествие, а вернулся, как собственный сын.

— Давай уберёмся отсюда и никогда больше не станем возвращаться, — сказал я.

10

Мы очень медленно выбирались из ямы. Мне приходилось останавливаться и делать передышку примерно через каждые пятьдесят шагов.

Рука пульсировала с каждым ударом сердца, и я чувствовал, как импровизированная повязка, которую наложила Лия, пропитывается кровью. Перед глазами стояла Петра, падающая замертво с куском моей плоти в зубах.

Когда мы добрались до верха лестницы, мне пришлось сесть. Теперь голова пульсировала так же, как рука. Я вспомнил, как где-то читал, что когда дело доходит до заражения опасной, возможно, даже смертельной инфекцией, с укусом предположительно здорового человека может сравниться только укус бешеного животного… и откуда мне было знать, насколько здоровой была Петра после стольких лет взаимовыгодных отношений (мой разум отбрасывал мысли о настоящем совокуплении) с Элденом? Я представил, как яд струится по моей руке к плечу, а оттуда к сердцу. Убеждать себя, что я и так полон дерьма, не слишком помогало.

Лия дала мне несколько секунд посидеть с Радар, с тревогой тычущейся в моё лицо, затем указала на топливную ёмкость фонаря. Та почти опустела, а свечение от стен пропало вместе со смертью Элдена и капитуляцией Гогмагога. Намёк был ясен: если мы не хотели спотыкаясь пробираться в темноте, нужно было поспешить.

Мы приодолели примерно половину пути по крутому подъёму, ведущему в огромную камеру с двенадцатью расходившимися во все стороны проходами, когда фонарь потускнел и погас. Лия вздохнула, затем сжала мою здоровую руку. Мы медленно пошли дальше. Темнота была неприятна, но когда гудение и шепчущие голоса исчезли, стало не так уж плохо. Чего нельзя было сказать о ране на руке. Укус не затягивался, я чувствовал тёплую кровь на ладони и между пальцев. Радар понюхала её и заскулила. Я подумал о Йоте, умирающем от пореза отравленным кинжалом. Как и вид моей плоти, свисающей с заострённых зубов Петры, это было явно не то, о чём я хотел думать, но ничего не мог с этим поделать.

Лия остановилась и на что-то указала. Я понял, что могу видеть её руку, потому что в проходе снова появился свет. Не болезненно зелёный от этих странных полустеклянных-полукаменных стен, а тёплое жёлтое свечение, то разгорающееся, то затухающее. Когда оно стало ярче, Радар побежала к нему заливаясь лаем.

— Нет! — крикнул я, отчего боль в голове усилилась. — Стой, девочка!

Она не обратила внимания, и лай её был не тем яростным и испуганным, что она издавала

в тёмной вселенной, оставленной нами позади (но недостаточно далеко, никогда не будет достаточно далеко). Это был радостный лай. И что-то находилось внутри этого свечения. Что-то *выпрыгивало* из него.

Радар опустилась, виляя хвостом и всем задом, и Снаб прыгнул ей на спину. За ним следовал рой светлячков.

— Повелитель маленького мира, — сказал я. — Чтоб меня.

Светлячки — их, должно быть, было не меньше тысячи — собрались сияющим облаком над моей собакой и большим красным сверчком у неё на спине, и эти двое были прекрасны в их мерцающем свете. Радар встала на дыбы, думаю, по команде её наездника, не слышимой для человеческого уха. Затем начала подниматься по наклонному полу. Светлячки качнулись назад, кружась над ними.

Лия сжала мою руку. Мы пошли за светлячками.

11

Эрис ждала в похожем на собор помещении с двенадцатью проходами. Снаб привёл нам батальон светлячков, но оставил взвод, чтобы Эрис не

оказалась в полной темноте. Когда мы появились, она подбежала ко мне и обняла. Заметив, что я напрягся от боли, она отстранилась и посмотрела на импровизированную повязку, пропитанную всё ещё сочащейся кровью.

— Всевышние боги, что с тобой случилось? — Затем она посмотрела на Лию и ахнула. — Ох, миледи!

— Слишком много всего рассказывать. — Возможно, чересчур много, чтобы даже начать, подумал я. — Почему ты осталась здесь? Почему не вернулась?

— Меня привёл Снаб. И принёс свет. Как видишь. Вам обоим нужна медицинская помощь, а Фрид не в состоянии.

«*Значит, придётся Клаудии*, — подумал я. — *Клаудия знает, что делать. Если что-то* возможно *сделать*».

— Нам нужно убираться отсюда, — сказал я. — Мне осточертело бродить под землёй.

Я посмотрел на красного сверчка на спине Радар. Он в ответ посмотрел на меня, эти маленькие чёрные глазки придавали ему необычайно торжественный вид.

— Ведите, сэр Снаб, будьте так добры.

Что он и сделал.

12

Несколько человек столпились в помещении для хранения одежды, когда мы наконец вышли. Светлячки взметнулись над их головами световым знаменем. Там стояли Джайя и Персиваль, и несколько моих товарищей по заключению в Глубокой Малин, но я не помню, кто именно. К тому времени у меня ещё хлеще кружилась голова, а головная боль стала такой сильной, будто бы материализовалась в пульсирующий белый шар боли, висящий в трёх дюймах перед моими глазами. Я отчётливо помню только две вещи: на спине Радар больше не было Снаба, и Персиваль выглядел лучше. Невозможно было сказать, насколько, учитывая этот шар боли передо мной и глубинную пульсацию в раненой руке, проникающую до костей, но он выглядел лучше. Я был в этом уверен. Встречающие преклонили колени при виде принцессы, и поднесли ладони к склонённым лбам.

— Встаньте, — прохрипела Лия. Её голос почти пропал, но я думал, что это от чрезмерного напряжения, и со временем он должен вернуться. Мысль о том, что её голосовые связки безвозвратно разорваны, была слишком ужасной.

Они встали. С Лией, поддерживающей меня с одной стороны, и Эрис с другой, мы покинули переполненное людьми хранилище. Я проделал большую часть пути до первой лестницы, потом мои ноги подкосились. Меня несли, может быть, мои друзья по Глубокой Малин, или серые люди; может, все вместе. Я не могу вспомнить. Помню, как меня пронесли через приёмный зал, где я увидел не меньше трёх дюжин серых мужчин и женщин, убирающих бедлам, оставленный там теми придворными короля Джана, которые решили присягнуть на верность Летучему Убийце. Мне показалось, что одной из уборщиц была Дора, с красной тряпкой на голове, поддерживающей волосы и яркими жёлтыми парусиновыми туфлями на ногах. Она поднесла руки ко рту и послала мне воздушный поцелуй пальцами, которые снова стали походить на пальцы, а не на плавники.

«Её там нет, — подумал я. — *Ты бредишь, принц Чарли. Даже если она там, её пальцы не могли так быстро восстановиться. Такое случается только в…»*

Где случается? Ну… в сказках, подобных этой.

Я вытянул шею, чтобы ещё раз взглянуть на ту женщину, когда меня несли в соседнюю комнату,

что-то вроде передней, и увидел яркую головную повязку и ещё более яркую обувь, но я не был уверен, что это Дора. Она стояла на коленях, спиной ко мне, отчищая грязь.

Мы прошли через ещё несколько комнат и по длинному коридору, но к тому времени я уже терял сознание, и был бы рад потерять, если бы это избавило меня от ощущения раскалывающейся головы и горящей пламенем руки. Но я держался. Если я умирал — а мне определённо так казалось, — я хотел сделать это снаружи, вдыхая свежий воздух.

Меня поразил яркий свет. Он усугубил головную боль, но всё равно это было прекрасно, потому что он не походил на нездоровый свет подземного мира под Лилимаром. Даже на более приветливое свечение светлячков. Это был дневной свет, но не только.

Это был *солнечный свет*.

Меня вынесли ему навстречу полусидя-полулёжа. Облака рассеивались, и я видел голубое небо над громадной площадью перед дворцом. Не обрывки синего, а целые акры. *Нет*, мили синевы. И, Бог мой, как же сияло солнце! Я опустил глаза и увидел свою тень. Глядя на неё, я чувствовал себя Питером Пэном, принцем Пропавших

Мальчиков.

Раздались громкие аплодисменты. Городские ворота были открыты, и площадь заполнилась серыми жителями Эмписа. Они увидели Лию и опустились на колени с громким шумом, от которого у меня пробежали мурашки.

Она смотрела на меня. Думаю, этот взгляд говорил, что *мне не помешала бы небольшая помощь*.

— Опустите меня, — попросил я.

Мои носильщики послушались, и я обнаружил, что могу стоять на своих двоих. Боль всё ещё была со мной, но было и ещё что-то. Оно было тогда, когда я не своим голосом выкрикивал имя Гогмагог, и оно не исчезло до сих пор. Я поднял руки, здоровую правую и левую, из которой всё ещё текла кровь, окрашивая в алый цвет новую повязку, чуть раньше наложенную Джайей. Как цвет маков на холме позади маленького домика Доры.

Люди внизу молча ждали, стоя на коленях. И, несмотря на мощь, охватившую меня в тот момент, я вспомнил, что они преклоняли колени не передо мной. Это был не мой мир. Мой мир был другим, но мне оставалось завершить здесь ещё одно дело.

— Слушайте меня, жители Эмписа! Летучий Убийца мёртв!

Толпа взревела криками одобрения и благодарности.

— Тёмный Колодец закрыт, и существо, которое там обитает, заперто внутри!

Снова приветственные крики.

Теперь я почувствовал, как эта мощь, эта *инаковость*, покидает меня, забирая с собой силу, которую я позаимствовал вместе с ней. Скоро я бы снова стал старым добрым Чарли Ридом… если бы укус Петры не прикончил меня.

— Слава Лии, народ Эмписа! Слава Лии Галлиен! СЛАВА ВАШЕЙ КОРОЛЕВЕ!

Думаю, это был подходящий момент для завершения речи, как сказал бы мой отец, но я об этом не узнал, потому что у меня подкосились ноги, и я потерял сознание.

Глава тридцать первая

Посетители. Королева в белом. Милосердие. Вуди и Клаудия. Покидая Эмпис.

1

Я провёл долгое время в красивой комнате с развевающимися белыми занавесками. Окна за ними были открыты, впуская не просто ветерок, а целые галлоны воздуха. Неужели я провёл три недели в этой комнате? Четыре? Я не знаю, потому что в Эмписе не существовало недель. Во всяком случае, наших недель. Солнце всходило и заходило. Иногда по ночам эти занавески освещались светом расколотых лун. Останки Беллы и Арабеллы образовали в небе нечто похожее на ожерелье. Но тогда я этого не видел, только колеблющийся свет сквозь колышущиеся занавески из тончайшего газа. Бывало одна из моих сиделок (Дора была лучшей из них, наша обувная госпожа) хотела закрыть окна, чтобы «ночные испарения» не усугубили моё и без того тяжёлое состояние, но я не позволял этого, потому что воздух был таким сладким. Они повиновались, потому что я был принцем, а моё слово — законом. Я никому из них не сказал, что становлюсь обычным старым Чарли Ридом. Они бы всё равно не поверили.

Многие люди приходили навестить меня в комнате с развевающимися занавесками. Некоторые

из них были мертвы.

Однажды пришёл Йота — я отчётливо помню его визит. Он опустился на одно колено, приложил ладонь ко лбу, затем сел в низкое кресло рядом с моей кроватью, где устраивались мои серые сиделки и соскребали старые припарки (это было больно), промывали рану, а затем накладывали свежие. Эта зеленоватая гадость — изобретение Клаудии — воняла до небес, но действовала успокаивающе. Но это не значит, что я отказался бы от пары таблеток «Адвилла». А ещё лучше «Перкоцета».

— Херово выглядишь, — сказал Йо.

— Спасибо. Очень любезно.

— Это был осиный яд, что прикончил меня, — сказал Йо. — На ноже. Ты помнишь нож и человека за дверью?

Я помнил. Джефф — старое доброе американское имя. Или Джофф — старое доброе британское.

— Думаю, Петра выбрала бы его своим супругом после смерти Элдена, и стала бы королевой.

— Наверное, он попросил одного из серых людей воткнуть нож в гнездо на достаточно долгое время, чтобы он хорошенько покрылся ядом. Беднягу, скорее всего, закусали до смерти.

Я подумал, что это более, чем вероятно, если осы в Эмписе такие же огромные, как тараканы.

— Но разве этому ублюдку было не всё равно? — продолжал Йота. — Неа, неа, только не этому сыну шлюхи. В прежние времена осы не были так опасны, но… — Он пожал плечами.

— Всё изменилось, когда Летучий Убийца стал главным. К худшему.

— К худшему, ага. — Он выглядел довольно забавно, сидя в этом кресле и подтянув колени к ушам. — Нам нужен был спаситель. У нас появился ты. Полагаю, лучше, чем ничего.

Я поднял здоровую руку и показал безымянный палец и мизинец — способ моего старого друга Берти показать кому-нибудь «птичку».

Йота сказал:

— Яд Петры, наверное, не столь смертельный, как на ноже этого ублюдка, но судя по твоему виду, достаточно опасный.

Конечно, опасный. Она слизывала слюну этой элденоподобной твари, и остатки сохранились у неё во рту, когда она укусила меня. Мысль об этом заставила меня содрогнуться.

— Борись, — сказал Йота, вставая. — Борись, принц Чарли.

Я не видел, как он пришёл, но увидел, как ухо-

дил. Он прошёл сквозь колышущиеся занавески и исчез.

Вошла одна из серых сиделок с озабоченным видом. Теперь можно было различить выражения на лицах поражённых недугом; худшие деформации могли остаться, но неуклонное прогрессирование болезни — *проклятия* — было остановлено. Более того, наблюдалось медленное, но неуклонное улучшение. Я заметил первый оттенок цвета на многих серых лицах, и паутина, превратившая руки и ноги в плавники, начала растворяться. Но я не верил, что кто-то из них излечится до конца. Клаудия снова могла слышать — слегка — но я думал, что Вуди навсегда останется слепым.

Сиделка сказала, что услышала мой голос и подумала, что я снова впадаю в бред.

— Я говорил сам с собой, — сказал я; может, так оно и было. Радар даже ни разу не подняла головы.

В гости заскочил Кла. Он не стал утруждать себя приветствием, и не сел в кресло, а просто навалился на кровать.

— Ты схитрил. Если бы ты играл честно, я бы тебя уложил, принц ты или не принц.

— А чего ты ожидал? — спросил я. — Ты по

меньшей мере на сотню фунтов тяжелее и быстрее меня. Скажи, что не поступил бы так же, будь ты на моём месте.

Он рассмеялся.

— Ты сделал меня, отдаю должное, но думаю, что твои дни ломания дубинок о шеи прошли. Ты собираешься поправляться?

— Хер его знает.

Он ещё немного посмеялся и подошёл к колышущимся занавескам.

— У тебя толстая шкура, вот что я скажу. — И он ушёл. Если он вообще там был. *«У тебя толстая шкура, вот что я скажу»* — это была фраза из старого фильма «Ти-Си-Эм» который я смотрел с отцом во времена его запойных дней. Не помню названия фильма, только то, что в нём Пол Ньюман играл индейца. Вы думаете, что в некоторые вещи в моей истории трудно поверить? Попробуйте представить Пола Ньюмана в роли индейца. В такое не сразу поверишь.

В ту ночь — или в какую-то другую, я не уверен — я проснулся от рычания Радар и увидел Келлина, самого Верховного Лорда, сидящего у моей кровати в своём парадном красном смокинге.

— Тебе становится хуже, Чарли, — сказал он. — Они говорят, что укус заживает, может, так и

есть, но инфекция проникла глубоко внутрь. Скоро ты вскипишь. Твоё сердце распухнет и разорвётся, а я буду тебя ждать. Я и мой взвод ночных стражей.

— Побереги дыхание, — сказал я, что было глупо. Он не мог этого сделать, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он был мёртв ещё до того, как до него добрались крысы. — Убирайся, предатель.

Келлин ушёл, но Радар продолжала рычать. Я проследил за её взглядом и увидел в тени Петру, ухмыляющуюся мне своими подточенными зубами.

Дора часто спала в передней, и она прибежала на подгибающихся ногах, когда услышала мой крик. Она не включила газовые лампы, но держала один из фонарей в форме торпеды. Она спросила всё ли у меня в порядке и равномерно ли бьётся моё сердце, потому что всем сиделкам было велено следить за любыми изменениями в его ритме. Я сказал, что со мной всё хорошо, но Дора всё равно пощупала мой пульс и проверила припарку.

— Наверное, это были привидения?

Я указал на угол.

Дора прошлёпала туда в своих великолепных парусиновых туфлях и посветила фонарём. Там

никого не оказалось, но мне и не требовалось убедиться в этом, потому что Радар снова заснула. Дора наклонилась и поцеловала меня в щёку, насколько позволял её изогнутый рот.

— Храшо, храшо, всё храшо. Спи, Чарли. Спи и выздоравливай.

2

Меня также посещали живые. Кэммит и Куилли, затем Стукс, ввалившийся с таким видом, будто это место принадлежало ему. Его рассечённая щека была зашита дюжиной петляющих чёрных стежков, от чего я вспомнил фильм «Франкенштейн», который смотрел по «Ти-Си-Эм» с отцом.

— Останится страшный шрам, — сказал он, потирая шов. — Я никогда больше не буду красивым.

— Стукс, ты не был красивым.

Часто приходила Клаудия, и как-то раз — примерно в то время, когда я стал думать, что, вероятно, выживу — с ней пришёл док Фрид. Одна из сиделок катила его в инвалидном кресле, которое, должно быть, раньше принадлежало королю, потому что спицы колёс выглядели будто из чистого золота. Мой старый заклятый враг

Кристофер Полли обделался бы от зависти.

Покалеченная и инфицированная нога Фрида была ампутирована, и он явно испытывал сильную боль, но походил на человека, который будет жить. Я обрадовался, увидев его. Клаудия осторожно соскребла мою нынешнюю припарку и промыла рану. Затем они склонились над ней так, что их головы почти соприкасались.

— Заживает, — сказал Фрид. — Тебе так не кажется?

— ДА! — выкрикнула Клаудия. Она и впрямь снова могла слышать — во всяком случае, плохо, — но я подумал, что она будет говорить этими монотонными выкриками до конца жизни. — РОЗОВАЯ ПЛОТЬ! НИКАКОГО ЗАПАХА, КРОМЕ ВДОВЬЕГО МХА В ПРИПАРКЕ!

— Может быть, инфекция всё ещё там, — сказал я. — Может быть, она зашла глубоко.

Клаудия и Фрид обменялись удивлёнными взглядами. Док испытывал слишком сильную боль, чтобы улыбаться, поэтому за него это сделала Клаудия.

— ОТКУДА У ТЕБЯ ТАКАЯ ДУРАЦКАЯ МЫСЛЬ?

— А что, нет?

— Болезнь может скрываться, принц Чарли, — сказал док, — но инфекция видна. Она воняет и

гноится. — Он повернулся к Клаудии. — Сколько прилегающей плоти ты удалила?

— ОТ ЛОКТЯ И ПОЧТИ ДО ЗАПЯСТЬЯ! ОНА ВЫРВАЛА ОХУЕННЫЙ КУСОК, И ЭТА ПУСТОТА ОСТАНЕТСЯ, НОВЫЕ МЫШЦЫ НЕ НАРАСТУТ! ТВОИ ДНИ ИГР, ВЕРОЯТНО, ЗАКОНЧИЛИСЬ, ШАРЛИ!

— Но ты сможешь ковырять в носу обеими руками, — сказал Фрид, отчего я рассмеялся. И это было приятно. С тех пор, как я вернулся от Тёмного Колодца, мне хватало ночных кошмаров, но смех был в дефиците.

— Тебе стоит прилечь и пусть кто-то даст тебе того обезболивающего, что тут используют, — сказал я доку. — Маленькие листья, которые надо жевать. Ты выглядишь хуже, чем я.

— Я поправляюсь, — сказал он. — И Чарли… мы обязаны тебе нашими жизнями.

В этом была правда, но не вся. Они также были в долгу перед Снабом. Он отправился туда, куда, наверное, обычно уходят снабы, хотя он мог появиться со временем (он умел это делать). Однако, другое дело Персиваль. Он не пришёл навестить меня сам, поэтому я попросил привести его. Он застенчиво вошёл в комнату с развевающимися занавесками, одетый в поварскую белую форму и прижимая к груди шляпу, похожую на берет. Я

полагаю, так выглядел поварской колпак эмписийского шеф-повара.

Перси глубоко поклонился, отдав честь дрожащей рукой. Он боялся смотреть на меня, пока я не предложил ему сесть в кресло и стакан холодного чая. Я поблагодарил его за всё, что он сделал, и сказал, как я рад его видеть. Это развязало ему язык, сначала немного, а потом сильно. Он сообщил мне новости о Лилимаре, которые никто другой не потрудился передать. Думаю, потому что смотрел на всё глазами рабочего человека.

Улицы приводились в порядок, мусор и каменные обломки убирали с дороги. Сотни людей, которые пришли в город помочь свергнуть гнилое правление Элдена, разъехались по своим городам и фермам, но им на смену пришли сотни других, готовых исполнить свой долг перед королевой Лией, прежде чем вернуться в свои дома в Приморье и Деске. Мне это напоминало проекты УКВР,[51] о которых я читал в школе. Они мыли окна, засаживали сады, и кто-то, разбирающийся в водопроводной системе, запустил фонтаны, один за другим. Мёртвые, не находившие покоя, были перезахоронены. Некоторые магазины снова

[51] Примечания: 51
Управление по контролю выполнения работ.

открылись. И ещё больше должны были открыться. Голос Персиваля всё ещё звучал невнятно и искажённо, иногда его трудно было понять, но я избавлю вас от этого.

— Стекло в трёх шпилях меняется с каждым днём, принц Чарли! От этого уродливого тёмно-зелёного до синего, каким оно было в прежние времена! Умные люди, которые помнят, как раньше всё работало, снова протягивают трамвайные провода. Пройдёт много времени, прежде чем вагончики снова побегут, а эти чёртовы штуки всегда ломались даже в лучшие времена, но всё равно приятно.

— Я не понимаю, *как* они ездят, — сказал я. — Там же нет электричества, кроме того маленького генератора на одном из нижних уровней дворца, который, как мне кажется, принёс мой друг мистер Боудич.

Персиваль выглядел озадаченным. Он не понимал слово *«электричество»*, которое было произнесено скорее на английском, чем на эмписийском.

— Энергия, — сказал я. — Откуда трамваи берут энергию?

— О! — Его лицо, бугристое, но идущее на поправку, просияло. — Энергию, конечно же, дают

станции. Это…

И теперь он произнёс слово, которое не понял *я*. Перси понял это, и изобразил рукой волнистое движение.

— Станции на реке, принц Чарли. На ручьях, если они большие. И на море — о, там есть огромная станция в Приморье.

Думаю, он говорил о какой-то форме гидроэнергии. Если да, то я так и не понял, как она накапливалась. В Эмписе было много такого, что осталось для меня загадкой. По сравнению с тем, как он вообще мог существовать — и *где* — вопрос о накоплении энергии казался пустяковым. Почти бессмысленным.

3

Солнце вставало, солнце садилось. Люди приходили, люди уходили. Некоторые мёртвые, а некоторые живые. Та, кого я больше всего хотел увидеть — та, кто ходила со мной к колодцу — не приходила.

Но однажды она появилась. Гусиная девушка, которая теперь была королевой.

Я сидел на балконе за занавесками, глядя вниз на центральную дворцовую площадь, и вспоминал неприятные вещи, когда белые занавески

качнулись наружу, а не внутрь, и она встала между ними. На ней было белое платье, её худую (всё ещё слишком худую) талию опоясывала тонкая золотая цепочка. На её голове не было короны, но на одном пальце я заметил кольцо с бабочкой. Я догадался, что это печатка королевства, одновременно служившая регалией, чтобы не таскать на себе тяжёлую золотую корону.

Я встал и поклонился, но прежде чем успел приложить руку ко лбу, она взяла её, сжала и поместила между своих грудей.

— Неа, неа, не нужно, — сказала Лия с такой идеальной интонацией простого рабочего, что я рассмеялся. Её голос всё ещё был сиплым, но уже не надсадным. Правда, прекрасный голос. Думаю, он звучал не так, как до проклятия, но всё равно приятно. — Лучше обними меня, если позволит твоя раненая рука.

Рука позволяла. Я крепко её обнял. Почувствовал слабый запах духов, что-то вроде жимолости. Мне казалось, я мог бы обнимать её вечно.

— Я думал, ты не придёшь, — сказал я. — Думал, ты отвергаешь меня.

— Я была очень занята, — ответила она, но отвела глаза в сторону.

— Посиди со мной, моя дорогая. Я хочу посмот-

реть на тебя, и нам нужно поговорить.

4

Примерно полдюжины сиделок, которые ухаживали за мной, были отпущены для выполнения других обязанностей — в течение недель после падения Летучего Убийцы недостатка в работе не было, — но Дора осталась. Она принесла нам большой кувшин эмписийского чая.

— Я много пью, — сказала Лия. — Сейчас мне уже не больно разговаривать… ну, если только чуть-чуть… но у меня всегда сухо в горле. И мой рот — ты и сам видишь.

Он больше не был сросшимся, но остались грубые шрамы, которые никуда не исчезнут. Её губы представляли собой заживающие раны, покрытые тёмно-красной коркой. Уродливая язва, через которую она питалась, почти полностью сошла, но её рот никогда не будет полностью подвижным, точно так же, как у Вуди не восстановится зрение, а Клаудия не сможет в полной мере слышать. Я вспомнил слова Стукса: *я никогда больше не буду красивым.* И королева Лия из рода Галлиенов — тоже, но это не имело значения. Потому что она была прекрасна.

— Я не хотела, чтобы ты видел меня такой, —

сказала она. — Когда я нахожусь с людьми — кажется с утра и до ночи — я едва удерживаюсь, чтобы не спрятать лицо. Когда смотрю в зеркало… — Она подняла руку. Я взял её, прежде чем она успела поднести руку ко рту, и решительно положил ей на колено.

— Я бы с радостью поцеловал тебя, если бы это не причинило боль.

Она улыбнулась в ответ на это. Однобоко, но очаровательно. Может быть, *потому*, что улыбка была однобокой.

«Я всё равно люблю тебя», — подумал я.

— Сколько тебе лет? — Конечно это был нахальный вопрос для королевы, но мне нужно было знать, на какую любовь рассчитывать.

— По крайней мере, вдвое старше тебя. Возможно, ещё старше.

Я подумал о мистере Боудиче.

— Ты ведь не крутилась на солнечных часах, правда? Тебе же не сто лет или типа того?

Она выглядела удивлённой и испуганной одновременно.

— Никогда. Никто не ступает на солнечные часы, потому что это опасно. Когда на Поле Монархов проходили игры и состязания — и это случится снова, хотя сначала предстоит много

работы по восстановлению, — солнечные часы были зафиксированы на месте, обездвижены и надёжно охранялись. Чтобы кто-нибудь из тысяч пришедших в те дни не поддался искушению. Они очень старые. Как-то раз Элден сказал мне, что они находились там ещё до основания Лилимара, и даже до самой мысли о возведении этого города.

Услышав это, мне стало не по себе. Я наклонился и погладил свою собаку, которая свернулась калачиком у меня между ног.

— *Радар* побывала на них. Это основная причина, по которой я пришёл сюда, потому что она умирала. Как ты, наверное, знаешь от Клаудии.

— Да, — сказала Лия, и наклонилась, чтобы тоже погладить Радар. Радс сонно посмотрела на неё. — Но твоя собака — животное, она не подвержена дурным наклонностям, что таятся в сердцах каждого мужчины и женщины. Наклонности, которые погубили моего брата. Думаю, в твоём мире они тоже есть.

Я не мог с этим поспорить.

— Ни один член королевской семьи не пошёл бы на это, Чарли. Часы меняют разум и сердце. И это ещё не всё.

— Мой друг мистер Боудич воспользовался

ими, но он не был плохим человеком. Вообще-то, он был хорошим.

Это правда, но, оглядываясь назад, я понял, что это *не совсем* правда. Справиться с замкнутостью и раздражительностью мистера Боудича было нелегко. Нет, почти невозможно. Я бы сдался, если бы не моё обещание перед Богом (*Богом моего понимания*, всегда говорят люди из группы АА моего отца). И я бы никогда не познакомился с ним, если бы он не упал с лестницы и не сломал себе ногу. У него не было ни жены, ни детей, ни друзей. Он был одиночкой и барахольщиком, хранил ведро с золотом в своём сейфе и любил свои старые вещи: мебель, журналы, телевизор, старый «Студебекер» в хранилище. Он был, как он сам говорил, трусом, который дарил подарки, вместо того, чтобы занять твёрдую позицию. Если хотите начистоту — не я, но вы — то он был похож на Кристофера Полли. То есть, на Румпельштильцхена. Не хотелось бы мне проводить такое сравнение, но оно само напрашивалось. Если бы я не пришёл, если бы мистер Боудич не любил свою собаку, он бы умер в одиночестве в своём доме на холме. И проход между мирами, оставшийся без присмотра, наверняка бы обнаружили. Неужели он никогда не думал об этом?

Лия смотрела на меня, вертя на пальце кольцо с печаткой, и улыбаясь своей однобокой улыбкой.

— Был ли он хорошим сам по себе? Или ты сделал его хорошим, принц Чарли?

— Не называй меня так, — сказал я. Если я не мог быть её принцем, то не хотел быть ничьим. И я даже не стоял перед выбором. Мои волосы снова потемнели, а глаза возвращались к своему привычному цвету.

Она поднесла руку ко рту, затем снова заставила себя опустить её на колено.

— Хороший сам по себе, Чарли? Или ты был его милостью от высших богов?

Я не знал, как ей ответить. Большую часть своего пребывания в Эмписе я чувствовал себя старше, и иногда сильнее, но сейчас ощутил себя снова слабым и неуверенным. Видеть мистера Боудича без смягчающей призмы воспоминаний, — это шокировало. Я вспомнил, каким был воздух в том старом доме № 1 по Сикамор-Стрит, пока я не проветрил его: кислым и пыльным. *Затхлым*.

Она спросила, и не без тревоги.

— *Ты* ведь не заходил на них, не так ли?

— Нет, только снял Радар. Точнее, она спрыгнула. Но я почувствовал их силу. Могу я задать тебе

один вопрос?

— Да, конечно.

— Золотая платформа. Мы поднялись, чтобы спуститься. Вниз по этой винтовой лестнице.

Она слегка улыбнулась — на большее она не была способна.

— Да. Это было рискованно, но мы справились.

— Лестница между стен вела до самой подземной камеры?

— Да. Элден знал два пути. Этот, и тот, что вёл из маленькой комнаты с одеждой. Могут быть и другие, но мне он их никогда не показывал.

— Тогда, почему мы пошли длинным путём? — *«И чуть не упали»*, — почти вырвалось у меня.

— Потому что ходили слухи, что Летучий Убийца не мог пройти больше нескольких шагов. Это делало пусть по лестнице между стен более безопасным. И я не хотела нарваться на его свиту, но, в конце концов, выбора не было.

— Если бы мы не остановились в покоях Верховного Лорда… Йота мог бы выжить!

— Мы сделали то, что должны были сделать, Чарли. Ты был прав насчёт этого. Я была неправа. Во многом неправа. Мне нужно, чтобы ты знал это, и знал ещё кое-что. Теперь я уродлива от кончика носа до…

— Нет, ты не…

Она подняла руку.

— Тихо! Ты видишь во мне друга, я люблю тебя за это и всегда буду любить. Остальные не видят и не увидят. И всё же, будучи королевой, мне придётся выйти замуж, пока я не состарилась. Уродлива или нет, найдётся много желающих, кто примет меня, по крайней мере, при выключенном свете, а чтобы произвести на свет наследника, поцелуи не нужны. Но мужчины, которые прокатились на солнечных часах, даже на полоборота, — бесплодны. Как и женщины. Солнечные часы дают жизнь, но также отбирают её.

Что, полагаю, объясняло, почему не было маленьких Боудичей.

— Но Петра…

— *Петра!* — Она презрительно рассмеялась. — Всё, чего хотела Петра, это стать королевой развалин, созданных моим братом. И она всё равно была бесплодна. — Лия вздохнула, опустошила стакан и налила новый. — Она была сумасшедшей, и она была жестокой. Если бы Лилимар и Эмпис оказались в её руках, она бы каталась на солнечных часах снова и снова, и снова. Ты сам видел, какой она была.

Я видел. И почувствовал. И всё ещё чувствовал,

хотя её яд вышел из моей раны, и боль сменилась сильным зудом, который, как заверяла Дора, со временем должен пройти.

— Элден был другой причиной, почему я так долго не приходила к тебе, Чарли, хотя мысли о тебе никогда не покидали меня, и, полагаю, никогда не покинут.

Я чуть не спросил, уверена ли она, что я слишком молод для неё, но промолчал. Во-первых, я не должен был становиться супругом королевы, не говоря о том, чтобы стать королём. Во-вторых, у меня остался отец, который был бы невероятно рад узнать, что я всё ещё жив. Была и третья причина для возвращения. Угроза, которую Гог-магог представлял для моего мира, возможно, миновала (по крайней мере, на время), но также существовала угроза, которую мой мир мог представлять для Эмписа. Если бы стало известно о всех его несметных богатствах, к которым вёл проход из обычного сарая в Иллинойсе.

— Ты был там, когда я убила своего брата. Я любила его таким, каким он когда-то был, я пыталась видеть его таким, каким он когда-то был, но ты вынудил меня увидеть монстра, которым он стал. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю его и то, что я сделала. Я вспоминаю,

чего мне это стоило. Ты понимаешь это?

— Это не был плохой поступок, Лия. Ты поступила правильно. Ты спасла королевство, и не для того, чтобы стать королевой. Ты спасла его, потому что оно нуждалось в спасении.

— Это правда, и нет нужды в ложной скромности между нами двоими, которые через столько прошли, но ты по-прежнему не понимаешь. Видишь ли, я *знала*. Что Летучий Убийца был моим братом. Клаудия рассказала мне много лет назад, и я назвала её лгуньей. Пока я с тобой, я всегда буду осознавать, что должна была сделать это раньше. Что удерживало меня, так это эгоистичная потребность помнить его таким, какой он был. Пока страдало королевство, я кормила своих гусей, ухаживала за садом и жалела себя. Ты… прости, Чарли, но когда я вижу тебя, я чувствую свой позор. Что я сделала выбор: быть немой фермершей, пока моя земля и мой народ медленно погибают вокруг меня. *И всё это время я знала.*

Она плакала. Я потянулся к ней. Она покачала головой и отвернулась, как будто не могла вынести, что я вижу её слёзы.

Я сказал:

— Когда ты пришла, Лия, я вспоминал о плохом поступке, который совершил. Это постыдная

вещь. Могу я рассказать тебе?

— Если хочешь. — Всё ещё не глядя на меня.

— У меня был друг, Берти Бёрд. Хороший друг, но не совсем хороший товарищ, если ты понимаешь, о чём я. После смерти моей матери, у меня настали трудные времена. И у отца тоже, но я не сильно задумывался о его трудных временах, потому что я был всего лишь ребёнком. Всё, что я знал, это только то, что нуждаюсь в нём, но отца все равно что не было. Думаю, ты понимаешь меня.

— Ты знаешь, что да, — ответила Лия, и выпила ещё чаю. Она почти опустошила кувшин, а он был большой.

— Мы совершили несколько плохих поступков. Но тот, который я вспоминал… у нас есть парк, через который мы обычно срезали путь от школы до дома. Кавано-Парк. И как-то раз мы увидели там калеку, который кормил голубей. На нём были шорты, а на ногах большие скобы. Мы с Берти подумали, что он выглядит глупо. Берти назвал его Робочелом.

— Я не понимаю, что это…

— Не бери в голову. Это неважно. Он был калекой, который сидел на скамейке и наслаждался солнечным деньком; мы с Берти переглянулись,

и Берти сказал: «Давай стащим его костыли». Полагаю, сработала наклонность, о которой ты говорила. Зло. Мы налетели на него и отобрали костыли; он кричал, чтобы мы вернули их, но мы не слушали. Мы отнесли костыли на край парка и бросили в пруд с утками. Берти бросил один, а я бросил второй. Смеясь всю дорогу. Мы выбросили костыли калеки в воду, и я не представляю, как он вообще добрался до дома. Разлетелись брызги, а мы всё смеялись.

Я налил остатки чая. Хватило только на половину стакана, и это хорошо, потому что моя рука дрожала, а из глаз текли слёзы. Я не плакал с тех пор, как в Глубокой Малин вспоминал отца.

— Зачем ты рассказал мне это, Чарли?

Я этого не знал, когда начинал рассказ — подумал, что это единственная история, о которой я никому не рассказывал, — но теперь понял.

— Я украл твои костыли. В своё оправдание могу сказать только, что я должен был это сделать.

— Ах, Чарли. — Она коснулась моей щеки. — В любом случае, ты не смог бы обрести покой здесь. Ты не из этого мира, ты другой, и если ты вскоре не вернёшься, то обнаружишь, что не можешь жить ни в том, ни в другом мире. — Она встала. — Я должна идти. Слишком много дел.

Я проводил её до двери. В восьмом классе на уроке английского языка мы изучали хайку, и мне вспомнилось одно из них. Очень нежно я прикоснулся кончиками пальцев к её покрытым коркой губам.

— Когда есть любовь, шрамы так же красивы, как ямочки на щеках. Я люблю тебя, Лия.

Она так же нежно коснулась моих губ.

— Я тоже люблю тебя.

Она выскользнула за дверь и исчезла.

5

На следующий день в гости пришли Эрис и Джайя, обе в рабочей одежде и больших соломенных шляпах. Все, кто работал под открытым небом, теперь носили шляпы, потому что солнце светило каждый день, как будто компенсируя годы облачности, а кожа у всех — не только у тех из нас, кто долгое время провёл в местах не столь отдалённых — была белая, как рыбье брюхо.

Мы отлично посидели. Женщины говорили о работе, которой занимались, а я рассказал им о своём выздоровлении, почти полном. Никто из нас не хотел вспоминать Глубокую Малин и «Честного», побег и ночных стражей. И уж точно не мертвецов, которых мы оставили позади.

Они рассмеялись, когда я рассказал им, с каким важным видом пришёл Стукс. Но воздержался от рассказов о полуночных визитах Келлина и Петры — в них не было ничего смешного. Я узнал, что из Крэтчи прибыла группа великанов, чтобы присягнуть на верность своей королеве.

Джайя заметила мой рюкзак и опустилась перед ним на колени, скользя ладонями по его красному нейлону и чёрным нейлоновым лямкам. Эрис склонилась рядом с Радар, запуская руки в её шёрстку.

— Ооо, — произнесла Джайя, — это *красиво*, Чарли. Оно было сделано там, откуда ты пришёл?

— Да. — Скорее всего, во Вьетнаме.

— Я бы многое отдала, чтобы иметь такое же. — Она подняла рюкзак за лямки. — И такое тяжёлое! Ты сможешь его унести?

— Я попытаюсь, — ответил я, и вынужден был улыбнуться. Конечно, рюкзак был тяжёлым — кроме моей одежды и обезьянки Радар, там лежал дверной молоток из чистого золота. Клаудия и Вуди настояли, чтобы я взял его.

— Когда ты уходишь? — спросила Эрис.

— Дора говорит, если завтра я смогу дойти до городских ворот и обратно без обморока, то послезавтра.

— Так скоро? — спросила Джайя. — Как жаль! Знаешь, по вечерам устраиваются веселья, когда дневная работа окончена.

— Думаю, тебе придётся повеселиться от души за нас обоих, — сказал я.

Тем вечером Эрис вернулась. Она была одна, волосы распущены, вместо рабочей одежды — красивое платье, и она не стала тратить времени попусту. Или слов.

— Ты ляжешь со мной, Чарли?

Я сказал, что был бы счастлив лечь с ней, если она простит мне любую неуклюжесть, из-за того, что я до сих пор не имел такого удовольствия в своей жизни.

— Прелестно, — сказала она, и начала расстёгивать платье. — Сможешь потом использовать то, чему я тебя научу.

Касаемо того, что последовало дальше… если это был секс в благодарность, я не хотел об этом знать. А если это был секс из милосердия, всё, что я могу сказать, это «ура милосердию».

6

У меня было ещё два посетителя, прежде чем я покинул Лилимар. Клаудия вошла, ведя под руку Вуди в чёрном пальто из альпаки. Шрамы

на месте глаз Вуди уменьшились и разошлись, но в щёлках была видна только белизна.

— МЫ ПРИШЛИ ПОЖЕЛАТЬ ТЕБЕ ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО! — выпалила Клаудия. Она стояла близко к левому уху Вуди, и тот отстранился, слегка поморщившись. — МЫ НИКОГДА НЕ СМОЖЕМ ОТБЛАГОДАРИТЬ ТЕБЯ, КАК СЛЕДУЕТ, ШАРЛИ. ТЕБЕ ПОСТАВЯТ ПАМЯТНИК ВОЗЛЕ БАССЕЙНА ЭЛЬЗЫ. Я ВИДЕЛА ЭСКИЗЫ, И ОНИ ДОВОЛЬНО…

— Эльза мертва, с копьём в кишках. — Я не понимал, что злюсь на них, пока не услышал свой голос. — Погибло много людей. Тысячи, десятки тысяч, насколько я знаю. Пока вы оба сидели на своих задницах. Лию я могу понять. Она была ослеплена любовью. Она не могла поверить, что её брат был тем, кто сотворил всё это… это *дерьмо*. Но вы двое верили, вы *знали*, и продолжали сидеть на задницах.

Они ничего не ответили. Клаудия не смотрела на меня, а Вуди не мог.

— Вы были членами королевской семьи, единственными, кто остался, кроме Лии. По крайней мере, единственными, в ком жила надежда. За вами бы последовали.

— Нет, — сказал Вуди. — Ты ошибаешься, Чарли. Только Лия могла сплотить людей. Твой

приход заставил её сделать то, что должна делать королева, — возглавлять.

— Ты когда-нибудь ходил к ней? Говорил ей, в чём заключается её долг, независимо от того, насколько это болезненно? Вы были старше, предположительно мудрее, и вы никогда не давали ей наставлений?

Снова тишина. Они были цельными людьми, и, следовательно, не были прокляты серостью, но они страдали от своих собственных недугов. Я мог понять, как это ослабило их, и вселило в них страх. Но я всё равно был зол.

— Она нуждалась в вас!

Клаудия потянулась и взяла меня за руки. Я чуть не вырвал их, но не стал этого делать. Тихим голосом, который она сама, вероятно, не слышала, она сказала:

— Нет, Шарли, ты был тем, в ком она нуждалась. Ты был обещанным принцем, и теперь обещание выполнено. То, что ты говоришь, — правда. Мы были слабы, мы потеряли мужество. Но, прошу тебя, не покидай нас в гневе. Пожалуйста.

Знал ли я до этого, что человек может выбрать не злиться? Сомневаюсь в этом. Но я знал, что тоже не хотел уходить таким образом.

— Хорошо. — Я говорил достаточно громко,

чтобы она расслышала. — Но только потому, что я потерял твой трёхколёсник.

Она откинулась назад с улыбкой. Радар уткнулась носом в ботинок Вуди. Он наклонился, чтобы погладить её.

— Мы никогда не сможем отплатить тебе за храбрость, Чарли, но если у нас есть что-то, чего ты хочешь, оно твоё.

Ну, у меня был дверной молоток, который по ощущениям весил около четырёх фунтов, и если цена на золото была примерно такой же, как когда я уходил из Сентри, он стоил около 84000 долларов. Если добавить к этому гранулы в ведре, то я был неплохо упакован. Жизнь на широкую ногу, как говорится. Но *была* одна вещь, которая мне бы пригодилась.

— Что насчёт кувалды?

Не совсем то, что я сказал, но они уловили суть.

7

Я никогда не забуду ту ужасную крылатую тварь, которая пыталась вылезти из Тёмного Колодца. Это плохое воспоминание. Хорошим, чтобы уравновесить его, был отъезд из Лилимара на следующий день. Нет, *«хорошее»* — это недо-

статочно хорошо. Это прекрасное воспоминание, из тех, которые достаёшь, когда ни у кого нет для тебя доброго слова, и жизнь кажется такой же безвкусной, как ломтик чёрствого хлеба. Было прекрасно не потому, что я уходил (хотя я был бы откровенным лжецом, не сказав, с каким нетерпением жаждал встречи с отцом); это было прекрасно, потому что мне устроили проводы достойные… я хотел сказать, *достойные короля*, но, полагаю, «достойные уходящего принца», который возвращался обратно к жизни парня из пригорода Иллинойса.

Я ехал в повозке, запряжённой парой белых мулов. Дора, с красным платком на голове и в изящных парусиновых туфлях, держала поводья. Радар сидела позади нас, навострив уши и медленно покачивая хвостом взад-вперёд. По обе стороны Галлиенской дороги стояли серые люди. Когда мы приблизились, они опустились на колени, приложив ладони ко лбу, затем встали, ликуя, пока мы проезжали мимо. Рядом с нами семенили мои оставшиеся в живых товарищи по Глубокой Малин; Эрис катила дока Фрида в его инвалидном кресле с золотыми спицами. Один раз она взглянула на меня и подмигнула. Я тотчас ответил ей тем же. Над нами пролетело

облако бабочек-монархов, настолько густое, что оно затмило небо. Несколько приземлилось мне на плечи, медленно расправляя крылья, и одна села на голову Радар.

У открытых ворот стояла Лия, одетая в платье такого же сочного синего цвета, какими стали шпили, с короной Галлиенов на голове. То, как она расставила ноги, напомнило мне, как она стояла на каменных ступенях над Тёмным Колодцем с обнажённым мечом. Решительная.

Дора остановила мулов. Толпа, следовавшая за нами, стихла. В руках Лия держала венок из кроваво-красных маков, единственных цветов, которые продолжали расти в годы серости, и я не был удивлён — как, думаю, и вы — узнав, что жители Эмписа называли эти цветы Красной Надеждой.

Лия повысила голос, чтобы её услышали те, кто толпился на улице позади нас.

— Это принц Чарли, и он теперь отправляется к себе домой! Он уносит с собой нашу благодарность и мою бесконечную признательность! Проводите его с любовью, жители Эмписа! Таково моё веление!

Они отреагировали возгласами одобрения. Я склонил голову, чтобы принять венок… и спря-

тать слёзы. Потому что, ну вы знаете, в сказках принц никогда не плачет. Королева Лия поцеловала меня, и хотя её губы были искалечены, это был лучший поцелуй в моей жизни, по крайней мере, после смерти мамы.

Я всё ещё ощущаю его.

Глава тридцать вторая

Вот ваш счастливый конец.

1

В мою последнюю ночь в Эмписе я остановился там же, где и в первую, — в маленьком

домике Доры недалеко от колодца миров. Мы поели рагу, затем вышли на улицу посмотреть на огромное золотое обручальное кольцо в небе, в которое превратились Белла и Арабелла. Оно было очень красивым, как иногда бывают сломанные вещи. Я снова задался вопросом, где же находится этот мир, и решил, что это не имеет значения; того, что он *существовал*, было достаточно.

Я снова заснул у очага Доры, положив голову на подушку с бабочками. Я спал без ночных посетителей и без дурных снов об Элдене или Гогмагоге. Уже было позднее утро, когда я наконец проснулся. Дора усердно работала на швейной машинке, которую ей принёс мистер Боудич; слева от неё лежала груда разбитой обуви, а справа — починенной. Мне стало интересно, как долго ещё продлится это занятие?

Мы в последний раз поели вместе: бекон, толстые ломтики домашнего хлеба и омлет из гусиных яиц. Когда с едой было покончено, я в последний раз застегнул оружейный ремень мистера Боудича. Затем встал на колено и приложил ладонь ко лбу.

— Неа, неа, Чарли, встань. — Её голос всё ещё был сдавленным и хриплым, но улучшался с каж-

дым днём. Даже с каждым часом. Я поднялся. Дора вытянула руки. Я не просто обнял её, а поднял и закружил, от чего она рассмеялась. Затем она опустилась на колени и скормила моей собаке два кусочка бекона из фартука.

— Райи, — сказала она, и обняла её. — Я люблю тебя, Райи.

Она прошла со мной половину подъёма на холм к свисающим вьюнкам, скрывающим вход в туннель. Эти вьюнки теперь зеленели. Мой рюкзак за спиной был тяжёлым, а кувалда, которой я размахивал правой рукой, была ещё тяжелее, но солнце светило мне в лицо, и это было прекрасно.

Дора в последний раз обняла меня, и в последний раз погладила Радар. В её глазах стояли слёзы, но она улыбалась. Теперь она *могла* улыбаться. Остаток пути я прошёл без неё, и увидел ещё одного старого друга, красного на фоне зелёных вьюнков. Радар тут же упала на брюхо. Снаб проворно запрыгнул ей на спину и посмотрел на меня, шевеля усиками.

Я сел рядом с ними, снял рюкзак, и расстегнул молнию.

— Как поживаете, сэр Снаб? Нога совсем зажила?

Радар гавкнула.

— Хорошо, это хорошо. Но дальше вы пойти не можете, так? Воздух моего мира воспрепятствует этому.

Сверху на дверном молотке, завернутое в футболку Хиллвью-Хай, лежало то, что Дора назвала *ай-ы-ой-ё*, что, как я понял, означало *«малыш-огонёк»*. У неё всё ещё оставались проблемы с согласными, но, я думал, это исправится со временем. Малыш-огонёк представлял собой огарок свечи в круглом стакане. Я нацепил рюкзак, откинул стеклянный колпачок и зажёг свечу серной спичкой.

— Пошли, Радс. Пора.

Она поднялась на лапы. Снаб прыгнул вниз. Он остановился, ещё раз глянул на нас своими серьёзными чёрными глазками, затем упрыгнул в траву. Я видел его на мгновение дольше, потому что он двигался в неподвижном воздухе, а маки качались на ветру. Потом он исчез.

Я бросил последний взгляд с холма на дом Доры, который казался намного лучше — уютнее — при солнечном свете. Радар тоже обернулась. Дора помахала рукой под рядами висящей обуви. Я помахал в ответ. Затем подобрал кувалду и смахнул в сторону свисающие вьюнки, открывая

темноту за ними.

— Хочешь пойти домой, девочка?

Моя собака вошла внутрь.

2

Мы достигли границы между мирами, и я почувствовал дезориентацию, которую помнил по прошлым прохождениям. Меня немного качнуло и малыш-огонёк погас, хотя сквозняка не было. Я велел Радар сидеть, и достал ещё одну спичку из пустой петли для патронов в ремне мистера Боудича. Я чиркнул головкой о шершавый камень и снова зажёг свечку. Гигантские летучие мыши всполошились над головой, но потом успокоились. Мы пошли дальше.

Когда мы подошли к колодцу с его спиральными узкими ступенями, я заслонил свечу и посмотрел наверх, надеясь, что не увижу света, проникающего снаружи. Свет означал бы, что кто-то передвинул доски и стопки журналов, которыми я замаскировал вход. И это было бы плохо. Мне показалось, что я и правда увидел слабый свет, но, вероятно, так и должно было быть. Всё-таки маскировка не была идеальной.

Радар поднялась на четыре или пять ступеней, затем оглянулась посмотреть, иду ли я.

— Неа, неа, собачка, я — первый. Не хочу, чтобы ты путалась под ногами, когда мы поднимемся наверх.

Она повиновалась, но не очень охотно. Нюх у собак по меньшей мере в сорок раз острее, чем у людей. Может, она почувствовала запах своего старого мира, ожидающего наверху. Если да, то для неё этот подъём был настоящим испытанием, потому что мне приходилось то и дело останавливаться для передышки. Я чувствовал себя лучше, но поправился не до конца. Фрид советовал мне не напрягаться, и я пытался следовать указаниям доктора.

Когда мы добрались до верха, я с облегчением увидел, что последняя пачка журналов, которую я, спускаясь, держал на голове, как мешок с бельём, всё ещё на месте. Я задержался под ней на минуту, а скорее на две или три. На этот раз не просто отдохнуть. До этого мне не терпелось поскорее попасть домой и не терпелось сейчас, но теперь к этому прибавился страх. И я слегка тосковал по тому, что только что оставил позади. В том мире был дворец, прекрасная принцесса и храбрые деяния. Может быть, где-то — возможно, у побережья Приморья — всё ещё обитали русалки, поющие друг другу. В нижнем мире я был

принцем. В верхнем мне пришлолсь бы писать заявление в колледж и выносить мусор.

Радар уткнулась носом в моё колено и два раза громко гавкнула. Кто сказал, что собаки не умеют говорить?

— Ладно, ладно.

Я приподнял головой стопку журналов, поднялся на ступеньку и оттолкнул её в сторону. Я раздвинул стопки с обеих сторон, медленно, потому что моя левая рука работала так себе (сейчас уже лучше, но она никогда не будет прежней, как в мои футбольные и бейсбольные дни — спасибо Петра, сука ты такая). Радар гавкнула ещё несколько раз, просто чтобы поторопить меня. Я без труда проскользнул между досок, которыми прикрыл колодец — за время пребывания в Эмписе я сильно похудел, особенно в Глубокой Малин, — но сначала мне пришлось вывернуться из-под рюкзака и протолкнуть его через пол. Когда я выбрался, моя левая рука гудела. Радар выскочила следом за мной с завидной лёгкостью. Я проверил глубокую рану, оставленную укусом Петры, боясь, что она могла открыться, но она выглядела в порядке. Что меня удивило, так это холод, стоявший в сарае. Я видел пар от своего дыхания.

Сарай был точно таким, как я его оставил. Свет, который я видел снизу, просачивался сквозь щели в стенках. Я попробовал открыть дверь, и обнаружил, что она заперта на висячий замок снаружи. Энди Чен сделал это по моей просьбе. На самом деле я не верил, что кто-нибудь проверит одиноко стоящий сарай в поисках меня (или моего тела), но всё равно почувствовал облегчение. Однако, это означало, что мне придётся воспользоваться кувалдой. Что я и сделал. Одной рукой.

К счастью доски были старыми и сухими. Одна треснула после первого удара и сломалась после второго, впустив поток дневного света Иллинойса… и маленький снежный вихрь. Подбадриваемый лаем Радар, я сломал ещё две доски. Радс прыгнула в проём и сразу же присела на корточки, чтобы пописать. Я ещё раз взмахнул кувалдой и выбил ещё один длинный кусок доски. Бросил свой рюкзак наружу, повернулся боком и вышел на солнечный свет. А также на четырёхдюймовый слой снега.

3

Радар запрыгала по двору, время от времени останавливаясь, чтобы зарыться мордой в снег и подбросить его в воздух. Она вела себя, как

щенок, заставив меня рассмеяться. Я вспотел от подъёма по лестнице и махания кувалдой, так что когда добрался до заднего крыльца, меня била дрожь. Температура была не выше двадцати пяти градусов.[52] Вдобавок дул сильный ветер, так что ощущалось всё это вдвое холоднее.

Я достал запасной ключ из-под коврика (который мистер Боудич называл «добро проваливать») и вошёл внутрь. В доме пахло затхлостью и было холодно, но кто-то — почти наверняка мой отец — немного прибавил температуру, чтобы трубы не замёрзли. Я вспомнил, что видел старую куртку в шкафу, и она всё ещё была там. А также пара галош с красными шерстяными носками, свисающими с голенищ. Галоши были мне тесны, но долго носить их не пришлось бы. Просто прогуляться вниз по холму. Оружейный ремень и револьвер отправились на полку шкафа. Я собирался положить их в сейф позже… разумеется, если сейф с его секретным содержимым всё ещё был на месте.

Мы вышли через задний ход, обогнули дом и прошли через калитку, которую в самый первый день мне пришлось перелезть в ответ на вой Ра-

---

[52] Примечания: 52
По Фаренгейту или — 3,9 градуса Цельсия.

дар и слабые крики мистера Боудича о помощи. Теперь мне казалось, что с тех пор минуло сто лет. Я начал поворачивать в сторону Сикамор-Стрит-Хилл, но кое-что привлекло моё внимание. Если точнее, то это *я* привлёк своё внимание. Потому что на телефонном столбе на перекрёстке Сикамор и Пайн висело моё лицо. Так получилось, что это была фотография из младших классов, и первое, что меня поразило в ней — как молодо я выглядел. *«Этот ребёнок жил, ничего ни о чём не зная,* — подумал я. — *Может быть, он считал по-другому, но нет, нет».*

Большими красными буквами над изображением было написано: **ВЫ ВИДЕЛИ ЭТОГО МАЛЬЧИКА?**

Ярко-красными буквами под ним: **ЧАРЛЬЗ МАКДЖИ РИД, 17 ЛЕТ.**

И ещё ниже: **Чарльз «Чарли» Рид пропал в октябре 2013 года. Его рост — 6 футов и 4 дюйма, вес — 235 фунтов. Последний раз его видели…**

И так далее. Глаз зацепился за две вещи: насколько потрёпанным выглядело объявление и насколько сильно оно ошибалось насчёт моего веса. Я огляделся, почти ожидая увидеть миссис Ричлэнд, смотрящую на меня, прикрывая глаза рукой, но на посыпанном солью тротуаре стояли

только мы с Радар.

На полпути к дому я остановился, охваченный внезапным порывом — диким, но сильным — развернуться. Пройти через калитку дома № 1 по Сикамор, обойти его вокруг, зайти в сарай, спуститься по лестнице и наконец оказаться в Эмписе, где я бы выучился ремеслу и устроил свою жизнь. Возможно, пошёл бы в ученики к Фриду, который сделал бы из меня костоправа.

Потом я подумал об этом объявлении и об остальных таких же, по всему городу или по всей округе, расклеенных моим отцом и дядей Бобом, а также поручителем отца, Линди. Может, и остальными его друзьями по АА. Если только он не начал снова пить.

Пожалуйста, Боже, нет.

Я снова зашагал, позвякивая пряжками калош покойника, а помолодевшая собака покойника следовала за мной по пятам. Навстречу мне по склону поднимался маленький мальчик в стёганой красной куртке и зимних штанах. От тащил сани за кусок бельевой верёвки. Вероятно, направлялся к горке в Кавано-Парк.

— Постой, малыш.

Он недоверчиво посмотрел на меня, но остановился.

— Какой сегодня день? — Слова вылетели достаточно гладко, но, казалось, у них были углы. Полагаю, это бессмысленно, но именно так они и ощущались, и я знал почему. Я снова говорил по-английски.

Он бросил на меня взгляд, в котором спрашивалось: родился ли я тупым или стал таким?

— Суббота.

Значит отец должен был находиться дома, если только не ушёл на встречу АА.

— Какой месяц?

Теперь его взгляд говорил: а сам-то как думаешь?

— Февраль.

— 2014?

— Ага. Мне надо идти.

Он продолжил свой путь к вершине холма, бросив на нас с собакой недоверчивый взгляд через плечо. Вероятно, убедиться, что мы не следуем за ним со злым умыслом.

Февраль. Меня не было четыре месяца. Странно думать об этом, но не так странно, как то, что я видел и что делал всё это время.

4

Я постоял перед домом минуту или около того, собираясь с духом, чтобы зайти внутрь. Надеясь, что не найду своего отца в отключке на диване с «Моя дорогая Клементина» или «Поцелуй смерти», идущими по «Ти-Си-Эм». Подъездная дорожка была расчищена плугом, а пешеходная — лопатой. Я сказал себе, что это хороший знак.

Радар устала ждать меня и взбежала по ступенькам, где села в ожидании, когда её впустят. Когда-то давно у меня был ключ от двери, но я его где-то потерял по пути. *«Как трёхколёсник Клаудии*, — подумал я. — *Не говоря уж о девственности»*. Оказалось, что это не имело значения. Дверь была не заперта. Я вошёл, услышал телевизор — новостной канал, не «Ти-Си-Эм», — а затем Радар побежала по коридору с приветственным лаем.

Когда я вошёл в гостиную, она стояла на задних лапах, положив передние на газету в руках моего отца. Он посмотрел на Радар, потом на меня. На мгновение показалось, что он не понимает, кто стоит в дверном проёме. Когда до отца дошло, то от шока мышцы его лица расслабились. Я никогда не забуду, как в этот момент узнавания он

одновременно выглядел старше — как мужчина, каким он стал бы в шестьдесят или семьдесят лет, — и моложе, как парень, которым он был в моём возрасте. Будто какие-то внутренние солнечные часы повернулись в обе стороны сразу.

— Чарли?

Он начал вставать, но сначала ноги не удержали его, и он плюхнулся обратно. Радар сидела рядом с его креслом, похлопывая хвостом.

— Чарли? Это правда ты?

— Это я, пап.

В этот раз ему удалось подняться. Он плакал. Я тоже начал плакать. Он побежал ко мне, споткнулся о столик и упал бы, если бы я не поймал его.

— Чарли, Чарли, слава Богу, я думал ты умер, мы все думали, что ты…

Он потерял дар речи. Мне нужно было многое ему сказать, но в тот момент я тоже не мог говорить. Мы обняли друг друга, стоя над Радар, которая сидела между нами, виляя хвостом и лая. Думаю, я знаю, чего вы хотите, и теперь вы его получили.

Вот ваш счастливый конец.

Эпилог

Ответы на вопросы (по крайней мере, на некоторые). Последнее путешествие в Эмпис.

1

Если вы думаете, что в этой истории есть

места, непохожие на написанные семнадцатилетним юношей, то вы правы. Я вернулся из Эмписа девять лет назад. С тех пор я много читал и писал. Я почти с отличием окончил Нью-Йоркский университет по специальности «английский язык». Сейчас я преподаю в Колледже свободных искусств в Чикаго, где провожу хорошо посещаемый семинар под названием «Мифы и сказки». Меня считают довольно талантливым, в основном из-за расширенной версии эссе, которое я написал, будучи аспирантом. Оно было опубликовано в «Международном журнале юнгианских исследований». Гонорар был мизерный, но оценка критиков…? Бесценна. И, вероятно, вы догадались, что я процитировал некую книгу, на обложке которой изображена воронка, заполняющаяся звёздами.

Приятно знать, скажете вы, *но у меня есть вопросы.*

И не только у вас. Я тоже хотел знать, как проходит правление доброй королевы Лии. Хотел знать, все ли серые люди по-прежнему серые. По-прежнему ли громогласна Клаудия. Я хотел знать, заблокирован ли путь в этот ужасный подземный мир — логово Гогмагога. И кто «позаботился» об оставшихся ночных стражах, и кто

из моих товарищей по заключению в Глубокой Малин поспособствовал их скорейшему концу (вероятно, никто, но мечтать не вредно). Я даже хотел знать, как ночные стражи открывали двери наших камер, просто вытянув руки.

Полагаю, вам интересно, как дела у Радар. Ответ: очень хорошо, спасибо, хотя она стала более медлительной; всё-таки для неё тоже прошло девять лет, пришла глубокая старость для немецкой овчарки, особенно если сложить вместе её старую жизнь и новую.

Вы бы хотели знать, рассказал ли я своему отцу, где пробыл эти четыре месяца. Если позволите, ответ я позаимствую у одного маленького мальчика с санками, он был написан у него на лице: *а сами-то как думаете?* Как я мог не рассказать? Или я должен был сказать отцу, что некое чудодейственное лекарство, полученное в Чикаго, превратило Радар из престарелой собаки, страдающей артритом и стоящей на пороге смерти, в здоровую и крепкую овчарку, которая выглядела и вела себя, словно ей четыре года от роду?

Я не рассказал ему всего сразу, это было бы слишком, но поведал ему основные моменты. Что существует проход между нашим миром и другим. (Я не стал называть его Эмписом, а просто

сказал «Другой» — так я назвал его, когда посетил в первый раз). Я сообщил отцу, что попал в него из сарая мистера Боудича. Он слушал внимательно, затем спросил — как вы, наверное, догадались — где я был *на самом деле*.

Я показал отцу свою руку и глубокую рану на предплечье, которая останется со мной на всю жизнь. Это не убедило его. Я открыл рюкзак и показал ему золотой дверной молоток. Он осмотрел его, взвесил в руке, и предположил — неуверенно, — что это, должно быть, позолоченная штука с дворовой распродажи, сделанная из свинца.

— Распили её и посмотри сам. Всё равно его придётся переплавить перед продажей. В сейфе мистера Боудича стоит ведро золотых гранул — и они из того же места. Я покажу тебе, когда ты будешь готов увидеть. На них он и жил. Я сам продал некоторое количество ювелиру в Стэнтонвилле, мистеру Хайнриху. Сейчас он мёртв, так что, полагаю, придётся найти кого-то другого для ведения дел.

Это немного убедило отца, но что действительно заставило его поверить, так это Радар. Она знала дорогу в нашем доме ко всем своим излюбленным местам, но по-настоящему убедительными были небольшие шрамы на её морде,

оставшиеся от неприятной встречи с дикобразом в молодости (некоторых собак это ничему не учит, но Радс хватило одного раза). Отец заметил их, пока собака жила у нас, после того, как мистер Боудич сломал ногу, и после его смерти — когда она тоже была на грани. Эти же шрамы остались на омоложенной Радар, вероятно, потому что я стащил её с солнечных часов до того, как она достигла и миновала возраст, когда получила колючки в нос. Папа долго смотрел на них, потом взглянул на меня широко раскрытыми глазами.

— Это невозможно.

— Я знаю, так кажется, — сказал я.

— В сейфе мистера Боудича правда стоит ведро с золотом?

— Я покажу тебе, — повторил я. — Когда будешь готов. Я знаю, это очень тяжело принять.

Он сидел на полу, скрестив ноги, гладил Радар и думал. Через какое-то время он сказал:

— Этот мир, который, как ты утверждаешь, ты посетил, — волшебный? Как Ксанф из книг Пирса Энтони, что ты читал в младших классах? Гоблины, василиски, кентавры и всё такое?

— Не совсем, — сказал я. Никогда не видел кентавра в Эмписе, но если там были русалки… и великаны…

— Могу я пойти туда?

— Думаю, ты должен, — сказал я. — По крайней мере, один раз. — Потому что Эмпис не совсем похож на Ксанф. В книгах Пирса Энтони не было Глубокой Малин или Гогмагога.

Мы отправились туда неделю спустя — принц, который больше не был принцем, и мистер Джордж Рид из «Рид Иншуранс». Я провёл ту неделю дома, питаясь старой доброй американской едой, спал на старой доброй американской кровати и отвечал на вопросы старых добрых американских копов. Не говоря уж о вопросах дяди Боба, Линди Франклина, Энди Чена, некоторых руководителей школы, и даже миссис Ричлэнд, местной проныры. К тому времени мой отец уже видел ведро с золотом. Я также показал ему малыша-огонька, который он осмотрел с большим интересом.

Хотите узнать историю, что мы придумали на скорую руку с отцом… который, так уж случилось, был крутым страховым следователем, помните? Тем, кто знал множество ловушек, в которые попадали лжецы, а значит знал, как их избежать. Вероятно, вы хотите, но давайте я просто скажу, что свою роль сыграла амнезия, и добавлю, что собака мистера Боудича умерла в Чикаго до того,

как я попал в беду, которую не могу вспомнить (хотя я, кажется, *помню*, как меня ударили по голове). Наша с отцом нынешняя собака — это Радар II. Готов поспорить, что мистеру Боудичу, который вернулся в Сентри под видом собственного сына, это бы понравилось. Билл Харримэн, репортёр из «Уикли Сан», просил меня об интервью (должно быть, он узнал новости от кого-то из копов). Я отказался. Меньше всего я нуждался в огласке.

Вам интересно, что случилось с Кристофером Полли, мерзким маленьким Румпельштильцхеном, который хотел убить меня и украсть сокровища мистера Боудича? Мне тоже было интересно, и «Гугл» ответил на этот вопрос.

Если вы вернётесь к началу моей истории, то, возможно, вспомните, как я боялся, что мы с отцом окажемся бездомными и будем спать под эстакадой со всеми нашими пожитками, вмещающимися в магазинной тележке. Этого не случилось с нами, но случилось с Полли (хотя я не уверен насчёт магазинной тележки). Полиция нашла его тело под эстакадой Трай-Стэйт-Толлвэй в Скоки. Ему нанесли несколько ножевых ранений. Хотя при себе у него не было ни бумажника, ни удостоверения личности, его отпечатки

оказались в досье, как часть длинного списка арестов, начавшихся ещё в подростковом возрасте. В новостной статье цитировался капитан Брайан Бэйкер, который сказал, что жертва не могла защитить себя, потому что оба его запястья были сломаны.

Я убеждал себя, что Полли, скорее всего, в любом случае не пережил бы нападение — он был от горшка два вершка, и я забрал его пистолет, — но я не мог быть в этом уверен. Я также не уверен, что мотивом для убийства стала добыча, полученная при ограблении ювелирного магазина. Может, он проболтался не тому человеку, когда хотел сбыть награбленное, и поплатился за это жизнью? Я не знаю, не могу знать, но в глубине души я в это верю. Я сомневаюсь, что Полли умер в то же самое время, когда Рыжая Молли смахнула Питеркина со своего пути, да так сильно, что этого противного карлика разорвало пополам, но допускаю, что это возможно.

Я могу успокаивать себя тем, что Полли сам навлёк беду на себя, и это правда, но когда представляю, как он поднимает свои бесполезные руки, пытаясь отразить удары ножа того, кто стоял над ним на коленях в том заваленном мусором переходе, я не могу избавиться от чувства

жалости и стыда. Вы можете сказать, что у меня нет причин испытывать стыд, что я сделал то, что должен был, чтобы спасти свою жизнь и тайну сарая, но стыд подобен смеху. И вдохновению. Он не стучит в дверь.

2

В субботу, после того, как я вернулся домой, со Скалистых гор налетела сильная снежная буря. Мы с отцом доковыляли до дома мистера Боудича — я был в обуви, от которой мои ноги не сводило судорогой — и зашли с заднего хода. Папа с неодобрением посмотрел на пробитую стенку сарая.

— Это нужно будет починить.

— Я знаю, но только так я мог выбраться наружу после того, как Энди повесил замок на дверь.

В малыше-огоньке не было необходимости, потому что мы захватили два фонарика. Радар осталась дома. Если бы мы вышли из туннеля с ней, она тут же устремилась бы к Дому Обуви, а я не хотел встречаться с Дорой. Я не хотел видеть никого, кто мог узнать меня. Лишь хотел убедить отца, что другой мир реален, а потом убраться назад. Было и кое-что ещё — странное и, возможно, эгоистичное чувство: я не хотел слышать, как

отец говорит по-эмписиански. Это было моё.

Мы спустились по винтовой лестнице, я шёл впереди. Отец всё повторял, что не может в это поверить, не может в это поверить. Я молил Бога, чтобы не подтолкнуть его к психическому срыву, но учитывая ставки, у меня не было другого выбора.

Я до сих пор так считаю.

В туннеле я сказал ему светить под ноги.

— Потому что тут водятся летучие мыши. Большие. Не хочу, чтобы они летали вокруг нас. А ещё мы подойдём к месту, в котором у тебя может закружиться голова; будет ощущение, будто ты вышел из собственного тела. Это граница.

— Кто создал это? — тихо спросил он. — Господи Иисусе, Чарли, *кто это создал*?

— Можешь заодно спросить, кто создал мир.

Наш или другие. Я уверен, что есть другие, может быть, столько, сколько звёзд на небе. Мы ощущаем их. Они дотягиваются до нас во всех старых сказках.

Мы подошли к переходу, и отец чуть не упал, но я был наготове и поддержал его за поясницу.

— Может, нам стоит повернуть назад, — сказал он. — У меня крутит живот.

— Ещё немного. Видишь свет впереди?

Мы подошли к вьюнкам. Я сдвинул их в сторону, и мы вышли в Эмпис, с безоблачным голубым небом над нами и домом Доры внизу холма. На перекрещивающихся верёвках не висела обувь, но рядом с Царской дорогой паслась лошадь. Расстояние было слишком велико, чтобы сказать наверняка, но я почти уверен, что узнал эту лошадь, а почему бы и нет? Королева больше не нуждалась в Фаладе, чтобы говорить, а город — это не место для лошади.

Мой отец оглядывался по сторонам с широко раскрытыми глазами и с отвисшей челюстью. В траве прыгали сверчки, не красные.

— Бог мой, они такие *большие*!

— Видел бы ты кроликов, — сказал я. — Сядь, пап. — *Пока не упал*, чуть не добавил я.

Мы сели. Я дал ему немного времени всё осмыслить. Он спросил, как может быть небо *под землёй*. Я сказал, что не знаю. Он спросил, почему здесь так много бабочек, и все они монархи, и я снова ответил, что не знаю.

Он указал на дом Доры.

— Кто там живёт?

— Это дом Доры. Я не знаю её фамилии.

— Она дома? Мы можем увидеть её?

— Я привёл тебя сюда не для встреч, папа, я

привёл тебя убедиться, что этот мир реален, и мы никогда больше сюда не придём. Никто из нашего мира не должен знать о нём. Это будет катастрофа.

— Зная то, что мы сделали со многими коренными народами, не говоря уже о нашем собственном климате, я вынужден согласиться с тобой. — Он начинал владеть ситуацией, и это было хорошо. Я боялся отрицания, или сумасшествия. — Что ты думаешь делать, Чарли?

— То, что мистер Боудич должен был сделать много лет назад.

И почему не сделал? Думаю, из-за солнечных часов. *Дурные наклонности живут в сердцах каждого мужчины и каждой женщины*, сказала Лия.

— Пойдём, пап. Нужно возвращаться.

Он встал, но замер, чтобы ещё раз взглянуть, пока я отводил в сторону вьюнки.

— Он прекрасен, не правда ли?

— Теперь да. И таким он должен остаться.

Мы защитили Эмпис от нашего мира, а также защитили наш мир — хотя бы попытались — от Эмписа. Потому что под Эмписом находится мир тьмы, где Гогмагог продолжает жить и править. Возможно, теперь, когда Белла и Арабелла обменялись последним сокрушительным поцелуем,

он никогда не сможет выбраться, но когда дело касается таких непознанных существ, лучше быть настороже. По крайней мере, настолько, насколько это вообще возможно.

Той весной мы с отцом заделали дыру, которую я пробил в стенке сарая. Летом я работал на «Крамер Констракшен», в основном в офисе, из-за моей руки, но я также провёл немало напряжённых часов, изучая всё, что мог, о бетоне. Много чего есть на старом добром «Ютьюб», но когда тебе нужно выполнить по-настоящему важную работу, ничто не сравнится с практическим опытом.

За две недели до того, как я уехал на свой первый семестр в Нью-Йоркском университете, мы с отцом закрыли колодец стальными листами. За неделю до моего отъезда, мы залили их и весь пол сарая бетоном. Пока он был влажным, я посоветовал Радар оставить отпечатки лап.

Признаюсь вам честно: погребение колодца под сталью и семью дюймами бетона, ранило моё сердце. Где-то внизу остался мир, полный волшебства, в котором живут люди, которых я люблю. В особенности одного человека. Пока бетон медленно вытекал из бетономешалки, которую я позаимствовал у «Крамера», я думал о

Лии, стоящей на лестнице с обнажённым мечом, расставив ноги в боевой стойке. И о том, как она разрезала свой сросшийся рот, чтобы выкрикнуть имя своего брата.

Я только что солгал, ясно? Моё сердце не просто болело, оно кричало «нет, нет и *нет*». Оно спрашивало, как я могу оставить чудо позади и повернуться спиной к волшебству. Оно спрашивало, действительно ли я собирался заткнуть воронку, в которую падали звёзды.

Я сделал это, потому что должен был. Папа понимал меня.

3

Снятся ли мне сны, спросите вы? Конечно. Некоторые из них о существе, появляющемся из колодца, и я просыпаюсь, зажимая рот руками, чтобы заглушить крик. Но с годами эти кошмары приходят всё реже. В последнее время мне чаще снится поле, покрытое маками. Мне снится Красная Надежда.

Мы поступили правильно, я это знаю. Единственное, что я знаю. Мой отец до сих пор присматривает за домом № 1 по Сикамор-Стрит. Я часто приезжаю и делаю то же самое, и в конце концов, я вернусь в Сентри навсегда. Возможно,

женюсь, и когда у меня будут дети, дом на холме перейдёт им. И когда они будут маленькими, зная в этой жизни только удивление, я буду читать им старые сказки, те, которые начинаются словами *«давным-давно»*.

25 ноября 2020 — 7 февраля 2022